ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
ЦЕНТР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

*

INSTITUTE OF WORLD HISTORY
CENTRE FOR INTELLECTUAL HISTORY
RUSSIAN SOCIETY OF INTELLECTUAL HISTORY

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

73

DIALOGUE WITH TIME

DIALOGUE WITH TIME

INTELLECTUAL HISTORY REVIEW

2020 Issue 73

EDITORIAL COUNCIL

Carlos Antonio AGUIRRE ROJAS
La Universidad Nacional
Autónoma de Mexíco

Mikhail V. BIBIKOV
Institute of World History RAS

Vera P. BUDANOVA
Institute of World History RAS

Tamara A. BULYGINA
North-Caucasus Federal University

Wojciech WRZOSEK
Uniwersytet im. Adama Mickiewica
w Poznaniu

Piama P. GAIDENKO
Institute of Philosophy RAS

Stefano GARZONIO
Università di Pisa, Italia

Galina I. ZVEREVA
Russian State University
for the Humanities

Valentina P. KORZUN
Omsk State University

German P. MYAGKOV
Kazan Federal University

Igor V. NARSKIJ
National Research
South Ural State University,
Cheljabinsk

Valery V. PETROFF
Institute of Philosophy RAS

Jefim I. PIVOVAR
Russian State University
for the Humanities

Jörn RÜSEN
Kulturwissenschaftliche Institut, Essen

Irina M. SAVELIEVA
Higher School of Economics
National Research University

Gyula SZVÁK
Eötvös Loránd University,
Budapest, Hungary

Andrej B. SOKOLOV
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky

Rolf TORSTENDAHL
Uppsala Universitet, Sweden

Victoria I. UKOLOVA
Moscow State Institute of International
Relations (University) MFA of Russia

Nina A. KHACHATURIAN
Lomonosov Moscow State University

Chen QINENG
The Institute of World History,
Chinese Academy of Social Sciences

Pavel P. SHKARENKOV
Russian State University
for the Humanities

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ
АЛЬМАНАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
2020 Выпуск 73

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Карлос Антонио АГИРРЕ РОХАС
Национальный автономный университет Мехико

В. В. ПЕТРОВ
Институт философии РАН

М. В. БИБИКОВ
Институт всеобщей истории РАН

Е. И. ПИВОВАР
Российский государственный гуманитарный университет

В. П. БУДАНОВА
Институт всеобщей истории РАН

Йорн РЮЗЕН
Институт наук о культуре, Эссен, ФРГ

Т. А. БУЛЫГИНА
Северо-Кавказский федеральный университет

И. М. САВЕЛЬЕВА
Высшая школа экономики Национальный исследовательский университет

Войцех ВЖОСЕК
Университет им. Адама Мицкевича, Познань, Польша

Дюла СВАК
Будапештский университет имени Лоранда Этвеша

П. П. ГАЙДЕНКО
Институт философии РАН

А. Б. СОКОЛОВ
Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского

Стефано ГАРДЗОНИО
Пизанский университет, Италия

Рольф ТОШТЕНДАЛЬ
Уппсальский Университет, Швеция

Г. И. ЗВЕРЕВА
Российский государственный гуманитарный университет

В. И. УКОЛОВА
Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

В. П. КОРЗУН
Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Н. А. ХАЧАТУРЯН
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Г. П. МЯГКОВ
Казанский федеральный университет

Чен ЧИНУН
Институт мировой истории Академии социальных наук, КНР

И. В. НАРСКИЙ
Национальный исследовательский Южно-Уральский государственный университет, Челябинск

П. П. ШКАРЕНКОВ
Российский государственный гуманитарный университет

ББК 63.3

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН
Лорина Петровна РЕПИНА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АФАНАСЬЕВА А. Э., кандидат исторических наук, доцент
ВЕДЕШКИН М. А., кандидат исторических наук (отв. секретарь)
ВИШЛЕНКОВА Е. А., доктор исторических наук, профессор
ВОРОБЬЕВА О. В., кандидат исторических наук, доцент
ГОРЕЛОВ М. М., кандидат исторических наук
ИОНОВ И. Н., кандидат исторических наук
КИСЕЛЕВА М. С., доктор философских наук, профессор
КОРЧИНСКИЙ А. В., кандидат филологических наук, доцент
МАЛОВИЧКО С. И., доктор исторических наук, профессор
НЕДАШКОВСКАЯ Н. И., кандидат филологических наук, доцент
ПЕТРОВА М. С., доктор исторических наук, доцент (зам. гл. редактора)
РУМЯНЦЕВА М. Ф., кандидат исторических наук, доцент
СЕЛУНСКАЯ Н. А., кандидат исторических наук
СЕРЕГИНА А. Ю., доктор исторических наук
СТОГОВА А. В., кандидат исторических наук, доцент
ЭКШТУТ С. А., доктор философских наук

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ 73

М.: Аквилон, 2020. — 462 с.

Журнал «Диалог со временем» посвящен проблемам интеллектуальной истории, которая изучает исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты.

ISSN 2073–7564
Эл. № ФС 77-53624

DIALOGUE WITH TIME 73

Moscow: Aquilo-Press, 2020. — 462 p.

Journal “Dialogue with Time” is specially intended for consideration of the problems of intellectual history understood as a study of historical aspects of all kinds of human creative activity, including its conditions, forms and products.

Подписной индекс в общероссийском каталоге «Роспечать» — **36030**

© Общество интеллектуальной истории, 2020
© Институт всеобщей истории, 2020
© Издательство «Аквилон», 2020
© Журнал «Диалог со временем», 2020
Репродуцирование (воспроизведение) данного издания или его части любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

ИДЕИ И ЦЕННОСТИ В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН / IDEAS AND VALUES IN AN ERA OF CHANGE

В специальной рубрике настоящего выпуска журнала представлены материалы Международного научного семинара «Россия и Британия: Идеи и Ценности в эпоху Перемен (XVII–XVIII вв.)», который состоялся 10 июля 2020 года под эгидой Российского научного фонда[1], на базе Уральского федерального университета, при поддержке University of London School of Slavonic and East European Studies (SEESE) Университетского колледжа Лондона (UCL). Данный семинар, объединивший усилия трех десятков ведущих отечественных и зарубежных русистов и англоведов[2], стал логическим продолжением Международного научного семинара «Интеллектуалы и власть в Британии и России в эпоху перемен (XVII–XVIII вв.)» (сентябрь 2019 года)[3].

В определении контуров и критериев сравнительно-исторического анализа путей формирования культурной/национальной/имперской идентичности в Британии и России XVII–XVIII вв., центральное место заняла проблематика взаимосвязи формирования «национальной идеи» и «имперского проекта» как «траектории» преодоления системного кризиса «бунташного» XVII века в широком контексте формирования новой культуры – «культуры Разума». Была высказана гипотеза, что именно взаимодействие и напряженность двух этих «идей» – «национальной идеи» и «имперского проекта» – позволили России и Британии практически одновременно достигнуть ранга «великой державы», что хронологически совпадает с 1688–1715/1725 гг. Исследователи выявили особое интеллектуальное влияние и значимость в процессе этого трансфера таких национальных «окраин» как Шотландия и Украина для Британии и России соответственно. Другим важным результатом семинара стало установление корреляции между идеей Левиафана Т. Гоббса и «регулярным государством» Петра I. Это новое представление о светском государстве базировалось на идеях «славы отечества», «жертвенности» ради него и идее «службы/служения» ему. Участники семинара особое внимание уделили феномену складывания гражданского общества. Его формирование в Британии было в основном сосредоточено в городах и составляло пропорционально незначительную часть населения, что вполне соответствовало просвещенному слою служилого дворянства в России. Надо заметить, что в центре этой но-

[1] При финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00186 «“Культура Духа” vs “Культура Разума”: Интеллектуалы и Власть в Британии и России в эпоху Перемен (XVII–XVIII вв.)».

[2] В рубрику включены также несколько текстов по данной проблематике, которые не были представлены в программе семинара.

[3] Основная проблематика и содержание представленных докладов и дискуссий проанализированы в статье: Репина, Высокова 2019: 418-426.

вой нарождающейся – посредством артикулированного высказывания – гражданской идентичности по-прежнему находился образ монарха как «отца отечества». Однако такого высокого критического накала в отношении к власти в России как в Британии не было, хотя многоголосие мнений отчетливо слышно в журнальной полемике екатерининского времени, а также – в циркуляции альтернативных версий национального прошлого России в XVIII в. Наиболее трудным для исследовательского «схватывания» стал процесс формирования «новой» культурной идентичности, сопряженный с переходом от универсальных ценностей христианского канона к личностным началам индивидуалистической морали (что в свою очередь было связано с формированием новой символико-смысловой, идеально-ценностной и морально-нравственной сферы). Именно здесь проявляется «особость» русской культуры. Библейская мудрость «издревле» бытовала в России на родном языке и здесь не потребовался ее перевод в процессе становления территориально-национального государства. В последней трети XVII в. в России наблюдается взлет проповеднического искусства – кристаллизация рациональности шла в рамках сложившегося церковно-славянского канона, где «милосердие» и «любовь» рассматривались как основа жизненного уклада. Проповедь брала на себя функции не только поучения и увещевания, но в обличительном и патетическом дискурсе формировала модель поведения, целью которой было обретение стабильности, или «благодати». Подводя итог в целом можно сказать, что «эпоха перехода» порождает такую новую форму деятельности как артикулирование мысли /смыслов, роль интеллектуальных практик резко возрастает. Слово становится точкой приложения сил и раскрытия творческого потенциала литературно одаренных мастеров. Контроль и воздействие на общество осуществляется теперь не столько властными ресурсами, сколько способностью продуцировать и легитимировать идеи, значения, смыслы и знания. Таким образом, проделанная работа участниками семинара доказывает, что одной из ключевых исследовательских стратегий изучения трансформационных процессов Раннего Нового времени является анализ складывания «культуры Разума» сквозь призму персоналий интеллектуалов, выступавших как носителями интеллектуальных традиций, так и проводниками инновационных интерпретационных моделей, что и было продемонстрировано на конкретном материале в представленных докладах.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Репина Л.П., Высокова В.В. В поисках компаративного подхода: опыт сопоставления русской и британской культур XVII–XVIII вв. // Диалог со временем. 2019. Вып. 69. С. 418-426. [Repina L.P., Vysokova V.V. V poiskah komparativnogo podhoda: opyt sopostavleniya russkoj i britanskoj kul'tur XVII–XVIII vv. // Dialog so vremenem. 2019. Vyp. 69. S. 418-426].

А.Б. Соколов

ГОББС И КЛАРЕНДОН
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ

В статье рассмотрены аспекты взаимоотношений и взглядов двух выдающихся английских интеллектуалов XVII века Томаса Гоббса и Эдварда Хайда (первого графа Кларендона). Политическое учение, разработанное в сочинениях Гоббса, самым знаменитым из которых является «Левиафан», провозглашало законность всякой власти, в том числе основанной на завоевании, и полное право суверена на жизнь и собственность подданного. Одним из первых критиков был Кларендон, который в «Кратком обзоре и исследовании опасных и вредных для церкви и государства ошибок в книге мистера Гоббса» указал на искусственный и механистический характер идеологических построений своего оппонента. В статье внимание обращено на общие черты и различия в биографиях двух мыслителей, предопределившие их интеллектуальное противостояние, на глубокие отличия в понимании природы человека и взаимоотношений между людьми. Опираясь на подходы кембриджской школы, автор акцентирует значение контекста в конструировании и восприятии политической риторики, что подтверждается примером Гоббса, учение которого воспринималось как защита Карла I в 1640-х., как обоснование законности республики индепендентов и протектората в 1650-х, как выражение лояльности реставрированной монархии Стюартов в 1660-х гг. Автор заключает, что критическая оценка Кларендоном учения Гоббса нашла продолжение в просветительской идеологии, обосновывавшей концепцию народного суверенитета.

Ключевые слова: *Гоббс, Кларендон, общественный договор, страх, власть, государство, индепенденты*

Правители-автократы всех времен и народов, считающие своих подданных «овцами» и «крысами», могли бы установить (вскладчину) памятник английскому философу Томасу Гоббсу за его вклад в теоретическое обоснование их прав на послушание. В январе 1649 года в Лондоне по приговору созданного охвостьем Долгого парламента Верховного трибунала путем отрубания головы был казнен английский король Карл I. Известие об этом цареубийстве шокировало европейские дворы, даже в далекой Московии было объявлено о лишении английских купцов торговых привилегий за то, что «англичане всею землёю сделали злое дело, Карлуса короля убили до смерти». Для эмигрантов-роялистов, покинувших Англию после поражения в гражданских войнах, вопрос о преемственности власти не стоял: «Король умер – да здравствует король». Для них законным монархом стал Карл II. Иное дело – те, кто потерпел поражение и остался в Англии. Как бы они ни симпатизировали в душе Стюартам, им приходилось признавать сложившуюся политическую реальность – власть победителей, индепендентов, Государственного совета, созданного по воле этой группировки. Для тех, кто в Париже, дилеммы нет, «а что с теми, кто застрял в Уилтшире? Там над тобой завис вопрос не о правомерности, а о самосохранении. Все остальное самообман и чушь собачья. Ясные и неизбежные тревоги заполняли го-

лову любого разумного человека. Что случится со мной и моими близкими? Кому следует подчиняться? От кого зависит моя элементарная безопасность? Кто остановит разноголосицу мнений и религий, чтобы они не стали причинами бесконечной убийственной войны (а Гоббс считал, что никакими судебными решениями их не преодолеть). Кто остановит солдат, сжигающих жилища, крадущих скот и убивающих беззащитных? Кто принудит к договору, мерилу справедливости? Кто позволит спокойно спать в своих постелях? И как принять этого защитника: убеждением или разумом?»[1].

Однако роялисты не были единственной партией, потерпевшей поражение в гражданской войне. Индепенденты одержали победу над пресвитерианами, которые, собственно, и были отцами революции, вступившими в открытый конфликт с короной и составлявшими твердое большинство в Долгом парламенте. Армия взяла верх, и Прайдова чистка в декабре 1648 года совершенно устранила их с политической авансцены. Пресвитерианам тоже предстояло принять новую власть, и они, как и роялисты, отчаянно нуждались в доводах, которые оправдают их смирение. Пожалуй, только радикалы, левеллеры, не были готовы внять разуму, а были готовы стоять против Государственного совета до конца. Один из блестящих ораторов и памфлетистов Джон Лильберн назвал власть индепендентов «новыми цепями» Англии.

Признать законный характер Государственного совета было не просто: в сознании прочно укрепилась идея божественного происхождения власти монарха; негативизм по отношению к нормандскому завоеванию как историческому прецеденту подавления прав свободнорожденных англичан вел к отрицанию того, что завоевание может служить законным источником власти; сильным было недоверие к религиозным принципам индепендентов. Поиск аргументов и теоретических доказательств, способных убедить общество в правомерности «нового устройства», начался сразу после установления диктатуры индепендентов. Блестящий анализ этих попыток, не особенно удачных и более убедительных, предложил известный историк К. Скиннер[2]. Принципы «нового устройства» были изложены в Декларации Государственного совета, которая основывалась на договорной теории, провозглашенной в «Главах предложений» (1647), подготовленных для короля главным теоретиком индепендентов, зятем Кромвеля Генри Айртоном. Они сразу нашли отражение в пропаганде новой власти, и самым видным пропагандистом этого толка стал Джон Мильтон. Казнь Карла I оправдывалась как способ устранения тирана и восстановления права народа ограничивать правительства. Более того, народ имеет право избрать или сместить короля, хотя бы он не был тираном, просто по праву свободнорожденных людей иметь такое правление, какое они хотят[3]. Эту идею Мильтон про-

[1] Schama 2001: 173.
[2] Skinner 1972.
[3] Павлова 1997: 258.

возглашал в «Обязанностях королей и магистратов», в «Иконоборце» и «Защите английского народа». Такого рода утверждение не могло убедить ни роялистов, политические обязательства которых вытекали из тезиса о божественном праве монарха, ни пресвитериан, сохранявших приверженность Ковенанту и клявшихся защитить безопасность короля.

В этой ситуации группа политических писателей озаботилась заполнением вакуума. Скиннер предложил называть их «теоретиками *de facto*», поскольку они принимали «новое устройство» как данность, переместив акцент с обвинений в адрес Карла I на то, что послушание власти является обязанностью каждого христианина. Этот постулат вытекал из учения апостола Павла и был закреплен авторитетом Жана Кальвина, который в «Духовных упражнениях» проводил мысль, что частным лицам не следует вмешиваться в дела государственного управления. Одним из тех, кто стал развивать эту линию защиты новой власти, приемлемую для пуритан, был пресвитерианский священник Джон Дьюри. В марте 1649 г. он опубликовал сочинение "A Case of Conscience Resolved", в котором вслед за Кальвином утверждал, что в число христианских добродетелей не входит судить о «великих мира сего». Однако иных аргументов он не находил. К религиозному обоснованию добавилось светское, которое могло привлечь тех, кто симпатизировал монархии, так как оправдывало их неучастие в политической борьбе времен междуцарствия. Скиннер относил к группе тех, кто считал, что пришло время примириться любой ценой, поэтов-роялистов, таких как Эдмунд Уоллер или юрист Джон Вохэм, воспевавших прелести деревенской жизни. Оба были давними знакомцами Кларендона, но отношения с ними были непростыми, особенно в период его канцлерства. Уоллер восхвалял Кромвеля, а потом Карла II. Кларендон писал, что Уоллер начал писать стихи в возрасте, когда другие уже оставляют это занятие. Скиннер напоминал, что в 1653 г. была впервые издана книга писателя Исаака Уолтона «Всё для рыбака» (Compleate Angler), сопоставимая по количеству изданий только с Шекспиром. Эта литература создавала определенную атмосферу, но не давала весомых политических аргументов в пользу индепендентов. Политические дебаты начались вскоре после установления власти индепендентов. В апреле 1649 г. вышел памфлет Френсиса Роуза, богослова и пресвитерианского политика, заседавшего в Долгом парламенте и присоединившегося к партии Кромвеля, «Законность повиновения нынешнему правительству». Он не отрицал, что новая власть незаконна, но доказывал, что подчинение ей закону не противоречит. Он не только ссылался на учение Святого Павла, но обновлял аргументацию. В истории Англии он находил много случаев, когда нация полностью подчинялась тем, кто пришел к власти при помощи силы, поскольку способность управлять сама по себе является достаточным знаком воли Бога и Провидения. Однако не для всех этот аргумент был убедительным. Критики посчитали, что Роуз смешивает силу и власть, а это ведет к тому, что сопротивление даже самому тира-

ническому правлению никак нельзя оправдать. Тем более, позиция Роуза не убеждала роялистов. Скиннер приводил ответ одного роялиста солдату, сказавшему, что победы парламента – знак божественного расположения к нему: «Это не так, друг. Хорошо известно, что Господь часто позволяет дурным людям достигать успеха, но это ведет к их гибели. Если бы ты был историком, то знал, что Господь заставил христиан страдать от турок сотни лет за их грехи»[4].

В условиях, когда движение левеллеров представляло определенную угрозу Государственному совету, и он потребовал присяги «новому устройству», потребность идеологического обоснования режима росла. По мнению Скиннера, первым теоретиком, в полной мере осознавшим недостаточность прежних аргументов, был Энтони Эшам, опубликовавший ряд памфлетов в 1648–1649 гг. Кр. Хилл приводил высказывание из его работы «О хаосе и революциях в правлении» как пример субъективности в интерпретации «общего смысла Писания». Речь идет о евреях в Ветхом завете: «Когда им приходило в голову сменить правительство, ввязаться в гражданскую войну, сменить царскую семью, реформировать религию и расчленить свое царство… они слышали голос с небес, чтобы подкрепить их действия и направить ход событий»[5]. Эшам придал дискуссии светский характер (не по форме, а по сути) и перевел ее из сферы рассуждений о провидении в плоскость общественных нужд: «Тот, кто хочет сохранить естественную свободу вне зависимости от государства, потеряет ее и все остальное, но тот, кто отдаст свободу, может сохранить для себя удовольствие от многих вещей»[6]. Основная мысль автора в том, что обязанность подчиняться существующей власти вытекает из самой простой логики: только она может защитить, т.е. надо исходить из соображений общего блага. Отвечая на критику, он пошел дальше Роуза, отказавшись признать, что новое правление можно назвать незаконным. С позиции беспристрастности приходится признать, что в «запутанном положении дел» суждения о законности «невозможны с моральной точки зрения». Тезис Эшама был привлекателен, но ему не хватало доказательств, он оставался догадкой. Идею Эшама подхватили другие публицисты, которые, однако, продолжали оперировать категорией «провидение». В их числе парламентский журналист М. Недхэм, перешедший на сторону республики и ставший ее главным пропагандистом. Он не только признал «новое устройство», но «выражал публично свою позицию, которая должна была примирить многие тысячи роялистов в Англии с властью охвостья и его правительства *de facto*. Недхэм начал с того же предположения, что и Гоббс: главная причина учреждения любого правительства и согласия подчиняться ему состоит в том, что оно предлагает подданным защиту, в противном случае они станут добычей анархии. Его аргумент, усиленный Гоббсом,

[4] Skinner 1972: 85.
[5] Хилл 1998: 257.
[6] Цит. по: Skinner 1972: 88.

заключался в смещении вопроса с «Правильно ли это?» на «Работает ли это?». От этого простого сдвига перспективы, хорошо это или плохо, родилась современная политическая наука»[7]. Сочинения памфлетистов, сторонников теории власти *de facto*, выходили раньше или примерно тогда же, что и сочинения Гоббса. Только «Гражданин» был опубликован за несколько лет до этого, но известно, что никто из упомянутых авторов до публикации их памфлетов не был знаком с данным произведением. Поэтому говорить о влиянии Гоббса на них не приходится, тем более показательно, что они сразу оценили силу его аргументации.

Что гарантировало Гоббсу его место в истории общественной мысли? Скиннер указывал на две ошибки, которые допускают, когда пишут о нем. Во-первых, ошибочно предполагать, что Гоббс уникален в своих политических утверждениях, в них не было ничего оригинального. Во-вторых, мы ошибаемся, приписывая Гоббсу особый статус как политическому писателю, «его оригинальность лежит в плоскости эпистемологии, не в политических идеях как таковых, а в их обосновании с опорой на всестороннее описание политической природы человека, и в полном отказе от терминологии провиденциализма»[8]. Скиннер писал: «Из теоретиков, выступивших в дискуссии о правах власти *de facto*, полностью исключил все неудобства, происходившие из концепции божественного провидения, и основывался на учении о политической природе человека, фактически только один. Этим единственным, по большому счету, гением был Томас Гоббс»[9]. Подчеркивая оригинальность учения Гоббса, Перес Загорин, однако, отмечал: «Очевидно, что от первой презентации своей политической философии и задолго до того, как *он оказал влияние на многочисленных писателей в конце 1640-х гг.* (курсив мой – *А.С.*), в вопросе подчинения революционному режиму и спорах о новом устройстве он находился в интеллектуальной изоляции или в стороне»[10].

Почему выдающийся представитель кембриджской школы Квентин Скиннер уделил Гоббсу особое внимание и в трудах по истории философской и политической мысли, и в книге о нем? На первый взгляд, ответ на поверхности, однако он, по меньшей мере, не полон. Вместе с другим представителем этой школы Дж. Пококом Скиннер рассматривал политическую риторику как самостоятельный элемент. С одной стороны, язык пластичен, значит, каждый актор заново выбирает и интерпретирует термины. С другой стороны, язык устойчив, поэтому не может находиться вне риторической и социальной практики. Задача историка направлена не на идентификацию «вечных истин» в политических сочинениях, а на поиск уникальности авторского языка через понимание контекста. По выражению Покока, «король всего – контекст»[11]. Для по-

[7] Schama 2001: 194.
[8] Skinner 1972: 97-98.
[9] Skinner 1972: 94.
[10] Zagorin 1985: 605.
[11] Атнашев, Велижев 2015: 23-24.

нимания высказывания необходимо поместить его в соответствующий языковой и идейный контекст, ухватить его явный и скрытый смысл. Явный смысл вкладывается разумом и отношением автора, скрытый смысл происходит из устоявшихся условий, которые определяют, как автор создавал текст. Взгляды представителей кембриджской школы интеллектуальной истории близки «истории понятий» Р. Козеллека, исследовавшего трансформацию значений терминов с течением времени.

Какое отношение это имеет к Гоббсу? Самое прямое. Вспомним труды, благодаря которым его называют отцом политической науки. Хорошо известно, что Гоббс занялся политической философией довольно поздно, его первой большой работой такого рода были «Элементы закона, естественного и политического», она была завершена весной 1640 г. и циркулировала как рукопись в течение нескольких недель в разных версиях. Известно, что среди интеллектуалов, читавших этот труд и высоко его оценивших, был патрон и друг Кларендона лорд Фолкленд, хозяин поместья Грейт Тью, где собрался кружок блестящих интеллектуалов. Надо полагать, что причиной высокой оценки был потенциал этого сочинения для отстаивания королевских прерогатив. Однако, как заметил американский биограф Гоббса, в этом сочинении уже присутствовали почти все доктрины, которые обнаруживаются в «Левиафане»[12]. В 1650 г., в разгар полемики о «новом устройстве», оно вышло в Англии на английском языке в виде двух отдельных произведений: «Человеческая природа» и «О политическом теле». Третья часть «Элементов», называвшаяся «О гражданине», была опубликована маленьким тиражом в 1642 г. в Париже, в 1647 г. бо́льшим тиражом в Амстердаме, а в марте 1651 г. в Англии под названием «Философские рудименты о правлении и обществе». Через несколько месяцев появился шедевр «Левиафан», над которым Гоббс работал в течение двух лет. П. Загорин писал, что утверждения о значительном сдвиге во взглядах Гоббса после «Элементов» неосновательны: «Фундаментальная концепция, проходящая через всю политическую философию Гоббса – это концепция естественного права, права человека на жизнь, дающая людям свободу делать все, что они посчитают необходимым для самосохранения. Разум как закон природы неизбежно демонстрирует им, что, только провозглашая тотальную свободу государства, они достигнут цели самосохранения. Для этого они договариваются между собой о создании гражданского общества и суверенной власти, которой на основании естественных законов обязаны подчиняться. Несмотря на подчинение суверену, естественное право человека сохраняется, потому что единственное оправдание гражданского общества в том, что оно служит для безопасности и обеспечивает удобства цивилизованной жизни»[13].

Действительно, в логике своих рассуждений Гоббс в первой части «Левиафана» «О человеке» отталкивается от тезиса о равенстве людей

[12] Martinich 1999: 123.
[13] Zagorin 1985: 603.

от природы, из чего проистекает взаимное недоверие, приводящее к тому, что они становятся врагами, стараются погубить и покорить друг друга, и это ведет к войнам: «Пока люди живут без общей власти, держащей всех их в страхе, они находятся в состоянии войны всех против всех». Здесь присутствует отсылка к Английской революции: «Во всяком случае, какова была жизнь людей при отсутствии общей власти, внушающей страх, можно видеть из того образа жизни, до которого люди, жившие раньше под властью мирного правительства, обыкновенно опускаются во время гражданской войны»[14]. Гоббс – настоящий пессимист в оценке природы человека. С.А. Котляревский писал об этом: «Если человек человеку волк, то это просто факт природы, который надо принять к сведению, но который бесполезно оплакивать. Нет здесь и мистического пессимизма, для утверждения которого Местр создаст философию реакции. Дело гораздо проще и объясняется общеизвестными примерами: люди в пустынных местах носят оружие, держат свои сундуки запертыми, а отдельные государства даже во время мира постоянно готовы к войне. Нечего обижаться и на охоту обижать других, которая по Гоббсу есть одна из глубоких основ человеческой природы»[15].

Помимо интерпретации в интересах «нового устройства» теории естественных прав и договорной теории (ее Гоббс трактовал как ковенант), важен тезис (в разделе «О государстве») об отсутствии принципиальных различий между государством, основанным на приобретении (силой), и государством, основанном на установлении (путем рождения). В обоих случаях побудительным мотивом является страх. В первом – власть приобретена победителем, «когда побежденный во избежание грозящего смертельного удара ясно выраженными словами или каким-нибудь другим проявлением своей воли дает согласие на то, чтобы в течение всего времени, пока ему будут сохранены жизнь и физическая свобода, победитель использовал эту жизнь и свободу по своему усмотрению»[16]. Власть суверена абсолютна, и она распространяется не только на самого подданного и его собственность, но и на членов его семьи. Наконец, права суверена распространяются и на вопросы веры. Здесь есть одно из немногих отличий между «Левиафаном» и ранними работами, в этом случае «Философскими основаниями учения о гражданине». Котляревский писал: «Этот абсолютизм охватывает и область, которая с таким жаром отстаивалась среди бурь английской революции, как область религиозной свободы. Для Гоббса религиозной свободы не существует совершенно. Истинная религия есть та, которую устанавливает суверен. В De Cive гражданину, которому власть предписывает нарушить закон христианской веры, еще разрешается отказ от повиновения, принятие мученического венца. В Левиафане за ним не остается и этого права: внутреннее его убеждение недосягаемо для правителя, но

[14] Гоббс 1991: 97.
[15] Гоббс 1914: VII-XIII.
[16] Гоббс 1991: 157.

внешнее исповедование должно быть согласовано с велениями законной власти, и религиозная ответственность за такое вынужденное внешнее исповедование не падает на гражданина. Это самое крайнее развитие того принципа, на котором был заключен первоначальный мир между немецкими протестантами и католиками: cuius regio, cuis religio»[17].

Главная категория, которой оперирует Гоббс – страх. Страх заставляет людей искать в правителе спасение, страх побуждает их подчиняться суверену. Есть соблазн написать биографию Гоббса в жанре психоистории. Я не встречал чисто психоисторической работы о нем, но элементы такого подхода имеются в ряде трудов. Об обстоятельствах своего рождения Гоббс повествовал сам. Он родился 5 апреля 1588 г., перед Пасхой. Уже с декабря 1587 г. ходили слухи об испанском флоте, который готовится к отплытию, чтобы погубить английских протестантов. В богословской литературе отразились ожидания в 1588 г. конца света. Еще Филипп Меланхтон предупреждал в 1518 г. о грядущем через 70 лет новом вавилонском пленении и приходе Антихриста. Позднее Гоббс говорил: мать разродилась близнецами: им самим и чувством страха. Некоторые авторы считали, что генетический страх подспудно объяснял его политическую беспринципность, готовность служить любому режиму. А. Мартиних писал: «Травматическое рождение преследовало Гоббса всю жизнь. Он считал, что обстоятельства рождения «объясняют его ненависть к врагам страны»[18]. Отец Гоббса, священник, принадлежавший к низшему слою англиканского духовенства, из числа тех, кого называли *dumb dogs* (тупые псы), кто не читал собственных проповедей, был человеком невоздержанным, из-за чего, в конце концов, был вынужден покинуть родной городок Малмсбери в Уилтшире.

Гоббс стал политическим писателем поздно, когда он уже приобрел известность в области естественной философии и математики (что тогда было прочно связано). Как были приняты политические взгляды Гоббса? В 1640 г., перед выборами в парламент, который назовут Коротким, его взгляды были восприняты как беззастенчивая апология абсолютистского режима, «тирании», как считали многие, Карла I. Единственной попыткой Гоббса прямо войти в политику было участие в выборах в палату общин в 1640 г., но влияния третьего графа Девонширского не хватило, и она провалилась. Это не значит, что в жизни Гоббса элемент политики отсутствовал: близкий круг общения делал его жизнь политической. Есть мнение, что провал на выборах объясняется именно знакомством публики с «Элементами», фактически защищавшими право суверена вводить новые налоги, что контрастировало с общественными настроениями. После ареста Страффорда Долгим парламентом в ноябре 1640 г. Гоббс испытал страх, уверившись (справедливо или нет, трудно сказать), что сам станет ближайшей жертвой, и, как утверждают, первым из роялистов бежал во Францию. Загорин писал: «Авторство «Эле-

[17] Гоббс 1914: IX-X.
[18] Martinich 1999: 2.

ментов» объясняет неожиданное бегство Гоббса из Англии в ноябре 1640 г., через несколько дней после созыва Долгого парламента. Он боялся, что если останется, то станет мишенью ярости парламентариев из-за доктрин, которые провозгласил в своей работе. В написанном через шесть месяцев письме из Франции он утверждал: «Причина, по которой я выехал, состоит в том, что я увидел: слова, произносимые в поддержку королевских прерогатив, становились предметом разбирательств в парламенте»[19]. Некоторые роялисты считали его «трусом», предавшим короля, ибо он мог защищать монархию, если не на поле брани (оправданием мог быть возраст), то политически и как идеолог. В этой роли за Карла выступили оставшийся при нем знаменитый медик Харвей и тот же Эдвард Хайд, непригодный к военной службе. В эмиграции Гоббс продолжил ученые занятия, учил математике принца Уэльского, который, став королем Карлом II, не забыл этого.

Самым скандальным эпизодом жизни Гоббса было его возвращение в республиканскую Англию и публикация «Левиафана». Известно, что он сам участвовал в разработке дизайна обложки первого издания «Левиафана», на которой изображен выходящий из моря великан с чертами лица Кромвеля. Почему Гоббс вернулся в Англию, а не уехал в толерантную Голландию (даже если допустить, что ему было рискованно оставаться в Париже, где многих, а особенно католическое духовенство, раздражало его отношение к религии), остается загадкой. Четвертая часть «Левиафана», над которым он работал перед возвращением в Англию, «О царстве тьмы», содержала резкие высказывания о ложном толковании Писания, о лживости утверждений, будто нынешняя церковь – это царство Божие, а папа является верховным наместником Христа. Достаточно сказать, что крещение, по его мнению, заменено колдовством, колдовства не лишены такие обряды, как венчание, соборование, посещение больных, освящение церквей и кладбищ. Разве можно иначе, чем ересью, назвать утверждение: «Когда человек умирает, остается лишь его труп, то разве не может Бог, сотворивший своих существ из безжизненного праха и глины, так же легко воскресить труп к новой жизни и продлить его жизнь навеки или другим своим словом заставить его умереть снова?»[20]. Здесь мы уходим от вопроса, правомерно ли считать Гоббса атеистом, в чем его обвиняли некоторые современники. Однако предположение, что такого рода строки не могли быть опубликованы тогда в католической Франции, представляется обоснованным. Возможной причиной нежелания отправиться в Голландию могло быть то, что и там казалось небезопасно: в 1651 г. в гостинице неподалеку от Гааги был убит роялистами посланник Государственного совета, цареубийца, подписавший приговор казненному королю, кембриджский богослов Исаак Дорислаус. Нельзя сбросить со счетов и тоску по родине. Возможно, Гоббс думал о возвращении в течение нескольких лет. Во вся-

[19] Zagorin 1985: 599.
[20] Гоббс 1991: 470-471.

ком случае, он запретил амстердамским публикаторам «О гражданине» указывать его тьюторство над принцем Уэльским. Но выехать он решился только тогда, когда в Англии установился порядок. Биограф Гоббса писал: «Как в конце 1640 года он бежал из Англии, чувствуя, что парламентские псы наступают ему на пятки, он ощущал такую же собачью погоню в конце 1652 года. Если верить Кларендону, «он был вынужден тайно бежать из Парижа, предчувствуя, что справедливость настигнет его»[21]. «Левиафан» сделал его пребывание в республиканской и кромвелевской Англии безопасным и достаточно комфортным. Но тот же «Левиафан» поспособствовал благоволению Карла II, защитившего бывшего учителя от нападок и назначившего ему пенсию. Другой биограф пишет: «Теория, изложенная Гоббсом в «Левиафане», о подчинении существующей власти не считалась больше вредной, ибо она служила теперь, после реставрации, королю так же, как раньше Кромвелю»[22]. Так, в «Бегемоте», сочинении о революции 1640–1660 гг., Гоббс отмечал: взглянув на мир и понаблюдав за поступками людей, «особенно в Англии, можно узреть все виды несправедливости и безумия, которые только может представить нам мир, и как они были произведены их источниками – лицемерием и самомнением». Тогда «народ был развращен, а непокорные считались лучшими патриотами»[23]. Удивительно звучат эти слова в устах защитника индепендентов. На примере Гоббса трудно не заметить, что одно содержание приобретает различные, даже противоположные смыслы в разных социальных и временных ситуациях. Смыслы конструируются на основе контекста. Это и есть риторическая «самостоятельность», которую отмечала кембриджская школа.

Одним из первых критиков Гоббса был Эдвард Хайд, лорд Кларендон, автор «Истории Великого мятежа». В биографиях двух самых знаменитых английских интеллектуалов XVII века есть некоторые сходства, но больше различий. Они связаны, как сиамские близнецы, два тела складывавшейся политической теории. В то же время это две противоположности. Будучи земляками, они принадлежали к разным социальным слоям. Хайд родился в 1609 г., когда при Якове I в стране утвердилась стабильность, последствия Порохового заговора были преодолены, а престолонаследие обеспечено. Для эсхатологических ожиданий повода не было. Если Гоббс об отце не вспоминал, то у Хайда «лучший отец и лучший друг», «самый мудрый из людей, которых он знал». Хайды были сквайрами, не самыми богатыми, но с хорошими связями, многие представители этого клана зарабатывали юриспруденцией. К среднему классу (если таковой был в XVII веке), к низам которого по рождению принадлежал Гоббс, Кларендон относился с долей презрения, называя *meddling sort*. У обоих были дядья-покровители: дядя Гоббса, занимавший пост в городском совете Малмсбери, обеспечил ему обучение и да-

[21] Martinich, 1999, p. 215
[22] Ческис, с. 98.
[23] Гоббс, 1991, с. 591-592.

же завещал земельные угодья, дядя Хайда, занявший при Карле I, ни много ни мало, пост Верховного судьи королевской скамьи, обеспечил племяннику продвижение по адвокатской стезе.

Оба обучались в Оксфорде, и у обоих остались об этом времени неоднозначные воспоминания. Впоследствии Хайд, занявший при Реставрации должность канцлера университета, вспоминал, что студенты злоупотребляли весельем и вином, и то, что после смерти старшего брата, отец отправил его в адвокатскую школу Мидл Темпл корпорации Инс оф Корт в Лондоне, направило его на верный путь. Гоббс, будучи болезненным ребенком, оказался в Оксфорде в четырнадцать лет, однокашники были старше его примерно на три года, не удивительно, что он чувствовал себя одиноко. В «Бегемоте» он писал, что студенты привержены пьянству, распутству и азартным играм. Вероятно, самым ярким впечатлением Гоббса от пребывания в Оксфордском университете было посещение его королем Яковом I, принимавшим участие в диспутах. Труды и идеи Якова произвели на Гоббса неизгладимое впечатление, стали важным источником для формирования его собственных концепций. В своих произведениях он не игнорировал аргументов Якова, одного из главных в Новое время теоретиков концепции «божественного происхождения» королевской власти. Однако от этой концепции Гоббс отказался. Тот же принцип абсолютной власти он обосновывал посредством договорной теории и концепцией естественных прав человека, повернув их в противоположную сторону от левеллеров.

После университета траектории биографий разошлись: карьеру Хайда определила семейная традиции – в адвокаты и в политику, в парламент, когда Карл I принял решение о его созыве после 11-летнего перерыва; Гоббсу надо было искать иные пути зарабатывать на жизнь, и он стал тьютором в аристократическом семействе Кавендишей, затем графов Девонширских. В течение короткого времени Гоббс был секретарем Френсиса Бэкона, уже после отставки последнего и незадолго до его смерти. По поводу влияния Бэкона на Гоббса есть разные мнения; некоторые авторы полагают, что быть усердным секретарем не значит видеть в патроне кумира. Другие даже допускали, что за Бэкона мог писать Гоббс (как Бэкона некоторые антистаффордианцы считали настоящим автором пьес Шекспира). Вряд ли эта гипотеза имеет основание, но какие-то мысли у них могли пересекаться. Именно от Гоббса мы знаем о знаменитой фразе Бэкона «Знание – сила». Обстоятельства смерти Бэкона, подхватившего бронхит из-за эксперимента с замораживанием цыпленка, тоже известны со слов Гоббса, и в них, похоже, присутствует ироничное отношение к патрону и его экспериментальному методу. Гоббс еще в 1620-х гг. познакомился с Гарвеем, который не любил Бэкона и говорил, что тот философствует, «как лорд-канцлер», и Гоббс, скорее всего, соглашался с этим мнением. Для Бэкона был характерен крайний эмпиризм, для Гоббса рационализм[24].

[24] Martinich 1999: 65, 218.

Жизнь Кларендона, за исключением самых ранних лет и предсмертных лет в эмиграции, прошла в политике: в парламенте и на службе двум Стюартам. И почти всегда он был на первых ролях. Как секретарь второго Девоншира Гоббс вникал в парламентские дела, а также в деятельность погруженной в раздоры Виргинской компании, пайщиком которой он стал при поддержке своего патрона. Попытка быть избранным в парламент окончилась провалом, и, с практической точки зрения, жизнь Гоббса прошла на политических «задах», что, возможно, порождало комплекс второсортности. Как отмечалось, в теоретическом плане его учение о государстве было напрямую увязано с политикой и трансформацией, которую она претерпевала.

Сопровождая своих подопечных в образовательный тур на континент, Гоббс установил связи со многими знаменитостями ученого мира, в т.ч. с Р. Декартом, П. Гассенди, М. Мерсенном, Г. Галилеем, Э. Торричелли. Некоторые открытия в области естественных наук, например, «торричелливу пустоту» он использует в своей политической философии. Политическое учение Гоббса несет черты социологии, будучи, по словам Котляревского, «геометрическим». У Кларендона был гуманитарный склад ума. Он понимал, что жизнь сложнее абстрактных схем, и на поведение людей влияют многие факторы. С этической точки зрения между ними пропасть. У Кларендона было немало причин для разочарования в людях, но он не считал, что человеческая природа дурна. Загорин верно отмечал: «Противостояние Кларендона философии Гоббса основано не только на политических расхождениях, но и на абсолютно разной и противоположной интеллектуальной ориентации. Представитель новой механической философии, Гоббс следовал дедуктивному методу, создавая модель республики и пытаясь трансформировать гражданскую философию или политику в науку, основателем которой, собственно, он и считал самого себя. Его постулат об абсолютном суверене как аксиоматичной необходимости государственного устройства был утопическим, так как переступал за границы того, что существовало исторически. Пропасть, разделяющая Кларендона и Гоббса, обозначена и тем, что в «Обзоре» («Краткий обзор и исследование опасных и вредных для церкви и государства ошибок в книге мистера Гоббса, названной Левиафан» – *А.С.*) Кларендон пренебрежительно обращается к философу как к «художнику» и «архитектору», упрекая его в изобретении «вымышленного правительства» при помощи «правил арифметики и геометрии», с которыми ни один народ никогда не экспериментировал»[25].

Кларендон был знаком с Гоббсом, по крайней мере, со времени их встреч в Грейт Тью, поместье лорда Фолкленда, средоточии кружка интеллектуалов. Биограф Кларендона Р. Оллард отмечал, что они первоначально были друзьями, а потом интеллектуальными противниками[26]. Известна фраза из письма Хайда 1659 года: «Мистер Гоббс мой старый

[25] Zagorin 1985: 610-611.
[26] Ollard 1988: 5.

друг, но я не могу простить ему зла, которое он нанес королю, церкви, законам и нации. Безусловно, можно многое сказать о взглядах этого человека, который имплицитно обрек религию, мудрость и честность в зависимость от новых законов и написал политическое сочинение, которое, как я осмелюсь сказать, должно быть осуждено на основании законов нашего королевства или любой страны Европы как нечестивое и крамольное»[27]. К этому мнению о «дружбе» Хайда и Гоббса примкнул и я: «Одно время они были в дружеских отношениях, но появление «Левиафана», фактически оправдывавшего индепендентский режим, сделало Гоббса фигурой *non grata* для роялистов. Принципы, предложенные Гоббсом, казались Кларендону неприемлемыми, к их критике он вновь и вновь возвращался»[28]. Сейчас я полагаю, что стоит внести коррективы, прислушавшись к аргументам П. Загорина: «То, что Гоббс принадлежал к кружку Тью, подтверждают многие авторы, но это мнение, возможно, является ошибочным»[29]. Он мог посещать имение Фолкленда, но точно не входил в ядро кружка, его интерес лежал в области естественной философии, тогда как в Грейт Тью обсуждались, в первую очередь, поэзия и гуманистические традиции. Гоббс с большим пиететом отзывался о Джоне Селдене, одном из близких интеллектуальных партнеров Хайда уже в 1630-х, но познакомился с ним только после возвращения в Англию. Хайд и Гоббс могли знать друг друга со времен Грейт Тью, но не более того. Важно, что в «Истории мятежа», в высокой степени автобиографическом сочинении, с множеством развернутых характеристик людей, с которыми его свела судьба, Кларендон ни разу не упомянул Гоббса. Тому могут быть два объяснения: или он не счел нужным написать о нем, потому что знакомство был «шапочным», или стыдился его. Учитывая, что Кларендон нередко давал негативные характеристики своим знакомцам, а масштабы Гоббса были ясны современникам, можно склониться к первому варианту. Однако у Кларендона есть литературные портреты тех, кого он знал поверхностно. Хайд и Гоббс вновь встретились в эмиграции при дворе принца Уэльского. Впоследствии Хайд неоднократно негативно высказывался о «Левиафане», беседовал с разными людьми о взглядах Гоббса, одобрял их опровержение епископом Джоном Бремхолом, хотя считал его недостаточно убедительным. Сам Кларендон взялся за решение этой задачи только в вынужденной второй эмиграции. Тогда у него появилось время для создания обширного трактата под названием «Краткий обзор и исследование опасных и вредных для церкви и государства ошибок в книге мистера Гоббса, названной Левиафан». Книга, изданная посмертно, в 1676 г., на 322-х страницах, состояла из 32-х разделов, каждый из которых посвящен критике одной из нескольких глав «Левиафана». Она в большей степени концентрирована на взглядах Гоббса на политику и религию.

[27] Harris 1982: 403.
[28] Соколов 2017: 49-50.
[29] Zagorin 1985: 596.

Сопоставление «Левиафана» и сочинения Хайда дает возможность судить не только о различиях в позициях этих мыслителей, но и о факторах, определивших их. Загорин выделил три компетенции Кларендона, которыми Гоббс не обладал: он был продолжателем гуманистической традиции, в высшей мере опытным государственным деятелем, несшим тяжелейшую ответственность за дела управления, и набожным христианином. Хотя он не во всем правильно интерпретировал идеи Гоббса, но ясно видел их неортодоксальность. Суммируя, можно сказать: он считал, что Гоббс ошибался, будучи одновременно пессимистом и скептиком в отношении природы человека, и слишком большим оптимистом, в опасной степени оторвавшимся от реальности, во взглядах на суверенитет власти и необходимые условия политического порядка»[30].

В плане критики Кларендоном Гоббса выделю несколько тезисов.

Во-первых, речь о понимании договорной теории. Для Гоббса принципиально важно, что государство учреждается не договором, а ковенантом. Договором люди передают права на вещи, например, при купле-продаже, ковенант накладывает на людей обязательства поступать в дальнейшем определенным образом. Хайд, оставаясь на позиции провиденциализма, отвергал эту теорию: «В основании природы мир, и когда Бог природы дал своему созданию, человеку, власть над всеми другими созданиями, он также дал ему естественную власть, чтобы управлять миром в гармонии и порядке. Сколько бы человек ни потерял в своей непорочности, не проявив послушания своему Создателю, и какое бы жестокое наказание не претерпел за это неповиновение, это не значит, что Его власть над человечеством в какой-то степени уменьшилась или ослабла. Мы не можем не видеть в Нем настоящего правителя мира»[31].

Во-вторых, речь о понимании природы власти. Гоббс, по крайней мере с 1640 г., выступает как последовательный сторонник абсолютного суверенитета, считая, что носитель власти обладает всеми властными полномочиями, включая контроль над внутренней жизнью, право вести войну и заключать мир, издавать законы, судить за предполагаемое преступное поведение и даже приказать подданному убить родителя. Меч правосудия и меч войны должны быть в одних руках. Признак суверенности власти в том, что она выше закона. Идея ограниченной власти несостоятельна, так как любое ограничение ведет к неспособности выполнить задачи, ради которых власть учреждалась. Такие рассуждения были для Кларендона неприемлемы. Он полагал, что учение Гоббса угрожает свободам англичан, различая истинную свободу, регулируемую законом, и злоупотребление свободой, когда дурные люди развращают слабых и своевольных, поднимая их на восстание против суверена и законного порядка. Закон и послушание вытекают не из договора, а из обычаев предков, и уважение к ним – обязанность и подданных, и власти. Произвол власти и ограничение ею свобод граждан недопустимы.

[30] Zagorin 1985: 612.
[31] Clarendon 1676: 66-67.

В-третьих, вопрос о собственности. Гоббс исходил из того, что в естественном состоянии частная собственность отсутствовала. Если у каждого есть право на все, то никто ничем не владеет. Собственность возникает с возникновением государства и принадлежит суверену. Если ею обладают другие, то это создает угрозу для осуществления им своих полномочий и ведет к возникновению претензий на что угодно, следовательно, к утрате безопасности. На практике Гоббс отказывал публике в праве сопротивляться налогам, введенным королем, например, корабельным деньгам. Такое видение ставило его в особую позицию. Большинство английской политической нации не считало, что власть короля абсолютна, и даже те, кто склонялся к такой точке зрения, исходили из того, что власть делится между короной и парламентом. Для Кларендона право земельной собственности священно. В отличие от большинства теоретиков того времени он полагал, что даже Вильгельм Завоеватель не покусился на чужую собственность, и массовых конфискаций норманны не провели. Разумеется, Кларендон защищал английскую конституцию, частями которой считал как наделенную широкими, но не абсолютными полномочиями наследственную монархию, так и принимающий законы и устанавливающий налоги парламент, а также Тайный совет, судебную систему и епископальную англиканскую церковь.

В-четвертых, отсюда вытекает разное понимание причин гражданской войны. Для Гоббса она – продукт ложной философской системы, для Кларендона – результат влияния «дурных людей», которые раздавили законы и силой вырвали власть из рук монарха. При этом он не отрицал ошибочность ряда действий короля в годы правления без парламента. Интересно, что в «Бегемоте», написанном в конце жизни, Гоббс фактически приблизился к интерпретации Кларендона, обвиняя в провоцировании восстания лживых священников и развращенных лиц.

В-пятых, для Хайда неприемлем философский эгалитаризм Гоббса, еще в «Элементах» утверждавшего, что от природы все люди равны, а те, кто думает, что от природы «у одного кровь лучше, чем у другого», невежественны. Различия между людьми конвенциональны, они целиком зависят от воли правителя. Правитель – полный повелитель не только простого человека, но и аристократа. Для человека, который жил десятилетиями за счет аристократов, это ошеломляющее заявление. Кларендон не мог пройти мимо: Гоббс проявил «исключительную злобу к знати, чей хлеб он всегда ел»[32]. Иерархические границы значили для Хайда куда больше, чем для Гоббса.

В-шестых, взгляды на религию. Гоббса иногда называли атеистом, что он упорно отрицал. Скорее, его позиция была деистской. В практическом смысле он был сторонником епископальной англиканской церкви, следуя принципу, сформулированному еще Яковом I: «Нет епископа – нет короля». В этом отношении в начале революции он стоял на более

[32] Martinich 1999: 144.

консервативных позициях, чем некоторые другие члены англиканской церкви. Тогда Фолкленд допускал отказ от епископата. Хайд раздумывал, можно ли пожертвовать епископатом, чтобы предотвратить гражданскую войну (впрочем, это казалось ему маловероятным). В отдельные моменты (в 1641 и 1651 гг.) Гоббс допускал иные формы церковного устройства, исходя из позиции теологов, утверждавших, что власть епископов не проистекает напрямую из воли Христа, а появилась в более позднюю эпоху. Однако пресвитерианство он считал неприемлемым. В 1660-х гг. он вернулся к прежним взглядам на епископат.

Учение Гоббса трудно назвать зародышем принципов гражданского общества. Вопреки здравому смыслу и сути концепции Гоббса в советской научной литературе его называли представителем «буржуазного свободомыслия», переводя дискурс о свободе в плоскость говорения о критике «церковных установлений»[33]. Однако это имело определенную логику. Свобода, с одной стороны, в теории представлялась как неотъемлемое право народов и обоснование их прав на революцию, что видно через концепт политических причин Английской революции (как и любой другой). С другой стороны, в реальности такая свобода оказывалась излишней и недостижимой. Данное противоречие снималось при помощи идеологемы о достигнутой свободе для эксплуатируемого большинства в «пролетарском государстве» и для всех классов в «общенародном». Гоббс был, упрощенно говоря, подтверждением права государства на насилие. Тенденция современной идейно-политической мысли заключается в отрицании права народа на сопротивление тирании и революцию, в принципе. Это становится возможным, в том числе, благодаря уходу от марксизма с его апологетикой революций. В такой ситуации Гоббс продолжает служить современному этатизму. Наоборот, Кларендон в советской историографии объявлялся носителем консервативно-торийской и даже реакционной идеологии. Реальность была сложнее и противоречивее. С моей точки зрения, его идеи послужили зарождению либеральной просветительской мысли, хотя первое издание «Истории Великого мятежа», вышедшее в 1702 г., мыслилось графом Рочестером (сыном Кларендона) как отповедь республиканцам. После Французской революции консерваторов и либералов начали различать по их отношению к реформам и революциям. Гоббс, перешедший в лагерь победившей революции, и Кларендон, последовательный сторонник монархических прерогатив и прав свободнорожденных англичан, напоминают, что любая схема требует испытания контекстом, что “Context is King”.

БИБЛИОГРАФИЯ/REFERENCES

Атнашев Т., Велижев М. І. Кембриджская школа. “Context Is King”. Джон Покок – историк политических языков // НЛО. 2015. № 4. [Atnashev T., Velizhev M. I. Kembridzhskaya shkola. “Context is King”. Dzhon Pokok – istorik politicheskih yazyikov // NLO, 2015, N 4].

Гоббс Т. Сочинения. Т. 1. М.: Мысль, 1989. Т. 2. М.: Мысль, 1991. [Gobbs T. Sochineniya. T. 1. M.: Myisl, 1989; T. 2. M.: Myisl, 1991].

[33] См., напр.: Мееровский 1975: 7.

Гоббс Т. Философские основания учения о гражданине. М.: Издание Г.А. Лемана и Б.Д. Плетнева, 1914. [Gobbs T. Filosofskie osnovaniya ucheniya o grazhdanine. M.: Izdanie G.A. Lemana I B.D. Pletneva, 1914].
Мееровский Б.В. Гоббс. М.: Мысль, 1975. [Meerovskiy B.V. Gobbs. M.: Myaisl, 1975].
Павлова Т.А. Милтон. М.: РОССПЭН, 1997. [Pavlova T.A. Milton. M.: ROSSPEN, 1997].
Соколов А.Б. Кларендон и его время. Странная история Эдварда Хайда, канцлера и изгнанника. СПб: Алетейя, 2017. [Sokolov A.B. Klarendon i ego vremya. Strannaya istoriya Edwarda Hayda, kanzlera i izgnannika. SPb.: Aleteya, 2017].
Хилл Кр. Английская Библия и революция XVII века. М.: ИВИ РАН, 1998. [Hill K. Angliyskaya bibliya I revoluziya XVII veka. M.: IVI RAN, 1998].
Ческис Л.А. Томас Гоббс (Его жизнь и учение в связи с историей общественной жизни в Англии конца XVI и первой половины XVII вв.) М.: Московский рабочий, 1929. [Cheskis L.A. Tomas Gobbs. Ego zhizn i uchenie v svyazi s istoriey obshestvennoy zhizni d Anglii konza XVI I pervoy polovini XVII vv. M.: Moskovskiy rabochiy, 1929].
Clarendon. A Brief View and Survey of the Dangerous and Pernicious Errors to Church and State in Mr Hobbs' Book Entitled Leviathan. Oxford, 1676.
Harris R. Clarendon and the English Revolution. L.: Chatto & Windus, 1982.
Martinich A.P. Hobbes. A Biography. Cambridge: University Press, 1999.
Ollard R. Clarendon and His Friends. Oxford: University Press, 1988.
Schama S. A History of Britain. V.II. L.: BBC, 2001.
Skinner Q. Conquest and Consent: Thomas Hobbs and the Engagement Controversy // The Interregnum: The Quest for Settlement 1646-1660 / Ed. by G.E. Aylmer. L.: Macmillan, 1972.
Zagorin P. Clarendon and Hobbs // The Journal of Modern History. Vol. 57. N. 4. 1985.

Соколов Андрей Борисович, *доктор исторических наук, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского; sokolov_1457@mail.ru*

Hobbes and Clarendon: Intellectual Confrontation

In this article the author analyses aspects of relationship and views of two outstanding English intellectuals of the XVII century, Thomas Hobbes and Edward Hyde, 1st Earl of Clarendon. Political theory, developed in the works of Hobbes, of which the "Leviathan" is the most famous, proclaimed the legality of any power including the one that is based on conquest, and the full right of sovereign of life and property of the subject. One of the first critics of him was Clarendon who in "A Brief View and Survey of the Dangerous and Pernicious Errors to Church and State in Mr Hobbs' Book Entitled Leviathan" showed artificial and mechanical character of ideological constructions of his opponent. The attention is paid to the great ethical difference between the writers in the understanding the nature of man and character of relations among people. This article follows the approaches of Cambridge school as one of the branches of new intellectual history, and focuses on the importance of context in the construction and perception of political rhetoric. This is demonstrated by example of Hobbes whose teachings was accepted as defense of Charles I in1640s, as argumentation of legacy of Independent's Commonwealth and Protectorate in 1650-s, and as expression of loyalty to restored monarchy of Stuarts in 1660s. The author pays attention to the common features and deference in the biographies of the two thinkers that predetermined their intellectual confrontation. The author concludes that the critical assessment the conception of Hobbes by Clarendon received development in the ideology of Enlightenment, in which idea of sovereignty of Nation was justified.

Keywords*:* Hobbes, Clarendon, Cambridge school, social contract, fear, power, state, independents

Andrei Sokolov*, Dr. Sc. (History), Professor, Yaroslavl State Ushinskiy Pedagogical University; sokolov_1457@mail.ru*

А.А. Яковлев

ЛОКК И ВЛАСТЬ

Локк был лояльным подданным и госслужащим. Сотрудничая с Робертом Бойлем, он одновременно занимал посты в правительстве и выполнял его поручения. В разгар репрессий, последовавших за Рай-Хаусским заговором, он отбыл в Голландию, но вскоре был вызван в Лондон, вероятно, для дачи показаний против заговорщиков. Локк не подчинился приказу Карла II Стюарта. Не захотел он возвращаться и после восхождения Якова II, убежденный, что если монарх нарушает закон, то более не может быть главой государства. Позиция лояльности монарху не как личности, занимающей трон по Божественному праву, а как элементу государственного строя сохраняется и после голландского вторжения. В приложении дан перевод тезисов (1690), в которых Локк призывает отречься от доктрины Божественного права королей.
Ключевые слова: *Вильгельм III Оранский, Роберт Бойль, Джозеф Уильямсон, Джон Тиллотсон, Роберт Спенсер, Божественное право королей*

Государственные служащие – секретари, помощники, исполнители важных поручений, дипломаты и военные, судьи и наместники, парламентарии, епископы и клирики, придворные и министры – иногда совмещали свои обязанности с ведением дневников и сочинением памфлетов и трактатов. Среди них – Джон Локк (1632–1704), мыслитель, отдавший более половины своей жизни государственной службе.

Локк сначала учился, а затем преподавал в оксфордском колледже Крайст-Чёрч, который с 1660 г. был главным идеологическим институтом Реставрации, готовившим преданных госслужащих и церковнослужителей. Преподаватели по истечении 15-ти лет должны были проходить посвящение в духовный сан и получать приходы или назначения на государственную службу. Осенью 1665 г. Локк выехал в Клеве в качестве секретаря английского посланника, что было по меркам того времени знаком высокого доверия. По возвращении ему предложили отправиться в Испанию, сопровождая посла, а чуть позже занять пост секретаря посла в Швеции. Нет сомнения, Локку предстояло покинуть alma mater. Однако в ноябре 1666 г. декан Крайст-Чёрч Джон Фелл получил королевский приказ за подписью ставленника Джорджа Монка – госсекретаря Уильяма Мориса. Согласно указу, Джону Локку дозволялось остаться в Крайст-Чёрч без посвящения в сан и с сохранением за ним двух комнат на территории кампуса. Этой привилегии удостаивались далеко не все, и она не могла быть пожалована без причины. Свою роль сыграл его первый патрон, роялист Александр Попем и близкий знакомый, еще со времен Вестминстерской школы, Уильям Годольфин, в 1662–1665 гг. занимавший должность заместителя госсекретаря. Но самым важным стало тесное сотрудничество с Робертом Бойлем, начавшееся как минимум с 1664 г., а возможно и раньше. Новые обязанности государственного служащего открыли перед Локком дверь в новый мир – мир власти, который не ограничивался двором и публичным правительством.

Среди корреспондентов Локка мы встречаем Джозефа Уильямсона, бывшего члена совета оксфордского Куинз-колледжа, в 1674–1679 госсекретаря по Северному департаменту, а в 1678–1681 гг., в разгар антикатолической паранойи, ксенофобии и шпиономании – президента Королевского общества, сумевшего взять под контроль английский сегмент République des Lettres. Соученик Локка по Вестминстерской школе, он был одержим сбором информации. А. Маршалл ставит Уильямсона в один ряд с такими выдающимися деятелями секретных служб раннего Нового времени, как Френсис Уолсингем, Роберт Сесил, Джон Терлоу, Генри Беннет и Роберт Харли[1]. В 1660–1680-е гг. Локк переписывается с Джоном Ричардсом, сотрудником Уильямсона и личным секретарем Арлингтона (переписка велась в 1673–1681 гг.)[2], и Джоном Куком, сотрудником Северного департамента в 1660-х и заместителем госсекретаря Чарлза Мидлтона в 1680-х. Внимание привлекает имя Анри Жюстеля, которого Маршалл называет «давним корреспондентом Уильямсона»[3]. По замечанию М.Б. Холл, Жюстель еженедельно писал отчеты Генри Ольденбургу, еще одному подопечному Уильямсона, а затем Роберту Гуку и Эдмунду Галлею[4]. Переписка Локка с Жюстелем продолжалась с апреля 1679 г. до конца 1683 г. В 1681 г. Жюстель бежал в Англию, где был назначен хранителем Королевской библиотеки в Сент-Джеймсском дворце. Благодаря ему Локк познакомился с Николасом Тойнардом, который стал одним из его самых активных корреспондентов на континенте. Среди корреспондентов Локка числится и Джон Ковел, специалист по сбору информации, переписка с которым продолжалась с 1679 по 1700 г.[5] Маршалл уверенно называет агентом еще одного корреспондента Локка – Уильяма Карра, обмен письмами с которым датируется еще более ранним временем 1657–1664 гг.[6]

Среди корреспондентов 1690-х гг.: Джеймс Джонстон, агент Ганса Виллема Бентинка и Гилберта Бернета и госсекретарь по Шотландии в 1693–1696 гг.; Уильям Трамбулл, госсекретарь по Северному департаменту (1695–1697); Джеймс Вернон – сотрудник Уильямсона в начале 1670-х, личный секретарь герцога Монмута вплоть до его казни (1685), при Якове – редактор правительственной газеты, при Вильгельме – заместитель Джона Тренчарда, госсекретаря по Северному департаменту в 1697–1700 гг. и по Южному в 1700–1702 гг. Наконец, Локк переписывался с Робертом Харли, госсекретарем по Северному департаменту

[1] Описывая положение дел в «канцелярии» 1660-х гг., Маршалл пишет: «Сердцем разведывательной системы реставрационного режима с 1660 по 1685 гг. была канцелярия государственных секретарей. С 1662 по 1674 гг. наиболее значимая работа в этой области велась в канцелярии сэра Генри Беннета, графа Арлингтона, которой руководил сэр Джозеф Уильямсон» (Marshall 1994: 28).
[2] Correspondence I 1976: 396; Correspondence II 1976: 468.
[3] Marshall 1994: 56.
[4] Hall 1991: 101.
[5] Marshall 1994: 275.
[6] Ibid: 129, 141; Correspondence I 1976.

в 1704–1708 гг. Все эти имена бросаются в глаза даже при беглом знакомстве с перепиской Локка.

Перемены в жизни Локка произошли поздней весной 1667 г., когда он переехал из Оксфорда в Лондон, в дом лорда Ашли (Купера), будущего лорда-канцлера и первого графа Шефтсбери. Локк был «приписан» к домохозяйству последнего, но служил в правительстве, занимая должности регистратора по акцизам и секретаря по презентациям, т.е. церковным бенефициям, находившимся в прямом ведении короны. Ранее, в Оксфорде он участвовал в анатомических исследованиях мозга и нервной системы, а под руководством Бойля занимался иатрохимией и алхимическими опытами. В Лондоне эти исследования продолжились. В столице тогда имелось множество лабораторий, поскольку заниматься алхимией было модно, хотя и запрещено законом. Лаборатория имелась даже в Уайтхолле (по слухам, прямо под спальней короля, из которой вниз вела специальная лестница). Карл ставил время от времени опыты сначала вместе с Робертом Морэем, имевшим в Уайтхолле собственную лабораторию, а затем со своим и Арлингтона личным врачом Дикинсоном. Опыты проводил и герцог Йоркский. В Лондоне также была лаборатория неподалеку от того места на Пэлл-Мэлл, где жили сестра Бойля Екатерина Джонс, леди Ранелэ, и знаменитый врач Томас Сиденхем, работа с которым расширила медицинские познания Локка.

Ранее в доме Бойля в Оксфорде Локк встретился со своим будущим пациентом, одним из двенадцати основателей Королевского общества Полом Нилом, сыном Ричарда Нила, архиепископа Йоркского и соратника Уильяма Лода. Как и Морэй, Нил был доверенным лицом короля. По его рекомендации в ноябре 1668 г. Локк был избран членом Королевского общества и зачислен в комитет по экспериментам. С 1671 до конца 1674 г. Локку пришлось отдавать практически все время работе в правительстве на посту секретаря лордов-собственников Каролины, а после отставки Бенджамина Уорсли, исполнять обязанности секретаря Совета по торговле и иностранным плантациям (1673–1674). В обязанности Локка входила переписка с английскими подданными, жившими и работавшими за рубежом. Он просил сообщать обо всем новом и присылать образцы растений, лекарственные средства, разного рода редкости, вроде ядовитых рыб. Ничего удивительного в том, что это совпадало с обязанностями члена Королевского общества, учрежденного как орган государственной власти, непосредственно подчиненный королю. Вскоре после его учреждения был образован комитет, занимавшийся «самыми отдаленными частями мира». В него входили Бойль, Джон Уилкинс, Морэй, Джон Ивлин и Ольденбург. В рамках Королевского общества существовал и специальный комитет по переписке, который прямо обязывал изучать труды о путешествиях и найденных в них новых растениях, животных, минералах и т.п. и писать соответствующие отчеты о прочитанном. Локк занимался систематическим сбором информации и приобрел репутацию эксперта по заморским территориям.

Однако состояние его здоровья оставляло желать лучшего, и в ноябре 1675 г. Локк отправился во Францию на лечение. Он отплыл на корабле вместе с Джоном Беркли, одним из лордов-собственников Каролины и посланником Карла в Париже. Локк жил в Монпелье, а затем в Париже, где сблизился с целым рядом первоклассных ученых и медиков. В Лондон он вернулся в апреле 1679 г., а в начале 1681 г. принял участие в качестве квартирмейстера в организации Оксфордского парламента. После бегства Шефтсбери в Голландию и его кончины (конец января 1683 г.) Локк переехал в Оксфорд, а затем незаметно отбыл в Голландию. Было ли это бегством от вероятных преследований или имело другую цель, остается неясным. Амстердам в то время наводняли английские шпионы, работавшие под тем или иным прикрытием, чаще всего под видом врачей. Правда, в отличие от них, Локк был настоящим врачом. В противном случае его было бы легко счесть информатором, засланным в стан мятежного герцога Монмута[7].

Весной Локк отправился в тур по Соединенным провинциям, в ходе которого знакомился с учеными и медиками, собирая информацию о последних открытиях и настроениях в городах, которые посещал. Ничто, казалось, не предвещало проблем, и тем не менее той же осенью он получил письмо об исключении из Крайст-Чёрч. Ему вменялось авторство подрывных памфлетов. Декан Фелл пытался замять дело, и тогда госсекретарь Роберт Спенсер прислал прямой приказ о немедленном исключении Локка. Это означало, что он более не мог считаться лицом, представляющим Церковь и государство, а кроме того, лишался двух комнат в Оксфорде, которые приносили доход. Ф. Милтон отмечает «нестыковки» в действиях Спенсера, указывающие на то, что информация о связях Локка с мятежниками в тайную канцелярию не поступала и появилась уже после объявления его врагом короны[8]. Поскольку Локк был внесен в список разыскиваемых лиц, ему пришлось больше года прятаться в доме голландских друзей. В конечном счете его вычеркнули из черного списка: по одной из версий, в правительстве сочли, что Локк попал в него по недоразумению – его приняли за другого человека.

Неприятности принесли и добрые плоды. Во время вынужденного сидения взаперти около года, Локк вернулся к ранним записям и черновикам в папке, надписанной «De Intellectu», наброскам будущего шедевра «An Essay concerning Humane Understanding» 1690 г., и тогда же, по настоянию и при помощи Жана Леклерка, подготовил рукопись к публикации.

Голландия того времени жила в ожидании французской агрессии: по слухам, Людовик в альянсе с Яковом намеревался развязать очеред-

[7] Маршалл, рисуя обобщенный портрет шпиона того времени, отмечает, что многие из них работали под прикрытием гонимых лиц и имели соответствующие «легенды». После успешного выполнения заданий их обычно назначали на какой-нибудь мелкий пост: «в акцизном ведомстве, на флоте или в правительстве». – Marshall 1994: 131.

[8] Milton 2009: 65.

ную войну. Поэтому с осени 1687 г. фаворит Вильгельма Ганс Виллем Бентинк при помощи Генри Сиднея, впоследствии, после Славной революции, занявшего должность госсекретаря, начал создавать сеть агентов в Англии и Шотландии[9]. Тайные контакты с Бентинком тогда же, а возможно и раньше, наладил Спенсер, ближайший советник Якова. «Сеть» действовала независимо от дипломатической службы и после вторжения стала основой для мощной англо-голландской разведывательной организации, имевшей двойную (как формальную, так и неформальную, то есть подчиненную лично Бентинку) структуру[10]. В 1688 г. была развернута широкая кампания по дискредитации Якова и создана специальная группа, во главе которой стояли великий пенсионарий Гаспар Фагель и капеллан Вильгельма Гилберт Бернет[11], в недавнем прошлом протеже архиепископа Кентерберийского Уильяма Санпкрофта и автор официальной «The History of the Reformation of the Church of England».

Какую роль играл Локк в подготовке вторжения, неизвестно, но по прибытию в Англию ему прочили высокие посты, настойчивее всего – пост посланника в Бранденбурге. На всем протяжении 1990-х Локк оставался весьма влиятельным лицом. Степень доверия к нему «голландской партии» была столь высока, что в ходе личной встречи в начале 1698 г. Вильгельм предложил ему пост госсекретаря. В любом случае участие Локка в подготовке вторжения 1688 г. не было проявлением непослушания – оно было санкционировано властью. Быть может, самый интересный вопрос – когда именно началось сотрудничество Локка с этой «второй» властью, состоявшей равно из тори и вигов, англикан и диссентеров, и даже антифранцузски настроенных католиков. На родину он перебрался в феврале 1689 г., после того как конвент принял решение короновать Вильгельма и Марию. По протекции Чарлза Мордонта, одного из командующих военной экспедицией, назначенного после переворота на посты первого лорда казначейства и члена Тайного совета[12], Локк получил должность члена комиссии по апелляциям при Акцизном ведомстве. Поскольку состояние его здоровья исключало постоянную работу в Лондоне, в 1690 г., по предложению члена парламента Френсиса Машема и его супруги Дамарис Машем (урожденной Кедворт), Локк поселился в их родовом поместье Оутс в Эссексе. Время от времени он приезжал в Лондон, но в основном оставался в Оутсе и занимался литературной работой: отвечал на критику собственных произведений, дополнял «Опыт о человеческом понимании» новыми главами, писал трактаты и памфлеты, вел обширную переписку. В поместье Машемов также собиралась для обсуждения политических вопросов группа влияния, которую называли «коллегией Локка». «Рупором» политических идей Локка в парламенте был член палаты общин Эдвард Кларк.

[9] Onnekink 2007: 54.
[10] Ibid: 41–43, 173.
[11] Bergin 2009: 225.
[12] См.: Weil 2013: 107, 109, 160, 202.

Главным вкладом Локка в историю политической мысли стали «Epistola de Tolerantia», в английском переводе «A Letter concerning Toleration», 1689, далее «Послание») и «Two Treatises of Government», 1690, далее «Два трактата»), публикация которых совпадает по времени с событиями Славной революции. По мнению К. Скиннера, «Два трактата» – классический текст радикальной кальвинистской политики[13]. Стоит заметить, что причисление этого произведения к кальвинизму и к радикализму обязано, в частности, французскому переводу, который в начале 1691 г. сделал друг Локка, гугенотский пастор и беженец Давид Мазель, принадлежавший к кругу Леклерка. Переведен и издан был только «Второй трактат», причем без первой главы, связывавшей его с «Первым трактатом», и без предисловия Локка. В следующем веке этот перевод много раз переиздавался[14], а в 1755 г. в Амстердаме вышел под редакцией и с примечаниями Жана Руссе де Мисси, который в своем предисловии подавал автора как республиканца и единомышленника[15].

Конечно, дело было не только в интерпретации, которую Руссе дал трактату в предисловии и примечаниях. «Второй трактат» и сегодня читается как произведение, направленное против режима личного правления и провозглашающее источником власти народ, который, как и отдельный человек, имеет право на вооруженное сопротивление тирану и право на то, чтобы не допустить наступления тирании. Хотя такое право, по Локку, возникает лишь в чрезвычайных обстоятельствах, грозящих стране гибелью. Кроме того, оно формируется постепенно, в зависимости от того, насколько намеренно и целенаправленно высший правитель нарушает закон, превращая законную прерогативу короны в произвольную манипуляцию законом. При этом нигде во «Втором трактате» не обсуждаются и даже не упоминаются сами события Славной революции: теоретические рассуждения не привязаны к конкретным историческим обстоятельствам 1688–1689 гг., поскольку строились не в ходе революции, а до нее, и служили идеологическим инструментом республиканизма. Когда именно создавались эти тексты — предмет исторических споров. Но именно абстрактный характер «Второго трактата» и определил его значение для будущего.

В то же время авторский замысел «Двух трактатов» в целом, если судить по предисловию самого Локка, заключался в критическом анализе доктрины Божественного права королей[16] и, косвенно, в оправдании восхождения Вильгельма на трон. Хотя «Первый трактат» был написан *в начале* восьмидесятых, но он более или менее соответствовал и контексту Славной революции. По сути, и «Послание» соответствует этому контексту, поскольку содержит призыв к отделению Церкви от государства, что, в частности, выражено в формуле: «But there is absolutely no

[13] Skinner 1978: 239.
[14] См. подробнее в предисловии П. Ласлетта: Locke 1988: 12–15.
[15] См.: Jacob 1991: 111–113 и далее.
[16] В версии «Патриарха» Роберта Филмера (написан в начале 1630-х, издан в 1680 г.).

such thing, under the Gospel, as a Christian Commonwealth». Обратим внимание на контекст: Локк противопоставляет свое понимание власти, какой она должна быть, «абсолютной теократии» иудеев[17]. Спустя несколько лет Локк напишет трактат «Разумность христианства», в котором будет проводить идею «минимального кредо» как средства ненасильственного объединения христиан, и которое содержало ту же идею разделения светской и церковной властей, т.е. было направлено против конфессионального государства.

Несмотря на удаление в деревню, Локк находился в центре событий, был близок к «вигам двора» и их лидеру Джону Сомерсу. Известны также его доверительные отношения с архиепископом Кентерберийским Джоном Тиллотсоном, в начале девяностых продвигавшим программу реорганизации Англиканской церкви в духе меньшей закрытости. Будучи англиканином, но при этом не приемля конфессионального государства и религиозных преследований, Локк поддерживал линию Тиллотсона и нового церковного руководства, хотя, конечно, его взгляды выходили далеко за рамки программы реорганизации.

Главной проблемой постреволюционной Англии была хроническая нехватка ресурсов для продолжения войны Аугсбургской лиги с Францией, а после Рисвикского мирного договора – для подготовки к неизбежному возобновлению военных действий. Локк принимал участие в дискуссиях по финансовым вопросам, выступал с предложением «не вмешиваться» в рынок ценных бумаг; обсуждал также и проблему «перечеканки» испорченных серебряных монет. Важнейшей инициативой второй половины 1690-х стало возрождение Совета по торговле и плантациям. Одним из восьми комиссионеров король назначил Локка, который много сделал для превращения этого органа в действенный инструмент колониальной политики[18]. На всем протяжении правления Вильгельма Локк был твердым сторонником короля-статхаудера, считая его не только спасителем Англии от папства и рабства, но и восстановителем «древней конституции». Пусть даже первым шагом к такому восстановлению стала голландская оккупация, по счастливому стечению обстоятельств не уничтожившая, а укрепившая суверенитет Англии.

«Два трактата» и «Послание» были опубликованы анонимно. В отличие от них документ[19], которому М. Голди дал название «О верности и революции», а П. Ласлетт «Призыв к единству нации»[20], подписан инициалами «JL»[21] и датируется апрелем 1690 г. Дж. Фарр и К. Робертс называют его скетчем, наброском ненаписанного памфлета. Главную проблему Локк видит в расколе и призывает не доверять тем, кто, находясь на государственной службе, придерживается «подрывной» доктри-

[17] Locke 1983: 44.
[18] См.: Marshall 2013: 68–69, 75–76, 85–86; Armitage 2000: 165–166.
[19] Документ впервые опубликован в «The Historical Journal»: Farr and Roberts 1985. Перевод сделан по этой публикации.
[20] Locke 1997: 306–313.
[21] Найтс считает автором тезисов Кларка. О нем и «коллегии Локка» см.: Knights 2006.

ны Божественного права королей. Правление нового монарха законно потому, пишет Локк, что Вильгельм восстановил закон, нарушенный прежними правлениями. Это повторяет его предисловие к «Двум трактатам», где он называет короля "our Great Restorer" (нашим великим возобновителем)[22], и то место в письме Кларку, где он пишет о необходимости восстановления «древнего правления». Именно о возобновлении «древней конституции», т.е. «смешанного правления», а не монархии и тирании, и идет речь[23]. Помимо предисловия к «Двум трактатам», «скетч» – единственный текст Локка, в котором обсуждаются реалии Славной революции. По словам его публикаторов Дж. Фарра и К. Робертса, «Локк не написал ни *Послания*, ни *Опыта*, ни *Трактата* о революции или о последовавшем за ней урегулировании. По этим вопросам, по-видимому, главным его завещанием потомкам стало молчание»[24], если не считать «скетча», в котором «нет ничего демократического или республиканского»[25]. Но этого там и не могло быть после того, как Вильгельм и Мария взошли на трон, и Англия вступила в войну с Францией. Контекст изменился, и в этом новом контексте идеям, на реализацию которых надеялись республиканцы до февраля 1989 г., уже не было места. Наилучшей тактикой для некоторых из них стало «молчаливое» и по преимуществу анонимное влияние на текущую политику страны, питаемое надеждами на будущие преобразования.

Ниже прилагается перевод документа, ныне хранящегося в Бодлианской библиотеке (Bodleian MS Locke e. 18).

Повсюду звучащие сетования и охватившее людей уныние столь заметны, что на них невозможно не обратить внимание. Дело не в том, что нашей нации недостает мужества, и не в неверии в наши силы, не это приводит нас в отчаяние. Страх вызван расколом в наших рядах: всем известно и все говорят, что если мы не сплотимся, то не выстоим. Поэтому позвольте тому, кто любит своего короля и свою страну, стремится к миру и печется о протестантизме, смиренно изложить свои мысли во времена, когда добрые и честные люди ощущают нависшую над всеми опасность.

Все согласны, что если Англия объединится, то легко сокрушить ее не удастся. Так избавим же ее от угрозы. (1) Не стану предлагать единство мнений. Возлагать надежды на равную просвещенность людей в вопросах совести не стоит. Разум и опыт подсказывают, что те, кто для достижения этого использует насилие, совершают ошибку; принуждение только усиливает раскол. Надеяться можно лишь на то, что к общему согласию в мыслях приведет взаимное милосердие, но и на это вряд ли стоит рассчитывать.

(2) Не стану предлагать общего согласия (union of consent) и в том, что касается персон и методов в общественных делах — вопросы, в которые нам не стоит вмешиваться. Повиновение тем, на кого возложена забота о народе, принесет должный результат. Поэтому предложу только то, что все призна́ют абсолютно необходимым

[22] Locke 1988: 157. Термин «restorer» можно найти только в одном месте Библии короля Якова: Ис 58: 12: «thou shall be called, The repairer of the breach, The restorer of paths to dwell in» (King James Version); ср. «и будут называть тебя восстановителем развалин, возобновителем путей для населения» (Синодальный перевод).
[23] Correspondence III 1978: 545; см. также: Locke 1988: 414; Locke 1988: 355.
[24] Farr and Roberts 1985: 385.
[25] Ibid: 391.

для существования и продолжения нашего правления и без чего никогда и никак не удастся защитить наше спокойствие и нашу религию.

Отсчет избавления от папства и рабства с полным основанием ведут с момента прибытия принца Оранского, а завершением его все, кто желает успеха принцу и его предприятию, считают вступление на трон короля Вильгельма. Это барьер, возведенный на пути папства и Франции, ибо имя короля Якова для них ничего не значит. Если он вернется, под каким бы предлогом это ни произошло, править нами будут иезуиты, а господами станут французы. Яков слишком предан первым и слишком опирается на вторых, чтобы расстаться с кем-либо из них. И невозможно ожидать от того, кто рискнул тремя коронами и потерял их ради слепого послушания властителям его совести и следуя советам и примеру французского короля, – после провокационных действий, вызвавших к нему еще большую неприязнь, – что он вернется с миром и добрыми намерениями в отношении англичан, их свобод и религии. И поэтому мне хотелось бы, чтобы самые храбрые и самоотверженные среди нас, и при этом не испытывающие никакого желания превратиться в презренных папских новообращенных и несчастных французских крестьян, подумали, какие гарантии они будут иметь, на какую помощь рассчитывать и какие надежды питать, когда, ведомые амбициями и хитростью великих людей, кем бы те ни были, от которых зависят и за которыми идут, они попадут однажды, как невинные овцы, на этот рынок, на бойню, ибо, какие бы выгодные для себя сделки ни заключали правители, вечной истиной является то, что глупое стадо последователей всегда покупается и продается.

Поэтому те, кто не желает распада альянса, созданного для защиты христианского мира, должны поддержать наше нынешнее правление, которое является средоточием этого альянса и от которого последний зависит. Те, кто не желает предавать Англию и подвергать ее папскому гневу и мщению, в ком не угасла любовь к своей стране, своей религии, своей совести и своим домам, должны встать на защиту возведенного нами бастиона, этой единственной преграды на пути разрушений и несчастий, еще более губительных, чем те, от которых мы были недавно избавлены. Всем нам надо объединиться в искренней лояльности его величеству и поддержать его правление.

I. Первым шагом к такому единству – думаю, это ясно всем – должен стать Акт об всеобщем забвении. Все разногласия желательно отставить в сторону. Если же, поддавшись происками врагов и собственным горячности и недомыслию, мы продолжим клеймить друг друга не подобающими истинным англичанам словами, то пусть вину, обязанную собой разногласиям и ими умноженную, загладит мудрость наших сенаторов и они вернут нас к той мере невиновности, которую способен дать закон. Пусть обвинения в преступлениях или страх наказания не будут заставлять людей искать выход в беспорядках. Дайте им спокойствие и безопасность, и у них будут все основания желать, чтобы правление было прочным и продолжалось без потрясений. Люди, любящие свою страну, но еще больше любящие самих себя, и те, кто не станет нарушать спокойствие, если почувствуют себя в безопасности, будут во что бы то ни стало избегать бесчестия и разорения, даже если для этого им придется сторониться публики.

2. В последние годы в Англии усердно распространялась доктрина, согласно которой корона должна наследоваться *jure divino*, и есть основания полагать, что она все еще владеет некоторыми умами. Получая признание, она вступает в непримиримое противоречие с нашим спокойствием и нынешним строем. Все, кто считает, будто по закону и Божественному назначению право на трон Англии имеет не король Вильгельм, а кто-то другой, причем имеет его по высшему долженствованию, а именно Божественному праву, непреложному и не допускающему исключений, являются прямыми врагами нашего короля и его правления. Поэтому всем, кто признает себя подданными короля Вильгельма, надлежит официально и публично отречься от доктрины, в соответствии с которой его титул является недействительным. Те, кто

называет его своим королем и верит в это, не могут не свидетельствовать сами и не признавать свидетельства других, убеждая разумных людей, что они должны стать опорой трона, от которого зависят наши спокойствие и религия. Те же, кого мучают сомнения, демонстрируют со всей очевидностью, что, выказывая притворную лояльность королю Вильгельму, они на самом деле остаются подданными короля Якова. Нетрудно угадать, кого из двоих, когда подвернется случай и следуя долгу и совести, они предпочтут и кому окажут содействие. Того, кто еще не отрекся от этого принципа, как бы он ни притворялся, мало заботят общественный мир и безопасность, ему не нужны настоящие друзья, он ищет тайных врагов правления, не думая о последствиях. Политика такого рода до сих пор была неизвестна государям, полагавшим, что выявить враждебно настроенных лиц в правительстве не составляет большого труда. Но пусть кто-нибудь докажет, что Божественное право наследования английской короны не подрывает нынешнего порядка. Если вам удастся примирить эту доктрину с правлением Вильгельма и послушанием его власти, то я оставлю ее в покое как схоластическую спекуляцию. Но, поскольку речь идет о жизни и короне его величества, а это именно так, если речь идет о спокойствии его правления и благоденствии подданных, нам не стоит полагать, что мы достаточно едины, пока не будем точно знать, кто из нас разделяет столь опасную доктрину и придерживается принципа активного противодействия королю и его правлению.

3. Нарушения закона прежними правлениями стали причиной прибытия Вильгельма и наделили его правом вступить на трон. Его собственная декларация и публичные акты нации устранили сомнения на сей счет. Но те, кто не признает и не осуждает допущенные злоупотребления, не видят и достаточно веской причины для произошедших перемен и нашего избавления. Если нарушений закона не было, то наше недовольство было бунтом, а наше спасение — восстанием, и мы должны как можно скорее вернуться к нашему прежнему послушанию. Те, кто так думает, не могут не делать такого вывода, а те, кто признает нарушения, причем такие, которые не могли привести ни к чему другому, кроме отречения, должны, если его величество им не безразличен, объединиться в публичном осуждении злоупотреблений и отвращении к ним, поскольку без этого они никогда не смогут оправдать ни восхождения Вильгельма, ни свою поддержку его на троне.

4. Принц Оранский со своим войском, когда ничего другого не оставалось, пошел на риск, чтобы восстановить наши попранные и слабеющие законы, свободы и религию. Правоту его действий должны признать все, кто не желает его ухода. Те же, кто не присоединится к признанию как великодушия, так и законности этого славного предприятия, не могут иметь другой причины для еле скрываемой тошноты, кроме мнения о нем как о незаконном вторжении врага, находиться под властью которого невыносимо и от которого они бы охотно избавились. По крайней мере, и это следует признать, они рассчитывают на еще одни перемены. Король Яков может положиться на тех, кто пользуется выгодами предприятия короля Вильгельма, не разделяя его целей, поскольку их молчание достаточно ясно говорит, на чьей они стороне. Но королю Вильгельму нельзя им доверять, если только он не считает, что должен заплатить за корону вознаграждением этих людей. Многие из тех, кто ранее находил его дело справедливым, предали его, и совершенно невозможно в здравом уме ожидать поддержки от тех, кто отказывается признавать правду на этой стороне.

5. В последнее время как в разговорах, так и в печати часто встречается различение короля *de facto* и короля *de jure*, т.е. короля, занимающего трон, и короля по праву. Нынешнее правление спасло нас год назад и будет защищать нас в дальнейшем, поэтому не будем тратить понапрасну время и признáем Вильгельма нашим королем по праву. Любой, кто отрицает это, должен считать его узурпатором! Ибо что такое узурпатор, как не король, восседающий на троне, на который он не имеет права? Неудивительно, что король Франции, изливая крайнюю злобу, так его и называет, и я не удивлюсь, если те, кто отказывает Вильгельму в праве на корону, объединятся

с французским королем, да и с кем угодно, чтобы лишить того, кого они считают узурпатором, этого права. Это тем более вероятно, что среди нас находится несколько человек, ранее весьма рьяно и упрямо отрицавших, что трон свободен, и считавших, что король Вильгельм должен стать командующим и получить титул регента, оставаясь в подчинении у короля Якова, с сохранением за последним права на корону и верность народа. Не слышно что-то, чтобы эти люди отказались от своей публичной позиции или выразили сожаление по ее поводу, на что следовало бы обратить внимание тем, кто следит за безопасностью и спокойствием государства. Если же они изменили мнение, им не составит труда объявить об этом, особенно в момент, когда это поможет успокоению умов и упрочит правление, которое они призна́ют. А если они будут упорствовать, то это тоже должно стать известно, а сами они заслуживать к себе другого отношения, чем те, кто искренне объединился в поддержке нынешнего правления, в котором нуждаются единство, безопасность нации и сохранение нашей религии.

Я обращаюсь сейчас к каждому истинному англичанину и спрашиваю, не являются ли эти пункты главными условиями сохранения нашего спокойствия, безопасности королевской особы и защиты королевства? Разве не заявляют о своем размежевании и не выступают против продолжения правления те, кто не желает объединяться по этим вопросам? На что они надеются, раскалывая королевство, с тем чтобы оно действовало против самого себя, и как они тогда намерены его сохранить? Различия во мнениях и по мелким вопросам среди тех, кто согласен в главном, не расшатывают основ. Правления всегда существовали и часто процветали, имея фракции, но нельзя ожидать поддержки конституционного строя, каким бы он ни был, от тех, кто даже не объявляет о его поддержке и не признает права государя, которому они должны повиноваться. Об этом всегда и в первую очередь заботились все режимы, пережившие свое рождение; они не оставляли нерешенным и неопределенным вопрос о праве своих правителей и о провозглашении и признании такого права. Ибо как можно ожидать, что народ будет тверд в поддержке правления, если оно само нетвердо и не отстаивает своего права? Если законодатели оставят этот вопрос нерешенным, если великие люди при дворе, занимающие должности и получающие за это плату, не объявят открыто и прямо о своей поддержке, то что́ заставит остальную нацию быть верной и послушной, когда ее совесть будут раздирать сомнения, а вопрос о правах на титул, на которые претендуют стороны, останется не прояснённым в публичных актах или хотя бы через открытое и решительное заявление тех, кто находится на службе и потому обязан знать о правах и признавать их? Публичного молчания самого по себе достаточно, чтобы породить в народе колебания, и всегда найдутся казуисты, которые их усилят. Но в нашем случае, думаю, дело обстоит хуже. Пресса открыто сеет сомнения, все вокруг задают вопросы, и нет никого, кто бы искренне и убежденно выступал на стороне правления. Мы ведем совсем не малую войну. У наших дверей стоит мощный и агрессивный враг, и у него достаточно эмиссаров и приспешников, чтобы раздуть любые сомнения и подозрения и превратить их в беспорядки и волнения. Малейшая трещина среди нас (а поскольку мы не заявили публично о единстве, то недалеки от раскола) позволит вторгнуться врагу и его драгунам. Спросим любого самого пылкого вига или тори среди нас (кроме тех в высших кругах, кто способен пойти на сделку и продать других), что́ он хочет получить, впустив сгоряча и из ненависти друг к другу иностранные войска, врагов нашей религии и нации, и превратив страну в арену, на которой прольется кровь, произойдут массовая резня и опустошения? Стоит ли партийное рвение разорения его дома и гибели его семьи? Будет ли он рад тому, что сделал, когда увидит своих детей в лохмотьях, а жену подвергнутой насилию? Ибо жестокие унижения со стороны вооруженных саблями иностранцев, особенно тех, кто исповедует противоположную религию, затронут всех без разбора. Будет ли французский или ирландский господин, который лишит их всего и совершит насилие даже над их совестью, более

терпим, чем англичанин по соседству, мирно живущий рядом, хотя и придерживающийся немного других мнений? Пусть каждый протестант, каждый англичанин подумает, положа руку на сердце, какая такая смертельная ссора с соотечественниками заставляет его рисковать религией, свободой, собственной безопасностью и безопасностью страны, вместо того чтобы жить вместе на любых приемлемых условиях? Ибо все это поставлено на карту и будет потеряно, если мы сейчас не сплотимся.

Перевел А.А. Яковлев

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Armitage D. The Ideological Origins of the British Empire. Cambridge: C.U.P., 2000. 239 p.

Bergin E. Defending the True Faith: Religious Themes in Dutch Pamphlets on England, 1688–1689 // War and Religion after Westphalia, 1648–1713 / Ed. by D. Onnekink. Farnham (Eng.) & Burlington (USA): Ashgate Publishing Ltd., 2009. P. 217–250.

Correspondence of John Locke. In Eight Volumes / Ed. by E.S. de Beer. Oxford: Clarendon Press, 1976. Vol. I. 707 p.; Vol. II. 805 p.; Vol. III. 801 p.

Farr J. and Roberts C. John Locke on the Glorious Revolution: A Rediscovered Document // The Historical Journal. Vol. 28. No. 2. Jun.,1985. P. 385–398.

Hall M.B. Promoting Experimental Learning. Experiment and the Royal Society, 1660–1727. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 207 p.

Jacob M.C. Living the Enlightenment. Freemasonry and Politics in Eighteenth-Century Europe. N.Y. & Oxford: Oxford University Press, 1991. 204 p.

Knights M. Clarke, Edward (1650–1710), of Chipley, Som. // www.historyofparliamentonline.org

Locke J. A Letter Concerning Toleration / Ed. by J.H. Tully. Indianapolis: Hackett Publishing Company, Inc. 1983. 62 p.

Locke J. Two Treatises of Government / Ed. by P. Laslett. Cambridge: C.U.P., 1988. 464 p.

Locke J. Political Essays / Ed. by M. Goldie. Cambridge: C.U.P., 1997. 409 p.

Marshall A. Intelligence and Espionage in the Reign of Charles II, 1660–1685. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 334 p.

Marshall J. Whig Thought and the Revolution of 1688–91 // The Final Crisis of the Stuart Monarchy. The Revolutions of 1688–91 in their British, Atlantic and European Contexts / Ed. by T. Harris and S. Taylor. Woodbridge: The Boydell Press, 2013. P. 57–86.

Milton Ph. John Locke's Expulsion from Christ Church in 1684 // Eighteenth-Century Thought. Vol. IV. Ed. by J.G. Buickerood. N.Y.: AMS Press, Inc., 2009. P. 29–66.

Onnekink D. The Anglo-Dutch Favourite. The Career of Hans Willem Bentinck, 1st Earl of Portland (1649–1709). Aldershot (Eng.) & Burlington (USA): Ashgate, 2007. 297 p.

Skinner Q. The Foundations of Modern Political Thought. V. II: The Age of Reformation. Cambridge: Cambridge University Press, 1978.

Weil R. A Plague of Informers: Conspiracy and Political Trust in William III's England. New Haven & London: Yale University Press, 2013. 360 p.

***Яковлев Анатолий Александрович**, кандидат философских наук, независимый исследователь; yakovlev1632@gmail.com*

Locke and State Authority

John Locke was a loyal subject and State servant. Being a helping hand to Robert Boyle he at the same time held government posts and carried out the tasks of authorities. He tried to hide in Holland after the break of repressions following Rye House plot, but soon was called back probably to testify against the conspirators. Locke ignored Charles' order, and he also declined to return after James' ascension, convinced that since the King breaches the law, doing that time and again, he cannot be the head of State any longer. The same loyalty to Monarch as an element of state, rather than a person established *jure divino* holds out after the Dutch invasion. Locke remained faithful to King-Stadhouder to the end of William's life. The article includes the translation of Locke's theses (1690), in which he calls on to renounce the Doctrine of the Divine Right of Kings.

Keywords: Robert Boyle, Joseph Williamson, Robert Spencer, John Tillotson, Divine Right of Kings, William III of England

***Anatoly A. Yakovlev**, Csc in Philosophy, independent scholar; yakovlev1632@gmail.com*

М.А. Киселев

ПЛУТАРХ ПРИ ДВОРЕ ЦАРЯ «ГРАЖДАНСТВО» СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО И ЛЕГАЛИЗМ В РОССИИ НАКАНУНЕ ПЕТРОВСКИХ РЕФОРМ

В статье анализируется идейное содержание программного политического стихотворения «Гражданство», написанного во второй половине 1670-х гг. ключевым московским придворным интеллектуалом Симеоном Полоцким. Рассматривается понятие *гражданство* в московском политическом языке, а также устанавливается источник, который поэт положил в основу вирши, – советы семи мудрецов из сочинения Плутарха, предназначенные для демократии. Эти советы Симеон Полоцкий адаптировал для монархии, результатом чего стало провозглашение *закона* обязательным атрибутом власти монарха, фактически равным последнему по своему значению в управлении. Как результат, поэт предвосхитил легализм государства Петра I.

Ключевые слова: *Симеон Полоцкий, Плутарх, история России, интеллектуальная история, история понятий*

В начале 1675 г. на российский престол взошел Федор Алексеевич. Одним из важных отличий от предшественников было его образование и – шире – воспитание, данное ему при самом деятельном участии выходца из западнорусских земель Речи Посполитой, православного монаха Симеона Полоцкого (1629–1680), известного при царском дворе своим литературным творчеством. Как отмечает Л.И. Сазонова, «благодаря незаурядному таланту, прекрасной для восточных славян образованности и огромному трудолюбию Симеон Полоцкий стал первым московским просветителем европейского типа. Он принес в русскую культуру многие небывалые в ней ранее явления и по сути, и по форме, и по масштабу. Идеологические и художественные новации, введенные им, а также другими выходцами из бывших окраин Речи Посполитой – представителями украинской и белорусской интеллигенции, устремившимися в середине века в свою новую столицу, можно определить как вторжение в национально замкнутую жизнь русского общества европейской пост-ренессансной культуры»[1]. Вторжение европейских новаций коснулось и политических идей. Этому более чем способствовало положение Симеона Полоцкого как воспитателя наследника престола, который, настроенный благосклонно к своему учителю, стал царем. Для интеллектуала, жившего в эпоху перемен, Симеон Полоцкий оказался в благоприятных условиях, открывавших новые возможности для распространения в пространстве двора новационных представлений о политике.

Еще в 1863 г. С.М. Соловьев, рассуждая о России накануне петровских преобразований, обратил внимание на деятельность Симеона при дворе: «Симеон Полоцкий был образцом домашнего учителя, какой требовался у нас в XVII, XVIII и даже в XIX веках: выучить детей всему, но без принуждения, уметь подсластить науку, приохотить к ней; но кроме

[1] Сазонова 2006: 53.

учения детей домашний учитель должен быть годен и на другие послуги в доме». И далее: Симеон – «ходячая энциклопедия, неутомимый борзописец, умевший писать обо всем, ловкий собиратель отовсюду чужих мнений и старающийся представить их занятно, заставить выучить их шутя: разумеется, от такого человека нельзя требовать оригинальности, самостоятельности. <…> посмотрим, что Полоцкий предлагает в виршах своему ученику. Он говорит ему о *гражданстве* и предлагает определения семи греческих мудрецов, внушая, что все они хороши. <…> представляет своему ученику образец доброго начальника… В виршах описывает добродетели, приличные державным»[2].

В.О. Ключевский, следуя за своим учителем, при анализе «западного влияния» в России XVII в. также обратился к фигуре Симеона Полоцкого: «Люди высшего московского класса старались запастись средствами для домашнего образования своих детей, принимая к себе в домы приезжих учителей, западнорусских монахов и даже поляков. Сам царь Алексей подавал пример в этом. Он не удовлетворялся элементарным обучением, какое получили его старшие сыновья Алексей и Федор от московского приказного учителя, велел обучать их иноземным языкам латинскому и польскому и для довершения их образования призвал западнорусского ученого монаха Симеона Ситиановича Полоцкого». Полагая, что в «его виршах можно видеть стихотворный конспект его уроков», Ключевский писал, что в своих стихотворных произведениях Симеон Полоцкий «касается и политических предметов, стараясь развить в своих царственных питомцах политическое сознание… Он рисует своим ученикам политический идеал отношений царя к подданным в образе доброго пастыря и овец»[3]. Что примечательно, Ключевский, как и Соловьев, проиллюстрировал политические рассуждения Симеона Полоцкого, прежде всего, виршей «Гражданство».

Наблюдения дореволюционных авторов получили развитие в советское время. В 1953 г. И.П. Еремин, говоря о поэтической энциклопедии Симеона Полоцкого «Ветроград многоцветный», писал, что это – «корпус всей» его «дидактической поэзии». Далее он отмечал:

> «сравнительно большое место в составе сборника занимают стихотворения, посвященные общественно-политической проблематике. Сюда относятся: стихотворение “Гражданство”, где Симеон Полоцкий устами ряда прославленных философов древности подробно характеризует все те основания человеческого “гражданского” общежития, которые “крепят государства, чинна и славна содевают царства”; стихотворения, где говорится о “гражданских” обязанностях каждого человека, о необходимости “правителям” соблюдать установленные в стране законы, о труде как обязательной основе всякого благоустроенного общества»[4].

В 1958 г. В.М. Пузиков, оценивая политические идеи, которые развивал Симеон при московском дворе, отмечал: «Требование установления сильной и неограниченной царской власти сочеталось у С. Полоц-

[2] Соловьев 1962: 149–150.
[3] Ключевский 1988: 263.
[4] Еремин 1953: 232, 233.

кого с поучениями царям по поводу всей их личной и государственной деятельности, по поводу их прав и обязанностей в отношении ко всем членам общества. Он начертал довольно широкую программу внешнеполитической и внутренней, государственной и личной деятельности царя. Эту программу и образ "идеального" монарха Полоцкий отчетливо наметил уже в сборнике "Вертоград многоцветный" в таких стихотворениях, как "Гражданство", "Начальники", "Закон", "Труд", "Разнствие", "Нищета царей", "Любовь к подданным", "Образ", "Суд", "Риза"»[5].

А.Н. Робинсон со ссылкой на «Гражданство» указывал, что, «опережая свое время, Симеон Полоцкий первым в русской литературе стремился выразить западноевропейскую идею абсолютистского легитимизма»[6]. В.П. Гребенюком, О.А. Державиной и А.С. Елеонской «Гражданство» было определено как *программное стихотворение* Симеона[7]. Болгарская исследовательница Л.И. Боева писала, что «одно из лучших стихотворений Полоцкого в сборнике "Вертоград многоцветный" написано в панегирическом жанре, но в нем воспевается уже не царь или царский наследник, а "гражданство преблаго". В стихотворении "Гражданство" Полоцкий, как все просветители следующего XVIII в., выступает за соблюдение закона в государственной жизни. В государстве тогда все в порядке, когда и царь, и подданные соблюдают законы»[8].

Итак, исследователи, рассуждая о политических идеях, которые Симеон высказывал при дворе московских царей, отводят центральное место вирше «Гражданство», приписывая ей программный характер. Оказывается, что Симеон Полоцкий именно в этом стихотворении предвосхитил легализм XVIII в., в рамках которого понятие *закон* стало одним из центральных в политическом языке Российской империи[9]. Упомянуты авторов вирша «Гражданство» притягивала, прежде всего, своим содержанием. Исходя из него они и устанавливали его программный статус, но, как следует из исследований Л.И. Сазоновой, «Гражданство» и для самого Симеона было программным, оно было частью поэтической энциклопедии «Вертограда многоцветного», над которой Симеон трудился во второй половине 1670-х гг. В ее беловой редакции, с которой, как правило, работали исследователи, стихотворения были упорядочены по алфавитному принципу. Сазонова, изучая автограф «Вертограда», обнаружила, что, «когда Симеон приступал к работе над "Вертоградом", он не собирался располагать стихи в последовательности алфавита… Он не писал азбуковника и не сочинял стихов на буквы алфавита». Первоначально «Вертоград» состоял из тематических блоков, один из которых был посвящен светской власти. В связи с этим Сазонова отмечает: «Обсуждение проблемы гражданской власти начинается в сти-

[5] Пузиков 1958: 37.
[6] Робинсон 1974: 69.
[7] Гребенюк, Державина, Елеонская 1978: 206.
[8] Боева 1983: 151.
[9] Марасинова 2017.

хотворении “Гражданство”… где трактуется о благе государства, искусстве общественного управления. Далее описывается, какими качествами должен обладать начальник, какие отношения должны его связывать с подданными (“Начальник”…; “Непокорство”…; “Суд”…), какие требования к себе он должен предъявлять (“Правитель”…). Качества подданных разбираются в стихотворении “Овцы”»[10]. Итак, для Симеона именно виршей «Гражданство» открывался разговор о государстве.

Несмотря на внимание исследователей к «Гражданству», оно изучено довольно слабо. Так, еще в конце XIX в. было установлено, что Симеон положил в основу большинства своих вирш из «Вертограда» ряд сочинений западноевропейских авторов. Согласно последним подсчетам А. Хипписли, из 2317 стихотворений «Вертограда» «1234 восходят к Фаберу, 189 – к Меффрету, 42 – к “Великому зерцалу”, 28 – к “Polyanthea”, 12 – к “Золотой легенде” де Ворагине и 7 – к Марханти. Для 855 стихотворений источник пока не найден»[11]. «Гражданство» находится среди последних. Однако без знаний о его источнике оказывается весьма непросто объяснить, например, благодаря чему Симеон смог предвосхитить легализм XVIII века.

Н.П. Берков в статье 1968 г. постулировал, что в своих сочинениях Симеон настойчиво разрабатывал темы, которые станут ведущими в русской литературе XVIII в., включая тему «идеального государя». Указывая на «Гражданство» и отмечая, что «большое внимание уделяет Симеон Полоцкий теме “закона”», Берков написал о том, что «в творчестве Симеона Полоцкого предвосхищаются темы, впоследствии разрабатывавшиеся русскими писателями XVIII века, источники которых литературоведы видели в произведениях западных философов и моралистов». Из этого он делал вывод: такая «“идеальная” проблематика была продиктована русским писателям самой жизнью, исторической действительностью, а не почерпнута из просветительской литературы Запада»[12].

Что ж, действительно, без знания источников политического вдохновения Симеона Полоцкого остается только ограничиваться рассуждениями, что именно московская жизнь второй половины XVII в. поставила перед ним проблему идеального монарха. В конце концов, статус придворного интеллектуала и учителя наследника престола располагал к тому, чтобы затрагивать в творчестве актуальные политические проблемы. Однако такое допущение игнорирует вопрос о возможностях интеллектуала откликаться на запросы жизни определенным способом, равно как и формировать новую проблематику, исходя из собственных идейных предпочтений и концептуального багажа. Ведь Симеон, пользуясь выгодным положением в придворном пространстве, мог стремиться, основываясь на своем немосковском опыте, привнести в московскую политическую культуру что-то новое. Рассуждений о влиянии

[10] Сазонова 1982: 210, 220.
[11] Хипписли 2001: 707.
[12] Берков 1981: 144–146.

исторической действительности все же недостаточно, чтобы объяснить политический язык Симеона Полоцкого и обосновать, почему он оперировал именно понятиями *гражданство* и *закон*, а, например, не более традиционными для Московского царства *государством* и *правдой*. Здесь дополнительно заметим, что исследователи оставили без разъяснений, почему Симеон Полоцкий писал именно о *гражданстве*, а не вынес в заглавие программной политической вирши иное понятие.

В настоящей работе мы специально проанализируем идейное содержание вирши «Гражданство», для чего, во-первых, рассмотрим вопрос о бытовании понятия *гражданство* в московском политическом языке ко времени появления при царском дворе Симеона Полоцкого и, во-вторых, постараемся установить источник, который поэт положил в основу своего программного политического стихотворения.

Что касается *гражданства*, то в академическом «Словаре русского языка XI–XVII вв.» есть две статьи, связанные с этим словом. Первая – ***гражанство***, которое определяется как «Совокупность граждан, общество». В качестве примера его использования приведена цитата из послания Федора Карпова митрополиту Даниилу (между 1522 и 1539 г.). Вторая – ***гражданство***, которое определяется как «гражданское устройство, порядок». В качестве примера дана цитата из «Арифметики» Л.Ф. Магницкого 1703 г.[13] Разнесение в разные статьи ***гражанства*** и ***гражданства*** едва ли оправдано. *Гражданство* относилось к набору слов, пришедших в русский язык из старославянского, и в процессе их адаптации старославянское сочетание *жд* иногда заменялось древнерусским *ж*. Однако вследствие второго южнославянского влияния XIV–XVI вв. происходит новое «внедрение в русскую лексику слов с сочетанием согласных *жд* (из исконного *dj)*»[14]. Соответственно, *гражанство* и *гражданство* – два варианта написания одного слова. Иное дело, что с этим словом, привнесенным извне, русский читатель мог столкнуться, прежде всего, в переводных текстах, включая Священное писание.

Приведем пример. В московской печатной Библии 1663 г., как и в первом полном издании Священного Писания на церковнославянском языке – Острожской Библии Ивана Федорова 1581 г., во второй книге Маккавейской в рассказе о походе на Иерусалим селевкидского войска был эпизод, во время которого предводитель евреев Иуда Маккавей призвал быть готовыми во время сражения принять смерть «закон ради, и с[вя]щеннаго града, и отечества, и гражданства» (2 Мак 13: 14). Это был не совсем точный перевод с греческого выражения «περὶ νόμων, περὶ ἱεροῦ, πόλεως, πατρίδος, πολιτείας», в современном переводе – «за законы, за Храм, за Город, за отечество и за гражданское общежительство»[15].

[13] Словарь 1977: 117, 118.
[14] Мещерский 1981: 75, 109.
[15] Брагинская, Селезнев, Шмаина-Великанова 2016: 23. В Вульгате это выражение выглядело так: «pro legibus, templo, civitate, patria et civibus». Соответственно, в русском переводе конца XV в., который был выполнен с латыни во время работы над

Гражданство – это греческая *πολιτεία*, т.е., в одном из основных значений, гражданская община / политическая общность граждан или, используя современный язык, государство. Если же говорить о латыни, для перевода греческой *πολιτεία* с античности использовали слово *respublica*, а также его синоним – *civitas*. В связи с этим отметим, что в 1649 г. в Москву из Киева прибыл ученый монах-богослов Епифаний Славинецкий, привезший с собой составленный им же «Латинский лексикон», где для латинского слова *respublica* предложен перевод *гражданство, житие народное*. В словаре «Лексикон словенолатинский», составленном Епифанием с привлечением другого выходца из Речи Посполитой Арсения Сатановского, *гражданство* переводилось как *civitas, urbanitas*[16]. Итак, за *гражданством* скрывалась идущая из античности традиция, связанная с понятиями πολιτεία, *respublica* и *civitas*. Здесь следует отметить, что за понятием *respublica* значение немонархической формы правления окончательно утвердится только к концу XVIII века. До этого времени оно будет регулярно использоваться и для обозначения политической общности (государства) как таковой, вне зависимости от того, монархия это или демократия. При этом с античности подразумевалось, что такая *respublica* имеет целью общее благо своих членов-граждан[17].

Если говорить не о переводных текстах, а об оригинальных сочинениях московских авторов XVI – середины XVII в., то в них понятие *граж(д)анство* в значении политическая общность /государство использовалось весьма редко. Один раз *гражанство* упоминалось в послании митрополиту Даниилу, написанном московским дипломатом Ф.И. Карповым между 1522 и 1539 г. Последний утверждал, что «потребна суть во всяком гражаньстве правда и законы ко исправлению неустроиных», или, в переводе Д.М. Буланина, «необходимы во всяком государстве правда и законы для исправления бесчинных». Однако специфика этого сочинения заключалась в том, что Карпов в своих рассуждениях ориентировался на тексты античных авторов и прямо ссылался на «Никомархову этику» Аристотеля, заявляя, например: «Всяк град и всяко царство, по Аристотелю, управлятися имать от начальник в правде и известными законы праведными, а не терпением»[18]. Как отметил Д. Фрейданк[19], политическая терминология послания Карпова имела латинскую – не греческую – основу: «дело народное = *res publica* для πολιτεία, πόλις; начальство = principatus для αριστοκρατία; гражданство = civitas», – в связи с чем можно сделать вывод, что, скорее всего, Карпов «пользовался латинским переводом Аристотеля»[20]. В этом отношении послание Карпова – одно из довольно редких сочинений московского автора, ориенти-

т.н. Геннадиевской Библией, этот пассаж звучал следующим образом: «за законы, ц[е]рк[о]вь, града, от[е]чьства и граждане» (ОР РГБ. Ф. 113. Оп. 1. Д. 11. Л. 258 об.).

[16] Лексикони 1973: 353, 441, 472.

[17] Хархордин 2020: 15–19.

[18] Карпов 2006: 354, 355, 352.

[19] Freydank 1968: 104.

[20] Буланин 2006: 548.

ровавшегося не только на религиозные тексты православной традиции, а и на сочинения античных авторов и использовавшего соответствующий политический лексикон, включая слово *граж(д)анство*. Все же в политической культуре России, слабо связанной с античностью, при рассуждениях о формах правления предпочитали прибегать к понятиям типа *государство* и *царство*, отсылавшим к единовластному правлению[21].

Таким образом, актуализация Симеоном Полоцким понятия *гражданство* в российском политическом лексиконе оказывалась немалой новацией для его московских читателей и слушателей. Стоит полагать, что привлечение данного понятия было более чем осмысленным, на что указывали и другие случаи его использования в «Вертограде». Так, в вирше «Власть» Симеон Полоцкий поместил такие строфы:

> Властелин глава, прочии же люди
> суть во гражданстве, яко в теле уди.
> Глава всех тело, власть люд управляет
> и промышляет[22].

Таким образом, и *властелин*, и *прочие люди* являлись составной частью именно *гражданства*, а не *государства*. При этом тезис, что *властелин* – *глава* (*голова*) *гражданства*, а другие *люди* – остальные члены политического тела, более чем прозрачно воспроизводил существовавшее со Средневековья западноевропейские утверждение, что «Rex /Princeps caput est Reipublica»[23].

Виршу «Гражданство» Симеон открывал таким четверостишием:

> Како гражданство преблаго бывает,
> гражданствующым знати подобате.
> разная седми суть мнения,
> но вся виновна граждан спасения[24].

После этого поэт излагал советы семи древнегреческих мудрецов о *гражданстве*. Схожие «Гражданству» советы семи античных мудрецов обнаруживаются в сочинении Плутарха «Пир семи мудрецов», латинский перевод которого в составе плутарховских «Моралий» издавался с XVI в. Однако при сравнении текста Плутарха и вирши Симеона Полоцкого обнаруживается расхождение в списке семи мудрецов. У Плутарха это были Солон, Биант, Фалес, Анахарсис, Клеобул, Питтак и Хилон. У Симеона Полоцкого вместо Анахарсиса фигурирует Периандр. Из этого можно сделать вывод, что Симеон при написании «Гражданства» не опирался непосредственно на сочинение Плутарха. Следует отметить, что изложение такой политической беседы семи мудрецов по Плутарху, в которой бы вместо Анахарсиса был Периандр, сделал позднеантичный писатель-компилятор V в. Иоанн Стобей. Его тексты, включавшие фрагменты «Пира семи мудрецов» Плутарха, также издавались в Европе с XVI в. как на латыни, так и на греческом с параллельным

[21] Киселев 2013.
[22] Simeon Polockij 1996: 155.
[23] Канторович 2014: 314–320.
[24] Simeon Polockij 1996: 227.

латинским переводом. Более того, сочинения Стобея можно было найти в Москве даже до приезда Симеона Полоцкого: в описи имущества патриарха Никона 1658 г. значилась «Книга Стобея Философа, в четверть, печатана Греко-Латински»[25]. Тот факт, что у Симеона в вирше вместо Анахарсиса фигурировал Периандр, позволяет сделать вывод, что он положил в основу «Гражданства» беседу семи мудрецов Плутарха из антологии Стобея. Дополнительно на это указывает то, как в «Гражданстве» изложен совет Питтака. В платоновском сочинении он звучит так: «То, где дурным людям нельзя править, а хорошим нельзя не править»[26]. У Стобея он был сокращен до следующей рекомендации: «Где злу не позволяется править [ubi malis non imperare liceat]»[27]. В версии Симеона Полоцкого он излагался ближе к Стобею: «В нем же началство не дается злому». При этом заметим, что высказывания остальных шести мудрецов Стобей передал без значимых неточностей.

Таким образом, в основу «Гражданства» Симеон Полоцкий положил часть сочинения античного автора – Плутарха, пусть и не в совсем точной передаче автора V в. Иоанна Стобея. Теперь рассмотрим, как же именно Симеон адаптировал идеи из Плутарха для своих московских читателей и слушателей. При этом, рассматривая текст Плутарха с учетом его изложения по Стобею, мы будем обращаться к лексике его латинского перевода, так как Симеон Полоцкий не знал греческого языка[28] и, соответственно, опирался, прежде всего, на латинский текст.

Симеон Полоцкий, «Гражданство»[29]	**Плутарх, «Пир семи мудрецов»**[30]
Премудрый Виас даде слово свое, Гражданство быти преизрядно тое, В нем же закона як царя боятся, и царя, яко закона, страшатся.	Сказал Биант: «Крепче всего народовластие [democratiam] там, где закона [legem] страшатся, словно тиранна [tyrannum]».
Хилон блажит, где законов слушают, Велесловных же ритор не глашают	Хилон … откликнулся: «Лучшее государство [respublica] – то, где больше слушают законы [leges], меньше – ораторов».
Клеовул паки той град похваляет, Где безчестия вся ся устрашает Гражданин паче закона самаго, на преступники в книгах писаннаго.	Клеобул: «Самый разумный тот народ [populum], в котором граждане боятся больше порицания, чем закона».
Периандер же тот славит гражданство, В нем же, всем прочим имущым равенство, Добродетелми зовутся лучшая и наричутся злобы вся хуждшая.	Анахарсис (Периандр у Стобея. – *М.К.*): «То, где лучшее воздается добродетели, худшее – пороку, а все остальное – поровну».
Питтак похвалу дает граду тому, в нем же началство не дается злому.	Питтак: «То, где дурным людям нельзя править, а хорошим нельзя

[25] Переписная 1852: 134.
[26] Плутарх 1990: 251.
[27] Stobaeus 1543: 281. В данном издании Стобея этот фрагмент с советами был озаглавлен «Septem Sapientum apophegmata de Republica», т.е. «Апофегмата семи мудрецов о республике».
[28] Фонкич 2009: 80.
[29] Simeon Polockij 1996: 228.
[30] Плутарх 1990: 251; Plutarchus 1619: 251; Stobaeus 1543: 281.

Фалес град блажит, где граждане мнози ни пребогати, ни зело убози Солону град люб, в нем же обид творцы вся равно имут праведныя борцы, Не токмо беду от них страдавшыя, но ни едины тщеты познавшыя. Еще, иде же блазии блажатся, честь приемлющие, злии же казнятся. Еще и в нем же граждане слушают началных, сии закон почитают.	не править». (У Стобея: «Где злу не позволяется править [ubi malis non imperare liceat]»). Фалес: «То, в котором нет ни бедных граждан, ни безмерно богатых». Солон начал: «…в том государстве [republica] лучше всего правление и крепче всего народовластие [democratiam], где обидчика к суду и расправе привлекает не только обиженный, но и необиженный».

Как нетрудно заметить, советы у Плутарха предназначались отнюдь не для любой формы правления *гражданства*, а для *демократии*. Собственно, в «Пире семи мудрецов» велась беседа о единовластных правителях, и лишь после этого от имени Мнесифила Афинянина делалось предложение порассуждать о форме правления, близкой к Афинам: «То, что было до сих пор говорено о царстве и владычестве [de dominatione, & regno], к нашему народному правлению не относится; потому, я думаю, не лишне будет, чтобы снова каждый из вас высказал свое суждение, на этот раз – о государстве [de reipublicum forma], где все равны перед законами [aequali omnes iure]»[31]. Вот после этого семь мудрецов и дали свои советы о том, что должно способствовать устойчивости *демократии*. Именно в последней важно, чтобы среди граждан не было большого имущественного расслоения. Равным образом, именно в демократиях угрозу могли представлять ораторы-демагоги, существование которых в связи с отсутствием публичных демократических процедур в монархиях едва ли было возможно. Далее, при единовластном правлении подданные могли страшиться *тиранна*. Однако это было невозможно в демократии из-за отсутствия последнего. Соответственно, на его место выдвигался *закон*, который и надлежало слушать гражданам, или же, согласно совету Бианта, бояться, как *тиранна* в *тиранни*. Кроме того, в демократии было важно, чтобы и необиженный гражданин был готов выступить на страже справедливости, демонстрируя свою вовлеченность в управление, в то время как в монархии /тирании можно, и подчас должно было бы уповать на единовластного правителя и его слуг.

Несмотря на такую демократическую составляющую советов семи мудрецов, Симеон счел возможным адаптировать их для Российской монархии, в связи с чем вирша «Гражданство» завершалась утверждением о пользе советов семи мудрецов о *гражданстве*, где при этом упоминались более привычные для московских читателей и слушателей политические понятия, отсылавшие к единовластному правлению:

> Сия суть, яже крепят государства,
> чинна и славна содевают царства[32].

[31] Плутарх 1990: 251; Plutarchus 1619: 251.
[32] Simeon Polockij 1996: 228.

Таким образом, в «Гражданстве» Симеон демонстрировал весьма интересный ***адаптационный перенос***, связанный с помещением политических утверждений из одного контекста (античные рассуждения о *демократии*) в другой (рассуждения об устойчивости *монархии* в Московском царстве). Как результат, произошел идейный сдвиг в описании политики в монархии и возникли новые политические смыслы, одним из которых и оказался отмечаемый исследователями легализм.

В плутарховском совете Бианта *закон* противопоставлялся *тирану* в *тиранни*. Симеон Полоцкий, оставляя *закон*, не мог, озвучивая такие советы в пространстве московской политической культуры, ни сделать *закон* альтернативой *царю*, ни поставить *закон* выше *царя*. Вместо этого он «просто» добавил к *закону* фигуру *царя*, после чего фактически поставил между ними знак равенства: и того, и другого *гражданам* следовало бояться. Однако больше фигура *царя* в вирше не появлялась, в то время как в советах Хилона и Клеобула вновь упоминается *закон*, а из совета Клеобула следует, что в виду имелся не некий *Божий закон*, а *закон* светский, который был записан «на преступники в книгах». Конечно, в заключительный совет Солона Симеон включил рекомендацию, которая отсутствовала у Плутарха: *граждане* должны слушать *начальных*, но затем добавил, что *начальным*, в свою очередь, надлежит *почитать закон*. При этом под *начальными* подразумевался и сам правитель, о чем позволяет говорить написанное Симеоном от имени умирающего царя Алексея Михайловича обращение к взошедшему на престол Федору Алексеевичу, где последний призывался соблюдать *законы*:

> Яже подданным творити велиши,
> сам прежде закон той да сохраниши.
> Паче бо слава, дело подражают,
> иже законом царским подлегают[33].

Итак, факт выбора Симеоном Полоцким в качестве центрального понятия концепта *гражданство*, т.е. старославянизма, использовавшегося для перевода латинского понятия *re(s)publica*, был существенной новацией для московской политической культуры. Благодаря этому, понятие *государство*, обладавшее частноправовыми коннотациями, оказывалось в тени, а правитель-*государь* из владельца *государства* превращался в главу *гражданства*, которому надлежало управлять *гражданами* на основании писанных *законов*. При этом *закон*, благодаря адаптационному переносу плутарховских идей, провозглашался не просто одним из атрибутов власти, а фактически оказывался равным монарху по своему значению в управлении подданными-*гражданами*. Конечно, *законы* отнюдь не ставились выше правителя. Тем не менее, должное отправление власти царем по Симеону Полоцкому увязывалось самым непосредственным образом с *законом*. Соответственно, отправление государственной власти должно было протекать в публично-правовом поле в границах, задаваемых *законами*, которые следовало соблюдать и мо-

[33] Симеон Полоцкий 1962: 249.

нарху. В этом отношении Симеон действительно предвосхищал идейно-политическую проблематику XVIII века с ее легализмом. Однако он это делал не на основании использования трудов «новых» – современных ему западноевропейских авторов, а с привлечением «древних» – сочинений античных авторов, в данном случае – Плутарха. Это было одним из свидетельств того, что античное наследие оставалось идейным ориентиром в сфере представлений о власти для ряда авторов раннего Нового времени. В конце концов, Новое время не сразу стало мыслить себя именно Новым, так что политические понятия, призванные описывать новые политические практики, нередко конструировались через обращение к великим «древним», не копируя, а, скорее, реинтерпретируя их сообразно потребностям времени.

В связи с этим стоит вернуться к проблеме, насколько такое обращение к античности было связано с исторической действительностью России последней четверти XVII в. На наш взгляд, использование легалистских советов Плутарха было не просто игрой ума придворного интеллектуала. Московское царство накануне петровских преобразований являлось успешно развивающейся политией раннего Нового времени с увеличивающейся территорией и усложняющейся структурой общества. Как результат, идея личного контроля монарха над всем государственным аппаратом и, шире, над всем царством, все больше и больше превращалась в недостижимую утопию. Последовавшее за царствованием Федора Алексеевича правление Петра I более чем показало невозможность персонального контроля над всеми сторонами управления со стороны даже самого деятельного и харизматичного монарха. Соответственно, *закон* становился весьма удобным инструментом управления деперсонализирующимся государством, своеобразным субститутом монарха. Однако для такого умозаключения оказывалось как желательным, так и необходимым все же иметь представления о том, что есть не только идеал *государьства* во главе с *царем*, судящим всех по *правде*, а что могут существовать политии (*гражданства*), управляемые с помощью строгого соблюдения *законов*. И тут проявлялось важное (предна)значение интеллектуала-во-власти: умение, основываясь на своем концептуальном багаже, сформулировать и выразить идеи, актуальность которых в сфере практик государственного управления определялась лишь на интуитивном уровне. В этом отношении Симеон Полоцкий со своим «Гражданством» оказывался среди тех, кто уже на теоретическом уровне прокладывал путь легализму ментального государства Петра I.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Берков П.Н. Проблемы исторического развития литератур. Л.: Художественная литература, 1981. 496 с. [Berkov P.N. Problemy istoricheskogo razvitiya literatur. L.: Hudozhestvennaya literatura, 1981. 496 s.].

Боева Л.И. Развитие жанров в русской и болгарской литературах XVII и XVIII вв. София: Изд. Болгарской Академии наук, 1983. 173 с. [Boeva L.I. Razvitie zhanrov v russkoj i bolgarskoj literaturah XV.II i XVIII vv. Sofiya: Izd. Bolgarskoj Akademii nauk, 1983. 173 s.]

Брагинская Н.В., Селезнев М.Г., Шмаина-Великанова А.И. «Номос» и «номой» во второй книге Маккавеев // Вестник РГГУ. Сер. «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2016. № 6. С. 9–38. [Braginskaya N.V., Seleznev M.G., SHmaina-Velikanova A.I. «Nomos» i «nomoj» vo vtoroj knige Makkaveev // Vestnik RGGU. Ser. «Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie». 2016. № 6. S. 9–38].

Буланин Д.М. Комментарии // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 9. Конец XV – первая половина XVI века. СПб.: Наука, 2006. С. 546–550. [Bulanin D.M. Kommentarii // Biblioteka literatury Drevnej Rusi. T. 9. Konec XV – pervaya polovina XVI veka. SPb.: Nauka, 2006. S. 546–550].

Гребенюк В.П., Державина О.А., Елеонская А.С. Античное наследие в русской литературе XVII – начала XVIII века // Славянские литературы. М.: Наука, 1978. С. 194–214. [Grebenyuk V.P., Derzhavina O.A., Eleonskaya A.S. Antichnoe nasledie v russkoj literature XVII – nachala XVIII veka // Slavyanskie literatury. M.: Nauka, 1978. S. 194–214].

Еремин И.П. Симеон Полоцкий – поэт и драматург // Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1953. С. 223–260. [Eremin I.P. Simeon Polockij – poet i dramaturg // Simeon Polockij. Izbrannye sochineniya. M.; L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1953. S. 223–260].

Канторович Э.Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. М.: Изд. Института Гайдара, 2014. 744 с. [Kantorovich E.H. Dva tela korolya. Issledovanie po srednevekovoj politicheskoj teologii. M.: Izd. Instituta Gajdara, 2014. 744 s.]

Карпов Ф.И. Послание митрополиту Даниилу // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 9. Конец XV – первая половина XVI века. СПб.: Наука, 2006. С. 346–359. [Karpov F.I. Poslanie mitropolitu Daniilu // Biblioteka literatury Drevnej Rusi. T. 9. Konec XV – pervaya polovina XVI veka. SPb.: Nauka, 2006. S. 346–359].

Киселев М.А. Форма правления и социальная иерархия в российской политической мысли XVII – первой четверти XVIII века // ИВ. 2013. Т. 6 (153). С. 18–53. [Kiselev M.A. Forma pravleniya i social'naya ierarhiya v rossijskoj politicheskoj mysli XVII – pervoj chetverti XVIII veka // Istoricheskij vestnik. 2013. T. 6 (153). S. 18–53].

Ключевский В.О. Сочинения. Т. 3. Курс русской истории. Ч. 3. М.: Мысль, 1988. 415 с. [Klyuchevskij V.O. Sochineniya. T. 3. Kurs russkoj istorii. CH. 3. M.: Mysl', 1988. 415 s.]

Лексикони Е. Славинецького та А. Корецького-Сатановського / Підг. В.В. Німчук. Київ: Наукова думка, 1973. 541 с. [Leksikoni E. Slavinec'kogo ta A. Korec'kogo-Satanovs'kogo / Pidg. do vid. V.V. Nimchuk. Kiïv: Naukova dumka, 1973. 541 s.]

Марасинова Е.Н. «Закон» и «гражданин» в России второй половины XVIII века. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 508 с. [Marasinova E.N. «Zakon» i «grazhdanin» v Rossii vtoroj poloviny XVIII veka. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 508 s.]

Мещерский Н.А. История русского литературного языка. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1981. 280 с. [Meshcherskij N.A. Istoriya russkogo literaturnogo yazyka. L.: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1981. 280 s.]

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 113. Оп. 1. Д. 11. [Otdel rukopisej Rossijskoj gosudarstvennoj biblioteki. F. 113. Op. 1. D. 11].

Переписная книга домовой казны патриарха Никона // Временник Императорскаго Московскаго общества истории и древностей российских. Кн. 15. М.: Университетская типография, 1852. С. 1–136. [Perepisnaya kniga domovoj kazny patriarha Nikona // Vremennik Imperatorskago Moskovskago obshchestva istorii i drevnostej rossijskih. Kn. 15. M.: Universitetskaya tipografiya, 1852. S. 1–136].

Плутарх. Застольные беседы. Л., 1990. 592 с. [Plutarh. Zastol'nye besedy. L., 1990. 592 s.]

Пузиков В.М. Общественно-политические взгляды Симеона Полоцкого // Научные труды по философии Белорусского государственного университета. Вып. II. Ч. II. Минск, 1958. С. 3–56. [Puzikov V.M. Obshchestvenno-politicheskie vzglyady Simeona Polockogo // Nauchnye trudy po filosofii Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Vyp. II. Ch. II. Minsk, 1958. S. 3–56].

Робинсон А.Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М.: Наука, 1974. 408 с. [Robinson A.N. Bor'ba idej v russkoj literature XVII veka. M.: Nauka, 1974. 408 s.]

Сазонова Л.И. «Вертоград многоцветный» Симеона Полоцкого (Эволюция художественного замысла) // Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность / под ред. А.Н. Робинсона. М.: Наука, 1982. С. 203–258 [Sazonova L.I. «Vertograd mnogocvetnyj»

Simeona Polockogo (Evolyuciya hudozhestvennogo zamysla) // Simeon Polockij i ego knigoizdatel'skaya deyatel'nost' / pod red. A.N. Robinsona. M.: Nauka, 1982. S. 203–258].

Сазонова Л.И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М.: Языки славянских культур, 2006. 894 с. [Sazonova L.I. Literaturnaya kul'tura Rossii. Rannee Novoe vremya. M.: YAzyki slavyanskih kul'tur, 2006. 894 s.]

Симеон Полоцкий. Глас последний ко Господу Богу // Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии. Минск: Изд. АН БССР, 1962. С. 248–253. [Simeon Polockij. Glas poslednij ko Gospodu Bogu // Iz istorii filosofskoj i obshchestvenno-politicheskoj mysli Belorussii. Minsk: Izdatel'stvo AN BSSR, 1962. S. 248–253].

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4 (Г–Д). М.: Наука, 1977. 403 с. [Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. Vyp. 4 (G–D). M.: Nauka, 1977. 403 s.]

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. VII. М.: Соцэкгиз, 1962. 725 с. [Solov'ev S.M. Istoriya Rossii s drevnejshih vremen. Kn. VII. M.: Socekgiz, 1962. 725 s.]

Фонкич Б.Л. Греко-славянские школы в Москве в XVII веке. М.: Языки славянских культур, 2009. 296 с. [Fonkich B.L. Greko-slavyanskie shkoly v Moskve v XVII veke. M.: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2009. 296 s.]

Хархордин О.В. Республика. СПб.: Изд-во ЕУ СПб., 2020. 162 с. [Harhordin O.V. Respublika. SPb.: Izdatel'stvo EU SPb., 2020. 162 s.]

Хипписли А. Западное влияние на «Вертоград многоцветный» Симеона Полоцкого // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. LII. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 695–708. [Hippisli A. Zapadnoe vliyanie na «Vertograd mnogocvetnyj» Simeona Polockogo // Trudy Otdela drevnerusskoj literatury. T. LII. SPb.: Dmitrij Bulanin, 2001. S. 695–708].

Freydank D. Zu Wesen und Begriffsbestimmung des russischen Humanismus // Zeitschrift für Slawistik. 1968. Vol. 13. № 1. S. 98–108.

Plutarchus. Moralia. Vol. I. Francofurti: Lazari Zetzneri, 1619. 535 p.

Simeon Polockij. Vertograd mnogocvětnij. Vol. 1: "Aaron" – "Dětem blagoslovenie" / Ed. by A. Hippsley and L. I. Sazonova. Köln [etc.]: Böhlau Verlag, 1996. 356 p.

Stobaeus I. Sententiae ex thesauris graecorum delectae, quarum authores circiter ducentos et quinquaginta citat. Tiguri: Froschover 1543. 536 p.

Киселев Михаил Александрович, *кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории и археологии, Уральское отделение РАН (г. Екатеринбург); mihail.a.kiselev@gmail.com*

Plutarch at the Tsar's Court: Simeon Polotsky's "Commonwealth" and legalism in Russia on the eve of reforms of Peter the Great

The article analyzes the ideological content of the programmatic political poem "Commonwealth", written in the second half of the 1670s by the key Moscow court intellectual Simeon Polotsky. The concept of *commonwealth* in the Moscow political language is considered, and the source, which the poet used, is identified. There was the advice of the Seven Sages of Greece from the work of Plutarch, intended for democracy. Simeon Polotsky adapted the advice for the monarchy, which resulted in the proclamation of the law as an obligatory attribute of power of the monarch. As a result, the poet anticipated the legalism of the state of Peter I.

Keywords: Simeon Polotsky, Plutarch, history of Russia, intellectual history, history of concepts

Keywords: Simeon Polotsky, Plutarch, history of Russia, intellectual history, history of concepts

Kiselev Mikhail Alexandrovich, *Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of RAS (Ekaterinburg); mihail.a.kiselev@gmail.com*

Д.А. Редин

ОЧАРОВАНИЕ «РЕГУЛЯРСТВА»
ЕЩЕ РАЗ О "МЕНТАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ" ПЕТРА ВЕЛИКОГО
Часть 1. ПЕТР I: ИНТЕЛЛЕКТ И ПСИХОЛОГИЯ МЫШЛЕНИЯ*

Исследование посвящено истории эволюции воззрений Петра I на проблемы государственного и общественного развития. В первой части статьи доказывается, что, несмотря на преобладающие в литературе представления о неспособности русского царя к концептуальным обобщениям, он обладал достаточным интеллектуальным потенциалом для подобного рода творчества. Во второй части автор статьи объясняет отсутствие у Петра I какого-либо общего плана реформ в период с 1690-х по конец 1710-х гг. тем, что в эти годы царь и не преследовал цели всеобщих преобразований, поскольку главным объектом его внимания была реформа вооруженных сил, а изменения в системе управления и организации экономики были лишь функцией этой реформы. Целостный и идеализированный взгляд на проблемы государственных реформ, который автор называет «ментальным (воображаемым) государством» Петра Великого, сложился у монарха в последние годы жизни в результате успешной военной реформы, а также знакомства с обширным и разнородным западным ренессансным и барочным литературным массивом. Это не была теория государства, но некая концепция государственного строительства, основанная на достаточно глубоком и последовательном усвоении царем постулатов раннего европейского камерализма. Она была изложена им в цикле именных указов, уставов и регламентов 1718–1724 гг., который следует рассматривать в качестве авторского мегатекста Петра. Одновременно, эта концепция стала играть роль государственной идеи, заменившей для российской правящей элиты традиционную идею созидания священного царства. Нереализованные при жизни первого российского императора, сформулированные им концептуальные положения стали программным ориентиром государственного строительства и общественного развития на столетие вперед.

Ключевые слова: *Петр I, «ментальное государство», прагматическое мышление, концепция, государственное строительство, государственная идея, общественное благо, камерализм*

Восемь лет назад, в Париже, на конференции «Pierre le Grand et l'Europe des sciences et des arts: Circulations, réseaux, transferts, métissages (1689–1727)», мне довелось выступить с докладом на тему: «"Ментальное государство" Петра Великого и культура управления». В этом докладе я впервые сформулировал этот конструкт – «ментальное государство». Во всяком случае, мне неизвестно, чтобы он кем-то использовался, тем более в применении к конкретным историческим обстоятельствам. Впоследствии я оформил доклад в статью, но её судьба сложилась неблагоприятно. Она была опубликована в виде параграфа главы в многотомном издании «Памятники российского права» в 2014 г.[1] Серия, предназначенная для юристов, похоронила текст для историков, и «ментальное государство» Петра Великого кануло в небытие. Тем не менее,

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 20-09-42022 «"Ментальное государство" Петра Великого и эксперименты регионального администрирования. Первая четверть XVIII в.».

[1] Редин 2014: 62–112.

последующие годы работы над различными сюжетами истории Петровского царствования укрепили меня в мысли о продуктивности конструкта, позволили найти новые грани его смысла, дополнили наблюдения свежим эмпирическим материалом, но, одновременно, возникла потребность в расширении и укреплении аргументации моих рассуждений. В конечном итоге появилась настоящая статья, значительно отличающаяся от первоначального варианта.

***

Слово «ментальный» в самом общем смысле трактуется в современном русском языке как «относящийся к уму, к умственной деятельности»[2]. С более специфическим акцентом объясняет его «Большой толковый словарь терминов по психиатрии»: «1. Относящийся к психике; 2. Относящийся к интеллекту»[3]. Исходя из этого, под «ментальным государством» я понимаю сконструированную идеальную модель государства, ставшую результатом умственной, интеллектуальной деятельности, плодом обобщенного практического и теоретического опыта. Эта модель по большому счету отличается степенью и глубиной рефлексии как от бытовых, профанных стереотипов о государстве с одной стороны, так и от различного рода «теорий государства» – с другой. Первые бытуют в массовом сознании: каждый человек, так или иначе, обладает своими, зачастую смутными, неупорядоченными и фрагментарными представлениями о государстве (власти) и своих отношениях с ним (претензиях к нему, благоговению перед ним и проч.). Вторые имеют «кабинетный» характер, являются плодом профессиональной деятельности юристов-цивилистов, философов, политологов и т.п. Таким образом, вводя конструкт «ментального государства» относительно петровской эпохи, я отвожу ему роль среднего звена в этой шкале рефлексий о государстве; *светской политической концепции*, чье появление, на мой взгляд, было вызвано как уникальной исторической ситуацией, в которой оказалась Россия на рубеже XVII–XVIII столетий, так и личностными характеристиками её лидера – царя Петра I. Предприняв грандиозные усилия по преобразованию всех сторон общественной и государственной жизни, он был вынужден взять на себя роль не только практика (политика, полководца, организатора производства и т.п.), но и *идеолога* преобразований – роль, которую в странах европейского Запада, имевших долгую традицию «воспитания интеллекта», играли выпускники университетов. Поэтому, говоря о Петре как идеологе реформ и авторе *вербально* выраженной концепции государства, целесообразно начать разговор с рассуждений о его интеллектуальном потенциале, о самой способности Петра к такого рода умственной работе. Это намерение обусловлено прежде всего закрепившимся в общественном сознании стереотипным образом первого российского императора. В «музее исторических марионеток» он, скорее, с топором, чем с пером: рубит корабль, рубит голо-

[2] Ожегов, Шведова 2005: 350.
[3] Жмуров, 2010.

вы стрельцам, прорубает «окно в Европу» – «царь-плотник», но не интеллектуал, не «философ на троне» (это место прочно занято другим манекеном). Пусть даже и «отец Отечества», и «демиург», но в этаком древнем смысле, в поту и в крови прививающий подданным полезные знания и навыки. Созидатель – да, мыслитель – едва ли.

Так был ли Петр интеллектуалом? Ответить на этот вопрос сходу не получается. Во-первых, само понятие «интеллектуал» позднего происхождения. Во-вторых, оно обременено множеством коннотаций[4], которые едва ли позволяют применять его к людям типа первого российского императора. Пожалуй, главное тому препятствие – оппозиционность как качество, неизменно присущее «настоящему» интеллектуалу. Об этом много написано, но в концентрированном виде выражено в редакционной статье журнала «Отечественная история» за 2005 г., в номере, посвященном обсуждению темы «Власть и интеллект в императорской России»: «…“интеллектуалы” (служащие и не служащие) во все времена упорно проявляли и порой даже подчеркнуто демонстрировали свою независимость от власти…»[5]. С этой точки зрения Петр не мог быть интеллектуалом, хотя бы потому, что сам являлся властью.

Мне ближе позиция И.В. Ружицкой, которая заметила, что при такой трактовке происходит некоторая подмена понятий, «интеллектуал» превращается в «интеллигента», ассоциируется «с господствующим в российском обществе уже более столетия стереотипом “интеллигентного человека”, определяемого не только по уровню полученного им образования, но и по нравственным установкам и даже манере поведения»[6]. Полагаю, что такое смешение или совмещение понятий очень ограничивает инструментальные возможности научного исследования интеллектуальных традиций как таковых, в тех широких социокультурных контекстах, включающих, в том числе, анализ средств и способов формулирования идей в конкрет-ных текстах и судеб творцов этих текстов, о чем писала Л.П. Репина[7]. При таком подходе нам придется, например, вычеркнуть из «списка интеллектуалов» Екатерину II, оставив там Н.И. Новикова. Да что Екатерина – под сомнением соответствия интеллектуальному «стандарту» окажутся все западные правые интеллектуалы неоконсервативного толка, вполне себе интегрированные с властью.

Выход из ситуации – поиск иных рамочных критериев, отличающих интеллектуалов от не-интеллектуалов. По этому пути идут сейчас историки, изучающие интеллектуальную составляющую жизни и службы русских чиновников XIX в.: Н.П. Матханова, предложившая определение «чиновники-интеллектуалы»[8], И.В. Ружицкая, много лет исследовавшая историю «просвещенных бюрократов» – высших сановников

[4] Фадеева 2012: 108–138.
[5] Отечественная история 2005: 4.
[6] Ружицкая 2005: 42.
[7] Репина 2011: 380.
[8] Матханова 2018: 21–35.

империи первой половины того же века, в частности, бар. М.П. Корфа[9], а применительно к интересующей нас теме – О.Г. Агеева[10] и др. Под интеллектуалами эти авторы понимают, опираясь на словарные определения (т.е. на семантическую основу *слова*, а не на дискурсивные коннотации *понятия*), людей, занимающихся «высшими, наиболее сложными видами умственной деятельности», людей, обладающих способностью произвести собственный «интеллектуальный продукт». С этой позиции Петр I без сомнения может быть отнесен к интеллектуалам. Его природный ум, литературная одаренность, необычайная широта кругозора, стремление к постоянному саморазвитию, начитанность, чрезвычайно богатые речевые способности неоднократно отмечались современниками, признавались практически всеми историками и находят подтверждение в лингвистических и культурологических исследованиях.

Казалось бы, при наличии такой обильной и влиятельной литературы доказывать способности царя Петра к интеллектуальной деятельности все равно что ломиться в открытую дверь. Но дело в том, что, признавая выдающиеся умственные дарования первого русского императора, порой – гениальность, немало историков отказывают ему в умении синтезировать полученные знания в большую систему, в некую программную идею, четко выраженную мировоззренческую концепцию, а более конкретно – в формулировании завершенной и цельной программы реформ. Среди тех, кто придерживался такого мнения – специалисты очень высокого уровня, принадлежащие к лучшим знатокам эпохи, начиная от М.М. Богословского, проводившего эту мысль через ряд своих исследований («Общие понятия и отвлеченные идеи ему не давались…»[11], у Петра «*никогда* не было общего, заранее обдуманного и соображенного плана реформы, общей идеи о реформе как таковой»[12]) до Н.И. Павленко (писавшего о «хаотичном и поспешном» характере петровских преобразований, отсутствии у него «продуманного плана»[13]), Х. Баггера (Петр «так и не стал теоретиком»[14]), отчасти В.И. Буганова[15] и Е.В. Анисимова, отмечавших бессистемность и хаотичность процесса реформ («реформы не согласовывались между собой, и создаваемые элементы новой государственной и социальной структуры долгое время не сочетались в единое целое»[16]), хотя и признававших, что в последний период Петровского царствования они, все-таки, стали складываться в некую систему. Неоднозначность оценок Петра в этом смысле, думается, проистекает от того, что, во-первых, историки, как правило смешивают *представления* царя о государстве (дискурсивный

[9] Ружицкая 2005: 38–44, Ружицкая 2009.
[10] Агеева, 2005: 5–12.
[11] Цит. по: Богословский 2008: 218.
[12] Цит. по: Шмидт 2005: 427–428. (здесь и далее выделено мной – *Д.Р.*)
[13] Павленко 1990: 442.
[14] Баггер 1999: 140.
[15] Буганов 1989: 129.
[16] Анисимов 1995: 137, 141.

аспект) и его *практическую реформаторскую деятельность* (как набор действий и их результат). Между тем и другим, несомненно существовала взаимосвязь, но было и много различий. Одно дело – декларации и устремления, другое – их воплощение в жизнь. Во-вторых, эти оценки являются результатом еще одного исходно неверного посыла: оппозиционного противопоставления практического и теоретического (если Петр практик и прагматик, то он по определению не способен на концептуальное обобщение); из понимания иерархической взаиморасположенности практического и теоретического мышления, где второе всегда оказывается явлением более высокого порядка, чем первое.

Проследить развитие воззрений Петра I на проблемы государственного строительства, вычленить в этом процессе идеологическую составляющую, выявить источники влияния, формировавшие концептуальные предпочтения царя в этом вопросе, очень непросто потому, что (как ни парадоксально) обо всем этом так или иначе написано очень много. Но написанное рассредоточено и не систематизировано, точнее, попыток такой систематизации гораздо меньше, чем упоминаний о тех или иных аспектах идейных и концептуальных исканий Петра. В результате, в петроведческой историографии накопилось множество «общих мест», стереотипных оценок, некоего «информационного шума», которые приводят либо к противоречивым выводам, вроде вышеупомянутых (необычайно грамотный и начитанный человек, но неспособный к обобщениям; гений, но не «теоретик» и т.п.), либо к априорным и не менее противоречивым заключениям (Петр Великий – чуть ли не адепт теорий Гоббса, Гроция и Пуфендорфа, но при этом «технократ» и «прагматик»), создающих при этом ощущение того, что тема закрыта. В то же время некоторым, в принципе, верным наблюдениям и оценкам деятельности и направления мысли царя-реформатора не хватает аргументированности; эти оценки выглядят, скорее, как плод интуитивных ощущений авторов. Разбираться в этих историографических дебрях – труд утомительный и неблагодарный, чреватый сползанием в гибельные трясины банальности и повторов. Но обращение к письменному наследию императора, особенно к текстам его указов, рассмотренных не столько как законодательные акты, сколько как *нарратив*, контекстуальный анализ его круга чтения, обращение к исследовательскому арсеналу смежных дисциплин делают попытку выяснения эволюции политического и морального дискурса Петра не таким уж безнадежным и унылым занятием.

Как формировались особенности мышления Петра I и в чем, собственно, они заключались? Практически все биографы и исследователи петровской эпохи констатировали особый интерес царя к техническим и естественнонаучным дисциплинам. О.Г. Агеева, характеризуя этапы обучения русского монарха отметила, что очень рано, в юношеском (по меркам времени) возрасте 15–16 лет он начал получать «свое второе образование – иное по типу (технико-математическое) и характеру (западноевропейское)», имея в виду под первым образованием традиционное

русское, освоенное им в детстве[17]. Современники отмечали, что полученные царем знания имели основательный характер и широкий диапазон. Несколько модернизируя, можно сказать, что Петр стал первым русским монархом – дипломированным специалистом технического профиля, поскольку обладал дипломами корабельного и часового мастера. Аттестат, или патент корабельного мастера, полученный Петром от Г.К. Поола в 1697 г. на Амстердамской верфи Ост-Индской компании, свидетельствовал не только о приобретенных практических навыках при строительстве фрегата «Апостолы Петр и Павел», но и о том, что Петром была освоена «корабельная архитектура» и «черчение планов», т.е. теоретическая часть знаний, необходимых мастеру-корабелу[18]. Известно также, что в конечном итоге Петр остался не удовлетворен именно теоретическим уровнем голландского кораблестроения и, перебравшись в Англию, еще 3 месяца получал недостающие познания на лондонских верфях[19]. Стремление царя к глубокому усвоению интересовавших его наук хорошо известно и по его дальнейшим поступкам.

Красноречив состав его личной библиотеки, обширной даже по европейским меркам (более чем полторы тысячи томов, не считая 1 351 наименования собраний карт, чертежей и иллюстративных материалов и нескольких сотен рукописей). Почти на половину (44,4%, если основываться на подсчетах С.П. Луппова) она состояла из книг по техническим и естественным наукам и дисциплинам от трактатов по математике и астрономии до трудов по гражданской архитектуре на различных европейских языках[20]. Владение Петром многими ремеслами, его устойчивый интерес и основательные познания в математике, физике, военно-инженерных дисциплинах, баллистике и т.п. обычно служат доказательством узкоспециального характера его образования. Отсюда следует логический вывод относительно оценки самого характера его мышления как прагматического и даже технократического. Но надо помнить, что все эти познания легли на фундамент, как уже отмечалось, традиционного образования, гуманитарного по своей природе и, пожалуй, не менее глубокого по уровню усвоения. Известно, например, что с детских лет Петр был очень начитан в религиозной литературе, знал наизусть основные книги Нового Завета – Евангелие и Апостол, умел вести беседы на богословские темы, что отмечалось даже представителями неправославных христианских конфессий[21], живо интересовался древней и но-

[17] Агеева 2005: 6.
[18] Устрялов 1858. Т. 3: 468.
[19] Там же: 98.
[20] Луппов 1973: 170. Книжный фонд государя мог быть куда больше, если б в 1714 г. он не передал какую-то его часть в новоучрежденную библиотеку Академии наук.
[21] В качестве одной из ранних оценок такого рода отметим принадлежащую известному богослову Дж. Бёрнету, епископу Солсбери, сделанную в письме от 19 марта 1698 г. руководителю певческой капеллы в Йорке Фаллю: «Дорогой сэр!.. После вашего отъезда, царь приезжал однажды в Ламбет, видел таинство причащения и рукоположения и остался очень доволен. Я часто бываю с ним. В прошлый понедельник, я провел у него четыре часа. Мы рассуждали о многих вещах; он обладает такой

вой историей и иностранными языками, из которых, на довольно приличном уровне, освоил голландский и немецкий. Если 44,4% книг в его библиотеке приходилось на долю естественнонаучной и технической тематики, то другие 55,6% – на долю всей остальной, из которой исторические сочинения количественно немногим уступали трудам по любимому царем военному делу (149 томов против 166), а религиозная литература превосходила общее число книг по морскому и военному делу (457 томов против 368)[22]. Тот равновесный интерес Петра к самому широкому кругу знания, который можно понять из общей оценки состава его личной библиотеки, тем более примечателен, если учесть, что она была не коллекцией, собранной из соображений моды и престижа: «это было *рабочее* книжное собрание», «случайных книг в библиотеке Петра было немного». Царь собирал её самостоятельно и целенаправленно, начав масштабные закупки иностранной литературы уже в ходе Великого посольства и продолжая приобретать книги крупными партиями в дальнейшем, в том числе и в самые тяжелые годы Северной войны (в 1704–1710 гг.)[23]. Следует также помнить, что в то время между техническим, естественнонаучным и гуманитарным знанием не было того жесткого разграничения, которое станет свойственно наукам впоследствии, когда их развитие пойдет по пути углубления специализации. Интеллектуал раннего Нового времени был универсальным: математик и физик, бывший одновременно историком, философом и богословом – явление для эпохи не редкое. Петр, несомненно, относился к такого рода людям. Это означает, помимо прочего, что его довольно раннее и при этом основательное знание в области, например, математики, геометрии, фортификации и гражданской архитектуры не только служило прагматическим целям, но имело дисциплинирующее воздействие на сам процесс мышления и давало материал для ассоциативных умственных операций в сфере формирования представлений о политике, морали, государственном управлении. Мир упорядоченных, регулярных предметов и явлений в технических областях знания вполне мог воспитывать в мировоззрении Петра склонность к переносу таких же упорядоченных и регулярных представлений на организацию жизни государства и общества.

То, что Петр обладал возможностями мыслить ассоциациями и образами, подтверждается исследованиями его речевых особенностей. Взаимосвязь языка и мышления сегодня не нуждается в доказательствах; речь раскрывает особенности знания, сознания и процесса познания человека[24]. Лингвистические исследования особенностей языка первого

степенью знания, какой я не ожидал видеть в нем. Он тщательно изучал св. Писание» и т.п. Цит. по: Шубинский 1888. Т. 34: 413.

[22] Луппов 1973: 170. Правда, сюда входили книги из библиотек царевны Натальи Алексеевны и цесаревича Алексея Петровича, попавшие в личную библиотеку Петра после смерти владельцев в 1716 и 1718 гг. соответственно; они были владельцами книг, преимущественно, религиозной направленности.

[23] Луппов 1973: 166–177.

[24] Караулов 1989: 5.

русского императора, основанные на анализе его огромного, прежде всего эпистолярного, письменного наследия, показывают, среди прочего, мощную лингво-когнитивную составляющую его языковой личности и, в частности, активное и охотное использование им в речи того, что на современном научном языке называют практикой вторичных номинаций, из которых едва ли не излюбленным приемом Петра являлся метафорический перенос[25]. И в этом смысле Петр был, по российским меркам, очень «авангарден» и, в то же время, очень современен, безусловно вписываясь в общеевропейский барочный контекст с «характерной для него игрой смыслами и принципиальной метафоричностью»[26]. Метафоричность и образность петровских текстов, не только эпистолярных, но и проявленных в созданном им законодательстве, хорошо известны и историкам. Эти характерные черты языка Петра I, а значит и его мышления, позволяют говорить о способности этого человека к смысловому переносу опыта и знаний, полученных в рамках одних предметных полей на другие. Те историки, которые упрекают Петра за узкий прагматизм и отказывают ему в способности к теоретическим обобщениям или к созданию общей идеи реформ, не берут во внимание то обстоятельство, что, во-первых, прагматизм и рационализм как таковые являлись общими свойствами философских идей европейского Просвещения, а, во-вторых, неоправданно понижают значимость прагматизма как типа мышления, как интеллектуального качества.

Между тем, современные специалисты, занимающиеся изучением проблем психологии мышления, пришли к понимаю нескольких вещей, которые, несомненно, имеют значение для понимания специфики мышления Петра I и (что особенно важно) оценки его когнитивных способностей. Прежде всего я имею в виду наработки академика Б.М. Теплова, родоначальника школы дифференциальной психологии и его последователей, в фокусе интересов которых находится феномен практического мышления – того самого, наличие которого, по устоявшемуся мнению, не позволяло русскому царю формулировать общие идеи[27]. Говоря о недопустимости отождествления практического мышления с эмпирическим[28], направленным, в основном, на познание внешних свойств и связей объектов, представители школы подчеркивают, что практическое мышление «может оперировать сложнейшими теоретическими понятийными конструкциями»[29], оно «направлено на преобразование (а не объяснение) действительности»[30]. «Настоящий практик-специалист, – поясняют они, – всегда “гений целого” и “гений деталей”, соединяющий

[25] Подробно см.: Гайнуллина 2002.
[26] Успенский 1994: 174.
[27] На перспективность применения методов исследования Б.М. Теплова в области практического мышления, или, по её определению, «практического интеллекта», хотя и в несколько ином контексте, первой обратила внимание О.Г. Агеева. Агеева 2005: 5.
[28] Корнилов, Панкратов 1997: 9–10.
[29] Панкратов 1997: 120.
[30] Корнилов, Панкратов 1997: 10.

разные способы постижения себя и мира. Его мышление перерабатывает информацию, обладающую колоссальной сложностью таким образом, чтобы создать простой и ясный результат»[31]. Еще одним значимым моментом является то, что современная психология перестала воспринимать соотношение практического и теоретического мышления как уровневых, т.е. отошла от традиции, восходящей к Гераклиту и Пармениду, согласно которой теоретическое мышление считалось более «высоким», чем практическое, поскольку «истинное» знание могло быть получено только в результате «умозрения». Практическое и теоретическое мышление рассматриваются как рядоположенные, но различаемые по разным способам получения информации (сигнальный или знаковый), степени опосредованности отраженной в ней действительности (от реального объекта (презентация) или от представления об объекте (репрезентация)), её обработке и конечному интеллектуальному продукту[32].

В рамках этих рассуждений главным является то, что обладатель практического мышления также способен создавать в результате своей интеллектуальной деятельности репрезентирующие (вторичные) структуры, «с тем, чтобы вместить в круг осмысливаемого максимально широкую индивидуализированную ситуацию»[33]. Указанные теоретические положения вполне пригодны для понимания характера когнитивных способностей Петра I, особенностей его стиля мышления. Отмечаемый всеми историками прагматизм Петра не являлся ограничением или, тем более, препятствием в конструировании им больших генерализирующих идей, оформленных на достаточно высоком уровне обобщения. Об истоках этих идей, каналах рецепции, глубине адаптации и итоговой репрезентации речь пойдет во второй части статьи.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Агеева О.Г. Пётр I: у истоков российского имперства // Отечественная история. 2005. С. 5–12. [Ageeva O.G. Petr I: u istokov rossijskogo imperstva // Otechestvennaya istoriya. 2005. S. 5–12.].

Анисимов Е.В. «Шведская модель» с русской «особостью» // Звезда. 1995. № 1. С. 133–15. [Anisimov E.V. «Shvedskaya model'» s russkoj «osobost'yu» // Zvezda. 1995. № 1. S. 133–150].

Арпентьева М.Р. Практическое мышление // Б.М. Теплов и современное состояние дифференциальной психологии и дифференциальной психофизиологии / Под ред. М.К. Кабардова, А.К. Осницкого. М.: Перо, 2017. 417 с. [Arpent'eva M.R. Prakticheskoe myshlenie // B.M. Teplov i sovremennoe sostoyanie differencial'noj psihologii i differencial'noj psihofiziologii / Pod red. M.K. Kabardova, A.K. Osnickogo. M.: Pero, 2017. 417 s.].

Багтер Х. Реформы Петра Великого в России // Царь Петр и король Карл: два правителя и их народы. М.: Текст, 1999. С. 121–155 [Bagger H. Reformy Petra Velikogo v Rossii // Car' Petr i korol' Karl: dva pravitelya i ih narody. M.: Tekst, 1999. S. 121–155].

Богословский М.М. Петр Великий по его письмам // Богословский М.М. Российский XVIII век. Кн. I / Отв. ред. С.О. Шмидт; сост., подгот. текста, примеч. А.В. Мельникова. М.: Интелвак, 2008. С. 195–233 [Bogoslovskij M.M. Petr Velikij po ego pis'mam // Bogoslovskij M.M. Rossijskij XVIII vek. Kn. I / Otv. red. S.O. Shmidt; sost., podgot. teksta, primech. A.V. Mel'nikova. M.: Intelvak, 2008. S. 195–233].

[31] Арпентьева 2017: 116.
[32] Варенов 1997: 71–74.
[33] Панкратов 1997: 121.

Буганов В.И. Петр Великий и его время. М.: Наука, 1989. 192 с. [Buganov V.I. Petr Velikij i ego vremya. M.: Nauka, 1989. 192 s.].

Варенов А.В. Ситуационная модель: коммуникация событий или коммуникация отношений // Практическое мышление: специфика обобщения, природа вербализации и реализуемость знаний / Под ред. проф. Ю.К. Корнилова. Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 1997. С. 71–78 [Varenov A.V. Situacionnaya model': kommunikaciya sobytij ili kommunikaciya otnoshenij // Prakticheskoe myshlenie: specifika obobshcheniya, priroda verbalizacii i realizuemost' znanij / Pod red. prof. Yu.K. Kornilova. Yaroslavl', 1997. S. 71–78].

Гайнуллина Н.И. Языковая личность Петра Великого (Опыт диахронического описания). Алматы: Қазақ университеті, 2002. 139 [2] с. [Gajnullina N.I. Yazykovaya lichnost' Petra Velikogo (Opyt diahronicheskogo opisaniya). Almaty: Қazaқ universiteti, 2002. 139 [2] s.].

Жмуров Б.А. Большой толковый словарь терминов по психиатрии. Элиста: Джангар, 2010. 863 [1] с. [Zhmurov B.A. Bol'shoj tolkovyj slovar' terminov po psihiatrii. Elista: Dzhangar, 2010. 863 [1] s.].

Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи её изучения // Язык и личность. М.: Наука, 1989. С. 3–8 [Karaulov Yu.N. Russkaya yazykovaya lichnost' i zadachi eyo izucheniya // Yazyk i lichnost'. M.: Nauka, 1989. S. 3–8].

Корнилов Ю.К., Панкратов А.В. Практическое мышление как высшая психологическая функция // Практическое мышление: специфика обобщения, природа вербализации и реализуемость знаний / Под ред. проф. Ю.К. Корнилова. Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 1997. С. 9–20 [Kornilov Yu.K., Pankratov A.V. Prakticheskoe myshlenie kak vysshaya psihologicheskaya funkciya // Prakticheskoe myshlenie: specifika obobshcheniya, priroda verbalizacii i realizuemost' znanij / Pod red. prof. Yu.K. Kornilova. Yaroslavl', 1997. S. 9–20].

Луппов С.П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л.: Наука, 1973. 374 с. [Luppov S.P. Kniga v Rossii v pervoj chetverti XVIII veka. L.: Nauka, 1973. 374 s.].

Матханова Н.П. Чиновники-интеллектуалы в Сибири XIX в. // Известия Иркутского гос. ун-та. Сер.: История. 2018. Т. 25. С. 21–35. [Mathanova N.P. Chinovniki-intellektualy v Sibiri XIX v. // Izvestiya Irkutskogo gos. un-ta. Ser.: Istoriya. 2018. T. 25. S. 21–35.].

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2003. 944 с. [Ozhegov S.I., Shvedova N.YU. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. 4-e izd., dop. M.: OOO «ITI TEKHNOLOGII», 2003. 944 s.].

Павленко Н.И. Петр Великий. М.: Мысль,1990. 591 с., ил. [Pavlenko N.I. Petr Velikij. M.: Mysl',1990. 591 s., il.].

Панкратов А.В. Субъектность как одно из свойств обобщений практического мышления // Практическое мышление: специфика обобщения, природа вербализации и реализуемость знаний / Под ред. проф. Ю.К. Корнилова. Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 1997. С. 98–126 [Pankratov A.V. Sub''ektnost' kak odno iz svojstv obobshchenij prakticheskogo myshleniya // Prakticheskoe myshlenie: specifika obobshcheniya, priroda verbalizacii i realizuemost' znanij / Pod red. prof. Yu.K. Kornilova. Yaroslavl', 1997. S. 98–126].

Редин Д.А. Проблемы организации государственного управления // Памятники российского права / Под ред. Р.Л. Хачатурова. В 35 т. Т. IV. Памятники права в период единодержавия Петра I. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 62–112 [Redin D.A. Problemy organizacii gosudarstvennogo upravleniya // Pamyatniki rossijskogo prava / Pod red. R.L. Hachaturova. V 35 t. T. IV. Pamyatniki prava v period edinoderzhaviya Petra I. M.: Yurlitinform, 2014. S. 62–112].

Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI веков: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с. [Repina L.P. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vekov: social'nye teorii i istoriograficheskaya praktika. M.: Krug, 2011. 560 s.].

Ружицкая И.В. М.А. Корф: бюрократ или интеллигент? // Отечественная история. 2005. № 4. С. 38–44. [Ruzhickaya I.V. M.A. Korf: byurokrat ili intelligent? // Otechestvennaya istoriya. 2005. № 4. S. 38–44.].

Ружицкая И.В. «Просвещенная бюрократия». 1800–1860-е гг. М.: Ин-т российской истории, 2009. 340 [1] с. [Ruzhickaya I.V. «Prosveshchennaya byurokratiya». 1800–1860-e gg. M.: In-t rossijskoj istorii, 2009. 340 [1] s.].

Уортман Р.С. Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России. М.: НЛО, 2004. 515 [1] с. [Wortman R. S. Vlastiteli i sudii: razvitie pravovogo soznaniya v imperatorskoj Rossii. M.: NLO, 2004. 515 [1] s.].

Успенский Б.А. Царь и Бог // Успенский Б.А. Избр. труды. Т. I. Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: Гнозис, 1994. С. 110–218. [Uspenskij B.A. Car' i Bog // Uspenskij B.A. Izbr.e trudy. T. I. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury. M.: Gnozis, 1994. S. 110–218].

Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. В 6 т. СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1858. Т. 3. 660 с. [Ustryalov N.G. Istoriya carstvovaniya Petra Velikogo. V 6 t. SPb.: Tip. Vtorogo Otdeleniya Sobstvennoj E.I.V. Kancelyarii, 1858. T. 3. 660 s.].

Фадеева Л.А. Дискуссии об интеллектуалах в контексте политической истории Запада // Диалог со временем. 2012. № 41. С. 108–138. [Fadeeva L.A. Diskussii ob intellektualah v kontekste politicheskoj istorii Zapada // Dialog so vremenem. 2012. № 41. S. 108–138].

Шмидт С.О. Многотомное исследование академика М.М. Богословского «Петр Великий: материалы для биографии» // Богословский М.М. Петр Великий: материалы для биографии. В 6 т. Т. I. Детство. Юность. Азовские походы, 30 мая 1672 – 9 марта 1697 / Отв. ред. С.О. Шмидт; подгот. текста А.В. Мельников. М.: Наука, 2005. С. 414–431. [Shmidt S.O. Mnogotomnoe issledovanie akademika M.M. Bogoslovskogo «Petr Velikij: materialy dlya biografii» // Bogoslovskij M.M. Petr Velikij: materialy dlya biografii. V 6 t. T. I. Detstvo. Yunost'. Azovskie pohody, 30 maya 1672 – 9 marta 1697 / Otv. red. S.O. Shmidt; podgot. teksta A.V. Mel'nikov. M.: Nauka, 2005. S. 414–431.].

Шубинский С.Н. Петр Великий в Дептфорде // Исторический вестник. 1888. Т. 34. С. 409–422 [Shubinskij S.N. Petr Velikij v Deptforde // Istoricheskij vestnik. 1888. T. 34. S. 409–422].

Редин Дмитрий Алексеевич, *доктор исторических наук, профессор, кафедра истории России, заведующий, лаборатория эдиционной археографии, Уральский гуманитарный институт Уральского федерального университета; volot@mail.ru*

Charm of "Regularity": Once again about the "Mental State" of the Peter the Great
Part 1. Peter I: Intelligence and the psychology of thinking*

The study is devoted to the evolution of the views of Peter I on the problems of state and social development. In academic literature, the prevailing opinion is that the Russian tsar did not possess the ability to conceptual generalizations; but the first part of the article proves that he had sufficient intellectual potential for this kind of creativity. In the second part, the author of the article explains that Peter I did not have any general plan of reforms in the period from the 1690s to the end of the 1710s because that during these years the tsar did not pursue the goal of global transformations. The main object of his attention was the reform of the armed forces, and changes in the management system and organization of the economy were only a function of this reform. However, in the last years of his life, under the influence of the successes of military reform and his acquaintance with the vast and heterogeneous array of Western Renaissance and Baroque literature, the tsar developed a holistic and idealized view of the problems of state reform. The author of the article calls him the "mental" or "fancied" state of Peter the Great. It was not a theory of the state, but a certain concept of state building, based on a sufficiently deep and consistent assimilation by the tsar of the postulates of early European cameralism. He stated it in a series of personal decrees, charters and regulations of 1718–1724, which should be considered as the author's mega-text of Peter. At the same time, this concept began to play the role of an idea of state, replacing the traditional idea of the building the holy kingdom for the Russian ruling elite. Not implemented during the life of the first Russian emperor, the conceptual provisions formulated by him became a program guide for state building and social development for a century ahead.

Keywords: Peter I, "mental state", pragmatic thinking, concept, state building, state idea, public good, cameralism

Dmitry A. Redin*, Dr. Sc. (Hist.), Prof., Department of Russian History, Head of the Laboratory of Primary Sources Research, Ural Humanitarian Institute of the Ural Federal University; volot@mail.ru*

This article was prepared with the support of the RFBR grant No. 20-09-42022 «"The Mental State" of Peter the Great and experiments of regional administration. The first quarter of the XVIII century».

А.С. Лысцова

ПРИНЦИПЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ПРОЕКТАХ И БУМАГАХ ВИЦЕ-КАНЦЛЕРА А.И. ОСТЕРМАНА[1]

В данной статье внимание привлечено к проектам и суждениям одного из выдающихся политиков первой половины XVIII в. – графа Андрея Ивановича Остермана. При реконструкции его представлений о государственном устройстве исследователи сталкиваются с его позицией, нацеленной на скрытие личных инициатив во избежание дальнейшей ответственности. Другой причиной является нереализованность большинства из них. Тем не менее, собрав воедино черновики проектов и другие тексты, автором которых был Остерман, автор статьи реконструирует представления о политическом устройстве государства, которыми он руководствовался, реализуя внутри- и внешнеполитический курс империи в качестве кабинет-министра.

Ключевые слова: *Кабинет министров, граф А.И. Остерман, дворцовые перевороты, история политической мысли, престолонаследие.*

Граф Андрей Иванович Остерман – исторический персонаж, политическая деятельность которого в профессиональном сообществе историков все еще вызывает больше вопросов, чем дает ответов. Одной из проблем является неясность механизмов его влияния на власть (а во влиянии Остермана и его авторитете никто не сомневается, не зря Б.-Х. Миних отмечал, что «Черкасский [кабинетный министр А.М. Черкасский] был телом Кабинета, а Остерман – душой»[2]). Курьезность вопроса заключается в том, что, наряду с влиятельностью, Остерману приписывали такие свойства, как «хитрость», «скрытность» и стремление перекладывать ответственность на других. Так же, по воспоминаниям современников, Остерман не обладал ни внешней привлекательностью, ни природным обаянием (в отличие от Бирона), которые могли бы способствовать его сближению с людьми. Другими словами, историк, который обращается к биографии и политической деятельности Остермана, сталкивается с образом влиятельного царедворца, который не оставил после себя сколько-нибудь значимых текстов, свидетельствующих о политических принципах его деятельности. Мифы вокруг персоны Остермана стали складываться еще при жизни, как и мифы о «бироновщине» и «засильи немцев». Достаточно обратиться к воспоминаниям современников, в которых они называли его «хитроумным»[3], отзывались о нем как о человеке, который «не может никого терпеть около себя»[4]. Одной из самых ярких характеристик Остермана наградил Ж.-И.Т. Шетарди, заявив, что граф был занят «единственно мыслию удержаться на месте во время частых дворских бурь» и

[1] Статья подготовлена в рамках реализации исследований по гранту Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук МК-1260.2019.6.

[2] Миних 1997: 293–294.

[3] Манштейн 1997: 31.

[4] Миних 1874: 303.

стремился не «пристать к которой либо партии»[5]. Да, Остерман, будучи кабинетным министром, входил в ближайший круг императрицы Анны Иоанновны, а потом – регентши Анны Леопольдовны. Но достаточно ли этого для поддержания административной активности и сохранения поста первого министра за собой? Ведь кроме Остермана членами Кабинета был А.М. Черкасский, а также ряд других политиков, сменявших друг друга в течение десяти лет существования этого органа, но именно Остерман среди них заслужил звание «первого министра».

Опираясь на ряд его «конспектов» и записок, письменно зафиксировавших его мнения по разным вопросам государственной важности, нам кажется возможным назвать его «прожектером»[6], не сумевшим реализовать большинство своих замыслов. Упоминая прожектерство, важно отметить, что мы не ставим перед собой задачу оценивать идеи и замыслы Остермана категориями успеха/неуспеха. Один из проектов – «Мнение», адресованное Анне Леопольдовне. Этот текст с некоторыми оговорками мы рассматриваем в качестве политического завещания Остермана.

Итак, Остерман – политический деятель, который со времени прихода к власти Анны Иоанновны получил возможность реализовывать свои представления о том, каким должен быть политический строй в государстве и каким должен быть его руководитель. Нет сомнений, что идеальным политическим устройством Остерман видел монархию. В ноябре 1741 г. во время переговоров по составлению нового закона о престолонаследии состоялся спор между Остерманом и другим кабинетным министром – М.Г. Головкиным. Поднимая вопрос о законах передачи власти, Остерман сравнивал российский опыт передачи власти по женской линии с другими европейскими странами: «Такое наследство введено не токмо в России, но оно и в других землях, как в Гишпании, в Англии, в Португалии и в Дании употребительно, тако ж и при нынешней в Венгрии королеве». Но когда Головкин счел возможным упомянуть и Швецию, Остерман заявил: «И в Швеции також содержано было, как долго там находилось самодержавство. А ныне Швеция в рассуждении настоящаго ея состояния примером нам в том быть не может»[7]. Остерман имел в виду, что с 1720 г. в Швеции после упразднения королевского абсолютизма была ограниченная монархия, которая никоим образом не могла послужить образцом для российского «самодержавства». Этот разговор важно упомянуть также и потому, что в нем прозвучало понятие «основательных узаконений» в связи с необходимостью обоснования легитимности передачи власти по женской линии: «Оное дело само по себе ничего чрезвычайного не содержит, потому что по *основательным узаконениям* [курсив мой. – *А.Л.*] сего государства, за неимением принца, принцессы безпрекословия наследовать могут, как сие поныне и всегда содержано было». Через два дня после этой беседы Остерманом было подготовлено

[5] Маркиз де-ла-Шетарди в России… 1862: 2.
[6] Термин введён И.И. Федюкиным. – Fedyukin 2019.
[7] РГАДА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л. 41 об.

«мнение, предназначенное Анне Леопольдовне, в котором он указывал на право принцесс наследовать власть. Он утверждал, что «по силе здешних государственных установлений (*constitution*), основательных законов (*grund gesetzen*) и обыкновений приходит наследство до принцесс и само по себе, когда не бывает принцов». Он указывал, что согласно Уставу 1722 г., наследование «зависит то всегда от воли владеющего самодержавного государя, такое определение о наследстве учинить, какое он по своей самодержавной власти заблагоразсудит», и в связи с этим, обращаясь к Анне Леопольдовне, заявлял: «Ваше императорское высочество императорским именем с такою ж самодержавною властию и силою государство правите, какая приличествует владеющему императору»[8]. Беседа между кабинетными министрами осенью 1741 г. является не единственным и не первым случаем, когда Остерман высказывал подобные идеи.

В 1736 г. был составлен манифест от имени Анны Иоанновны, в котором обосновывалась необходимость войны с Портой. В манифесте заявлялось: «При таком злобственном сего неприятеля намерении Мы по натуральным правам и по положенному на нас от Бога о безопасности Наших государств попечению, необходимо принуждены… силы употребить». Вместе с манифестом была опубликована копия письма Остермана, адресованная турецкому визирю, где также содержалась отсылка к естественному праву: «И как по закону Божию и по всем светским и натуральным правам, так и по должности своей, яко Государь и Мать Империи своей принужденну себя находит все от Бога ей дарованный силы в защищение своей империи, и подданных своих, противу Порты употреблять»[9]. Иными словами, царица была «принуждена» к этому «законом Божиим», «светскими и натуральными правами», а также своей «должностью» правителя. Итак, над правителем предсказуемо возвышался Бог. Однако над монархом возвышались и «светские и натуральные права». Если рассуждения об обязанностях правителя перед Богом для российской политической традиции были привычными, то отсылка об обязанностях, вытекающих из светского и естественного права были новыми и напрямую отсылали к идеям писавших о естественном праве авторов XVII–XVIII вв. Таким образом, речь идет о том, что «самодержавная власть» в России покоится на «основательных законах».

Проникновение в Россию представлений о государственном устройстве, в котором верховная власть осуществляет управление страной в соответствии с *фундаментальными законами*, фиксируется еще в первой трети XVIII в. Если же говорить о появлении *фундаментальных законов* в политической практике, то к настоящему моменту первым известным случаем был проект И.И. Шувалова, подготовленный по повелению императрицы Елизаветы Петровны в 1760–1761 гг.[10] Однако, как показано выше, Остерман использует это понятие уже в начале 1740-х гг.

[8] РГАДА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л. 38–39.
[9] Остерман 1736: 172.
[10] Каменский 1999: 124; Киселев 2013: 33; Польской 2012: 203.

Таким образом, согласно представлениям Остермана, в России была абсолютная монархия, в которой существовал «основательный закон» – петровский Устав о престолонаследии 1722 г. Что он имел в виду? Как отмечает М. Томпсон, в европейской юриспруденции Нового времени было два подхода к пониманию того, что есть фундаментальные законы в государстве. Первый подход – это отношение к фундаментальному закону как к старому обычаю (*ancient custom*), являвшемуся важной частью государственного устройства (*constitution*). Второй – связанный с контрактной теорией возникновения государства, предполагал, что фундаментальные законы есть правила, которыми ограничивается власть правителя, включая и его право распоряжения престолом[11].

Исходя из остермановских суждений о «здешних государственных установлениях, основательных законах и обыкновениях», по которым наследование в России «поныне и всегда содержано было», можно сказать, что это соответствовало логике понимания фундаментальных законов как части правовой традиции страны. В то же время не стоит упускать из виду и присутствие в библиотеке Остермана европейских сочинений Нового времени, написанных в русле контрактной теории.

Обратимся к рассуждениям одного из наиболее известных правоведов XVII в. С. Пуфендорфа, чей трактат «О должности человека и гражданина по закону естественному» был издан в Санкт-Петербурге в 1726 г., и идеи которого излагались на лекциях профессором Хр.-Ф. Гроссом[12]. В этой книге Пуфендорф утверждал, что власть правителя могла быть установлена либо через «насилие брани», либо «самоизволно избирают над собою граждане властелина». В первом случае правители могли распоряжаться захваченной страной как своей собственностью, включая возможность раздела государства по завещанию между детьми. Во втором случае, «во оных же государствах, которые от начала самоизволною народа волею устроены суть, чин наследствия из начала в воли тогожде народа имеется». И народ может либо установить законы о престолонаследии, где будет прописан порядок наследования в семье правителя, или же, «которыи егда Государю с государством купно и право о устроении наследника вручал: то наследовати будет, кого он восхощет». Получение правителем от народа права назначать себе наследника подразумевало, что он должен помнить про «целость государства», т.е. не распоряжаться страной как своей собственностью[13]. Если учесть правовые рассуждения такого рода, то, по нашему мнению, можно говорить о договорных коннотациях в остермановской формулировке об Уставе 1722 г. («по учиненному от Петра… и от всех государственных чинов присягами подтвержденному узаконению зависит то всегда от воли владеющего самодержавного государя такое определение о наследстве учинить, какое он по своей самодержавной власти заблагоразсудит»), которая указывала не

[11] Thompson 1986: 1106, 1108, 1109.
[12] Бугров, Киселев 2016: 130, 144.
[13] Пуфендорф 1726: 440–446.

только на прерогативы монарха, а подразумевала, как это не покажется на первый взгляд парадоксальным, и ограничение его всевластия. В этой логике, например, нельзя было рассматривать Российскую империю как частное владение династии Романовых, где монарх мог распоряжаться как вотчинник. Действительно, если бы подданные российского монарха были частью имущества вотчинника (рабами), зачем нужно было беспокоиться об организации «прошения от народа»? Получалось, что отношения между государственной властью и народом в России строились на публично-правовых основаниях, в основе которых лежал договор между монархом и подданными. В то же время мы понимаем, что такая наша интерпретация остермановских рассуждений является дискуссионной и в определенной степени не согласующейся с концепцией, согласно которой российское самодержавие XVIII в., по формулировке Е.В. Анисимова, имело «право править без права»[14].

Кроме представлений о форме правления мы можем рассуждать и о том, каким видел Остерман идеального монарха. Это возможно благодаря обширному «Мнению», подготовленному Анне Леопольдовне и опубликованному под заголовком «Представление генерал-адмирала графа Андрея Ивановича Остермана в 1740 году, на немецком языке писанное, правительнице принцессе Анне о внутреннем тогда состоянии Российской империи и о надежнейших способах к благоуспешному управлению государством». Идеи, озвученные в «Представлении», в более схематичной форме Остерман высказывал в «Записке для памяти», которая была своего рода конспектом текста, предназначенного регентше. Черновой вариант, написанный на немецком языке и во многом соответствующий опубликованному варианту текста, хранится в РГАДА.

Обратимся к тексту «Мнения». Главными для монарха Остерман называл три качества. Первым было «благочестие», нравственно-религиозное содержание которого в его понимании превращается в политическую добродетель. Мы можем говорить об этом благодаря авторским пояснениям: «Оно учинит Вас как временно, так и вечно счастливою. Упование, возлагаемое на Ваше N.N. целым народом, чрез то наипаче утвердится, поелику он знать и потому счастливым себя считать будет, что имеет благочестивую правительницу»[15]. Таким образом, благочестие правителя, в первую очередь, вело не к спасению души или к получению иного воздаяния от Бога, а к лучшему управлению подданными. Идея «благочестия» также является одной из «ключевых тем» в проекте Морской Академии (сер. 1730-х гг.), проанализированном И.И. Федюкиным. Исследователь отмечает, что благочестие – это и долг и «первая и основная мотивация надлежащего поведения в целом». При этом «первой обязанностью учеников объявляется не верность государю или исполнение профессионального долга, а именно “страх божий”»[16]. Действительно,

[14] Анисимов: 2005: 200–207.
[15] Мнение графа А.И. Остермана… 1873: 257.
[16] Федюкин 2015: 183.

глава «О должности учащихся общей» (XI.1) начинается со следующих слов: «Должны они во-первых в божеском страхе быть и всякия христианския добродетели творить, и от всех злых и скверных дел воздержаться, ведая, что от лица божия нигде скрытны быть не могут»[17]. Однако, как и в случае с «благочестием» монарха, здесь идея духовного благочестия дополняется светским долженствованием благочестия.

Далее речь шла о «человеколюбии и благосклонности», которыми царствующая особа привлечет «к себе во всякое время сердца и умы целаго народа… Всем известно, какое доброе действие производит то в умах подданных, когда имеют они правительницу милостиво и человеколюбно их выслушивающую, и никого от себя печальным не отпускающую»[18].

Третье качество – «любовь к правосудию и истине»: «Злоба чрез то покорянится; все будет в должном повиновении и в сердцах всех честных подданных, боящихся Бога и хотящих быть христианами, воспалится неугасимый огонь любви и радостнаго на Ваше N.N. упования»[19]. Благодаря руководству этими качествами, «правление счастливым, славным и вкупе спокойным [будет], поелику ничем другим, как токмо оными, можно привлечь к себе умы всех и получить благословение от Бога»[20].

Кроме того, Остерман обращался к категориям «справедливости» и «правосудия» (его он признает «подпорою каждаго правительства»). Он отдельно писал про «власть законов», которые «каждому надлежащую определяя мзду, долженствуют быть для каждого священны»[21]. Поэтому неподдельное раздражение его вызывал затянувшийся более чем на двадцать лет процесс составления нового Уложения, «как трудятся …над новою книгою законов»[22]. По его мнению, следствием руководства буквой закона станет то, что у подданных будет «любовь вместе с повиновением, и время и опыт покажут великую от того пользу»[23]. Таким образом, божественное ушло на второй план, уступая место светским нормам.

Одной из обязанностей монарха, как представлялось Остерману, было, в том числе, поощрение своих подданных к службе. Эту идею он неоднократно повторял в разных проектах и докладах. В записке (1730) такое поощрение он называл «анкуражированием» (что, по И.И. Федюкину, являлось возбуждением «охоты к службе»[24]). Прежде всего надлежало «смотреть», «ежели кто какую особливую службу показал», такого человека, несмотря на возраст и ни на что другое, «пожаловать пристойно, для анкуражирования другим». В противном случае следовало

[17] Проект к Морской академии… 2015: 198.
[18] Мнение графа А.И. Остермана… 1873: 257.
[19] Мнение графа А.И. Остермана… 1873: 257. В «Записке для памяти» читаем: «Милосердие и снисходительство. Любовь к правосудию и исполнение онаго. Поклеплять правосудие частыми издаваемыми манифестами». – Записка для памяти… 1880: 1.
[20] Мнение графа А.И. Остермана… 1873: 259.
[21] Мнение графа А.И. Остермана… 1873: 258.
[22] Мнение графа А.И. Остермана… 1873: 259.
[23] Мнение графа А.И. Остермана… 1873: 260.
[24] Федюкин 2014: 117.

учитывать «достоинство» и «старшинство», иначе «старший в печали останется и охота к службе пропадет»[25]. Осознавая важность мотивации в работе, Остерман считал необходимым «узнавать людей по их делам»[26] и привлекать к службе карьерными перспективами: «Никто не хочет охотно служить во флоте, потому что они там не имеют таких случаев к повышению и к знатнейшим чинам, как в сухопутной армии; для того потребно для сих людей некоторое поощрение»[27]. Концепт поощрения присутствует и в проекте Морской Академии, который предполагал задачу «воспитателей не принуждать учеников, а возбудить в них “охоту” и к учебе, и к успешной службе в целом»[28]. В качестве мотивации предлагалась возможность, говоря современным языком, карьерного роста.

Эти принципы Остерман распространял и на вольнонаёмный труд. Летом 1739 г. им был подготовлен в связи с выговором императрицы оправдательный доклад. В нем он приводил следующие сведения: «Сие генерално толко могу донесть, что по учиненной от меня в Морской комиссии пробе явно показалось к немалой Вашего Императорскаго Величества казенной ползе, что все то, что порядочным наймом исправлено быть может, прибылнея и скоряе делается»[29]. Таким образом, вольный найм и заработная плата поощряют к труду. В этом же Остерман видел экономическую выгоду. Эти же идеи были зафиксированы им и в «Мнении» 1740 г.: «Весма потребная отстройка доков необходимее всего к содержанию и сохранению кораблей… можно работать при том солдатами. Они будут получать ежедневно 4 копейки, сверх обыкновенного содержания, работа пойдет успешнее и меньше стоить будет»[30].

При этом на первое место Остерман выдвигал профессиональные навыки (собственно, благодаря чему он сам смог сделать свою карьеру). При выборе кандидатов он руководствовался следующими правилами: «Выбрать тех, которые… себя особливо пред другими радетельно показали», далее по приоритетам «при пожаловании других» шло «достоинство» и «старшинство», а для этого «повелеть себе подать исправную роспись всем чинам до полуполковническаго рангу»[31]. Кроме того, он рекомендовал «генерально объявить, что… извольте в ранги производить по некоторому определенному числу… и сперва производить в то числе тех, которые того особливо достойными… себя учинили, а потом, сколько возможно по старшенству, чтоб никому напрасной обиды не было»[32]. Остерман указывал на то, что ряд кандидатов при армии «места не имеют и

[25] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 225. Л. 1.
[26] Мнение графа А.И. Остермана… 1873: 259.
[27] Мнение графа А.И. Остермана… 1873: 267.
[28] Федюкин 2015: 184.
[29] РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 1182. Л. 128.
[30] Мнение графа А.И. Остермана… 1873: 266. Эти идеи в более схематичной форме он высказывал в «Записке для памяти», которая являлась своего рода конспектом обширного мнения Анне Леопольдовне.
[31] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 225. Л. 2.
[32] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 225. Л. 2 об.

иметь не могут», поэтому следовало их «в статские чины с повышением» производить. Он таким образом предлагал разрешить ситуацию кадровой перенасыщенности: «Лишняго генералитетства не прибудет»[33].

Остерман уделял особое внимание перспективам развития образовательной системы. В мнении Анне Леопольдовне он писал: «Ничто так государству не нужно, как хорошия училища». Обучение детей и юношей, как он полагал, «послужило б со временем к сильному искоренению злобы»[34] и способствовало бы лучшему управлению подданными.

Выше мы назвали этот проект, или «Представление», политическим завещанием Остермана. Каковы основания для такого утверждения?

Первое, на что можно и несложно обратить внимание, это тот факт, что «Представление» является наиболее обширным из всех текстов, автором которого являлся Остерман. В некотором смысле, это единственное мнение-проект, потому что все остальные упоминаемые нарративы являются докладами, оправдательными записками, полумемуарными конспектами «конференций» (заседаний кабинетных министров в доме Остермана) и т.д., целью которых было объяснение, оправдание перед монархом. «Представление» – проект по государственному управлению, который носил рекомендательный характер и адресовался особе, только что занявшей престол в качестве регента в возрасте 22 лет. Анна Леопольдовна, которой этот проект адресовался, не готовилась ранее к роли правителя, не обладала поддержкой знати и заняла престол благодаря тому, что была матерью младенца-императора Иоанна, назначенного наследником предыдущей правительницей – Анной Иоанновной. Она была юной, неискушенной в управлении и нуждалась в советниках. Может показаться, что Остерман как раз решил воспользоваться случаем смены власти и, представив такой проект, заслужить внимание правительницы. Более того, некоторые мемуарные источники подтверждают нарастающее влияние Остермана в конце 1740 – начале 1741 г. Однако, появление проекта можно объяснить не только тем, что Остерман попытался вернуть влияние, которое стал терять с момента появления А.П. Волынского в Кабинете министров, но также стремлением внушить свои идеи Анне Леопольдовне в связи с очевидным финалом своей политической карьеры.

К этому времени Остерман – политик, переживший к моменту прихода к власти Анны пять правителей. Находясь в возрасте 54-х лет, он к 1740 г. уже успел потерять свое влияние, пик которого пришелся на начало 1730-х. Приход к власти Анны Леопольдовны не сулил ему выигрышной позиции, так как его оппонентами оставались Б.Х. Миних и, что еще важнее, М.Г. Головкин – человек, находившийся в кровном родстве с новой правительницей. В начале 1741 г. влияние Остермана ослабло, о чем мы можем судить из спора, возникшего между ним и Минихом в отношении новой департаментской реформы Сената[35]. Влияние Головкина

[33] РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 225. Л. 3.
[34] Мнение графа А.И. Остермана… 1873: 261.
[35] Лысцова 2017: 28–29.

было довольно сильным – он занимал вместе с Остерманом пост кабинетного министра, и Анна старалась не допустить ссоры между ними, о чем напрямую писала Остерману осенью 1741 г. во время «конференций», проводимых в доме Остермана с целью разработки нового закона о престолонаследии: «з Головкиным сношение иметь, понеже он... то дело зачал, и дабы в противном случае от того не произошли б ссоры»[36]. Остерман, будучи умелым и изощренным политиком, понимал, что при новом правлении от него требуются скорее консультативные услуги, а реальная власть, как и влияние на регентшу, находились в других руках.

«Представление» является проектом, написанным опытным политиком и адресованным юной правительнице: т.е. в некотором смысле Остерман, будучи автором этого текста, выступал в качестве «учителя» или «наставника». Не менее важно, что здесь он суммировал весь управленческий опыт, которым он обладал к 1740 г. Более тщательный анализ текста показывает, что все его предыдущие политические инициативы, разрозненные на первый взгляд, складываются в целостную картину и выступают в «Представлении» в качестве программы – программы, нацеленной на централизацию власти с департаментизацией органов управления, открытием учебных заведений, расширением международной торговли, и все это под управлением мудрого монарха. При этом его суждения носили рекомендательный характер, а не являлись руководством к поступательному воплощению, где у Остермана была бы своя роль.

Последний вопрос, который все еще остается открытым, но фактом своего существования заставляет искать на него ответ: почему Остерман, будучи опытным политиком и зная о готовящемся перевороте Елизаветы Петровны, не предпринял никаких действий, чтобы предотвратить его? Мы знаем о том, что он предупреждал Анну Леопольдовну, но эти действия не возымели должного эффекта. Безусловно, он понимал, что приход к власти дочери Петра не сулил ему продвижения по карьерной лестнице и грозил опалой, так как он принимал активное участие в вопросах престолонаследия и не рассматривал Елизавету в качестве вероятной претендентки на престол (в итоге, именно этот пункт обвинения ему был предъявлен в первую очередь после переворота 1741 г. и был основанием для смертной казни, замененной ссылкой). Возможно, Остерман рассчитывал успеть уйти в тень до переворота Елизаветы, но только неожиданность ее действий нарушила его планы. Несмотря на спорность выдвинутого тезиса, «Представление» является обширным текстом, суммирующий весь политический опыт Остермана.

Таким образом, в представлении Остермана, в России была и должна была быть абсолютная монархия – «самодержавие». При этом можно говорить о наличии в его концепции «договора» между монархом и народом. Хорошему монарху Остерман приписывал три основных качества, благодаря которым его правление должно было быть «счастливым» – это

[36] РГАДА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л. 27.

«благочестие», «человеколюбие и благосклонность», «любовь к правосудию и истине». Обладание этими морально-нравственными качествами создавали, по мнению Остермана, положительный образ правителя в глазах подданных, что служило главным инструментом в управлении народом. Руководствуясь концепцией естественного права, Остерман отталкивался в данном случае от идеи естественного права, на основании которого правильное руководство ведет к общему благу. Как следствие, хороший монарх должен был постоянно поощрять – «анкуражировать» – своих подданных к службе. При этом, в первую очередь, надо учитывать не принадлежность к старому роду, а личные качества и способности.

В целом, эти идеи исходили из понимания человеческой природы, когда светские представления стали доминировать над религиозными. «Морализаторская философия и религиозные предписания» уже не могли быть инструментом, сдерживающим человеческие страсти. Как указывает А.О. Хиршман, встала задача найти «более эффективные способы регулирования человеческого действия, чем те, что сводились к морализаторским наставлениям или же угрозам вечного проклятья»[37]. Это вполне соответствует идее естественного права, под влиянием которой находился Остерман. Свободно владея несколькими иностранными языками, он был знаком с современной литературой (обладатель одного из самых обширных книжных собраний своего времени). Среди тех немногих, кого он приближал к себе, был профессор Гросс – знаток естественного права, под чьим руководством воспитывались дети Остермана. К этому можно добавить не первоочередное, но не менее важное замечание: Остерман был иностранцем, получившим хорошее (правда, неоконченное) европейское образование, и в своих реформаторских начинаниях руководствовался актуальным европейским опытом управления.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Анисимов Е.В. Самодержавие XVIII века: право править без права // Нестор: ежеквартальный журнал истории и культуры России и Восточной Европы. № 7. Технология власти (источники, исследования, историография). 2005. № 1. С. 200–207. [Anisimov E.V. Samoderzhavie XVIII veka: pravo pravit' bez prava // Nestor: ezhekvartal'nyi zhurnal istorii i kul'tury Rossii i Vostochnoi Evropy. № 7. Tekhnologiya vlasti (istochniki, issledovaniya, istoriografiya). 2005. № 1. S. 200–207].

Бугров К.Д., Киселев М.А. Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург: Изд-во Урал. университета, Университетское изд-во, 2016. 480 с. [Bugrov K.D., Kiselev M.A. Estestvennoe pravo i dobrodetel': Integratsiya evropeiskogo vliyaniya v rossiiskuyu politicheskuyu kul'turu XVIII veka. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. universiteta, Universitetskoe izd-vo, 2016. 480 s.]

Записка для памяти графа Андрея Ивановича Остермана // Архив князя Воронцова. Кн. 24. М.: Университетская типография (М. Катков), 1880. С. 1–5. [Zapiska dlya pamyati grafa Andreya Ivanovicha Ostermana // Arkhiv knyazya Vorontsova. Kn. 24. M.: Universitetskaya tipografiya (M. Katkov), 1880. S. 1–5].

Каменский А.Б. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М.: НЛО, 1999. 326 с. [Kamenskii A.B. Rossiiskaya imperiya v XVIII veke: traditsii i modernizatsiya. M.: NLO, 1999. 326 s.].

[37] Хиршман 2012: 42.

Киселев М.А. Проблема прав и обязанностей российского дворянства в Уложенной комиссии на рубеже 1750-х и 1760-х гг.: к истории Манифеста о вольности дворянской // Уральский исторический вестник. 2013. № 3 (40). С. 30–39.[Kiselev M.A. Problema prav i obyazannostei rossiiskogo dvoryanstva v Ulozhennoi komissii na rubezhe 1750-kh i 1760-kh gg.: k istorii Manifesta o vol'nosti dvoryanskoi // Ural'skii istoricheskii vestnik. 2013. № 3 (40). S. 30–39].

Лысцова А.С. Реформа Кабинета и Сената 1741 г.: к истории государственной деятельности А.И. Остермана и Б.-Х. Миниха // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 3. С. 25–31. [Lystsova A.S. Reforma Kabineta i Senata 1741 g.: k istorii gosudarstvennoi deyatel'nosti A.I. Ostermana i B.-Kh. Minikha // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 3. S. 25–31].

Лысцова А.С. «С ызвестными тремя господами имел я лишь только теперь… конференцию»: «конспекты» А.И. Остермана как уникальный источник в делопроизводстве XVIII в. // Wschodni rocznik humanistyczny. 2018. T. XV. S. 105–112. [Lystsova A.S. «S yzvestnymi tremya gospodami imel ya lish' tol'ko teper'… konferentsiyu»: «konspekty» A.I. Ostermana kak unikal'nyi istochnik v deloproizvodstve XVIII v. // Wschodni rocznik humanistyczny. 2018. T. XV. S. 105–112].

Манштейн Х. Записки о России генерала Манштейна // Перевороты и войны. М.: Фонда Сергея Дубова, 1997. С. 9–272. [Manshtein Kh. Zapiski o Rossii generala Manshteina // Perevoroty i voiny. M.: Fonda Sergeya Dubova, 1997. S. 9–272].

Маркиз де-ла-Шетарди в России 1740–1742 годов. Перевод рукописных депеш французского посольства в Петербурге. СПб.: Типография Иософата Огризко, 1862. 667 с. [Markiz de-la-Shetardi v Rossii 1740–1742 godov. Perevod rukopisnykh depesh frantsuzskogo posol'stva v Peterburge. SPb.: Tipografiya Iosofata Ogrizko, 1862. 667 s.].

Миних Б.-Х. Записки фельдмаршала графа Миниха. СПб.: Тип. Безобразова и комп., 1874. 434 с. [Minikh B.-Kh. Zapiski fel'dmarshala grafa Minikha. SPb.: Tip. Bezobrazova i komp., 1874. 434 s.].

Миних Б.-Х. Очерк управления Российской империи // Перевороты и войны. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997. С. 273–318. [Minikh B.-Kh. Ocherk upravleniya Rossiiskoi imperii // Perevoroty i voiny. M.: Fond Sergeya Dubova, 1997. S. 273–318].

Мнение графа А.И. Остермана о состоянии и потребностях России в 1740 году, сообщено им же, с заметкою А.К. // Памятники новой русской истории. Сборник исторических статей и материалов. Т. III. СПб.: Тип. Майкова, 1873. С. 256–277. [Mnenie grafa A.I. Ostermana o sostoyanii i potrebnostyakh Rossii v 1740 godu, soobshcheno im zhe, s zametkoyu A.K. // Pamyatniki novoi russkoi istorii. Sbornik istoricheskikh statei i materialov. T. III. SPb.: Tip. Maikova, 1873. S. 256–277].

[Остерман А.И.] Копия с письма отправленнаго по указу ея императорскаго величества самодержицы всероссийской от кабинетнаго министра вице-канцлера и орденов всероссийских кавалера графа Остермана к турецкому верховному везирю Апреля 12 дня, 1736 года [СПб.: Тип. Академии наук, 1736]. 36 с. [Osterman A.I.] Kopiya s pis'ma otpravlennago po ukazu eya imperatorskago velichestva samoderzhitsy vserossiiskoi ot kabinetnago ministra vitse-kantslera i ordenov vserossiiskikh kavalera grafa Ostermana k turetskomu verkhovnomu veziryu Aprelya 12 dnya, 1736 goda [SPb.: Tip. Akademii nauk, 1736]. 36 s.].

Польской С.В. Конституция и фундаментальные законы в русском политическом дискурсе XVIII века // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. М.: НЛО, 2012. Т. 1. С. 94–150. [Pol'skoi S.V. Konstitutsiya i fundamental'nye zakony v russkom politicheskom diskurse XVIII veka // «Ponyatiya o Rossii»: K istoricheskoi semantike imperskogo perioda. M.: NLO, 2012. T. 1. S. 94–150].

Проект к Морской академии и принадлежащей ко оной школе (1730-е) // «Регулярная академия учреждена будет…»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века. М.: Новое издательство, 2015. С. 191–209. [Proekt k Morskoi akademii i prinadlezhashchei ko onoi shkole (1730-e) // «Regulyarnaya akademiya uchrezhdena budet…»: Obrazovatel'nye proekty v Rossii v pervoi polovine XVIII veka. M.: Novoe izdatel'stvo, 2015. S. 191–209].

Пуфендорф С. О должности человека и гражданина по закону естественному. СПб.: Санктпетерб. тип., 1726. Кн. 2. С. 333–537. [Pufendorf S. O dolzhnosti cheloveka i grazhdanina po zakonu estestvennomu. SPb.: Sanktpeterb. tip., 1726. Kn. 2. S. 333–537].

Федюкин И.И. «Честь к делу ум и охоту раждает»: реформа дворянской службы и теоретические основы сословной политики в 1730-е гг. // Гиштории российские, или Опыты и разыскания к юбилею Александра Борисовича Каменского. М.: Древлехранилище, 2014. С. 83–142. [Fedyukin I.I. «Chest' k delu um i okhotu razhdaet»: reforma dvoryanskoi sluzhby i teoreticheskie osnovy soslovnoi politiki v 1730-e gg. // Gishtorii rossiiskie, ili Opyty i razyskaniya k yubileyu Aleksandra Borisovicha Kamenskogo. M.: Drevlekhranilishche, 2014. S. 83–142].

Федюкин И.И. Граф А.И. Остерман и проект реформирования Морской академии // «Регулярная академия учреждена будет…»: Образовательные проекты в России первой половине XVIII века. М.: Новое издательство, 2015. С. 176–218. [Fedyukin I.I. Graf A.I. Osterman i proekt reformirovaniya Morskoi akademii // «Regulyarnaya akademiya uchrezhdena budet…»: Obrazovatel'nye proekty v Rossii pervoi polovine XVIII veka. M.: Novoe izdatel'stvo, 2015. S. 176–218].

Хиршман А.О. Страсти и интересы: политические аргументы в пользу капитализма до его триумфа. М.: Изд-во института Гайдара, 2012. 195 с. [Khirshman A.O. Strasti i interesy: politicheskie argumenty v pol'zu kapitalizma do ego triumfa. M.: Izd-vo instituta Gaidara, 2012. 195 s.]

Fedyukin I. The Enterprisers: The Politics of School in Early Modern Russia. Oxford: Oxford University Press, 2019. 328 p.

Thompson M.P. The History of Fundamental Law in Political Thought from the French Wars of Religion to the American Revolution // The American Historical review. 1986. Vol. 91, No. 5. P. 1103–1128.

***Лысцова Анастасия Сергеевна**, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Лаборатория эдиционной археографии, Уральский Федеральный университет; anastasiya.kr.1992@gmail.com*

The political testament of the epoch: the principles of the public administration in the A.I. Osterman's projects and reports

In this article I turn to the projects and reports by an outstanding politician of the first half of the 18th century, Count A.I. Osterman. In their attempts to reconstruct his concepts of the public administration scholars face the lack of his own projects. Usually it was explained by his specific way of behavior aiming at concealment of his private initiatives to avoid responsibility. I reject this myth and suggest that it was not the only reason explaining the lack of the projects, and another possible reason is that these projects were not realized. In any case, having gathered all of his opinions, drafts of the projects, and other writings by Osterman I try to reconstruct his views on the political structure of the government ,which he followed in his international and domestic policy being one of the ministers in the Cabinet.

Keywords: The Cabinet of Ministers, palace revolution, count A.I. Osterman, the history of the political thought, the succession of the throne

***Lystsova Anastasiia**, PhD in history, research fellow, Laboratory for the Study of Primary Sources, Ural Federal University named after B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia; anastasiya.kr.1992@gmail.com*

И.М. Эрлихсон

ДЖОН ШЕППАРД И АНАТОМИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ПОЗДНЕЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ Д. ДЕФО

Беспрецедентный рост преступности в Англии XVIII века стимулировал дискуссию о причинах девиантного поведения и реформировании уголовно-исполнительной системы. Одним из ее участников стал Д. Дефо, выпустивший памфлет «Вторичные мысли – самые лучшие, или совершенствование последней схемы по предотвращению уличных разбоев» (1729). Выявляя причины не имеющего аналогов в исторической ретроспективе явления, Дефо акцентировал внимание на романтизации криминального образа жизни, но сам внес существенную лепту в эстетизацию преступления, создав две биографии знаменитого преступника XVIII в. Дж. Шеппарда. В статье проведен компаративный анализ «Истории замечательной жизни Джона Шеппарда» и «Повествования о всех преступлениях и побегах Джона Шеппарда» (1724), на основе которого показывается как события жизни реального персонажа трансформируются в миф, обретший самостоятельную жизнь в коллективном сознании.
Ключевые слова: *Д. Дефо, Дж. Шеппард, XVIII век, Англия, преступление, криминальная биография*

В 1729 г. под псевдонимом *Эндрю Моретон, эсквайр*[1] выходит памфлет «Вторичные мысли – самые лучшие, или совершенствование последней схемы по предотвращению уличных разбоев»[2], принадлежащий перу Даниэля Дефо. Дефо часто надевал маски, выражая точки зрения представителей различных классов и общественных групп, что позволило назвать его одним «из наиболее хамелеоноподобных английских авторов»[3]. Образ Моретона приобрел высокую популярность у читателей, и даже разоблаченный своими оппонентами уже в 1725 г., он впоследствии прибегал к нему, в т.ч. и для того, чтобы повысить продажи. Маска пожилого буржуа, ревнителя и апологета традиционных ценностей среднего класса, была очень символична, так как именно в начале 1720-х гг. жизнь писателя начала меняться. Почтенный джентльмен, обремененный многочисленным потомством (два взрослых сына и три дочери на выданье), он перешел шестидесятилетний рубеж и стремился укрепить реноме успешного профессионального автора, окончательно очистив имя и репутацию от ассоциаций с Граб-стрит. Дефо приобретает респектабельный особняк с четырьмя акрами садов в Сток-Ньюингтоне, в четырех милях к северу от Лондона, организует небольшой розничный бизнес. В августе 1722 г. он инвестирует 1000 фунтов стерлингов в аренду сельскохозяйственных угодий недалеко от Колчестера.

[1] Под псевдонимом Эндрю Моретон эсквайр, Даниэль Дефо работал в 1725–1729 гг., выпустив серию памфлетов «Everybody's Business, Is Nobody's Business» (1725), «The Protestant Monastery» (1726), «Parochial Tyranny» (1727), «Augusta Triumphans» (1728), в которых были предложены конкретные социально-экономические административные меры, направленные, в том числе, на улучшение качества жизни в Лондоне.
[2] Moreton 1841.
[3] См.: Marshall 2007: 553–576.

Параллельно с финансовыми операциями Дефо активизирует писательскую деятельность. Он подписывает 4-летний контракт с группой издателей и начинает собирать материал для своего знаменитого трехтомного «Путешествия по всему острову Великобритании», которое будет опубликовано в 1724–1726 гг. Скорость с которой из-под его пера выходили произведения разных жанров, без преувеличения можно назвать фантастической. В 1722 г. увидели свет авантюрные романы «Радости и горести знаменитой Молль Флендерс», «История весьма замечательной жизни и необычайных приключений достопочтенного полковника Жака», сопровождавшиеся грандиозным коммерческим успехом, а также «Дневник чумного года». В 1724 г. он пишет свой последний психологический роман «Счастливая куртизанка или Роксана».

В последние годы жизни в творчестве Дефо отражаются не партийно-политические, а социально-психологические реалии: торговля и путешествия, преступность и коррупция, улучшение инфраструктуры Лондона как европейского мегаполиса, гендерные аспекты матримониальных отношений, а, главное, его более всего интересуют невидимые пружины человеческих поступков, внутренняя мотивация, приводящая в движение как отдельного индивида, так и людские массы. С 1720 г. он начал сотрудничество с «Еженедельным журналом» Джона Эпплби[4], специализирующимся на освещении событий криминальной хроники[5].

Существенным достоинством трактата Дефо была филигранная продуманность его структуры. Он не просто предлагает лекарство от социальной болезни, но проводит тщательную диагностику, выявляя ее глубинные причины, лежащие фактически во всех сферах: административной, экономическо-социальной, и, главное, нравственной. «Хороший врач ищет причину болезни и тщательно анализирует симптомы, прежде чем поставить диагноз и прописать лекарство; если мы посмотрим в корень зла, то узрим его в разложении нравов и морального облика низших классов»[6], – рассуждает Дефо. Под маской благочестивого и богобоязненного Моретона, он сетует на то, что из-за популярности театра и непродуманного репертуара «негодяи становятся злее день ото дня, на порок смотрят сквозь пальцы, а общество благосклонно взирает на разбой, полагая его незначительным преступлением»[7].

[4] The Original Weekly Journal – еженедельное издание, специализирующееся на описании «признаний» преступников, т.е. предсмертных исповедей, и других материалов об их деяниях. Джон Эпплби имел доступ к официальным отчетам и сведениям о заключенных. О сотрудничестве Дефо и Эпплби см.: Furbank, Owens 1997: 198–204.

[5] Интерес Дефо к теме преступления и наказания был давним. В 1703 г. за памфлет «Кратчайший путь расправиться с диссентерами», он сам был заключен в тюрьму где провел более полутора лет «Нужно полагать, что у него была отдельная камера, где он мог заниматься литературной работой… В течение своего полуторогодовалого заключения вместе с убийцами и разбойниками Дефо издал до сорока сочинений и памфлеты по разным общественным и политическим вопросам». – Каменский 2014.

[6] Moreton 1841: 11.

[7] Moreton 1841: 9.

Резкой критике Дефо подвергает «Оперу нищего» Дж. Гэя и балладную «Оперу квакеров» Т. Уолкера, по его убеждению, усугубившие преступный беспредел на улицах Лондона: «Джек[8] Шеппард герой драмы, в сцене триумфального бунта, производит сильное впечатление на посредственные умы; его утонченные манеры, элегантная одежда, карманы, набитые деньгами, убивают стремление зарабатывать на жизнь честным трудом… и вот вам еще один свежеиспеченный негодяй!»[9].

Упоминание Эндрю Моретоном в критических оценках легендарного Шеппарда было не случайным. В течение 1720–1726 гг. Дефо был постоянным сотрудником «Еженедельного журнала», на страницах которого с августа по ноябрь 1724 г. были опубликованы шестнадцать статей о Шеппарде. «Хотя две из них были представлены в форме любовных писем, подписанных "племянницей Молль Флендерс Бетти Блускинс", маловероятно, чтобы какая-либо из этих статей, выдержанных в шутливом тоне, принадлежала перу Дефо, и естественно, он не мог проигнорировать назревающую ньюгейтскую драму»[10].

В разгар истерии, связанной с побегами Шеппарда из Ньюгейта, предприимчивый Эпплби заказал две биографии своему лучшему автору. В октябре и ноябре 1724 г. были напечатаны *(анонимно!)* два коротких очерка о жизни Джона Шеппарда: первый – «История замечательной жизни Джона Шеппарда» второй – «Повествование о всех преступлениях и побегах Джека Шеппарда, изложенное им самим во время пребывания в камере после того, как он был схвачен на Друри-Дэйн», которые и станут предметом нашего анализа.

«Природа исторического события такова, что рассказ о нем не может быть исчерпывающим и прозрачным. Это можно сказать как о рассказе свидетеля, так и о сочинении историка. И в том, и в другом случае есть место для отбора данных, упрощения сложных связей, акцентирования одних аспектов происходящего и исключения/забвения других»[11]. Дефо, как очевидец описываемых событий, к тому же необычайно энергичный, ловкий и опытный публицист, знал, как одновременно угодить читательской аудитории и ненавязчиво позволить ей извлечь из предлагаемого нарратива некий нравственный урок. Биография Шеппарда презентуется как «чуждая басен и вымыслов и потому «состоящая из невероятных, но бесспорных событий, свершившихся на порогах Ваших жилищ»[12]. Для усиления эффекта достоверности указаны источники информации: это материалы судебных дел, свидетельства потерпевших, служителей Ньюгейта, ньюгейтского капеллана преподобного Вагстаффа, ну, и конечно, исповедь самого Шеппарда.

[8] "Джек" – производное от "Джон". В трактате Д. Дефо именует Шеппарда "Джек", хотя в его биографиях за авторством Дефо, анализ которых представлен ниже, данная персоналия фигурирует исключительно как Джон Шеппард. Defoe 1724; 1725.
[9] Moreton 1841: 10.
[10] Introduction // Defoe on Sheppard and Wild… 2004.
[11] Чеканцева 2018: 209.
[12] [Defoe D.] The history of the remarkable life of John Sheppard. L., 1724.

Остается открытым вопрос, какова степень авторства самого Дефо, так как «История Джона Шеппарда» в плане структуры и стилистики во многом соответствует не перу зрелого мастера художественной прозы, а скорее незамысловатым ньюгейтским биографиям. В нем хаотично перемешаны сенсационные факты о преступлениях Шеппарда и его «коллег» по ремеслу, детальные описания его побегов, благочестивые воззвания, саркастические диалоги, исключительно вульгарные жаргонизмы и напоминающие бухгалтерскую отчетность сведения об украденных Шеппардом вещах. Разнородный характер «Истории» очевиден. Она явно носит отпечаток коллективного творчества тайбернских журналистов Дж. Эпплби, как композиция из текстов, подвергнутых спешной и зачастую небрежной редакторской обработке. Напротив, «Повествование о всех преступлениях и побегах Джона Шеппарда», обезоруживающе откровенное, иногда ироничное, но всегда правдоподобное, выдержано в традициях творческой манеры и стиля Дефо. Именно компаративный анализ обоих произведений позволяет не просто реконструировать образ Шеппарда, а показать эволюцию и специфику преступной психологии в контексте современных социальных реалий.

Итак, самый знаменитый английский преступник, «юный по годам, но старик по грехам», родился в 1702 г. в приходе Степни и должен был продолжить славную династию плотников. Его отец скончался, когда Джон был еще очень мал, и мать, будучи не в состоянии содержать троих детей, отдала его в работный дом на Бишопсгейте. Через полтора года его взял к себе для обучения азам плотницкого ремесла некий мистер Вуд. В его доме на Друри Лэйн Джон провел семь лет, зарекомендовав себя прилежным, послушным и здравомыслящим юношей. «Но, увы! За год до истечения семилетнего срока в качестве подмастерья состоялось его роковое знакомство с Элизабет Лайон, именуемой еще Эджворт Бесс из Миддлсекса, очаровавшей юного плотника и приобщившей его к распутству, в котором они оба погрязли, сожительствуя подобно мужу и жене»[13]. Это была отправная точка нравственной деградации Джона, для которого честный труд отныне превращается в ненавистное ярмо. Он начинает достаточно жестко конфликтовать со своим хозяевами и даже избивает миссис Вуд, «добрую женщину, пытавшуюся вразумить его и отговорить от общения с этой распущенной «львицей»[14]. Уже в это время Джон обнаружил «магическую» способность виртуозно выбираться из запертых помещений, впервые использовав ее, когда помог своей возлюбленной сбежать из тюрьмы в Сент-Джайлс-Раунд-хаус, куда ее поместили за кражу золотого кольца. В июле 1723 г. вместе с хозяином они производили ремонтные работы у мистера Бэйнза, из лавки которого он украл рулон фланели длиной в двадцать четыре ярда, а пробравшись в его дом ночью, поживился еще семью фунтами и товарами на сумму четырнадцать фунтов. «Мы полагаем, что это было первое со-

[13] The history of the remarkable life of John Sheppard: 2.
[14] Англ. She-lion – игра слов. Ibid: 3.

вершенное им преступление, – рассуждает автор, – после чего из-под мудрой отеческой опеки он оказался в компании самых развращенных лондонских негодяев – Джозефа Блейка по прозвищу *Blueskin*[15], Уильяма Филда и Джеймса Сайкса, прозванного *Hell and Fury»*[16].

Из текста, переполненного подробностями касательно украденного имущества, оставалось абсолютно непонятным, в чем же заключалась причина стремительной трансформации благоразумного подающего надежды юношу в отпетого негодяя. Ответ на этот вопрос дается в «Повествовании о всех преступлениях и побегах Джека Шеппарда». С самого начала рассказчик постоянно «исправляет» первую биографию, разбавляя сухие факты эмоциональным компонентом, поэтому достигается чувство близости и конфиденциальности с читателем. Шеппард добавляет убедительные новые подробности о своем детстве, отношениях с матерью и братом Томасом и бурном романе с Элизабет Лайон.

Этот интерес к детству и воспитанию субъекта, как фундаменту для формирования характера – явный признак рассматриваемой биографии. Шеппард повествует о своих неоднозначных взаимоотношениях с четой Вудов, из чего мы можем заключить, что его дурные склонности проявились гораздо раньше, чем он «официально» нарушил закон: «Мы провели под одной крышей шесть лет в частых ссорах и склоках. И хотя я не могу утверждать, что я был лучшим из слуг, но признаю, если бы мне давали меньше свободы, я бы не свернул на дурную дорожку. Мои хозяева строго соблюдали Субботу, но ни для кого не было секретом, что я осквернял День Господень как мне заблагорассудится»[17]. Так, мы узнаем, что первая кража Шеппарда осталась безнаказанной. «В “Истории моей жизни” утверждается, что моим первым преступлением было ограбление мистера Бэйнса. К своему стыду я вынужден признаться, что это произошло раньше, когда я украл две серебряные ложки в таверне на Чаринг Кросс, за что я прошу прощения у Господа и у тех, кто понес несправедливую кару за мое нечестивое деяние»[18].

Из «Повествования» читатель узнает, что первый арест Шеппарда был не за кражу, а за то, что он нарушил свои обязанности ученика-плотника. Ночь, проведенная в тюрьме святого Климента, была единственным зафиксированным, а потому уникальным, эпизодом из жизни нашего героя, когда он не пытался совершить побег. Но в 18 лет он становится полностью неуправляемым. «Затем я стал грабить почти всех, кто стоял у меня на пути», – признается он[19], и остается только гадать,

[15] Blueskin – прозвище, рус. «синюшный». В жаргонном употреблении означало также «пресвитерианин». Джозеф Блейк мог быть обязан своим прозвищем «синей погибели», как называли джин, или татуировкам, обильно покрывавшим его кожу.
[16] Англ. Hell and Fury – Ад и Ярость.
[17] A narrative of all the Robberies, escapes &c. of John Sheppard… written by himself during his Confinement in the Middle-Stone Room, after his being retaken in Drury Lane // Defoe on Sheppard and Wild…: 71.
[18] Ibid: 72.
[19] Ibidem.

что превалирует в этом утверждении – позерство или сожаление о содеянном. «Грабить и убегать» – такому алгоритму отныне подчиняется жизнь Шеппарда. Как правило, он никогда не действовал в одиночку, ему ассистировали «коллеги» по преступному ремеслу. Так, 12 июля 1724 г. он в компании Дзозефа Блейка и Уильяма Филда пробрался в магазин мистера Книбона, где «за три часа негодяи набрали на сумму пятьдесят фунтов следующее: восемнадцать ярдов сукна, парик, бобровую шапку, две серебряные ложки, носовой платок и перочинный нож»[20].

Джон не чурался и карманных краж, и ограблений на большой дороге. Спустя неделю Шеппард и вышеупомянутый Блускин совершили нападение на экипаж, облегчив кошелек путешествующей в ней леди на полкроны, а 20 июля остановили карету мистера Партиджера, оглушили пьяного джентльмена ударом рукояти пистолета и забрали его кольца и три шиллинга. В «Повествовании» содержится расширенная версия этих эпизодов, где Шеппард дает нелестную характеристику своим «партнерам». Уильям Филд – «самый отпетый мерзавец, из тех, кто осквернял своим дыханием воздух Англии»[21]. Чуть менее «лестно» он отзывался о Джозефе Блейке (Блускине): «В противоправных деяниях он преуспел куда более меня, на его совести бесчисленное количество преступлений, за которые были приговорены к смертной казни четыре его подельника. …Несмотря на то, что он отличался крепким телосложением и был способен на любое злодеяние вплоть до убийства, нрав его был куда менее решительным. …Прошлым летом мы наняли двух лошадей в таверне на Пикадилли и отправились в Энфилд-Чейз[22]. Мимо нас проезжал экипаж с четырьмя юными леди, на руках которых поблескивали золотые часы. Я приказал немедленно атаковать их, но в этот момент мужество покинуло Блускина, он заявил, что прежде должен освежить лошадь, но пока он провозился, кареты и след простыл, как, впрочем, испарилась надежда поживиться богатой добычей. Говоря вкратце, Джозеф Блейк был никчемным компаньоном, горе-вором, и, если бы он не попытался перерезать горло Джонатану Уайлду, о нем бы никто и не вспомнил»[23].

По нашему мнению, в биографиях ярко отразилась картина духовного мира и ценностных ориентаций преступников. «Идеология разбойников – праздная жизнь, большие деньги... Члены группы не способны чувствовать нравственных обязательств даже друг перед другом. Каждый готов при опасности броситься сторону, а при виде наживы – вцепиться соучастнику в глотку»[24]. Очевидно, что векторы, задающие направление поведению закоренелых преступников, совершенно отличны от мотивации обывателей. При этом деформация нравственных барьеров вплоть до абсолютной деградации автоматически не означает пол-

[20] The history of the remarkable life of John Sheppard…: 13.
[21] A narrative of all the Robberies…: 75.
[22] Англ. Enfield Chase –район на севере Лондона.
[23] A narrative of all the Robberies…: 77–78.
[24] Клименко 2001: 32.

ное отсутствие нравственности. «Выражение “духовно нищий человек”, которым часто нарекаются преступники, совсем не есть констатация отсутствия у них нравственности, а есть лишь негативная оценка ее содержания с позиции принятых в обществе морально-этических категорий. В этом отношении есть основание рассматривать преступную нравственность как форму асоциальной групповой морали»[25]. В эту асоциальную групповую мораль, как очень жёсткую систему ценностных координат преступного мира, вписываются яркие эпизоды из обеих биографий. В «Истории», например, повествуется о том, как приятель Шеппарда Сайкс, по совместительству агент и помощник Джонатана Уайлда, пригласил его в трактир, чтобы поиграть в кегли, и сдал констеблю Прайсу, доставившему того в тюрьму Св. Джайлса, откуда тот не преминул сбежать в первую же ночь, связав одеяло с простыней и спустившись по ним со второго этажа. Пребывая в Ньюгейте, Джон жаловался на практику взаимных обвинений и сдачи подельников в обмен на смягчение приговора. «Иногда он был серьезен, размышляя о своей порочной жизни и нечестивых деяниях… часто сетовал на разложение воровского братства, заявляя, что если бы все были такими “твердыми петушками”[26] как он, то репутация английских воров поднялась бы на такую недосягаемую высоту, что отпала бы необходимость в тюремщиках и палачах»[27]. В «Повествовании…» Джек высказывается настолько сардонически-рационально, что за его голосом явно звучит голос самого Дефо: «Я всегда осуждал “вороловов” и тех, кто дает объявления о вознаграждении за возвращение украденных вещей в нарушение двух парламентских актов; вышеупомянутые вороловы ведут роскошную жизнь, открыто содержат конторы по оказанию подобного рода услуг, и они заслуживают виселицы куда более тех, кого они посылают раз в месяц в тайбернскую петлю как своих представителей»[28]. В каком-то смысле Джон был уникальной фигурой, не вписывающейся в картину лондонского криминального мира: у него был некий “кодекс чести”, от которого он не отступал ни при каких обстоятельствах. В отличие от Филда, Блейка и Сайкса он никогда не играл в популярную игру “обвини или отправляйся на виселицу”, отказывался сотрудничать с Уайлдом и делиться с ним процентом от добычи, никогда не прибегал к его посредничеству, которое тот мог оказать, благодаря своим связям в Олд-бейли.

Значительный пласт биографии составляет коллекция искромётных острот Шеппарда, хотя трудно определить, где заканчивалось чувство юмора тайбернского висельника, а начинался сарказм великого романиста. «Шутки Шеппарда и его неудержимое остроумие среди ужаса и грязи Ньюгейта великолепно раскрывают его стоический характер и естественную браваду. Этот растущий интерес к личности преступника

[25] Тазин 2015: 94.
[26] Англ. Cock – жаргонизм, обозначающий мужской половой орган.
[27] The history of the remarkable life of John Sheppard…: 34.
[28] A narrative of all the Robberies...: 79.

является новым для жанра криминальной биографии. Опять же, в них можно обнаружить явно сочувственный интерес автора "Молль Флендерс"»[29]. «А теперь следует обратиться к поведению мистера Шеппарда в дни, предшествовавшие его последнему побегу… Молодая женщина, стиравшая его белье, как-то пришла с заплывшими от синяков глазами, и Шеппард спросил ее, как долго она замужем. – Откуда Вы узнали это, сэр? – Не отрицай очевидное, Сара, брачное свидетельство у тебя на лице»[30]. И, наконец, самое знаменитое восклицание, облетевшее весь Лондон: «Один напильник стоит всех Библий мира!». Сам ли Шеппард произнес эти фразы в том виде, в каком они цитируются в «Истории», или Дефо отполировал афоризмы Шеппарда, придав им емкость и лаконичность? Последняя реплика презентуется как часть гневной конфронтации с преподобным Вагстаффом: «Когда его посетил в замке преподобный мистер Вагстафф, он уговаривал его перед лицом смерти облегчить душу и назвать имена тех, кто способствовал его предыдущему побегу и снабдил инструментами, Шеппард же со стремительным и страстным движением парировал: «Не задавай мне таких вопросов; один напильник стоит всех Библий в мире!»[31] Чтобы поймать этот момент, явно требовался проницательный наблюдатель – писатель или биограф.

Автобиография показывает, что фантастическая способность Шеппарда выбираться из запертых помещений вовсе не была загадкой. Она явилась прямым следствием его выдающихся наследственных навыков плотника и строителя, усвоенных во время шестилетнего обучения. Его огромная физическая сила вместе с гибким телом гимнаста сочетались со знанием состава строительных материалов и инстинктивным пониманием конструкции (и деконструкции) любого вида замка, стены, окна, бруса, шипа, дымохода, пола, потолка, крыши или погреба. Однажды он дерзко похвалил хранителя Ньюгейта за высокое качество железных изделий тюрьмы, только что «обработав» один из его самых грозных шипов. В «Истории» два побега Шеппарда из Ньюгейта презентуются в таком ключе, чтобы раздуть их до размера сенсации и ошеломить читательскую аудиторию. Тут следует обратить внимание на два важных момента. Во-первых, это неоднократное утверждение о сверхъестественной природе способностей Шеппарда, причем для усиления эффекта используется эмоционально и экспрессивно окрашенная лексика. «Когда хранители обнаружили камеру пустой с кучей мусора на полу, они впали в состояние оцепенения от ужаса, охватившего их… Многие способы, с помощью которых он совершил этот чудесный (*miraculous)* побег, так и остались тайной *(secret)* для всех… За несколько часов в кромешной тьме проделал удивительные вещи *(wonders),* с которыми несколько умельцев не справились бы при свете дня за целые сутки! ...Его кандалы нигде не нашли… удивительно *(astonishing),* как он про-

[29] Introduction // Defoe on Sheppard and Wild…: 17.
[30] The history of the remarkable life of John Sheppard…: 48.
[31] Ibid: 50.

лез в них через дымовую трубу. Единственный ответ, который приходил в голову обитателям Ньюгейта, что той ночью явился дьявол собственной персоной и помог ему»[32]. Во-вторых, в обоих случаях автор выступает как апологет ньюгейтской администрации, на которую общественное мнение возложило ответственность за то, что такой опасный негодяй ускользнул от правосудия. Когда Шеппард сбежал во второй раз, «опрометчивая и невежественная молва» опять обвинила тюремщиков в попустительстве и мздоимстве. «Но добрый нрав достойнейшего мистера Питта и его помощников сам по себе служит опровержением этих грязных домыслов, – негодует автор. – Да, им и раньше приходилось иметь дело с негодяями с душой черней ночи. Они честно выполняли свои обязанности, но они всего лишь люди, а им пришлось иметь дело с *существом*, превосходящим обычного человека, сверхъестественным Протеем[33], деяния которого говорят сами за себя»[34].

Ярким моментом автобиографии является необычайно напряженное и показательное повествование о последнем побеге Шеппарда из Ньюгейта. С удивительной изобретательностью он сбежал вверх: «сначала через дымовую трубу, затем через шесть наглухо запертых дверей, затем через тюремную часовню и, наконец, через крыши Ньюгейта». Оказавшись на свободе, он «арендовал» за 20 шиллингов пробойник и молоток, освободился от кандалов, замаскировался под нищего и отправился в свое последнее «турне» по Лондону. Здесь повествование приобретает сюрреалистический оттенок, как в картине Рене Магритта «Репродуцирование запрещено»[35]: «главный герой бродит по Лондону, слушая истории и баллады о своих собственных подвигах, расширяя и трансформируя чувство идентичности»[36]. «В ту ночь я пришел в подвал на Чаринг-Кросс, полакомился жареной телятиной и т.д., услышал, как дюжина людей говорила только о Шеппарде, и больше ни о ком другом, не подозревая, что я среди них. На следующий день я отправился в таверну недалеко от Пикадилли, где имел долгую беседу о Шеппарде с молодой женщиной. Я уверял ее, что он не сможет покинуть королевство, так как не пройдет и нескольких дней, как его схватят. Она же в свою очередь пожелала, чтобы проклятие обрушилось на любого, кто предаст его. Я оставался там до вечера, а затем отправился на Хеймаркет, где смешался с толпой, которая внимала двум певцам, исполняющим баллады о Шеппарде». Наш герой предался чревоугодию и плот-

[32] The history of the remarkable life of John Sheppard…: 45-46.

[33] Сравнение Шеппарда с Протеем показательно. Морское божество, сын Посейдона, Протей обладал способностью принимать облик различных существ. Как объект аллегорических толкований он ассоциировался с легкомыслием, переменчивостью.

[34] The history of the remarkable life of John Sheppard: 47.

[35] Другое название картины «Портрет Эдварда Джеймса». Герой картины смотрит на себя в зеркало, но вопреки закону отражения (симметрии относительно плоскости) вместо лица видит свой затылок, в то время как каминная полка и лежащая на ней книга отражаются правильно.

[36] Introduction // Defoe on Sheppard and Wild…: 22.

ским утехам, что, впрочем, описано в высшей степени целомудренно, оставляя читателю простор для фантазии: «Я арендовал мансарду в бедном доме на Ньюпорт Маркет, и послал за рассудительной молодой леди, которая на протяжении долгого времени была истинной хозяйкой моего сердца и скрашивала мои дни. Она явилась и выказала мне всю поддержку, на которую была способна». Молодая особа передала послание матери Шеппарда, которая со слезами на глазах умоляла непутевого сына уехать из Англии и тем самым спасти свою жизнь. «Я искренне обещал последовать ее совету, – вспоминает Шеппард, тут же цинично добавляя, что в его намерения это никоим образом не входило»[37].

Отношения Шеппарда с близкими людьми, безусловно, добавляют существенные штрихи к его психологическому портрету. Для личности преступника характерна разная степень нравственной нечувствительности, которая может дифференцироваться от нравственной хаотичности до нравственной деградации. В случае Шеппарда сфера родственных и половых отношений явно выпала из зоны нравственной регуляции. Едва ли он испытывал нежные чувства к своей «бедной» матери, хотя последнее, что он сделал, пребывая на свободе – купил для нее три четверти пинты лучшего бренди, в этом поступке больше позерства, чем сыновней заботы. Что же касается его отношений с противоположным полом, то обе биографии сохранили только одно имя – Элизабет Лайон. Их связь длилась на протяжении нескольких лет и была наполнена драматическими событиями, которые могли бы быть положены в основу сюжетной линии любовно-авантюрного романа. Она была его первой женщиной, несколько раз он спасал ее из тюрьмы, она также помогала ему уходить от правосудия. Ее имя настолько прочно ассоциировалось с Шеппардом, что после его первого побега помощники Уайлда выследили и схватили Элизабет в магазине бренди, после чего подвергли жесткому допросу. Элизабет отказалась выдать его, но Джон по неизвестным причинам полагал обратное. Он признался преподобному Вагстаффу, что «Эджворт Бесс, которую до этого полагали его женой, не является таковой. Это было низко с его стороны, так как к особе, приложившей столько усилий для организации побега, было бы проявлено более снисхождения, будь она его законной супругой. Он обвинил ее во всех своих несчастьях: дескать, она рассказала Джонатану Уайлду о его местонахождении, не выполняла его указания… в общем отплатила черной неблагодарностью за то, что он спас ее из новой тюрьмы»[38]. В «Повествовании» Джон более откровенен, вернее откровенно груб: «В Англии не было более разращенной, лживой и похотливой твари. Она отравила мою жизнь, но я надеюсь, что Господь простит ее, как простил ее я»[39].

Кульминацией автобиографии является описание последней, невероятной по дерзости эскапады Шеппарда. Ограбив двух братьев-ростов-

[37] A narrative of all the Robberies…: 85–86.
[38] The history of the remarkable life of John Sheppard Ibid: 32.
[39] A narrative of all the Robberies …: 78.

щиков, он приобрел роскошный наряд, облачился в него и в воскресенье 31 октября 1724 г. в компании двух красоток проехал в наемной карете под аркой Ньюгейта, после чего отправился по окрестным пабам. Естественно, его узнали, а так как, по собственному признанию, он был одурманен алкоголем и не мог оказать сопротивления, то счел прижатые к виску два пистолета более чем убедительным аргументом и сдался.

В ноябре 1724 г. Шеппарда доставили в Суд королевской скамьи, где собралось рекордное количество людей. «Судье он заявил, что никогда не имел возможность заработать на кусок хлеба честным путем. Он отказался назвать имена тех, кто ему помогал. Его обвинили в богохульстве. Ему предложили показать свое искусство, сняв наручники, что он и продемонстрировал. Шеппард стал героем, его образ использовали в политической сатире, им восхищались за стойкость характера и неукротимый нрав»[40]. Питер Акройд писал: «Несмотря на свою широкую популярность, фигура Шеппарда во многом остается для нас загадочной. Можно предположить, что одержимость идеей побега развилась у него в детстве, когда он жил в работном доме на Бишопсгейте, а свою поразительную сноровку этот легендарный вор приобрел, работая у плотника в учениках... Он был жестоким и бессовестным человеком, но серия его побегов из Ньюгейта преобразовала всю атмосферу города, большинство жителей которого восторгалось его отвагой»[41].

Поведенческой стратегии Шеппарда был свойствен ярко выраженный *эскапизм*[42]. Его жизнь изобиловала эскапистскими актами, с помощью которых он декларативно утверждал абсолютную свободу от административно-юридических, этических и религиозно-нравственных норм. Вырваться из стен символизирующего репрессивную функцию официальной власти Ньюгейта означало освободиться от всех уз обычного мира. Его проезд под ньюгейтской аркой был блестящей драматургической находкой. Благодаря ей Шеппард стал частью лондонской мифологии, а его свершения воспели в стихах, балладах и пьесах. Это был апогей его карьеры, его короткое торжество над обыденностью, после которого ему оставалось только совершить, по выражению П. Лайнбо «окончательный побег» из физического бытия, обставив свой бенефис театральными эффектами и получив безоговорочную поддержку аудитории, следствием чего явилась последующая беспрецедентная героизация его образа.

Вопрос, насколько способствовали героизации образа Шеппарда биографии Дефо и чем он руководствовался, генерируя криминальные нарративы, остается открытым. «Не будем пытаться оправдать или осудить великого романиста. Очевидно, что и здесь в нём говорил трезвый и расчётливый ум человека Просвещения»[43]. Одной из черт мышления

[40] Linebough 2006: 38.
[41] Акройд 2005.
[42] Термин «эскапизм» как «бегство от реальности в вымышленные литературные миры, был впервые введен в научный оборот Дж. Толкином в 1939 г.
[43] Смолицкая 2001.

просветительской эпохи была «*нивелировка, в результате которой* лишенный предрассудков человек увидит, что все, что восхваляют в качестве бескорыстия, великодушия и самопожертвования, только называется разными именами, но по сути дела не отличается от совершенно элементарных основных инстинктов человеческой природы, от "низших" вожделений и страстей»[44]. Хладнокровие, с которым Дефо изображает относительность пороков и добродетелей, проистекает не из бедности его психологических ресурсов и отсутствия «страстного элемента». Как указал Лесли Стивен: «Дефо описывал своих негодяев удивительно спокойно, как деловой человек, отмечая, что каждый из них очень похож на добродетельное лицо, с той разницей, что поставил не ту карту»[45]. Позиция невмешательства, которую занимает Дефо, описывая только то, что лежит на поверхности, дает возможность создать эффект объективной картины реальности с проникновением в «душу» вещей. Детальность и скрупулезность в последовательной констатации фактов приближает хладнокровный стиль Дефо к кинематографической фиксации, что, по мнению исследователей, характерно для постмодернистской поэтики. Жак Деррида утверждал, что в любом тексте скрыты два текста. «Чтение не только созданного в прошлые эпохи, но и современного художественного произведения – это всегда некий поиск, работа по разгадыванию загадок. ...обнаружение (часто неожиданное) других прочтений текста, до тех пор незаметных, спорящих друг с другом и с "очевидным смыслом", выявляя неразрешимости и противоречия, "размывает" замысел автора… и обогащает произведение новыми пониманиями»[46].

Две биографии Шеппарда причудливо преломляют реальность, делают ее пластичной, высвобождают множество по-разному окрашенных и неочевидных с первого взгляда смыслов, из которых читателю предлагается выбрать наиболее привлекательный для него. При чтении биографий Шеппарда, складывается впечатление, что смысл, подразумеваемый автором, очевиден и лежит на поверхности, но это обманчивое впечатление рассеивается при более пристальном компаративном анализе текстов. Жизнь Шеппарда презентуется с разных повествовательных точек зрения: от авторского изложения до видения глазами непосредственно главного персонажа. Дефо как будто играет с читателем: постоянно вводит новые детали, изменяет фокус зрения, переставляет акценты, преобразуя ранее изложенные факты и направляя сюжетные линии в иные, неожиданные направления Личность самого Шеппарда на протяжении повествования словно размывается, он предстает в совершенно разных амплуа, меняя маски с фантастической скоростью. Тщеславен ли он или благороден? Нежный или психопатически жестокий? Верный или жестоко вероломный? Дефо заставляет нас постоянно придерживаться его слов, чтобы интерпретировать характер и судить о действиях.

[44] Кассирер 2004: 38.
[45] Stephen 1899: 14–15.
[46] Вдовина 2012: 13.

Это совершенно другой порядок повествования, отличающийся от традиционных ньюгейтских историй и показывающий стремление к новой, более реалистичной биографии, с одной стороны, и явные элементы постмодернистского текста, с другой[47]. В биографиях постоянно меняется манера речи, стиль поведения, профессиональная и даже гендерная принадлежность (многочисленные переодевания и побег в ночной сорочке). Очень показательно, что в викторианскую эпоху в постановках пьес о Шеппарде главную роль исполняла актриса (!) в вызывающе узких шелковых штанах, украшенных декоративными оковами и цепями. А с учетом анонимного авторства и гениальной способности Дефо полностью идентифицировать себя со своими персонажами, грань между истиной и художественным вымыслом становится фактически неуловимой. Естественно, следует учитывать немаловажное обстоятельство, что если Дефо что-то и «выдумывал», то только то, что соотносилось с миром его современников, потенциальных читателей. Но прозорливость Дефо проявилась в том, что в рассматриваемых биографиях отображены тектонические сдвиги в общественной психологии, которые породили Джона Шеппарда как уникальное явление. Как лакмусовая бумага он показал зачаточные на тот момент признаки зарождения «человека массы», с одной стороны, и идеологии потребления, с другой.

«Человек массы» живет, заключенный в кокон своих убеждений, что делает его довольно инертным в личном пространстве, но соединяясь с подобными себе, он легче переносит разрушение привычного жизненного уклада и получает возможность хотя бы ненадолго вырваться из привычной реальности. Джон Шеппард стал тем самым *acteur,* который, противостоя окружающей его среде и групповым стереотипам, объединил лондонских обывателей в единое целое. Чужеродный феномен, он настолько "выламывался" из системы, его поступки были настолько незапрограммированными, что вырывали массы из реалий обыденной жизни и привычных социальных связей и создавали эффект сопричастности к его эскападам при собственном бездействии.

Рассуждения Дефо о катастрофическом падении нравов в анализируемом корпусе произведений отнюдь не являются банальным морализаторством. Его проницательность проявилась, главным образом, в том, что он, усматривая корни преступности в сфере нравственно-этических норм, связывал их трансформацию с влиянием набиравшего обороты капитализма, стремительно менявшего структуру общества, и с новым стилем мышления и поведения.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Акройд П. Лондон. Биография [Akrojd P. London. Biografiya]. URL: https://e-libra.ru/read/325295-london-biografiya.html

Вдовина А.В. Жак Деррида о двойственности философских текстов и этике деконструкции // Дискуссия. 2012. №1 (19). С.12-14. [Vdovina A.V. ZHak Derrida o dvojstvennosti filosofskih tekstov i etike dekonstrukcii // Diskussiya. 2012. №1 (19). C.12-14.].

[47] См.: Лучинская 2012.

Каменский А.В. Даниэль Дефо. Его жизнь и литературная деятельность: биографический очерк. М., 2014. 77 с. [Kamenskij A.V. Daniel' Defo. Ego zhizn' i literaturnaya deyatel'nost': biograficheskij ocherk. M., 2014. 77 s. URL: https://www.litres.ru/andrey-kamenskiy/daniel-defo-ego-zhizn-i-literaturnaya-deyatelnost/chitat-onlayn/

Кассирер Э. Философия Просвещения. М., 2004. [Kassirer E. Filosofiya Prosveshcheniya. M., 2004].

Лучинская Е.Н. Актуализация личности автора в постмодернистком дискурсе // Вестник ВГУ. Серия Филология. Журналистика. 2012. №2. С. 66-68. [Luchinskaya E.N. Aktualizaciya lichnosti avtora v postmodernistkom diskurse // Vestnik VGU. Seriya Filologiya. ZHurnalistika. 2012. №2. C. 66-68.].

Тазин И.И. Роль нравственности в индивидуальном механизме преступного поведения// Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. №5 (158). С. 92-95 [Tazin I.I. Rol' nravstvennosti v individual'nom mekhanizme prestupnogo povedeniya// Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2015. №5 (158). C. 92-95].

Смолицкая О. О «Робинзоне Крузо» и его авторе [Smolickaya O. O «Robinzone Kruzo» i ego avtore // Literatura. 2001. URL: http://lit.1sep.ru/article.php?ID=200102511

Чеканцева З.А. Французская революция XVIII века как событие будущего // Событие и время в европейской исторической культуре / под. ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2018. С. 179-220. [CHekanceva Z.A. Francuzskaya revolyuciya XVIII veka kak sobytie budushchego // Sobytie i vremya v evropejskoj istoricheskoj kul'ture / pod. red. L.P. Repinoj. M.: Akvilon, 2018. S. 179-220.].

[Defoe D.] The history of the remarkable life of John Sheppard. L., 1724.

Defoe on Sheppard and Wild: The history of the remarkable life of John Sheppard. A narrative of all the robberies, escapes etc. of John Sheppard. The True and Genuine Account of the Life and Actions of the Late Jonathan Wild by Daniel Defoe/ ed. with an introduction by R. Holmes. Harper perennial, 2004.

Moreton A. [Defoe D.] Second Thoughts are Best: Or a Further Improvement of a Late Scheme to Prevent Street Robberies. Oxford, 1841.

Stephen L. Hours in a library. Vol.1. L., 1899.

Linebough P. The London hanged: crime and civil society in the 18th century. New York, 2006.

Marshall A. Daniel Defoe as Satirist // Huntington Library Quarterly. 70/ 7. P. 553–576.

Эрлихсон Ирина Мариковна, *доктор исторических наук, профессор, кафедра всеобщей истории и международных отношений, Рязанский государственный университета имени С.А. Есенина; i.erlihson@365.rsu.edu.ru*

John Sheppard and the anatomy of crime in D. Defoe's late journalism

In the 18th century, there was an unprecedented increase in crime in England. It stimulated an intellectual discussion about the causes of deviant behavior and the reform of penal system. One of its participants was Daniel Defoe, who published the pamphlet " Second Thoughts are Best: Or a Further Improvement of a Late Scheme to Prevent Street Robberies" (1729). Identifying the causes of the phenomenon, which has no analogues in the historical retrospective, Defoe focused on attempts to romanticize the criminal way of life. But the great novelist himself made a significant contribution to the aestheticization of the crime, creating two biographies of the most famous English criminal of the XVIII century J. Sheppard. We present a comparative analysis of "The history of the remarkable life of John Sheppard" and "A narrative of all the robberies, escapes etc. of John Sheppard" (1724), construct his biography and show how a real character's life events are being transformed into a myth that has gained an independent life in collective consciousness.

Keywords*:* D. Defoe, J. Sheppard, 18th century, England, crime, criminal biography.

Irina Erlihson, *Dr. Sc. (History), Professor, Department of World History and International Relations, Ryazan State University named for S.A. Yesenin (Russia).*

Т.С. Сидоркина

«В ТЕНИ ВЕЛИКОГО ИМЕНИ»: ПЕРВЫЕ ПИСЬМА ЮНИУСА И ЕГО «ЖЕРТВЫ»[1]

Данная статья представляет собой комментарии к переводу двух писем Юниуса: от 21 ноября 1768 г. и от 21 января 1769 г. Первое письмо не вошло в каноническое издание «Писем Юниуса» под редакцией Генри Вудфолла 1772 г., в то время как письмо от 21 ноября 1768 г. раскрывает детали взаимоотношений Джона Уилкса с герцогом Графтоном и другими членами кабинета, которые, по мнению Юниуса, «обязаны Уилксу своим возвышением». Оба письма открывают борьбу Юниуса за соблюдение английской конституции и раскрывает особенности становления гражданской позиции интеллектуала в эпоху перемен.

Ключевые слова: *Великобритания, XVIII век, письма Юниуса, Джон Уилкс, администрация Графтона, конституция*

Вопросы гражданских прав и свобод, взаимодействия между первыми лицами государства и обществом как никогда актуальны в XXI в. Хотя сама идея баланса сил между государством и обществом закрепилась в политической культуре Запада уже в эпоху Просвещения. Просветители переосмыслили картину мировосприятия людей традиционного общества: божественное право королей было поставлено под сомнение, новые гражданские добродетели теперь опирались на общечеловеческие ценности и идеалы, а во главу угла был поставлен человеческий разум. На основе этих идей шло формирование институтов гражданского общества. Показателен в этом отношении опыт Великобритании. Здесь на протяжении XVIII в. сложилась т.н. политическая журналистика, которая оказалась в состоянии законодательно защищать принципы свободы слова и печати. Катализаторами и проводниками этих изменений, несомненно, были интеллектуалы.

Показателем развития политической журналистики в Британии, начиная с «памфлетной войны» в правление королевы Анны, было нарастание ежедневной печатной продукции, газет, летучих листков и т.п. Приметой времени стали журналы Р. Стила и Д. Аддисона – «Tatler» и «Spectator». Но подлинное рождение политической публицистики происходит в 1760–1770-е гг. После выхода в апреле 1763 года 45-го номера «The North Briton» и незаконного ареста автора заглавной его статьи Дж. Уилкса начинается решающая схватка – «крестовый поход» власти против прессы и свободы слова. Как член палаты общин Уилкс был освобожден из-под стражи, но избежать наказания за «мятежную клевету» ему удалось только бегством во Францию. Однако в 1768 г., вернувшись, он планирует снова занять место в палате общин. 25 марта 1768 г. радикальный журналист выставляет свою кандидатуру в графстве Мид-

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19–18–00186 «Культура духа» vs «Культура разума»: интеллектуалы и власть в Британии и России в Эпоху перемен, XVII–XVIII вв.»).

длсекс, где уверенно одерживает победу[2]. При этом решение суда вступает в силу, Уилкс оказывается в тюрьме и отбывает наказание с мая 1768 по март 1770 г. 3 февраля 1769 г. правительство проводит через парламент решение об исключении Уилкса из палаты общин[3]. Именно в этот момент в борьбу вступает анонимный публицист Юниус. Определенно – Уилкс ему не симпатичен, однако действия властей, по его мнению, во сто крат опаснее «мятежной клеветы» Уилкса.

Позже – в 1772 г., по горячим следам «битвы» Юниуса с администрацией Графтона, Генри Вудфоллом – главным редактором ««Public Advertiser», где печатался аноним, будет издано собрание писем Юниуса в двух томах. Оно состоит из 69 писем. В издание вошли как письма самого Юниуса, так и его оппонентов. Таким образом Вудфолл сохранил живую ткань полемики оппонентов. Собрание получило название *Stat Nominis Umbra*, что с латинского языка можно перевести как «В тени [великого] имени». Для названия собрания писем Вудфолл использует крылатую фразу *Magni nominis umbra* («Тень великого имени»), которую обычно используют, говоря о потомках недостойных своих предков. Как можно предположить, в этой роли здесь предстают премьер-министр герцог Графтон и члены его администрации. Поведение первых лиц государства, их моральный облик – в ситуации противостояния правительства и «улицы» – становятся предметом пристального внимания Юниуса. Он использует риторический прием обращения к «публике», «рассматривая» «адресата-жертву». Юниус постоянно апеллирует к духу британцев и указывает на несправедливость и незаконность действий правительства по отношению к «народу этой страны», «законам и обычаям этого королевства». Он не призывает народ к бунту, скорее, стремится предостеречь правительство от подобного исхода событий.

«Stat Nominis Umbra» начинается письмом, датированным 21 января 1769 г. Тем не менее, это было не первое письмо Юниуса против кабинета Графтона. Проба пера Юниуса состоялась двумя месяцами ранее. Письмо от 21 ноября 1768 г., о котором идет речь, не вошло в сборник Вудфолла. Однако, если рассматривать хронологию событий – речь идет о непризнании парламентом результатов выборов в Миддлсексе и аресте Уилкса – то можно считать эту публикацию первым письмом Юниуса в борьбе с администрацией Графтона. Почему Вудволл опустил его в собрании «Stat Nominis Umbra»? Но не это нас будет интересовать больше всего – в письме от 21 ноября 1768 г. приоткрывается завеса над закулисной борьбой вигов с лордом Бьютом и королем в преддверии заключения Парижского мирного договора 1763 г.

В этом письме Юниус недвусмысленно дает понять о прежней общности интересов Джона Уилкса и герцога Графтона. Конечно, они

[2] Семенов 1997: 204–207; Кручинина, Сидоркина 2019: 34.
[3] The Parliamentary… 1813: 545–546.

не были друзьями, но обоим были близки политические взгляды вигов. Уилкс был одно время дружен с видными вигами – лордом Тэмплом, лордом Девонширом, Джорджем Гренвилем и даже с Уильямом Питтом-старшим. Лорд Девоншир считал радикального журналиста «душой и сердцем оппозиции»[4]. Графтон несколько раз обедал в кругу друзей Уилкса[5], но не более того. И все же в 1763 г. он был против заключения Уилкса в Тауэр и вступился за него, когда палата лордов обсуждала «Эссе о женщине»[6]. Однако он отказался вносить залог за радикального журналиста, чтобы не обидеть короля. Тогда, в борьбе с администрацией Бьюта, они были в одной лодке. В результате победы вигов молодой герцог был введен в Тайный совет (The Privy Council), а в 1766 г. получил назначение на должность первого лорда Казначейства в администрации Уильяма Питта-старшего[7]. Когда последний сформировал кабинет, преисполненный надежд Уилкс, писал письма Графтону с просьбой о возвращении. Но лорд Чатем, которому принадлежала реальная власть в министерстве, заявил, что не имеет никакого отношения к такой скандальной личности как Джон Уилкс. Он же посоветовал герцогу игнорировать письма радикального журналиста[8].

Как известно, надежды на возвращение «всесильного Питта» не оправдались. Он оказался бессилен в стремлении консолидировать различные группировки вигов и не смог выработать программу преодоления финансовых трудностей текущего момента. В феврале 1767 г. Чатэм перенес приступ подагры, а в октябре 1768 г. – подал в отставку. Его место занял герцог Графтон, но его недолгое пребывание на посту премьер–министра не стало успешным. Графтон в основном был занят попытками сохранить разрушающуюся администрацию, унаследованную от лорда Чатема. В то же время он имел дело с неоднократными попытками Джона Уилкса занять свое место в парламенте[9] и с нарастанием кризиса в североамериканских колониях. Однако главной и решающей проблемой для Графтона стали уничтожающие и разоблачающие письма Юниуса – отставка кабинета оказалась неизбежна в январе 1770 г.

***

Письмо, представленное ниже, было опубликовано в «The Public Advertiser» 21 ноября 1768 г.[10] между судом над Уилксом и решением о его исключении из парламента 3 февраля 1769 г.

---

[4] Cash 2006: 90.

[5] Autobiography...1898, Cash 2006.

[6] Стихи порнографического характера Дж Уилкса и Т. Поттера о лондонской куртизанке Фанни Мюррей, написанные как пародия на поэму Александра Поупа «Эссе о человеке» и не предназначенные для широкой публики, попали к личным врагам Уилкса и были использованы в ходе дебатов об его исключении из палаты общин.

[7] См.: Autobiography... 1898: ix–x, xxv.

[8] Cash 2006: 197.

[9] См.: Autobiography... 1898: XXX.

[10] The Letters… 1978: 455–456.

Сэр,

в ближайшее время высшим органом власти будет решаться вопрос: были ли справедливость наших законов и свобода нашей конституции нарушены; по сути, были ли они нарушены применительно к мистеру Уилксу. Его судьба, как общественного деятеля, будет решена. Безопасно и необходимо ли в настоящий момент прославлять добродетель его мотивов? Мы интересуемся этим вопросом не более, чем потому, что он является частью хорошо регулируемого законом общества. Если представитель этого общества пострадает, закон и конституция должны защитить его. Но где же закон, защищающий достоинство частного мнения или наказывающий за пренебрежение им? Куда ОН [Дж. Уилкс] может обратиться за возмещением ущерба, который разорвал или предал узы чести, дружеские отношения и партийный долг? Человек, перенесший такую травму, не получил ни компенсации, ни утешения, кроме той, что он нашел в негодовании и великодушном сочувствии человечества.

Надругательство над партийными убеждениями само по себе слишком распространено, чтобы вызывать удивление или возмущение. Политическая дружба настолько понятна, что мы едва ли можем сожалеть о том, как легко нас вводят в заблуждение. И если бы мистер Уилкс сбежал, он показал бы нам еще один пример того, как глупо полагаться на такое сотрудничество. Но у него, как я понимаю, исключительная ситуация. Это тот редкий случай, когда партийные заслуги были так велики и так дурно вознаграждены. Другие люди были бы брошены своими товарищами; только мистер Уилкс был унижен ими. Можно было подумать, что первый лорд казначейства и канцлер[11] удовольствовались бы забвением человека, которому они, главным образом, обязаны своим возвышением[12], но их не так-то легко удовлетворить. Они оставили его без поддержки, когда перестали нуждаться в его помощи и, чтобы скрыть упрек в неблагодарном бездействии, добивались его полного унижения. Границы человеческих знаний еще неизвестны, но это, несомненно, последний предел человеческой безнравственности. Печально известные факты говорят сами за себя, и в этом случае честному человеку не нужно никаких дополнительных мотивов для возбуждения своего негодования. Людям другого склада ума не мешало бы задуматься о том, насколько они в безопасности с министром, который без зазрения совести нарушает все партийные обязательства и, в то же время, достаточно слаб, чтобы бросить вызов общественному неповиновению. У министра есть характер, который поможет ему даже против его пороков, но где же доверие к товарищам, когда они не имеют никакого влияния ни на его сердце, ни на его разум? Направляемый лучшей частью человечества, его [министра] скоро будут считать худшей, ибо ни один человек не будет бесстрашно полагаться на того, кого он считает менее честным и менее мудрым, чем он сам.

В данном случае, герцог Графтон вполне может обнаружить, что он затеял глупую игру. Он поднялся благодаря популярности мистера Уилкса, и нет ничего невероятного в том, что он может и пасть из-за нее.

Юниус

[11] В ноябре 1768 г. герцог Графтон занимал должность Первого лорда Казначейства, должность канцлера принадлежала лорду Кемдену.

[12] В 1766 г. в кабинет Уильяма Питта-старшего вошел и герцог Графтон, и лорд Кемден. Юниус, очевидно, считает, что без отставки лорда Бьюта Графтон и Кемден не получили бы своих должностей. Кроме того, Чарльз Пратт, будучи главным судьей суда общегражданских исков (Chief Justice of the Common Pleas), освободил Уилкса из Тауэра, председательствовал над исками печатников и поднял вопрос о законности общих ордеров, чем завоевал себе необычайную популярность как один из «хранителей английской конституционной свободы». The London magazine… 1764: 108.

21 января 1769 г. анонимный публицист пишет новое, более резкое письмо. Письмо написано в преддверии очередной парламентской сессии, где должен был рассматриваться вопрос о лишении Уилкса парламентского мандата и дезавуировании результатов выборов в Миддлсексе. Открытие сессии было назначено на конец января 1769 г. – вероятно, публицист действовал на опережение.

В целом письмо содержит пять смысловых частей. Первая представляет собой обращение к идеям Просвещения. Юниус описывает как выглядит процветающее государство. Он использует теорию Локка об общественном договоре, по которому народ передает свои естественные права монарху для обеспечения «мира, безопасности и общественного блага»[13]. Однако люди могут выступить против короля, если ему не удастся сохранить мир[14]. На это и обращает внимание Юниус, восклицая, что жизнь может преподнести Британии «этот роковой урок». Он отдает дань уважения личности монарха. Король, по его мнению, благосклонен и мудр, а доброта его души безгранична. Юниус восхищается идей создания беспартийного правительства, министры которого были бы лично ответственны перед королем, а не перед партией. Идея «меры, а не люди» заключалась в том, чтобы назначать на посты талантливых людей независимо от их партийной принадлежности. Но, в итоге, план провалился из-за болезни графа Чатема, и выдвижения на эту должность герцога Графтона, который не разделял его взглядов на правление[15].

Во второй части начинается язвительная критика. Юниус нападает на Графтона за произвольную смену министров и развал беспартийного правительства, отсутствие решения вопроса о долгах государства, накопившихся после Семилетней войны, за долги короля по цивильному листу. К 1769 г. цивильный лист был обременен 500 тыс. фунтов задолженности. Билеты королевской лотереи были напечатаны с целью наполнить казну – деньги тратились на восстановление портов, строительство архитектурных сооружений, мосты и другие общественные нужды[16].

В третьей части Юниус обращается к проблеме налогообложения североамериканских колоний. Акт о гербовом сборе был введен Джорджем Гренвилем в ноябре 1764 г. и вызвал недовольство колонистов. Акт был отменен с подачи Питта-старшего в мае 1766 г.[17] Однако в свете нарастающих финансовых проблем министерство Чатема было вынуждено принять Акт Тауншенда 1767 г., по которому для колонистов были увеличены пошлины на ввоз некоторых товаров из других стран (вино, масло, краски, стекло, фарфор и др.)[18]. Это, по мнению Юниуса, накалило ситуацию в колониях, как и действия графа Хиллсборо, за-

[13] Локк 1988: 337.
[14] Ibid: 385-386.
[15] Lindsay 1986: 160–161.
[16] Farebrother 1999: 28.
[17] Романова 2008: 113–114.
[18] См.: The Townshend Act...

нявшего должность государственного секретаря, только что созданного в свете усложнения ситуации в Северной Америке, министерства по делам колоний. Он выступал против любых уступок американским колонистам[19]. В феврале 1768 г. легислатурой Массачусетса было распространено циркулярное письмо о нарушении британским парламентом прав колонистов. Граф Хиллсборо в ответ разослал губернаторам колоний циркулярное письмо, где посоветовал им относиться к письму Массачусетса «с презрением, которого оно заслуживает», а также потребовал распустить любое собрание, которое утвердит этот документ[20].

В четвертой части письма Юниус по большей части нападает на виконта Уэймута, который был главой Южного департамента (и нес ответственность, в том числе, за порядок в Южной Англии, Уэльсе, Ирландии). Именно он отдал приказ о расправе над демонстрацией в поддержку Дж. Уилкса, получившей название «резни на полях Св. Георга» 10 мая 1768 г., во время которой было застрелено 7 человек[21].

В пятой части письма Юниус обрушивается на одного из самых популярных членов кабинета Графтона генерал-лейтенанта Джона Маннерса, маркиза Гренби. В министерстве Чатема в 1766 г. он был назначен верховным главнокомандующим. Юниус, в первую очередь, упрекает лорда Гренби в том, что под давлением своих коллег он голосует за объявление выборов в Миддлсексе недействительными. И хотя, изначально главнокомандующий выступал против исключения Джона Уилкса из парламента[22], позднее личная неприязнь Гренби к Уилксу пересилила принципы маркиза – он проголосовал за изгнание последнего 3 февраля 1769 г.

В последней части письма Юниус обращается к правосудию, а точнее персонально – к лорду главному судье графу Менсфилду (Lord Chief Justice), называя его продажным и бесчестным. В 1730 г. граф Менсфилд был членом Линкольнс-инн и быстро приобрел репутацию превосходного адвоката. Он начал заниматься политикой в 1742 г., став членом парламента и Генеральным прокурором (Solicitor General)[23]. Впоследствии графа Менсфилда будут обвинять в том, что он покровительствовал произволу власти по судебному процессу о мятежной клевете, возникшему из-за публикаций Юниуса[24]. Именно он будет рассматривать дела печатников, опубликовавших письма Юниуса после его атаки на короля в декабре 1769 г.

---

[19] Personal... 1900: 184.
[20] Wood 2002: 33–34.
[21] Cash 2006: 239–240.
[22] Cash 2006: 264.
[23] Heward 1979: 30.
[24] Cash 2006: 161–162.

Письмо I. Издателю «The Public Advertiser» 21 января 1769 г.[25]

Сэр,

подчинение свободных людей государственной власти правительства – не более чем соблюдение законов, которые они сами и приняли. Пока слава о национальном достоинстве государства прочно сохраняется за рубежом, а правосудие беспристрастно вершится внутри страны – подданный будет подчиняться добровольно, решительно, и я бы даже сказал, всецело. Великодушная нация будет благодарна всего лишь за соблюдение своих прав и охотно предоставит как свое почтение кабинету доброго короля, так и любовь к его персоне. Преданность англичанина головой и сердцем – это рациональное подчинение хранителю закона [королю]. Предубеждение и страстная увлеченность иногда уводили их [англичан] на преступную дорожку, и, чтобы не представляли себе иностранцы, мы знаем, что англичане настолько же сильно заблуждались в своей ошибочной благосклонности к отдельным лицам и семьям, насколько они во все времена защищали то, что считали более важным для себя.

Само собой, нас переполняет негодование, когда мы замечаем, что такой нрав оскорблен и унижен. Читая историю свободных народов, правами которого пренебрегли, мы не можем быть не заинтересованы в их проблемах. Наши собственные чувства говорят нам, как долго они должны были подчиняться, и в какой момент было бы предательством самого себя не сопротивляться. Насколько горячо будет наше негодование, если жизнь преподнесёт нам этот роковой урок!

Положение в этой стране является достаточно тревожным, чтобы привлечь внимание каждого человека, который заботится о социальном благосостоянии общества. Вероятность этого оправдывает подозрения, а когда речь идет о безопасности нации, подозрение – это справедливое основание для расследования. Давайте вступим в него с искренностью и порядочностью. Общественное положение министров заслуживает уважения, и если, в конце концов, необходимо будет принять какое–то решение, то ничто не может быть поддержано с такой твердостью, как то, что было принято с чувством меры.

Разорение или процветание государства чрезвычайно зависит от управления этим государством, и для того, чтобы узнать о том, является ли оно достойным, нам достаточно понаблюдать за состоянием жизни народа. Если мы увидим, что они подчиняются законам, процветают в своей отрасли, сплочены внутри страны и уважаемы за рубежом, мы можем справедливо предположить, что их делами занимаются люди опытные, способные и добродетельные. Если, наоборот, мы увидим всеобщий дух недоверия и недовольства, стремительный упадок торговли, разногласия во всех частях империи и полную потерю уважения в глазах иностранных держав, мы можем без колебаний заявить, что правительство этой страны слабое, дезориентированное и коррумпированное. Народные массы во всех странах терпеливы только до определенной степени. Дурное обращение может возбудить их негодование и привести их к крайностям, но настоящая вина будет лежать на правительстве. Возможно, никогда еще не было таких внезапных и необычайных изменений в жизни и характере целой нации, как те, что за несколько лет произошли в Великобритании из-за неправомерного поведения министров. Когда наш милостивый Государь взошел на престол, мы были процветающим и умиротворенным народом. Если бы личные добродетели короля могли обеспечить счастье его подданных, то картина могла бы не измениться так сильно, как это произошло. Идея объединить все партии, испытать всех действующих лиц и распределить государственные посты поочередно, была до крайности благосклонна и доброжелательна, хотя она еще не произвела многих целительных эффектов, на которые была рассчитана[26]. Кроме мудрости такого плана, он, несо-

[25] Junius 1771: 5–17.

[26] Создание беспартийного кабинета лордом Чатемом.

мненно, проистекал из безграничной доброты души, в которой безрассудство не принимало никакого участия. Это не было своенравным пристрастием к новым лицам; это не было стихийным поворотом к открытым интригам; и это не было предательским проведением двойных и тройных переговоров забавы ради. Нет, сэр, она [идея] возникла из-за постоянного беспокойства об общем благополучии в самом чистом из всевозможных сердец. К сожалению для нас, это событие не соответствовало замыслу. После быстрой череды изменений мы приходим к тому состоянию, которое вряд ли можно легко исправить. И все же нет такого чрезвычайного бедствия, которое само по себе должно было бы привести великую нацию к отчаянию. Это не болезнь, а лечение. Это не случайное стечение неблагоприятных обстоятельств, а губительное прикосновение власти, которое само по себе может заставить целый народ отчаяться.

Без особой политической прозорливости или какой–либо необычайной глубины наблюдения нам достаточно только отметить, как распределяются главные государственные департаменты, и не искать дальше истинной причины всякого зла, которое постигает нас.

Финансы нации, тонущие под ее долгами и расходами, доверяются неопытному дворянину, уже разорившемуся на играх[27]. Действующий под руководством лорда Чатема и оставленный во главе дел после ухода этого аристократа, он стал министром случайно. Однако отказавшись от принципов и профессионализма, которые дали ему минутную популярность, мы видим, что он, несмотря на все благородные обязательства перед общественностью, намеренно отступает от проекта (беспартийного правительства – Т.С.). Что же касается дела, то мир еще ничего не знает о его талантах или решимости; разве что своенравная, нерешительная непоследовательность будет признаком гениальности, а капризность – проявлением духа. Можно, пожалуй, сказать, что сфера деятельности его Светлости и его страсть, – это скорее распределение, чем накопление государственных денег. Хотя лорд Норт является канцлером казначейства, первый лорд казначейства может быть столь легкомысленным и расточительным, как ему заблагорассудится. Однако я надеюсь, что он не будет слишком полагаться на плодовитость финансового гения Лорда Норта: его Светлость еще не дал нам главного доказательства своих способностей. Можно с полной уверенностью предположить, что он до сих пор нарочно скрывал свои таланты, возможно, намереваясь удивить мир, когда мы меньше всего этого ожидаем, знанием торговли, умением регулировать средства и богатства ресурсов, необходимых для обеспечения потребностей и гораздо превосходящих надежды его страны. Теперь он должен приложить все усилия, если хочет, чтобы мы забыли, что с тех пор, как он вступил в должность, не было составлено никакого плана, не было соблюдено никакой системы и не было принято ни одной важной меры для уменьшения государственного долга. Если план его службы на текущий год не будет окончательно закреплен, позвольте мне предупредить его, чтобы он серьезно задумался о последствиях, прежде чем рискнет увеличить государственный долг. Как бы мы ни были возмущены и угнетены, эта нация после шестилетнего мира не потерпит, чтобы новые миллионы были взяты взаймы без потенциального уменьшения долга или снижения процентов. Эта попытка может пробудить чувство негодования, жертвой которого может стать далеко не только министр. Что же касается долгов по цивильному листу, то народ Англии надеется, что он не будет оплачен без строгого расследования причин его [долга] возникновения. Если он должен быть оплачен парламентом, позвольте мне посоветовать канцлеру казначейства придумать что-нибудь получше [королевской] лотереи. Для того, чтобы поддержать дорогостоящую войну, или в условиях абсолютной необходимости, лотерея может быть допустима. Однако, в ос-

[27] Речь идет о герцоге Графтоне.

тальных случаях, это всегда самый худший способ собрать деньги с народа, я думаю, что это ниже королевского достоинства – королю иметь долги из сумм, предназначенных для ремонта деревянного моста или разрушенного госпиталя. Контроль за делами короля в палате общин не может быть еще более дискредитирован, чем сейчас. Одного из ведущих министров неоднократно обвиняли в абсолютном невежестве, в нелепых действиях, которые были неловко замяты, саботаже подготовленных планов и напрасной недельной подготовке изящного ораторского выступления, что дает нам некоторые, хотя и неадекватные, представления о парламентских способностях и влиянии лорда Норта. Однако до того, как он имел несчастье стать канцлером казначейства, он не был ни объектом насмешек для своих врагов, ни объектом меланхоличной жалости своих друзей.

Ряд непоследовательных мер оттолкнул колонии от выполнения их подданнических обязанностей и охладил сыновью любовь к их общей родине. Когда мистер Гренвилль был поставлен во главе казначейства, он почувствовал невозможность оказания Великобританией поддержки истеблишменту, которая сохранила бы неизменными ее прежнее благосостояние, и в то же время дала хоть какие-то ощутимые поблажки внешней торговле и облегчила вес государственного долга. Он считал справедливым, что те части империи, которые больше всего выиграли от расходов на войну, должны были внести свой вклад в расходы на мир, и он не сомневался в конституционном праве парламента увеличить этот вклад. Но, к несчастью для этой страны, Мистер Гренвилль был, в любом случае, в меньшинстве, потому что он был министром, а мистер Питт и лорд Кемден должны были стать покровителями Америки, потому что они были в оппозиции. Их поддержка воодушевляла и мотивировала колонии. И хотя, вероятно, они хотели только краха министра, фактически раскололи империю на две части.

При одной администрации издается акт о гербовом сборе, при другой он отменяется, при третьей, несмотря на весь опыт, изобретается новый способ взимания налогов с колоний и возрождается вопрос, который должен был быть предан забвению. В этой обстановке создается новая должность для ведения дел в колониях, и граф Хиллсборо в самый критический момент призван управлять Америкой. Об этом выборе, по крайней мере, объявил нам человек с высшими способностями и знаниями. Так это или нет, пусть покажут его дипломатические депеши, по мере их появления и его действия, по мере их осуществления. В прошлом мы видели твердые заверения без доказательств, красноречивые выступления без аргументов и жестокие порицания без проявления благородства или снисхождения, но ни справедливости в соглашениях, ни правосудия в намерениях. Что же касается его действий, то следует помнить, что он был призван для примирения и единения, и что, когда он вступил в должность, наиболее непреклонные из колоний все еще были склонны действовать в рамках конституционных методов выражения протеста и написания петиций. С тех пор они были загнаны в крайности, мало чем отличающиеся от бунта[28]. Петиции не доходили до престола, и откладывание слушания одного из основных законодательных собраний основывалось на незаконном условии[29], которому они не могли бы подчиниться, принимая во внимание те настроения, в которых они находились, и которые ничего не дали бы в основном вопросе, если бы он был исполнен. Столь жесткое и, как мне кажется, даже неконституционное проявление привилегий [циркуляр графа Хиллсборо], не говоря уже о слабых, необдуманных выражениях, которыми они были выражены, дает нам столь же скромное мнение о способностях его светлости, как и о его характере, и сдержанности. Пока мы находимся в мире с другими нациями, наши военные силы, вероятно, смогут поддерживать меры графа Хиллсборо в Америке.

[28] Речь идет о циркуляре Хиллсборо, который только подкрепил симпатии к Массачусетсу и привел к последующему объединению колоний.

[29] «Чтобы они отменили одно из своих решений и вычеркнули запись о нем». Junius 1772: 10.

Когда же эта сила будет неизбежно отозвана или истощена, то отстранение такого министра не утешит нас его неосторожностью и не снимет напряжения с коренных жителей, которые, жалуясь на акты законодательной власти, возмущены неоправданным расширением ее привилегий и, подкрепляя свои притязания аргументами, оскорблены разглагольствованиями.

Жеребьевка была бы более предусмотрительным и благоразумным методом назначения должностных лиц государства по сравнению с последующей расстановкой в аппарате министерства. Лорд Рочфорд был знаком с делами и нравами Южного департамента; Лорд Уэймут одинаково подходил и к тому, и к другому департаменту[30], но по какой необъяснимой прихоти случилось, что последний, прикидывающийся полностью неопытным, был переведен в самый важный из двух департаментов, а первый, по своему предпочтению, помещен в кабинет, где его опыт не может быть ему полезен? Лорд Уэймут отличился при первой службе своим предприимчивым, и даже рассудительным управлением. Он превысил свои должностные полномочия, выйдя за рамки гражданской власти, и направил армию на приведение приговора в исполнение не только военных судов[31]. Оправившись от ошибок своей юности, от отвлекающих его игр и от чарующего притяжения красного бургундского вина, он напрягает всю силу своих явных и незамутненных талантов на службу короне. Дело было не в угаре полуночных бесчинств, не в незнании законов и не в ожесточенном настроении Бедфордского дома. Нет, сэр, этот почтенный министр поставил свою власть между судом и народом и подписал приказ, от которого, насколько ему было известно, зависели жизни тысяч людей, он сделал это, и это было взвешенное решение его сердца, подкрепленное самыми сильными мотивами его чувства справедливости.

В последнее время вошло в моду делать комплименты храбрости и характеру главнокомандующего[32] за его великодушие. Те, кто его не особо любит, не сомневаются в его мужестве, в то время как его друзья думают, главным образом, о легкости его характера. Признав его настолько храбрым, насколько это может сделать полное отсутствие к нему всякой симпатии или упрека, давайте посмотрим, какого рода добродетели он извлекает из остальной части своего характера. Если великодушие состоит в том, чтобы собирать для своей собственной персоны и семьи множество выгодных должностей, обеспечивать за общественный счет каждое существо, носящее имя Маннерс, и, пренебрегая доблестью и заслугами остальной армии, осыпать повышениями своих фаворитов и иждивенцев, то нынешний главнокомандующий – самый щедрый человек на свете. Природа не пожалела своих даров этому благородному господину, но там, где соединяются род и богатство, мы ожидаем благородной гордости и независимости характера человека, а не рабской унизительной покладистости придворного. Что же касается добродетели его сердца, то если доказательством этого будет считаться благоприятные условия, при которых никогда не было необходимости отзывать войска, то какой же вывод мы должны сделать из любви к непотребствам, к которым никогда не прибегаем? И если дисциплина в армии хоть в какой–то степени сохранится, то какая благодарность может быть дана человеку, чьи заботы, как известно, ограничивающиеся заполнением вакансий, низвели должность главнокомандующего до торговца офицерскими чинами?[33]

---

[30] Поговаривали, что граф Рочфорд, будучи послом во Франции, поссорился с герцогом Шуазелем и поэтому был назначен в Северный Департамент из уважения к французскому министру. Junius 1772: 11–12.

[31] «Резня на полях Св. Георга» 10 мая 1768 г.

[32] «Речь идет о покойном лорде Гренби». Junius 1772: 13.

[33] Юниус нарочно преуменьшает заслуги Гренби, говоря о том, что он никогда не отступал в бою, так как у него всегда была сильная поддержка. Юниус сравнивает

Что касается военно-морского флота, то я скажу только, что наша страна в таком большом долгу перед сэром Эдвардом Хоуком, что мы не пожалеем никаких средств, чтобы обеспечить ему почетную и богатую пенсию.

Понятное и беспристрастное осуществление правосудия является, пожалуй, самой прочной скрепой обеспечения активного подчинения народа и увеличения его симпатии к правительству. Недостаточно того, что вопросы частного права или нарушения законных прав решаются справедливо, равно как и того, что судьи стоят выше мерзости взяточничества. Сам Джеффрис, хотя и не проявлял к суду никакого интереса, был честным судьей[34]. Суд может быть подвержен иному влиянию, более существенному и пагубному, поскольку оно выходит за пределы интересов отдельных лиц и затрагивает все общество. Судья, находящийся под влиянием правительства, может быть достаточно честным в решении личных дел, но все же оставаться предателем общества.

Когда жертва будет отмечена министерством, этот судья предложит себя для принесения жертвоприношения. Он не постесняется продать[35] свое достоинство и предать святость своей должности всякий раз, когда речь идет о произволе правительства или об удовлетворении претензий суда.

Эти принципы и процедуры, какими бы отвратительными и презренными они ни были, на самом деле не менее опрометчивы. Мудрый и великодушный народ пробуждается от всякой видимости репрессивных неконституционных мер, будь то меры, поддерживаемые только властью правительства, или же замаскированные под формы справедливого суда. Благоразумие и инстинкт самосохранения заставят даже самые сдержанные натуры объединиться с человеком, поведение которого они осуждают, если они увидят, что его преследуют способом, который не будет оправдан реальной буквой закона. Факты, на которых основаны эти замечания, слишком печально известны, чтобы нуждаться в их представлении.

Это, Сэр, и есть та самая деталь. С одной стороны, мы видим нацию, обремененную долгами, ее доходы растрачиваются впустую, ее торговля приходит в упадок, преданность ее колоний уменьшается, обязанности судей переходят к солдатам, доблестная армия, которая сражалась неохотно, но против своих соотечественников, разлагается из–за отсутствия руководства со стороны человека с недюжинными талантами и боевым духом, и, наконец, осуществление правосудия становится ненавистным и подозрительным для всего народа. Эта прискорбная картина допускает лишь одно дополнение, что мы руководствуемся советами, от которых разумный человек не может ожидать никакого лекарства, кроме яда, никакого утешения, кроме смерти.

Если, благодаря непосредственному вмешательству провидения, нам удастся избежать кризиса, столь полного ужаса и отчаяния, то потомки не поверят истории настоящего времени. Они либо придут к выводу, что наши беды были вымышленными, либо что нам посчастливилось быть управляемыми людьми признанной честности и мудрости; они не поверят, что их предки могли выжить или оправиться от столь отчаянного положения, в то время как герцог Графтон был премьер-министром, лорд Норт – канцлером казначейства; Уэймут и Хиллсборо – государственными секретарями; главнокомандующим – Гренби и главным судьей по уголовным делам королевства – Менсфилд.

Юниус

это с любовью к наготе, утверждая, что ее невозможно доказать, потому что мы никогда не ходим голыми на людях. Так же и заслуги Гренби невозможно доказать лишь его победами.

[34] Джордж Джеффрис, лорд-канцлер, который в 1685 г. проводил суд после восстания Монмута, неудачной попытки свергнуть Якова II Стюарта. В результате серии судебных процессов 320 людей было казнено, более 500 сослали на плантации Вест-Индии в качестве рабов.

[35] Юниус использует слово «to prostitute».

Это письмо и последовавший выпад власти – ответ сэра Уильяма Дрейпера, который принялся защищать героя Семилетней войны, превратила главнокомандующего Грэнби из адресата Юниуса в его реальную «жертву». Переписка, вероятно, послужила одной из причин ухудшения здоровья лорда Гренби и привела к его скорой кончине в 1770 г. Дрейпер оказал медвежью услугу и лорду Гренби, и герцогу Графтону. Скорее всего, именно реакция власти, которую выражал Дрейпер, сделала Юниуса популярным. Авторитет администрации Графтона, в конце концов, будет полностью уничтожен в глазах общественности в течение следующих полутора лет и более чем тридцатью письмами.

Таким образом, письма от ноября 1768 г. и января 1769 г. – оба претендовали быть первыми письмами в сборнике Вудфолла. Письмо от 21 ноября 1768 г. можно назвать более «мягким», чем письмо от 21 января 1769 г. В нем Юниус более аккуратно подбирает слова и, если и ссылается на политиков, то делает это крайне осторожно. В следующих письмах он будет более прямолинейным и резким. В ноябрьском письме он выражается более абстрактно, не высмеивая ошибки своих адресатов. Письмо же от 21 января 1769 г. длиннее и содержательнее. В отличие от ноябрьского письма, здесь Юниус прибегает к резкой критике, не стесняется давать характеристики известным политическим деятелям, указывая на их личные пороки и политические ошибки.

Юниус, используя имя древнеримского плебейского рода, становится голосом гражданского общества, выдвигающим на передний план новые ценности и идеалы – свобода слова, независимость прессы, право на справедливый суд, презумпцию невиновности, верховенство закона. А Генри Вудфолл добавляет значимости его фигуре, публикуя собрание писем Юниуса под названием «Stat nominis umbra». Название «В тени великого имени» заставляет задуматься. Каких великих предков не достоин герцог Графтон и его соратники? Римских политиков, в чье имя «драпируется» Ф. Фрэнсис? Графа Чатема, который пытался навести порядок в министерстве? Или Георга II, при котором народ Англии «был процветающим и умиротворенным»? Ответ на этот вопрос знал разве что сам издатель «The Public Advertiser». Неоднозначное название, анонимность автора (он так и не раскрыл своего настоящего имени), борьба за вечные идеалы делают фигуру Юниуса значительной как для общества XVIII века, так и для потомков.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Локк Дж. Сочинения: В 3 т. Т. 3. / Ред. и сост., авт. примеч. А. Л. Субботин. М.: Мысль, 1988. 668 с. [Lokk J. Sochineniya: v 3 t. / Red. i sost., avt. primech. A. L. Subbotin. M.: Mysl', 1988. 668 s.].

Семенов С.Б. Парадокс Джона Уилкса // Новая и новейшая история. М., 1997. № 5. Сентябрь–октябрь. С.196–212. [Semenov S.B. Paradox Jona Uilksa // Novaya i noveyshaya istoriya. M., 1997. № 5. Sentyabr'–oktyabr'. S. 196–212].

Сидоркина Т.С., Кручинина Н.А. Борьба Юниуса за соблюдение избирательных прав: «Письмо XI, его светлости герцогу Графтону» // Imagines mundi : альманах исследова-

ний всеобщей истории XVI–XX вв. No 10. Сер. Альбионика. Вып. 5. Екатеринбург, 2019. С. 32–40 [Sidorkina T.S., Kruchinina N.A. Bor'ba Juniusa za sobludenie izbiratel'ynyh prav: «Pis'mo XI, ego svetlosti gercogu Graftonu» // Imagines mundi : al'manah issledovanij vseobshej istorii XVI–XX vv. № 10. Ser. Al'bionika. Vyp. 5. Ekaterinburg, 2019. P. 32-40].

Романова М.И. Война за независимость североамериканских колоний и британский парламент. 1765–1775 // Новая и новейшая история. М., 2008. № 1. С. 110–129. [Romanova M.I. Vojna za nezavisimost' severoamerikanskih kolonij i britanskij parlament 1765–1775 // Novaya i noveyshaya istoriya. M., 2008. № 1. S. 110–129.].

Autobiography and Political Correspondence of Augustus Henry Third Duke of Grafton / ed. by Sir William R. Anson, Bart., D.C.L. London: John Murray, Albemarle Street, 1898. P. 417.

Blackstone W. Commentaries on the Laws of England. Vol. 1. Oxford: Clarendon Press, 1979. 496 p.

Cash A. H. John Wilkes. The Scandalous Father of Civil Liberty. L.: New Haven, 2006. 482 p.

Farebrother R. W. A Brief History of the British National Lottery 1567–1826. Chance. Vol. 12. № 1, 1999. P. 27–31. URL: https://doi.org/10.1080/09332480.1999.10542138

Junius. Stat nominis umbra. Vol 1. London: Printed for Henry Sampson Woodfall, 1772. 208 p.

Heward E. Lord Mansfield: A Biography of William Murray 1st Earl of Mansfield 1705–1793 Lord Chief Justice for 32 years. Chichester: Barry Rose (publishers), 1979. 198 p.

Lindsay D.W. Junius and the Grafton administration 1768–1770 // Prose Studies. History, Theory, Criticism. Vol. 9. 1986. P. 160–176.

The Letters of Junius / ed. by J. Cannon. Oxford: At the Clarendon Press, 1978. 643 p.

The London magazine, or, Gentleman's monthly intelligencer. Vol. XXXIII. London: Printed for the Proprietors, 1764. January. 774 p.

The Parliamentary History / ed. T.S. Hansard. Vol. XVI. L.: H.M. Stationery Office, 1813. 1402 p.

Whiteley P. Lord North: The Prime Minister who lost America. London and Rio Grande: The Hambledon Press, 1996. 274 p.

Wood G. S. The American Revolution: A History. New York: Modern Library, 2002. 197 p.

The Townshend Act, November 20, 1767 // Great Britain The statutes at large ... [from 1225 to 1867] by Danby Pickering Cambridge: Printed by Benthem, for C. Bathhurst, 1762–1869. URL: https://avalon.law.yale.edu/18th_ century/townsend_act_1767.asp

Сидоркина Татьяна Сергеевна, *младший научный сотрудник, лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет; sidorkinats@gmail.com*

«In the Shadow of a Great Name»: The First Letters of Junius and his «Victims»

This article is a commentary on the translation of two of Junius' letters: 21 November 1768 and 21 January 1769. The first letter did not appear in the canonical edition of the Junius Letters edited by Henry Woodfall in 1772, while the letter of 21 November 1768 reveals the details of John Wilkes' relationship with the Duke of Grafton and other members of the cabinet, who, "owed Wilkes their elevation". Both letters open the beginning of the Junius's struggle for the observance of the English constitution and reveal the peculiarities of the formation his intellectual civic positions in an era of change.

Keywords: Great Britain, 18th century, Junius' letters, Grafton administration, J. Wilkes, constitution

Tatyana Sidorkina, *Junior Research Fellow, Laboratory of Edition Archaeography, Ural Federal University; Ekaterinburg, Russia; sidorkinats@gmail.com*

С.А. Васильева

УИЛЬЯМ ИДЕН В ПАРЛАМЕНТСКОЙ БОРЬБЕ ЗА ИЗМЕНЕНИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

В статье представлен анализ интеллектуального наследия английского политика и дипломата XVIII столетия Уильяма Идена. Его главное произведение «Принципы уголовного закона» (1771) является важным элементом дискуссии о путях и методах реформирования уголовно-исполнительной системы Англии, оказавшим определенное влияние на правовые взгляды Дж. Бентама. Освещена парламентская борьба У. Идена и его группировки за построение правильной пенитенциарной системы, основанной на сочетании принципов одиночного заключения и принудительного труда. Показана роль Идена в принятии Первого пенитенциарного статута (1779).
Ключевые слова: *Англия, XVIII век, уголовное правосудие, Уильям Иден, пенитенциарные реформы, смертная казнь, Джон Говард*

В историографии английского Просвещения до настоящего времени не уделено должного внимания интеллектуальному наследию государственного деятеля и дипломата, первого барона Окленда Уильяма Идена (1745–1814). Несмотря на периодическое появление статей, посвященных захватывающей и разноплановой карьере политика[1], ощущается лакуна в оценке его деятельности, которую подметил канадский исследователь Л. Тронесс: «Какая ирония, что биография Идена так никогда и не была написана, невзирая на тот факт, что только его личная корреспонденция составляет 50 томов в Британской Библиотеке»[2].

На поприще государственной службы У. Иден проявил себя в качестве помощника государственного секретаря Северного департамента (1771–1773), первого статс-секретаря при вице-короле Ирландии (1780–1782), с 1797 по 1801 гг. занимал должность генерал-почтмейстера Великобритании. Дипломатическая карьера забросила его в 1778 г. на американский континент, где он участвовал в работе комиссии по переговорам с восставшими колониями, а в 1785 г. – в хитросплетения европейской политики, и Иден способствовал заключению выгодного для Англии торгового договора с Францией и ряда других важных европейских конвенций. В современных отечественных исследованиях Уильям Иден более известен в качестве агента английской секретной службы[3].

Интересно, что все доступные биографические статьи и справки в качестве главного публицистического произведения Идена указывают сочинение «Принципы уголовного закона»[4], но совершенно игнорируют тот отрезок его карьеры, когда он активно претворял свои интеллектуальные выкладки в законодательные инициативы. С 1774 по 1793 гг. Иден был представителем Вудстока в парламенте, и именно на этот пе-

[1] См., напр.: Brown 1953; Rabb 1958; Bolton 1981; Draper 2001.
[2] Throness 2008: 117.
[3] См.: Черняк 1996; 2014.
[4] Eden 1771.

риод приходится его правотворческая деятельность, увенчанная знаменитым в узких кругах Пенитенциарным статутом 1779 г.[5]

Английская уголовно-исполнительная практика в 1770-х гг. оказалась в глубоком системном кризисе. Борьба за отмену смертной казни обнажила назревшие проблемы исполнения уголовных наказаний и поставила вопрос о поиске альтернативы карательным практикам. Итальянский просветитель Ч. Беккариа опубликовал в 1764 г. знаменитую работу «О преступлениях и наказаниях», которая серьезно повлияла на оформление теоретико-методологических основ новой уголовно-исполнительной политики. Биограф Ч. Беккариа П. Левенсон так отозвался об эффекте его труда: «Идеи, впервые высказанные в этой небольшой книжке, нашли радостный отклик в сердцах незабвенных умственных двигателей конца XVIII столетия, были с восторгом приветствованы французскими энциклопедистами, проникли в царские чертоги и вскоре вошли в лучшие кодексы передовых народов Европы… В первые полгода после своего появления книга Ч. Беккариа выдержала семь изданий, а в следующие годы – 32 издания; затем она была переведена компетентными людьми на все европейские языки»[6]. Первый перевод книги на французский язык аббатом Мореллэ (1766) появился и в России, и в результате некоторые идеи вошли в знаменитый Наказ Уложенной комиссии Екатерины II. В 1767 г. труд Беккариа большим тиражом разошелся в Великобритании, и его принципы воодушевили молодого адвоката У. Идена. И хотя Иден прямо цитирует Беккариа всего четыре раза[7], влияние на него классика современного уголовного права прослеживается отчетливо. В подражание Беккариа, утверждавшему, что гораздо эффективней заниматься превенцией и профилактикой преступления, нежели совершенствовать систему суровых наказаний, Иден начинает свои рассуждения с аналогичного тезиса: «Высшая цель уголовного законодательства – сдерживать преступность, а не карать преступника»[8].

Свое главное произведение Иден опубликовал в 26 лет, имея за плечами юридическое образование в Оксфорде и два года адвокатской практики. Первое издание было анонсировано в «Лондон Мэгазин» как исследование, проникнутое «универсальной полезностью и всеобщим милосердием»[9]. Во вводной части, рассуждая о целях и смысле уголовного наказания, Иден задается вопросом: «до какого предела Человек может дойти, приговаривая подобных себе к наказанию: лишение привилегий и собственности, ужасы тюремного заключения, лишение жизни?», и в поисках ответа обращается к «неписаному закону Бога, запечатленному в сердце Человека, к истинному милосердию, которое ощущается сильнее, чем раньше, и запрещает нам причинять ненужную

[5] An Act to explain and amend the Laws relating to the Transportation… 1779: 74.
[6] Левенсон 1893.
[7] Eden 1771: 180, 235, 264, 296.
[8] Ibid: 7.
[9] Throness 2008: 124.

боль друг другу; а значит, распространить суровость наказаний за пределы того, что необходимо для сдерживания преступности и сохранения нравственности общества»[10]. Такая аллюзия к милосердию Всевышнего была характерна для контекста социальных реформ второй половины XVIII в. По мнению историка-криминолога Р. Макгоуэна, основу предстоящих тюремных преобразований составила активная филантропия и «неведомая раньше чувствительность», которая вытеснила необходимость запугивания народных масс виселицами и эшафотами[11]. В академическом труде по истории западной тюрьмы такая позиция обозначена как «начало поднимающегося евангелического прилива»[12], захватившего реформаторов системы уголовных наказаний в последней четверти века[13]. Сочетание христианского милосердия и «неведомой раньше чувствительности» в правовых взглядах Идена современный историк-криминолог Э. Дрэпер обозначил как *сентиментализм*, который являлся развитием гуманистического подхода к уголовным наказаниям Ч. Беккариа и предшественником утилитаризма в праве Дж. Бентама[14]. У. Иден нередко проявляет излишнюю для правоведческого исследования «чувствительность», причиной которой мог быть как юный возраст, так и особенность характера, склонного к излишней эмпатии. Известно также, что в юности Иден остановился в шаге от выбора карьеры священнослужителя, в последний момент предпочтя юриспруденцию[15], а сопереживание соответствовало духу реформаторов-евангелистов.

Сочинение «Принципы уголовного закона» состоит из двадцати семи глав, первые из которых посвящены разбору сущности уголовного законодательства и критике отдельных видов наказания в исторической ретроспективе. Иден демонстрирует академичные знания: анализирует пенальные практики с античных времен, затрагивая не только европейские кодексы, но и законодательный опыт азиатских стран. Современная ему эпоха «кровавых кодексов» в родной стране подвергается резкой критике, особенно количество и содержание статутов, по которым вменялась высшая мера – смертная казнь. В главе «Общая идея» Иден, размышляя о диалектической связи между преступлением и наказанием, замечает: «Политическая свобода государства состоит в безопасности народа; эта безопасность пропорциональна справедливости и мудрости Уголовного кодекса». Продолжая эту мысль, автор пытается выяснить, на чем зиж-дется «справедливость и мудрость» уголовного закона, и отвечает себе, что такое возможно в том случае, когда наказание «не связано с капризом властей», а вытекает из «самой природы преступления», точно определенной следствием[16]. В ряду первых обратив внима-

[10] Eden 1771: 5.
[11] McGowen 1986: 316.
[12] The Oxford History of the Prison…1995: 77.
[13] См. об этом: Васильева 2017.
[14] Draper 2009.
[15] Throness 2008: 123.
[16] Eden 1771: 73-74.

ние на «природу преступления», он приблизился к обобщению одного из главных понятий современного уголовного права – *состав преступления,* под которым принято понимать совокупность установленных уголовным законом объективных и субъективных признаков, характеризующих конкретное общественно опасное деяние. Английское «прецедентное» право, современное Идену, было практически полностью ориентировано на *объективную сторону преступления* – фиксацию преступного действия и его последствий, опасных для общества. Судебное решение должностного лица, вынесенное в отношении конкретных частных обстоятельств, регистрировалось и в дальнейшем служило прецедентом, на которые опирались последующие приговоры. Правоприменительная практика XVIII в., таким образом реагируя на всплеск криминальной пассионарности, менее чем за столетие утроила список преступлений, за которые вменялась высшая мера. Так, например, в начале века смертная казнь за преступления имущественного характера полагалась в случае вооруженного грабежа со взломом, а цепочка прецедентов, на которые опирались в дальнейшем новые приговоры, привела к тому, что в последней четверти века смертная казнь вменялась за кражу мелких предметов дороже двенадцати пенсов[17].

Самый известный английский правовед второй половины XVIII в. Уильям Блэкстон и другие именитые юристы – учителя Идена –рассматривали преимущественно категорию совершенного преступления: убийство, грабеж, поджог и т.п. Дж. Тревельян с иронией назвал Блэкстона «заклятым врагом» Бентама, за то, что тот приучил людей «делать фетиш из законов Англии в той именно форме, в которой они когда то появились, – в форме, продиктованной не потребностями настоящего века, а потребностями веков давно прошедших»[18]. Оспаривая статичность и закоснелость национальных законов, Иден пишет:

> Закон должен быть снисходительным родителем, а не недоброжелательной мачехой. Действительно, обязанность закона, если мне будет позволено так выразиться, состоит в том, чтобы ревниво отслеживать каждое действие, приведшее к кровопролитию; некоторые, возможно, считают мудростью закона одинаково преследовать каждый фактический случай кровопролития, каким бы случайным или безвинным он ни был; но это противно и долгу, и мудрости закона, добиваться цели таким грубым и неподобающим сочетанием ухищрений и фикций. Беспристрастность закона всегда будет неоспорима»[19].

Сентиментализм и вместе с тем новаторство Идена проявились в его обращении к *субъективной стороне преступления* – вина преступника, с градацией на умысел и неосторожность, мотивы и цель, эмоциональное отношение преступника к деянию. Красной нитью проходит по страницам «Принципов…» мысль: преступления нельзя рассматривать исключительно по последствиям, опасным для общества, без учета мотивов и обстоятельств, побудивших к совершению такового: «Масшта-

[17] См. напр.: Radzinowicz 1948; Кросс 1985.
[18] Тревельян 2002: 379.
[19] Eden 1771: 197.

бы и склонность к преступлению, злоба и мошенничество, намерения, неадекватность и неожиданность деяния, возраст, способности и судьба правонарушителя образуют цепь сложных вопросов, которые могут быть разрешены только доказательствами каждого отдельного случая»[20]. К примеру, рассуждая о мотивах преступления – убийства, Иден говорит, что есть целая «шкала чудовищности деяния» – от абсолютной невиновности (самозащиты или случайности) до мотива, усугубляющего вину: «Каждое преступление имеет надлежащую степень чудовищности, переменную – как ум преступника… но обвиняемый не должен признаваться ни виновным, ни подвергаться наказанию до тех пор, пока не будет доказано, что он сотрудничал с великим умыслом. Когда эти доказательства будут предоставлены, только тогда, но не раньше, он становится преступником, обвиненным в убийстве»[21]. Военные, получившие приказ разогнать мятежников, в случае, если их действия повлекли смерть бунтующих, должны быть оправданы; женщина, которая убивает насильника в защиту своего целомудрия; путешественник, который, защищая свое имущество, стреляет в разбойника – будут оправданы. Но вот если супруг, застигнув свою жену с прелюбодеем (хотя это «высшее вторжение в право собственности»!), убивает его, то он будет виновен в убийстве[22]. Обобщив рассуждения Идена, Э. Дрэпер так выразил его позицию: «мера наказания, фактически вынесенная каждому отдельному правонарушителю, может соответствовать мере, предназначенной для аналогичных правонарушений в целом, но всегда следует принимать во внимание набор обстоятельств, приведших к такому деянию»[23]. Бентам, продолжив эту линию, выведет классический принцип уголовного права: «Одинаковые наказания за одинаковые преступления не долженствуют быть налагаемыми на всех преступников без изъятия. Надлежит принимать в уважение обстоятельства, имеющие влияние на чувствительность»[24]. Именно Бентам – «отец реформы английского закона» – за свою долгую и продуктивную правотворческую деятельность сделал английские законы пластичными, способными быстро изменяться «в согласии со здравым смыслом и принципами утилитаризма»[25].

Наряду с жестокостью «кровавого кодекса», просветители и правоведы XVIII в. были чрезвычайно обеспокоены еще одной коллизией современной им судебной системы – несостоятельностью правосудия на фоне формальной суровости[26]. Свыше половины судебных решений,

[20] Ibid: 64.
[21] Ibid: 187-188.
[22] Ibid: 191-193.
[23] См.: Draper 2009.
[24] Бентам 1806: 551.
[25] Тревельян 2002: 379.
[26] Дж. Тревельян наглядно демонстрирует эту особенность: «Следствием возрастающей строгости законов в этом постепенно становившемся более гуманным веке было то, что присяжные часто отказывались признавать людей виновными в небольших преступлениях, которые привели бы их на эшафот». – Там же: 376.

вынесенных в отношении правонарушителей, попросту не исполнялись. У. Блэкстон в своих «Комментариях к законам Англии» (1765) приводит пример: английские присяжные при решении дел о воровстве в 40 шиллингов, за которое закон грозил смертной казнью, объявляли, что обвиняемый виновен в воровстве 39 шиллингов, чтобы таким образом избавить его от высшей меры[27]. Самую непримиримую критику обрушил на «избирательность» судебной системы священник с юридическим образованием Мартин Мэдан в небольшом трактате «Размышления об исполнительном производстве относительно наших уголовных законов»[28]. Критика Мэдана сосредоточена на фигурах судей и присяжных заседателей. Мэдан обличает судебную практику в том, что различие между законом и *волей* тех, кто исполняет закон (Иден называет это «капризом властей»!), нарушает баланс законодательной и исполнительной власти: «То, что судья имеет право помилования – справедливо, но то, что он этой прерогативой злоупотребляет, неправильно и нецелесообразно». Судьи ставят себя выше закона, позволяя эмоциям возобладать над должностными обязанностями, между тем, язвительно замечает Мэдан, «сочувствие судьи должны вызывать не преступники, а общество, которому причинен вред»[29]. Мэдан издал свой трактат, имея за плечами почти четыре десятка лет практики судебной и богословской риторики. Сочинение имело такой успех, что «некоторые судьи, и даже правительство, на время вооружились им в своих рассуждениях»[30].

Сходные мысли молодой Иден высказал намного раньше Мэдана: «Законодатели должны помнить, что строгость правосудия сводит «на нет» его неисполнение, а рост преступности происходит не от смягчения наказаний, а от ощущения безнаказанности, свойственного преступникам»[31]. Наказания, которые в большинстве не исполняются, развращают всех задействованных в цепочке преступление – наказание. Судьи уклоняются от присяги, свидетели умалчивают показания, страшась стать причиной чьей-то смерти, присяжные часто руководствуются не законностью, а состраданием. Тем не менее, между взглядами Мэдана и Идена есть кардинальные различия. Оба критикуют несостоятельность правосудия, и оба, кажется, согласны с тезисом Беккариа об эффекте незамедлительного и неотвратимого наказания. Мэдан, однако, подмечая превалирование «человеческого фактора» над законностью, жестко критикует сложившуюся практику, и предлагает прекратить помилования и неукоснительно соблюдать уголовный кодекс, т.е. следовать «кровавым статутам» в каждом конкретном случае, когда зафиксирован прецедент применения высшей меры за подобное преступление. Труд Мэдана имел весомые последствия: в 1783 г., за год до его публикации, в Лондоне

[27] См.: Кистяковский 1867.
[28] Madan 1785. Подробнее см.: Эрлихсон, Васильева 2018.
[29] Madan 1785: 46.
[30] Romilly 1840: 89.
[31] Eden 1771: 13.

был предан смертной казни 51 преступник, а в 1785 г., через год после триумфальных тиражей памфлета, количество исполнения приговоров к высшей мере возросло почти вдвое – до 97 человек[32].

Иден же проявляет знакомую нам «чувствительность» и стремится снять «грех» с тех, кого Мэдан обличает. Для него причина уклонения власть имущих от законности – бессмысленно жестокие статуты «кровавого кодекса». Иден уверен, что смягчение наказаний в сочетании со строгостью их исполнения защитит общественную мораль всех в этой цепочке – жертв, свидетелей, судей и присяжных[33]. Фактически это повторение тезиса Беккариа о том, что осознание преступником *неотвратимости* и *незамедлительности* даже незначительного наказания гораздо эффективней, чем страх перед более суровым наказанием, которого можно избежать, хотя прямой ссылки на итальянца мы не обнаруживаем. Несмотря на то, что Мэдан был услышан мгновенно (очевидно, успеху консервативного трактата способствовало как отточенное годами красноречие, так и внушительная репутация автора) и реакция выразилась в резком подъеме карательной практики исполнения, позиция Идена предвосхитила концепцию Бентама о несомненности и объеме наказания[34], возобладавшую в правовых моделях грядущих столетий.

Подвергнув конструктивной критике высшую меру – смертную казнь, Иден в духе «сентиментализма» высказался и о нецелесообразности системы штрафов как альтернативы наказания: «В обществе, богатст-во распределено в очень неравных пропорциях; и установленные штрафы за конкретные преступления для некоторых – смехотворная сумма, в то время как для других – размер такой выплаты приведет к разорению семьи»[35]. Не меньший скепсис вызывала у него практика высылки уголовных преступников за океан. Хотя в момент создания «Принципов...» американские колонии еще не заявили о самостоятельности, колониальная администрация уже выражала неоднократный протест против трансфера каторжников из метрополии: «что бы сказала Англия, если бы, в благодарность, за каждый транспорт преступников, Америка отвечала присылкою равномерного транспорта гремучих змей?»[36], – вопрошал Лондон Б. Франклин. Будучи близок к американской дипломатии, Иден не мог не догадываться, что система ссылки в американские земли балансирует на грани отмены. Кроме того, в «Принципах…» он раскритиковал практику ссылки как со стороны «ограниченного эффекта воздействия на правонарушителей», так и в плане «удаления полезных работников из британской экономики»[37]. По

[32] Romilly 1840: 89.
[33] Eden 1771: 268-270.
[34] Чем больше можно увеличить несомненность наказания, тем больше можно уменьшить его объем. Это выгода, которая бы произошла из упрощения законодательства и из хорошего судебного порядка. – Бентам 1867.
[35] Eden 1771: 63.
[36] Филиппов 1873: 4.
[37] Eden 1771: 28.

понятным причинам Иден выступил против практики телесных наказаний и членовредительства.

Оставшийся вид уголовной репрессии – тюремное заключение, в условиях, описываемых современниками, также не удовлетворяло запросы прогрессивного законника. В главе VI он обращает внимание на то, что лишение свободы используется в качестве удержания потенциального преступника на время следствия, но «обвинение не есть доказательство вины», а посему практика заключать «в мрачную темницу» всех заключенных без разбора порочна и противоречит духу справедливости[38]. Деление арестантов на категории, первоочередное разделение подследственных и осужденных, станет краеугольным камнем предложений знаменитого тюремного реформатора Джона Говарда, который на время составит с У. Иденом весьма продуктивный дуэт. Идеи Говарда и Идена обрели неожиданный импульс ввиду экстраординарных обстоятельств – Американской революции и крушения системы высылки преступников, в результате чего Великобритания лишилась «предохранительного клапана в области уголовных наказаний». По оценке М. Филиппова, «правительство этим было поставлено в крайнее недоразумение. Тюрем, в настоящем смысле, у него не было; возобновить смертную казнь в прежнем ее широком применении, не встречалось уже возможности. Оставались два средства: строить тюрьмы на основаниях правильной тюремной системы, или же – приискать новую местность для ссылки»[39]. Несмотря на то, что история в итоге разыграла второй вариант, Иден и его группировка активно лоббировали создание «правильной тюремной системы». Основные тезисы их политической программы сводились к утилитаризму: если преступление «есть обида, нанесенная обществу», то наказание должно быть возмещением причиненного ущерба. Правильно организованное тюремное заключение виделось как некий консенсус, при котором в уголовное наказание удавалось «ввести компонент человечности и заботу о правах личности»[40].

Экстренной мерой стал законопроект, внесенный Иденом и срочно одобренный 23 мая 1776 г.: «Статут, разрешающий на ограниченное время использование принудительного труда для преступников, которые за определенные преступления осуждены к высылке в любую из колоний и плантаций Его Величества»[41]. Его кратко именовали «Закон о халках»[42], хотя в официальном юридическом тезаурусе понятие «халк» не применялось. Закон позволил судьям в качестве наказания, альтернативного смертной казни и высылке в колонии, приговаривать преступников мужского пола к содержанию на плавучих тюрьмах с использова-

[38] Ibid: 45.
[39] Филиппов 1873: 4.
[40] Draper 2001: 127.
[41] An act to authorize, for a limited time, the punishment by hard labour of offenders... 1776. 16. Geo. III: 43
[42] Халки – плавучие тюрьмы, организованные на старых кораблях, пришвартованных в устье Темзы.

нием их труда, например, для работы в Тринити-хаус[43] – на верфи или по углублению дна Темзы. В полном названии статута появляется одно из важнейших понятий будущей пенитенциарной реформы *hard labour* – принудительный (тяжелый) труд. Самый близкий русскоязычный вариант – каторга, тяжелые работы. Но в традициях отечественной уголовно-исполнительной системы каторга обычно понимается как подневольный карательный труд в пользу казны, непременно в соединении со ссылкой в отдаленные места, где этот труд был особенно востребован. В условиях английской системы уголовных наказаний, hard labour следует понимать, скорее, как «принудительный тяжелый труд», географически максимально приближенный к месту вынесения приговора, в отличие от ссылки, целью которой было удаление криминальных элементов за пределы страны, без претензии казны на их труд. Поэтому приговор к hard labour подразумевал наличие подходящего места и условий для такого труда в пределах Британского острова, желательно в рамках того графства, где приговор был вынесен. Осознавая временность «Закона о халках», Иден срочно приступает к разработке альтернативного законопроекта, заимствовав ключевую идею принудительного труда осужденных, в стремлении сделать его, с одной стороны, экономически выгодным для казны, а с другой – рассматривать как исправительную меру. К разработке *Билля о принудительном труде* Иден привлек Блэкстона. Билль предусматривал создание «по всей Англии» новых исправительных учреждений, Домов принудительного труда (Hard-Labour Houses), для *исправления* осужденных преступников. Дома принудительного труда планировались к постройке на удаленных от мест проживания территориях и предназначались для отбывания наказаний осужденных и «содержания честных бедняков». Вместимость Домов труда для каждого округа рассчитывалась из среднегодового числа осужденных по округу, умноженного на три (считалось, что в среднем каждый осужденный проведет в исправительном учреждении не менее трех лет). Таким образом, проект предполагал беспрецедентно масштабное возведение специализированных учреждений по всей стране, максимально приближая место исполнения наказания к месту вынесения приговора.

Билль не прошел парламентские слушания, но сама идея, вброшенная в контекст реформ, осталась в нем в качестве фундаментальной[44]. Проект *Билля о принудительном труде* вдохновил молодого Бентама на создание его первого авторского комментария к нормативному акту[45]. Бентам адресовал свои предложения Идену и Блэкстону, но во введении ссылается на поразившую общественность работу Дж. Говарда «Состоя-

[43] Trinity House (Corporation of Trinity House of Deptford Strond) – официальная организация, отвечающая за навигацию в Англии, Уэльсе и других британских территориальных водах, за исключением Шотландии и острова Мэн и Северной Ирландии.

[44] Историк Симон Деверо называет, по крайней мере, еще три проекта, в т.ч. оппозиционеров группировки Идена, которые так или иначе базировались на идее принудительного труда. – Devereaux 1999: 430-432.

[45] Bentham 1778.

ние тюрем в Англии и Уэльсе»[46]: «Когда я прочитал книгу мистера Говарда о тюрьмах, одной из ее уникальных идей была такая система наказания, при которой одиночное заключение может быть соединено с трудом. Это капитальное усовершенствование уголовного закона я жаждал бы увидеть… Это дало мне импульс выдвинуть усовершенствованные предложения»[47]. Пожелание Бентама, не лишенное предвидения, представляет собой краткое резюме следующего этапа борьбы Идена за изменение уголовного закона и построение правильной тюремной системы. Ее контуры он очертил еще в «Принципах…», в сослагательном наклонении выразив надежду на такую систему, при которой «временное тюремное заключение, в сочетании с принуждением к труду в качестве наказания, формирует, таким образом, полезную привычку, и в равной степени выгодно и для преступника, и для общества»[48].

К разработке очередного законопроекта, Иден привлек вернувшегося из заграничного путешествия Дж. Говарда. Законодатель-теоретик и пенолог-практик составили отличный тандем и через несколько месяцев выступили с новым проектом, ядром которого было одиночное тюремное заключение в сочетании с организацией принудительного труда. В 1779 г. Парламент принял «Закон о разъяснении и внесении поправок в законы, касающиеся перевозки, тюремного заключения и других видов наказания», известный как первый Пенитенциарный (или тюремный) статут. Закон предусматривал строительство двух тюрем нового типа для мужчин и женщин. Была четко определена главная цель пенитенциариев – обучение заключенных «навыкам труда» и реформирование их «религиозного и социального мировоззрения». Секция 74 предусматривала срок действия статута – 6 лет, до 1 июня 1784 г.

По иронии судьбы эти пенитенциарии так и не были построены, по крайней мере, при жизни Говарда и Идена. Война с Америкой поглощала национальные финансы, а система исполнения наказаний не только пользовалась наработанными прецедентами – смертная казнь, телесные наказания, брайдуэллы и халки, но и энергично изыскивала альтернативы американской ссылке. Парламентский комитет по вопросам преступности рассматривал Гибралтар, Гамбию и Сенегал. Историческим решением стало предложение Дж. Бэнкса, врача первого путешествия знаменитого капитана Кука, рассмотреть Ботани-Бэй в далекой Австралии. В 1784 г. парламент заменил Закон о пенитенциарных учреждениях обновленным Законом о транспортировке[49], и два года спустя в Ботани-Бей была основана самая известная колония английских уголовников[50]. «Провал» первого пенитенциарного статута породил критическое к нему отношение как современников («Бентама повеселил тот факт, что пенитенциарии так и не были построены, но он заимствовал идею на

[46] Howard 1777.
[47] Bentham 1778: ii-iii.
[48] Eden 1771: 264.
[49] An Act for the effectual transportation of felons and other offenders... 1784: 56.
[50] Shaw 1966: 43–46.

будущее»), так и историков[51]. «Отступление» реформы связывали с деятельностью группировки Идена, постоянно возвращавшихся к идее транспортировки преступников[52]. С точки зрения нормативистского подхода, увлеченного формальной стороной права, закон 1779 г., безусловно, потерпел поражение, был свернут и не подтвердил свою эффективность, а поступательное движение карательного правосудия в Англии продолжалось до середины XIX в. Тем не менее, мы не можем не отметить очевидного противоречия между «мертвым», на первый взгляд, законом и поразительной жизнеспособностью идей его авторов.

Завершая свои «Принципы уголовного закона», Иден писал: «Из любви к законам вытекает любовь к своей стране, а значит, она способствует и правопослушному поведению, и чистоте нравов. Общественная добродетель, таким образом определенная, является истинной целью правительства»[53]. В записке, которой он сопроводил копию своего труда, посланную Георгу III, он называл работу скорее «политической книгой», чем юридическим исследованием, и подчеркивал, что «каждая строка свидетельствует о благих намерениях автора»[54]. Благие намерения, выраженные в идеях Дж. Говарда, Ч. Беккариа и Дж. Бентама переросли национальные границы, а их авторы с полным правом делят репутацию основоположников современной пенологии и классической теории уголовного права[55]. В XIX в. свободное заимствование и имплементация их идей сложились в устойчивую комбинацию тюремной реформы, на основе которой выстроена современная система уголовных наказаний. Современные пенологи единогласно признают, что идеи названных интеллектуалов и просветителей в части прав и обязанностей осужденных, по существу, составляют основу *современных стандартов обращения с заключенными*[56] и фактически полностью закреплены в *Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными*[57]. С точки зрения истории идей Пенитенциарный статут 1779 г. воплощал новую парадигму уголовного правосудия, в соответствии с которой главная цель наказания тюремным заключением – *необходимость излечения преступника* и восстановления в нем чувства «социальной полезности».

Интеллектуальное наследие Уильяма Идена, как и его персона, такой чести не удостоились, на национальной и международной арене его прославили другие достижения. Однако без покровительства Идена Говард вряд ли пробился бы на законотворческий уровень, а его воззвания к общественности сочли бы очередным сотрясанием воздуха вокруг «несчастненьких» преступников и каторжников. Великий английский законотворец Бентам, считая свою утилитарную теорию наказания уни-

[51] Gray 1905: 184; Bolton 1981; Radzinowicz 1948: 303.
[52] Devereaux 1999: 428.
[53] Eden 1771: 284.
[54] Цит. по: Throness 2008: 124.
[55] См.: Решетников 1985.
[56] Krebs 1978.
[57] Cornil 1966.

кальной, тем не менее, признавал, что на его взгляды оказали существенное влияние идеи Ш.-Л. Монтескье, Ч. Беккариа и У. Идена[58].

Проект Идена, получивший нормативное закрепление в Пенитенциарном статуте 1779 г., воплотил ожидания различных общественно-политических сил. И временное «отступление» закона не отменяет его революционного значения в уголовно-исполнительной практике не только Великобритании, но практически всех западных стран. Под влиянием идей, обобщенных У. Иденом и Дж. Говардом, система наказания постепенно приняла четко выраженный исправительный характер, ее эффективность отныне определялась не зрелищностью пыток и казней, как некогда, а пенитенциарным воздействием на личность преступника и развитием механизмов устойчивой ресоциализации.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Бентам И. Основные начала уголовного кодекса // Бентам И. Избранные сочинения. Т. 1. СПб, 1867. С. 471–678. [Bentam I. Osnovny`e nachala ugolovnogo kodeksa // Bentam I. Izbranny`e sochineniya. T. 1. SPb, 1867. S. 471–678].

Бентам И. Рассуждения о гражданском и уголовном законоположении. СПб. 1806. 532 с. [Bentam I. Rassuzhdeniya o grazhdanskom i ugolovnom zakonopolozhenii. SPb. 1806. 532 s.].

Васильева С.А. Христианская этика как интеллектуальный источник британских тюремных реформ XVIII века // Диалог со временем. 2017. Вып. 4 (61). С. 191–203. [Vasil'eva S.A. Christianskaya etika kak intellektual'nyj istochnik britanskih tyuremnyh reform XVIII veka // Dialog so vremenem. 2017. Vyp. 61. S. 191–203].

Кистяковский А.Ф. Исследование о смертной казни / Воспроизводится по изданию 1867 г., Киев. Тула, 2000. 270 с. [Kistyakovskij A.F. Issledovanie o smertnoj kazni / Vosproizvoditsya po izdaniyu 1867 g., Kiev. Tula, 2000. 270 s.].

Кросс Р. Прецедент в английском праве / под ред. Ф.М. Решетникова; пер. Т.В. Апарова М., 1985. 238 с. [Kross R. Precedent v anglijskom prave / pod red. F.M. Reshetnikova; per. T.V. Aparova M., 1985. 238 s.].

Левенсон П.Я. Беккария и Бентам. Их жизнь и общественная деятельность. СПб., 1893. 94 с. [Levenson P.Ya. Bekkariya i Bentam. SPb., 1893. 94 s.].

Решетников Ф.М. «Классическая» школа и антрополого-социологическое направление в уголовном праве. М., 1985. 101 с. [Reshetnikov F.M. «Klassicheskaya» shkola i antropologo-sociologicheskoe napravlenie v ugolovnom prave. M., 1985. 101 s.].

Тревельян Дж. М. Социальная история Англии от Чосера до королевы Виктории. Смоленск, 2002. 614 с. [Trevel`yan Dzh. M. Social`naya istoriya Anglii ot Chosera do korolevy` Viktorii. Smolensk, 2002. 614 s.].

Филиппов М.А. История и современное состояние карательных учреждений за границею и в России. СПб., 1873. 388 с. [Filippov M.A. Istoriya i sovremennoe sostoyanie karatel`ny`x uchrezhdenij za graniceyu i v Rossii. SPb., 1873. 388 s.].

Черняк Е.Б. Тайны Англии: Заговоры. Интриги. Мистификации. М., 1996. 491 с. [CHernyak E.B. Tajny Anglii: Zagovory. Intrigi. Mistifikacii. M., 1996. 491 s.].

Черняк Е.Б. Тайны спецслужб британской Короны. Провокации Туманного Альбиона. М., 2014. 290 с. [Chernyak E.B. Tajny` speczsluzhb britanskoj Korony`. Provokacii Tumannogo Al`biona. M., 2014. 290 s.].

Эрлихсон И.М., Васильева С.А. Идеология консервативной альтернативы реформы английского уголовного правосудия в XVIII веке // Диалог со временем. 2018. Вып. 63. С. 61–76. [Erlixson I.M., Vasil'eva S.A. Ideologiya konservativnoj al`-ternativy` reformy` anglijskogo ugolovnogo pravosudiya v XVIII v. // Dialog so vremenem. 2018. Vyp. 2 (63). S. 61–76].

Bentham J. A View of the Hard-Labour Bill, Being an Abstract of a Pamphlet, Intituled, «Draught of a Bill, to Punish by Imprisonment and Hard-Labour, Certain Offenders'

[58] Draper 2009.

and to Establish Proper Places for their Reception». Interspersed with Observations Relative to the Subject of the Above Draught in Particular, and to Penal Jurisprudence in General. L., 1778. 114 p.
Bolton G.C. Willian Eden and the Convicts, 1771–1787 // Australian Journal of History and Politics. Vol. 26. 1981. № 1. P. 30–44.
Brown A.S. William Eden and the American Revolution. PhD thesis. University of Michigan, 1953.
Cornil P. John Howard, European Penal Reformer // Changing Concepts of Crime and its Treatment / ed. H.J. Klare. Oxford, 1966. P. 177–183.
Devereaux S. The Making of the Penitentiary Act, 1775–1779 // The Historical Journal. 1999. Vol. 42. №. 2. P. 405–433.
Draper A.J. Punishment, Proportionality, and the Economic Analysis of Crime // Journal of Bentham Studies. Vol. 11. 2009. URL: https://pdfs.semanticscholar.org/751b/209fef11641423b036ccab4e8c417d0d21b9.pdf?_ga=2.61262693.838444541.1594755170-383154094.1594755170
Draper A.J. Willian Eden and Leniency in Punishment // History of Political Thought. 2001. Vol. 22. № 1. P. 106–130.
Eden W. Principles of Penal Law. L., 1771. 300 p.
Gray B.K. A History of English Philanthropy: From the Dissolution of the Monasteries to the Taking of the First Census. L., 1905. 302 p.
Howard J. The State of the Prisons in England and Wales. L., 1777. 449 p.
Krebs A. John Howard's Influence on the Prison System of Europe with Special Reference to Germany // Prisons Past and Future / ed. J.C. Freeman. L., 1978. P. 35–52.
Madan M. Thoughts on executive justice with respect to our criminal laws, particularly on the circuits. L., 1785. 170 p.
McGowen R. A Powerful Sympathy: Terror, the Prison, and Humanitarian Reform in Early Nineteenth Century Britain // Journal of British Studies. 1986. Vol. 25. № 3. P. 312–334.
Rabb R.E. The Role of William Eden in the British Peace Commission of 1778 // The Historian. Vol. 20. 1958. № 2. P. 153–178.
Radzinowicz L. A history of English criminal law and its administration from 1750. Vol. 1. N.Y., 1948. 853 p.
Romilly S. Memoirs of the Life of Sir Samuel Romilly, Written by Himself. Vol. 1. L., 1840. 456 p.
Shaw A. G. L. Convicts and the Colonies: A Study of Penal Transportation from Great Britain and Ireland to Australia and other parts of the British Empire. L., 1966. 399 p.
The Oxford History of the Prison. The practice of punishment in Western society / ed. N. Morris, D. Rothman. New York, 1995. 489 p.
Throness L. A Protestant Purgatory: Theological Origins of the Penitentiary Act, 1779. Aldershot, 2008. 379 p.

Васильева Светлана Анатольевна, *кандидат исторических наук, доцент, зам. начальника, кафедра философии и истории, Академия ФСИН России, vasi-svetlana@yandex.ru*

William Eden and the parliamentary debates for Penal reform

The article presents an analysis of the intellectual heritage of an English politician and diplomat of the 18th c., William Eden. His main work "The Principles of Criminal Law" (1771) is an important element of the discussion about the ways and methods to reform the penal system in England, which had a certain impact on the legal views of J. Bentham. The parliamentary struggle of Eden and his group for the building a correct penitentiary system based on a combination of the principles of solitary confinement and forced labor is highlighted. The role of Eden in the adoption of the First Penitentiary Statute (1779) is shown.

Keywords: England, XVIII century, criminal justice, William Eden, penal reform, capital punishment, John Howard

Svetlana Vasilieva*, PhD in History, Associate professor, Deputy head of the Chair of Philosophy and History, Academy of Penal Service of Russia, vasi-svetlana@yandex.ru*

О.И. Журба, Т.Ф. Литвинова

ГЕТМАНЩИНА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ УКРАИНСКОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – СЕРЕДИНЫ XIX в. ЧАСТЬ 1

В центре внимания эволюция представлений интеллектуальной элиты Левобережной Украины об особенностях статуса, социально-политического строя специфической области Российской империи, о роли различных социальных групп, прежде всего казачества и шляхты, в её истории и трансформациях рубежа XVIII–XIX вв. Персоналии, оказавшиеся в центре исследования – Григорий и Василий Полетики, Адриан Чепа, Семен Кочубей, Григорий Галаган и др., отражали не только собственные воззрения на прошлое, настоящее и будущее края, но и являлись авторитетными выразителями настроений значительной части местной социальной элиты. Хронологическая разбросанность их высказываний позволяет проследить изменения во взглядах на место края в системе империи (от сохранения модернизированной в духе времени автономной Гетманщины до полной её политико-правовой интеграции), на роль гетманов и казацкой системы в жизни малороссийского общества, а также на возможные механизмы адаптации к новым социокультурным реалиям.

Ключевые слова: *Левобережная Украина, Малороссия, Гетманщина, Российская империя, украинское национальное возрождение, идентичности*

Роль интеллектуалов в формировании национальной идентичности в раннее Новое время, их связь с имперским проектом традиционно находится среди актуальных проблем изучения европейской истории XVII–XVIII вв. Представляется важным его рассмотрение в сравнительно-исторической перспективе, нацеленной на выявление особенностей восприятия просветительского универсализма и его реализации в отношениях между автономными образованиями и метропольными центрами. Нельзя сказать, что поставленные во время обсуждения проблемы находятся вне поля зрения украинской историографии. Однако империя преимущественно рассматривается с конфронтационных позиций как противостоящая национальным интересам; ей отказано в «имперской правде», т.е. в собственной логике оценки событий и поведения; украинский и имперский проекты понимаются как безальтернативные, статичные и враждебные; империя, не учитывается как значимый участник формирования целого ряда «украинских» национальных проектов[1].

Такая историографическая ситуация связана не только с инерцией и идейными позициями историков, но и с высоким общественным запросом на историческое обоснование самодостаточности современного украинского национального проекта. Как ни странно, но и для украинских историков, не говоря уже об интерпретациях извне, остается актуальным преодоление телеологического взгляда на прошлое Восточной Европы и особенно Российской империи, ориентирующего исследовательскую оптику на откровенное отождествление раннемодерных и ны-

[1] Журба 2019.

нешних реалий, в лучшем случае – на поиски в прошлом истоков современности. Наиболее ярко это прослеживается в выборе пространственного терминологического ряда, когда, игнорируя специфику самоидентификации региональных элит домодерного времени, вместо «малороссов», «слобожан», «киевлян», «волынян», «русинов» и т.д. перед читателем предстают современные «Украина» и «украинцы»[2]. За последние годы вышло несколько значимых исследований, посвященных национальным идентичностям XVI – первой половины XIX в.[3], где метрополия и периферия выступают как равноправные игроки, активно взаимодействуя друг с другом, но, к сожалению, это не привело к заметному изменению историографической ситуации в целом и к пониманию плодотворности подходов в духе «новой имперской истории».

Испытывая острую потребность разорвать герметичность представлений об отечественном прошлом, вписать его в европейский контекст, украинская историография уже неоднократно использовала сравнение судеб Шотландии и Украины, их места и роли в процессе формирования империй. Этому вопросу даже был посвящён отдельный сборник, с авторитетным представительством украинских и зарубежных специалистов (Д. Ливен, А. Миллер, С. Величенко, Я. Дашкевич, Р. Шпорлюк)[4]. Правда, относительно возможности сопоставления этих «провинций» диспутанты расходились в диапазоне от полного отрицания перспективности такого подхода до утверждения необходимости выявления общего и особенного. Однако и тут дискуссия велась в основном с украиноцентричных позиций. Не вдаваясь в детали, заметим, что потенциал сравнительного подхода не определяется полной тождественностью объектов, а нацелен на выявление специфик однотипных процессов. И в этой связи важно, что при выстраивании имперских структур и идеологий на противоположных концах Европы, у Шотландии и Украины были различные «стартовые позиции». Но главное, что, в отличие от Шотландии, Украина долгое время находилась в поисках своего имени и территории, самосознания и ориентации на возможную метрополию. В случае же с Российской империей её объединяла религиозная и этническая близость, а осознание своего исторического первородства вплоть до середины XIX в. обеспечивало отсутствие у местной элиты комплекса провинциальной неполноценности.

Относительно XVII – начала XX в. говорить об Украине как о территориальной, политической, этнической, религиозной общности некорректно из-за отсутствия политической субъектности, провинциального статуса «украинских» ареалов в составе ряда метрополий, специфики их внутренней и внешней идентификации. Проблемность районирования «исторического» украинского пространства вызвана традиционно высокой степенью нестабильности административно-политической, демогра-

[2] Журба 2003.
[3] Яковенко; Когут; Плохий; Литвинова 2019; Імперські ідентичності 2020.
[4] Схід-Захід 2001.

фической, культурно-религиозной, геополитической, социально-хозяйственной, наконец, языковой ситуации на этнических украинских землях. Относительно стабильными в обозримом времени оставались разве что климат и ландшафты. Поэтому административные границы «Новороссии» середины XVIII в. значительно отличались от её контуров середины XIX в., под «Малороссией» понимали совсем не одни и те же просторы во второй половине XVII, в XVIII и в XIX в., границы «Украины» определяли совершенно по-разному в XVIII, в середине и в начале XX в. В течение этого времени колоссальные миграционные процессы срывали с мест сотни тысяч людей, которые переносили на новые территории, помимо имущества и производственных навыков, свои исторические представления и способы самоидентификации. Все это не могло не сказаться на формировании очень эластичного и изменчивого понятийного аппарата, когда, например, термины «малоросс» и «Малороссия» даже в текстах одного и того же автора могли ситуативно наполняться разным содержанием. Кроме того, доминирование того или иного идентификационного маркера (например, «Украина» как пространство единой этно-национальной общности, закрепившееся в текстах кирилло-мефодиевцев в середине XIX в.) не означало полного вытеснения старых («Украина» как казацкий ареал до середины XVII в., или южные, степные территории Гетманщины второй половины XVIII в., или пространство слободских полков в конце XVII – XVIII в., или как Слободско-Украинская губерния в конце XVIII – начале XIX в.). Это ставит перед исследователем сложные вопросы понимания контекстов и смыслов. Поэтому представление о «Малороссии» с середины XVII и до начала XX в. прошли глубокую, драматическую и далеко не линейную эволюцию[5], конкурируя не только с другими понятиями, но и с самим собой.

В рамках второй половины XVIII – первой половины XIX в. мы имеем дело, как минимум, с двумя «Малороссиями». Генетически первая (Малороссия или Гетманщина) – с середины XVII до 1780-х гг. казацкая территориальная автономия. С конца XVIII – в первой половине XIX в. за этими территориями термин «Малороссия» закрепился в названиях административных образований Российской империи. Их границы, включавшие Полтавскую и Черниговскую губернии, в целом совпадали с исторической Гетманщиной. Именно этот регион получил сконструированный в украинской историографии термин «Левобережная Украина» или «Левобережье». С середины XIX в. «Малороссия» приобрела новый, значительно более широкий смысл. Этот регион, преимущественно населенный малороссийским этносом, определяется, как «Новая Малороссия», в отличие от «Старой», под которой историки второй половины XIX – начала XX в. (А. Лазаревский, Д. Миллер и др.) понимали исключительно Гетманщину. Приобретенная неоднозначность понятия вызвала к жизни термины: «бывшая Гетманщина» – для обозначения исторической территории старой Малороссии и «Украина»

[5] Котенко 2012; Яковенко 2012.

– для маркировки того же этнического пространства, но исключаемого из имперской идентичности, истории и перспектив.

Кроме того, проблема «метрополия и Украина» не ограничивается Российской империей. Специфика исторических судеб украинских регионов обусловила разнонаправленную динамику отношений к «империи» и «имперскому». И если в работах Н.Н. Яковенко и её учеников в целом преодолен оформленный еще в казацком историописании образ ляха-врага и утвердился «нормальный» образ Речи Посполитой XVI–XVII вв., то, как иронично заметил Г.В. Касьянов, «националистический нарратив вполне может сочетаться с имперским: свидетельством тому может быть несколько опереточный культ эпохи Франца-Иосифа II и гламура габсбургского периода в Галичине»[6]. Что же касается Российской империи, то с вызреванием в конце XIX–XX в. украинского национального проекта её в целом «позитивному» имиджу был нанесен существенный урон, в том числе усилиями историков.

Определяя хронологические рамки статьи, мы исходили из понимания того, что это был период трансформации регионального административно-территориального патриотизма местных элит, легитимированного в случае с Малороссией договорами подданства российскому самодержцу, в сторону вызревания этно-национального самосознания, существенно расширяющего представления о границах Старой Малороссии и её взаимоотношениях с империей. Это время глубокой внутренней борьбы, выработки идеологии, стратегии и тактики в вопросе о месте региона в имперской системе. В зависимости от этого складывался и изменялся образ своей Отчизны, представления о её статусе и границах, о роли различных социальных групп в её истории.

К сожалению, рамки статьи не позволяют охватить проблему во всей полноте и сложности, а потому в центре внимания прежде всего оказались персонажи, которые представляли не только собственные воззрения на прошлое, настоящее и будущее края, но и являлись авторитетными выразителями коллективных настроений элиты.

В интеллектуальной истории Украины особое место принадлежит Григорию Андреевичу Полетике (1725–1784), интерес к которому проявляют не только украинские, но и зарубежные авторы[7], что делает излишним обращение к подробностям его биографии. Мы не будем здесь вступать в дискуссию относительно маркировки воззрений Г.А. Полетики (традиционалист, консерватор, шляхетский публицист, прогрессивный консерватор и т.п.), что заслуживает отдельного, более тонкого разбора. Важно, что этот европейски образованный богатый малороссийский помещик, хорошо вписанный еще с 1740-х гг. в столичную среду, в 1760-е гг. сформулировал и представил перед верховной властью коллективный взгляд элиты на статус Гетманщины и её место в «импер-

[6] Касьянов 2019: 31.

[7] Литвинова; Когут; Руднев; Лазарев; Melnik, Tairova-Yakovleva.

ском проекте», закладывая основы формирования образа Отчизны, воспринятого последующими поколениями. Это позволяет еще раз взглянуть на проблему взаимодействия «имперского» и «национального / провинциального», разрывов в «нациестроительстве», «интеграции / инкорпорации» украинской элиты в систему империи, что несколько упрощенно представляется в современной историографии.

Впервые в такой роли Г.А. Полетике довелось выступить в 1763 г. на т.н. Глуховском съезде (раде). По мнению первого и одного из лучших историков данного события Д.П. Миллера, произнесенная им речь «О поправлении состояния Малороссии» «послужила… программой будущих действий» собрания[8]. Её результатом стало «Прошение малороссийского шляхетства и старшины, вместе с гетманом, о возстановлении разных старинных прав Малороссии, поданное Екатерине II в 1764 году»[9] и коренная реформа действующих в крае судебных порядков.

Значение Глуховского съезда в жизни общества и единодушие, царившее в этом довольно многочисленном собрании, неоднократно отмечалось в литературе. Оно наглядно продемонстрировало, что к 1760-м гг. в Малороссии сложилась собственная элита, понимавшая необходимость реформирования всех сторон жизни края. Анализ Д.П. Миллером списков присутствовавших на съезде представителей полков и сотен дал возможность утверждать, что «участники… – если не все, то большинство, – были люди интеллигентные. Полковники и полковая старшина пеклись в то время почти исключительно из лиц штудированных; о бунчуковых товарищах, этом в своем роде «знатном» малороссийском дворянстве, уже и говорить нечего, даже сотники – и те были выбраны из числа “надежнейших”, то есть таких, которые имели достаточное понятие о силе и важности прав малороссийских. …Многие из них, кроме того, хорошо знали историю своей родины»[10]. Поэтому высказанные Г. Полетикой в «Речи» рассуждения о причинах упадка отечества и его призыв отложить «все пристрастия и партикулярные пользы», подумать «об восстановлении прежних порядков и благосостояния» попали на благоприятную почву и были, по мнению Д.П. Миллера, выражением всеобщего единодушия собрания[11].

Сравнения «Речи» и «Прошения» к императрице дает основания утверждать, что Григорий Андреевич был непосредственным участником составления петиции или даже одним из ее авторов, что подтверждает не только тождественность идей, но и речевые обороты, особенно в преамбуле, где изложена полетикинская концепция истории Украины, взаимоотношений ее с Польшей, Россией, с опорой на традиционный для Полетики набор актовых материалов. Основная часть петиции является, по сути, лишь развернутой программой преобразований, сформу-

[8] Миллер 1896: 109.
[9] Прошение 1764 г.: 317–345.
[10] Миллер 1896: 103.
[11] Там же: 106.

лированной в «Речи». Высказанные оратором предложения о реформировании законодательства, казацкого войска, о развитии торговли, восстановлении сеймов, трибунала, генеральной рады, земских и гродских судов, требования возвращения земель, отошедших под поселения иностранцев, раскольников, слободские полки, укрепленную линию и другие нашли отражение в «Прошении» практически в том же виде, в каком они изложены в «Речи» Полетики. Интересно, что в № 19 «О учреждении университетов, гимназий, топографий» находим часто упоминаемых и в более ранних текстах Полетики П. Конашевича-Сагайдачного и Петра Могилу как деятелей, способствовавших распространению просвещения. Положение о типографиях не нашло места в «Речи», но очевидно в «Прошении» появилось под влиянием Полетики, давно специально занимавшегося историей книгопечатания в Российской империи.

Представление Полетики о том, что нарушение прав и привилегий какого-либо одного из сословий ведет к нарушению прав остальных и отечества в целом отразилось в просьбе Глуховского собрания подтвердить «права… малороссийскому гетману, шляхетству, духовному чину, войску, мещанству и всему народу»[12]. Отстаивая, таким образом, интересы не только элиты, но и всего общества, «Прошение» как бы напоминало, что Малороссия – отдельное экономическое и политическое целое, связанное с Россией лишь личностью монарха. По мнению З. Когута, эта петиция содержала наиболее автономистические взгляды, не высказывавшиеся так открыто со времен Мазепы[13]. Если оценка З. Когута и верна, то это сравнение вряд ли корректно, так как ни Мазепа, ни его окружение не пытались сформулировать «автономистические» притязания в рамках российской легитимности.

Итак, в 1760-е гг. элита Левобережной Украины не только созрела для понимания необходимости переустройства всех сторон жизни края, но и была способна сформулировать свою собственную общественно-политическую программу, как бы в противовес той, что осенью 1763 г. была представлена Екатерине II Г. Тепловым, где звучал тот же мотив о реформировании, но с имперских, централизаторских позиций[14].

Не повторяя различные историографические оценки, заметим, что эту программу преобразований можно оценивать по-разному. С точки зрения социально-экономического детерминизма к ней можно отнестись как к попытке малороссийской шляхты отстоять свои интересы; с точки зрения культурологической – это проявление специфического менталитета, включавшего в себя элементы разных культурных влияний – русинско-польского шляхетского этоса, идей западноевропейского Просвещения, традиций российско-православного пиетизма перед царской властью; с точки зрения развития украинской национальной идеи – это одна из ярких попыток легитимным путем укрепить государственность;

[12] Прошение 1764 г.: 321.
[13] Когут 2004: 103.
[14] Василенко 1911: 17–41.

с точки зрения политологической – это одна из имперских программ, отражающих борьбу двух тенденций, присущих любым государственным образованиям (тем более имперского характера), борьбу центростремительного с центробежным; с точки зрения всеобщей истории права – попытка реализации идей естественного права в системе правового волюнтаризма. С нашей точки зрения, исследователю интеллектуальной истории необходимо учесть весь спектр возможных подходов, тем самым создавая условия для вписывания изучаемого явления в исторический контекст во всем его многообразии.

Если выработка программы переустройства края зависела от внутренних возможностей общества, то ее реализация натолкнулась на совершенно противоположный взгляд со стороны центральной власти, что привело впоследствии к результатам, вряд ли прогнозируемым идейным вдохновителем Глуховского собрания Г. Полетикой. Но его активное участие в работе съезда, отношение к общественным делам, идейные позиции, уровень обоснования взглядов приобрели широкую известность и, несомненно, способствовали избранию этого петербургского жителя депутатом от шляхетства Лубенского полка в Комиссию по составлению Нового Уложения.

В отличие от коренных русских губерний, где исследователями не отмечены случаи, «когда избрание того или другого депутата определенно основывается на соображениях принципиального характера», на Левобережной Украине, которая, по мнению А. Флоровского, переживала критический период своего существования, «был особенно важным вопрос о личности депутата и желании и способности его быть защитником и ходатаем в смысле возможного сохранения всего уклада края от объединительных намерений правительственной власти»[15]. В лице Г. Полетики шляхетство нашло последовательного борца за автономные права, проявившего себя в качестве одного из наиболее деятельных депутатов Комиссии. Еще в мае 1768 г. он был избран членом комиссии «для рассмотрения образа сборов и образа расходов», набрав наибольшее количество голосов. А 20 мая этого же года представил огромный фолиант «Права, привилегии, преимущества, вольности и свободы малороссийского шляхетства»[16] – результат многолетнего собирания актовых материалов, начиная с 1433 г. (привилеи и присяги польских королей, статьи конституций, договорные статьи гетманов с российскими монархами, универсалы, разделы Литовского статута, указы и грамоты царей, императоров и императриц).

Но главное – Полетика подверг критическому анализу «Наказ» Малороссийской Коллегии, данный Д. Натальину, таким образом сформулировав свое отношение, имевшее значительное влияние на всю делегацию Гетманщины. Г. Максимович, сравнив данный «Наказ» с «Запиской о усмотренных в Малой России недостатках, об исправлении ко-

[15] Флоровский 1915: 300, 302.
[16] ИР НБУВ. Ф. VIII. № 173. 310 л.

торых в Малороссийской Коллегии трактовать должно» П.А. Румянцева, пришел к выводу о непосредственном участии и влиянии генерал-губернатора при составлении «Наказа»[17]. Вместе с тем, Румянцев точно руководствовался «секретным наставлением» Екатерины II, составленным ее статс-секретарем А.В. Олсуфьевым, использовавшим в качестве одного из источников информации «Записку» Г. Теплова, после утверждения императрицей секретно сохранявшуюся в Сенате. Подобные инструкции, по утверждению Т.А. Кругловой, вручались в первую очередь губернаторам окраинных губерний – Архангелогородской, Новгородской, Смоленской, Малороссийской, Новороссийской, Астраханской – и были отражением политики централизации, унификации империи[18]. Многие положения «секретной инструкции» и, прежде всего, о поступлении в государственную казну доходов с Левобережной Украины, о непорядках в различных учреждениях, переходах посполитых с места на место, о «ленности» населения «к земледелию и другим полезным трудам», через «Записку» Румянцева попали в «Наказ» Малороссийской Коллегии. Поэтому, выступая против положений Коллегии как ненужных, излишних, несоответствующих ни традициям, ни нравам народа, Г. Полетика, по сути, стал в оппозицию к центральному правительству.

Обращаясь к Екатерине II в конце «Возражения», Полетика подчеркивал, что, представляя «нужды и недостатки наши …первейшую и самой жизни дражайшую надобность почитаем сохранение прав, привилегий, преимуществ, вольностей и обыкновений наших и действительное оным пользованием», а предлагаемые Малороссийской Коллегией «средства все принуждены, все насильны, все отяготительны, все несходны ни с состоянием нашего народа, ни с воспитанием, ни с обыкновениями онаго. Ненадобными почтены наши законы, которые, однако, больше многих других с человеколюбием сходствуют; уничтожена наша служба, которого предков Вашего Императорского Величества всегда была приятна и от них многократно похвалена; описан с худой стороны и неприятными красками наш народ, который правами и поведением своим нельзя сказать, чтобы других был хуже; представлены способы к нашему отягощению и, можно сказать, к неминуемому разорению»[19]. Полетика был сторонником только таких перемен, которые могли быть оправданы при сохранении национальных традиций. Именно такую позицию, очевидно, привлекательную для большинства малороссийских депутатов, он последовательно представлял в своих речах и записках в Большое собрание.

На заседании 21 августа 1768 г. Г. Полетика выступил с обширными возражениями почти по всем пунктам обсуждаемого «Проекта права благородных»[20]. С требованием юридической точности он разбирал

[17] Максимович 1896: 299.
[18] Круглова 1989: 47, 54.
[19] Возражение: 53.
[20] Полетика 1882.

каждую статью, но особенно интересно его мнение на статью 43. Не соглашаясь с формулировкой: «Никто кроме российских благородных в России сими правами пользоваться не может», Полетика настаивал на сохранении за малороссийским шляхетством, духовенством, мещанами и казаками всех их прав и привилегий. С этим мнением согласились 26 малороссийских депутатов: 8 от шляхетства, 10 от городов, 8 от казаков[21]. Такая поддержка свидетельствует, насколько соответствовало мнение Полетики устремлениям всех депутатов, их представлениям о дальнейшей судьбе отечества и опровергает утверждение об отсутствии в малороссийском обществе XVIII в. патриотизма, стремления не только к национальной, но «даже к провинциальной самобытности»[22].

Депутат козелецкого и остерского поветов В. Золотницкий, ссылаясь на представленный Полетикой сборник «Прав, преимуществ, привилегий…», полагал, что действие «Проекта правам благородных» должно распространяться на «великороссийское дворянство, малороссийское же, лифляндское и эстляндское шляхетства… остаются в рассуждении их мест, на прежних своих правах и привилегиях»[23]. Схожие мнения были и у других депутатов – Н. Мотониса, В. Дунина-Борковского. Солидарность появилась в дружной поддержке своих депутатов, независимо от того, представителями какого сословия являлись они в Комиссии. Интересно, что в обсуждении 43 статьи проекта, наряду со шляхетскими, принимали участие и казацкие депутаты. Так, депутат от казачества Лубенского полка М. Тимофеев горячо поддержал желание шляхетства относительно изменения редакции 43 статьи, прежде всего, на том основании, «что все… договоры и соглашения во время благоприсоеденения М. России к российской империи делаемы были с общаго всех чинов согласия…» и что «сим благополучным единством и до ныне М. Россия утверждалась и управляема была»[24].

Обращение к таким репрезентативным, с точки зрения изучения общественного сознания, источникам, как «наказы» и «речи» малороссийских депутатов в Уложенной Комиссии убеждает, что наряду с отстаиванием узко сословных, региональных, «партикулярных» интересов, в них четко прослеживается интегрирующая мысль о необходимости возобновления во всем объеме общественно-политических институтов, закрепленных «договорными статьями» 1654 года. Поэтому, именно общественно-политическое, через которое реализовывалась и этническая самобытность, можно рассматривать в качестве фундамента самосознания малороссов того периода. Даже решение социально-экономических проблем виделось в развязывании общественно-политических – подтверждение «прав, привилегий и обыкновений», сохранение судебного, административного, военного устройства и управления – требова-

[21] Сборник РИО. 1881. Т. 32: 314–315.
[22] Авсеенко 1864: 55; Латкин 1887: 266.
[23] Сборник РИО. 1882. Т. 36: 338.
[24] Там же. Т. 32: 317–318.

ния, которые красной нитью проходят через все «наказы», «челобитные», «речи». А так как главными хранителями и трансляторами исторической традиции (во всяком случае, в общественно-политическом плане) были выходцы из казацкой среды, то наиболее рельефно это заметно именно в казацких и шляхетских «наказах» и «речах».

Глубокие социально-экономические противоречия между казачеством и шляхетством, действительно существовавшие в это время, ставят под сомнения возможность их общественно-политического единения. Но на уровне сознания, менталитета они очень близки друг к другу, исторически связаны общностью судьбы, службы, управления, суда, традиционными формами жизни. К тому же ново-шляхетский этос еще только формировался. Активный процесс социальной стратификации общества хотя и осложнял формулирование единой общественно-политической программы, в данный период не помешал консолидации усилий в отстаивании автономии края. Не случайно Г. Полетика помогал в составлении казацких и даже мещанских «наказов».

Тяготение к децентрализации и самобытности, проявленное в Комиссии также представившими свои заявления лифляндскими, эстляндскими и смоленскими депутатами, противоречило намерениям Екатерины II. Поэтому 9 сентября 1768 г. по ее поручению маршал А.И. Бибиков обратился к Большому собранию с речью, в которой объяснил, что «Комиссия о сочинении проекта Нового Уложения на основании XV ст. данного ей обряда, не должна ни в чем другом упражняться кроме того, для чего именно она учреждена, то есть в сочинении сего проекта». Остальное же «зависит единственно от монаршей власти». Поэтому Бибиков торжественно возвратил заявления от провинций[25].

Именно Г. Полетика стал выразителем всеобщего мнения украинской делегации, и в ответ на действия маршала писал Бибикову:

> «Возвращаемое мне вами мое мнение, предохраняющее права и привилегии Малороссийского Шляхетства и народа я принимаю. Но как вы сами именем сего почтеннаго собрания объявили, что таковые предохранения поелику касающиеся до правления и зависящие от Монаршей власти, не только в проекте прав благородных написаны, ниже приняты быть не могут; то я, почитая сие ваше объявление за непременяемое и невозвращаемое, уповаю, что комиссия никогда и ни под каким видом не приступит к таким положениям, которыя бы следовали хотя к малейшему прав и привилегий наших предосуждению, и что присутствие наше в комиссии и подаваемыя, по каким бы то ни было делам, голоса, мнения, примечания и прочая представления и на последок самое да и нет (подчеркнуто Полетикой. – *О.Ж., Т.Л.*) непочтенны будут за согласие и добровольное наше к проекту новаго уложения приступление: а напротив того мы… сие почтенное собрание уверяем, и всегдашним будем иметь свидетелем, что мы остаемся и отступить не можем от предписаний данных нам в наказах сограждан наших»[26].

Неготовность депутатов согласиться с позицией правительства объясняется, возможно, как представлениями о самобытности и обособленности отечества, так и пониманием, что в Комиссию они «созваны не

[25] Сборник РИО. 1869. Т. 4: XXIV–XXV.
[26] ИР НБУВ. Ф. VIII. № 2439. Л. 1–1 об.

только для того, чтобы выслушивать их нужды и недостатки, но и для того, чтобы принять участие в составлении проекта нового уложения». В. Сергиевич отмечал это как характерную черту украинских «наказов» и «речей»[27]. Большое внимание «наказов» и депутатов к общественным, а не узко сословным проблемам исследователи объясняли тем, что в тот период «культурный уровень населения… в малороссийских губерниях был вообще значительно выше»[28], что заставляет задуматься над современными утверждениями о переориентации элиты Гетманщины на российские очаги просвещения. Тот же Г. Полетика, прекрасно осведомленный об уровне образования в России, для своих сыновей избрал Виленский университет и, кстати, предпочел получить для всего семейства виттенбергское дворянство. Так поступали и многие другие малороссы. Это подтверждает и Д.В. Руднев: «…влияние выходцев с Украины на русскую культуру не ограничивалось первой половиной XVIII века и активно продолжалось во второй половине века»[29].

Несмотря на имеющиеся сословные противоречия, некоторые расхождения идейных позиций, делегация Гетманщины сумела выработать собственную «программу» в виде «Прошения Малороссийских депутатов во время составления Уложения», которую по поручению 20-ти «депутатов полков и городов» Екатерине II вручили Г.А. Полетика, Н.Н. Мотонис, В.А. Дунин-Борковский, В.Т. Золотницкий, П.И. Рымша[30]. Таким образом, Левобережная Украина снова заявила себя не только как совокупность отдельных сословий и групп, а как отдельный край, как особенная, автономная часть Российской империи.

Как и «Прошение» 1764 г., данное представление находилось под сильным влиянием Г. Полетики. Сравнение «Прошения Малороссийских депутатов» с его известными бумагами периода Уложенной Комиссии, прежде всего с «Возражением», позволяет утверждать, что он снова был одним из авторов, а может и единственным оформителем общего мнения. В четвертом пункте возникает знакомая концепция истории Украины, в пятом, как и в «Возражении», перечислены, практически без изменения порядка, «пользы, которые от добровольнаго Малыя России соединения Российской империи произошли», в седьмом пункте излагаются «общие нужды» и, в первую очередь, о «сохранении и целости всех прежних прав, привилегий, преимуществ, вольностей, свобод и обыкновений всех обще и каждого особливо, чина, а именно: шляхетства, духовенства, мещан, казаков и всего малороссийскаго народа». Просьбы о том, чтобы «гражданския и земския дела управляемы и судимы были по своим, воинския по своим, а мещанския по своим давним правам о обыкновениям особливыми из тамошних шляхтичей, мещан, и казаков… выбранными людьми, и никогда бы одни дела с другими сме-

[27] Сергиевич 1878: 192.
[28] Бочкарев 1915. № 4: 95; № 5: 322.
[29] Руднев 2008: 63–64.
[30] ИР НБУВ. Ф. VIII. № 1745–1746. Л. 1–1 об.

шиваемы не были», о невмешательстве во внутренние дела – «наложением податей, поборов, высылка на работы», которые должны производиться с «общаго согласия шляхетства и всех чиновных людей на радах», а в важнейших делах с согласия «старшин, войска и всего посполитства» также были сформулированы в «Возражении» Полетики.

В «Прошении» звучит то же отрицательное отношение к гетманам и «учреждаемым на их места главным правительствам», к рублевому окладу, Генеральной описи, ставшими причинами того, что «малороссийский народ в такой пришел страх и смущение, что многия тысячи онаго безвестно разбежались, и от времени до времени побега умножаются, а другие изнуряются бедностью и нищетою». А заключение данной петиции полностью совпадает с последними фразами полетикинского «Возражения»: «Заставьте, всемилостивейшая Государыня, толь многочисленный народ за возобновление свое воздвигнуть вам монументы и жертвенники не на земле и воздухе, но в сердцах. Сколь славныя, сколь величественныя, сколь долговременныя таковым здания!»[31].

Итак, несмотря на отсутствие прямых результатов работы Уложенной Комиссии, она оказала важное влияние на последующую законодательную деятельность Екатерины II, а также на политику правительства по инкорпорации Левобережья в имперскую административно-политическую систему. Общеимперская программа, сталкиваясь во второй половине XVIII – первой половине XIX в. с консолидированной оппозицией элиты, вынуждена была искать по отношению к Малороссии компромиссные варианты.

В писаниях Г.А. Полетики и коллективных программах местных интеллектуалов 1760-х гг. формировался прижизненный образ Малороссии как отдельной нации. Выработанные идеи, находящие опору в правовых и исторических аргументах, заложили основы отношения к Гетманщине, которое будет органично воспринято следующим поколением детей в прямом и переносном смысле слова, уже в ту пору, когда военно-административные особенности их Отечества будут нивелированы. Об этом и пойдет речь во второй части статьи.

Архивные источники:

Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. ВИ. Вернадского (ИР НБУВ). Ф. III, Ф. VIII.

БИБЛИОГРАФИЯ/REFERENCES

Авсеенко В. Малороссия в 1767 г. Эпизод из истории XVIII ст. По неизданным источникам. Киев, 1864. 152 с. [Avseenko V. Malorossiya v 1767 g. Epizod iz istorii XVIII st. Po neizdannym istochnikam. Kiev, 1864. 152 s.]

Бочкарев В. Культурные запросы русского общества начала царствования Екатерины II по материалам Законодательной комиссии 1767 года // Русская старина. 1915. № 4; № 5. [Bochkarev V. Kul'turnye zaprosy russkogo obshchestva nachala carstvovaniya Ekateriny II po materialam Zakonodatel'noj komissii 1767 goda // Russkaya starina. 1915. № 4; № 5]

Василенко М.П. Г.Н. Теплов і його «Записка о непорядках в Малороссии» // Записки Українського наукового Товариства в Київві. 1911. Кн. 2. С. 17–41. [Vasylenko M.P.

[31] Прошение Малороссийских депутатов: 177–184.

H.N. Teplov i yoho «Zapiska o neporyadkah v Malorossii» // Zapysky Ukrains'koho naukovoho Tovarystva v Kyivi. 1911. Kn. 2. S. 17–41]

Возражение депутата Григория Полетики // ЧОИДР. 1858. Кн. 3. Смесь. С. 23–54. [Vozrazhenie deputata Grigoriya Poletiki // CHOIDR. 1858. Kn. 3. Smes'. S. 23–54]

Журба О.І. «Українські» національні проекти довгого XIX ст. в імперському просторі // Історія та історіографія в Європі. 2019. Вип. 6. С. 62–69. [Zhurba O.I. «Ukrainski» natsionalni proekty dovhoho XIX st. v imperskomu prostori // Istoriia ta istoriohrafiia v Yevropi. 2019. Vyp. 6. S. 62–69]

Журба О.И. Региональное историописание второй половины XVIII – первой половины XIX вв. в плену «украинского национального возрождения» (проблемы украинской исторической и историографической культуры) // Мир историка. 2013. Вып. 8. С. 124–165. [Zhurba O.I. Regional'noe istoriopisanie vtoroj poloviny XVIII – pervoj poloviny XIX vv. v plenu «ukrainskogo nacional'nogo vozrozhdeniya» (problemy ukrainskoj istoricheskoj i istoriograficheskoj kul'tury) // Mir istorika. 2013. Vyp. 8. S. 124–165]

Журба О.І. «Представьте Вы себе, какой зверь был гетман! Это были пренечистивые деспоты!» (з листа свідомого українського патріота, автономіста та традиціоналіста початку XIX століття) // Дніпропетровський історико-археографічний збірник. 2009. С. 161–220 [Zhurba O.I. «Predstav'te Vy sebe, kakoj zver' byl getman! Eto byli prenechis-tivye despoty!» (z lysta svidomoho ukrainskoho patriota, avtonomista ta tradytsionalista pochatku XIX stolittia) // Dnipropetrovs'kyi istoryko-arkheohrafichnyi zbirnyk. 2009. S. 161–220]

Журба О.І. Становлення української археографії: люди, ідеї, інституції. Дніпропетровськ. 2003. 316 с. [Zhurba O.I. Stanovlennia ukrains'koi arkheohrafii: liudy, idei, instytutsii. Dnipropetrovsk. 2003. 316 c.]

Імперські ідентичності в українській історії XVIII – першої половини XIX ст. Львів. 2020. 304 с. [Imperski identychnosti v ukrains'kii istorii XVIII – pershoi polovyny XIX st. Lviv. 2020. 304 s.]

Касьянов Г.В. Past Continuos: Історична політика 1980-х – 2000-х: Україна та сусіди. Київ, 2018. 420 с. [Kasianov H.V. Past Continuos: Istorychna polityka 1980-kh – 2000-kh: Ukraina ta susidy. Kyiv, 2018. 420 s.]

Когут З. Російський централізм і українська автономія. Ліквідація Гетьманщини 1760–1830. Київ. 1996. 317 с. [Kohut Z. Rosiiskyi tsentralizm i ukrainska avtonomiia. Likvidatsiia Hetmanshchyny 1760–1830. Kyiv. 1996. 317 s.]

Когут З. Коріння ідентичності. Студії з ранньомодерної та модерної історії України. Київ, 2004. 352 с. [Kohut Z. Korinnia identychnosti. Studii z rannomodernoi ta modernoi istorii Ukrainy. Kyiv, 2004. 352 c.]

Котенко А.Л., Мартынюк О.В., Миллер А.И. Малоросс // «Понятия о России»: К семантике имперского периода. М., 2012. С. 392–443. [Kotenko A.L., Martynyuk O.V., Miller A.I. Maloross // «Ponyatiya o Rossii»: K semantike imperskogo perioda. M., 2012. S. 392–443].

Круглова Т.А. Экономическая структура городских хозяйств Левобережной Украины в XVIII в. (по материалам Генеральной описи 1765–1769 гг.). М., 1989. 176 с. [Kruglova T.A. Ekonomicheskaya struktura gorodskih hozyajstv Levoberezhnoj Ukrainy v XVIII v. (po materialam General'noj opisi 1765–1769 gg.). M., 1989. 176 s.]

Лазарев Я.А. Идейное поле «национального» интеллектуала имперского периода: взгляды Г.А. Полетики (1725–1784) на «украинскую государственность» // Slověne=Словѣне. 2016. № 1. С. 184–202. [Lazarev Ya.A. Idejnoe pole «nacional'nogo» intellektuala imperskogo perioda: vzglyady G.A. Poletiki (1725–1784) na «ukrainskuyu gosudarstvennost'» // Slověne=Slověne. 2016. № 1. S. 184–202]

Лазарев Я.А. Культурные механизмы интеграции украинской казацкой элиты в обще имперское дворянство // Quaestio Rossica. 2020. № 1. С. 270–282. [Lazarev Ya.A. Kul'turnye mekhanizmy integracii ukrainskoj kazackoj elity v obshche imperskoe dvoryanstvo // Quaestio Rossica. 2020. № 1. S. 270–282]

Латкин В.Л. Законодательные комиссии в России. СПб., 1887. Т. 1. 607 с. [Latkin V.L. Zakonodatel'nye komissii v Rossii. SPb., 1887. T. 1. 607 s.]

Литвинова Т.Ф. «Помещичья правда»: дворянство Левобережной Украины и крестьянский вопрос в конце XVIII – первой половине XIX века. М., 2019. 648 с. [Litvinova T.F. «Pomeshchich'ya pravda»: dvoryanstvo Levoberezhnoj Ukrainy i krest'yanskij vopros v konce XVIII – pervoj polovine XIX veka. M., 2019. 648 s.]

Литвинова Т.Ф. Малоросс в российском культурно-историографическом пространстве второй половины XVIII века // Дніпропетровський історико-археографічний збірник. 2001. С. 28–64. [Litvinova T.F. Maloross v rossijskom kul'turno-istoriograficheskom prostranstve vtoroj poloviny XVIII veka // Dnipropetrovs'kij istoryko-arheografichnyj zbirnyk. 2001. S. 28–64]

Литвинова Т.Ф. Г.А. Полетика: «публичный интеллектуал» второй половины XVIII в. // Вестник Омского университета. Исторические науки. 2015. № 2(6). С. 79–86. [Litvinova T.F. G.A. Poletika: «publichnyj intellektual» vtoroj poloviny XVIII v. // Vestnik Omskogo universiteta. Istoricheskie nauki. 2015. № 2(6). S. 79–86]

Максимович Г. Выборы и наказы в Малороссии в Законодательную Комиссию 1767 г. Нежин, 1917. Ч. 1. 254 с. [Maksimovich G. Vybory i nakazy v Malorossii v Zakonodatel'nuyu Komissiyu 1767 g. Nezhin, 1917. Ch. 1. 254 s.]

Миллер Д. Очерки из истории и юридического быта старой Малороссии. Суды земские, гродские и подкоморские в XVIII в. // Сборник харьковского Историко-филологического общества. 1896. Т. 8. С. 6–233. [Miller D. Ocherki iz istorii i yuridicheskogo byta staroj Malorossii. Sudy zemskie, grodskie i podkomorskie v XVIII v. // Sbornik har'kovskogo Istoriko-filologicheskogo obshchestva. 1896. T. 8. S. 6–233]

Плохій С.М. Козацький міф. Історія та націотворення в епоху імперій. Київ. 2013. 440 с. [Plokhii S.M. Kozatskyi mif. Istoriia ta natsiotvorennia v epokhu imperii. Kyiv. 2013. 440 s.]

Полетика Г.А. Мнение о начитанном проекте правам благородных // Сборник РИО. СПб, 1882. Т. 36. С. 346–356. [Poletika G.A. Mnenie o nachitannom proekte pravam blagorodnyh // Sbornik RIO. SPb, 1882. T. 36. S. 346–356]

Прошение Малороссийских депутатов во время составления Уложения // Наказы малороссийских депутатов 1767 года и акты о выборах депутатов в Комиссию сочинения Уложения. Киев, 1890. С. 177–184. [Proshenie Malorossijskih deputatov vo vremya sostavleniya Ulozheniya // Nakazy malorossijskih deputatov 1767 goda i akty o vyborah deputatov v Komissiyu sochineniya Ulozheniya. Kiev, 1890. S. 177–184]

Прошение малороссийского шляхетства и старшины, вместе с гетманом, о возстановлении разных старинных прав Малороссии, поданное Екатерина II в 1764 году // Киевская старина. 1883. Июнь. С. 317–345. [Proshenie malorossijskogo shlyahetstva i starshiny, vmeste s getmanom, o vozstanovlenii raznyh starinnyh prav Malorossii, podannoe Ekaterina II v 1764 godu // Kievskaya starina. 1883. Iyun'. S. 317–345]

Руднев Д.В. Г.А. Полетика и издательская деятельность Морского кадетского корпуса в 1760–1770-е гг. // Вторые Лупповские чтения. М. 2006. С. 42–72. [Rudnev D.V. G.A. Poletika i izdatel'skaya deyatel'nost' Morskogo kadetskogo korpusa v 1760–1770-e gg. // Vtorye Luppovskie chteniya. M. 2006. S. 42–72]

Руднев Д.В. Григорий Андреевич Полетика и книжная культура XVIII века // Литературная культура России XVIII века. СПб. 2008. Вып. 2. С. 53–64. [Rudnev D.V. Grigorij Andreevich Poletika i knizhnaya kul'tura XVIII veka // Literaturnaya kul'tura Rossii XVIII veka. SPb. 2008. Vyp. 2. S. 53–64]

Сборник Русского императорского исторического общентва. СПб., 1869. Т. 4; 1871; Т. 8; 1881. Т. 32; 1882. Т. 36. [Sbornik Russkogo imperatorskogo istoricheskogo obshchentva. SPb., 1869. T. 4; 1871; T. 8; 1881. T. 32; 1882. T. 36.]

Сергиевич В. Откуда неудачи Екатерининской законодательной комиссии? // Вестник Европы. 1878. Январь. С. 188–264. [Sergievich V. Otkuda neudachi Ekaterininskoj zakonodatel'noj komissii? // Vestnik Evropy. 1878. Yanvar'. S. 188–264]

Схід-Захід: історико-культурологічний збірник. 2001. Вип.4: Rossia et Britania: імперії та нації на окраїнах Європи. 276 с. [Skhid-Zakhid: istoryko-kulturolohichnyi zbirnyk. 2001. Vyp.4: Rossia et Britania: imperii ta natsii na okrainakh Yevropy. 276 s.]

Флоровский А.В. Состав Законодательной комиссии 1767–1774. Одесса, 1915. 609 с. [Florovskij A.V. Sostav Zakonodatel'noj komissii 1767–1774. Odessa, 1915. 609 s.]

Яковенко Н.М. Вибір імені versus вибір шляху: назви української території між кінцем XVI – кінцем XVII ст. // Яковенко Н.М. Дзеркала ідентичностей. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI – початку XVIII ст. Київ. 2012. С. 9–43. [Yakovenko N.M. Vybir imeni versus vybir shliakhu: nazvy ukrainskoi terytorii mizh kintsem XVI – kintsem XVII st. // Yakovenko N.M. Dzerkala identychnostei. Doslidzhennia z istorii uiavlen ta idei v Ukraini XVI – pochatku XVIII st. Kyiv. 2012/ C. 9–43.]

Яковенко Н.М. Паралельний світ. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI–XVII ст. Київ. 2002. 416 с. [Yakovenko N.M. Paralelnyi svit. Doslidzhennia z istorii uiavlen ta idei v Ukraini XVI–XVII st. Kyiv. 2002. 416 s.]

Яковенко Н.М. У пошуках нового неба. Життя і тексти Йоаникія Галятовського. Київ. 2017. 704 с. [Yakovenko N.M. U poshukakh novoho neba. Zhyttia i teksty Yoanykiia Haliatovskoho. Kyiv. 2017. 704 s.]

Melnik A., Tairova-Yakovleva T. Hryhorii Poletyka's Introduction of Kyiv-Mohyla Academy Educational Methods in the Russian Empire // Kyiv-Mohyla Humanities Journal. 2019. № 6. P. 115–126.

***Литвинова Татьяна Федоровна**, доктор исторических наук, профессор, кафедра истории Украины, Днепровский национальный университет им. Олеся Гончара (Украина); litviniva.tf@i.ua*

***Журба Олег Иванович,** доктор исторических наук, профессор, Днепровский национальный университет им. Олеся Гончара (Украина), зав. кафедрой историографии, источниковедения и архивоведения; zhurba.oi@i.ua*

Hetmanate in the views of the Ukrainian intellectual elite the second half of the XVIII – the middle of the XIX c. Part 1

The focus of the article is on the evolution of the ideas of the intellectual elite of the Left Bank Ukraine about the peculiarities of the status, the socio-political structure of their homeland, this specific region of the Russian Empire, about the role of various social groups, primarily the Cossacks and the gentry, in its history and transformations at the turn of the XVIII–XIX cc. The personalities in this study – G. and V. Poletik, A. Chepa, S. Kochubei, G. Galagan and others, reflected not only their own views on the past, present and future of the region, but were also authoritative exponents of the sentiments of a significant part of the local social elite. The chronological scattering of their statements makes it possible to trace changes in views on the place of the region in the system of the empire - from the preservation of the autonomous Hetmanate modernized in the spirit of the times to its full political and legal integration, to the role of hetmans and the Cossack system in the life of Little Russian society, as well as to possible mechanisms of adaptation to new socio-cultural realities.

Keywords: Left-bank Ukraine, Little Russia, Hetmanate, Russian Empire, Ukrainian national revival, identity

***Tatyana Litvinova,** Dr. Sc. (History), Professor, Department of History of Ukraine, Oles Honchar Dnipro National University (Ukraine); litvinova.tf@i.ua*

***Oleg Zhurba,** Dr. Sc. (History), Professor, Head of the Department of Historiography, Source Studies and Archival Studies, Oles Honchar Dnipro National University (Ukraine); zhurba.oi@i.ua*

Я.А. Лазарев

«С ВЕЛИКОЮ ПОЛЬЗОЮ ВЕЛИКОРОССИЙСКОЮ» ПРОЕКТ ПЕРВОГО УКРАИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИИ УКРАИНСКОЙ КАЗАЦКОЙ ЭЛИТЫ*

В статье анализируется проект создания первого украинского университета. На основании ранее неизвестных источников доказывается авторство и Г.Н. Теплова и его роль в продвижении проекта, направленного на эффективную интеграцию казацкой элиты раскрытие ее творческого потенциала на пользу империи. Провал этой образовательной инициативы связывается исключительно с политическим выбором гетмана К.Г. Разумовского и представлениями Екатерины II об образовании дворян. Автор приходит к выводу о том, что стараниями имперского чиновника было сделано больше для развития украинского Просвещения, нежели местной элитой.

Ключевые слова: *Гетманская Украина, Университет в Батурине, К.Г. Разумовский, Г.Н. Теплов, Петр III, украинская казацкая элита, новая знать*

Изучение историографии российско-украинских отношений середины XVII – XVIII в. оставляет стойкое ощущение, что в них изначально был заложен некий таймер, отсчитывающий, несмотря ни на что, время до логичного финала – ликвидации украинской казацкой государственности в 1764 г. и окончательной интеграции местного населения в сословия Империи. В этом фокусе интеграция самым негативным образом отразилась на сельском населении из-за распространения норм крепостного права, а также рядовом казачестве, потерявшем былые привилегии и слившимся с податными сословиями. Основой этих процессов стало включение казацкой элиты (определяющего актора в регионе) в состав российского дворянства. Каким образом этого удалось достичь?

Как правило, речь шла о внешнем принуждении в сочетании с культурной и сословной дискриминацией, в результате которой элита выбрала «наименьшее зло». В «каноне», сформированном украинскими интеллектуалами до 1917 г., акцент делался исключительно на противостоянии украинского народа во главе с казацкой элитой и абстрактного Российского государства, прилагавшего все имевшиеся репрессивные практики для их подчинения. В советское время такой подход был слегка видоизменен в рамках господствовавшей марксистской парадигмы, когда украинский народ и его элита (класс «феодалов-эксплуататоров») противопоставлялись друг другу, а классовая близость последней с господствующим классом Российского государства стала основой для ее относительно безболезненной интеграции в состав имперского дворянства. Последнее неминуемо привело к ликвидации казацкой государст-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда по теме «Неформальные связи в контексте государственного управления в России XVIII в.: административные стратегии и социальные практики» (Соглашение № 18-78-10093). Автор выражает глубокую признательность с.н.с. ИИиА УрО РАН, к.и.н. М.А. Киселеву за оказанную помощь, ценные советы и замечания.

венности. С наступлением «перестройки» в конце 1980-х гг. произошла реабилитация старого национального «канона». Почти в неизменном виде «канон» вошел в современную украинскую историографию.

Определенная «косметическая» эволюция «канона» произошла под влиянием украинской диаспорной историографии – концепция *навязанной лояльной идентичности*. В большей степени это касается концепции «малороссийскости», которая подразумевала в разных интерпретациях насильственно навязанные культурные практики интеграции (с 1654 г.) – внедрение в социально-политическое поле или национальное самосознание русских ценностей /имперских ценностных нарративов. Наиболее полно и последовательно концепция была представлена в работах З.Е. Когута (1983, 1988, 1992) и С.Н. Плохия (2006, 2012). В них отмечалось (с различными нюансами), что после измены И.С. Мазепы и Полтавской битвы (1708–1709) только таким образом можно было легально отстаивать автономные права, но что, в свою очередь, приводило к постепенному растворению в имперском дворянстве и имперской идентичности. Если Когут делает акцент на решающей роли репрессивного фактора (действия П.А. Румянцева), в итоге расколовшего украинскую казацкую элиту, то Плохий действует гораздо тоньше, склоняя читателя к мысли, что интеллектуальная и публичная работа Феофана Прокоповича по конструированию «новой всероссийской имперской идентичности», подразумевавшей превращение России в объект первостепенной лояльности, привела представителей казацкой элиты к мысли о необходимость отказаться от казацких атрибутов прошлого и казацкой идентичности. Общим местом в сочинениях Когута и Плохия было то, что некоторая часть интегрированной казацкой элиты, несмотря на свою лояльность, продолжала рефлексировать по поводу утраченной государственности, сохраняя в своих историописаниях память о легендарном прошлом, утраченных свободах. Такой саморефлексии способствовала также и российская сторона, постоянно принижавшая вплоть до начала XIX в. «благородный» статус казацкой элиты, и акцентировавшая внимание на ее более «низком» происхождении в сравнении с великороссийским дворянством. Культурный конфликт и дискриминационная политика правительства имели далеко идущие последствия. Собранные предания о казацком прошлом и появление анонимного памфлета «История русов» позволили впоследствии возродиться украинской нации стараниями идеологов Кирилло-Мефодиевского братства, которые переинтерпретировали данные историорисания в националистическом дискурсе[1]. В том или ином виде базовые постулаты выделенного «канона» присутствуют отчасти и в современной российской историографии[2].

Как видно, в такой социологической модели ни российское правительство, ни, тем более, коронный чиновник не могли способствовать сохранению /развитию автономии и нормальной интеграции украин-

[1] Когут 2004. С. 46-79; Плохій 2013.
[2] Лазарев 2016.

ской казацкой элиты. С 2010-х гг. стали предприниматься первые попытки пересмотра такой откровенно телеологичной модели. Подчеркивалась надуманность построений в плане выделения особой группы автономистов, противостоявших российской власти (особенно с середины XVIII в.)[3]. Подлинно научная реконструкция процессов интеграции украинской элиты еще ждет своего часа.

Настоящая статья является в определенной степени развитием отмеченного «ревизионистского направления». В ее основу положен анализ проекта об учреждении университета в Батурине, а также контекста его появления. На основании ранее неизвестных источников устанавливается подлинное авторство данного проекта и роль Г.Н. Теплова в его продвижении в контексте интеграции украинской казацкой элиты.

В отмеченный период происходит настоящий прорыв украинской казацкой элиты в политическую и культурную жизнь империи. Нельзя сказать, что в предыдущее время этому что-то принципиально мешало, но впервые с опалы А.Д. Меншикова и П.А. и П.П. Толстых (1727) у казацкой элиты появились влиятельные покровители в имперской столице[4]. И это были не просто некие представители российской верхушки, а выходцы из казацкой среды – братья Алексей и Кирилл Разумовские. Два простых казака оказались на вершине политического Олимпа по воле случая – в результате переворота ноября 1741 г. и прихода к власти Елизаветы Петровны, чьим тайным мужем был Алексей. Однако не это было самым важным. Вместе с Разумовскими из политического небытия вышли ранее малозаметные семьи – Воронцовы, Шуваловы, Скавронские, представители которых довольно быстро аристократизировались и составили основу правящей элиты, лично преданной императрице и связанной с ней родственными связями. Довольно быстро (ко второй половине 1740-х) представители этой *новой знати* заняли высокие государственные и придворные должности, а также приняли на себя роль активных прожектеров, заботившихся как о государственном, так и о своем частном интересе. Благодаря тесной смычке братьев Разумовских, занимавших важные и ответственные великороссийские посты, с «новой знатью» стало возможным восстановление гетманства, во главе которого был поставлен совсем молодой К.Г. Разумовский.

Политические ресурсы новоявленного гетмана украинская казацкая элита сознательно использовала для удовлетворения не только своих материальных потребностей, но и культурных запросов – поступления детей в столичные учебные заведения, а также зарубежные университеты[5]. Последнее было определенной новацией, до этого такой необходимости не возникало: потребность в образовании удовлетворялась, как правило, за счет местных институций – православных коллегиумов[6].

[3] См., напр.: Журба 2010.
[4] Лазарев 2013.
[5] Андреев 2005; Маслійчук 2019. С. 81-86.
[6] Посохова 2016.

Здесь, как можно предположить, сыграли свою роль несколько факторов. В первую очередь следует отметить претензии казацкой элиты на особый привилегированный и наследственный статус, что подразумевало выработку и воспроизводство соответствующих практик и маркеров социальных отличий. Такие претензии фиксируются с конца 1720-х – 1730-х гг. в ходе неудавшейся попытки кодификации малороссийского права, а также при поступлении детей казацкой элиты в зарубежные (немецкие) университеты, когда казацкая элита целенаправленно идентифицировала себя с *малороссийской шляхтой* или *российским дворянством*. При этом официально на Гетманской Украине еще не было дворянской (шляхетской) корпорации, информация о которой бы фиксировалась в Герольдии, были лишь единичные пожалования в российское дворянство. Практической реализации этих претензий формально мешал сохранявшийся институт казацких выборов и практика назначений на должности по императорскому указу, из-за чего землевладения (т.н. «ранговые маетности»), дававшиеся на время исполнения той или иной должности, могли быть переданы другому кандидату. Свою роль играл и демографический фактор – перепроизводство элиты в невоенное время за счет бунчуковых и значковых товарищей, которые составляли своеобразный кадровый резерв, но по факту их карьерные возможности были ограничены числом должностей («рангов»). Поэтому без воли суверена сформировавшийся «шляхетский миф» с претензией на наследственный статус не имел бы никаких политических последствий.

Почва для будущего официального признания за казацкой элитой шляхетского происхождения и ее дальнейшая интеграция подготавливалась через сознательное копирование и воспроизводство соответствующих статусу культурных практик. Главной из них было изучение определенного набора наук, овладение отличительными навыками и придворными манерами, что позволило бы в дальнейшем успешно выстраивать военную и придворную карьеру в имперских столицах, эффективно интегрируясь в космополитичное имперское дворянство. В большей степени это касалось дворянских (шляхетских) корпусов, прежде всего, Сухопутного. Так, например, с конца 1740-х гг. среди дворян-кадет Сухопутного корпуса появляются дети украинской казацкой элиты «для обучения приличных шляхетству наук» или «приличных шляхетству экзерций»: дети Сулим, Горленок, Милорадовичей, Трощинских, Полетик, Кулябок, Лукашевичей, Маркевичей и др.[7] Благодаря посреднической роли гетмана от детей казацкой элиты не требовалось документальных доказательств их шляхетского происхождения, что было обязательным условием при поступлении для всех будущих кадет.

Помимо кадетских корпусов значение для формирования настоящего дворянина начинает приобретать идея создания университета, вокруг которого развернется настоящая прожектерская борьба[8]. Первой

[7] Лазарев 2020. С. 276.

[8] См.: Киселев 2015a; Киселев 2015b.

важной вехой станет создание в 1755 г. Московского университета, которое подчеркнет исключительное влияние в образовательной сфере И.И. Шувалова, куратора университета, способствовавшего продвижению данной инициативы со стороны М.В. Ломоносова. Несмотря на это, вскоре между влиятельным вельможей и великим российским просветителем произошло заметное расхождение. Ломоносов, окрыленный успехом в создании Московского университета, полагал, что влияние Шувалова и М.И. Воронцова позволит, вопреки сомнениям части академиков, продвинуть проект создания университета в Санкт-Петербурге. Но ожидаемого успеха не произошло. Стоит полагать, здесь свою роль могло сыграть честолюбие Шувалова, видевшего в создании второго университета определенного конкурента своим образовательным инициативам.

Вероятно, это могло сподвигнуть Ломоносова на поиск другого влиятельного покровителя. Вполне логичным кандидатом выступал его непосредственный начальник по Академии К.Г. Разумовский, который стал в последнее время оказывать поддержку ученому[9]. Где-то в 1760 г. Ломоносов подготовил проект «Слова благодарственного…» императрице Елизавете Петровне на будущее открытие Санкт-Петербургского университета. В его тексте помимо всяческих похвал государыне и описаний всех положительных эффектов от создания нового университета Ломоносов сделал следующую приписку: «Графу [К.Г. Разумовскому] говорить, что по сему может и в Малороссии учредить Университет»[10]. Стоит полагать, что ради продвижения своего проекта Санкт-Петербургского университета Ломоносов был готов или подсказать идею университета в Малороссии, или поддержать имевшиеся планы, подключив политические ресурсы гетмана. Следовательно, идея университета на Гетманской Украине фиксируется не ранее 1760 года и рассматривалась как важный образовательный проект общеимперского значения и механизм политического влияния не только для Г.Н. Теплова.

Среди входящих писем к Р.И. Воронцову сохранилась подборка писем Г.Н. Теплова. В постскриптуме одного из них, писанного в Глухове 19 июля 1761 г., Теплов советовался по поводу необходимости своего приезда в столицу вместе с гетманом, ибо «своей никакой нужды не имею, и будучи от всех оставлен, такую систему принял, чтоб и в бок людям не казащей». Теплов сообщал о причинах отправки К.Г. Разумовского: «Его сиятельство (за секретом вам пишу) следующия нужды имеет, на которыя высочайшей конфирмации искать намерен. 1) учредить в Батурине университет, который соединит с великою пользою великороссийскою, чему уже *я и проект зделал* (выделено нами – *Я.Л.*)»[11]. Речь шла и о приведении украинского войска в «лутчей порядок». Все дела, о которых планировалось «хлопотать» в Санкт-Петербурге, гетман планировал «через меня и мое перо производить». По этой причине гет-

[9] Белявский 1955. С. 91-92.
[10] Ломоносов 1959. С. 680
[11] РГАДА. Ф. 1261. Оп. 10. Д. 25. Л. 1.

ман уговаривал Теплова «с собою ехать и одного без жены, для того, что и сам без графини едет», чтобы он, несмотря на финансовые трудности, «хотя на два месяца с ним поехал для установления дел его»[12].

Итак, со всей очевидностью подтверждается авторство проекта учреждения университета в Батурине, более-менее четкая датировка, а также одна из основных причин отъезда К.Г. Разумовского в Петербург, о котором было известно еще по дневнику Я.А. Маркевича (1696–1770). Согласно источнику, отъезд состоялся 23 августа 1761 г., когда в столицу вместе с гетманом отправились «Теплов, Яков Скоропадский, Вас. Туманский и камергер»[13]. И очевидно с какой именно целью Разумовский и Теплов проводили смотр Московского университета в ноябре 1761 г. Соответственно, проект был готов к лету 1761 г. и еще уточнялся в ноябре того же года. С определенной долей условности можно допустить, что некоторое сопротивление могли бы оказывать прожектеры-конкуренты (и, при этом, антагонисты) И.И. и П.И. Шуваловы, имевшие свои виды на развитие образовательного процесса и воспитание имперского дворянства[14]. Однако финальная подготовка проекта и «высочайшей конфирмации искание» пришлось для всех на самое неподходящее время – болезнь и последующую смерть Елизаветы Петровны, когда вся элита была озабочена своим положением при будущем правителе.

Приход к власти Петра III стал временем максимального политического влияния М.И. и Р.И. Воронцовых, близких друзей и сторонников гетмана К.Г. Разумовского, а также понижением положения Шуваловых при дворе. В то же время и сам гетман приобрел большой кредит доверия у молодого и энергичного императора, который был к нему весьма расположен. Так, Петр III, в нарушение особых прав на самоуправление, передал в ведение гетмана до этого независимый Киев. Кроме того, императором была решена и другая извечная «проблема» для казацкой власти – подчинение слобод старообрядцев, которые располагались на территории Гетманской Украины, но находились вне гетманской власти. Неслучайно, где-то в это время появляется проект жалованной грамоты Петра III гетману об учреждении университета в Батурине с правками самого Г.Н. Теплова. Этот уникальный и ранее неизвестный источник может быть понят только в сравнении с содержанием проекта учреждения университета в Батурине.

В приведенном постскриптуме к письму Р.И. Воронцову Г.Н. Теплов рассматривал учреждение нового (украинского) университета к «великой пользе великороссийской». Соответственно, гетманский советник имел явный интерес в реализации проекта, для которого он был не просто техническим исполнителем. В чем заключался этот интерес?

При знакомстве с известным текстом проекта учреждения университета в Батурине самое большое удивление вызывает то, как его анали-

[12] РГАДА. Ф. 1261. Оп. 10. Д. 25. Л. 1 об., 2 об.
[13] Маркевич 1859. С. 376,
[14] Киселев 2015а.

зировали в историографии, опуская весьма существенные и критические замечания автора о системе образования на Гетманской Украине, призванные обосновать необходимость создания университета. По мнению автора проекта, несмотря на тягу к знаниям «народа малороссийского», все были «слабыми малороссийскими школами не обучены, но довольно только возбуждены», получаемое в этих «школах» знание «в высших науках весьма малое, или справедливо сказать, еще никакое», на посредственном уровне находилось изучение латинского языка и других гуманитарных дисциплин. Все это объяснялось отсутствием средств для нормального содержания «знатных и достойных профессоров» и «добрых семинарий» и, следовательно, низким уровнем преподавательского корпуса, состоявшего «из тех же мало обученных людей, которые имя носят профессоров, хотя при том никакой профессии не имеют». При этом структуру университета дополняли бы имеющиеся церковные «школы». На этом основании предполагалось осуществить ряд мероприятий – от строительства самого университета и необходимых комплексов (библиотека, анатомический театр, ботанический сад) до введения новых дисциплин (история, физика, геодезия, астрономия, химия и др.).

В части, посвященной реализации проекта, автора раскрывает цель создания университета – для «воспитания господских детей»[15]. Именно на плечи «малороссийских владельцев» должна была лечь основная нагрузка по сбору средств на строительство нового учебного заведения (по мнению автора, первоначально требовалось 20 тыс. руб.). Предполагалось, что деньги будут изыматься «по пропорции своего имущества», не исключая бездетных, так как будет полезно «для его ближних наследников». Ответственность за организацию временных сборов ложилась на гетмана с генеральной старшиной и казацких полковников. Планировалось, что полковникам будут разосланы специальные книги, в которые они (не исключая себя) будут собственноручно заносить суммы пожертвований «по силе и возможности». Теплов допускал, что это послужит примером для гетмана и генеральных старшин, а возможно склонит к участию в проекте саму императрицу. На постоянное содержание университета («доход вечной университетской») требовалось, в первую очередь, выделить свободные войсковые и/или выморочные деревни, а также, «ежели возможно», деревни и маетности Батуринского монастыря, которые «не меньше на богоугодное дело при университете употреблены быть могут», что соответствовало и Духовному регламенту. Лишь после этого следовало испросить у императрицы о выделении «малой суммы из таможенных сборов, которая б с пенсиею была определена… вечно». Упоминались и иные источники содержания университета: сбор с цыган, откуп на косы, ввозимые в регион; доходы с университетской типографии и книжной лавки, позволяли бы выйти на типографии на самоокупаемость и компенсировать нужды библиотеки[16]. По мысли авто-

[15] Хотя и допускалась возможность обучения крестьянских и мещанских детей.
[16] Проект учреждению… 1863. С. 67-72.

ра, число студентов из «Малой России» и соседних польских «училищ» позволит составить конкуренцию столичным университетам. Протектором и ректором университета утверждался гетман К.Г. Разумовский.

Как видно, изначально Г.Н. Тепловым был подготовлен проект не просто третьего университета в империи, способного конкурировать в борьбе за благородного «абитуриента» со столичными учебными заведениями, но и серьезной «общественной работы», которую должна была осуществить верхушка казацкого государства, полагаясь на собственные силы и механизмы принуждения. Насколько украинская казацкая элита готова была сама себя ограничивать, следуя плану проекта? Вопрос риторический. Однако же какова была роль Теплова в данном проекте?

Из первоначального текста проекта статус Г.Н. Теплова абсолютно не ясен: его имя не упоминается, из-за чего создается обманчивое ощущение, что гетманский советник был всего лишь техническим исполнителем. Все расставляет по своим местам проект жалованной грамоты Петра III гетману об учреждении университета в Батурине. Данный текст является черновиком, он содержит, судя по почерку, правки самого Теплова и, стоит полагать, он и являлся его автором. Примерная датировка проекта жалованной грамоты находится в промежутке между 23 марта, когда Теплов был пожалован в действительные статские советники (должность упомянута в тексте проекта) и 28 июня 1762 г. – приход к власти Екатерины II в результате дворцового переворота.

Текст жалованной грамоты начинается с примечательного обращения к гетману: «Высоко и благоурожденному, нам любезноверному нашему подданому малороссийского Войска Запорожского обоих сторон Днепра гетману…»[17]. Затем от имени императора провозглашалось: «Понеже искренее наше желание есть в империи нашей ничего того не пренебречь, что к благосостоянию оныя потребно, <...> предусматривая по состоянию и склонности народа все то, от чего внутренняя онаго польза, а целому обществу просвещение последовать могут». Из таких дел, не просто «полезных» государству, а «приемлемых в уважение», являлось «воспитание юношества». Наиболее «ближайшим способом» для этого являлось «учреждении училищ на добром и неподвижном основании, в которых преподаются науки к человеческому житию полезныя, открывающие путь к естественным законам и нравоучению, вкореняющему в серца благонравие». Благодаря таким училищам «происходят… люди государству полезныя, яко то искусные[18] писатели, юрисконсульты, политики, математики, астрономы, докторы медицины и другие многие ученые люди», а от того проистекает «изобилие и обогащение народов»[19]. Таким образовательным учреждением, создававшемся «к славе и чести» императора, должен был стать первый университет

[17] НИОР РГБ. Ф. 354. Оп. 1. Д. 183. Л. 41. За указание на данный источник выражаю благодарность М.А. Киселеву.
[18] В тексте зачеркнуто «добрые».
[19] НИОР РГБ. Ф. 354. Оп. 1. Д. 183. Л. 41 об.

на Гетманской Украине. Согласно мотивировочной части (со стороны гетмана), университет предполагалось учредить в Батурине не только по причине склонности малороссийского народа «достохвальным учениям», а и потому, что в местных «училищах»[20] «не преподаются учения наукам высоким[21], к экономии жития человеческаго полезным». Из-за напрасного «потеряния времени» наиболее ищущие знаний будут отправляться в заграничные университеты «с потерянием иногда здоровья и с разорением долгов своих». Университет предполагалось организовать «на таком основании и обрядах, что во всей немецкой земле от многих лет уже учреждены, то есть на правах и вольностях и прерогативах таковому ученому корпусу приличных и на основании неподвижных в разсуждении его места и доходов». Создаваемый университет, наоборот, должен был стать центром притяжения для иностранных студентов[22]. Структура будущего университета в целом не претерпела изменений в сравнении с первоначальным вариантом[23].

На содержание университета планировалось установить ежегодный сбор со всех малороссийских «мельниц, водных и ветряных» так, «чтобы одному перед другим помещиком обиды не было», а совокупно он составлял бы не менее 10 тыс. руб., затем шла речь о сборе со «всякаго винокуреннаго котла», который восстанавливался ради «сей национальной малороссийской нужды» (тоже не менее 10 тыс. руб.). К этому планировалось прибавить доходы с деревень и угодий намеченного к ликвидации Батуринского монастыря – его монахи по причине малочисленности переводились в другие монастыри той же епархии, а монастырские строения отводились под гимназию и училище для семинаристов, университету и гимназии также доставалась вся церковная утварь[24].

На основании жалованной грамоты гетман К.Г. Разумовский провозглашался *фундатором* и *протектором* университета, с полным правом утверждать штаты, регулировать права и привилегии. В помощь гетману следовало в качестве *куратора* университета из «верных подданных» определить такого человека, «который бы по искуству своему радетельно сие учреждение делом самим под глазами вашими произвел». Куратором император указывал быть «действительному статскому советнику и двора нашего камергеру Григорию Теплову», с ежегодной выплатой из университетских доходов пенсии «за труд им понесенный» в размере 2,5 тыс. руб.[25]. В проекте жалованной грамоты высказывалось пожелание, чтобы организация налоговых сборов на это «благое и полезное намерение» и само строительство университета «с Божиею помощию от сель в три месяцы начато было самим делом»[26].

[20] «Киевского, Черниговское, Переяславское и по близости Слободцкое Харьковское».
[21] В тексте исправлено с «наук высоких».
[22] НИОР РГБ. Ф. 354. Оп. 1. Д. 183. Л. 42 об., 45 об.
[23] НИОР РГБ. Ф. 354. Оп. 1. Д. 183. Л. 43 об.
[24] НИОР РГБ. Ф. 354. Оп. 1. Д. 183. Л. 44-44 об.
[25] НИОР РГБ. Ф. 354. Оп. 1. Д. 183. Л. 45.
[26] НИОР РГБ. Ф. 354. Оп. 1. Д. 183. Л. 46.

Таким образом, в учреждении университета в Батурине Г.Н. Теплов имел прямую личную заинтересованность. Университет становился для него не просто «тепленьким местечком», а и важной сферой влияния и приложения научных и философских взглядов в воспитании новой просвещенной украинской казацкой элиты, которая должна была составить подлинную славу Российской империи, претворяясь в «людей государству полезных», уже не казаков, а «ученых людей». Соответственно, учреждение университета рассматривалось как важный механизм интеграции украинской казацкой элиты и раскрытия ее творческого потенциала на благо империи, которое санкционировалось на самом верху. Теплов, несомненно, с согласия гетмана, сохранил проект в качестве «общественной работы» для казацкой элиты, правда, заметно оптимизировав будущие сборы на университет, и это подчеркивало, что в реализации проекта гетман был готов идти до конца. Однако К.Г. Разумовский шел до конца и в своей поддержке жены Петра III – Екатерины. Ради нее он оказался способен на предательство и, преступив через свою присягу, самым активным образом участвовал в перевороте 28 июня 1762 г. Этот политический шаг стал роковым. Уверенный в своем величии и влиянии через пару лет Разумовский был отставлен от гетманства, а все его инициативы по созданию наследственного графства потерпели полный крах. Остается только гадать каким путем пошло бы развитие украинской государственности и украинского Просвещения.

Ликвидация гетманства никоим образом не сказалась на интеграции украинской казацкой элиты в имперское дворянство. Другое дело, что на этом пути оно лишилось собственного университета, как влиятельного центра интеллектуального притяжения и производства собственной лояльной национальной имперской элиты. С приходом к власти Екатерины казацкая элита (малороссийская шляхта) неоднократно поднимала данный вопрос (в 1765, 1767, 1781, 1786 гг.)[27] Другое дело, что «торжествующая Минерва» была далека от своего доверчивого мужа и прохладно относилась вообще к самой идее университета, считая ее архаичной. Новой императрице по душе были закрытые учебные заведения для дворянства, поэтому она без зазрения совести ликвидировала Академический университет в Санкт-Петербурге[28].

Проект первого украинского университета появился в контексте политической борьбы и в результате нее канул в Лету. Но если в первом случае речь шла о борьбе за влияние в образовательной сфере двух великороссиян, где ключевым ресурсом был гетман, то во втором случае мы имеем в виду политический просчет самого влиятельного в империи малороссиянина, стоивший ему всего. Как показал анализ ранее неизвестных документов, проект учреждения университета в Батурине был готов к лету – поздней осени 1761 г. и являлся творением Г.Н. Теплова. Для Теплова, как ученого и философа, непосредственное руководство

[27] Український Гетьманат… 2018. Кн. 2. С. 366-368
[28] Костина 2018.

университетом рассматривалось как возможность эффективной европеизации украинской казацкой элиты и последующей ее интеграции в качестве «людей государству полезных», а не просто благородных дворян, добровольно расставшихся со своей казацкой идентичностью. Явный утилитаризм такой интеграции был отличительной чертой данного проекта. Это руководство имело и очевидные материальные выгоды. Причем Теплов настаивал на активной включенности местной элиты в финансовую поддержку нового имперского университета, что укрепляло бы имперскую особость Гетманской Украины и ее интеллектуальные ресурсы. Университет же рассматривался не только в качестве «национального», но и центра притяжения для других благородных «абитуриентов», включая иностранцев. Последующая история лоббирования проекта показала, что на его пути не было серьезных противников и он имел поддержку на самом верху. Но приход к власти Екатерины II, перечеркнув все надежды на первый украинский университет, не внес существенных корректив в дальнейшую интеграцию казацкой элиты, для которой признание «шляхетского мифа» стало главным достижением.

БИБЛИОГРАФИЯ/REFERENCES

Андреев А.Ю. Российские университеты в XVIII – первой половине XIX в. в контексте университетской истории Европы. М.: Знак, 2009. 640 с. [Andreev A.Yu. Rossijskie universitety v XVIII – pervoj polovine XIX v. v kontekste universitetskoj istorii Evropy. M.: Znak, 2009. 640 s.].

Андреев А.Ю. Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX века. М.: Знак, 2005. 432 с. [Andreev A.Yu. Russkie studenty v nemeckih universitetah XVIII - pervoj poloviny XIX veka. M.: Znak, 2005. 432 s.].

Белявский М.Т. М.В. Ломоносов и основание Московского университета. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1955. 312 с. [Beljavskij M.T. M.V. Lomonosov i osnovanie Moskovskogo universiteta. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1955. 312 s.]

Бугров К.Д., Киселев М.А. Естественное право и добродетель: Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2016. 482 с. [Bugrov K.D., Kiselev M.A. Estestvennoe pravo i dobrodetel': integracija evropejskogo vljanija v rossijskuju politicheskuju kul'turu XVIII veka. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un-ta, 2016. 476 s.]

Журба О.І. Політичні ідеали малоросійського дворянства другої половини XVIII – першої половини XIX ст. в історіографії [Zhurba O.I. Politichni ideali malorosijs'kogo dvorjanstva drugoї polovini XVIII – pershoї polovini XIX st. v istoriografiї] // Historiamentalnosc-tozsamosc: Studia z historii, historii historiografii i metodologii historii. Poznan: Wydawnictwo Uniwersytetu Poznanskiego. 2010. S. 165-173.

История русов или Малой России: сочинение Георгия Конискаго, архиепископа Белоруского. М.: В универ-й тип., 1846. 314 с. [Istorija rusov ili Maloj Rossii: sochinenie Georgija Koniskago, arhiepiskopa Beloruskago. M.: V univer-j tip., 1846. 314 s.].

История Украины. СПб.: Алетейя, 2018. 508 с.[Istorija Ukrainy. SPb.: Aletejja, 2018. 508 s.]

Киселев М.А., Лазарев Я.А. «Поелику де в Малой России нет дворян»?: Статус украинского «шляхетства» в Российской империи середины XVIII в. и роль неформальных связей К.Г. Разумовского // Новое прошлое = The New Past. 2019. № 2. С. 116-133. [Kiselev M.A., Lazarev Ja.A. «Poeliku de v Maloj Rossii net dvorjan»?: Status ukrainskogo «shljahetstva» v Rossijskoj imperii serediny XVIII v. i rol' neformal'nyh svjazej K.G. Razumovskogo // Novoe proshloe = The New Past. 2019. № 2. S. 116-133.].

Киселев М.А. «В пользу отечества и в авантаж главному государственному члену, то есть дворянству»: записка П.И. Шувалова об артиллерийском и инженерном образовании // «Регулярная академия учреждена будет…»: Образовательные проекты в первой половине XVIII века. М.: Новое издательство, 2015. С. 346-362 [Kiselev M.A. «V pol'zu

otechestva i v avantazh glavnomu gosudarstvennomu chlenu, to est' dvorjanstvu»: zapiska P.I. Shuvalova ob artillerijskom i inzhenernom obrazovanii // «Reguljarnaja akademija uchrezhdena budet…»: Obrazovatel'nye proekty v pervoj polovine XVIII veka. M.: Novoe izdatel'stvo, 2015. S. 346-362].

Киселев М.А. «Отворить вход к благополучию дарованиям природным»? Сословная проблематика проектов образовательных реформ И.И. Шувалова и М.В. Ломоносова на рубеже 50-х – 60-х годов XVIII в. // Россия XXI. 2015. № 6. С. 40-63. [Kiselev M.A. «Otvorit' vhod k blagopoluchiju darovanijam prirodnym»? Soslovnaja problematika proektov obrazovatel'nyh reform I.I. Shuvalova i M.V. Lomonosova na rubezhe 50-h – 60-h godov XVIII v. // Rossija XXI. 2015. № 6. S. 40-63].

Киселев М.А. «По правам всего света»: легитимация дворцового переворота 1741 г. и проблема законности воцарения Елизаветы Петровны // Россия XXI. 2017. № 5. С. 98-117. [Kiselev M.A. «Po pravam vsego sveta»: legitimacija dvorcovogo perevorota 1741 g. i problema zakonnosti vocarenija Elizavety Petrovny // Rossija XXI. 2017. № 5. S. 98-117].

Когут З.Е. Коріння ідентичності. Студії з ранньомодерної і модерної історії України. Київ: Критика, 2004, 352 с.[Kohut Z.E. Korinnja identichnosti. Studiї z rann'omodernoї i modernoї istoriї Ukraїni. Kiїv: Kritika, 2004, 352 s.]

Костина Т.В. Когда и куда «пропал» Академический университет: реформа учебных заведений Академии наук // Мавродинские чтения-2018 / Под ред. А.Ю. Дворниченко. СПб.: Нестор-история. С. 510-513 [Kostina T.V. Kogda i kuda «propal» Akademicheskij universitet: reforma uchebnyh zavedenij Akademii nauk // Mavrodinskie chtenija-2018 / Pod red. A.Ju. Dvornichenko. SPb.: Nestor-istorija. S. 510-513].

Кулиш П.А. Записки о Южной Руси. Т. 2. СПб.: Тип. А. Якобсона, 1857. 354 с. [Kulish P.A. Zapiski o Juzhnoj Rusi. T. 2. SPb.: Tip. A. Jakobsona, 1857. 354 s.]

Лазарев Я. Культурные механизмы интеграции украинской казацкой элиты в общеимперское дворянство // Quaestio Rossica. Т. 8. 2020. № 1. С. 270-282 [Lazarev Ja. Kul'turnye mehanizmy integracii ukrainskoj kazackoj jelity v obshheimperskoe dvorjanstvo // Quaestio Rossica. T. 8. 2020. № 1. S. 270-282].

Лазарев Я.А. «К вашей ясневелможности охочий слуга»: к вопросу о функционировании неформальных связей в российско-украинских отношениях в 20-е – перв. пол. 30-х гг. XVIII в. // Правящие элиты и дворянство России во время и после петровских реформ (1682–1750). М.: РОССПЭН, 2013. С. 408-432 [Lazarev Ja.A. «K vashej jasnevelmozhnosti ohochij sluga»: k voprosu o funkcionirovanii neformal'nyh svjazej v rossijsko-ukrainskih otnoshenijah v 20-e - pervoj polovine 30-h gg. XVIII v. // Pravjashhie jelity i dvorjanstvo Rossii vo vremja i posle petrovskih reform (1682-1750). M.: ROSSPJeN, 2013. C. 408-432.]

Лазарев Я.А. «Не-каноничные» версии истории Украины второй половины XVII–XVIII в. в новых исторических курсах // Исторический вестник. 2016. Т. 16 (183). С. 192-221 [Lazarev Ja.A. «Ne-kanonichnye» versii istorii Ukrainy vtoroj poloviny XVII–XVIII v. v novyh istoricheskih kursah // Istoricheskij vestnik. 2016. T. 16 (183). S. 192-221].

Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. Т. 8. Поэзия, ораторская проза, надписи (1732–1764 гг.). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 1291 с. [Lomonosov M.V. Polnoe sobranie sochinenij. T. 8. Pojezija, oratorskaja proza, nadpisi (1732–1764 gg.). M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1959. 1291 s.]

Маркевич Я.А. Дневныя записки малороссийскаго подскарбия генеральнаго Якова Марковича. Ч. 2. М.: В тип. В. Готьев, 1859. 431 с. [Markevich Ja.A. Dnevnyja zapiski malorossijskago podskarbija general'nago Jakova Markovicha. Ch. 2. M.: tip. V. Got'ev, 1859. 431 s.]

Маслійчук В.Л. Культурно-освітні ініціативи на Лівобережній та Слобідській Україні другої половини XVIII – початку XIX ст.: Дисс… на здобуття наукового ступеню доктора іст. наук. Харків; Запоріжжя, 2019. 479 с. [Maslijchuk V.L. Kul'turno-osvitni iniciativi na Livoberezhnij ta Slobids'kij Ukraїni drugoї polovini XVIII – pochatku HIH st.: Diss… na zdobuttja naukovogo stupenju doktora ist. nauk. Harkiv; Zaporizhzhja, 2019. 479 s.]

Материалы для истории учебных реформ в России в XVIII-XIX веках / Сост. С.В. Рождественский. СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1910. 413 с. [Materialy dlja istorii uchebnyh reform v Rossii v XVIII-XIX vekah / Sost. S.V. Rozhdestvenskij. SPb.: Tip. tov-va «Obshhestvennaja pol'za», 1910. 413 s.]

Описание изданий, напечатанных кириллицей: 1689 – январь 1725 г. / сост. Т.А. Быкова, М.М. Гуревич. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 403 с. [Opisanie izdanij, napechatannyh kirillicej: 1689 – janvar' 1725 g. / sost. T.A. Bykova, M.M. Gurevich. M.; L.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1958. 403 s.]

Плохій С.М. Козацький міф. Історія та націєтворення в епоху імперій. (пер. Микола Климчук). Київ: Laurus, 2013. 440 с. [Plohij S.M. Kozac'kij mif. Istorija ta nacієtvorennja v epohu imperij. (per. Mikola Klimchuk). Kiïv: Laurus, 2013. 440 s.]

Плохій С.М. Походження слов'янських націй. Домодерні ідентичності в Україні, Росії та Білорусі. Київ: Критика, 2015. 430 с. [Plohij S.M. Pohodzhennja slov'jans'kih nacij. Domoderni identichnosti v Ukraïni, Rosiï ta Bilorusi. Kiïv: Kritika, 2015. 430 s.]

Посохова Л.Ю. Православные коллегиумы на пересечении культур, традиций, эпох (конец XVII – начало XIX в.). М: РОССПЭН, 2016. 550 с. [Posohova L.Ju. Pravoslavnye kollegiumy na peresechenii kul'tur, tradicij, jepoh (konec XVII – nachalo XIX v.). M: ROSSPJeN, 2016. 550 s.]

Права, по которым судится малороссийский народ / Сост. А.Ф. Кистяковский. Киев: Универ. тип., 1879. 1065 с. [Prava, po kotorym suditsja malorossijskij narod / Sost. A.F. Kistjakovskij. Kiev: Univer. tip., 1879. 1065 s.]

Проект к учреждению Университета Батуринскаго 1760 года, писан для графа гетьмана Григ. Никол. Тепловым // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских. 1863. Кн. 2. Отд. V. С. 67-85 [Proekt k uchrezhdeniju Universiteta Baturinskago 1760 goda, pisan dlja grafa get'mana Grig. Nikol. Teplovym // Chtenija v imperatorskom obshhestve istorii i drevnostej rossijskih. 1863. Kn. 2. Otd. V. C. 67-85.]

Татищев В.Н. Избранные произведения / Под ред. С.Н. Валка. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1979. 464 с. [Tatishhev V.N. Izbrannye proizvedenija / Pod red. S.N. Valka. Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie, 1979. 464 s.]

Тодийчук О.В. Украина XVI–XVIII вв. в трудах Общества истории и древностей российских. Киев: Наук. думка, 1989. 160 с. [Todijchuk O.V. Ukraina XVI–XVIII vv. v trudah Obshhestva istorii i drevnostej rossijskih. Kiev: Nauk. dumka, 1989. 160 s.]

Український Гетьманат: нариси історії національного державотворення XVII–XVIII ст. в 2 кн. Кн. 1-2. Київ: Інститут історії України НАН України, 2018. 610 с.; 580 с. [Ukrajns'kij Get'manat: narisi istorії nacional'nogo derzhavotvorennja XVII–XVIII st. v 2 kn. Kn. 1-2. Kiïv: Institut istorії Ukraïni NAN Ukraïni, 2018. 610 s.; 580 s.]

Ханенко Н.Д. Дневник генерального хоружого Николая Ханенка. 1727–1753. Киев: ред. «Киев. Старины», 1884. 554 с.[Hanenko N.D. Dnevnik general'nogo horuzhogo Nikolaja Hanenka. 1727–1753. Kiev: red. «Kiev. Stariny», 1884. 554 s.]

Шевырев С.П. История Московскаго университета, написанная к столетнему его юбилею ординарным профессором русской словесности и педагогии Степаном Шевыревым 1755–1855. М.: в Университетской тип., 1855. 582 с. [Shevyrev S.P. Istorija Moskovskago universiteta, napisannaja k stoletnemu ego jubileju ordinarnym professorom russkoj slovesnosti i pedagogii Stepanom Shevyrevym 1755–1855. M.: Universitetskoj tip., 1855. 582 s.]

Lazarev I.A. Bifurcations, Discontinuities and the «Russian Trace» in the Construction of the Ukrainian Nation // Quaestio Rossica. 2016. T. 4. № 2. C. 276-289.

***Лазарев Яков Анатольевич**, кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории эдиционной археографии Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета (г. Екатеринбург); 9lazarev@gmail.com*

«To the great good of Russia»: Project of the first Ukrainian university in the context of integration of the Ukrainian Cossack elite

The article analyzes the project of creating the first Ukrainian university. Using previously unknown sources, the author analyses the role of G.N. Teplov in promoting the project aimed at effective integration of the Cossack elite and revealing its creative potential for the benefit of the empire is shown. An explanation is given of the failure of this educational initiative, which is related exclusively to the political choice of Hetman K.G. Razumovsky and Catherine II's ideas about the education of the nobility. The author comes to a controversial conclusion that the efforts of an imperial official did more to develop the Ukrainian Enlightenment than the local elite.

***Keywords**:* Hetmanat, University in Baturin, K.G. Razumovsky, G.N. Teplov, Peter III, Ukrainian Cossack elite, new nobility

***Yakov A. Lazarev**, PhD in History, research fellow, the Laboratory of Primary Sources, Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia); 9lazarev@gmail.com*

Л.Ю. Посохова

ИСКУССТВО ПРОПОВЕДНИЧЕСТВА: УЧЕБНЫЕ ПРАКТИКИ В КИЕВО-МОГИЛЯНСКОЙ АКАДЕМИИ И ПРАВОСЛАВНЫХ КОЛЛЕГИУМАХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

Статья посвящена изучению места проповеди в учебном процессе в Киево-Могилянской академии, Черниговском, Харьковском и Переяславском коллегиумах во второй половине XVIII в. Автор реконструирует содержание и методы обучения проповедничеству. Важной чертой «школьной» проповеди в Киево-Могилянской академии и православных коллегиумах в этот период было наличие в ней признаков влияния науки Нового времени. Специфика «школьной» проповеди обусловлена ее дидактическим характером. Развитие «школьной» проповеди стало важной вехой на пути выработки методики «массовой» подготовки проповедников в Российской империи.

Ключевые слова: *проповедь, гомилетика, богословие, духовное образование, Российская империя XVIII века, Киево-Могилянская академия, православный коллегиум*

История проповеди в пространстве Восточной Европы так или иначе привлекала внимание исследователей, но особый интерес вызывали трансформации, происходившие в проповеднической культуре в XVII–XVIII вв. Утверждение проповеди в великорусском церковном обиходе и наиболее распространенные риторические стратегии исследователи единодушно связывают с учеными-монахами, выходцами из Украины[1]. Действительно, на украинских землях, в силу сложившихся исторических условий, раньше сформировались устойчивые традиции проповедничества, в т.ч. основы «школьной проповеди»[2]. Хотя историки, филологи, культурологи, философы и богословы довольно часто оперируют терминами «школьная» /ученая /семинарская проповедь, сам феномен «школьной» проповеди не стал объектом специального внимания. Некоторые аспекты преподавания гомилетики в Киево-Могилянской академии затронул Н.И. Петров[3], но «школьные риторики», в которых речь шла и о проповеди, попадали в поле зрения ученых, которых интересовали прежде всего вопросы, связанные с литературным процессом, историей словесности, особенностями барочного проповедничества[4]. Большое внимание уделяли проповедям Иоанникия Галятовского, Лазарая Барановича, Димитрия Ростовского, Стефана Яворского, Феофана Прокоповича, Гедеона Криновского, Симона Тодорского, Платона Левшина (этот ряд можно продолжить именами многих церковных деятелей), упоминая и о полученном ими образовании[5]. Различие дисциплинарных подходов и широкий диапазон задач привели к тому, что авторы вкладывают в термин «школьная проповедь» различающиеся смыслы,

[1] Матвеев 2009: 44–45.
[2] См.: Терновский 1869; Frick 1997; Корзо 1999.
[3] Петров 1866: 86–124.
[4] Маслюк 1983: 6–7, 23; Кагарлицкий 2000: 245; Ісіченко 2006; Броджі Беркофф 2008.
[5] Самарин 1844; Papmehl 1983; Shevelov 1985; Зубов 2001; Федотова 2001; Wirtschafter 2013; Матушек 2013; Яковенко 2017; и др.

трактуя ее как культурный язык и как жанр, как часть учебного курса риторики, обеспечивавшего общую ораторскую подготовку; как предику, адресованную ученикам в храме при семинарии («семинарская проповедь»). При этом заметим, что такие близкие понятия, как «школьная поэтика», «школьная риторика», «школьная философия» и «школьное богословие» уже обрели достаточно четкие толкования.

Рассматривая «школьную» проповедь как дидактическую проблему, сосредоточим внимание на определении ее места в учебном процессе в Киево-Могилянской академии и православных коллегиумах Украины, на реконструкции того, как преподаватели отвечали на вопросы чему и как учить. Обучение искусству проповеди приобретает четкие черты системы и регламентации именно во второй половине XVIII века. Впрочем, следует отметить, что и в целом этот период оценивается как новая эпоха в истории проповеди[6]. В литературе уже прозвучали суждения, что «ученая проповедь» этого периода являлась жанром с общекультурным масштабом влияния, что она была инновацией переходной эпохи, призванной решать задачи трансформирующейся культуры, и служила становлению нового культурного сознания[7]. С учетом этого, выявление специфики «школьной» проповеди позволит по-новому посмотреть на ряд аспектов интеллектуальной культуры этого периода.

Данное исследование опирается на делопроизводственную документацию Киево-Могилянской академии и коллегиумов (учебные инструкции, распоряжения, отчеты преподавателей), а также на личные записки и конспекты преподавателей и студентов. Большинство этих источников не опубликованы и впервые вводятся в научный оборот, а другие, хотя и были опубликованы в XIX в., не изучались.

Выбор в качестве объекта исследования «школьной» проповеди именно Киево-Могилянской академии, Черниговского, Харьковского и Переяславского коллегиумов (возникли соответственно в 1615, 1700, 1726, 1738 гг.)[8] обусловлено тем, что на украинских землях благодаря этим учебным заведениям сложился тип проповедника (ученый монах, владеющий инструментарием школьного красноречия и применяющий этот инструментарий для составления проповедей[9]), который стал образцом для проповедников Российской империи. В этих школах училось немало выдающихся церковных ораторов, чья деятельность проходила как в столичных городах, так и в отдаленных уголках Российской империи. Поскольку традиции проповедничества на украинских землях длительное время складывались и развивались в социально-культурных условиях Речи Посполитой[10], внимание будет сосредото-

[6] Матвеев 2009: 49–50.
[7] Кагарлицкий 2000: 249–250.
[8] Историография Киево-Могилянской академии насчитывает сотни работ, назовем некоторые, имеющие значение в связи с темой статьи: Ševčenko 1984; Sysin 1984; Sharipova 2006; Яковенко 2017. О православных коллегиумах см.: Посохова 2016.
[9] Кагарлицкий 2000: 245.
[10] Об особенностях проповедничества в XVII в. см.: Матушек 2013; Яковенко 2017.

чено на названных коллегиумах и Киевской академии. Процесс становления преподавания «школьной» проповеди в Московской славяно-греко-латинской академии и духовных семинариях Российской империи указанного периода требует специального исследования.

На протяжении XVIII века и вплоть до реформы духовных учебных заведений в 1808 г., направленной на профессионализацию духовного образования и унификацию духовных школ, Черниговский, Харьковский, Переяславский коллегиумы[11] и Киевская академия сохраняли своеобразие образовательной модели. Основанная на т.н. «латинской учености», она являлась сплавом западноевропейской и восточнославянской культурных традиций[12]. В академии и коллегиумах были восприняты образовательные традиции и основные методы обучения гуманистических школ Европы, прежде всего – иезуитских коллегиумов. Это нашло отражение в содержании учебных дисциплин и дидактических приемах преподавания. Ориентация на программу «Ratio Studiorum» (не декларируемая, а фактическая) стала важной характеристикой православных коллегиумов, равно как и переплетение образовательных задач с целями религиозно-нравственного воспитания. Безусловно, специфика воспитания и обучения в православных коллегиумах изначально определялась тем, что на восточнославянских землях превалировали традиции и догматы православной церкви. Не менее значимой чертой этих школ был всесословный состав учеников. Для представителей всех сословий, включая духовенство, после обучения сохранялась возможность выхода на светскую службу или продолжения учебы в светском учебном заведении. Эти характеристики отличали коллегиумы от духовных семинарий и академий Российской империи в течение всего XVIII века.

Учебный курс Киево-Могилянской академии, Черниговского, Харьковского, Переяславского коллегиумов включал четыре грамматических класса, а также классы поэтики, риторики, философии и богословия. Все вопросы, связанные с проповедью, изучались в курсах риторики и богословия, которые в этот период в данных учебных заведениях не ставили цели сообщать новые знания[13]. Историки культуры, литературы, философии, не занимаясь «школьными» вопросами специально, не учитывают состояние учебного заведения, наличие учебного курса в программе, учебных книг, возраст слушателей и т.п. Более обоснованным выглядит стремление начать разговор о типах проповеди: придворной, семинарской и приходской[14]. С этих позиций представляется возможным выявить характерные черты каждого из типов предики, учесть разные сценарии их становления и последующие траектории развития.

Вопросы, относящиеся к проповеди и ее видам в интересующих нас учебных заведениях, появлялись в курсе риторики, который можно

[11] В документации Синода коллегиумы нередко именовались «академиями».
[12] Посохова 2016: 435–436.
[13] Суториус 2018: 7; Ткачук 2002: 65.
[14] Kislova 2014: 177.

назвать концентрированным выражением сущности гуманистической школы. Известно, что в XVII–XVIII вв. риторичность характеризовала и философский, и религиозный, и политический дискурсы, все мышление было подчинено риторическим схемам и моделям[15]. Выявляя особенности «школьной проповеди», следует помнить, что курс риторики в гуманистических школах выполнял прежде всего задачи знакомства учеников с классическими языками, развития их личных качеств и умственных способностей. В рамках курса владение латинским языком должно было подняться на такой уровень, чтобы ученик мог самостоятельно сочинять тексты и речи. Ученики упражнялись в составлении речей, приветствий, панегириков, писем, ориентируясь на образцы, предложенные в пособиях. Общая риторика трактовала приемы изобретения ораторских доказательств на примерах различных историй, притч, сентенций. Так составлялись риторики киевских и других коллегиумов[16]. В рамках курса речь шла и о гомилетических правилах, способах составления проповедей. Вслед за Н.И. Петровым многие исследователи обращались к киевскому рукописному курсу риторики 1688 г. под названием «Orator», в котором много внимания уделялось проповеди, ее родам и способам подготовки[17]. Однако в первой половине XVIII в. этот раздел присутствовал далеко не во всех рукописных риториках. Среди дошедших до нас практических упражнений учащихся этого класса академии и коллегиумов первой половины XVIII в. церковная проповедь почти не встречается. Примечательно распоряжение киевского митрополита Рафаила Заборовского от 2 июня 1734 г., в котором светским студентам запрещалось говорить проповеди[18]. Учитывая социальный состав студентов, понятно[19], что небольшое число учеников составляло проповеди[20].

Во второй половине XVIII в. в этих школах на смену рукописным курсам пришли печатные учебные пособия по риторике: «Основы риторики» Иоганна Фридриха Бургия (Burg Johann Friedrich), руководства Габриэля Франсуа Лежая (Gabriel François Lejay), Михаила Ломоносова, Феоктиста Мочульского, которые также специально не ориентировали учащихся на составление проповедей. Эти учебные книги отражают изменения в подходах к преподаванию риторики, которое приобретает все большую прагматическую направленность[21], что было обусловлено необходимостью научить выступать на собраниях и писать письма знат-

[15] Живов 1996: 63; Сазонова 1991: 30; Лахманн 2001: 16–17.
[16] Стратий, Литвинов., Андрушко 1982: 6; Посохова 2016: 139–149.
[17] Петров 1866: 93–94.
[18] Вишневский 1902: 256
[19] О социальном составе учащихся см.: Яременко 2014; Посохова 2016.
[20] Так, в отчете о занятиях в классе риторики Киево-Могилянской академии в 1758–1759 учебном году составление проповеди не значится. – Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии. Т. 2. 1905: 328–329.
[21] Во второй половине XVIII в. произошли существенные изменения статуса, направленности и содержательного наполнения как курса риторики, так и других дисциплин, изучавшихся в коллегиумах. Подробнее см.: Посохова 2010.

ным людям[22]. Новые пособия обозначили отход от представлений о риторике, господствовавших в гуманистической школе, и фактически становились учебниками для возникавших гимназий, где риторике придавалось значение одной из многих дисциплин гимназической программы.

Тем не менее во второй половине XVIII в. в отчетах преподавателей риторического класса академии и коллегиумов с большей регулярностью встречаем сообщения о занятиях с учащимися по созданию коротких проповедей[23]. Составление проповедей в качестве обязательного элемента в обучении студентов академии и коллегиумов появлялось только на этапе высшего, богословского класса. В инструкции киевского митрополита Тимофея Щербацкого 1752 г. для Киево-Могилянской академии говорилось, что студенты класса философии не умеют составить предики, поскольку еще не учились этого делать[24]. Очень непросто ответить на вопрос о том, с какого учебного года в богословском классе начали систематически обучать приемам составления проповеди. Документация академии и коллегиумов свидетельствует, что в 1750-е гг. эта проблема постоянно обсуждалась и принимались решения, направленные на регламентацию порядка преподавания и практических занятий со студентами по составлению проповеди. Если в 1751 г. в проекте, ориентированном на повышение уровня обучения в Киево-Могилянской академии, архидиакон Манассия Максимович с тревогой отмечал, что кандидаты на должности священников не умеют сложить предику, то в инструкции митрополита Тимофея Щербацкого 1752 г. уже зафиксирована обязательность подготовки ежемесячной проповеди и выступления в классе для тех студентов, кто желает получить священнический сан[25]. Безусловно, студенты приобретали такие навыки и ранее. Не случайно в первой половине XVIII в. студентов академии и коллегиумов охотно приглашали на должности проповедников. Например, в 1738 г. студентов-богословов Киево-Могилянской академии Синод приглашал в проповедники Петропавловского, Троицкого и Исаакиевского соборов Петербурга[26], в 1741 г. проповедником Московского Успенского собора стал студент Харьковского коллегиума Евстафий Могилянский (с аттестацией «проповеди сказывать достаточен»). Среди придворных проповедников были учителя академии и коллегиумов[27].

Систематическое обучение проповеди на надлежащем уровне напрямую было связано с утверждением в изучаемых учебных заведениях богословского класса[28]. Безусловно, проповедники в Российской империи выходили из стен и других академий, прежде всего Московской славяно-греко-латинской. В 1760-е гг. в Российской империи бо-

[22] Феоктист (Мочульский) 1789: 5.
[23] ЦДІАУК. Ф. 1973. Оп. 1. Спр. 1265. Арк. 7зв.
[24] Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии. Т. 2. 1905: 83.
[25] Там же: 44, 88.
[26] Там же: 445–446.
[27] Барсов 1874: 260, 263–266.
[28] Посохова 2016: 211–217.

гословие преподавали всего в восьми учебных заведениях (в т.ч. в Киевской академии и Харьковском коллегиуме), и дело сдвинулось только после того как в 1786 г. были установлены «штатные оклады»[29].

История становления и методы преподавания курса богословия в духовных академиях и семинариях в XVIII в. все еще остаются слабо изученными[30]. Наиболее сложным представляется реконструкция приемов обучения составлению проповедей. Помощь могут оказать инструкции для профессоров и студентов, найденные нами личные записки (выписки) студентов, сделанные ими при подготовке проповедей, и сами тексты, а также проповеди преподавателей «учебного» характера.

Составление предики в качестве обязательного учебного занятия в богословском классе зафиксировано в ряде документов. В частности, об этом идет речь в «Инструкции» для Киево-Могилянской академии 1764 г.[31] и «Инструкции» епископа Самуила Мислáвского для Харьковского коллегиума 1769 г. Согласно последнему документу, студенты-богословы должны были составлять и регулярно произносить проповеди, не менее трех раз в год (то же требование записано и в инструкции для академии). Самуил Мислáвский обращал внимание учителей на то, что при проверке проповедей они должны следить за их правильностью с точки зрения веры и исправлять тексты студентов с целью достижения чистоты «российского штиля»[32]. При этом до конца XVIII в. в академии и всех коллегиумах курс богословия продолжали изучать на латыни[33].

В учебных инструкциях содержатся дидактические указания и советы студентам, на какие образцы им нужно ориентироваться при составлении проповедей. Перечень предлагаемых книг выступает важным источником при изучении «школьной» проповеди. После проведенного анализа сокращений, восстановления неполных имен и названий, содержащихся в «Инструкции» Самуила Мислáвского, можно представить список работ, рекомендованных для использования студентам. Первыми названы проповеди Феофана Прокоповича, архимандрита Платона (Левшина), преосвященного Гедеона (Криновского), беседы Иоанна Златоуста, Илии Минятия[34]. Весьма интересна рекомендация епископа при подготовке проповедей обращаться к переведенному на русский язык и популярному в Европе произведению по всемирной истории Жака Боссюэ (Jacques-Benigne Bossuet)[35]. Были рекомендованы несколько книг на французском и немецком языках: труды поэта и драматурга Бернара Жозефа Сорена (Bernard Joseph Saurin), известных проповедников начала XVIII в. Эспри Флешье (Esprit Flechier) и Луи Бурдалу (Louis Bourdaloue), лютеранского богослова Иоанна-Лоренца Мосгейма (Johann Lo-

[29] Знаменский 1881: 450, 757.
[30] Суториус 2018: 7.
[31] Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии. Т. 3. 1906: 82.
[32] Инструкция опубликована в: Лебедев 1886: 60–79.
[33] Посохова 2016: 218–219.
[34] Лебедев 1886: 62.
[35] Боссюэ 1761–1762.

renz Mosheim). Тексты тех авторов будут рекомендовать студентам составители пособий по гомилетике и в первые десятилетия XIX в.[36]

Учебные книги, названные в этой и других инструкциях, специально закупали для библиотек академии и коллегиумов[37]. В ходе переписки между профессором богословия Харьковского коллегиума Лаврентием Кордетом и Самуилом Миславским обсуждались итоги и планы закупки[38]. Многие из этих книг были и в личных собраниях преподавателей, например, у профессора богословия Лаврентия Кордета[39]. Неудивительно, что в воспоминаниях о бывшем учителе Киево-Могилянской академии и Переяславского коллегиума, впоследствии известном киевском проповеднике Иоанне Леванде, Владимир Измайлов писал, что его орации напоминали тексты французских проповедников Жака Боссюэ и Жана-Батиста Массийона (Jean-Baptiste Massillon)[40].

Хотя сохранилось чрезвычайно мало источников личного происхождения, принадлежавших студентам богословского класса, но и эти свидетельства позволяют подтвердить, что студенты делали выписки из рекомендованной им наставниками литературы. Так, в записной книжке ничем не примечательного студента богословия Харьковского коллегиума Г. Булгакова, учившегося в самом начале XIX в., встречаем немало цитат на латыни из разных богословских книг. Выдержки явно подбирались для использования в ходе диспута или подготовки проповеди, чтобы можно было сослаться на авторитетное мнение[41].

При исследовании «школьной» проповеди, технологии ее подготовки, важно присмотреться и к дидактическим советам Самуила Миславского по составлению проповедей. Епископ выдвигал требование, чтобы студенты готовили «учебные» проповеди не на догматические, а прежде всего на моральные темы (о благочестии, искоренении пороков). При этом им не позволялось говорить «укорительные и язвительные речи»[42]. Архиерей запрещал учащимся в проповеди часто цитировать текст Священного Писания, а если цитата все-таки должна была прозвучать, то советовал не называть книгу, раздел, стихотворение, откуда она взята, чтобы «скуки и отвращения слушателям не сделать».

Лучшие студенты произносили проповеди не только в классе, но и в церкви академии (коллегиума) в воскресные и праздничные дни[43]. Студенты Переяславского коллегиума проповедовали и в городском со-

[36] Массийон 1808; Красоты духовного красноречия… 1828.
[37] ЦДІАУК. Ф. 990. Оп. 1. Спр. 848. Арк. 7.
[38] Преосвященный Самуил, епископ Белгородский…: 91.
[39] РГИА. Ф. 796. Оп. 67. Д. 572. Л. 13 об.; ВР ІЛ. Ф. 20. Спр. 13. Арк. 232 зв.
[40] Измайлов 1802: 169.
[41] ВР ЦНБ ХНУ. Зібр. Рукописів. Спр. 177/с 136.
[42] Лебедев 1886: 62–63.
[43] Киево-Могилянская академия с самого начала существования имела статус Киево-Братского училищного монастыря. Харьковский коллегиум в 1729 г. также получил статус Училищного монастыря. Таким образом, ученики и преподаватели изначально имели свой училищный храм. Учащиеся Черниговского и Переяславского коллегиумов посещали службу в церквях, в непосредственной близости от зданий этих школ.

боре, и в домовой архиерейской церкви[44]. В коллегиумах на весь учебный год на весь учебный год составляли расписания проповедей учителей и студентов на воскресные и праздничные дни[45]. Проповеди выступали «мерилом богословской зрелости» студентов, а в одной из академических инструкций подчеркивалось, что по предике можно судить о «плодах всего учения»[46]. Именно поэтому лучшие студенческие проповеди нередко передавали для чтения архипастырям, которые делали в них свои комментарии. На подготовку проповедей должны были влиять и катехизические беседы, появившиеся в академии и коллегиумах в конце XVIII в. Их вел один из преподавателей. Обязательные для студентов богословского класса, они проводились и на латыни, что должно было способствовать умению учащихся работать с текстами выдающихся проповедников, привлекая их для аргументации[47].

По некоторым источникам можно исследовать опыты студенческих проповедей. Сохранился перечень проповедей студентов Харьковского коллегиума 1770–1774 гг., с названиями тем (о значении веры, о недостатках неверия, об усвоении христианских добродетелей, разъяснение истин православия) и их «источников» (Притчи, Книга Премудрости Соломона, Священное Писание). Можно реконструировать технологию их подготовки: студенты сначала показывали тексты профессору, а затем, внеся правку, переписывали их начисто. Студенческие проповеди отличал ярко выраженный «ученый» стиль. Они были построены по риторическим правилам, обязательно включали фразы на латыни, содержали примеры из истории (особенно античной) и были украшены, как тогда говорили, «цветами красноречия»[48]. При внимательном рассмотрении этих текстов, можно увидеть стремление учеников проявить не только свою богословскую зрелость, но и общую эрудицию. Это видно по тому, как составители включали в них сведения из разных наук: физики, астрономии, географии, геометрии, механики. Поскольку в храме коллегиума слушателями были прежде всего учащиеся, проповеди становились не только демонстрацией совершенного овладения студентом-богословом всей учебной программой, но и фактором дополнительного обучения. Такое содержание проповеди, очевидно, было недоступным для понимания слушателей неподготовленных. Иногда можно установить фамилии студентов богословского класса и проследить их дальнейшие успехи. В том же сборнике Харьковского коллегиума имеется проповедь Никона Карпинского, который впоследствии получил степень доктора медицины в Страсбургском университете. Этот и подобные примеры свидетельствуют об обязательности подготовки предики для всех учащихся, а не только выбирающих церковную стезю.

---

[44] Сведения о Переяславско-Полтавской семинарии…: 965.
[45] ЦДІАУК. Ф 990. Оп. 1. Спр. 1446; Ф 1973. Оп. 1. Спр. 2182. Арк 2зв.; Спр. 2188. Арк.2.
[46] Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии. Т. 2. 1905: 83.
[47] Стеллецкий 1895: 528.
[48] Танков 1897: 830–836.

Наряду с особенностями «школьной» проповеди, обусловленными ее дидактическими задачами, можно заметить и отражение общих тенденций развития жанра. Делая выводы о преобладании светской тематики в проповедях того времени, авторы обращали внимание на политические и военные сюжеты (в частности, упоминания о Северной войне)[49]. Проповеди студентов коллегиума позволяют отметить схожие моменты. Светская тематика «школьной» проповеди часто включала информацию о современных научных достижениях и новых фактах. Со второй половины XVIII в. наблюдается стремление руководства академии и коллегиумов к тому, чтобы в учебном процессе нашли отражение достижения науки Нового времени, что проявилось в расширении программы, увеличении количества предметов за счет «реальных» дисциплин (геометрии, истории, географии), новых языков, в переходе к преподаванию рациональной философии Лейбница-Вольфа[50]. Эти особенности в еще большей степени проявились в проповедях учителей академии и коллегиумов, которые являлись своеобразными учебными образцами.

Сохранившиеся тексты проповедей наставников позволяют судить об «идеале» предики второй половины XVIII в. и достойной подражания стратегии ее составления**.** Обязанность учителей читать проповеди появилась не с самого возникновения коллегиумов, но к середине XVIII в. сведения о ней стали регулярными. В 1753 г. указ Киевской духовной консистории уже обязывал ректора академии Георгия Конисского просматривать тексты проповедей учителей[51]. В ряде указов Киевской консистории зафиксирована обязанность преподавателей произносить проповеди в воскресные дни[52]. В деле учителя аналогии Сампсона Виницкого содержатся его признания, что за полгода он выступил с одной проповедью, которую готовил "немалое время"[53]. С начала 1760-х в сведениях о служебной карьере преподавателей начали отмечать, произносил ли преподаватель проповеди[54]. Так, епископ Самуил Мыславский, давая аттестацию профессору Харьковского коллегиума Лаврентию Кордету, подчеркнул, что он не только старательно преподает богословие, но и к проповедничеству «отличныя имеет способности, ревность и прилежность»[55]. Начиная с 1770–1780-х гг. составляли реестры и расписания проповедей (на год или полугодие), которые читали профессора и ученики коллегиумов в воскресные и праздничные дни[56].

Поиски «идеальной» проповеди осуществлялись руководством академии и коллегиумов путем выявления лучших проповедей и призывом ко всем учителям следовать этому примеру. Так, в 1793 г. после

[49] Воскресенский 1891: 33–34; Кузьмин 1974: 174–176.
[50] Посохова 2016: 264–265.
[51] Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии. Т. 2. 1905: 89.
[52] Там же: 262–264.
[53] Там же: 258.
[54] ЦДІАУК. Ф. 990. Оп. 1. Спр. 1101. Арк. 32; Ф. 1973. Оп. 1. Спр. 236. Арк. 1.
[55] Посохова 2013: 113.
[56] ЦДІАУК. Ф. 990. Оп. 1. Спр. 1446; Ф. 1973. Оп. 1. Спр. 2193.

рассмотрения текстов проповедей учителей Харьковского коллегиума белгородский епископ Феоктист Мочульский указал, что преподаватели должны брать пример с Андрея Прокоповича[57]. В 1795 г. за свои проповеди этот профессор получил благодарность от Екатерины II и тогда же впервые было опубликовано его слово[58]. Говоря о проповедях учителей киевский митрополит в 1758 г. подчеркивал, что эти предики должны быть «умеренной долготы» и «слога не высокого, но умеренного»[59].

Как часто преподаватели читали проповеди в академической (коллегиумной) церкви? Имеются сведения о том, что профессор богословия Лаврентий Кордет за пять лет прочитал почти двести проповедей[60]. В одной из его рукописей 109 проповедей расписаны на весь календарный год и приурочены к воскресным, праздничным и торжественным дням[61]. Сборник позволяет, до известной степени, реконструировать «творческую лабораторию» этого интеллектуала. На определенные дни Лаврентий Кордет подбирал темы «слов», к которым подыскивал соответствующие тексты из Священного Писания (и других источников) и продумывал план. В некоторых случаях он подготовил несколько вариантов раскрытия темы и подобрал ряд иллюстративных текстов[62]. Его сохранившиеся бумаги включают как полностью записанные тексты проповедей, так и тезисы. Хотя механизм «производства» церковных ораторских произведений XVIII в. предполагал их фиксацию[63], в данном случае оратор не записал их, что может быть свидетельством зарождения импровизационной проповеди, которая получит развитие в XIX в.

Еще рельефнее особенности «школьной» проповеди заметны при сравнении проповедей одного и того же профессора для академической и неакадемической аудиторий. Сохранились проповеди, которые Лаврентий Кордет произнес в Харьковском коллегиуме, и затем в его бытность настоятелем Курского Знаменского монастыря. «Слова», произнесенные в коллегиуме, отличались гораздо более «ученым» содержанием и большим разнообразием тем[64]. Кроме объяснений событий Ветхого и Нового Завета, они трактовали добродетели и пороки, веру и безверие, Божий промысел и воспитание детей. Такие отличия прослеживаются и в проповедях известного киевского оратора Иоанна Леванды[65], до этого адресовавшего свои слова студентам Киевской академии и Переяславского коллегиума, а также преподавателя Харьковского коллегиума Ан-

[57] ЦДІАУК. Ф. 2009. Оп. 1. Т. 1. Спр. 2545. Арк. 1.
[58] Прокопович 1795.
[59] Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии. Т. 2. 1905: 264.
[60] Танков 1897. № 38: 732.
[61] ОР РНБ. Ф. 359 (Колобов). Д. 51.
[62] Там же. Л. 67об.–68.
[63] Матвеев 2009: 35–36.
[64] Танков 1897: 753. Учебный характер проповедей преподавателей проявлялся и в иных формах. Так, преподаватель Василий Снисарев проповедовал в Харьковском коллегиуме на греческом языке (Романовский 1861: 16). Это делалось для того, чтобы учащиеся улучшили владение этим языком.
[65] Леванда 1821.

дрея Прокоповича, проповедовавшего также для горожан в Успенском соборе[66]. Содержание и форма проповедей, рассчитанных на широкую аудиторию, отличались большей простотой и общедоступностью.

Проповеднические слова преподавателей коллегиумов XVIII в. свидетельствуют о том, как универсальный аппарат школьной риторики становился инструментарием, обеспечивающим гибкость и культурный конформизм. Нередко в проповедь включались элементы анализа и современных автору политических событий. Например, Лаврентий Кордет неоднократно упоминал современные политические события (победы русской армии над турецкими войсками, анализировал преимущества, которые открывал доступ к Черному морю, «польские дела»)[67].

Дидактические советы по составлению проповедей и содержание предик профессоров свидетельствуют о том, что их авторы учитывали и социокультурную ситуацию, и учили этому своих студентов. В течение всего XVIII века на украинских территориях сохранялся тип социума межкультурного пограничья, который требовал от проповедника учета поликонфессиональности окружавшего их мира, и, в связи с этим, овладения адекватными коммуникативными стратегиями, умением лавировать между конфессиональным и политическим[68].

На основе реконструкции порядка и приемов преподавания проповеди в Киево-Могилянской академии, Черниговском, Харьковском, Переяславском коллегиумах в XVIII в. можно утверждать, что возникновение и специфика «школьной» проповеди была обусловлена именно дидактическими задачами. В этих учебных заведениях сложились условия для достаточно ранней «специализации» обучения проповеди. При этом в «школьной» проповеди прослеживаются общие тенденции развития этого жанра, роднящие ее с другими типами проповеди, а также общие признаки влияния науки Нового времени. Во второй половине XVIII в. на высшей ступени обучения, в богословском классе, в котором сосредоточилось специальное теологическое образование, происходит выработка новых подходов к обучению составлению проповеди, поиск соответствующих дидактических форм.

Названные явления позволяют говорить об изменении дисциплинарного статуса гомилетики в общем курсе обучения в православных академиях и коллегиумах, формировании проповеди как особой формы специально-богословского научного дискурса, о выходе на новый уровень профессионализации в процессе подготовки студентов-богословов к будущей проповеднической деятельности[69]. Киево-Могилянская академия, Черниговский, Харьковский и Переяславский коллегиумы являли собой подобие доклассического университета (с богословским фа-

[66] Прокопович 1803.
[67] Танков 1897: 761–764; 776.
[68] Frick 1997:149; Кагарлицкий 2000: 244–245; Корзо 2009: 81.
[69] Не случайно в «Инструкции» 1769 года Самуил Миславский назвал богословский класс «богословским факультетом». – Лебедев 1886: 63.

культетом). К слову, во второй половине XVIII в. предложения преобразовать эти учебные заведения в полноценный университет неоднократно звучали, в т.ч. это были и разнообразные «местные» проекты[70].

В начале XIX в. в ходе создания системы образования в Российской империи эти учебные заведения были превращены в сословно-профессиональные уч-реждения, в которых получали образование будущие священнослужители. Именно с духовными академиями Российской империи XIX в. связывают зрелые формы специально-богословского научного дискурса и формирование ряда специализированных дискурсивных практик. При этом эволюция «школьной» проповеди в стенах Киево-Могилянской академии, Черниговского, Харьковского и Переяславского коллегиумов во второй половине XVIII века стала важной вехой на пути выработки технологии достаточно массовой подготовки проповедников уже в XIX в.

АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Відділ книжкових пам'яток, цінних видань і рукописів Центральної наукової бібліотеки Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна (ВР ЦНБ ХНУ). Зібр. Рукописів. Спр. 177/с 136.

Відділ рукописних фондів і текстології Інституту літератури ім. Т.Г. Шевченка Національної академії наук України (ВР ІЛ). Ф. 20. Спр. 13.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 359 (Колобов). Д. 51.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 67. Д. 572.

Центральний державний історичний архів України, м. Київ (ЦДІАУК). Ф. 1973. Оп. 1. Спр. 236; Спр. 1265; Спр. 2182; Спр. 2188; Спр. 2193.

ЦДІАУК. Ф. 990. Оп. 1. Спр. 848; Спр. 1101; Спр. 1446.

ЦДІАУК. Ф. 2009. Оп. 1. Т. 1. Спр. 2545.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Акты и документы, относящиеся к истории Киевской академии. Отделение II (1721–1795). Т. 2 (1751–1762 гг.); Т. 3. Царствование Екатерины II (1762–1796 гг.). Киев: Тип. И.И. Чоколова, 1905-1906. 533+574 с. [Akty i dokumenty, otnosiashchiesia k istorii Kievskoi akademii, otd. II (1721–1795). T. 2 (1751–1762 gg.); T. 3. Tsarstvovanie Ekateriny II (1762–1796 gg.). Kiev: Tip. I.I. Chokolova, 1905-1906. 533+574 s.]

Барсов Н. Малоизвестные русские проповедники XVIII столетия: Материалы для истории русского проповедничества // Христианское чтение. 1874. № 2. С. 247–286. [Barsov N. Maloizvestnye russkie propovedniki XVIII stoletiia: Materialy dlia istorii russkogo propovednichestva // Khristianskoe chtenie. 1874. № 2. S. 247–286.]

Боссюэ Ж.Б. Иакова Бенигна Боссюэта Разговор о всеобщей истории. Т. 1. М: Печ. при Имп. Моск. ун-те, 1761–1762. Ч. 1–3. [Bossiue Zh.B. Iakova Benigna Bossiueta Razgovor o vseobshchei istorii. T. 1. M.: Pech. pri Imp. Mosk. un-te, 1761–1762. Ch. 1–3.]

Броджі Беркофф Д. Барокова гомілетика у східнослов'янському культурному просторі // Contributi italiani al XIV congresso internazionale degli Slavisti. Firenze, 2008. P. 179–200. [Brodzhi Berkoff D. Barokova gomiletyka u shidnoslov'jans'komu kul'turnomu prostori // Contributi italiani al XIV congresso internazionale degli Slavisti. Firenze, 2008. P. 179–200].

Вишневский Д. Киевская академия в первой половине XVIII ст. // Труды Киевской духовной академии. 1902. № 10. С. 208–257 [Vishnevskii D. Kievskaia akademiia v pervoi polovine XVIII stoletiia // Trudy Kievskoi dukhovnoi akademii. 1902. № 10. S. 208–257].

Воскресенский Г.А. Придворная и академическая проповедь в России полтораста лет назад // Душеполезное чтение. 1891. № 1. С. 18–35 [Voskresenskij G.A. Pridvornaja i akademicheskaja propoved' v Rossii poltorasta let nazad // Dushepoleznoe chtenie. 1891. № 1. S. 18–35].

[Массийон Ж.Б.]. Дух Массильйона, епископа клермонскаго, или Мысли избранныя из его творений, о различных предметах нравственности и благочестия. М.: В Сино-

[70] Посохова 2010: 110–111; Яременко 2014: 213-221.

дальной тип., 1808. 291 с. [Massiion Zh. B.]. Dukh Massil'iona, episkopa klermonskago, ili Mysli izbrannyia iz ego tvorenii, o razlichnykh predmetakh nravstvennosti i blagochestiia. Moskva: V Sinodal'noi tipografii, 1808. 291 s.]

Знаменский П. Духовные школы в России до реформы 1808 года. Казань: Тип. имп. ун–та, 1881. 806 с. [Znamenskii P. Dukhovnye shkoly v Rossii do reformy 1808 goda. Kazan': Tip. imp. un–ta, 1881. 806 s.]

Зубов В.Н. Русские проповедники. Очерки по истории русской проповеди. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 232 с. [Zubov V.N. Russkie propovedniki. Ocherki po istorii russkoi propovedi. Moskva: Editorial URSS, 2001. 232 s.]

Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. М.: Языки русской культуры, 1996. 591 с. [Zhivov V.M. Iazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka. M.: Iazyki russkoi kul'tury, 1996. 591 s.]

Измайлов В. Путешествие в полуденную Россию. В письмах, изданных Владимиром Измайловым. Москва: Унив. тип., 1802. 442 с. [Izmailov V. Puteshestvie v poludennuiu Rossiiu. V pis'makh, izdannykh Vladimirom Izmailovym. Moskva: Univ. tip., 1802. 442 s.]

Ісіченко І. Риторика й барокове проповідництво у шкільній культурі Києва XVII ст. // Київська Академія. 2006. № 2–3. С. 32–39. [Isichenko I. Rytoryka j barokove propovidnyctvo u shkil'nij kul'turi Kyjeva XVII st. // Kyi'vs'ka Akademija. 2006. № 2–3. S. 32–39.]

Кагарлицкий Ю.В. Проповедь как источник по истории русской словесной и интеллектуальной культуры XVIII в. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. Москва, 2000. С. 243–258. [Kagarlitskii Iu.V. Propoved' kak istochnik po istorii russkoi slovesnoi i intellektual'noi kul'tury XVIII v. // Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriia russkogo iazyka. Moskva, 2000. S. 243–258.]

Корзо М.А. Внешняя традиция как источник вдохновения. К вопросу об авторстве киевских и московских православных текстов XVII в. Два примера // Studi Slavistici. 2009. No. 6. P. 59–84. [Korzo M.A. Vneshniaia traditsiia kak istochnik vdokhnoveniia. K voprosu ob avtorstve kievskikh i moskovskikh pravoslavnykh tekstov XVII v. Dva primera // Studi Slavistici. 2009. No. 6. P. 59–84].

Корзо М.А. Образ человека в проповеди XVII века. Москва: ИФРАН, 1999. 186 с. [Korzo M.A. Obraz cheloveka v propovedi XVII veka. Moskva: IFRAN, 1999. 186 s.]

Красоты духовного красноречия, почерпнутые из Боссюэта, Фенелона, Массильона, Бурдалу, Флешье, Бове и других знаменитых проповедников, переведенные под руководством Сергея Глинки А. Аматовым, М.: тип. Августа Семена, 1828. 204 с. [Krasoty dukhovnogo krasnorechiia, pocherpnutye iz Bossiueta, Fenelona, Massil'ona, Burdalu, Flesh'e, Bove i drugikh znamenitykh propovednikov, perevedennye pod rukovodstvom Sergeia Glinki A. Amatovym, Moskva: tip. Avgusta Semena, 1828. 204 s.]

Кузьмин А.И. Военная тема в литературе петровского времени // XVIII век. Сб. 9: Проблемы литературного развития России в первой трети XVIII века. Л., 1974. С. 168–183. [Kuz'min A.I. Voennaia tema v literature petrovskogo vremeni // XVIII vek. Sb. 9: Problemy literaturnogo razvitiia Rossii v pervoi treti XVIII veka. L., 1974. S. 168–183].

Лахманн Р. Демонтаж красноречия. Риторическая традиция и понятие поэтического. СПб.: Академ. проект, 2001. 368 с. [Lakhmann R. Demontazh krasnorechiia. Ritoricheskaia traditsiia i poniatie poeticheskogo. SPb.: Akadem. proekt, 2001. 368 s.]

Лебедев А.С. Харьковский коллегиум как просветительский центр Слободской Украины до учреждения в Харькове университета. М.: Университет. тип, 1886. 103 с. [Lebedev A.S. Khar'kovskii kollegium kak prosvetitel'skii tsentr Slobodskoi Ukrainy do uchrezhdeniia v Khar'kove universiteta. Moskva: Universitet. tip, 1886. 103 s.]

Леванда И.В. Слова и речи Иоанна Леванды, протоиерея Киево-Софийского собора. Ч. 1. СПб.: Тип. Имп. Театров, 1821. 334 с. [Levanda I.V. Slova i rechi Ioanna Levandy, protoiereia Kievo-Sofiiskogo sobora. Ch. 1. SPb.: Tip. Imp. Teatrov, 1821. 334 s.]

Маслюк В.П. Латиномовні поетики і риторики XVII – першої половини XVIII ст. та їх роль у розвитку теорії літератури на Україні. Київ: Наук. думка, 1983. 234 с. [Masljuk V.P. Latynomovni poetyky i rytoryky XVII – pershoi' polovyny XVIII st. ta i'h rol' u rozvytku teorii' literatury na Ukrai'ni. Kyi'v: Nauk. dumka, 1983. 234 s.]

Матвеев Е.М. Русская ораторская проза середины XVIII века (Панегирик в светской и духовной литературе. СПб.: СПбГУ, 2009. 138 с. [Matveev E.M. Russkaia oratorskaia proza serediny XVIII v. (Panegirik v svetskoi i dukhovnoi literature. SPb.: SPbGU, 2009. 138 s.]

Матушек О.Ю. Проповіді Лазаря Барановича в дискурсі українського Бароко. Харків: Майдан, 2013. 359 с. [Matushek O.Ju. Propovidi Lazarja Baranovycha v dyskursi ukrai'n-s'kogo Baroko. Harkiv: Majdan, 2013. 359 s.]

Петров Н.И. Из истории гомилетики в старой Киевской Академии // Труды Киевской духовной академии. 1866. № 1. С. 86–124. [Petrov N.I. Iz istorii gomiletiki v staroi Kievskoi Akademii // Trudy Kievskoi dukhovnoi akademii. 1866. № 1. S. 86–124.]

Посохова Л.Ю. Православные коллегиумы на пересечении культур, традиций, эпох (конец XVII – начало XIX в.). М., 2016. [Posokhova L.Iu. Pravoslavnye kollegiumy na peresechenii kul'tur, traditsii, epokh (konets XVII – nachalo XIX v.). Moscow, 2016, 550 p.]

Посохова Л.Ю. Православные коллегиумы Российской империи (вторая половина XVIII – начало XIX вв.): между традициями и новациями // Ab Imperio. 2010. № 3. С. 85–112. [Posokhova L.Iu. Pravoslavnye kollegiumy Rossiiskoi imperii (vtoraia polovina XVIII – nachalo XIX vv.): mezhdu traditsiiami i novatsiiami // Ab Imperio. 2010. № 3. S. 85–112].

Посохова Л.Ю. Речі та час ректора Харківського колегіуму Лаврентія Кордета // Київська Академія. 2013. № 11. С. 109–136. [Posohova L.Ju. Rechi ta chas rektora Harkivs'kogo kolegiumu Lavrentija Kordeta // Kyi'vs'ka Akademija. 2013. № 11. S. 109–136].

Преосвященный Самуил, епископ Белгородский. Его письма к архимандриту Лаврентию (1770–1774) // Курские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1888. № 5. С. 90–100 [Preosviashchennyi Samuil, episkop Belgorodskii. Ego pis'ma k arkhimandritu Lavrentiiu (1770–1774) // Kurskie eparkhial'nye vedomosti. Chast' neofitsial'naia. 1888. № 5. S. 90–100].

Прокопович А.С. Поучительные слова. М.: Синод. тип., 1803. 457 с. [Prokopovich A.S. Pouchitel'nye slova. Moskva: Sinod. tip., 1803. 457 s.]

Прокопович А.С. Слово на день коронования ее императорского величества благочестивейшия великия государыни императрицы Екатерины Вторыя. СПб.: В тип. Святейшего Синода, 1795. 12 с. [Prokopovich A.S. Slovo na den' koronovanija ee imperatorskogo velichestva blagochestivejshija velikija gosudaryni imperatricy Ekateriny Vtoryja. Sankt-Peterburg: V tip. Svjatejshego Sinoda, 1795. 12 s.]

Романовский Н. Протоиерей Василий Иоаннович Снисарев // Странник. 1861. Т. 1. № 1. С. 11–34 [Romanovskii N. Protoierei Vasilii Ioannovich Snisarev // Strannik. 1861. T. 1. № 1. S. 11–34].

Сазонова Л.И. Поэзия русского барокко. М.: Наука, 1991. 261 с. [Sazonova L.I. Poeziia russ-kogo barokko. Moskva: Nauka, 1991. 261 s.]

Самарин Ю.Ф. Стефан Яворский и Феофан Прокопович как проповедники. М.: Унив. тип., 1844. 230 с. [Samarin Iu.F. Stefan Iavorskii i Feofan Prokopovich kak propovedniki. Moskva: Univ. tip., 1844. 230 s.]

Сведения о Переяславско-Полтавской семинарии за время от 1798 по 1818 г., извлеченные из дел архива Полтавской духовной консистории // Полтавские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1887. № 24. С. 949–970 [Svedeniia o Pereiaslavsko-Poltavskoi seminarii ot 1798 po 1818 g., izvlechennye iz del arkhiva Poltavskoi dukhovnoi konsistorii // Poltavskie eparkhial'nye vedomosti. Chast' neofitsial'naia. 1887. № 24. S. 949–970].

Стеллецкий Н. Харьковский коллегиум до преобразования его в 1817 году // Вера и Разум. 1895. Т. 1. Ч. 2. С. 507–536. [Stelletskii N. Khar'kovskii kollegium do preobrazovania ego v 1817 godu // Vera i Razum. 1895. T. 1. Ch. 2. S. 507–536].

Стратий Я.М., Литвинов В.Д., Андрушко В.А. Описание курсов философии и риторики профессоров Киево-Могилянской академии. Киев: Наук. думка, 1982. 346 с. [Stratii Ia.M., Litvinov V.D., Andrushko V.A. Opisanie kursov filosofii i ritoriki professorov Kievo-Mogilianskoi akademii. Kiev: Nauk. dumka, 1982. 346 s.]

Суториус К.В. Нравственное богословие в Киево-Могилянской академии по материалам рукописных источников // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 1. С. 5–28 [Sutorius K.V. Nravstvennoe bogoslovie v Kievo-Mogilianskoi akademii po materialam rukopisnykh istochnikov. Vestnik of Saint-Petersburg University. History, 2018, iss. 1, pp. 5–28].

Танков А. Проповедное слово в Белгородской епархии в XVIII веке // Курские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1897. № 38. С. 732-736; № 39. С. 753-764; № 40. С. 776-784; № 42. С. 830-838. [Tankov A. Propovednoe slovo v Belgorodskoj eparhii v XVIII veke // Kurskie eparhial'nye vedomosti. Chast' neoficial'naja. 1897. № 38. S. 732-736; № 39. S. 753-764; № 40. S. 776-784; № 42. S. 830-838].

Терновский Ф.А. Южно-русское проповедничество XVI и XVII вв. (По латино-польским образцам). Киев: тип. И.А. Давиденко, 1869. 80 с. [Ternovskii F.A. Iuzhno-russkoe propovednichestvo XVI i XVII vv. (Po latino-pol'skim obraztsam). Kiev, 1869. 80 s.]

Ткачук М. Філософські курси Києво-Могилянської академії в контексті європейського схоластичного дискурсу // Релігійно-філософська думка в Києво-Могилянській академії: Європейський контекст. Київ: КМ Академія, 2002. С. 39–66 [Tkachuk M. Filosofs'ki kursy Kyjevo-Mogyljans'koi' akademii' v konteksti jevropejs'kogo sholastychnogo dyskursu // Religijno-filosofs'ka dumka v Kyjevo-Mogyljans'kij akademii': Jevropejs'kyj kontekst. Kyi'v: KM Akademija, 2002. S. 39–66].

Федотова М.А. Украинские проповеди Димитрия Ростовского (1670–1700 гг.) и их рукописная традиция // Труды Отдела древнерусской литературы. 2001. Т. 52. С. 409–431. [Fedotova M.A. Ukrainskie propovedi Dimitriia Rostovskogo (1670–1700 gg.) i ikh rukopisnaia traditsiia // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. 2001. T. 52. S. 409–431.]

Феоктист (Мочульский). Логика и риторика для дворян. М., 1789. 70 с. [Feoktist (Mochul'skii). Logika i ritorika dlia dvorian. Moskva: [Tip. Ponomareva], 1789. 70 s.]

Яковенко Н. У пошуках Нового неба: Життя і тексти Йоаникія Ґалятовського. Київ: Критика, Laurus, 2017. 704 с. [Jakovenko N. U poshukah Novogo neba: Zhyttja i teksty Joanykija G'aljatovs'kogo. Kyi'v: Krytyka, Laurus, 2017. 704 p.]

Яременко М. «Академіки» та Академія. Соціальна історія освіти й освіченості в Україні XVIII ст. Харків: Акта, 2014. 534 с. [Iaremenko M. "Akademiky" ta Akademiia. Sotsial'na istoriia osvity i osvichenosti v Ukraini XVIII st. Kharkiv, Akta, 2014, 534 s.]

Frick D.A. Misrepresentations, misunderstandings, and silences (Problems of seventeenth-century Ruthenian and Muscovite cultural history) // Religion and Culture in Early Modern Russia and Ukraine. DeKalb (Illinois), 1997. P. 149–168.

Kislova E. Sermons and Sermonizing in 18th-Century Russia: At Court and Beyond // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies. 2014. Vol. 3. No 2. P. 175–193.

Papmehl K.A. Metropolitan Platon of Moscow (Petr Levshin, 1737–1812): The Enlightened Prelate, Scholar and Educator. Newtonville (Mass.): Oriental Research Partners, 1983. 143 p.

Shevelov G.Y. Two Orthodox Ukrainian Churchmen of the early eighteenth century: Teofan Prokopovych and Stefan Iavors'kyi. Cambridge, Massachusetts: Harvard University, Ukrainian studies fund, 1985. 62 p.

Ševčenko I. The many worlds of Peter Mohyla // Harvard Ukrainian Studies. The Kiev Mohyla Academy. 1984. Vol. 8. No. 1/2. P. 9–44.

Sysin F. Peter Mohyla and the Kiev Academy in Recent Western Works: Divirgent view on seventeenth century Ukrainian culture // Harvard Ukrainian Studies. The Kiev Mohyla Academy. 1984. Vol. 8. No. 1/2. P. 155–187.

Sharipova L. Latin Books and the Eastern Orthodox Clerical Elite in Kiev, 1632–1780. Manchester: Manchester University Press, 2006. 259 p.

Wirtschafter E.K. Religion and Enlightenment in Catherinian Russia. DeKalb (Ill.): Northern Illinois University Press, 2013. 193 p.

***Людмила Юрьевна Посохова**, доктор исторических наук, профессор, Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина (Украина); lposokhova@karazin.ua*

The art of preaching: teaching practices at the Kiev-Mohyla Academy and Orthodox colleges in the second half of the 18th century

The article is devoted to the study of the place of preaching in the educational process at the Kiev-Mohyla Academy, Chernihiv, Kharkov and Pereyaslav colleges in the second half of the 18th century. The author sets the task to analyze the "school" sermon as a phenomenon, to reconstruct the content and teaching methods of sermonizing. The author concludes that the specifics of the "school" sermon is caused by its didactic character. A striking feature of the "school" sermon at the Kiev-Mohyla Academy and Orthodox colleges during this period was the presence of the influence of modern science in it. The development of the "school" sermon was an important milestone on the way to developing a methodology for the "mass" training of preachers in the Russian Empire.

Keywords: sermon, homiletics, theology, spiritual education, 18th-century Russian Empire, Kiev-Mohyla Academy, Orthodox colleges

***Posokhova Liudmyla Yuriivna,** Dr. Sc. (History), Professor, V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine; lposokhova@karazin.ua*

Ангелина Вачева

ИЗДАНИЕ ПЕРЕПИСКИ В. ЖАМРЕ-ДЮВАЛЯ С А. СОКОЛОВОЙ КАК ПРИМЕР ПРОПАГАНДИСТСКОЙ ПОЛИТИКИ ЕКАТЕРИНЫ II

В статье рассматриваются обстоятельства и контекст выхода в свет переписки (1762–1774) французского философа, выходца из крестьян, Валентина Жамре-Дюваля и камер-юнгферы русского двора Анастасии Соколовой (Де Рибас). Издание писем, ставших смысловым центром двухтомника сочинений Дюваля, было осуществлено в 1784 г. в Страсбурге под редакцией известного дипломата Ф.-А. (Ф.И.) Коха и предназначалось западноевропейскому читателю. В корреспонденции создается позитивный и даже идеализированный образ России, который отвечал новым тенденциям в интерпретации русской темы в трудах философов Просвещения и академических курсах германских университетов. Обстоятельства, сопровождавшие выход в свет двухтомника, позволяют видеть в его издании реализацию сложного политического проекта, имеющего целью рекламировать достижения правления Екатерины II перед западноевропейской аудиторией, а также подготовить общественное мнение Европы к новым планам императрицы в области внешней политики.

Ключевые слова: *Екатерина II, Валентин Жамре Дюваль, Анастасия Соколова-Де Рибас, Ф.-А. Кох, Россия, переписка, публикация, политический проект, пропаганда*

В начале 1780-х гг. Екатерина II предприняла комплекс реформ, направленный на создание нового, более современного и «человечного» образа монархической власти в России и на пропаганду позитивного имиджа Российской империи в целом. Усилия императрицы реализовались не только в законодательстве и собственном литературном творчестве, но также в замысле, подготовке и спонсировании ряда проектов, должных поддержать уже утвердившийся в сочинениях европейских интеллектуалов позитивный образ просвещенной государыни и руководимой ею страны. В настоящей статье речь пойдет именно о таком проекте, тщательно продуманном императрицей и ее сотрудниками и блестяще осуществленном – издании в 1784 г. переписки французского философа-автодидакта на австрийской службе Валентина Жамре-Дюваля (1695–1775) и камер-юнгферы петербургского двора Анастасии Ивановны Соколовой (1741–1822), впоследствии г-жи Де Рибас[1].

[1] Duval 1784. Переписка была переиздана с некоторыми сокращениями уже в виде трехтомника в Лондоне в 1785 г., а в 1792 г. вышел ее перевод на немецкий язык. В 1916 г. в журнале «Старые годы» С.Н. Казнаков опубликовал только письма Соколовой в оригинале на французском языке и с дополнительными купюрами. В 2019 г. письма обоих корреспондентов были опубликованы Андре Курбе на основе издания 1784 г. в 3-м томе общей корреспонденции Дюваля (Jameray-Duval 2019). В данный момент готовится новое издание переписки на основе издания 1784 г. и подлинников писем Дюваля, хранящихся в РГАДА, под редакцией Ханса-Юргена Люзебринка и Ангелины Вачевой при поддержке фонда Gerda Henkel Stiftung. Переписка была хорошо известна и в России. Об этом свидетельствует ее наличие в частных библиотеках. Установлено, что в библиотеке А.С. Пушкина было лондонское издание (Гречаная 2010: 123). Письма обоих корреспондентов читались при русском и при австрийском дворах, о них знали в обществе (Массон 1996: 86-87).

Единственный интеллектуал, который когда-либо занимал российский трон[2], Екатерина II понимала значение того влияния на формирование общественного мнения, которое могло бы иметь отношение к ее правлению не только державных глав и громких имен европейского философического Олимпа, но и гораздо более скромных личностей. Сама императрица очень дорожила возможностями, которые предоставляла личная «дружеская» переписка с г-жой Бьелке, с г-жой Жоффрен и пр. Она сильно рассчитывала на эффект личного послания даже в переписке с более именитыми людьми. Александр Строев обратил внимание на то, что императрица оставляла без внимания настойчивые просьбы Вольтера пользоваться дипломатическими каналами и продолжала посылать знаменитому корреспонденту письма обычной почтой, рассчитывая… на полицейскую слежку и перлюстрацию со стороны враждебно настроенного французского правительства в целях распространения угодных ее политике интерпретаций событий[3].

В XVIII в. переписка ускользала от привычного для нас деления на приватную и предназначенную для публики[4]. Это особенно касается корреспонденции не только владетельных особ, но вообще известных людей. Конечно, власть предержащие и люди из их окружения, какими были наши герои, неизменно привлекали пристальное внимание аудитории. Публичное чтение, даже переписывание текстов писем известных личностей для себя и для знакомых было распространенной практикой. Причину следует искать в поисках аутентичности[5] и в желании соприкоснуться с другим, далеким и часто недоступным миром.

В начале 1780-х Екатерина II продолжила на новом этапе начавшееся еще в 1770-х гг. ознакомление западноевропейской аудитории с достижениями своей страны. Помимо переводов основных документов своих реформаторских инициатив – «Наказа», Уставов Смольного и Воспитательного дома, осуществленных в 1770-е гг., императрица инициирует переводы произведений русских авторов[6], пишет о них своим корреспондентам, на них публикуются рецензии в престижных изданиях и пр. Заодно императрица стремилась подготовить общественное мнение Европы к восприятию ее новых внешнеполитических проектов.

Решение подготовить и спонсировать издание переписки скромного хранителя нумизматического кабинета австрийского императора с камер-юнгферой русской императрицы было частью этого предприятия. Корреспонденция (1762–1774) В. Жамре-Дюваля и А. Соколовой до сих пор является малоизученным источником по российской культурной истории и связям России и Западной Европы. Она лишь в по-

[2] Данное определение дал Екатерине II Дж. Гуч (Gooch 1966: 72).
[3] Voltaire-Catherine II 2006: 19.
[4] См.: Rubin-Detlev 2019: 17.
[5] Это проявляется также в интересе к автобиографии и мемуарам в целом, особенно к таким, которые в заглавии подтверждали авторство известного человека.
[6] См. Stroev 2019.

следние годы стала постепенно входить в поле зрения исследователей. Оригиналы до недавнего времени считались потерянными навсегда, но недавно мне удалось обнаружить в фондах РГАДА том с переплетенными письмами Дюваля, среди которых оказалось 8 неопубликованных, адресованные Анастасии Соколовой. В итоге корпус корреспонденции восходит к 134-м письмам, вместо 126-ти в издании 1784 года. Надо отметить, что при публикации не только производились купюры и делались перестановки отдельных фрагментов текста. Своеобразная цензура имела место и позже, когда уже из переплетенного сборника были изъяты листы бумаги[7]. Я неоднократно останавливалась в серии своих статей на содержании и истории переписки, поэтому позволю себе лишь вкратце напомнить основные положения.

В переписке Жамре-Дюваля и Соколовой выстраивается позитивный образ Российской империи и ее повелительницы. Набор обсуждаемых тем в целом повторяет типичные сюжеты интереса западноевропейцев к России. В письмах оба корреспондента касаются практически всех важных событий и аспектов природы и природных ресурсов, географической протяженности и многообразия, древней и более близкой истории (на основании нумизматических знаний старого хранителя), религиозной жизни и проблемы терпимости. Однако в центре внимания – современная российская внутренняя и внешняя политика (одна из важнейших тем – русско-турецкая война 1768–1774 гг.), законодательные инициативы Екатерины II («Наказ», Законодательная комиссия, процесс над Салтычихой), ее путешествие по Волге, достижения в культурной и научной жизни, здравоохранении и сфере образования и пр.[8] Дюваль вступает в переписку с Анастасией Соколовой не только вследствие очарования ее красотой и непосредственностью, тоже не слишком хорошо вписывающимися в строгие придворные ритуалы[9]. Для него эта переписка была возможностью поближе познакомиться с жизнью страны, которая давно вызывала его интерес, и о которой он читал все, что печаталось в доступных ему франкоязычных изданиях.

Двухтомник сочинений Жамре-Дюваля, куда вошла переписка философа с А. Соколовой, был опубликован под редакцией русского дипломата Фридриха-Альберта (Фредерика-Альбера, Федора Ивановича)

[7] В нескольких местах видны остатки вырванных листов. Это были, скорее всего, поздние письма, особенно 1772–1773 гг. Все оставшиеся архивные материалы соответствуют опубликованным письмам, т.е. изымались неопубликованные. По всей вероятности, они могли быть связаны с пугачевщиной. Оригиналы писем Соколовой до сих пор не обнаружены, вероятно, они действительно потеряны или уничтожены.

[8] О различных темах в переписке см.: Вачева 2017, 2018a, 2018b, 2018c.

[9] Следует отметить красоту, крайнюю живость Анастасии, вошедшую в пословицу, способность говорить правду в глаза, которой она хвастает и пр. Первоначально Дюваля привлекает и легенда о ее происхождении и социальном статусе («плебейка» по происхождению, дочь художника Соколова, родившаяся не то в Астрахани, не то на Кавказе, в другом варианте – черкешенка по рождению), которую она поддерживает, выдавая себя за «воспитанницу» сначала княгини Е.Д. Голицыной, а потом и И.И. Бецкого, тогда как было всеобщей тайной, что она – побочная дочь последнего.

Коха. Несмотря на то, что на титуле как место издания значится Санкт-Петербург[10], двухтомник был напечатан в Базеле[11] и распространялся влиятельным страсбургским издательским домом Трейттеля (Treuttel)[12].

Ф.-А. Кох (1740–1800) родился недалеко от Страсбурга. Он начал служить в русской миссии в Вене в середине 1760-х гг. В 1767 г. происходит его знакомство с Дювалем, длившееся до последних дней жизни философа. Именно его перу принадлежат последние письма, отправленные из Вены мадмуазель Соколовой; в них описывается состояние здоровья старого философа и знаки внимания, оказанные ему Марией-Терезией, Иосифом II и другими членами австрийского императорского дома в дни его тяжелой болезни, от которой философ, по всей видимости, не оправился до конца своих дней. Судя по стилю этих писем, Кох был ловким царедворцем, владеющим в совершенстве искусством льстить и угадывать желания людей, стоящих выше него по общественной лестнице или же могущих быть ему полезными. В России он достиг высокого чина тайного советника (III по Табели о рангах). Судя по частым упоминаниям его в переписке Екатерины II с Гриммом[13], а также в дневнике Храповицкого, особенно в 1783 г., когда его присутствие в кабинете императрицы отмечено как минимум раз десять, Кох был преданным сотрудником императрицы, и отношения с ним были довольно доверительными. Помимо исполнения своих дипломатических обязанностей, будущий издатель сочинений Дюваля работал также над этим проектом.

Издание посвящено Екатерине II, которая, вероятно, следуя практике того времени, субсидировала его выход в свет. В дедикации Кох заявляет, что рассчитывает на то, что имя императрицы и упоминание об участии и знаках внимания, которые она проявляла к своему горячему поклоннику[14], привлечет к книге внимание. Он подчеркивает, что публикует сочинения Дюваля, среди которых корреспонденция занимает главное место, как выражение восторга философа (philosophe éclairé) на протяжении всей его жизни от поразительных успехов (merveilles) ее царствования[15]. Важный момент – подчеркивание в предисловии *célébrité* Дюваля и его исключительной скромности[16].

Все предприятие представлено как исполнение сокровенного желания ушедшего друга и выражение почтения памяти незаурядного че-

[10] В Сводном каталоге… Т. 1. 1701–1800 нет данных о подобной публикации.
[11] Duval 1784. T. I: 320.
[12] В Сводном каталоге… Т. 1. 1701–1800 нет данных о подобной публикации.
[13] Упоминания Ф.-А. Коха в ней начинаются в январе 1778 г. (Catherine II de Russie – Friedrich-Melchior Grimm 2016: 143); см. также СИРИО 1878.
[14] Екатерина действительно помогала своей юнгфере доставать редкие книги, карты, планы и др., которые та отправляла венскому корреспонденту. Еще важный жест – посылка 4-х экземпляров французского издания «Наказа» Дювалю, который распределяет их по своему усмотрению, отдавая один императрице Марии-Терезии и другой кн. Д.М. Голицыну, послу Российской империи в Вене (РГАДА. Л. 158)! Типичный пример неофициальной екатерининской дипломатии.
[15] Duval 1784. T. I. Без страницы.
[16] Курсив Коха (Duval 1784. T. I. P. IX).

ловека, прежде всего со стороны г-жи Де Рибас, согласившейся по сентиментальным причинам предоставить для публикации свою замечательную переписку с «австразийским философом», подвергнув строжайшей цензуре прежде всего собственные послания[17]. Кох представляет себя в предисловии и в последних двух письмах, которые он пишет под диктовку Дюваля, как близкого друга, с которым, несмотря на огромную разницу в возрасте, его связывали узы приятельства, на протяжении полутора десятка лет. Тем не менее сам Дюваль дважды в уцелевших письмах предупреждает Анастасию быть настороже с этим его названным другом и крайне недоволен и резок в выражениях, когда узнает, что она позволила прочесть Коху некоторые его письма[18]. Но, если верить Коху, в конце жизни философа, он был одним из немногих, кто общался с ним. О разговорах вокруг предстоящего издания переписки упоминает в своем дневнике побочный сын Екатерины II Алексей Бобринский[19].

Издание удостоилось своеобразной рекламы. В мае 1784 г. Гримм помещает в «Литературной корреспонденции» небольшую рецензию, которая не столько оценивает публикацию наследия философа, сколько рассказывает о его необыкновенной судьбе и хвалит усилия издателя Коха[20]. Так или иначе, это привлекало внимание аудитории к изданию.

Сама фигура Жамре-Дюваля привлекала внимание образованных людей, которые имели честь побывать при дворе лотарингских герцогов, а позже и при венском дворе. При жизни философ-самоучка приобрел славу курьезной личности. Бывший крестьянин, сын рано умершего бургундского тележника, сбежавший из дому в возрасте 14 лет, получивший волею судьбы и неутолимой жажде знаний, образование и службу при дворе, привлекал любопытство, особенно в сочетании со своей «дикостью» и невписанностью в обычную придворную жизнь. После смерти Жамре-Дюваль стал своеобразным культурным мифом, который процветал во французской педагогической литературе и продержался на

[17] Казнаков 1916: 5.

[18] РГАДА. Л. 135. Редактор, разумеется, и не думал публиковать подобные нелестные характеристики своей персоны.

[19] Будучи учеником Кадетского корпуса, он находился под попечением не только директора учебного заведения О.М. Де Рибаса, но и его жены, «Рибасши», бывшей корреспондентки Дюваля. Молодой человек упоминает о состоявшемся в Вене разговоре, в котором обсуждалась предстоящая публикация писем его дуэньи к Дювалю: «3 декабря [1783]. За обедом у Аллегретти, один из членов дипломатического корпуса сказывал мне про Бецкого, что, будучи здесь, он хвалился мною и что Рибасша поручила некоему Коху свою переписку с Дювалем, некогда состоявшим при Венском дворе, и что, по его мнению, публика не встретит благосклонно этой книги, потому что в ней много мелочей, не для всех понятных» (Бобринский 1878: 158). Само содержание переданного разговора свидетельствует о том, что письма обоих корреспондентов были сравнительно хорошо известны и о них помнили.

[20] Correspondance littéraire 1883. T. XII. P. 146-148. Характер рецензии и ее краткость необычны для этого престижного издания, публиковавшего, как правило, подробные анализы книг и произведений искусства. Участь оригиналов тоже вызывает интерес. После публикации письма Дюваля были переплетены и спрятаны в труднодоступные архивные фонды, судя по надписям на обложке дела, в знаменитом Архиве МИДа.

протяжении доброй части XIX в. как пример личного успеха выходца из народных низов, заслужившего всеобщее уважение, благодаря образованию и постоянному стремлению к знаниям[21]. Сам философ вполне сознательно способствовал мифологизации своей персоны. Никак не освоившись с условностями придворной жизни, он избрал стоическую и аскетическую линию поведения и всегда подчеркивал это в своей обширной корреспонденции[22]. В то же самое время, Дюваль льстил себя мыслью об уникальности своего жизненного пути. По идее императрицы Марии-Терезии он пишет свои мемуары[23], дарит многим своим знакомым описания ярких и характерных случаев из своей жизни, а четыре отрывка из мемуаров посылает мадмуазель Анастасии[24].

Так или иначе, странный и «дикий», по собственным словам, философ, был исключительно начитанным и просвещенным человеком, интеллектуалом, вышедшим из самых недр французского народа, заслужившим уважение огромной вереницы посетителей Императорского кабинета медалей, которые наслаждались не только исключительным нумизматическим собранием, но прежде всего беседами с его директором. Среди визитеров были люди, разные по национальности и принадлежащие широкой социальной гамме. Особое место среди гостей Императорского кабинета медалей занимали русские – такие видные и известные аристократы, как Шуваловы и Голицыны, путешественники или же служащие русской дипломатической миссии в Вене[25].

Однако Россия – не единственная тема переписки с Соколовой, хотя «русские» сюжеты в ней преобладают. Недавно найденные оригиналы писем «австразийского философа» позволяют констатировать, что сквозной линией в них является также Франция и прежде всего ее экономическая и фискальная политика. Прирожденный француз Валентин Жамре отказывается и в письмах, и в мемуарах от своей национальной идентичности и считает себя подданным Лотарингского герцогства (даже после «печальной революции» – обмена Лотарингии на Тоскану после заключения брака Марии Терезии и Франца Лотарингского) по той причине, что мудрая и толерантной политика ее правителей обеспечила счастливую и богатую жизнь своим подданным. И в автобиографическом повествовании, и в письмах Соколовой Дюваль приводит множе-

[21] Goulemot 1981. P. 37.

[22] Переписка с Соколовой составляет лишь часть его обширного эпистолярного наследия (см.: Courbet 2019). Дюваль несколько раз отклонял предложения дворянского достоинства, отказывался от придворных привилегий и вел крайне скромную «философскую» жизнь, тратя жалование на книги, эстампы и благотворительность.

[23] Goulemot 1981. P. 23, 30.

[24] РГАДА. Л. 3–32об. Другой известный случай – отрывок, подаренный Вольтеру, с которым Дюваль состоял в одном дружеском интеллектуальном кружке в 1720–1730 гг. в г. Люневиле, при дворе лотарингского герцога Леопольда (Courbet 2014). Впоследствии в ряде своих работ («Вопросы об Энциклопедии» / «Questions sur l'Encyclopédie»; «Век Людовика XIV»/«Siècle de Louis XIV») неоднократно ссылается на пример давнего знакомого.

[25] См. Вачева 2018с.

ство потрясающих фактов о злосчастной жизни французских крестьян под гнетом короля, закрывающего глаза на крайние злоупотребления своих фискальных агентов. Он часто негодует и высмеивает французских политических деятелей, иронизируя над поддержкой, которую они оказывают противникам России – Оттоманской империи и полякам. Разумеется, все это было чревато дипломатическими скандалами, не могло войти в печатный текст и было сокращено редактором Кохом. С другой стороны, наличие сильной французской сюжетной линии в письмах стало бы причиной раздвоения и отклонения читательского внимания. Французский материал оставлен в опубликованном тексте ровно настолько, чтобы выгодно оттенить русскую тему.

Дюваль был отъявленным русофилом, однако способным на критику. Это придавало еще больший вес его персоне и высказанным мнениям. Контекст, в котором осуществилось издание, говорит о том, что это не было простой данью уважения Соколовой своему далекому корреспонденту. О «рекламном» характере переписки в редакции Коха пишет и С.Н. Казнаков, отмечая «заслуги» Анастасии Соколовой: «…г-жа Рибас и перепискою своей с Дювалем и изданием ее в свет сослужила службу и русской истории, и русскому искусству»[26]. Вмешательство ловкого и услужливого Коха в текст переписки явно не сводилось лишь к невинным сокращениям повторений в посланиях Дюваля и исправлениям стиля и орфографии в письмах мадмуазель Анастасии. И таинственная и запутанная история издания творений Дюваля, и выбор тем, обсуждаемых в переписке – акцент на позитивные и исключение неблагоприятных сюжетов, – все говорит о том, что это было тщательно подготовленное издание, рассчитанное на западноевропейского читателя. Косвенно о том, что цель была достигнута, говорит то, что не была осуществлена вторая часть предпринятого Кохом издания произведений Дюваля. Кох заявил в предисловии к двухтомнику, что в случае его успеха, он издаст остальную часть наследия «деревенского философа» – впечатляющий труд по нумизматике, небольшой философский роман, кое-какие «легкие пьесы» и др.[27] Хотя двухтомник явно пользовался успехом (вряд ли стали бы переводить провальное издание и на следующий год выпускать новое!), заявленное намерение так и не было осуществлено. Переиздания, как и популярность издания по всей Европе и в России, отзывы, сопровождавшие его появление на книжном рынке, говорят об успехе масштабно задуманного российской императрицей и ее сотрудниками проекта. Понять значение этого издания позволяет контекст его появления, которое стало результатом комплекса причин.

Публикацию сборника Дюваля можно рассматривать как знак, данный европейским государствам, о сотрудничестве и дружественных отношениях петербургского и венского дворов, в начале 1780-х гг. и о смене доминант во внешней политике, в которой Северная система Па-

[26] Казнаков 1916. С. 70.
[27] Duval 1784. T. I. C. XIV.

нина была заменена на австро-российский союз[28]. Другая возможная причина – стремление опередить публикацию корреспонденции Екатерины II и Вольтера, которую в то время готовил Бомарше[29]. После смерти философа в конце мая 1778 г. Екатерина боялась публикации своих писем Вольтеру. Особенно ей было неприятно узнать, что переговоры об этом с издателями и с племянницей и наследницей философа мадам Дени ведет «Фигаро»-Бомарше, который, в конце концов, и осуществил это издание в 1787 г.[30] Думается, что публикацией писем Дюваля и Соколовой императрица и ее сотрудник стремились опередить Бомарше, адресовав это издание просвещенной европейской публике и создав на его основании исключительно положительный образ России и самой Северной Минервы, т.е. подтвердить основные послания Вольтера.

Следующий фактор, который, возможно, повлиял также на выбор места издания, была роль Страсбургского университета в сети немецких университетов. В этой академической среде в 1780-х гг. утверждался новый «позитивный» контекст восприятия образа России[31]. Мишель Эспань и Владимир Берелович исследовали роль активных связей немецких ученых с коллегами из русской Академии наук и их стремление на основании оригинальных исторических документов и описаний результатов научных экспедиций создать реалистический образ страны[32]. Одной из главных фигур в Страсбургском университете был старший брат издателя творений Дюваля, профессор Кристоф-Гийом (Кристоф-Вильгельм) Кох, прославленный специалист по европейской истории и по истории дипломатии, ректор университета в 1787–1788 гг. Профессор Кох был наставником большого числа русских студентов[33], для которых он написал два труда. Их финальная версия относится к 1785–1786 гг.: «Histoire de Russie avec sa partie politique» («История России с обозрением ее политики», посвященная его ученику князю Алексею Андреевичу Голицыну) и «Constitution de l'empire de Russie» («Устройство Российской империи»), которые остались неизданными и сохранились в нескольких рукописных вариантах[34]. Содержание этих работ профессора Коха соотносится с многочисленными сведениями по истории, географии, религиозной жизни, социальному строению и социальной проблематике тогдашней России, русскому искусству, литературе и пр. в переписке Дюваля и Соколовой. В каком-то смысле издание корреспонденции могло бы служить "учебным пособием" к университетскому курсу.

[28] Это получило выражение в переписке Екатерины II. – Rubin-Detlev 2019: 62.
[29] Вачева 2017.
[30] См. Voltaire-Catherine II 2006: 20–21.
[31] См. Вачева 2018c.
[32] Эспань 2018, Berelowitch 2018: 205-212
[33] Разыскания В. Береловича показали, что братья Кохи (следует упомянуть и среднего, Конрада-Рейнхарда/Конрада-Рене) вместе с другими своими родственниками и в сотрудничестве с князьями Д.М и Д.А. Голицыными, известными послами России в Вене и Гааге, создали настоящую империю образовательных услуг, рекрутируя европейских гувернеров для детей русской знати (Berelowitch 2005; 2013; 2018).
[34] Об истории этих сочинений см. Baudin 2018, Berelowitch 2018.

Решение издать переписку могло быть подсказано Екатерине также рядом неосуществленных планов, каким было, например, желание переиздать «Энциклопедию» в России, которое императрица обсуждала с Дидро во время его петербургского визита[35]. Намерение Дидро состояло в том, чтобы в новом издании исправить многочисленные стереотипы и неточности, допущенные из-за отсутствия непосредственных наблюдений над жизнью России, языкового барьера, использования устаревших и предвзято написанных документов. Статьи «Энциклопедии», печатавшиеся в период с 1751 по 1765 год, основывались на фактах до восшествия Екатерины II на престол и лишь в некоторых материалах последних томов встречались ссылки на инициативы новой монархини[36]. В то же самое время, по наблюдениям Марка Белиссы, Россия является одной из основных сквозных тем «Энциклопедии», через которую деятели Просвещения осмысляли фундаментальные проблемы философского, социального, экономического характера[37]. Исследователь темы «Россия в "Энциклопедии"» приводит впечатляющую статистику. Он насчитал 564 статьи, в которых полностью или частично обсуждаются русские реалии, причем 341 статья специально посвящена России[38]. Белисса комментирует устойчивую топику, нашедшую место в «русских» статьях «Энциклопедии», во многом повторяющуюся в свидетельствах о России в XVIII в. и основанную преимущественно на стереотипах. Это географическая протяженность в пространствах Европы и Азии и экстремальные природные условия, прежде всего Севера и Сибири, и, как следствие, грубость нравов, отсутствие развитой науки[39] и искусств. Это также скудные исторические сведения о древней русской истории и внимание к реформаторской деятельности царя Алексея Михайловича и прежде всего цивилизаторские усилия Петра I, остающегося для энциклопедистов гениальным реформатором, но варваром[40]. В социально-историческом контексте актуальными для энциклопедистов, по мнению исследователя, оставались ключевые понятия деспотизма и варварства, невежество духовенства, причем крайние его формы связывались с расколом, а также с распространением суеверий и идолопоклонничеством среди «экзотических» народностей империи и низов общества[41]. Устойчивые представления об ужасающем деспотизме, применении телесных наказаний, насилии к противникам находят место в статьях. В традиционном духе выдержан и взгляд на российскую экономику, наиболее

[35] Подробно об этом см. Мезин 2018. Исследователь отмечает также, что частично Дидро реализовал свое намерение в очерке о России, написанном для третьего издания (1780) «Истории двух Индий» ("Histoire des deux Indes") аббата Рейналя.
[36] Belissa 2001: 22.
[37] Belissa 2001: 15-16.
[38] Belissa 2001: 23-24.
[39] Хотя шевалье Жокур, автор большинства статей о России в первом издании признает значимость успехов, достигнутых в освоении Севера (Belissa 2001: 51).
[40] Belissa 2001: 102-112.
[41] Belissa 2001: 58-76.

важной особенностью которой, с европейской точки зрения, является торговля с Китаем и стремление освоить Дальний Восток и Камчатку[42].

Безусловно, «Энциклопедия» была одним из важнейших источников сведений Жамре-Дюваля о России. В его письмах сжато присутствуют все перечисленные сюжеты, но уже с поправкой на екатерининское царствование и на достигнутые успехи во всех областях. Редакторы дозволили «деревенскому философу» лишь возмущаться строгостью постов и посмеиваться над порочными нравами «господ раскольников», а также признать в известном смысле правоту аббата Шаппа д'Отроша, опять-таки прежде всего в отношении суеверия и невежества духовенства. Акцентом в его письмах стал искренний восторг от достигнутого в законодательстве и соблюдении принципов естественного права, в градостроительстве и освоении огромных географических пространств, в образовании и науке, в здравоохранении, в отношении к религии и нерусскому населению, в развитии литературы и искусств, благодаря мудрой политике премудрой Фемиды/Юноны/Минервы Севера.

Принято считать, что переписка с Вольтером легла в основу Греческого проекта Екатерины II и Потемкина. Однако у фернейского мудреца был «помощник». Как я уже отмечала, Дюваль и Соколова пристально следили за развитием военных действий во время Русско-турецкой войны 1768–1774 гг.[43] Для венского философа – это важный канал получения новостей из первых рук. Он разделяет настроения, характерные для Вольтера, побуждающего Екатерину приложить усилия, чтобы освободить колыбель европейской цивилизации – Грецию. Дюваль настаивает, чтобы полки «Северной Беллоны» освободили греков от «народа-узурпатора», разоблачает «фанатизм, невежество, гордость и свирепость» турок: «Греция стонет под тяжестью своих оков к стыду тех наций, которым низкая ревность и отвратительный интерес мешают их разрушить»[44]. Как и Вольтер, Дюваль воображал себе Екатерину-«Фемиду» «на троне Константина, диктующую свои законы поровну Греции и России»[45]. Он мечтает «унизить негодных оттоманов» и «восстановить божественный христианский культ в базилике св. Софии»[46].

Однако, в отличие от Вольтера, который предлагал Екатерине II победить турок, используя древнегреческие колесницы, Дюваль имел гораздо более практический взгляд на желанную победу русских над оттоманами. Он предвидел прежде всего громадные экономические выгоды как для России, так и для Европы от положительного исхода военных действий. Главным для него было не просто наказание невежественных турок, а открытие торговых путей, развитие торговли с Российской империей и через ее посредство с Китаем и другими далекими и

[42] Belissa 2001: 113–119.
[43] Вачева 2018а.
[44] Duval 1784. T. II. P. 28.
[45] Duval 1784. T. II. P. 78.
[46] Duval 1784. T. II. P. 116.

богатыми азиатскими странами. Частые упоминания даров южных российских территорий (молдавское вино и виноград, злаки), Кавказа, Поволжья (рыбы, каракуль), Сибири (кедры, меха), даже далекой Камчатки, внушают перспективу экономического процветания. В его письмах особое место находит мотив России как посредницы между Востоком и Западом. Дюваль многократно перечисляет преимущества от овладения проливами и освобождения Босфора и Греции от агарян. Он чертит новые (на самом деле древние) торговые пути, пролегающие через большие русские реки (Днепр, Дон), через Азов и Черное море к проливам и Средиземноморью. Морские победы русских для него являются также средством, облегчающим и ускоряющим торговые коммуникации. Богатые и экзотические подарки, которые ему шлет Анастасия (чай, китайский табак, икра, рыба, ревень, женьшень, копченые оленьи языки[47], но также каракуль, меха), помимо книг, эстампов, планов и географических карт, были материальной рекламой преимуществ торговых связей с Россией и ее экономических и культурных достижений. Можно предположить, что Дюваль, который подобно Вольтеру, настаивал на более решительных военных действиях, льстил себе, полагая, что его скромное мнение могло быть полезным русской государыне. Она же могла проверить на материале его писем, каким мог бы быть отклик на определенные политические шаги среди мыслящих и образованных европейцев.

Безупречная репутация Дюваля, подчеркнуто позитивный образ России в его письмах и обширность затронутых аспектов российской жизни, критика оппонентов, были прекрасной рекламой внутренней и внешней политики Северной Минервы. Исчезнувшие или наглухо спрятанные оригиналы оставляли лишь одну-единственную версию фактов, которая как нельзя лучше соответствовала сценариям екатерининского царствования. Публикация писем совсем не была сентиментальной данью уважения и благодарности г-жи Де Рибас «к друзьям, наставникам и благодетелям молодости Анастасии Соколовой»[48]. Это был своего рода новый «Антидот», который ненавязчиво демонстрировал достижения страны, соответствовал комплексу актуальных планов императрицы и стал удачным примером ее мастерской пропагандистской политики.

Архивные материалы

РГАДА. Фонд 181. Опись 16. Итальянские, немецкие, молдавские, французские, шведские, еврейские, турецкие рукописи. Франц. № 11, дело 1435. Собственноручные письма Дюваля, переплетенные в четвертку на французском языке.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Бобринский А. Г. Дневник графа Бобринского, веденный в кадетском корпусе и во время путешествия по России и за границею [Извлечение] // Русский архив. 1877. Кн. 3. Вып. 10. С. 116–165 [Bobrinsky A.G. Dnevnik grafa Bobrinskogo, vedennyi v kadetskom korpuse i vo vremya puteshestviya po Rossii i za granitseyu [Izvlechenie]// Russkii arhiv. 1877. Kn. 3. Vyp. 10. S. 116-165].

[47] См. Вачева 2018б.
[48] Казнаков 1916. С. 70.

Вачева А. Иллюзии «деревенского философа» о России: Политика Екатерины II 1760-х гг. глазами Валентина Жамре-Дюваля (1695–1775) // Limes Slavicus 2. Културни концепти на славянството. Шумен: Университетско издателство «Св. Константин Преславски», 2017. С. 323–339 [Vacheva A. Illyuzii "derevenskogo filosofa" o Rossii: Politika Ekateriny II 1760-h gg. glazami Valentina Jamerai-Duvalya (1695-1775) // Limes Slavicus 2. Kulturni kontsepti na slavyanstvoto. Shumen: Universitetsko izdatelstvo "Sv. Konstantin Preslavski", 2017. S. 323-339].

Вачева А. Русия в две френско-руски кореспонденции от 60–70-те години на XVIII в. // Интерпретираме руската литература: сборник в чест на 75-годишнината на проф. дфн Петко Троев. София: Факултет по славянски филологии, 2018a. С. 9–23 [Vacheva A. Russia v dve frensko-ruski korespondentsii ot 60-70 godini na XVIII vek // Interpretirame ruskata literatura: sbornik v chest na 75-godishninata na prof. Petko Troev. Sofia, Fakultet po slavyanski filologii, 2018a. S. 9-13].

Вачева А. Чай, пушени еленски езици и хайвер : Вкусните руски изкушения в писмата на Валентин Жамре-Дювал и Анастасия Соколова // Дългият XVIII век 2. Наслади и забрани. София: Българско общество за проучване на XVIII век, 2018b. С. 113–121 [Vacheva A. Chai, pusheni elenski ezitsi I haiver: vkusnite ruski izkusheniya v pismata na Valentin Jameray-Duval I Anastasia Sokolova// Dalgiyat XVIII vek 2. Nasladi I zabrani. Sofia: Bulgarsko obshtestvo za prouchvane na XVIII vek, 2018b. S. 113-121].

Вачева А. Vacheva A. Русские и Россия в переписке Валентина Жамре-Дюваля и Анастасии Соколовой (1762–1774)// Quaestio Rossica. Т. 6. Вып. 4. 2018c. С. 1110–1128 [Vacheva A. Russkie i Russia v perepiske Valentina Jamerai-Duvalya i Anastasii Sokolovoi (1762–1774)// Quaestio Rossica. T. 6. Vyp. 4. 2018c. S. 1110-1128].

Гречаная Е.П. Когда Россия говорила по-французски: русская литература на французском языке. М., 2010. 382 с. [Grechanaya E.P. Kogda Russia govorila po-frantzuzski: russkaya literature na frantsuzskom yazyke. M.: 2010. 382 p.].

Казнаков С.Н. Дочь Бецкого и философ Дюваль // Старые годы. 1916. Окт. С. 3–78 [Kaznakov S.N. Doch' Betskogo i philosophe Duval// Starye gody, №10-12/1916, p. 3-73].

Массон Ш. Секретные записки о России времени царствования Екатерины II и Павла I. М.: Новое лит. обозрение, 1996. 207 с. [Masson Ch. Secretnye zapiski o Rossii vremeni tsarstvovaniya Ekateriny II I Pavla I. M.: Novoe Literaturnoe obozrenie, 1996. 207 p.].

Мезин С.А. Дидро и цивилизация России. М.: Новое Литературное обозрение, 2018. 270 с. [Mezin S.A. Diderot I civilizacia Rossii. M.: Novoe Literaturnoe obozrenie, 2018. 270 s.].

Памятные записки А.В. Храповицкого. М.: В Университетской типографии, 1862. 313 с. [Pamyatnye zapiski A.V. Khrapovitskogo. M.: V Universitetskoi tipografii, 1862. 313 s.].

Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке. Т. 1. 1700–1800. Л., 1984. 373 с. [Svodnyi catalog knig na inostrannykh yazykakh, izdannykh v Rossii v XVIII veke. T. 1. 1701–1800. Leningrad, 1984. 373 s.].

СИРИО. Письма Гримма к Императрице Екатерине II // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. XLIV. СПб., 1885. 872 с. [SIRIO. Pis'ma Grimma u imperatritse Ekaterine II // Sbornik Imperatorskogo russkogo istoricheskogo obshchestva. T. XLIV. SPb., 1885. 872 s.].

Эспань М. Тройственный культурный трансфер// Эспань М. История цивилизации как культурный трансфер. М., Новое Литературное обозрение, 2018. С. 230-260 [Espagne M. Troistvennyi kul'turnyi transfer// Espagne M. Istoria civilizacii kak kul'turnyi transfer. M., Novoe Literaturnoe obozrenie, 2018. P. 230–260].

Baudin R. Préface : Christophe Guillaume Koch et la Russie // Histoire de Russie avec sa partie politique par Mr. Koch, professeur à Strasbourg suivie de Constitution de l'empire de Russie / ed., présentée et commentée par R. Baudin et W. Berelowitch. Strasbourg : Presses univ. de Strasbourg, 2018. P. 7–77.

Belissa M. La Russie mise en lumières. Représentations et débats autour de la Russie dans la France du XVIII siècle. Paris, Kimé, 2001. 247 p.

Berelowitch W. Modèles éducatifs des Lumières dans la noblesse russe : le cas des Golitsyne // Dix-huitième siècle. 2005. № 37. Politiques et cultures des Lumières. P. 179–194.

Berelowitch W. Les gouverneurs des Golitsyne à l'étranger : les exigences d'une famille (années 1760–1780) // Le précepteur francophone en Europe (XVIIe – XIXe siècles) / sous la direction de V. Rjéoutski et A. Tchoudinov. Paris : Harmattan, 2013. P. 139–150.

Berelowitch W. Postface : Koch et l'historiographie européenne des Lumières sur la Russie // Histoire de Russie avec sa partie politique par Mr. Koch, professeur à Strasbourg suivie de

Constitution de l'empire de Russie / éd., présentée et commentée par R. Baudin et W. Berelowitch. Strasbourg: Presses univ. de Strasbourg, 2018. P. 205–240.
Correspondance littéraire, philosophique et critique de Grimm et de Diderot depuis 1753 jusqu'en 1790. Paris, Chez Furne, 1883. T. XII. 501 p.
Courbet A. Voltaire en Lorraine: les séjours de 1720 et 1735 // Cahiers Voltaire. № 13. 2014. P. 51-52.
Catherine II de Russie, Friedrich Melchior Grimm. Une correspondance privée, artistique et politique au siècle des Lumières. T. 1. 1764-1778. Ed. critique par S. Karp. Moscou, Centre international d'étude du 18e siècle – Monuments de la pensée historique, 2016. 341 p.
Duval V.J. Œuvres de Valentin Jamerai Duval, précédées des mémoires sur sa vie en 2 t. St Pétersbourg ; Strasbourg : Chez J. G. Treuttel, 1784. 320 + 336 p.
Gooch G.P. Catherine the Great: And Other Studies. Connecticut, Archon books,1966, 292 p. Goulemot J.-M. Introduction// Jamerey-Duval V. Mémoires. Enfance et éducation d'un paysan au XVIII siècle. Avant-propos, introduction, notes et annexes par Jean-Marie Goulemot. Paris, Editions le Sycomore, 1981. P. 22–108.
Jameray-Duval V. Correspondance de Valentin Jamerey-Duval. T. 1. 4 novembre 1722–21 décembre 1745 [Texte imprimé] : bibliothécaire des Ducs de Lorraine / éd. critique établie par A. Courbet. Paris : Honore Champion, 2019. T. III. Vol. 1 (9 février 1761-12 décembre 1768). 590 p. Vol. 2 (22 décembre 1768 – 20 juillet 1775). 592 p. |
Jamerey-Duval V. Mémoires. Enfance et éducation d'un paysan au XVIII siècle. Avant-propos, introduction, notes et annexes par Jean-Marie Goulemot. P., Ed. le Sycomore, 1981. 423 p.
Lüsebrink H.-J. Œuvres de Valentin Jamerey-Duval : une édition strasbourgeoise à la croisée des cultures // Histoire et civilisation du Livre. Vol. 15. 2015. P. 147–160.
Rubin-Detlev K. The Epistolary art of Catherine the Great. Voltaire Foundation, Oxford University Studies in the Enlightenment. Liverpool University Press, 2019. 391 p.
Stroev A. La Russie et la France des Lumières : Monarques et philosophes, écrivains et espions. Paris : Institut des Etudes Slaves, 2017. 508 p.
Stroev A. "A nous deux Paris": pour une histoire alternative de la littérature russe en France// Stroev, A. (Ed.). Les intellectuels russes à la conquête de l'opinion publique française : Une histoire alternative de la littérature russe en France de Cantemir à Gorki. Paris, Presses Sorbonne Nouvelle, 2019. P. 11–51.
Voltaire – Catherine II : Correspondance 1763–1778 / texte présenté et annoté par A. Stroev. Paris : Non lieu, 2006. 372 p.

Ангелина Вачева, *доктор филологии, профессор русской литературы XVIII–XIX вв., Софийский университет "Св. Климент Охридски"; avacheva@slav.uni-sofia.bg*

The Publication of the correspondence of V. Jameray-Duval and A. Sokolova as an example of Catherine the Great propaganda policy

The article examines the circumstances and context of the publication of the correspondence (1762–1774) between a French philosopher, a peasant by origin, Valentin Jameray-Duval and a lady-of-waiting of the Russian court, Anastasia Sokolova (De Ribas). The publication of letters, which became the semantic center of Duval's two-volume works, was carried out in 1784 in Strasbourg under the editorship of the famous diplomat F.-A. (F.I.) Koch and was intended for the Western European reader. The content of the correspondence creates a positive and even idealized image of Russia, which corresponds to new trends in the interpretation of the Russian theme in the works of Enlightenment philosophers and academic courses at German universities. The obscure and confusing details that accompanied the publication of the two-volume book allow us to see in its publication the implementation of a complex political project designed to advertise the achievements of the reign of Catherine II to a Western European audience, as well as to prepare European public opinion for the new plans of the Empress in the field of foreign policy.

Keywords: Catherine II, Russia, Valentin Jameray-Duval, Anastasia Sokolova-De Ribas, F.-A. Koch, correspondence, publication, political project, propaganda

Angelina Vacheva, *PhD, professor of the Eighteenth and Nineteenth-century Russian literature, Sofia University "St. Kliment Ohridski" (Bulgaria); avacheva@slav.uni-sofia.bg*

А.И. Попович

ДИКТАТ ВЛАСТИ И ПУТЬ К ЛИЧНОМУ ВЫБОРУ ИДЕЯ ЖЕРТВЫ ЗА ВЕРУ В РОССИИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ[1]

В статье исследуются тенденции секуляризации укорененной в христианской традиции идеи жертвы за веру у авторов второй половины XVI – XVII в. Опальные интеллектуалы, как и представители духовной и светской власти, прибегали к литературной топике и аллюзиям на жертву за веру, используя те же приемы позиционирования себя или иных субъектов данного дискурса как жертв, в т.ч. мучеников за веру. Конфликт с властью в сочинениях Андрея Курбского и патриарха Никона, с одной стороны, получал предельно сакральный характер, а с другой – оба намеренно конструировали жертвенную самоидентичность по отношению к власти. Анализируются риторические приемы воздействия власти на участников военных действий через идеи спасения и обретения мученического венца и призывы к жертвенной смерти за государство и государя. В связи с глубоким переживанием церковной реформы как трагедии веры усиливается восприятие жертвы как важнейшей составляющей самоидентичности. Протопоп Аввакум через создание своего «Жития» и переживание страданий за веру преодолевает собственно конфессиональный контекст использования этой идеи, став уникальным образцом для современников.

Ключевые слова: *жертва за веру; мученики; самоидентичность; интеллектуалы; власть; раннее Новое время; протопоп Аввакум*

Категории, идеи, топика жертвы и жертвенности занимают важное место в развитии культуры, в частности литературы. Древнерусским книжникам как наиболее образованным интеллектуалам своего времени свойственно постижение и категоризация постоянно меняющейся действительности. Частная жизнь человека, его самоидентичность выходят на первый план в литературе, начиная с XVII в., и становятся важнейшим объектом авторского и читательского внимания. Рефлексия авторов все чаще касается не только конфессиональной (православной) идентичности[2], но и необходимости разрешения конфликтов, в которые включается личность, обладающая множеством социальных ролей[3].

Топика жертвы, выраженная в ритуалах (включая тексты), присутствует с древнейшего времени как «связующая нить» мира людей и мира природы. Христианство приносит осмысление жертвы как жертвенности в сотериологической и эсхатологической перспективе. В «переходном» XVII веке усиливается жертвенность как осмысление индивидуальной судьбы автора / героя. Именно в это время развиваются худо-

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19–18–00186 «”Культура духа” vs “Культура разума”: интеллектуалы и власть в Британии и России в эпоху перемен (XVII–XVIII вв.)»).

[2] О конфессионализации России первой половины XVII в., см.: Опарина 1998.

[3] Представляется, что с наибольшей силой эта сторона темы раскроется в Петровскую эпоху, однако служение государству, переживания за него станут ключевыми уже в трактовке многих памятников Смутного времени.

жественные и мировоззренческие категории, принципиальные отличные от имевших место в предшествующей книжности Древней Руси. Важным моментом для понимания проблемы является соотношение «земной» и «небесной» логики в толковании идеи жертвы за веру. В соответствии с небесной логикой жертва связана с метафизической стороной жизни человека и как религиозный ритуал участвует в деле спасения его души. Мирская логика использования категории постулирует необходимость жертвы под разного рода «идеологическими» предлогами.

На определенном этапе взаимодействия светской и религиозной культуры в границах слова «жертва»[4] появляются представления о «секуляризованной» жертве человека, отличающиеся от воззрений, принятых в христианстве[5]. Словарь Академии Российской закрепляет языковой опыт Нового времени и, помимо основного значения слова «жертва», дает «преносные» значения: ‘иногда называется человек невинно в каком-нибудь случае погибший’, ‘отречение выгод своих в пользу чью’[6]. Наиболее устойчивым фактором подобных изменений считается «обмирщение»[7]: наметившаяся в XVI в. тенденция к секуляризации и десакрализации понятия «жертва» с особой силой даст о себе знать в русской культуре XVII в. Сложность эпохи заключается в том, что одновременно действовали совершенно противоположные процессы, в частности связанные с движениями «ревнителей благочестия», разного рода полемистов, старообрядцев и т.д.[8] Истоки и православная традиция сохраняли свою значимость для восприятия человеком Древней Руси (не)добровольных страданий. Первостепенным для исследования бытования идеи жертвы за веру должно быть внимание к ее оттенкам, тем более что речь идет о такой идее, которая, в отличие от многих других утративших влияние на человека ментальных конструктов переходного времени, оставалась значимой для всех сторон противостояния[9].

Потрясения в России XVII в. отразились на личностном самосознании, находящемся в поисках собственной идентичности[10]. Идейные про-

[4] Исторически сложилось, что за словом «жертва» стоят как минимум две реалии: жертва материальная и жертва духовная (жертвенность). Ср. наблюдения Б.А. Успенского о влиянии языка на религиозное сознание: Успенский 1969.

[5] Данный процесс параллелен с изменениями в сознании человека Древней Руси.

[6] Словарь Академии Российской 1790. Стб. 1187–1189. Формулировки предвозвещают современные выражения, используемые в художественной и каждодневной риторике: «жертва обстоятельств», «жертва режима», «жертва любви» и т.п.

[7] См., например, концепцию А.М. Панченко: Панченко 1984.

[8] О многочисленных внутрицерковных противостояниях накануне Петровских преобразований см.: Живов 2004: 7–34.

[9] Логично было бы сравнить более глубокие, чем кажется, типологические сходства в других христианских культурах, в т.ч. британской. Способствует компаративному повороту и то, что христианская трактовка жертвы за веру в России и Британии имеет единый генезис, и это одна из немногих «рабочих» идей, постоянно применявшихся для взаимодействия власти и человека. Пример – «Книга мучеников» Дж. Фокса, посвященная описанию страданий английских протестантов при Марии Тюдор.

[10] О формах личностного самоопределения в это время см., напр. Плюханова 2000.

тивники – Аввакум и Никон – будут ощущать себя не иначе как жертвами, пострадавшими со стороны власти: интерпретация идеи в конечном счете стала зависеть от субъекта и его целей и допускала политическую трактовку, в частности при характеристике взаимоположения частного человека, общества и государства.

Спекулятивная логика государственной жертвы

Идея страдания за веру в результате действий представителей власти в Древней Руси репрезентировалась преимущественно через аллюзии на библейские или исторические события. Книжная топика мученичества как противостояния тирану находила наиболее яркие и бесчисленные аналогии в событиях раннего христианства. На Руси тема жертвы за веру осваивалась зачастую парадоксальным образом[11] и полноценно раскрылась только в эпоху татаро-монгольского нашествия. Помимо собственно страдания за веру, в памятниках, посвященных этим событиям, так или иначе прослеживается тема вынужденного страдания со стороны властвующей стороны. Подчиненное положение Орде отразилось на содержании и поэтике мученических житий русских князей Михаила Черниговского, Михаила Ярославича Тверского и др.

Показательно сравнение Андреем Курбским в «Истории о великом князе Московском» Ивана Грозного не только с Иродом, Нероном и другими тиранами прошлого, но и с Батыем, от которого пострадал Михаил Черниговский, тезоименитым которому был боярин М.И. Воротынский: «По роду влекоми от великаго Владимера, от пленицы великого князя Михаила Черниговского, иже убиен от безбожнаго Батыя за то, иже боги его насмевал и Христа Бога пред мучителем так сильным и грозным со дерзновением проповѣдал. Но и тѣ сродницы его, кровию венчавшееся, преложени суть, пострадавшие неповинне, к пострадавшему за Христа и преставлени мученики к мученику»[12].

Курбский не ограничивается историческими аллюзиями и изображает Грозного через апокалиптический образ дракона, называя «внутренним врагом» христианства. Создаваемая опальным князем эсхатологическая картина в первую очередь включает в себя образ царя, приносящего жертвы собственной гордыне, разврату и другим грехам. Пострадавшие, убитые или изгнанные Грозным прославляются как новомученики. Важно, что Курбский говорит о несоответствии личности Грозного христианскому образу идеального самодержца, но не о государе или государстве как таковых. Его аргументация основывается на канонических убеждениях, поэтому он подчеркивает тему врагов христианства, жертвами которых становятся мученики за веру: внешними врагами православия в XVI–XVII вв. устойчиво считались иноверцы, особенно мусульмане, но в не меньшей степени католики, протестанты, евреи и др.

[11] Характерна канонизация страстотерпцев Бориса и Глеба, которые пострадали от руки единоверного брата Святополка, однако их прославление в литературных памятниках XI–XII вв. так или иначе подразумевало мученический контекст.

[12] Курбский 2015: 140.

Обсуждение идеи жертвы за православное государство становится наиболее активным в XVI–XVII вв. Церковная и общественная полемика переходного времени часто приводила к тому, что аргументация, заимствованная из тех или иных религиозных источников, принимала в какой-то степени спекулятивный характер, возможно, даже неосознанно. Логика Курбского в трактовке событий «приземленна» ровно в той же степени, что и логика Грозного, – и тот и другой стремятся выставить себя жертвами антихристианского, как им кажется, поведения другого[13]. Причины подобных явлений, думается, нужно искать в исторической психологии этого времени: эти тенденции, не являясь еще в полной мере «обмирщением», постепенно вели к нему посредством индивидуально-личностных стремлений доказать собственную правоту, в т. ч. обосновать и оформить ее художественно (нужно отдать должное литературному мастерству большинства участников полемики).

Противостояние государству среди древнерусских книжников отнюдь не имело системного характера, и значительным упрощением сложившегося конфликта было бы утверждение, что они постоянно ощущали себя на положении жертвы в отношении государства[14]. Конфликт имел скорее культурный, чем общественно-политический характер. Использование глубинного христианского подтекста жертвы за веру в качестве инструмента убеждения вызывало понятное сопротивление со стороны интеллектуалов. Возможно, что и в случае Курбского главной причиной подобной трактовки были не столько действия Грозного и личная обида, сколько редкая образованность и новаторство личности князя. Не каждый книжник мог вступить в открытый конфликт с государем, однако не каждый мог аргументировать свою позицию на том уровне, на котором делал это Курбский. По смелости обличение Курбского можно сравнить с противостоянием Грозному митрополита Филиппа, осуждавшего кровопролития и поплатившегося за это жизнью. Курбский хорошо знал позицию Грозного и видел, что тот спекулировал понятиями, когда, например, писал ему о том, что тот пренебрег службой и возможностью пострадать не только за государство, но и за царя: «И тако ли душу свою за нас полагают, еже убо душу нашу желают от мира сего на всяк час во он век препустити?»[15].

В то же время Курбский активно продуцировал риторику собственной жертвенности за веру. В сходной ситуации окажется Никон, который в письмах к Алексею Михайловичу из ссылки постоянно проводил аналогии между евангельской историей и собственной биографией, сопоставляя свое поведение с судьбой гонимых властью Иоанна Злато-

[13] См. Попович 2020.

[14] Осмысление конфликта с государством через жертву и тема государственного человека, который должен жертвовать собой ради отечества, станут ведущими в обновленной семантике понятия жертвы только в XVIII в., когда тема мученичества за веру отходит на второй план, а на первый план выходят иные сферы приложения человеческой жизни.

[15] Первое послание Ивана Грозного 1981: 29.

уста, митрополита Филиппа, наконец, Иисуса Христа. Существенно, что канонизация Филиппа осуществлялась в тесной связи с образом Иоанна Златоуста, и зачастую именно в паре святители воспринимались книжниками XVII века при сравнении тех или иных героев с их образами[16].

Когда Никон просит царя отомстить воеводе Р.Ф. Боборыкину, нарушившему неприкосновенность церковных земель, он постулирует готовность пожертвовать собой: «Мы же не точию, Христа ради, поношение и укорения прияти, но умрети готовы есмы. Тебѣ мало мнится, еже положити душу свою за друга своего, обаче у Бога нѣсть больши сея любве, ея же ради Сам нас Христос ради умре»[17]. В письме из Ферапонтова монастыря после Соборов 1666–1667 гг. Никон словно напоминал царю о смерти Филиппа в правление Ивана Грозного, говоря о нежелании умереть «правды ради» в царствование Алексея Михайловича: «Аз убо, о царю, не точию страдати всѣизволяю, но и умрети готов есмь правды ради, только бы не во твое царство, якоже и выше рекох. А я же нынѣ мучим есмь, не свѣмъ себе грѣшша, ничто же достоино таковых мукъ, яко недостоин и человѣческия пищи, подобныя ми, развѣе нужнова хлѣба и воды. А что патриарси и судьи с ними судили, ни едина вина обрѣлась, достойна сицевых, ими же аз мучим есмь»[18].

Жизненная установка на подражание Христу была характерна для Никона на протяжении всей его жизни, однако возобладала к ее концу[19]. Актуализация темы жертвы талантливыми книжниками оказалась напрямую связана с процессами секуляризации как ее трактовки властью, так и самоидентичности противников этой власти.

Жертва на войне: священное vs мирское

Идеи жертвы за веру и отечество в обстановке войны тесно связаны с общехристианской темой страданий за отстаиваемые ценности и идеалы. В 1480 г. ростовский архиепископ Вассиан Рыло в Послании на Угру призывал Ивана III и его войско к жертвенному подвигу ради веры и церкви, в конечном счете ради православного народа: «Аще ли убо ты, о крѣпкый, храбрый царю, и еже о тебѣ христолюбивое воиньство до крове и до смерти постражут за православную христову вѣру и за Божиа церкви, яко истиннии присная церковная чада, в ней иже породишася духовною и нетлѣньа банею, святым крещениемъ, якоже мученици своею кровию, блажени бо и преблажени будут в вѣчном наслѣдии, улучивше сие крещение, по немже не възмогут согрѣшити, но восприимут от Вседержителя Бога вѣнца нетлѣнны и радость неизреченную, ихже око не видѣ и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взиде»[20].

Данный текст во многом уникален и находится в ряду первых известных русских текстов, созданных для призыва воинов к мученической

[16] См. об этом: Сапожникова 2004.
[17] Послание патриарха Никона о ссоре с Романом Боборыкиным 2007: 403.
[18] Письмо патриарха Никона царю Алексею Михайловичу (июнь 1668 г.) 2007: 439.
[19] Севастьянова 2007: 164–165.
[20] Послание на Угру 1999: 392, 394.

смерти. Отголоски его влияния идут гораздо дальше XV в.: И.М. Кудрявцев отметил содержательное и композиционное сходства Послания на Угру и послания митрополита Макария Ивану IV[21]. «Учительное послание» Макария от 13 июля 1552 г. (день осады Казани) также было обращено к царю и его войску[22]. Макарий, по-видимому, обладавший незаурядными ораторскими способностями, использует прием амплификации для того, чтобы в итоге подвести слушателей к идеям смерти за веру и посмертного воздаяния: «…аще случится кому отъ православныхъ христіянъ, на той брани, до крови пострадати за святыя церкви и за святую вѣру христіянскую и за множество народа людей православныхъ, и потомъ живымъ быти: и тѣ, постинѣ, пролитіемъ своея крови, очистятъ прежніе свои грѣхи <…> и нетокмо прощеніе грѣховъ отъ Бога получатъ, за пролитіе своея крови, но и сугубы мзды воспріимутъ, въ нынѣшнемъ вѣцѣ приложеніе лѣтъ и здравіе животу, но и въ будущемъ вѣцѣ сугубы мзды воспріимутъ за пролитіе своея крови. А еже случится кому нынѣ отъ православныхъ христіянъ, на томъ вашемъ Царьскомъ ополченіи, нетокмо кровь свою проліяти, но и до смерти пострадати за святыя церкви, и за православную вѣру христіянскую, и за множество народа людей православныхъ, ихъже Христосъ искупи отъ мучителства честною своею кровію, и его Христово слово исполнити: "ничтоже тоя любви болши, еже положити душу свою за брата своего"…»[23].

Последняя цитата из Евангелия от Иоанна (Ин 15: 13) традиционно призывает к жертвенности[24]. В кодексе деятеля Контрреформации иезуита Петра Скарги «Воинская вера, то есть поучения, молитвы и примеры, относящиеся к этому сословию» в числе первых расположены следующие короткие поучения с этой же цитатой:

1. Христианский воин прославлен, поскольку в нем крепка любовь к «другам», к Речи Посполитой, к Святой Вере и Церкви, ради чего он жертвует собой, а ведь «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя» (Ин 15: 13)

2. В рыцарском деле всякий может стать любимым Господом и найти вечное спасение – ведь солдату легко поститься, не спать, утруждать свою плоть, он проливает кровь за Христа, служит Господу Богу[25].

[21] Кудрявцев 1951.

[22] С.О. Шмидт отмечает неуверенность царя накануне осады и, что «едва ли не по его просьбе (возможно, переданной митрополиту еще после совещания 20–21 июня) Макарий уже 13 июля составил пространное "учительное" послание, которое царь "велел прочитати всем боярам и воеводам"» – Шмидт 1973: 186.

[23] Акты исторические 1841: 294.

[24] Ср. апелляцию к этому же месту у Курбского в качестве упрека Грозному: «…и на доброхотных твоих, душа своя за тя полагающих, неслыхованные от века муки и смерти и гонениа умыслил еси, изменами, и чародействы и иными неподобными облыгаа православных <…>?» – Первое послание Курбского 1987: 287.

[25] Цит. по: Мочалова 2018: 435. Логика спасения в результате добровольного страдания воина за веру постоянно использовалась и в других странах, однако часто вызывала сопротивление церкви. Так, Е.В. Белякова сообщает, что византийский император Никифор II Фока в 963 г. «после успешных побед над арабами подготовил

Е.В. Белякова, проследившая изменения в отношении к убийству в канонических памятниках Древней Руси этого времени, характеризует подобные высказывания иерархов как новое явление в церковной идеологии: «воины приравниваются к мученикам и жертвам, освобождающимся от грехов пролитием собственной крови»[26].

Напомним, что Иван Грозный в Первом послании Курбскому в порыве гнева утверждал, что «мучеников же в сие время за веру у нас нет»[27], явно «проговариваясь» о том, что и смерть на войне он расценивает как не столько жертву за православную веру, сколько жертву за государство и государя[28]. Разделял некоторые убеждения Грозного и Алексей Михайлович, упрекавший Никона в том, что тот делает чересчур много для его развенчания: «Для чего он, Никон, такое бесчестие и укоризну великому государю блаженной памяти Ивану Васильевичу всея Руси написал? А о себе утаил, как он низверг без Собору Павла, епископа Коломенского, и ободрал с него святительские одежды, и сослал в Хутынский монастырь, и там его не стало безвестно»[29]. Сам Алексей Михайлович не был чужд жертвенного военного пафоса и неоднократно высказывался о том, что готов «всем пожертвовать», в т.ч. войском и жизнью, ради победы над противником: «Я принял на себя обязательство, что, если Богу будетъ угодно, я принесу въ жертву свое войско, казну и даже кровь свою для ихъ избавленія»[30].

Наделенный незаурядными литературными способностями[31], владевший риторическими приемами, Алексей Михайлович писал в «Молебном послании к мощам митрополита Филиппа» (март, 1652) о значимости их перенесения из Соловецкого монастыря в Москву: «…не бо и мы своею силою или многооружнымъ воинствомъ укрѣпляемся, но Божіею помощію и вашими святыми молитвами вся намъ на пользу строятся»[32]. Он прямо говорит о равноценном с государственной армией значении перенесения мощей Филиппа для защиты страны. Тема укрепления воинства занимала важное место в ораторском искусстве XVII в.[33]

закон, по которому убитые на войне солдаты объявлялись мучениками. Но патриарх Полуект и другие епископы выступили решительно против, ссылаясь на правило Василия Великого». – Белякова 2003: 52.

[26] Белякова 2003: 61.

[27] Первое послание Ивана Грозного 1981: 26.

[28] В одном ряду эти понятия фактически появляются в «Оглашении» первой половины XVII в., которое должен был произносить человек, готовящийся принять православное крещение и пришедший из другой веры: «И за Христа моего и за православную вѣру греческаго закона и за святыя церкви и за многолѣтное здравие государя царя и великаго князя (имярек) всеа Русии радъ кровъ свою прилияти и пострадати до смерти». – Цит. по: Опарина 1998: 342.

[29] Цит. по: Макарий.

[30] Павел Алеппский 1898: 171.

[31] О литературности царя в контексте переходного времени см., напр. Шунков 2015.

[32] Собрание государственных грамот и договоров 1822: 471.

[33] О развитии жанра «лагерной» проповеди в творчестве предшественников Полоцкого см.: Елеонская 1990: 95–98.

В частности, в проповедях Симеона Полоцкого из сборника «Вечеря душевная» (1683) – «Слово к православному запорожскому воинству» (л. 86 об.–93) и «Слово к православному воинству» (л. 93 об.–99 об.) – звучат мотивы праведности сражения православного народа и славной и душеспасительной смерти на поле боя.

Заново обрели популярность в XVII в. сюжеты, связанные с борьбой против Ордынского ханства. Как отмечает А.С. Елеонская, «особенно активно [старопечатный] Пролог пополнялся произведениями на воинскую тему»[34]. Впрочем, такой «милитаристской» тенденции была противопоставлена сильная агиографическая традиция, стремившаяся выделить духовный подвиг. Например, агиографическая переработка воинского повествования «Повести о разорении Рязани Батыем» в Распространенной редакции XVII в.[35], вероятно, говорит о понимании некоторыми участниками литературного процесса взаимозаменяемости ярко выраженного воинственного пафоса и мученического подвига.

В целом христианский долг защиты родины и веры активно подкреплялся патриотической государственной риторикой. Нельзя утверждать, что эта ситуация кардинально отличалась от предшествующего контекста, однако отличия ощущаются, и довольно существенные. Динамика идеи жертвы за веру способствовала включению в «жертвенное поле» решающего голоса земной власти, заинтересованной в соответствующем восприятия как военного, так и государственного[36] подвига, особенно актуального для территориальных притязаний России во второй половине XVII в.[37] Смерть не только за веру, но и за царя и государство становилась своего рода общим местом, идеологическим конструктом и активно разрабатывалась в проповедях и придворной литературе.

Выбор идентичности: жертвы власти или жертвы за веру?

Восприятие мира разделенным на небесное и земное измерения потребовало в XVII в. уточнений – личность, существующая в земном мире, все больше ищет опору в себе самой, и логика обращения к небесному миру в вершинных текстах русской литературы меняется. Для авторов раннего Нового времени тема жертвы имеет иной характер по сравнению с предшествующей книжностью, где жертва понималась или как осуждаемое греховное действие (в связи с нехристианским поведением), или как духовная жертва, мученичество, добровольные страдания (жертвенность). Уже в творчестве Курбского и Грозного земная и небесная логика вступают в противоречие. Хотя оба стремились использовать

[34] Елеонская 1980: 102.

[35] См. об этом: Лобакова 1993.

[36] Подобную риторику освоило и окружение царя. В частности, ближний боярин А. Матвеев, оказавшийся в ссылке после кончины Алексея Михайловича, в своей челобитной Федору Алексеевичу писал: «…за твое Государское повелѣние долженъ и послѣднюю каплю крови своей источить, и въ томъ свидѣтельствусь Господемъ богомъ» – История о невинном заточении 1776: 67.

[37] Идея жертвы была особенно важна для создания империи, подпитывала имперское сознание победителя и способствовала т.н. «травме» жертвы-проигравшего.

религиозную логику ответственности личности за грехи, христианская в генезисе жертва за веру все чаще оказывалась между метафизикой и политикой, ритуалом и долгом. Наряду с конфессиональной идентичностью важнейшее значение получает самоидентичность.

Именно в методах противопоставления себя власти через роль жертвы сблизятся идейные противники патриарх Никон и протопоп Аввакум. Сопоставляя принципы и цели изложения событий в их автобиографических повествованиях, С.К. Севастьянова отмечает, что Никон «сосредоточен в основном на своих бедах, личных переживаниях, вызванных тяжестью заключения и несправедливым к нему отношением царя и людей, с ним рядом пребывающих», для Аввакума же «личная тема превращается в факт общественного значения»[38]. Представляется, однако, что с Аввакумом дело обстоит гораздо сложнее. Как показывают многочисленные исследования, при всей своей связи с древнерусской традицией и литературным процессом он демонстрирует независимость творчества, преодолевая осознаваемую им «шаблонность» роли мученика[39]. Для Аввакума жертва за веру – осознанное конструирование собственной идентичности, пафос которого заключается в сознании своей исключительной правоты[40]. Его жертвенная самоидентичность прослеживается в автобиографическом «Житии» как наиболее концентрированном описании жизни и личности «многострадального юзника темничного, горемыки, нужетерпца, исповѣдника Христова»[41]. В восприятии жертвы за веру он словно намеренно прокладывает себе другой путь, нежели тот, по которому шли его предшественники и современники. В дальнейшем за протопопом как безусловным лидером пойдут его сторонники, увидевшие в нем новый образец мученика за веру[42].

---

[38] Севастьянова 2007: 70.

[39] Частично об этом см.: Робинсон 1974: 54–55, 285.

[40] Трудно сказать, мог ли Аввакум относиться отрицательно к выявленным изменениям в жертвенной риторике, однако он точно не одобрял перевод жертвы в «профанное» измерение. Любопытно в связи с этим отношение староверов к изображению «страстей Христовых» в театре. Автор «Возвещения от сына духовнаго ко отцу духовному», адресованного Аввакуму и рассказывающего о смерти Алексея Михайловича, так высказывается о театральной постановке при дворе царя: «И таким играм иноверцы удивляяся, говорят: "Есть, де, в наших странах такие игры, камидиями их зовут, толко не во многих верах". Иные, де, у нас боятся и слышати сего, что во образ Христов да мужика ко кресту будто пригвождать, и главу тернием венчать, и пузырь подделав с кровию под пазуху, будто в ребра прободать. И вместо лица Богородицы – панье-женке простерши власы, рыдать, и вместо Иоан-на Богослова – голоусово детину сыном нарицать и ему ее предавать». – Бубнов, Демкова 1981: 143.

[41] Житие 2010: 45.

[42] Выстраданная Аввакумом роль жертвы за веру нашла последователей, часто в новом качестве, – призывы к жертве соотносимы с государственной риторикой, но помогали староверам переживать все тяготы гонений. В конце XVII – нач. XVIII в. продолжат создаваться яркие памятники старообрядческой литературы, сакрализующие страдальцев за веру: «История выговской пустыни» Ивана Филиппова, «Виноград Российский» и «История об отцах и страдальцах соловецких» Семена Денисова. Объяснение феномена самосожжения, вероятно, имеет эту же каузальность.

Несомненно, Аввакум воспринимал страдания в духовном контексте, в «этикетной» ориентации на образцы, что было общей тенденцией религиозного опыта, глубокого переживания жизни во Христе, характерного и для других верующих. По точному замечанию А.Н. Робинсона, «идеалы, символы и образы раннего христианства <…> писатели раскола стали применять к самим себе, своей жизни, борьбе и страданиям. Эти обстоятельства сыграли важную роль в формировании особой "психологии творчества"»[43]. У Аввакума это подразумевает преодоление собственно цитатного или сюжетно-мотивного плана: для него жертва за веру – не только отсылка к Священному Писанию, но и непосредственное личное переживание. Бытовой и сакральный миры у него находятся в состоянии конвергенции, что проявляется как в построении сюжета и своеобразном языке его сочинений, так и в художественном и реальном образе протопопа: «И ты, правовѣрне, без сомнѣния держи предание святых отецъ, Богъ тебя благословит, умри за сие, и я с тобою же долженъ. Станемъ добре, не предадимъ благовѣрия, не по што нам ходить в Персиду мучитца, а то дома Вавилонъ нажили!»[44].

В отношении любого человека можно выделить доминантную роль. В случае такой уникальной личности, как протопоп Аввакум, эта роль могла просто не иметь аналогов. Топика жертвы или жертвенные аллюзии скорее вторичны по отношению к внутренней жизни автора: движение мысли Аввакума к Богу осуществлялось как бы изнутри его личности[45]. Всей своей жизнью Аввакум противопоставляет рационально-идеологическим тенденциям своего времени иррационально-метафизическое восприятие жертвы за веру. Жертвенная смерть и защита веры в сознании автора противостоит любому действию светской и духовной власти, движимой антихристом, и в конечном счете получает жизнеутверждающий пафос победы старой веры.

Разнообразие и историческая динамика рассмотренной литературной топики говорит о предельной сложности восприятия идеи жертвы за веру в конце XVI – XVII в. Зеркальная сюжетная ситуация *жертва государства / жертва за государство (отечество)* соответствовала остро переживаемым авторами внутренним противоречиям и окружающей действительности. Активно используемая участниками властного дискурса патриотическая риторика на протяжении XVII века поддерживала конфессиональную и культурную идентичность, основополагающей аргументацией для чего было религиозное убеждение в спасении посредством жертвы за веру или даже в обретении мученического венца.

Процесс формирования жертвенной самоидентичности, преодолевающей собственно риторику и книжную традицию, требовал аргумен-

[43] Робинсон 1974: 375. О многообразии ролей Аввакума, составляющих полифонию самоидентичности писателя, см.: Соболева, Голендухина 2019.
[44] Житие 2010: 106.
[45] Ср. высказывание П. Хант об «освоении Бога внутри собственных границ» как принципе самоизображения Аввакума. – Хант 1977: 83.

тации другого типа и, по-видимому, других условий. Церковная реформа в случае Аввакума задействовала ресурсы яркой личности и талантливого писателя. Аввакум погружает себя в насыщенный трагизмом контекст, подтверждая право на него всей своей судьбой. Отстаивание старой веры, жертвенная гибель за нее стали для него фактором самоидентичности, и его сочинения – едва ли не первый опыт в русской литературе подобного использования жертвенной темы. Жертва Аввакума в конечном счете получает значение для дальнейшего развития темы не только жертвы за веру, но и жертвы вообще.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссией. Т. 1. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления государственных бумаг, 1841. 614 с. [Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoyu komissiei. Vol. 1. St Petersburg, Tip. Ekspeditsii zagotovleniya gosudarstvennykh bumag, 1841. 614 p.].

Белякова Е. В. Отношение к войне и убийству в канонических памятниках XIV–XVI вв. // Миротворчество в России. Церковь, политика, мыслители. От раннего средневековья до рубежа XIX–XX столетий. М.: Наука, 2003. С. 39–62. [Belyakova E. V. Otnoshenie k voine i ubiistvu v kanonicheskikh pamyatnikakh XIV–XVI vv. // Mirotvorchestvo v Rossii. Tserkov', politika, mysliteli. Ot rannego srednevekov'ya do rubezha XIX–XX stoletii. Moscow, Nauka, 2003. P. 39–62.].

Бубнов Н.Ю., Демкова Н.С. Вновь найденное послание из Москвы в Пустозерск «Возвещение от сына духовнаго ко отцу духовному» и ответ протопопа Аввакума (1676 г.) // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1981. Т. 36. Р. 127–150. [Bubnov N.Yu., Demkova N.S. Vnov' naidennoe poslanie iz Moskvy v Pustozersk «Vozveshchenie ot syna dukhovnago ko ottsu dukhovnomu» i otvet protopopa Avvakuma (1676 g.) // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. Leningrad, Nauka, 1981. Vol. 36. P. 127–150.].

Елеонская А.С. Тема борьбы против ордынского ига в старопечатном Прологе // Куликовская битва в литературе и искусстве / отв. ред. А.Н. Робинсон. М.: Наука, 1980. С. 101–114. [Eleonskaya A.S. Tema bor'by protiv ordynskogo iga v staropechatnom Prologe // Kulikovskaya bitva v literature i iskusstve / red. A.N. Robinson. M.: Nauka, 1980. P. 101–114.].

Елеонская А.С. Русская ораторская проза в литературном процессе XVII века. М.: Наука, 1990. 222 с. [Eleonskaya A.S. Russkaya oratorskaya proza v literaturnom protsesse XVII veka. Moscow, Nauka, 1990. 222 p.].

Живов В.М. Из церковной истории времен Петра Великого: Исследования и материалы. М.: Новое лит. обозрение, 2004. 360 с. [Zhivov V.M. Iz tserkovnoi istorii vremen Petra Velikogo: Issledovaniya i materialy. Moscow, Novoe lit. obozrenie, 2004. 360 p.].

Житие протопопа Аввакума // Понырко Н. В. Три жития – три жизни. Протопоп Аввакум, инок Епифаний, боярыня Морозова. Тексты, статьи, комментарии. СПб.: Пушкинский Дом, 2010. С. 45–106. [Zhitie protopopa Avvakuma // Ponyrko N. V. Tri zhitiya – tri zhizni. Protopop Avvakum, inok Epifanii, boyarynya Morozova. Teksty, stat'i, kommentarii. St Petersburg, Pushkinskii Dom, 2010. P. 45–106.].

История о невинном заточении ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева / изд. Н. Новиковым. СПб.: Тип. Акад. наук, 1776. [22], 1–224, 245–260, 241–400 с. [Istoriya o nevinnom zatochenii blizhnego boyarina Artemona Sergeevicha Matveeva / izd. N. Novikovym. St Petersburg, Tip. Akad. nauk, 1776. [22], 1–224, 245–260, 241–400 p.].

Кудрявцев И. М. «Послание на Угру» Вассиана Рыло как памятник публицистики XV в. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1951. Т. 8. С. 158–186. [Kudryavtsev I. M. «Poslanie na Ugru» Vassiana Rylo kak pamyatnik publitsistiki XV v. // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. Moscow, Leningrad, Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1951. Vol. 8. P. 158–186].

Курбский А.М. История о делах великого князя московского / изд. подг. К.Ю. Ерусалимский. М.: Наука, 2015. 942 с. [Kurbskii A.M. Istoriya o delakh velikogo knyazya moskovskogo / izd. podg. K.Yu. Erusalimskii. Moscow, Nauka, 2015. 942 p.].

Лобакова И.А. Воинское повествование и агиографическая традиция в литературе XVII в. (на мат-ле Распространенной редакции «Повести о разорении Рязани Батыем») // Тру-

ды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. Т. 48. С. 297–303 [Lobakova I.A. Voinskoe povestvovanie i agiograficheskaya traditsiya v literature XVII v. (na materiale Rasprostranennoi redaktsii «Povesti o razorenii Ryazani Batyem») // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. St Petersburg, Dmitrii Bulanin, 1993. Vol. 48. P. 297–303.].

Макарий, митр. История русской церкви [Makarii, mitr. Istoriya russkoi tserkvi]. ГПНТБ СО РАН [сайт]. URL: http://www.spsl.nsc.ru/history/makary/mak5203.htm

Мочалова В.В. Бартоломей Новодворский – идеал христианского рыцаря // «Вертоград многоцветный»: сб. к 80-летию Б.Н. Флори. М.: Индрик, 2018. С. 423–440 [Mochalova V.V. Bartolomei Novodvorskii – ideal khristianskogo rytsarya // «Vertograd mnogotsvetnyi»: sb. k 80-letiyu B.N. Flori. Moscow, Indrik, 2018. P. 423–440.

Опарина Т. А. Иван Наседка и полемическое богословие киевской митрополии. Новосибирск: Наука, 1998. 429 с. [Oparina T. A. Ivan Nasedka i polemicheskoe bogoslovie kievskoi mitropolii. Novosibirsk, Nauka, 1998. 429 p.].

Павел Алеппский. Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским / пер. с араб. Г. Муркоса. Вып. 4. М.: Университет. тип., 1898. X, 195 с. [Pavel Aleppskii. Puteshestvie Antiokhiiskogo Patriarkha Makariya v Rossiyu v polovine XVII veka, opisannoe ego synom, arkhidiakonom Pavlom Aleppskim / per. s arab. G. Murkosa. Iss. 4. Moscow, Universitet. tip., 1898. X, 195 p.].

Панченко А. М. Русская культура в канун Петровских реформ. Л.: Наука, 1984. 205 с. [Panchenko A. M. Russkaya kul'tura v kanun Petrovskikh reform. L.: Nauka, 1984. 205 p.].

Первое послание Ивана Грозного Курбскому // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / текст подг. Я. С. Лурье и Ю. Д. Рыков. М.: Наука, 1981. С. 12–52. [Pervoe poslanie Ivana Groznogo Kurbskomu // Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim / tekst podg. Ya. S. Lur'e i Yu. D. Rykov. Moscow, Nauka, 1981. P. 12–52.].

Первое послание Курбского Ивану Грозному в сборнике конца XVI – начала XVII века / подг. Б.Н. Морозов // Археографический ежегодник за 1986 год. М.: Наука, 1987. С. 277–289. [Pervoe poslanie Kurbskogo Ivanu Groznomu v sbornike kontsa XVI – nachala XVII veka / podg. B. N. Morozov // Arkheograficheskii ezhegodnik za 1986 god. Moscow, Nauka, 1987. P. 277–289.].

Плюханова М. Б. О национальных средствах самоопределения личности: самосакрализация, самосожжение, плавание на корабле // Из истории русской культуры. Т. 3 (XVII – начало XVIII века). 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 380–459. [Plyukhanova M.B. O natsional'nykh sredstvakh samoopredeleniya lichnosti: samosakralizatsiya, samosozhzhenie, plavanie na korable // Iz istorii russkoi kul'tury. Vol. 3 (XVII – nachalo XVIII veka). 2nd Ed. Moscow, Yazyki russkoi kul'tury, 2000. P. 380–459.].

Попович А. И. «Изображая жертву»: пафос обличения и мученичества в сочинениях Ивана Грозного и Андрея Курбского // Проблемы исторической поэтики. Т. 18. 2020. № 4. (в печати) [Popovich A. I. «Izobrazhaya zhertvu»: pafos oblicheniya i muchenichestva v sochineniyakh Ivana Groznogo i Andreya Kurbskogo // Problemy istoricheskoi poetiki. Vol. 18. 2020. № 4. (in print)].

Письмо патриарха Никона царю Алексею Михайловичу (июнь 1668) // Севастьянова С.К. Эпистолярное наследие патриарха Никона. Переписка с современниками. Исследование и тексты. М: Индрик, 2007. С. 438–449 [Pis'mo patriarkha Nikona tsaryu Alekse-yu Mikhailovichu (iyun' 1668 g.) // Sevast'yanova S.K. Epistolyarnoe nasledie patriarkha Nikona. Perepiska s sovremennikami. Issledovanie i teksty. Moscow, Indrik, 2007. P. 438–449.].

Послание на Угру Вассиана Рыло / подг. текста Е.И. Ванеевой, пер. О.П. Лихачевой, коммент. Я.С. Лурье // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1999. Т. 7. С. 386–399. [Poslanie na Ugru Vassiana Rylo / podg. E.I. Vaneevoi, per. O.P. Likhachevoi, komment. Ya.S. Lur'e // Biblioteka literatury Drevnei Rusi. SPb., 1999. Vol. 7. P. 386–399.].

Послание патриарха Никона о ссоре с Романом Боборыкиным // Севастьянова С.К. Эпистолярное наследие патриарха Никона. Переписка с современниками. Исследование и тексты. М.: Индрик, 2007. С. 399–409. [Poslanie patriarkha Nikona o ssore s Romanom Boborykinym // Sevast'yanova S. K. Epistolyarnoe nasledie patriarkha Nikona. Perepiska s sovremennikami. Issledovanie i teksty. Moscow, Indrik, 2007. P. 399–409.].

Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М.: Наука, 1974. 404 с. [Robinson A. N. Bor'ba idei v russkoi literature XVII veka. Moscow, Nauka, 1974. 404 p.].

Сапожникова О.С. Иоанн Златоуст и митрополит Филипп (к вопросу об образах, прообразах и моделях) // Книжные центры Древней Руси. Книжники и рукописи Соловецкого

монастыря. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 183–213. [Sapozhnikova O.S. Ioann Zlatoust i mitropolit Filipp (k voprosu ob obrazakh, proobrazakh i modelyakh) // Knizhnye tsentry Drevnei Rusi. Knizhniki i rukopisi Solovetskogo monastyrya. SPb., 2004. P. 183–213.].

Севастьянова С.К. Эпистолярное наследие патриарха Никона. Переписка с современниками. Исследование и тексты. М.: Индрик, 2007. 776 с. [Sevast'yanova S.K. Epistolyarnoe nasledie patriarkha Nikona. Perepiska s sovremennikami. Moscow, Indrik, 2007. 776 p.].

Словарь Академии Российской: в 6 ч. СПб.: Императ. Акад. наук, 1790. Ч. 2. XIII, [52] с., 1200 стлб. [Slovar' Akademii Rossiiskoi : v 6 ch. St Petersburg, Imperat. Akad. nauk, 1790. Part 2. XIII, [52] s., 1200 columns.].

Соболева Л.С., Голендухина М.А. Полифония самоидентичности в «Житии» протопопа Аввакума // Сибирский филологический журнал. 2019. № 4. С. 46–60 [Soboleva L.S., Golendukhina M.A. Polifoniya samoidentichnosti v «Zhitii» protopopa Avvakuma // Sibirskii filologicheskii zhurnal. 2019. № 4. P. 46–60.

Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М : Тип. Н.С. Всеволожскаго, 1822. Ч. 3. [4], III, [11], 540 с. [Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khranyashchikhsya v Gosudarstvennoi kollegii inostrannykh del. Moscow, Tip. N.S. Vsevolozhskago, 1822. Part 3. [4], III, [11], 540 p.].

Успенский Б.А. Влияние языка на религиозное сознание // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту: [Б.и.], 1969. Вып. 236. (Труды по знаковым системам. Т. 4). С. 159–168. [Uspenskii B.A. Vliyanie yazyka na religioznoe soznanie // Uchen. zap. Tartuskogo gos. un-ta. Tartu, [B.i.], 1969. Iss. 236. (Trudy po znakovym sistemam. Vol. 4). P. 159–168.].

Хант П. Самооправдание протопопа Аввакума // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, 1977. Т. 32. С. 70–83. [Hunt P. Samoopravdanie protopopa Avvakuma // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. Leningrad, Nauka, 1977. Vol. 32. P. 70–83.].

Шмидт С.О. Становление российского самодержавства: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М.: Мысль, 1973. 359 с. [Shmidt S.O. Stanovlenie rossiiskogo samoderzhavstva: Issledovanie sotsial'no-politicheskoi istorii vremeni Ivana Groznogo. Moscow, Mysl', 1973. 359 p.].

Шунков А.В. «Переходный текст» русской литературы второй половины XVII – начала XVIII века: проблемы поэтики: автореф. дис. … докт. филол. н. Томск: [Б.и.], 2015. 37 с. [Shunkov A. V. «Perekhodnyi tekst» russkoi literatury vtoroi poloviny XVII – nachala XVIII veka: problemy poetiki: avtoref. dis. … dokt. filol. n. Tomsk, [B.i.], 2015. 37 p.].

Попович Алексей Игоревич, *лаборант-исследователь, Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет; alexeypopowich@mail.ru*

Dictate of power and the path to individual choice: idea of sacrifice for faith in early modern Russia

The article examines the tendencies of the secularization of the idea of sacrifice for faith, rooted in the Christian tradition, among the authors of the second half of the 16th – 17th centuries. Disgraced intellectuals, as well as representatives of spiritual and secular power, resorted to literary topics and allusions to sacrifice for faith, using the same techniques of positioning themselves or other subjects of this discourse as victims, incl. martyrs for their faith. The conflict with the authorities in the writings of Andrei Kurbsky and Patriarch Nikon, on the one hand, acquired an extremely sacred character, and on the other, both deliberately constructed a sacrificial self-identity in relation to the authorities. The article analyzes rhetorical methods of influencing the participants in military operations through the ideas of salvation and the acquisition of a martyr's crown and calls to sacrificial death for the state and the sovereign. In connection to the deep experience of church reform as a tragedy of faith, the perception of the victim as the most important component of self-identity is growing. Protopope Avvakum, through the creation of his "Life" and the experience of suffering for the faith, overcomes the actual confessional context of this idea, thus becoming a unique model for his contemporaries.

Keywords: sacrifice for faith; victim; martyrs; self-identity; intellectuals; power; early modern times; protopope Avvakum

Alexey Popovich, *Researcher, Laboratory for the Study of Primary Sources, Graduate Student, Department of Philology, Ural Federal University; alexeypopowich@mail.ru*

А.Ю. Серегина

ИСТОРИЯ, НУМИЗМАТИКА И КОНСТРУИРОВАНИЕ АНГЛИЙСКОЙ КАТОЛИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В XVII ВЕКЕ

В статье исследуется одна из первых нумизматических публикаций, посвященных англосаксонским монетам – описание клада, найденного в 1611 г. в Харкирке (Ланкашир) английским джентльменом-католиком Уильямом Бланделлом. Показано, что описания монет, идентифицированных и помещенных в исторический контекст, служили средством конструирования идентичности католического сообщества Ланкашира – локальной, но одновременно английской, и наднациональной, католической.
Ключевые слова: *Уильям Бланделл, англосаксонский период, английское католическое сообщество, Реформация, мученичество, идентичность, религиозная полемика, церковные истории*

Реформация и конфессиональный конфликт в Европе стали одним из факторов, подстегнувших интерес к истории, и вызвал к жизни новые жанры исторических сочинений, в том числе и полемические истории: национальные истории, тесно связанные с историями христианской церкви в той или иной стране. Эти истории выстраивались в соответствии с приоритетами конфессиональной полемики[1].

В Англии XVI–XVII вв. было сломано много перьев по поводу истории крещений страны в римскую эпоху (в I–II в. н.э.) и позднее. Об этом написано немало трудов и теперь[2]. В статье речь пойдет о последнем в череде крещений, лучше всего документированном и известном уже в XVI в., а именно о крещении англосаксов в конце VI в. Католические памфлетисты и ученые всегда чувствовали себя комфортно, обсуждая английскую историю этого периода. Во-первых, крещение англосаксов в 597 г. совершили миссионеры во главе с бенедиктинцем Августином, присланные из Рима. Во-вторых, эти события были описаны Бедой Достопочтенным – пожалуй, главным в XVI в. авторитетом по истории раннесредневековой Англии[3]. Первый английский перевод его «Церковной истории» сделал католик Томас Степлтон, и совершенно неслучайно: факт крещения страны миссией, отправленной в Англию папой Григорием I, подтвержденный самым уважаемым историком, сам по себе, без всякого полемического обоснования, указывал на тесные связи с Римским престолом. Если авторам-протестантам требовалось проявить изобретательность, чтобы продемонстрировать преемство между англосаксонской церковью и церковью Англии, показав, что ран-

[1] Серегина 2004; 2007; 2006а; 2010; Seregina 2011.

[2] Обзор историографии см. в: Heal 2005. См. также: Curran 2002: 57-68; Kidd 1999: 99 -120; Escobedo 2004: 1-24; Robinson 2004.

[3] Беда Достопочтенный Церковная история народа англов (Historia ecclesiastica gentis Anglorum). Латинский оригинал переиздавался многократно на протяжении XV–XVI вв.: 1475 (Страсбург), 1500 (Страсбург), 1506 (Хайгенау), 1544 (Париж), 1550, 1563, 1566, 1601 (Антверпен), 1587 (Париж и Гейдельберг).

несредневековый Рим, откуда и отправилась миссия монаха Августина, не отошел еще от истинной веры, в отличие от современного им Папского престола, то католикам для достижения своих целей достаточно было просто указать на крещение англосаксов[4]. В-третьих, если происхождение англичан от кельтов и римлян нуждалось в обосновании, то их англосаксонские корни не подлежали сомнению, поэтому в истории того периода можно было усматривать (или вписывать туда) все обычаи и институты, считавшиеся «исконно английскими» и «существовавшими испокон веку» – например, парламент, смешанную монархию, общее право, или даже власть короля над национальной церковью[5], хотя последнее предсказуемо вызывало горячие споры памфлетистов, стоявших по разные стороны конфессионального барьера.

В англоязычных исследованиях по очевидным причинам долгое время господствовал интерес исключительно к протестантской традиции присвоения англосаксонской истории, начиная с издательских проектов архиепископа Кентерберийского Мэтью Паркера (конец 1560-х – начало 1570-х гг.)[6]. Лишь в XXI в., проявился интерес к альтернативной католической версии англосаксонской истории, а именно, к полемическим историям Роберта Парсонса (A treatise of Three Conversions of England, 3 vols, St Omer, 1603) и Ричарда Брутона (Ecclesiasticall Historie of Great Britaine, Douai, 1633), а также к антикварным изысканиям Ричарда Верстегана (A Restitution of Decayed Intelligence in Antiquities Concerning the Most Noble and Renowned English Nation, Antwerp, 1605, 1628, 1634, 1652, 1655, 1673)[7]. Настоящая статья посвящена второй из этих традиций, а именно, работам католических антиквариев в области англосаксонской истории, причем не трудам профессиональных памфлетистов, обладавших выраженным вкусом к истории и интересом к древностям, как у Верстегана, но сочинениям джентльменов-любителей. Рассмотрим один из доступных им способов конструирования своей идентичности в соответствии с конфессиональной и этнической принадлежностью и социальным статусом – через апелляцию к англосаксонской истории.

Наличие интереса к истории и обладание большими средствами зачастую проявлялись в коллекционировании. В последнее время появляется все больше исследований о коллекционерах-католиках и их собраниях. Самые известные среди католических коллекционеров – лорд Джон Ламли, Генри Фицалан, граф Эрендел и его правнук и наследник Томас Ховард, лорд Уильям Ховард и сэр Томас Трешэм[8]. Их собрания включали англосаксонские элементы, прежде всего рукописи. Часть из них сейчас входит в состав Британской библиотеки в Лондоне (Harleain MSS). Однако все перечисленные собрания не фокусировались исклю-

[4] Серегина 2010: 728-730.
[5] Burgess 1992: 79-86.
[6] Brackmann 2012: 46-48; Robinson 2002: 61-65.
[7] Arblaster 2004: 85-93; Houliston 2007: 93-116; Highley: 84-117; Zironi 2012; Polkowski 2016.
[8] Havens 2016: 251-261.

чительно на англосаксонском прошлом: их владельцам был свойственен интерес к римским древностям, кельтской истории и др.

В настоящей статье речь пойдет об антикварии-любителе совсем иного ранга и финансовых возможностей. Его можно назвать «обычным джентльменом-католиком» (хотя это определение касается только его ранга) с необычным интересом к англосаксонской нумизматике. Он обнаружил первый большой клад англосаксонских монет, найденных на севере Англии в 1611 г., и опубликовал его первое – и, по сути, единственное, исследование. Это обстоятельство само по себе примечательно: хотя английские антикварии признавали ценность монет как исторического источника, в XVI–XVII вв., в отличие от стран континентальной Европы, появилось совсем немного работ по нумизматике[9]. Тем более интересным оказывается рассматриваемый здесь антиквари.

Уильям Бланделл (1560–1638) из Литтл Кросби[10] в Ланкашире принадлежал к числу стойких католиков, немало пострадавших за веру и гордившихся этим фактом. История его злоключений передавалась из поколения в поколение и совсем недавно была подробно изложена его потомком. Отец Уильяма, Ричард Бланделл (1537–1592) в 1568 г. был арестован за укрывательство католических священников, а в 1570 г. оказался в составе группы католиков, поставивших подпись под клятвой верности папе Пию V, который незадолго до этого отлучил от церкви королеву Елизавету Английскую[11]. Двое из его сыновей, Уильям и Ричард-младший, получили образование в Английской коллегии в Дуэ – семинарии, готовившей католических священников для Английской миссии[12]. Оба они остались мирянами и, по всей видимости, об их рукоположении речь не шла: родители желали дать им полноценное католическое образование, что было невозможно в Англии.

В 1590 г. Уильям Бланделл, его жена и брат были арестованы за укрывательство священников и провели два года в заключении в Честерском замке. Брат Бланделла умер в тюрьме от подхваченной там инфекции, что, впрочем, не свидетельствует о строгом режиме их содержания: в тот же период была зачата одна из дочерей Бланделла, следовательно, его жена могла беспрепятственно посещать его в тюрьме. Новый арест последовал в 1592–1593 гг. из-за отказа Бланделла присутствовать на воскресных службах в приходской церкви, как того требовал закон[13]. Две трети его недвижимого имущества были конфискованы и пожалованы другим, так что родственникам пришлось раскошелиться, выкупая эти земли и затем выступив в роли их хранителей.

[9] Blundell, Thornton, Stevenson, Davidson 2018: 45.

[10] Биографические данные приводятся по: Woolf D.R. Blundell, William // Oxford Dictionary of National Biography online, https://doi.org/10.1093/ref:odnb/68216

[11] Об отлучении Елизаветы I от церкви Пием V в 1570 г. см.: Серегина 2006b: 30-31. Текст буллы Regnans in excelsis см. Серегина 2006b: 265-266.

[12] Серегина 2006b: 32-34.

[13] Серегина 2006b: 43. Текст статута 1593 г.: Серегина 2006b: 282-284.

В 1598 г. Бланделла вновь объявили в розыск, на этот раз по подозрению в том, что он в числе других рекузантов Ланкашира готовил восстание против королевы. Поместье Литтл Кросби находится в трех милях от Ирландского моря; следовательно, власти опасались высадки мятежников из восставшей Ирландии. С этого момента и до смерти Елизаветы I в 1603 г. Бланделл находился в бегах, перемещаясь между домами родственников в Уэльсе, южных графствах Англии и в Ланкашире. В 1595 г. его заочно судили, признали виновным и объявили вне закона. Поймать его, впрочем, так и не смогли: сказалось нежелание арендаторов Бланделла (почти поголовно католиков) выдавать его властям.

После восшествия на престол короля из династии Стюартов Бланделл получил королевское прощение, но его неприятности на этом не закончились, хотя теперь они носили преимущественно финансовый характер. Бланделл по-прежнему не появлялся в приходской церкви, и ему полагалось платить 20 фунтов стерлингов штрафа в месяц. Таких денег у него не было, или же он не желал с ними расставаться. Однако если Елизавета I использовала штрафы как угрозу в адрес католиков, а взимались они с тех, кого считали заведомо нелояльными, то при вечно нуждавшемся в деньгах Якове I штрафы стали собирать регулярно и с большинства католиков, не сумевших от них отвертеться[14]. У Бланделла вновь конфисковали поместье; возникали ссоры с соседями, требовавшими доступ к его землям под тем предлогом, что теперь они являлись их держателями от короля. Одно из таких дел дошло даже до суда Звездной палаты, и Бланделл его выиграл.

Все эти штрафы и судебные разбирательства стоили денег, которых Бланделлу явно не хватало. Но посреди всех неприятностей случилось то, на что втайне надеются многие люди, оказавшиеся в стесненном положении: 8 апреля 1611 г. на земле, принадлежавшей Бланделлу, нашли клад. Обстоятельства его обнаружения указывают на католические контакты владельца: нашел клад пастух, выгонявший на пастбище коров Бланделла, причем монеты удалось найти только потому, что земля поблизости была перекопана[15]. Речь шла о небольшом участке земли в Харкирке (Harkirk), где Бланделл решил устроить нелегальное кладбище для местных католиков (его арендаторов), которых за отказ посещать службы в протестантских храмах отлучили от церкви. Хоронить отлученных на приходском кладбище в Септоне было нельзя, поэтому Бланделл предоставил свою землю под новое кладбище[16]. Первым на новом кладбище похоронили старого арендатора Бланделла по имени

[14] Серегина 2006b: 56-57.

[15] Crosby Records 1887: 48.

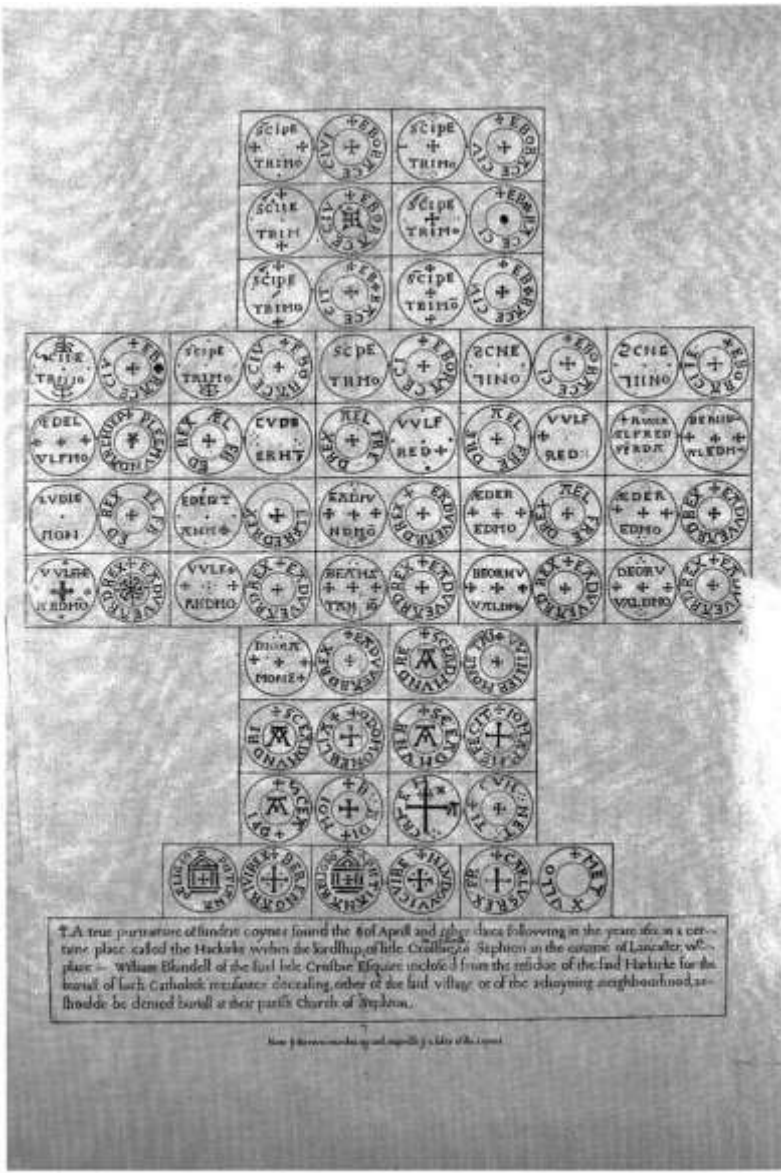
[16] ‘Harkirk’ происходит от слов ‘kirk’, «церковь» (шотландское слово, встречавшееся и на севере Англии), и ‘har’, «поросший лишайником», т.е. ‘Harkirk’ означает «старая церковь», что указывает на местную традицию, связывавшую Харкирк с католическим богослужением; следовательно, эту землю можно было считать освященной и хоронить в ней католиков (Ibid.: 46). Кладбище в Харкирке просуществовало с 1611 по 1634 г., когда было уничтожено властями графства. См.: O’Halloran, Spicer 2015.

Уильям Мэтьюсон. Видимо, при рытье могилы монеты и оказались на поверхности, так как обнаружили их на следующий день. Всего нашли около 80 монет; по крайней мере, так сообщает сам Бланделл[17]. Исследователи, впрочем, высказывали подозрение, что он мог скрыть часть клада, чтобы не выплачивать процент от найденного короне[18]. Монеты были достоинством «от гроута до двупенсовика» (серебряные монеты, которые чеканили с XIII в.)[19]. Такое анахронистическое определение помогало читателям определить примерный вес серебряной монеты.

Бланделл прочел надписи на монетах, причем его перевод оказался точным; это само по себе примечательно: в его время знание древнеанглийского языка не было распространенным явлением[20]. Он постарался определить и происхождение монет, для чего потребовалось изучение доступной исторической литературы. Результатом его изысканий стала публикация небольшого памфлета с кратким описанием монет и их идентификацией по царствованиям англосаксонских королей[21]. В издании присутствовала также гравюра с изображением монет, основанная на рисунках самого Бланделла. Появление гравюры, видимо, было вдохновлено вышедшим годом ранее, в 1610 г., английском переводе «Британии» Уильяма Кемдена, в котором были иллюстрации, в т.ч. изображения кельтских и римских монет из собрания сэра Роберта Коттона[22].

На заказанной Бланделлом гравюре представлены 35 монет (аверс и реверс), расположенные рядами, сформированными в два блока, которым придана форма креста (Илл. 1). Всего было отпечатано около 200 оттисков, быстро разошедшихся по всей стране. Копии можно обнаружить в библиотеках Оксфорда, в Ланкашире, Лондоне и др.[23] В 1670-х правнук Уильяма Бланделла Николас издал новый тираж. Эти изображения были включены в первое, латинское издание «Жизни Альфреда Великого» Джона Спелмана (1678, Илл. 2)[24]. Уже в XIX в. эти гравюры привлекли внимание викторианских нумизматов, и с того времени началось их изучение именно в данном контексте. Благодаря их изысканиям было выяснено, что речь действительно шла о монетах англосаксонских королей. Кроме того, в состав клада входили и восточные монеты; это позволило ученым заключить, что он был оставлен датчанами, а англосаксонская его часть – вероятно, результат одного из набегов[25].

[17] Crosby Records 1887: 48.
[18] Woolf 1997: 97.
[19] Crosby Records 1887: 46.
[20] Своими знаниями Бланделл, видимо, был обязан Верстегану; по крайней мере, именно к его труду он возводит свои этимологии. См. Blundell a.o. 2018; Morini 2012.
[21] Crosby Records 1887: 45-65. Текст Бланделла исследовался в контексте елизаветинской исторической культуры и истории английских католиков. См.: Woolf 1997; Sena 1997; Jensen 2013.
[22] Britain1610: 88.
[23] Woolf 1997: 104.
[24] Spelman 1678: C4.
[25] Thornton, Williams 2014: 54-55.

При этом изучались именно гравюры: сами монеты не сохранились. Большая их часть пропала в 1642 г., в начале Гражданской войны, когда внук и тезка Уильяма Бланделла, опасаясь нападения на свое поместье, отправил монеты своим родственникам в Уэльс (Рексем). Больше монет никто не видел; скорее всего, их переплавили роялисты.

Остальная часть клада существует, но не в виде монет: еще первый их владелец приказал переплавить часть клада и сделать из серебра потир и дарохранительницу (небольшого размера; такие дарохранительницы носят на шее и используют для причащения умирающих). Так Бланделл отблагодарил Бога за явленное ему чудо. Потир затерялся в годы второй Мировой войны, но сохранились его описания, а дарохранительница сейчас находится в Британском музее. На ней есть надпись с именем заказчика и указанием на то, что она была отлита из монет клада. Судя по недавним исследованиям, оба предмета – ирландской работы: в Ирландии, несмотря на официальный запрет, католическое богослужение совершалось практически открыто, и сохранилась традиция производства католической литургической утвари[26].

[26] Blundell, Thornton, Stevenson, Davidson 2018.

Опубликованные Бланделлом материалы сводились к краткому тексту[27] и изображению и предназначались для широкой аудитории – для всех, интересовавшихся историей. Эта аудитория не ограничивалась конфессиональными барьерами, однако в издании можно усмотреть и конфессиональный маркер. В этом качестве выступает форма изображения, а именно, крест. Дело не только в том, что крест – католический символ, но, скорее, в том, что именно таким образом были выставлены мощи святых в английских коллегиях за пределами страны, так что это можно трактовать как знак, подаваемый Бланделлом своим собратьям – выпускникам. Отсылка к мученичеству за веру имеет здесь большое значение, как будет объяснено ниже[28].

Связь с мучениками, которую Бланделл выстраивает при помощи описаний монет, раскрывается в его сочинении, известном лишь в рукописи. Она хранилась в местном архиве графства Ланкашир, а теперь временно находится в Британской библиотеке. В этом сочинении Уильям Бланделл подробнее рассказывает об обстоятельствах нахождения клада, а также описывает монеты, говоря не только о них самих, но соединяя каждую с небольшим рассказом о монархе, при котором она была отчеканена, упоминая об их канонизации (если она имела место), о роли этих королей в крещении страны и т.п. Особое внимание уделено королю Альфреду Великому и его взаимоотношениям с данами, усилиями которых клад, собственно, и возник[29]. Король предстает в роли благочестивого правителя, страдающего от гонений язычников. Так, скрывающемуся от захватчиков Альфреду в видении является креститель англосаксов, Св. Августин Кентерберийский, объяснивший, что «он был послан Богом утешить его [Альфреда] и сказать ему, что, хотя Его суд до сих пор карал англичан за их грехи мечом данов, однако Он не уничтожит их из уважения к множеству святых этой нации, и впоследствии вознесет их снова. Теперь же Господь по заслугам английских святых взирает на Англию милосердно»[30]. Параллель с гонимыми католиками в Англии, страдающими под игом протестантов (чью религию они считали иностранной) совершенно очевидна.

Источники Бланделла указаны им самим, правда, зачастую они взяты из вторых рук. Эти сочинения проанализированы Д. Вулфом[31]. Однако, если Вулфу удалось установить круг текстов, которыми пользовался Бланделл, то П. Дэвидсон[32] показал, что многие его ссылки за-

[27] Воспроизведен у Дж. Спелмена: Spelman 1678: C1-C3.
[28] Graffius 2018.
[29] Crosby Records 1887: 50-51.
[30] Crosby Records 1887: 51-52: “he was sente by God to comforte him, and to tell him that albeit his iustice had hitherto chastened Englishe for there sinnes by the swoords of ye Danes, yet that hee woulde not extinguishe them in respecte of so manie saints that had bine of y^{t} nation; and from this daye forwarde would set them uppe againe. Nowe at length and for ye meritte of English saints doth looke upon England with the eye of mercie”.
[31] Woolf 1997.
[32] Blundell, Thornton, Stevenson, Davidson 2018.

имствованы непосредственно из текста «Трактата о трех обращениях Англии» иезуита Роберта Парсонса (см. ниже). Мои собственные усилия по сверке текстов подтверждают его выводы.

Бланделл активно использовал труд Верстегана, который являлся его главным авторитетом в области древнеанглийского языка и этимологии[33]. Кроме того, он использует «Британию» Кемдена (и порой полемизирует с ним относительно деталей местной истории, см. ниже)[34], «Книгу мучеников» Джона Фокса[35], «Анналы» Джона Стоу[36] и хронику Уильяма Мальмсберийского[37]. Цитаты из этих работ приводятся по «Трактату о трех обращениях Англии» Роберта Парсонса, в котором есть большой раздел по истории англосаксонского периода[38].

Другими его источниками были Беда Достопочтенный (в издании Степлтона)[39], «История Англии» Полидора Вергилия[40]. Кроме того, он ссылался на 7-томное издание De probatis sanctorum historiis (1570–1581) немецкого церковного историка, картузианца Лаврентия Сурия – текст, повлиявший на все позднейшие католические издания агиографических сочинений)[41], De Transitu Romani Imperii a Graecis ad Francos (1589) Роберто Беллармино[42] и Catalogus Sanctorum et gestorum eorum Педро Надаля (12 томов; 8 изданий между 1493 и 1616 г.)[43]. Если учесть, что все английские «протестантские» издания процитированы Бланделлом из вторых рук, можно заключить, что все его источники – зарубежные издания, и этот вывод заставляет задуматься о комплектовании библиотек джентльменов-католиков и роли в этом процессе контрабанды книг[44].

Как видно из перечисленных источников, изложение Бланделла конфессионально окрашено и ориентируется на католические истории, конструирующие альтернативный национальный миф Англии как католической страны. Но этот текст не предназначался для широкого круга читателей, даже католических. Рукопись сохранилась в единственном экземпляре, адресованном членам семьи и, возможно, близким друзьям. Она переплетена вместе с другими текстами Бланделла в единый сборник, который он сам назвал «Смесью» (Hodge Podge). В него вошли заметки, касавшиеся семейных дел и местного сообщества католиков из Кросби, а также анти-протестантские песни и баллады авторства Бланделла, религиозные гимны приписывавшиеся Томасу Мору (времен его заключения в Тауэре) и др. Потомки Уильяма Бланделла продолжали

[33] Verstegan1605: 245-247.
[34] Camden1594.
[35] Foxe 1583.
[36] Stow1592.
[37] Gesta Regum Alnglorum 1601.
[38] Persons 1603: 417-422.
[39] The History1565.
[40] Polydore 1557.
[41] Surius 1570–1581.
[42] Bellarmino 1589.
[43] Nadal 1543.
[44] Havens 2016.

добавлять в сборник свои заметки вплоть до начала XIX в., т.е. почти до момента эмансипации католиков в Англии (1829)[45].

Рукопись семьи Бланделл представляет собой вариант семейной истории, в которой эта семья оказывается укорененной в мир Литтл Кросби и поколений его обитателей. Это, безусловно, католический мир, не ограниченный рамками Англии: об этом свидетельствует полученное Уильямом Бланделлом образование, отразившееся в выборе книг, которые он читал. Рассказ о найденных монетах, на первый взгляд кажущийся просто местным курьезом, является важной составляющей сборника. Он повествует о местном событии, тесно связанном с жизнью католической общины Литтл Кросби (появлении нового кладбища для рекузантов). Однако этот же текст связывает местных католиков с хрестоматийно «английским», т.е. англосаксонским прошлым, несомненно, являвшимся католическим. Более того, заметки Бланделла и его потомков о гонениях, претерпеваемых ими за веру, оказывались звеном цепи, которая начиналась с англосаксонских святых и благочестивых королей. Таким образом, выстраивалась история мучеников за веру, в которую и встраивались Бланделлы. Тема мученичества была центральной для самосознания английских католиков, так как при помощи этого образа они описывали свою религиозную и отчасти даже и политическую жизнь. Идея мученичества была важной частью идентичности католиков как конфессионального и национального сообщества[46].

В рукописи Бланделла традиция англосаксонских мучеников обретает местные корни: он уделяет много места истории святого короля Освальда, убитого в сражении против язычников (642 г.) и даже спорит с Кемденом, доказывая, что Освальд погиб не в Шропшире, а в Ланкашире, неподалеку от Кросби, делая тем самым англосаксонского короля местным мучеником[47]. И с этой же традицией Бланделл связывает гонения, испытываемые его семьей почти в том же месте. Таким образом выстраивалась семейная идентичность, одновременно локальная и совершенно английская, но также и католическая, связывавшая Бланделлов с большим миром за пределами Англии.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Серегина А.Ю. Мифы о крещении Англии в религиозной полемике конца XVI века // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 12. М., 2004. С.144-155 [Seregina A.YU. Mify o kreshchenii Anglii v religioznoj polemike konca XVI veka // Dialog so vremenem. Al'manah intellektual'noj istorii. Vyp. 12. M., 2004. S. 144-155].

Серегина А.Ю. История и английская религиозная полемика XVI – начала XVII вв. // История и память. Историческая культура Европы до начала Нового времени / под ред. Л.П. Репиной. М., 2006(a). С. 506-553 [Seregina A.YU. Istoriya i anglijskaya religioznaya polemika XVI – nachala XVII v. // Istoriya i pamyat'. Istoricheskaya kul'tura Evropy do nachala Novogo vremeni / pod red. L.P. Repinoj. M., 2006(a). S. 506-553]

[45] Sena 68.

[46] Об этом см. Dillon 2002.

[47] Crosby Records 1887: 55.

Серегина А.Ю. Политическая мысль английских католиков второй половины XVI – начала XVII в. СПб., 2006(b). Seregina A.YU. Politicheskaya mysl' anglijskih katolikov vtoroj poloviny XVI – nachala XVII v. SPb., 2006(b)].

Серегина А.Ю. Мифы об обращении Англии в христианство и национальная / конфессиональная идентичность в XVI – начале XVII в. // Диалог со временем. 2007. Вып. 21. С. 389-411 [Mify ob obrashchenii Anglii v hristianstvo i nacional'naya /konfessional'naya identichnost' v XVI – nachale XVII v. // Dialog so vremenem. 2007. Vyp. 21. M., 2007. S. 389-411].

Серегина А.Ю. История и религиозная полемика в эпоху Реформации // Образы времени и исторические представления. Россия – Восток – Запад / под ред. Л.П. Репиной. М., 2010. С. 717-755. Seregina A.YU. Istoriya i religioznaya polemika v epohu Reformacii // Obrazy vremeni i istoricheskie predstavleniya. Rossiya – Vostok – Zapad / pod red. L.P. Repinoj. M., 2010. S. 717-755].

Arblaster P. Antwerp & the World: Richard Verstegan and the International Culture of Catholic Reformation. Leuven, 2004.

Bellarmino R. De Transitu Romani Imperii a Graecis ad Francos. Antwerp, 1589.

Blundell M., Thornton D., Stevenson J, Davidson P. The Harkirk Graveyard and William Blundell 'the Recusant' (1560–1638): a reconsideration // The British Catholic Studies. Vol. 34 (1). 2018. P. 29-76.

Brackmann R. The Elizabethan Invention of Anglo-Saxon England: Laurence Nowell, William Lambarde, and the Study of Old English. Cambridge, 2012.

Britain, or A Chorographicall Description of the most flourishing kingdoms, England, Scotland, and Ireland. London, 1610.

Burgess G. The Politics of the Ancient Constitution. An Introduction to English Political Thought, 1603–1642. Basingstoke; London, 1992.

Camden W. Britannia siue Florentissimorum regnorum, Angliæ, Scotiæ, Hiberniæ, et insularum adiacentium ex intima antiquitate chorographica description. Londini, 1594.

Crosby Records: A Chapter of Lancashire History / Ed. by T.E. Gibson. Manchester, 1887.

Curran J.E. Roman Invasions: the British History of Anti-Romanism and the Historical Imagination in England, 1530–1660. Newark, DE, 2002.

Dillon A. The Construction of Martyrdom in the English Catholic Community, 1535–1603. Aldershot, 2002.

Escobedo A. Nationalism and Historical Loss in Renaissance England. Ithaca, NY, 2004.

Gesta Regum Alnglorum Willielmi Monachi Malmesburiensis // Rerum Anglicarum Scriptores Post Bedam Praecipui. Frankfurt, 1601.

Graffius J. 'Bullworks against the Fury of Heresie': Identity, Education, and Mission in the English Jesuit College of St Omers // Forming Catholic Communities: Irish, Scots and English College Networks in Europe, 1568–1918 / Ed. by L. Chambers, T. O'Connor. Leiden, 2018. P. 93-115.

Foxe J. Actes and Monuments of these Latter and Perillous Days, Touching Matters of the Church. London, 1583.

Havens E. Lay Catholic Book Ownership and International Catholicism in Elizabethan England // Publishing Subversive Texts in Elizabethan England and the Polish-Lithuanian Commonwealth / Ed. by T. Bela, C. Calma, J. Rzegocka. Leiden, 2016. P. 217-262.

Heal F. What Can King Lucius do for You? The reformation and the Early British Church // English Historical Review. Vol. 120. 2005. P. 593-614.

Highley C. Catholics Writing the Nation in Early Modern Britain and Ireland. Oxford, 2008.

The History of the Church of Englande / Comp. by Venerable Bede, Englishman. Antwerp, 1565.

Houliston V. Catholic Resistance in Elizabethan England: Robert Persons's Jesuit Polemic, 1580–1610. Aldershot, 2007.

Jensen P. Religious Identity and the English Landscape: William Blundell and the Harkirk Coins – Early Modern Religious Conflict and Pluralism // Religious Diversity and Early Modern English Texts: Catholic, Judaic, Feminist and Secular Dimensions / Ed. by A.F. Marotti, C. Goodblatt. Detroit, 2013. P. 55-76.

Kidd C. British Identities before Nationalism: Ethnicity and Nationhood in the Atlantic World, 1600–1800. Cambridge, 1999.

Morini M. Teutonic and Unmixed: Verstegan's English // Richard Rowlands Verstegan: A Versatile Man in the Age of Turmoil / Ed. by R. Zacchi, M. Morini. Turnhold, 2012. P. 3-18.

Nadal P. Catalogus Sanctorum et gestorum eorum. Lyon, 1543.
O'Halloran L and Spicer A. Catholic Burial and Commemoration in Early Seventeenth-Century Lancashire // Dying, Death, Burial and Commemoration in Reformation Europe / Ed. by E. Tingle, J. Willis. Farnham, 2015. P. 89-114.
Persons R. A Treatise of Three Conversions of England from Paganisme to Cristian religion. Vol. I. St. Omer, 1603.
Polkowski M. Richard Verstegan as a Publicist of the Counter Reformation: Religion, Identity and Clandestine Literature // Publishing Subversive Texts in Elizabethan England and the Polish-Lithuanian Commonwealth / Ed. by T. Bela, C. Calma, J. Rzegocka. Leiden, 2016. P. 263-288.
Polydore Vergil. Anglica Historia. Basel, 1557.
Robinson B.S. John Foxe and the Anglo-Saxons // John Foxe and His World / Ed. by C. Highley, J.N. King. Abingdon, 2002. P. 53-72.
Robinson B.S. John Foxe and the Anglo-Saxons // John Foxe and His World / Ed. by C. Highley, J.N. King. Aldershot, 2004. P. 54-72.
Sena M. William Blundell and the Network of Catholic dissent in Post-Reformation England // Communities in Early Modern England: Networks, Place, Rhetoric / Ed. by P. Withington and A. Shepard. Manchester, 1997. P. 54-75.
Seregina A. Religious Controversies and History Writing in Sixteenth-Century England // The Medieval Chronicle. Vol. 7. 2011. P. 223-238.
Spelman J. Alfredi Magni Anglorum Regis Invictissimi Vita. Oxford, 1678.
Stow J. The Annales of England. London, 1592.
Surius L. De probatis sanctorum historiis. Köln, 1570–1581. 7 Vols.
Thornton D., Williams G. In the Field of Harkirk // British Museum Magazine. Autumn 2014. P. 54-55.
Verstegan R. A Restitution of Decayed Intelligence. Antwerp, 1605.
Woolf D.R. Little Crosby and the Horizons of Early Modern Historical Culture // The Historical Imagination in Early Modern Britain / Ed. by D.R. Kelley, D.M. Sacks. Cambridge, 1997. P. 93-132.
Woolf D.R. Blundell, William // Oxford Dictionary of National Biography online. URL: https://doi.org/10.1093/ref:odnb/68216
Zironi A. Searching for the Origins: Teutonic Past and Contemporary England in Verstegan's Thought // Richard Rowlands Verstegan: A Versatile Man in the Age of Turmoil / Ed. by R. Zacchi, M. Morini. Turnhold, 2012. P. 19-39.

Серегина Анна Юрьевна, *доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, aseregina73@yandex.ru*

History, numismatics and the construction of the English Catholic identity I the 17th century

The article presents a study of an early numismatic work about Anglo-Saxon coins – the description of a treasure found in 1611 at Harkirk (Lancashire) by an English Catholic gentleman William Blundell. The author shows that the descriptions of individual coins, identified and set into their historical context, served to shape the identity of the Lancashire Catholic community – local, but also English, and supra-national, i.e., Catholic.

Keywords: William Blundell, Anglo-Saxon period, English Catholic community, Reformation, martyrdom, identity, religious controversy, ecclesiastical histories

Anna Seregina, *Dr Sc. (History), leading researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; aseregina73@yandex.ru*

MATTHEW BINNEY

JOHN MILTON'S A BRIEF HISTORY OF MOSCOVIA (1682) AND JEROME HORSEY'S EXTRACTS (1626)[1]

In this research note, the author draws attention to John Milton's use of Jerome Horsey's *Extracts Out of Sir Jerome Horseys Observations* (1626) in Milton's *A Brief History of Moscovia* (1682). Traditionally, scholars have identified two primary sources for Milton's text: Richard Hakluyt's first volume of *Principal Navigations* (1600) and Samuel Purchas's third volume of *Purchas His Pilgrims* (1625). However, Milton not only offers an overlooked marginal note but also uses of similar language that point to Horsey's *Extracts*, which was published in Purchas's *Purchas His Pilgrimage* (1626). *Extracts*' influence appears when Milton describes Ivan IV's reign, the end of Feodor I's reign, and Boris Godunov's alleged hand in the deaths of Dmitry of Uglich and Feodor.
Keywords: *John Milton, Jerome Horsey, Richard Hakluyt, Samuel Purchas*

Even though scholars have not reached a consensus about when precisely John Milton (1608–1674) wrote *A Brief History of Moscovia* (1682),[2] or what it is exactly,[3] most do not question that Milton compiled his short history from explorers', travelers', merchants', and ambassadors' accounts in Richard Hakluyt's 1598–1600 edition of *Principal Navigations* and Samuel Purchas's 1625 edition of *Purchas His Pilgrimes*.[4] This understanding is reinforced by George B. Parks, the editor of *A Brief History* in the Yale edition, when he states that Milton's work is "a collection of notes on Russia, condensed and often tightened in statement, but all copied out of two books".[5] The "two books" from which Milton condensed his short history are Richard Hakluyt's *Principal Navigations*, "especially in its first volume", and Samuel Purchas's *Purchas His Pilgrimes*, "its material on Russia being in the third volume".[6] Parks again affirms these two sources in his

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19–18–00186 «"Культура духа" vs "Культура разума": интеллектуалы и власть в Британии и России в Эпоху перемен, XVII–XVIII вв.»).

[2] More recent scholars have focused on the 1640s for *A Brief History*'s publication: Maltzahn 2009: 41; Campbell and Corns 2008: 192; Lewalski 2000: 212; Bedford 1993: 71. Earlier scholars have suggested wide-ranging dates, yet often overlap with the 1640s: Proudfoot and Deslandres 1985: 263, suggest 1626, as Milton had lived near Samuel Purchas; Parks 1982: 456, "conjectures have dated the book variously from 1633 to 1650"; Parker 1968: 939, states that "at some moment during 1648 … *A Brief History of Moscovia* must have been completed"; Shawcross 1963: 361, "1642-early 1643"; Parks 1943: 400, notes, "December 1649 and January 1649-50"; Bryant 1950: 16, states, "between 1639 and 1641"; Masson 1880: 813, indicates "between 1649 and 1652, or possibly to his days of private study and pedagogy".

[3] Scholars have variously viewed it as an abandoned project, Gleason 1964; a handbook for ambassadors, Parks 1952 and Bryant 1952; or the popularization of a serious subject, Alekseev 1941: 302; or a "compendium", Bedford 1993: 71.

[4] Parks 1982: 458; Cawley 1965: 5.

[5] Parks 1982: 455; see also Cawley 1965: 38, for Milton's "concision and accuracy".

[6] Ibid: 458.

second note in the body of *A Brief History*: "Milton's marginal notes fully indicate [that] he did all his searching in two volumes": Hakluyt's first volume and Purchas's third volume.[7] These two volumes are confirmed by Milton's list of sources on pages 109-109.[8] Yet, Milton's list of sources neglects one source that he actually mentions in one marginal note: i.e., Jerome Horsey's *Extracts Out of Sir Jerome Horseys Observations*, which was published in Purchas's 1626 edition of *Purchas His Pilgrimage*.

Jerome Horsey (c. 1550–1626) was a merchant in the Muscovy Company, who entered its service in 1572, and an occasional dispatcher and diplomat, who conveyed communications between the Russian and English courts in 1580, 1585, 1587, and 1590–1591. His varied experiences of Russia, according to Robert Croskey, were first composed as his "Relacion or Memoriall abstracted owt of Sir Jerome Horsey his Travells, imploiments, services and negociacions, observed and written with his owne hand; wherein he spent the most part of eighteenth years tyme", or simply "Travels".[9] This manuscript was first drafted in 1589–1590, revised in 1603–1604, and drafted again from 1625–1626, as he prepared for its publication as an addendum in Purchas's 1626 edition, which primarily focused upon the world's religions.[10] A shorter account, however, was published in Hakluyt and Purchas, depicting the pomp and ceremony of Feodor I's coronation, Feodor's early reign, and the tsar's use of Horsey to carry "letters and requests" to Queen Elizabeth I,[11] which first appeared in the 1589 edition of *Principal Navigations*,[12] and also in the 1625 edition of *Purchas His Pilgrimes*.[13] Differing from this shorter account, Horsey's *Extracts* offers a more extensive relation of his journeys and experiences, conveying a negative account of Ivan IV's reign, Feodor's reign, including Boris Godunov's regency, an embassy to Denmark, Boris Godunov's ascendancy to the throne, and a brief overview of the Time of Troubles (1598–1613).[14]

According to Croskey, Horsey likely had a role in preparing his original manuscript, "Travels," for publication in Purchas's 1626 edition,[15] and he likely used sources, such as Russian accounts of church affairs and letters and documents to draft his longer account.[16] He would have been familiar with Giles Fletcher's *Of Russe Commonwealth* (1591), since Horsey helped Fletcher prepare his well-known account.[17] Indeed Milton was familiar with

[7] Ibid: n. 2, 475.
[8] Milton 1682.
[9] Croskey 1978: 362.
[10] Ibid: 375.
[11] Hakluyt 1599: 469.
[12] Croskey 1978: 365.
[13] Horsey 1625.
[14] See Butler 2019: lv; Croskey 1978: 363 & 369, that Purchas's account is mostly based upon Horsey's manuscript, "Travels".
[15] Croskey 1978: 370.
[16] Ibid: 372.
[17] Ibid: 367.

Fletcher too and even referenced him in *A Brief History*.[18] Even though Horsey drew upon different sources and even assisted with *Of Russe Commonwealth*, indicating that he used at least some sources in drafting his *Extracts* with which Milton read and was familiar,[19] his distinct language and singular relation of events emerge in Milton's *A Brief History*, demonstrating that Milton read, consulted, and used Horsey's *Extracts* to compile his account of Russia in *A Brief History*.[20] In fact, Milton refers to Horsey's 1626 work in an overlooked marginal note.

Horsey's *Extracts* appears in *A Brief History*'s Chapter 4 in which Milton provides a historical overview of Russian "Dukes and Emperours" (37).[21] Milton draws from *Extracts* to offer an account of Ivan IV's reign, to mark the end of the Rurik dynasty, and to mention Boris Godunov's alleged role in Feodor's death. Regarding Ivan IV, Milton covers his reign in one concise paragraph. In two sentences he describes the tsar's governance and his relation to the nobility: "The cause of his rigour in government, he alledg'd to be the malice and treachery of his Subjects. But some of the Nobles incited by his cruelty, call'd in the Crim *Tartar* who in the Year 1571. broke into Russia, burnt *Mosco* to the ground" (47). The first sentence, including the use of "rigour", originates from Hakluyt, his edited account "by a Polacke", who, according to Parks, is likely Daniel Printz von Buchau.[22] In this original, edited version, after mentioning Ivan's devotion and piety, Hakluyt writes: "Whether therefore by nature, or (which hee pretendeth to be the cause) by reason of his subjects malice & treacherie, he be so addicted unto all rigour and cruelty, I dare not determine, especially sithens he hath not an illiberal or mishapen countenance".[23] Milton's revises for concision, turning Hakluyt's and von Buchau's passage, "by nature, or (which he pretendeth to be the cause) by reason of his subjects malice & treacherie" into the more direct: "he alledg'd to be the malice and treachery of his Subjects". Further, Milton separates "rigour" and "cruelty" from Hakluyt's and von Buchau's original: the former, he moves to the first sentence to comment upon Ivan's type of governance, and the latter, he moves to the second sentence to indicate why his nobles summon the Crimean Tartars. This use of Hakluyt and von Buchau in the first sentence is not identified by Parks, nor is the source identified in his second sentence, when Milton connects Ivan's "cruelty" to his "Nobles". In this second sentence, Milton shifts to Horsey's *Extracts* in Purchas's 1626 edition. Horsey states: "The Crim Tartar his ancient Enemy invaded him, incited by his Nobilitie as he found out".[24] Milton revises for concision by joining Horsey's "Nobilitie" and

[18] See Berry 1960.
[19] See Milton 1682:100.
[20] For Milton's role as a "compiler", see Parks 1982: 458.
[21] Milton 1682; subsequent in-text citations refer to this edition.
[22] Parks 1982: n. 1, 511.
[23] Hakluyt 1599: 224.
[24] Horsey 1626: 975.

"incited" with Hakluyt's edited text from von Buchau, "cruelty", to create a succinct statement upon Ivan's rule and his nobles' response.

Actually, Milton indicates his use of Horsey's *Extracts* when he inserts a comment in the margin. Milton writes, "*Horsey's* Observations". Parks acknowledges this marginal note in note 15, page 515, but does not attribute it to Horsey's *Extracts* in Purchas's 1626 edition; nor does he attribute it to Horsey's account of Feodor's coronation. Yet Parks connects Milton's marginal note implicitly to Horsey's account of the coronation, since he refers to it as "Jerome Horsey report" in note 16, page 515.[25] Milton's reference to "*Horsey's* Observations", however, could not be Horsey's account of Feodor's coronation because that account does not contain a reference to the Crimean Tartars' Fire of Moscow in 1571. A relation of the burning is provided, instead, in Horsey's *Extracts*, page 975, which, importantly, is identified by a running head in Purchas's 1626 edition as, "Sir Jerome Horseys *Observations*".[26] That is, Milton's marginal note in *A Brief History* on page 47 refers to the running head that he saw when he read and consulted Horsey's *Extracts* in Purchas's 1626 edition at the top of page 974.

Milton could have acquired this information on the fire elsewhere, for instance, in Fletcher's *Of Russe Commonwealth*, which was published in Hakluyt's 1600 and Purchas's 1625 editions. As already noted, Milton certainly read Fletcher, as he indicates in *A Brief History*: Fletcher's "Relations being judicious and exact are best red entirely by themselves" (100). Fletcher offers an account of the burning:

> In the yeere of 1571, he [the Crimean Tartars] came as farre as the Citie of *Mosko*, with an Armie of 200000, men, without any battell, or resistance at all, for that the *Russe* Emperor (then *Ivan Vasilowich*) leading forth his Armie to encounter with him, marched a wrong way: but as it was thought of very purpose, as not daring to adventure the field, by reason that he doubted his Nobilitie, and chiefe Captaynes, of a meaning to betray him to the *Tartar*.[27]

Fletcher recounts the year of the burning, and he indicates the tsar's attitude toward his nobility, revealing that he suspects them of betrayal. Yet, Milton's account in *A Brief History* more closely follows Horsey's *Extracts*, utilizing similar language and even referring to Horsey in his marginalia.

Milton uses Horsey's *Extracts* again when he depicts the end of Feodor I's reign. Unlike page 47 in *A Brief History*, however, this time Milton does not provide a marginal note. After recounting the achievements of

[25] Parks 1982.

[26] Horsey 1626. In the first appearance of Horsey's account of the coronation, Hakluyt 1589, the running head is "The voyages and discoveries M.Jerome Horsey."; in Hakluyt 1599, the running head is "The Emp. coronation." and "M. Jerome Horsey"; in Purchas 1625, the running head is "Pompous Ceremonies of Russian Emperours Coronation", "Solemnities of Pheodors Coronation. Strife for precedence", and "Sir Jerome Horseys double employment to and from Russia".

[27] Purchas 1625: 439.

Feodor's tenure, Milton laments the loss of the Rurik dynasty, as Boris Godunov ascends the throne: "But this glory lasted not long through the treachery of Boris, who procur'd the death first of Demetrius, then of the Emperour himself, whereby the imperial Race after the succession of 300 years was quite extinguish't" (52). Parks does not offer a footnote for these sentences, which implicate Boris in the death of Ivan IV's youngest son by Maria Nagaya, i.e., Dmitry of Uglich, in 1591 and also Feodor's death in 1598. Yet, Parks does provide a note upon Milton's description of the rise and fall of Boris Godunov. In note 19, page 517, Parks indicates that Milton likely used Samuel Purchas's edited account of Jacques-Auguste de Thou, which implicates Boris in Demetrius's death, but, as Parks attests, "Purchas does not blame Boris for the death of Feodor".[28] If Milton did not use Purchas's edited account of de Thou to implicate Boris in Feodor's death, then Milton must have drawn this implication from elsewhere. Indeed, on pages 991-992 of his *Extracts*, Horsey not only implicates Boris in Dmitry's death at Uglich but also implicates him in Feodor's.

Regarding Dmitry's death, Horsey states that he was in Yaroslavl when Prince Andrei Nagoy, the empress's brother, knocked upon Horsey's gate "at midnight", reporting that Dmitry's throat had been cut. Horsey incriminates Boris first by indicating that it "was given out that Demetrius his Mother, her Brother […] had practised to kill the Emperour and Protector, and to burne the whole Citie of Musco". Further, when "the Suburbs of Musco" were burned after Demetrius's death, Horsey states that "Boris his guard had the spoyle". Horsey continues, adding: "Little did Boris think that his Ghost [Dmitry's] should after root out him and his Family".[29] Horsey implies that aspersions were cast upon Dmitry, his mother, and brother, implicitly at the behest of Boris, indicating they sought to kill Feodor and Boris in order to permit Dmitry's early ascent to the throne; further, the tumult and conflagration after Dmitry's death was exploited by Boris and his guard; and finally False Dmitry I served as the "ghost" of the slain Dmitry to punish Boris for his actions. Even though Horsey spends a paragraph implicating Boris in Dmitry of Uglich's death, he devotes a sentence on Feodor. He states: "Boris had made away most of the chiefe and ancient Nobility, and now removed the Emperour *Theodor*".[30] Horsey depicts Boris's rise to the throne as ambitious and bloody, dispatching Dmitry of Uglich, nobility, and then the emperor.[31] In short, what Parks could not find in Purchas's edited account of de Thou emerges in Horsey's *Extracts*. As such, Milton's reference to Boris's hand in Dmitry's death could have originated from Purchas's edited account of de Thou, or it could have originated from Horsey's *Extracts*. Even still, Milton's reference to Boris's hand in Feodor's death is found in *Extracts*.

[28] Parks 1982: n. 19, 517.
[29] Horsey 1626: 991.
[30] Horsey 1626: 991-992.
[31] For Horsey's negative depiction of Boris, see Butler, Introduction, P. LXVII-LXVIII.

Reinforcing Milton's use of *Extracts* in this passage, Milton borrows Horsey's language when he describes the end of the Rurik dynasty. Horsey's original passage states: "Thus the Race of *Ivan Vasiliwich* which had continued above 300. years was raced out and extinguished in blood, the Emperour soone following".[32] Milton's concise revision states, "the imperial Race after the succession of 300 years was quite extinguish't". Milton condenses Horsey's "Race of Ivan Vasiliwich" into "Imperial Race"; he refines Horsey's "continued above 300. years" to "succession of 300 years"; and he reduces Horsey's "raced out and extinguished in blood" to "quite extinguish't". Here Milton does not provide a marginal note for *Extracts*, as he did previously, but his reference to Boris's role in Dmitry's and Feodor's deaths as well as his use of Horsey's language, indicate that he compiled information from Horsey's 1626 account to provide an account of Boris's rise and the end of the Rurik dynasty. In short, even though Milton does not cite Horsey's *Extracts* in his list of sources and Milton's use of the text traditionally has been overlooked by scholars, Horsey's *Extracts* should be added to the sources that Milton studied and consulted to compile and compose *A Brief History of Moscovia*.

REFERENCES

Alekseev M.P. Sibir' v izvestiiakh zapadno-europeiskikh puteshestvennikov i pisatelei: Vvedenie, teksty i kommentarii XIII-XVII v.v. [Siberia in the accounts of Western – European travelers and writers: Introduction, texts, and commentaries XIII-XVII centuries]. 2nd ed. Irkutsk, 1941. 677 p.

Bedford R.D. Milton's Journeys North: *A Brief History of Moscovia* and *Paradise Lost* // Renaissance Studies. Vol. 7. No. 1. 1993. P. 71-85.

Berry L.E. Giles Fletcher, the Elder, and Milton's *A Brief History of Moscovia* // The Review of English Studies. Vol. 11. No. 42. 1960. P. 150-156.

Bryant J.A. Milton and the Art of History: A Study of the Two Influences on *A Brief History of Moscovia* // Philological Quarterly. Vol. 29. No. 4. 1950. P. 15-30.

Bryant J.A. A Reply to Milton's Moscovia not history // Philological Quarterly. Vol. 31. 1952. P. 221-23.

Butler J.A. Introduction // Sir Jerome Horsey's Travels and Adventures in Russia and Eastern Europe / ed. J.A. Butler. Newcastle upon Tyne, 2019. 301 p.

Campbell G. and Corns T.N. John Milton: Life, Work, and Thought. Oxford, 2008. 488 p.

Cawley R.R. Milton's Literary Craftsmanship: A Study of A Brief History of Moscovia. New York, 1965. 103 p.

Croskey R. The Composition of Sir Jerome Horsey's Travels // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Vol. 26. No. 3. 1978. P. 362-75.

Fletcher G. Of the Russe Common Wealth. London, 1591. 232 p.

Gleason J. The Nature of Milton's Moscovia // Studies in Philology. Vol. 61. No. 4. 1964. P. 640-649.

Hakluyt R. *Principal Navigations.* Vol. 1. London, 1599. 619 p.

Horsey J. Extracts out of Sir Jerome Horsey's Observations // *Purchas His Pilgrimage* / ed. S. Purchas. London, 1626. P. 973-992.

Horsey J. The most solemne and magnificent coronation of Pheodore Ivanowiche, Emperor of Russia // Principall Navigations / ed. R. Hakluyt. London, 1589. P. 819-823.

Horsey J. The most solemne, and magnificent coronation of Pheodor Ivanowich, Emperour of Russia // Principal Navigations / ed. R. Hakluyt. Vol. 1. London, 1599. P. 466-473.

Horsey J. The most solmene and magnificent coronation of Pheodor Ivanowich, Emperour of Russia // Purchas His Pilgrimes / ed. S. Purchas. Vol. 3. London, 1625. P. 740-744.

[32] Horsey 1626: 991.

Lewalski B.K. The Life of John Milton. Reprint. Oxford, 2003.
Maltzahn N. John Milton: The Later Life (1641-1674) // The Oxford Handbook of Milton / ed. N. McDowell and N. Smith. Oxford, 2009. P. 26-47.
Masson D. The Life of John Milton. Vol. 6. London, 1880. 840 p.
Milton J.A. Brief History of Moscovia. London, 1682. 109 p.
Parker W.R. Milton: A Biography. Vol. 1. Oxford, 1968. 666 p.
Parks G.B. Milton's Moscovia, not History // Philological Quarterly. Vol. 31. 1952. P. 218-21.
Parks G.B. The Occasion of Milton's 'Moscovia' // Studies in Philology. Vol. 40. No. 3. 1943. P. 399-404.
Parks G.B. Preface and notes // A Brief History of Moscovia / Complete Prose Works of John Milton / ed. M. Kelley. New Haven, 1982. P. 454-538.
Proudfoot D. and Deslandres D. Samuel Purchas and the Date of Milton's Moscovia // Philological Quarterly. Vol. 64. No. 2. 1985. P. 260-265.
Purchas S. *Purchas His Pilgrimes.* Vol. 3. London, 1625. 1140 p.
Shawcross J.T. What We Can Learn from Milton's Spelling // Huntington Library Quarterly. Vol. 26. No. 4. 1963. P. 351-361.

Бинни, Мэттью, *PhD, профессор Департамента английского языка Университета Восточного Вашингтон (США), mbinney@ewu.edu*

John Milton's A Brief History of Moscovia (1682) and Jerome Horsey's Extracts (1626)

В этой статье автор обращает внимание на то, что Джон Мильтон при написании «Краткой истории Московии» использовал ««Извлечения из обзора сэра Джерома Горсея, посвященного семнадцатилетним путешествиям и деятельности в России и других примыкающих странах», опубликованное в компендиуме травелогов С. Перчейса 1626 г. Традиционно ученые рассматривали два источника сведений Дж. Мильтона о России. Это первый том издания Р. Хаклюйта «Главные путешествия, посольства, торговые сношения и открытия английской нации» (1600) и третий том собрания С. Перчейса «По следам Хаклюйта или Пилигримы» (1625). Однако Мильтон использует не только примечания на полях, но и схожие формулировки «Извлечений» Горсея 1626 г. Влияние этого сочинения проявляется явно тогда, когда Мильтон описывает правление Ивана IV Грозного, конец правления Федора Иоановича и предполагаемую роль Бориса Годунова в кончине царевича Дмитрия и царя Федора.

Ключевые слова: Джон Мильтон, Джером Горсей, Ричард Хаклюйт, Сэмюэль Перчейс

Matthew Binney, *PhD, professor, the English department at Eastern Washington University, mbinney@ewu.edu*

С.Е. Федоров, А.А. Паламарчук

ЛОРД КЛАРЕНДОН И АНТИКВАРНОЕ ИСТОРИОПИСАНИЕ[1]

Сопоставление «Истории великого мятежа» и антикварного историописания раннестюартовского периода позволяют авторам статьи по-новому взглянуть на предложенную Ф. Фасснером концепцию «историографической революции», согласно которой нарративы антиквариев и Кларендона являлись последовательными этапами в переходе к проблемно-ориентированной истории и секулярному типу исторического сознания. Анализ соответствующего языка и риторики, круга используемых источников и приемов их критики, повествовательных и доказательных стратегий позволяют сделать вывод не о преемственности, но, напротив, о многообразии и разнонаправленности векторов раннестюартовского историописания.
Ключевые слова: *Кларендон, антикварии, историографическая революция, историописание, Стюарты, Англия*

С выходом в свет знаменитой монографии Фрэнка Фасснера[2] в исторической науке прочно укрепилось представление о завершившейся к середине XVII в. т.н. историографической революции. Произошедшие в английском и шире – европейском – историописании изменения во многом характеризовались переходом к проблемно-ориентированной истории и секулярному по своей направленности типу исторического сознания – параметрам, отражавшим, по мнению Фасснера, «стремление среднего класса к утилитарно организованному знанию». «Новая история» отличалась критическим отношением к нарративным источникам, ранее почитаемым авторитетам; научные идеи постепенно вытесняли схоластически выстроенные схемы повествования; на смену провиденциализму пришла вера в объективность исторического прогресса. Фасснер связывал начало этого процесса с исканиями английских антиквариев конца елизаветинского правления, а сочинение Кларендона рассматривал как наиболее последовательное воплощение произошедших изменений: разрыв с традициями прежнего историописания был для него уже в середине XVII в. необратимым.

Развивая идею об историографической революции раннего Нового времени, Фасснер ограничивал доказательную базу не только анализом «технологий» и «стратегий» историописательной практики английских интеллектуалов этой эпохи, но и собственно репертуаром отобранных им сочинений и авторов. Оставляя за рамками исследования значительную по объему информацию, он опустил существенные для антикварного дискурса детали. В его обобщающих главах не нашлось места для анализа лингвистических методов английских антиквариев, восприни-

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке СПбГУ (грант 35378849 «Этногенетические мифы в европейском антикварном историописании» и грант 353755447 «Антикварная мысль раннего Нового времени: британские и германские параллели).
[2] Fussner 1962; 1970; Ferguson 1979; Fynlayson 1983; Levine 1987; Паламарчук, Федоров 2013.

мавшихся ими в качестве важнейших средств сугубо исторической реконструкции и интерпретации; недифференцированным представлено и их отношение к античным авторитетам, среди которых явное предпочтение отдавалось латинским авторам; недостаточно четко обозначены познавательные перспективы средневекового прошлого, как известно, кардинально и позитивно переосмысленные в антикварном наследии; упущены почти полностью методы библейской экзегезы, а также не определено отношение антиквариев к ренессансной и более широко античной риторике и композиции, столь показательное для формировавшейся в позднетюдоровской Англии историописательной традиции. Оставленные без внимания особенности антикварного дискурса конца XVI – первой половины XVII в.[3] во многом повлияли на фрагментарность суждений Фасснера о главном сочинении Кларендона[4] и обусловили в известной мере его во многом поспешную оценку.

Определение всего комплекса антикварных текстов как исторических нарративов не вызывала у Фасснера сомнений, однако эта характеристика не бесспорна. Так, Г. Берман[5] относил сочинения Дж. Селдена и Г. Спелмана к области «исторической юриспруденции», сближая антикварный дискурс не столько с историческим знанием, сколько с развитием правовой рефлексии (при этом юридические трактаты могли включать целые фрагменты «антикварного» характера[6]). Особое место в систематизации антикварного знания занял жанр лексикографии, к которому относятся выдающиеся труды Г. Спелмана и Дж. Коуэлла. Комплекс трактатов о знати и знатности (их перечень далеко не исчерпывается сэлденовскими «Титулами достоинства»), а также многочисленные геральдические штудии, созданные в русле антикварной традиции, были ориентированы на фиксацию (а точнее – сознательное конструирование) социальных иерархий и групп. Реконструкция прошлого в таких построениях оказывалась желательным, но не необходимым элементом.

Крайне уязвим для критики тезис о том, что антикварное движение стало переломным моментом в формировании группы «профессиональных историков»[7]: ни один из антиквариев XVI–XVII вв., включая Кемдена (глава коллегии герольдов) и Селдена (практикующий юрист) не позиционировал антикварные штудии в качестве основного занятия; более того, именно включенность в социопрофессиональные сообщества (юристов, судей, герольдов, духовенства) продолжала определять не только тематическую и стилистическую специфику текстов, но и в воспринималась как залог достоверности сообщаемой информации.

Стремясь подчеркнуть революционный характер происходивших изменений, Фасснер настаивает на «эмпирическом» (в бэконовском

[3] Fyodorov 2016.
[4] Lord Clarendon 1888 (repr. 1958; 1992); Эдуард Гайд, лорд Кларендон 2019.
[5] Berman 1994.
[6] См., например: Ridley 1607: 90-98; Fulbecke 1601-1602.
[7] Fussner 1962: 190.

смысле) характере исследовательских методов антиквариев[8], доказательности их суждений и достоверности хорографических описаний[9]. На деле картина оказывалась гораздо более многогранной. При всей своей значимости документы, приводившиеся антикварами в их оригинальной форме, а также их критика представляли собой лишь часть доказательной базы нарратива. Обязательным элементом встраивания в уже существующую традицию, дополнительной гарантией достоверности и авторитетности мнения автора служило обращение к четко определяемому кругу античных авторов, а точнее – к кругу узнаваемых цитат (преимущественно из произведений Аристотеля, Цицерона, позднеримских юристов и географов). При этом если интеллектуалы первого ряда (У. Ламбард, У. Кемден, Дж. Селден, Дж. Додридж) действительно обращались к большому количеству первоисточников, то авторы второго ряда тиражировали как цитаты классиков, так и целые фрагменты из ставших авторитетными текстов своих современников[10].

Параллельно определился и круг тех средневековых текстов (начиная от хроник и заканчивая юридическими трактатами), использование которых помогало антикварам актуализировать столь важное для них представление о континуитете английской истории. Речь шла отнюдь не только об использовании информативного ресурса величайших средневековых хроник – Генриха Хантингтонского, Ордерика Виталия, Матвея Парижского и др.; не менее важное место в антикварном историописании занимало воспроизведение мифологем британской истории и этногенетических мифов, прежде всего гальфридианского мифа о покорении Британии Брутом и разделении острова между его сыновьями Локрином, Альбанактом и Камбром. Нельзя сказать, что это воспроизведение было полностью некритичным; однако рефлексия антикваров была направлена отнюдь не на критическое изучение мифа, а на его эвристический потенциал в контексте процессов нациестроительства, обретавшего разнящиеся векторы при Тюдорах и Стюартах.

Таким образом, антикварный нарратив являл собой не самодостаточный микрокосм с завершенной и последовательной системой поставленных проблем и доказательств, а, напротив, открытую систему, интертекст. Множественность способов легитимации явления – от апелляций к глубоко архаичным компонентам до формулировки рационализирующих теорий – вообще была характерной чертой культуры раннего нового времени[11]. Дискуссионные вопросы, для ответа на которые антикварии собирали и организовывали кластеры документальных и риторических доказательств, как правило возникали за пределами конкретных нарративов[12], в рамках более широких общественно-политических

[8] Fussner 1962: 189.
[9] Fussner 1962: 180-183 et al.
[10] Terentyeva, Palamarchuk 2015.
[11] Федоров Паламарчук 2020.
[12] Fyodorov, Palamarchuk 2017.

дискуссий. Антикварное историописание оказалось невероятно плодотворной почвой, питавшей политико-правовые конфликты предреволюционной Британии. При этом специфика отбиравшегося материала и применяемая к его исследованию методология, во многом определявшаяся профессиональной принадлежностью авторов, формировала и специфику «антикварного ответа»; он был плодотворным, но не единственным и тем более не универсальным – ни в охвате потенциальной аудитории, ни в тематике освещенных сюжетов, ни в используемом языке.

Связь Кларендона с т.н. «новой историей» существенна, но далеко не во всем бесспорна. Подобно современникам-антикварам, он выглядит последовательным в критическом отношении к источникам. Точность исторической реконструкции для него зависела не только от критического прочтения письменных свидетельств и объективного отношения к материальным артефактам прошлого, но и от организации подчиненного задачам такого рода исследования стилистического, лексического и даже грамматического пространства исторического повествования. Тщательно отбирая свидетельства, он отдает предпочтение проверенной, в его представлении, достоверной информации. Активно цитируя источники (чаще всего без сокращений), он выбирает свидетельства очевидцев, официальную корреспонденцию, парламентскую документацию и протоколы заседаний армейских советов и, как представляется, стремится к известному «сталкиванию» зафиксированных таким образом мнений участников описываемых им событий. Ему не чужд и определенный формализм, когда его собственное мнение основывается на уже высказанном, но при этом авторитетном суждении.

Язык повествования у Кларендона, подобно языку Кемдена, Кока, Спелмана и Селдена и многих других его современников, сложен для современного восприятия. Лишенный какого-либо намека на стилистическое совершенство, он далек, вопреки утверждениям М. Броунли, от т.н. последовательной (риторически организованной) речи[13]. Отражая традиционное для антикваров негативное отношение к ренессансной композиции, а также к любым предписаниям соблюдать соответствующие стили в зависимости от предмета изложения, такой «неорнаментированный» язык, согласно рекомендациям Т. Бландевилла, более всего подходил для исторической прозы. Тем не менее выбор слов и отдельных выражений почти всегда взвешен и оправдан, что создает неповторимый, присущий только Кларендону повествовательный ритм.

Проблемно-ориентированная история – не самым точным образом сформулированная черта «нового» историописания – на деле означала определенный сдвиг в традиционной заточенной под нужды средневековых хроник организации материала. В средневековом историописании, предрасположенном к хронологическому, но не всегда последовательному ранжированию повествовательных блоков, отсутствовали лю-

[13] Brownley 1985. Противоположная точка зрения о стилистических новациях середины XVII столетия: Arakelian 1979; Федоров 2007.

бые значимые формы контекстуализации и последовательной верификации событий. Недостаток подобного рода связей отчасти компенсировался за счет телеологизма: присутствие божественного плана, предопределенность исторических событий придавала средневековой хронике известный смысл, организуя таким образом наполненное событийными лакунами и вымыслами повествование. Отсутствие последовательно воспроизводимых связей во многом оправдывал и хронологический срез – масштаб описываемого линейного течения событий: акцент на эпохах, династиях и, наконец, отдельных правлениях искусно создавал иллюзию царившего в средневековых хрониках порядка.

В антикварном историописании не столько изменился хронологический охват излагаемого материала, сколько определилось иное базовое измерение объекта исторической реконструкции. Не ослабляя интереса к отдельно взятому событию и его фиксации, уже тюдоровские историки сместили акцент на групповое (обладающее смысловым единообразием) измерение исторических фактов, предвосхитив тем самым столь характерный для просветителей подход, определивший постепенное превращение объединенных на уровне сходства и родства событий в значимое для структуры исторического повествования явление[14].

Групповое измерение событий видоизменило традиционный линейный принцип организации исторического нарратива, придав самому повествованию известную цикличность и иного рода определенность, но не исключило характерной для средневековых хроник хронологической предопределенности. Создаваемые циклами однопорядковых событий блоки (явления), сохраняя не только внутреннюю, но и внешнюю последовательность, закономерным образом усложняли пространными отступлениями общую хронологию повествования. Связь между событиями на уровне явления и между отдельными явлениями на уровне интуитивно конструируемого процесса оставалась при этом случайной, все еще не поддающейся рациональному толкованию последовательностью. Отсутствовали причинно-следственные объяснения.

Вопреки утверждениям Фасснера, выстраивавшиеся в текстах антикваров группы явлений формировали не столько объективирующие реальный смысл событий аналитические конструкты (в привычном для нас понимании – проблемы), сколько темы или же в более широком смысле – тематические блоки, определявшие содержательный репертуар исторического сочинения. Актуализация таких тем и их место в структуре повествования определялись, с одной стороны, индивидуальными предпочтениями самого автора и потребностями аудитории, для которой предназначалось это произведение – с другой. Написанная таким образом история была, скорее, тематически обусловленным, чем проблемно-ориентированным повествованием. Благодаря этому создаваемые антикварами тексты были преисполнены авторской индивидуальности, отличались особой вовлеченностью повествователя, букваль-

[14] Более подробно об этом: Shapiro 1983.

но определявшего структуру описываемых событий. Индивидуальная неповторимость антикварных текстов не исключала легко распознаваемые в них общие черты, объединявшие их создателей в единое интеллектуальное целое. Антикварное сознание требовало в интересах историописания первоначально «свернуть» реконструированные факты и события сначала в тематический блок, а затем – в организованный из этих сконструированных блоков текст с присущими ему особенностями, чтобы затем при каждом прочтении вербально организованная действительность могла «разворачиваться» перед самим читателем.

«Сворачивание» и повторное «разворачивание»[15] действительности в свою очередь подчинялось в сознании антиквариев вполне определенной цели. Ее исходным концептом оказывалось неизменное стремление использовать характерные для общества раннего Нового времени «процедуры» поддержания и воспроизведения исторической памяти[16]. Опираясь в своей реконструкции и изложении фактов на древние, средневековые, а также введенные в оборот их современниками исторические ресурсы, антикварии ориентировались не только на запросы своих влиятельных патронов, но также на интеллектуальные и политические потребности образованной элиты британского общества. Провозглашаемый каждым из них объективный подход к свидетельствам прошлого и настоящего, при всей его несомненной значимости, все-таки определялся потребностями времени. В этом смысле доминирующие общественные идеалы определяли как стратегию «сворачивания» действительности в антикварных текстах, так и допустимые механизмы ее «разворачивания» уже за пределами их вербального пространства.

Динамика такого «развертывания» подразумевала, что созданный антикварием текст первоначально воскрешал в сознании современника известные образы и ассоциации, затем соотносящиеся с ними факты и события, потом – определенные переживания и только далее – возможные умозаключения. Стремясь контролировать отдельные фазы такой процедуры, антикварии тщательно выверяли структуру и содержание создаваемых и текстов: общая картина прошлого должна была покоиться на известных образах и вызывать определенные ассоциации. Известность и узнаваемость образов, хотя и допускала некоторую свободу в определении соответствующих их восприятию фактов и событий, но ограничивалась господствующими стереотипами. Целостность образов и предопределенных таким образом ассоциаций гарантировала возможные оттенки их восприятия и самое главное – предопределяла потенциальные ракурсы умозаключений. Текст, его форма и способы организации становились важнейшими рычагами, управлявшими общественным сознанием элиты и контролировавшим ее историческую память.

[15] Федоров 1998; 2000.

[16] Используемое понятие восходит к термину «процедуры признания исторической памяти», впервые введенному английской исследовательницей С. Рэдстоун (Radstone 2005). О перспективности наблюдений Рэдстоун см.: Репина 2006: 27-28.

Процедуры поддержания и воспроизведения исторической памяти, содержащиеся в антикварных текстах, при всей их нормативности, опять-таки не исключали индивидуальных решений. В этом смысле корпоративность антикварного сознания на деле оказывалась достаточно гибкой: если предлагаемая новация не нарушала культивируемой этим сообществом нормы, ее охотно принимали и даже заимствовали.

Среди подобных новаций существует ряд предложенных антикварами решений, потенциальное значение которых для развития историописательных стратегий и самого антикварного дискурса было достаточно велико. Такого рода решения вызывали у читающей и интересующейся историческим прошлым британских островов публики весьма определенные ассоциации. Их смысловые рамки не только выстраивали в сознании современников необходимые, с точки зрения автора, логические связи, но и определяли контекст конечного восприятия собирательных образов, метафор, а также излагаемой вереницы событий и фактов. Такое «подталкивание» читателя к желательному итогу, провоцируемое отдельными антикварными текстами или группой связанных между собой текстов, обеспечивало поддержание определенного типа исторической памяти и его регулярное воспроизведение. Наиболее характерными для англичан конца XVI – первой половины XVII века были три типа исторической памяти[17], механизмы которых устойчиво ориентировали современников либо на последовательную романизацию германского прошлого британских островов, либо на повторную германизацию уже изрядно романизированной усилиями предшественников национальной истории, либо, наконец, – на разумное сочетание каждого из упомянутых концептов. Рождавшиеся в связи с римской историей ассоциации и параллели не только украшали и героизировали таким образом интерпретированное национальное прошлое, но и с легкостью вычерчивали величественный профиль династий, отдельных монархов, а также преемственность в публично-правовых и административно-судебных институтах. Германизация усиливала вариации этнополитического и этноконфессионального, ориентируя восприятие современников на признание специфики и неповторимости пройденного пути. Умеренное сочетание романских и германских концептов обеспечивало необходимые при объективном подходе эволюционную преемственность и разрыв.

Если романизирующий тип исторического сознания относился к числу повсеместно признаваемого, то два последующих типа исторической памяти, характеризовавших антикварный дискурс тех лет, весьма избирательно оценивались как интеллектуальным сообществом той поры, так и определявшей его основные вкусы политической элитой. Повторно германизирующий национальную историю подход вызывал наи-

[17] Мы сознательно пошли на подобную схематизацию типов исторической памяти, руководствуясь интересами обсуждаемой проблематики, но не отрицая при этом других более дробных бытующих в литературе классификаций: English Historical Scholarship 1956; Levy 1967; Shapiro 2003.

большее недовольство среди облеченных властью патронов, поскольку нарочито подчеркиваемая национальная специфика не всегда могла конкурировать со значительно романизированными континентальными примерами. Очевидно, комбинированный подход при всей его эклектичности был более приемлемым, хотя и уступал романизирующему подходу в яркости и емкости конечных формулировок.

Каждый из указанных подходов с характерной для него картиной исторического прошлого и механизмами ее поддержания либо, как романизирующий вариант, уже упрочивал собственные позиции, либо, как германизирующий или комбинирующий оба концепта, – усиленно пробивал себе дорогу к интеллектуальному пространству английского общества раннего Нового времени. И там, где речь шла о завоевании позиций, акцент на новаторском характере самих репрезентирующих прошлое технологий оказывался особенно очевидным. Технологии, конечно, понятие условное, но именно оно, с присущей такого рода обобщениям суммарностью, удачно отражает и схематизирует процесс постепенной адаптации менее привычных форм исторической памяти. Антикварии, заинтересованные в укоренении менее популярных взглядов на прошлое, широко использовали интеллектуальные и ментальные ресурсы англичан с тем, чтобы предлагаемые в их сочинениях варианты «распознания» прошлого аккумулировали если не широко распространенные приемы его репрезентации, то, во всяком случае, «запускали» в сознании современников без отказа работающие механизмы.

Кларендон, как известно, оставался в стороне от волновавших английских историков конца XVI – первой половины XVII в. сюжетов и, более того, не использовал в своем тексте столь характерных для антикварного дискурса античных и варварских параллелей. Тем не менее древность в широком смысле этого слова интересовала его и, как следует из написанного им в 1670 г. эссе «О должном отношении к древности», во вполне определенном ключе. Он относился критически не только к тому, что называл «ренессансной одержимостью древними текстами», но и к тому, что приводило к «безрассудному преклонению нашего знания перед античностью»[18]. Кларендон был убежден в самодостаточности современного ему исторического и более широко – научного знания и в этом смысле дистанцировался от «одержимого древностями» антикварного движения[19]. Он признавал значительными произошедшие в эпоху Средневековья изменения и полагал при этом, что успехи европейской культуры в целом были предопределены не столько ее отношением к античному наследию, сколько таящимися в ней самой возможностями. Временной разрыв, отделявший «античное общество и культуру от современности», в его представлениях был настолько велик, что европейцы (и англичане) были в полном смысле этого слова «обречены» на поиск собственного пути развития.

[18] A Collection of Several Tracts 1727: 218, 222.
[19] Hicks 1987; Seaward 2005.

Подобно многим антикварам, он интересовался нормандским завоеванием Британии, но при этом, в отличие от Кемдена и Селдена, писал об однозначном начиная с XI столетия развитии английской истории. «Нормандское христианство, освежающее и ободряющее дух англичан» не только смягчило «врожденную грубость нашего народа», но и обеспечило культурную интеграцию англичан в «континентальное сообщество[20]. После прихода нормандцев каждая веха английской истории выполняла, по мнению Кларендона, свою функцию, исправляя недостатки и совершенствуя достижения предшествующих эпох.

Для Кларендона стюартовская Англия по уровню своего развития во многом превосходила все другие известные периоды национальной истории, но, как и все предшествовавшие эпохи, несла в себе определенную функциональную нагрузку[21], отягощенную, однако, потрясшими страну бедствиями. «Великий мятеж» был испытанием, ниспосланным свыше «избравшей неверный курс монархии» и «погрязшей в грехе» нации. Собственно, детальному разбору этих двух обстоятельств и была посвящена его «История».

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Паламарчук А.А., Федоров С.Е. Антикварный дискурс в раннестюартовской Англии. Санкт-Петербург: Алетейя, 2013. 213 p. Palamarchuk A. A., Fyodorov S. E. Antikwarnyj diskurs w rannestuartowskoj Anglii. Sankt-Peterburg: Aleteia, 2013. 213 p.

Репина Л.П. Память и историописание // История и память. Историческая культура Европы до начала нового времени / под ред. Л.П. Репиной. Москва: Кругъ, 2006. С.27-28 [Repina L. P. Pamjat' I istoriopisanje // Istorija I pamjat'. Istoricheskaja kultura Ewropy do nachala nowogo wremeni / Pod red. L. P. Repinoj. Moskwa: Krug, 2006. S. 27-28].

Федоров С. Е. Honor Redivivus: Риторика представлений современников о стюартовской аристократии // Вестник С.-Петерб. ун-та. Серия 2. Вып. 4. 1998. С. 16-25. [Fyodorov S.E. Honor Redivivus: Ritorika predstavlenij sovremennikow o stuartowskoj aristokratii // Vestnik S-Peterb. Un-ta, Serija 2. Vyp.4. 1998. S. 16-25].

Федоров С.Е. О некоторых особенностях представлений об аристократии в Англии раннего нового времени // Проблемы социальной истории и культуры средневековья и раннего нового времени / под ред. Г. Е. Лебедевой. Санкт-Петербург, 2000. С. 160-179. [Fyodorov S. E. O nekotoryh osobennostjah predstavlenij ob aristokratii w Anglii rannego novogo vremeni // Problemy socialnoj istorii I kultury srednevekowja I rannego nowogo vremeni / pod red. G.E. Lebedevoj. Sankt-Peterburg, 2000. S. 160-179].

Федоров С.Е. Антикварное историописание: История и современность в яковитской Англии. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007. 69 с. [Fyodorov S.E. Antikwarnoe istoriopisanie: istorija I sovremennost w rannestuartowskoj Anglii Sankt-Peterburg: Izdatelstwo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2007. 69 s].

Федоров С.Е., Паламарчук А.А. Рассуждение о формуле власти // Средние века. 2020. Т. 81. Вып.1. С. 21-30 [Fyodorov S. E., Palamarchuk A. A. Rassuzdenije o formule wlasti // Srednie veka.. 2020. T. 81. Vyp.1. S. 21-30].

Эдуард Гайд, лорд Кларендон. История Великого мятежа / пер. А.А. Васильева и С.Е. Федорова; ком. А.А. Паламарчук и Е.А. Терентьевой. В 2-х тт. СПб.: Алетейя, 2019. [Eduard Gaid, Lord Klarendon. Istorija velikogo mjatehza / per. A.A. Vasilieva, S.E. Fyodorova; komm. A.A. Palamarchuk, E.A. Terenyevoj. W 2 tomah. Sankt-Peterburg: Aleteia, 2019].

A Collection of Several Tracts of the Right Honourable Edward, Earl of Clarendon. London: T. Woodword and J. Peele, 1727. 770 p.

Arakelian P. The Myth of a Restoration Style Shift // The Eighteenth century: Theory and Interpretation. 1979. Vol. 20. P. 225-247.

[20] A Collection of Several Tracts…:226, 335-336.

[21] Ibid: 237-238.

Berman H. J. The Origins of Historical Jurisprudence: Coke, Selden, Hale // The Yale Law Journal. 1994. Vol. 103. №7. P. 1651 – 1738.
Brownley M.W. Clarendon and the Rhetoric of Historical Form. Philadelphia: University of Pennsilvania Press, 1985. 239 p.
English Historical Scholarship in Sixteenth and Seventeenth Centuries / Ed. by L. Fox. Oxford: Oxford University Press, 1956. 153 p.
Ferguson A. Clio Unbound. Perception of the Social Past and Cultural Past in Renaissance England. Durham: Duke University Press, 1979. 443 p.
Fulbecke W. A Parallel or Conference of the Civil Law, the Canon Law and the Common Law in this Realme of England. London: printed by A. Islip, 1601-1602. 109 p.
Fussner F. The Historical Revolution. English Historical Writing, 1580 – 1640. London: Routledge & K. Paul Limited, 1962. 343 p.
Fussner F. Tudor History and the Historians. London: Basic Books, 1970. 312 p.
Fynlayson M. Historians, Puritanism and the English Revolution. Toronto: University of Toronto Press, 1983. 219 p.
Hicks P. Bolingbroke, Clarendon, and the Role of Classical Historian // Eighteenth-Century Studies. 1987. Vol. 20. No. 4. P. 445-471;
Levine J. Humanism and History. The Origins of Modern English Historiography. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1987. 297 p.
Levy F. Tudor Historical Thought. San Marino: Huntington Library, 1967. 305 p.
Lord Clarendon. The History of the Rebellion and Civil Wars in England / Ed. W. Mackrey. 6 vols. Oxford, 1888 (repr. 1958; 1992).
Radstone S. Reconceiving Binaries: the Limits of Memory // History Workshop Journal. 2005. Vol. 51. No. 1. P. 134-135.
Ridley Th. A View of the Civile and Ecclesiastical Law. L.: Printed by Adam Islip, 1607. 563 p.
Seaward P. Clarendon, Tacitism, and the Civil Wars of Europe // Huntington Library Quarterly. 2005. Vol. 68. No. 1-2. P. 289-311.
Shapiro B. A Culture of Fact. England, 1550–1720. Ithaca: Cornell University Press, 2003. 296 p.
Shapiro B. Probability and Certainty in Seventeenth Century England. Princeton: U.P., 1983. 360 p.
Terentyeva, E. A., Palamarchuk, A. A. The Rise of National Historical Writing in France: Andre Duchesne and his Historical Methodology // Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta-Istoriya. 2015. Вып. 2. С. 80-92.

Федоров Сергей Егорович, *доктор исторических наук, профессор, кафедра истории средних веков, Институт истории, СПбГУ, s.fyodorov@spbu.ru*

Паламарчук Анастасия Андреевна, *доктор исторических наук, доцент, кафедра истории средних веков, Института истории, СПбГУ, a.palamarchuk@spbu.ru*

Lord Clarendon and antiquarian historical writing

Comparison of the «History of the Great Rebellion» written by Lord Clarendon and the Early Stuart antiquarian tradition makes the authors to re-evaluate Frank Fussner's idea of «the revolution in historiography» in the Late Tudor and early Stuart England. According to Fussner, antiquarian narratives and Clarendon's «History» represent two successive steps towards problem-oriented history and secular type of historical mind. Critical evaluation of corresponding rhetoric and language, the range of sources and technics of its critical approaches, narrative and persuasive strategies leads the authors to demonstrate instead of continuity multiplicity and diversity in the Early Modern historiographical culture.

Keywords*:* Clarendon, antiquarians, revolution in historiography, historical writing, the Stuarts, England

Sergey E. Fyodorov, *Doctor in History, Professor, Medieval History Department, Institute of History, St. Petersburg State University, s.fyodorov@spbu.ru*

Anastasia A. Palamarchuk, *Doctor in History, Assistant professor, Medieval History Department, Institute of History, St. Petersburg State University, a.palamarchuk@spbu.ru*

В.В. Высокова, А.А. Дергачева

ЧЕСТНОСТЬ КАК ДОБРОДЕТЕЛЬ В «СЕРЬЕЗНЫХ РАЗМЫШЛЕНИЯХ» ДАНИЭЛЯ ДЕФО[1]

Авторы представляют результаты исследований третьей части романа Д. Дефо о Робинзоне Крузо, вышедшей на свет в 1720 г. «Серьезные размышления Робинзона Крузо» мало известны исследователям и пока не переведены на русский язык, в то время как только все, взятые вместе, части романа дают целостную картину авторского замысла. Данная работа является публикацией перевода части второй главы этого сочинения – «Эссе о честности». Рассуждения Дефо показаны в контексте изменений английского культурного кода Нового времени. Сделан вывод о конфликте двух морально-этических канонов – христианской и буржуазной морали. Уникальность текста определяется тем, что он пронизан библейской мудростью и отражает трансформацию морально-этических ценностей нонконформиста Дефо.
Ключевые слова: *Британия, Дефо Д., Просвещение, Робинзон Крузо, «переходная эпоха», пуританская мораль, моральная философия*

«Серьезные размышления о жизни и удивительных приключениях Робинзона Крузо» являются третьей частью известного романа о моряке из Йорка, написанного одним из самых заметных английских писателей первой трети XVIII в. Даниэлем Дефо. Этой части «истории» о приключениях Робинзона не повезло. В отличие от первой – «Жизнь и приключения Робинзона Крузо», которая имела беспрецедентный издательский успех и мировое признание, и второй части – «Дальнейшие приключения Робинзона Крузо», где герой романа знакомит читателя с Россией, третья часть «Серьезные размышления» была прохладно встречена современниками и не переиздавалась до 1790 г., когда все три части вместе были опубликованы впервые[2]. Интерес к ней возник совсем недавно, да и то в узком кругу специалистов[3]. При этом ее «автор» Робинзон Крузо во введении настаивает, что первые две части романа задумывались именно как иллюстрация к третьей и главной его части, так – «басня создана для морали, а не мораль для басни»[4].

«Серьезные размышления» в отличие от двух первых частей романа не являются художественным произведением и представляют собой собрание наставлений, написанных от имени Робинзона Крузо. Напомним, что роман был опубликован Дефо анонимно, и читающая публика воспринимала Робинзона Крузо как настоящего автора, представившего «дневник» своих приключений. Текст «Серьезных размышлений» разбит автором на главы, которые венчает своеобразный эпилог «Видение

[1] Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00186 «Культура духа» vs «Культура разума»: интеллектуалы и власть в Британии и России в Эпоху перемен, XVII–XVIII вв.»). Предисловие, научная редакция перевода и комментарии В. В. Высоковой, перевод А.А. Дергачевой.
[2] Furbank, Owens 1998. P. 32.
[3] Novak 2019; Эдкинд 2011. С. 52.
[4] Высокова, Дергачева 2019. С. 3.

ангельского мира». Дабы каждый мог достигнуть «ангельского мира» автор стремится поделиться с читателем «сводом» принципов, которыми руководствовался Робинзон в повседневной жизни, преодолевая многочисленные трудности. Дефо разбирает одну за другой (в отдельных главах) добродетели этого «нового» человека, прообразом которого является Робинзон. В первой главе «Об уединении» («Of Solitude») речь идет об индивидуальной ответственности человека за свою жизнь. «Полное [подлинное] одиночество» в человеческой жизни Дефо определяет как «великую благодать»[5], хотя и констатирует, что «без человеческого общества вся жизнь человека будет очень несчастной». В этом мире, полагает автор, только через осознанный индивидуальный опыт человек может достичь счастья. Он интерпретирует островную жизнь Робинзона как образ экзистенциального одиночества человека «даже посреди густонаселенного города». Только так человек может стать «господином» своей жизни, созидающим свое собственное «царство»[6].

Вторая глава посвящена другой добродетели – честности («Upon Honesty»). Самая большая по объему, она поделена на введение и четыре части. В первой Дефо рассуждает о честности как таковой, во второй – о честности в торговле и коммерции, в третьей – в отношениях между людьми, в четвертой – в семейных делах (текст последней части продолжает проблематику сочинения Дефо «The Family Instructor» (1715) и не вошел в данную публикацию).

В пространном *введении* в «Эссе о честности» (далее – «Эссе») Робинзон сообщает о том, что жизнь его клонится к закату и он достиг несомненного «процветания» и «человеческого счастья», чем обязан честным людям, которые встречались ему на жизненном пути, хотя и страдал немало от «низкого коварства и подлости человеческой натуры». Робинзон дает понять, что он далек от философских дискуссий своего времени и будет использовать слово *честность* «в его самом простом смысле, без.. обиняков или двусмысленностей, ибо я желаю говорить прямо и искренне… в соответствии с подлинным значением этого понятия». Честность в его представлении – это *долг* человека перед Создателем «сделать столько много хорошего… сколько возможности сделать это Провидение вкладывает в его руки». В этом «богатые люди являются фригольдерами своего Создателя» – творца «неба и земли». Они должны заботиться о «младших детях семьи», а именно о бедных. Кто не платит этой «ренты» не может быть назван честным человеком. Бессердечный, бесчеловечный скупец здесь противопоставляется честному щедрому человеку, который в каждый момент своей жизни помнит о долге перед Господом и живет по суду совести в собственном сердце. Такому человеку не нужны ни советчики, ни проводники. «Наивысший суд» человеческих деяний свершается «в груди каждого человека».

[5] Высокова, Дергачева 2019. С. 29.

[6] Экзистенциальный аспект трилогии Дефо о Робинзоне привлек в последние годы жизни внимание выдающегося французского философа Жака Деррида. Derrida 2011.

В *первой части* «О честности в целом», хотя Робинзон и заявлял о простоте своих доводов, он рассуждает о морали как универсальной ценности в отношениях между людьми. «Честность – это общая порядочность разума, способность действовать справедливо и благородно во всех сферах – духовной и светской, и в отношении всех людей – благополучных или падших». Действовать «справедливо и благородно» значит придерживаться золотого правила: «чего не пожелаешь себе – не делай другому»[7]. Интересно, что Дефо нигде не использует слов «нравственность» и «мораль», а передает основные положения нравственного поведения человека через противопоставление «честность-ложь». Ложь в тексте часто близка по смыслу к слову «обман», а лжец (англ. knave) сравнивается с честным человеком: «человек может быть бедным, но честным; несчастным, но честным; однако лжец и христианин; или лжец и джентльмен – несовместимые понятия». Другими «врагами» честности становятся такие человеческие пороки как «гордость», «хитрость», «злословие», «бессердечие». Дефо выводит здесь два «вида» честности: бессердечная «правовая честность» (буква закона) и честность, которая является «законом совести» («божьим законом»). Тема незаконно «по закону» осужденного должника не раз и не два встречается на страницах «Эссе», и здесь определенно ощущается травматический опыт самого Дефо. В развитие темы добавим, что уже старший его современник Дж. Локк в «Опыте о человеческом разумении» (1690) выводит три «вида» честности: если спросить, почему человек должен держать свое слово, у *христианина*, который ожидает счастья или несчастья в иной жизни, он скажет: «Потому что этого требует от нас Бог, имеющий власть над вечной жизнью и смертью». Если же спросить у *последователя Гоббса*, он скажет: «Потому что общественное мнение требует этого и Левиафан накажет тебя, если ты этого не сделаешь». А если бы можно было спросить какого-нибудь *древнего языческого философа*, он ответил бы: «Потому что поступать иначе нечестно, ниже достоинства человека и противно добродетели – высшему совершенству человеческой природы»[8].

Вторая часть «Испытание честностью» – о жестокости (аморальности) буржуазной морали. Робинзон, опираясь на принятое им христианское понимание честности, пытается показать несправедливость людей и законов по отношению к человеку, попавшему в затруднительное положение в своем предприятии. В его рассуждениях чаще всего речь идет о «денежном долге». Человек может оказаться в долгах в результате: «собственных пороков и невоздержанности» (1), «невежества и недостатка рассудительности в управлении делами» (2), «обманов, грабежа или несчастных случаев – пожар, шторм и т.п.» (3). Хотя нигде Дефо не ставит под сомнение сам институт товарно-денежных отношений, он считает, что «долг не является тяжким преступлением и никогда не был

[7] «Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки» (Мф. 7:12).
[8] Локк 1985. С. 117.

таковым; и морить людей в тюрьме голодом – наказание хуже, чем виселица, вещь настолько жестокая, что кредитор ни в коем случае не должен обладать властью причинять ее». В таких пассажах как: «нужда превыше человеческой природы», «сам Господь провозгласил, что сила обстоятельств непреодолима…», «неисчислимые случайности низвергают… людей», – ощущается личный опыт автора (банкротство и долговая тюрьма) и безжалостность «невидимой руки рынка». И если мерить коммерцию добродетельными категориями, активно присутствующими в философском дискурсе рубежа XVII–XVIII вв., несомненно, товарно-денежные отношения предстают как великая несправедливость. Поэтому мораль в сочинениях Юма, а позже Бентама и Милля приобретет ярко выраженный утилитарный характер и перестанет отвечать «золотому сечению» христианской морали: «никто не может служить Богу и мамоне». Слова Христа, что «легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богачу войти в царствие небесное» (Мф. 19:24), уйдут в забвенье.

В *третьей части* «Честность в обещаниях» обсуждается роль честности «в мирских делах» – ответственность держать данное слово или обещание. В мирских делах все больше царит «притворная честность», «лицемерие», которые в «двадцать раз» опаснее откровенной лжи, в то время как честное имя дороже жизни[9] (в русских переводах – «доброе»), считает Робинзон. Также тревожит Робинзона злословие, он выводит из долгой своей жизни следующие максимы: тот, кто стремится упрекнуть в недостаточной честности других людей, подошел очень близко к нарушению своей собственной; тот, кто поспешно упрекает другого без достаточных на то оснований, и сам не может быть честным человеком; там, где может быть достаточно оснований для упрека, честный человек всегда деликатен по поводу нравов своего ближнего из чувства бренности собственного бытия. Очевидно, что в тексте «Эссе» Дефо как «христианин, который ожидает счастья» и свято верит в роль Провидения, вступает в конфликт с практической моралью буржуазного общества. На это указывают непримиримые противоречия в тексте, чего, по-видимому, Дефо не замечает. Он пишет, что есть «такое обстоятельство, при котором ни один человек в мире не остался бы честен. Нужда превыше силы человеческой природы, и для Провидения позволить человеку впасть в эту нужду – значит позволить ему грешить, поскольку природа не наделена силой, чтобы защищаться, и сама Божья благодать не в состоянии укрепить ум против греха».

Очевидно противоречие текста «Эссе» и мировоззренческой позиции самого Дефо в столкновении христианской морали (Дефо воспитан в нонконформистской диссентерской академии и даже готовился принять священнический сан) с новой, отбрасывающей всякие нравственные основания, буржуазной моралью – то, что в последствии получит название «ханжеской морали». Как заметил Ноам Хомский, ханжа – это

[9] «A good life hath but few days: but good name endureth for ever» (Ecc. 41, 13); Праведная жизнь кротка – доброе имя вечно.

человек, отказывающийся следовать стандартам, которые он предъявляет к другим[10]. Сошлемся и на вывод российского философа О. Дробницкого о том, что европейская этика вплоть до последней трети XVIII в., выявив ряд специфических характеристик нравственности (социально-историческое происхождение морали, ее особая роль в жизни общества, ее нормативно-долженствовательный характер, и т.д.), так и не сумела согласовать их в единой концепции[11]. Это было и невозможно при победе Левиафана и стоящего на его страже закона. Русская пословица «закон, что дышло, куда повернешь – туда и вышло», перекликается в данном тексте Дефо с латинской поговоркой Summum jus, summa injuria.

ЭССЕ О ЧЕСТНОСТИ
[*введение*]

Когда я, наконец, вернулся домой, в свою страну, и начал постепенно возвращаться к обстоятельствам моих прошлых странствий, – как милостиво вы можете предположить, не делать этого было не в моих силах, – и процветание, коим я наслаждался в то время, совершенно естественно привело меня к размышлениям о конкретных шагах, с помощью которых я достиг оного. Мое весьма приподнятое состояние было, несомненно, человеческим счастьем; неволя, через страдания которой я прошел, сделала мою свободу еще слаще для меня, и то, как скоро я оказался в непринужденных обстоятельствах после состояния за гранью возможного, только добавило сладости.

Однажды, когда я размышлял о счастливом стечении обстоятельств, принесших мне процветание, мне пришло в голову, насколько это зависело, по божественному Провидению, от принципа честности, который я нашел почти у всех людей, с коими мне довелось встречаться в моих частных и личных делах; столкнувшись в других обстоятельствах с чрезвычайными проявлениями низкого коварства и подлости человеческой натуры, я не мог не отметить удивительные проявления честности, встреченные мною у некоторых людей, с которыми я имел дело. Я подразумеваю, в частности, тех, кто имел непосредственное отношение к обстоятельствам моей свободы, состояния моего имущества, или иным возможностям, оказавшимся в их руках.

Прежде всего, это одно мое доверенное лицо – верная вдова, жена капитана, с которым я впервые отправился к побережью Африки, и которому я доверил £200, доход, полученный мною во время моих первых приключений у Гвинеи, описанных в первом томе, на стр. 18.

Эта женщина осталась вдовой и была в стесненных обстоятельствах, но когда я написал к ней из далекой Бразилии, где я был в таком положении, что она могла бы справедливо предположить, что я никогда не вернусь, или даже если бы и вернулся, не был бы в состоянии потребовать у нее эти деньги; я также не имел ничего, чтобы заручиться ее доверием; тем не менее, она была настолько честна, что послала полностью всю сумму, что я попросил – £100; и показала, насколько это было в ее силах, свою искреннюю и честную заботу о моем благе, прислав мне также много необходимых вещей, о которых я не просил в своем письме – например, две Библии, а также другие хорошие книги для моего чтения и для обучения мною, как она объяснила потом, жителей католических и языческих стран, в каковые я имел шанс попасть. Честность ведет не только к выполнению всякого долга и полному доверию нашему соседу – настолько, насколько это справедливо; но честный человек признаёт себя должником всего человечества, ибо он может сделать столько много хорошего, будь то для души или тела, сколько возможности сделать это Провидение

[10] Chomsky 2002.
[11] Дробницкий 2002. С. 7.

вкладывает в его руки. Для того, чтобы отдать этот долг, человек постоянно ищет возможность совершать любые проявления добра и благородства, которые только возможно совершить; и, хотя мало кто считает так, человек не является совершенно честным, если не поступает подобным образом.

Принимая все это во внимание, я сильно сомневаюсь, что жадный и ограниченный человек – скупец, как мы его называем, тот, кто отдает себя лишь самому себе, будто бы он и родился только для себя одного, кто отказывается от преимуществ и возможностей делать добро, – я имею в виду, в высшей степени, как я описал, – я очень сомневаюсь, может ли такой человек быть истинно честным человеком. Нет, я полагаю, не может, потому что, пусть он и платит каждому по договоренности, и точен, как он думает, до фартинга, но все это – только часть той справедливости, которая, согласно расхожему выражению, и является величайшей несправедливостью. Это одно из значений известной поговорки «Summum jus, summa injuria»[12].

Уплатить каждому человеку ему принадлежащее – обычный закон честности, но делать добро всему человечеству, насколько это в ваших силах, – наивысший закон справедливости; и хотя, в обычном праве или по справедливости, как я ее называю, человечество не может предъявить нам никаких претензий, если мы всего только честно оплачиваем наши долги, но в небесной канцелярии они проявятся отчетливо, за них будет взыскано по справедливости – за все то хорошее, что должно было быть сделано, что было в нашей власти, и этот суд, наивысший суд, свершается в груди каждого человека – это истинный суд совести, и совесть каждого человека является для него верховным судией. Если он не выполнил свои обязательства, не оплатил этот долг, совесть предпишет ему оплатить оный под угрозой наказания прослыть нечестным человеком, пусть даже перед самим собою; если он все же откажется подчиниться, совесть будет действовать в соответствии с законными этапами процедуры Суда совести, пока, наконец, она не издаст ему “приказ явиться” и объявит его мятежником по отношению к естеству и собственной совести.

Все это, впрочем, подтверждает мои наблюдения за многими людьми, которые думают, что они чрезвычайно честны, если они платят свои долги, и не должны, как говорится, ни одной душе; они, как истинные скряги, которые стяжают все только для себя, но даже не помышляют о долге милосердия и благотворительности, который они должны всему человечеству. […]

О честности в целом

Я постоянно наблюдаю, что, как бы ни было мало по-настоящему честных людей, каждый человек думает и говорит о себе как о честном человеке. Честность, подобно небесам, превозносится всеми, и все люди претендуют на нее; это настолько общее место, что, подобно заезженной шутке, клятва веры обесценивается для человека – та, что в ее первоначальном смысле, есть клятва честности, и именно так следует ее понимать.

Как и в отношении небес, это меньше всего разумеют те, кто более всего на это претендует; часто это определяется расчетом в соответствии с частным интересом человека, хотя в то же самое время широкое толкование, которое некоторые позволяют себе, несовместимо с их [честности и небес] природой.

Честность – это общая порядочность разума, способность действовать справедливо и благородно во всех сферах, духовной и светской, и в отношении всех людей, благополучных или падших; способность же или неспособность человека поступать так не относятся к делу.

Честность можно разделить на справедливость и равноправие, или, если хотите, на долг и честь, поскольку оба они составляют не что иное как честность.

---

[12] «Безусловно осуществленное право (иногда) равносильно высшему бесправию» (перевод А.С. Козлова).

Взыскательная справедливость – это долг перед всеми нашими собратьями; благородная, всеохватная справедливость вытекает из этого золотого правила: «Quod tibi fieri non vis alteri ne feceris» [«Чего не желаешь себе, не делай другому»]; все это вместе взятое и составляет честность; честь, на самом деле, – слово в высоком стиле для того же самого, и

Отличается от справедливости только по названию,
Ведь честность и честь – одно и то же.

Честность имеет столь определяющий характер, что это наиболее нарицательная из всех возможных добродетелей; честный человек – наивысший титул, которым можно наградить в этом мире; все другие титулы пусты и нелепы без нее, и ни один титул не может быть воистину постыдным, если человек остается честен. Это та заглавная буква, по которой будет известен характер каждого человека, когда его личные умения и достижения уже прохудились от времени; без нее [честности] человек не может быть ни христианином, ни джентльменом. Человек может быть бедным, но честным, несчастным, но честным; однако лжец и христианин, или лжец и джентльмен – несовместимые понятия. Солгав, человек теряет свою репутацию и честь своей семьи, и его родовой герб должен нести особый знак, подобно незаконнорожденным. Когда джентльмен теряет свою честность, он перестает быть джентльменом, но с той же минуты становится распутником, и должен считаться таковым.

[…] Величайшее зло, которое, мне кажется, сопутствует этой добродетели, как розе – шип, колющий тех, кто трогает ее, – это гордость; человеку трудно быть очень честным и не гордиться этим; и, хотя тот, кто действительно честен, имеет, как говорится, чем гордиться, но я думаю, что эта честность в большой опасности, если кто-то ценит себя слишком высоко за обладание ею.

Истинная «честная честность», если мне будет позволено такое выражение, имеет наименьшее отношение к гордости с любой точки зрения на свете; она проста, чиста, подлинна и искренна; и если я слышу, что человек хвастается своей честностью, я не могу не испытывать некоторых опасений за него, по крайней мере, в том, что это [признак] его нездоровья и слабости.

[…] Существует уродливый сорняк, называемый хитростью, который очень пагубен для нее и который особенно вредит ей, скрывая ее от нашего обнаружения и затрудняя ее поиски. Это так похоже на честность, что многие люди были обмануты и приняли одно за другое на рынке; нет, я даже слышал о таких, кто посадили эту «дикорастущую честность», как мы могли бы назвать ее, в их собственной земле, использовали ее в своих дружеских и деловых отношениях, и полагали, что это и было настоящее растение, однако из-за нее они всегда теряли доверие. И это еще не самое худшее, потому что потери были также и у тех, кто имел с ними дело, и у тех, кто торговал фальшивым товаром; и мы до сих пор видим много обманутых так, засим и жалобы на ложных друзей, и плутовство, и обман в обычных мирских делах.

[…] Человек, который совершает поступки, сообразуясь лишь с минимальной честностью, находится в большой опасности. Я, несомненно, считаю справедливым делать все, что полагается по закону, но, если я ограничиваю свои поступки только такими, которые законны в буквальном смысле, я должен бросить каждого должника, пусть и бедного, в тюрьму, и не освобождать его до тех пор, пока он не заплатит все до последнего фартинга; я должен повесить каждого злодея без милосердия; я должен взимать штрафы за каждую просрочку и взыскивать за неисполнение каждого договора. Короче говоря, я должен стать неудобен всему человечеству и превратить его в неудобное мне – одним словом, стать тем же самым лжецом и тираном, поскольку бессердечие не есть честность.

Таким образом, Высший Судия оставил нам общее правило о честности для всякого человека, к которому сводятся все частности: «Quod tibi fieri, non vis alteri ne fe-

ceris»[13]. Это часть той честности, о которой я пишу, и которая действительно является более важной из этих двух; это проверка на прочность и великая заповедь, к которой можно прибегать, когда законы молчат.

Я слышал, как некоторые люди рассуждают, что они не руководствуются какими бы то ни было соображениями о нищете частных лиц, если дело касается продления срока или переуступки долга; что это все ex gratia[14], или последствия финансовой политики, потому что обстоятельства заставляют их принять решение лучше взять ту часть, что они могут получить, чем потерять все целиком.

Допускаю, что они могут быть в своем праве, если мы говорим о букве закона.

С другой стороны, человек, который дает долговую расписку, признает себя ответственным за нее не более, чем по закону; то есть, он может оспаривать иск, держаться до последнего, и, в конце концов, скрыться, чтобы ему не смогли вручить решение суда или исполнительный лист; он может обезопасить свое имущество, как и себя самого, от исполнительного производства, и даже вовсе никогда не выплатить этот долг, и все же в глазах закона быть честным человеком; и эта часть правовой буквальной честности поддерживается только другой, а именно бессердечной частью; ибо на самом деле такой человек, рассуждая в смысле общей справедливости, является лжецом; он должен действовать в соответствии с истинным намерением и смыслом своего обязательства, а также по справедливости в отношениях должника и кредитора – выплатить ему свои деньги, когда придет срок, а не держаться до последнего только потому, что невозможно заставить его заплатить раньше.

Законы страны действительно допускают такие действия, каковые ни в коем случае не могут допустить законы совести – как в данном случае, когда кредитор предъявляет иск по своему долгу, а должник не платит его до тех пор, пока он не будет принужден к этому по закону. Аргумент, который используют для того, чтобы оправдать моральность подобной практики, звучит таким образом:

Если человек доверяет мне свои деньги или товары в обычный кредит или заручившись моим словом, эти деньги он обеспечивает только моим словом, и зависит как от моей платежеспособности, так и от моей честности; но если он придет и потребует от меня долговую расписку, он перестает зависеть от моей честности и прибегает к закону для своей безопасности; смысл такого действия в том, что если он будет иметь долговую расписку, в его силах будет заставить меня заплатить ему, хочу ли я этого или нет; что же касается моей честности, он уже не будет иметь с ней ничего общего; поэтому мои действия по освобождению от долговой расписки в рамках того же закона, что применяет этот человек, будут столь же правомерны, как и иск с его стороны.

Таким образом, буква закона может разрушить честность как должника, так и кредитора, и в то же время и тот, и другой будут в своем праве.

Если же я могу высказать свое мнение по этому поводу, ни один из них не является честным человеком в том смысле, о котором я говорю; честность не состоит из отрицательных качеств, поэтому недостаточно просто не причинять ближнему личного ущерба согласно строгим смыслу и букве закона; я обязан, когда случай и обстоятельства предоставляют такую возможность, относиться к таковым случаям и обстоятельствам так, как того требует разум. Таким образом, – возвращаясь для начала к кредитору и должнику, – разум требует, что человек, попавший в экстремальные обстоятельства, не должен быть разорен за долги; ведь то, что неразумно, не может быть честным.

Долг не является тяжким преступлением и никогда не был таковым; морить людей в тюрьме голодом – наказание хуже, чем виселица, – вещь настолько жестокая, что кредитор ни в коем случае не должен обладать властью причинять ее. Законы Божии никогда не предполагали такого способа обращения с должниками, каковой мы с

[13] «И ка́к хотите, чтобы с вами поступали люди, та́к и вы поступайте с ними» (Лк. 6, 31).
[14] «от благодати», «из милости» (лат.).

тех пор сочли за правильный – не скажу честный – в нашей практике; но так как государственная политика столь щедро предоставила должника на милость букве за-кона, будет честным по отношению к закону действовать так; но в этом случае нужно счесть разумным и сострадание – почему нужно *«взять постель его из-под него»*[15]? Об этом и говорит текст [Библии], подразумевая, что это неестественно и неразумно.

[…] Некоторые могут возразить, если я должен относиться ко всему человечеству так же, как в подобном случае оно отнесется ко мне, я был бы должен подавать каждому нищему и прощать каждого бедного должника; ибо, если бы это я был нищим, мне бы тоже подали, и если бы я был в тюрьме, я бы был освобожден; и поэтому я должен отдать все, что у меня есть. Рассуждать так – значит передергивать аргумент; смысл его остается в отрицании: *не* делайте другому ничего такого, не причиняйте ему никаких тягостей, каковые вы не сочли бы справедливыми, находись вы в подобном положении.

Честность – это справедливость, каждый человек – лорд-канцлер самому себе; и, если он будет руководствоваться этим внутренним принципом, он найдет столь же разумным защищать своего соседа, как и себя самого. Но я продолжаю.

Испытание честностью

Только нужда делает честного человека лжецом; и если бы мир был судьей в соответствии с общепринятым мнением, на свете не было бы ни одного честного бедняка.

Богатый человек – честный человек не благодаря себе самому; ибо он был бы вдвойне лжецом, обманывая человечество тогда, когда у него нет нужды в этом: у него нет повода ни испытывать свою добросовестность, ни вообще касаться границ нечестности. Расскажите мне о человеке, который очень честен, потому что он всем платит пунктуально, никому не должен, не вредит никому; очень хорошо – в каких же жизненных обстоятельствах он находится? Ах, у него есть изрядное состояние, солидный годовой доход и никакого предприятия? Если такой человек станет лжецом, он, должно быть, в полном владении дьявола, ибо ни один человек не совершает зла ради самого зла; даже сам дьявол в грехах своих имеет далеко идущие замыслы, а не просто злодейство. Ни один человек не ожесточен в своих преступлениях настолько, чтобы совершать их просто из удовольствия от самого факта преступления – он всегда потакает какому-то пороку: амбиция, гордость или алчность делают лжецами богатых людей, а нужда – бедных. Но продолжим об этом честном богаче; у его соседа, процветающего торговца, чья честность была столь незапятнанной, насколько возможно, пропал богато нагруженный корабль, или его заморский агент промотался, а его вексель был опротестован, и он оказывается банкротом – он склонен скрыться или переуступить свой долг. Наш честный богач ополчается против соседа: теперь тот стал лжецом, изгоем и не платит своих долгов, давайте-ка примем закон, что, если пустился в долги, которые он не способен выплатить, он должен быть повешен, и тому подобное. Если беднягу прижал какой-то кредитор, и его посадили в тюрьму – да пусть сидит, он этого заслуживает; он станет примером другим, чтобы они не поступали так. И теперь, когда все свершилось, этот разорившийся торговец может быть так же честен, как и любой другой.

Вы говорите, что вы честный человек – откуда вы это знаете? Желали ли вы когда-либо хлеба, в то время как буханка вашего соседа хранилась бы у вас, и в той ситуации предпочли умирать от голода, но не есть его? Были ли вы когда-нибудь арестованы, и не могли прийти к мировому соглашению с вашим истцом – самостоятельно или же с помощью друзей – а в это же самое время у вас имелись в сундуке деньги другого человека, доверенные вам на хранение, – пошли ли бы вы на то, чтобы вас заключили в тюрьму, прежде чем взять часть доверенного и нарушить обеща-

[15] «…если тебе нечем заплатить, то для чего доводить себя, чтобы взяли постель твою из-под тебя?» (Кн. притч. 22, 27).

ние, данное доверителю? Сам Господь провозгласил, что сила обстоятельств непреодолима – настолько, что Он заповедал нам во имя нашего спасения не презирать вора, который ворует в таких обстоятельствах; это вовсе не значит, что человек становится в меньшей степени вором, а факт его воровства – менее нечестным. Слова [Библии] в этом месте удивительно точно подобраны к поучению: не презирайте этого человека, но помните, что если бы вы оказались в таком же отчаянном положении, вы стали бы тем же человеком и сделали бы то же самое, хотя теперь вам и кажется, что ваши принципы так непоколебимы; поэтому, каким бы ни было его преступление, как заповедовал Бог, не упрекайте его, а посему, кто думает, что он стоит, уберегись, дабы не упасть.

По моему мнению, можно назвать такое обстоятельство, при котором ни один человек в мире не остался бы честен. Нужда превыше силы человеческой природы, и для Провидения позволить человеку впасть в эту нужду – значит позволить ему грешить, поскольку природа не наделена силой, чтобы защищаться, и сама Божья благодать не в состоянии укрепить ум против греха.

[…] Но чтобы увидеть, на самом ли деле честность этого человека залегает глубже, чем у соседа, давайте немного перетянем весы его удачи на другую сторону. Его отец оставил ему хорошее состояние; но вот появились какие-то родственники – они размахивают иском на право владения его землями, выселяют его арендаторов, и человек попадает в неприятности, замешательство и преследование по закону. Слишком высокие таксы тяжбы вскорости лишают его всех наличных денег, а его ренты приостанавливаются, и вот он совершает первое посягательство на свою честность (согласно своим же прежним правилам): он идет к другу, чтобы занять денег, говорит ему, что этот вопрос будет решен, он надеется, быстро, и рента вернется к нему, и тогда он заплатит долг – и он действительно намерен сделать это. Но потом его постигает разочарование: проходит суд, он проиграл, и его право на имущество оказывается утерянным; его отец был обманут, и он не только теряет имущество, но и должен вернуть ту арендную плату, что он получал. Итак, человек разорен, у него нет ни пенни, чтобы купить хлеба или как-то помочь себе, и, кроме этого, он не может вернуть занятые в долг деньги.

Теперь обратимся к его соседу-торговцу, которого он так во всеуслышание называл лжецом, не оправдавшим доверия. К этому времени тот разобрался с кредиторами и снова съездил за границу, и он встречает того на улице в своих отягощенных обстоятельствах. «Что ж, – говорит торговец, – почему вы не заплатите моему двоюродному брату, своему старому соседу, денег, которые вы одолжили?» – «Это так, – говорит он, – потому что я потерял все свое состояние и не могу заплатить; увы, мне даже не на что жить». – «Да, но, – отвечает торговец, – не стали ли вы лжецом, заняв денег, которые теперь не можете вернуть?» «Что ж, и это так, – говорит джентльмен, – когда я одалживал их, я действительно собирался быть честным и не сомневался, что верну свое имущество, тогда бы я был в состоянии заплатить ему все до последнего пенни, но случилось совсем обратное, и пусть я отдал бы долг, если бы у меня были деньги, все же сейчас я не могу сделать это». «Хорошо, – говорит торговец снова, – но не вы ли называли меня лжецом, хотя я потерял свое состояние за рубежом из-за непреодолимых бедствий, тогда как вы лишились имущества в собственной стране? Разве вы не укоряли меня, когда я не мог заплатить долг? Я бы так же заплатил всем, если бы мог, как и вы». – «Что ж, это правда», – говорит джентльмен, – «я был дураком; я не понимал, что это было вызвано нуждою, и я прошу прощения».

Продолжим эту историю. Торговец по соглашению частично улаживает долги со своими кредиторами, выплатив каждому из них справедливую пропорцию из остатков своего имущества, насколько это возможно, получает долговое освобождение и возвращается к делу. Он трудолюбив, и снова берется за торговлю, поднимается до благополучного состояния, и в конце концов удачный [торговый] вояж или иной большой куш вновь возвышают его над миром. Человек, помня об остатках своих

прежних долгов и сохраняя принцип честности, созывает вместе своих старых кредиторов, и, хотя он уже получил ранее долговое освобождение, добровольно выплачивает им оставшуюся часть. Высокородный джентльмен же, не приспособленный к делу, в отчаянном положении уезжает за границу и поступает на службу в армию, и, зарекомендовав себя хорошо, становится офицером, а после – по заслугам своим – и большим человеком; но и в новом своем положении он не занимает свою голову прошлыми долгами на родине, но подвизается при дворе и в фаворе у принца, где он сделал свое состояние, и уж там слывет тем же честным человеком, что и прежде.

Я думаю, мне не нужно спрашивать, кто из этих двоих является честным человеком, равно как и то, кто из тех двоих воистину раскаялся – фарисей или мытарь.

Честность, как и дружба, проверяется в несчастье; и тот, кто громче всех выступает против оных, кто во время такой проверки вынужден сдаться, возможно, отступит так же при подобном ударе судьбы.

Быть честным, когда мир и изобилие сами текут нам в руки, – что ж, нужно благодарить наших родителей за благословение; но оставаться честным, когда обстоятельства ухудшаются, отношения становятся нестабильными и конфликтными, когда нищета глядит нам в глаза и весь мир угрожает нам, – тогда благословение приходит с Небес и может быть дано только оттуда. Господь Всемогущий мало замечает тех, кто служит Ему только пока Он кормит их. Этот сильный аргумент дьявол использовал в том диалоге между Сатаной и его Создателем об Иове. «Да, он непорочный человек, и страшно справедливый человек; еще бы он не был таким, когда ты даешь ему все, что он хочет. Я бы сам служил тебе и был бы так же верен тебе, как Иов, если бы ты был так же добр и щедр ко мне, как к нему; но теперь, не тронь его и пальцем; приостанови руку дающего и оставь его, заставь его немного терпеть лишения и сделать его подобным тем беднягам, которые теперь поклоняются ему, и ты быстро увидишь, как твой добрый человек станет таким же, как и другие люди; нет, страдание, которое причинят ему такие потери, заставят его проклинать тебя в лицо».

Верно, что дьявол ошибся в человеке, но этот аргумент все же нес в себе большую вероятность, и можно извлечь мораль как из аргумента, так и из последствий:

I. Легко сохранять честность и праведность, когда человек не вовлечен ни в какое дело, и бедность не давит на него.

II. Когда же нужда и бедствия застигнут человека, тогда и настанет время, чтобы доказать честность своих принципов.

Преуспевающий честный человек может только похвальбой говорить миру, что он честен, но разорившийся честный человек, оказавшись в тяжелых обстоятельствах, слышит, как другие люди говорят о нем, как он честен.

[…] Много подобных случаев оставило нам Писание, свидетельствуя о характере хороших людей, об их поступках в целом и об искушении их сердец, не упрекая их в то же время в конкретных недостатках, хотя их грехи были чрезвычайно тяжкими, и в тех обстоятельствах весьма постыдными.

Если какой-либо человек окажется настолько слаб, что выведет отсюда позволение с легкостью преступить свою честность под предлогом нужды, пусть он дойдет со мной до конца этого наблюдения, и найдет для этого возможность, если посмеет.

[…] Итак, если ни одного человека невозможно назвать честным, кроме того, кто никогда не был искушен даже в малом отступить от высоконравственной жизни, того, кто был достаточно силен, чтобы сопротивляться соблазнам [ложных] перспектив, или натиску бедствий, посягающих на его порядочность – горе мне, что пишу, и большинству тех, что читает! – где же найдем мы честного человека?

В Писании эта идея особенно отмечена такими словами: «Ибо семь раз упадет праведник, и встанет» (Кн. пр. 24,16). Как же так, ведь это очень странно: если человек совершает семь преступлений на дню – то есть много, здесь смысл в множестве, – как может он быть честным человеком? Что говорят о нем в мире? Повесьте

его; он лжец, негодяй, бесчестный малый. Это суд людской; но в суждении Писания он может быть праведником.

Основной замысел этого стиха и надлежащее истолкование его – завещать нам, что мы не должны слишком поспешно клеймить нашего брата за его грехи, его слабости или несчастья, так как тот, кто совершил непреднамеренное или другое преступление и нечестен в ваших глазах, может выбраться из этого бедствия искренним покаянием, и завтра же стать в глазах своего Создателя более честным человеком, чем ты сам.

Но здесь я сталкиваюсь с другим критически настроенным честным человеком. Ты говоришь о падении сегодня и возрождении завтра, грехе и покаянии; значит, если некий тип обманет меня на 500 фунтов и придет ко мне плакаться о своем покаянии, говоря, что надеется, Бог уже простил его, то мне будет трудно взыскать с него то, что Господь уже отпустил; он искренне сожалеет о вине, и тому подобное, и просит моего прощения, то есть, на самом деле, вымогает мое имущество. И что в этом покаянии для моих денег? Пусть он заплатит мне, тогда и я прощу его. Бог мог простить ему грех, но это не имеет отношения к его долгу.

Что ж, действительно, – могу я ответить на это, – вы находитесь в своем праве, если человек может вернуть вам долг и не делает этого; ибо я не подвергаю сомнению то, что каждое нарушение такого рода требует не только покаяния, но и возврата [долга]; вернуть столько, сколько должнику возможно; и если последнее отсутствует, то и первое вряд ли будет искренним.

Но если человек либо совершенно не в состоянии заплатить вам, либо выплачивает часть долга, но на пределе своих возможностей, а затем приходит и говорит то, что описано выше, то бедный человек прав, а вы – нет; ибо я совершенно не сомневаюсь, и могу привести на это неоспоримые доводы, что и тот может быть честен, кто не в состоянии оплатить долги свои, но не тот, кто может заплатить, но не платит.

Неисчислимые случайности низвергают чрезвычайно обеспеченных людей до бедственного и низкого положения; одни пали из-за своих собственных пороков и неумеренности; другие по слабости и невежеству и просто по недостатку рассудительности в управлении своими делами; некоторые обманом и мошенничеством посторонних; некоторые из простой случайности и неизбежных несчастных случаев, в которых власть Провидения показывает нам, что в гонке не всегда побеждает самый быстрый, в битве – самый сильный, а богатства не всегда достаются разумному[16].

[…] Но так как я начал этот спор, я не могу не сделать небольшое отступление в отношении людей, которые терпят неудачу в торговле. Я считаю, что самая большая ошибка таковых – страх перед признанием банкротства, который побуждает их, пока не иссякло к ним доверие, хотя и средства уже исчерпаны, поднажать еще, ожидая или по крайней мере надеясь вернуть себе положение каким-то счастливым вояжем или удачной сделкой, как они это называют, и устоять на ногах.

Я должен сказать, что не могу признать честность такого поступка; тот, кто, знает, что его положение трудно и состояние его на нуле, по справедливости не должен влезать в долги, потому что после этого он торгует не на свой собственный риск, а с риском для кредиторов, и все же он торгует для своей собственной прибыли, а не их. Это несправедливо, потому что он обманывает кредитора, который вверяет свои средства предприятию, которое считает крепким, а другой знает, что это не так. Нет, хотя он действительно заплатит этому кредитору, он не честен; ибо, по совести, его бывшие кредиторы имели право на все его прибыли пропорционально его долгам; и, если он действительно заплатит все одному, а остальным только часть, это неправильно в целом.

[16] «И обратился я, и видел под солнцем, что не проворным достается успешный бег, не храбрым - победа, не мудрым - хлеб, и не у разумных - богатство, и не искусным - благорасположение, но время и случай для всех их» (Екк. 9, 11).

Поэтому я бы посоветовал всем торговцам, которые видят, что их дела ухудшаются, если уж не в тот момент, пока они все еще могут полностью отдать все долги, то по крайней мере, как только они впервые найдут себя неспособными платить, полностью остановиться и созвать всех кредиторов; если есть достаточно средств, чтобы заплатить всем, пусть они заберут все; если же нет, пусть они возьмут свои части по справедливости. Это означает, что вы, безусловно, будете иметь Божье благословение, и звание честного человека останется с вами, чтобы начать с начала; да и кредиторы часто решают, с учетом такой исключительной честности, подкинуть еще немного, чтобы позволить такому человеку снова встать на ноги, или поддержать его добровольным продлением кредита и своею дружбой. Это гораздо лучше в отношении процентов и [сохранения] честности, чем пускаться во все тяжкие, пока бремя не станет слишком тяжелым для должника или кредитора. Это предотвратило бы многие тяжкие случаи, которые, я думаю, подвергают честность человека столь чрезмерному испытанию.

[…] Есть еще одна сторона в торговле, с которой знакомы многие очень честные люди, и которую, я думаю, ни в коем случае не нужно защищать, и это касается фальшивых денег. Традиция, до того, как старые монеты в Англии были выведены из употребления, настолько преобладала над честностью, что я видел, как некоторые люди смешивали все свои старые деньги с наличными для повседневных сделок, чтобы они были в каждой сумме, которую те платили, и таким образом они могли бы сбыть монеты тому или другому; я слышал, многие люди признавались, что совершенно не стесняются этого, но я никогда не мог заставить их привести хоть один веский довод для оправдания честности такого поступка.

Во-первых, они говорят, поскольку эти монеты пришли как деньги, они должны и уйти так же, на что я отвечаю, что это столь же хорошая причина, как такая: А. обманул меня, и поэтому я могу обмануть Б. Если я получил сумму денег как полноценную, и, не зная, что какая-либо из монет – старая, предлагаю ее в качестве оплаты другому, это справедливо и честно; но если другой покупатель завершил сделку, и он возвращает мне фальшивую монету или подделку, которые я меняю снова, а потом, зная, что это фальшивка, сбываю ту же монету следующему, худшей степени мошенничества я не знаю в целом мире, и я не сомневаюсь, что смогу доказать это бесспорно.

Если первый человек не принял эту фальшивку, так потому, что он сумел распознать ее, будучи одновременно бдительным и опытным; но, если я предложу фальшивку другому, так с расчетом, что тот, будучи либо менее бдительным, либо менее опытным, не заметит ее, и поэтому я воспользуюсь невежеством или недостатком внимания моего соседа.

[…] «Да, но... – скажет опытный торговец, который считается честнее среднего, – я всегда обменяю монету обратно, если ее возвратят». Да, сэр, так же и карманник отдаст вам ваш носовой платок, когда вы приперли его к стене и угрожаете ему расправой толпы. Дело, короче говоря, в том, что если человек, которого вы обманули, не сможет обмануть никого другого, то вовсе не благодаря вам: когда он вернется, обвиняя вас в мошенничестве, вы удовлетворите его требование, ведь, не сделай вы этого, закон принудит вас.

Но если вы собираетесь получить прибыль от мошенничества, к чему вы явно готовы, согласны на это, и способствуете тому, что должно произойти, то вот следствие: ваш первый грех против честности умножается во всех руках, через которые сознательно передается эта фальшивая монета, пока, в конце концов, она не попадает к бедному человеку, который не сможет избавиться от нее, и там, где монета была так необходима, чтобы купить хлеб голодному семейству, воцарятся зло и страдания.

Все когда-либо встреченные мною оправдания не могли убедить меня, что подсунуть олово или медь вместо золота или серебра – это честно; не больше, чем было бы дать слепому посыльному песок вместо сахара, или черный хлеб вместо белого.

Честность в обещаниях

«Человек познается по своему слову, а бык – по своим рогам», – говорит старая английская пословица. Если я правильно понимаю ее смысл, он в том, что честный человек известен точным соблюдением своего слова – это столь же естественно и ясно, как любое создание узнается по своему наиболее очевидному отличительному признаку. Эта особенность честного человека, его отличительный знак. Слово или обещание для него во всех его мирских делах так же священно, как самое строгое обязательство, которое может быть возложено на него; это не результат сформировавшихся умозаключений, или некая стратегия, направленные, конечно, на то, чтобы повысить или укрепить свой авторитет; нет, это естественный результат его принципа честности; это следствие, причина которого – его честность; человек перестает быть честным, когда перестает сохранять это священное отношение к взятому слову.

Если он дает слово, любой может вверить ему неприкосновенность своей жизни или имущества; он с презрением смотрит на то, чтобы уклоняться или изменить себе в точном соблюдении своего слова, пусть и в ущерб себе.

Я не могу сбить честного человека ни на дюйм в точном соблюдении обещания, данного им на честное слово, и выполнении его, насколько это посильно, потому что в самой природе человека, способного отказаться от данного им слова, есть, очевидно, нечто действительно низкое.

Почитание нашими предками своих обещаний и данного слова, я считаю, принесло то, что любой лжи теперь присуще клеймо чрезвычайного позора и скандала. Джентльмен – современное наименование честного человека или человека чести, и он не может получить большее порицание, чем когда его назовут лжецом; то есть скажут, что он отказывается от своего слова, нарушает обещание; в ту же минуту как он совершает это, он «раз-джентльменивает» себя, позорит кровь своей семьи, становится выродком, распутником, негодяем, и т.д.

Те люди, чье суждение о чести доходит до крайностей, считают, что обвинение во лжи непозволительно в отношении того, кого они называют джентльменом, или кто зовет себя так, пока он настолько не покроет себя сам всеми возможными степенями позора, что его побьют ногами и палками, и т.п.; и уж после этого, когда он нарушает свое слово, ему можно сказать, что он лжет, или что-то еще; но до тех пор такое обвинение – столь невыносимое оскорбление, что человек, осмелившийся столь нагло нарушить правила хорошего тона, не заслуживает чести и справедливости в своей жизни; подобно тем из диких зверей, которым отказывают в справедливой защите по закону об охоте и подстреливают у каждой изгороди, этих людей, как хулиганов и просто распутников, можно пристрелить в темноте и пырнуть ножом за углом переулка; то есть, с ними можно сделать что угодно, лишь бы исключить их из человеческого общества как лиц, непереносимых в содружестве хороших манер.

Я не согласен с такими крайностями; но я использую этот пример, чтобы свидетельствовать о почитании слова честного человека всеми добрыми людьми, и о почтении, которое в мире получила разумная добросовестность, выраженная уважительным отношением к данному слову. Французы, выражая подтверждение своей чести, всегда говорят так: «Je suis homme de parole»[17], я честный человек или “Я человек слова”; то есть, я человек, которому можно верить на слово, потому что я никогда его не нарушаю.

Такова была ценность обещаний в прежние времена, что на основе обещания выплату денег можно было возместить в наших судах по закону, пока неудобства не оказались столь велики, что был принят закон, ограничивающий эту сумму десятью фунтами[18]. Но и по сей день, если мужчина обещает взять женщину в жены, особенно если она предоставила ему свою благосклонность на этом основании, законы

[17] букв.: «Я человек (своего) слова».
[18] Statute 29 Car. II, ch. 3.

страны, которые в этом отношении основаны на законах чести, обяжут его сделать это по правилам, и это обещание будет признано достаточным, чтобы запретить ему женитьбу на ком-то еще.

[…] Нет такого, что не сделал бы мудрый человек, чтобы не нарушить свое слово и не дать миру такое неоспоримое свидетельство того, что он лжец. Это то самое доброе имя, о котором Соломон говорил, что оно важнее, чем [короткая] жизнь, что оно – как драгоценные благовония, и что если человек однажды потерял его, у него не остается ничего, что стоило бы сохранить[19]. Человек может даже повеситься, потому что ни один человек, похожий на человека, больше не составит ему компанию.

Если человек однажды нарушит свое слово, ни один человек, который заботится о своей репутации, не желает видеть его в своей компании; все добрые люди избегают его, словно чумного.

Есть и такие люди, которые чрезмерно точны в своих обещаниях и честном слове, но все же их нельзя назвать честными, потому что у них есть другие пороки и изъяны, которые делают их неправедными. Эти дают заверения о красоте честности, выбрав ее в качестве наилучшей маски, чтобы приукрасить свои поступки и скрыть другие пороки своей жизни; здесь честность, как и религия, используется для того, чтобы замаскировать лицемера и бросить тень на доброе имя, используя уважение, которым мир ее наделяет. Я скажу об этой притворной честности, как говорится о религии в подобных случаях. Если бы честность не была самым выдающимся достижением, ее бы не использовали как самое благовидное прикрытие; и нет для человека более изощренного способа притворства, как изображать чрезмерное рвение к выполнению своих обещаний; потому что, когда мнение о честности кого бы то ни было распространится среди людей, нет ничего, что они не доверили бы ему, ни таких трудностей, на которые они бы не пошли ради него.

Все люди почитают честного человека: лжецы от него в восторге, дураки обожают его, а мудрецы любят его; да, добродетель – воздаяние само по себе.

Честные люди находятся в большей опасности от одного такого лицемера, чем от двадцати откровенных лжецов; ибо последние отмечены общим знаком, предупреждающим, как бакен о [подводном] камне, чужеземцев не наткнуться на него. Но лицемеры подобны ловчей яме, отмели под водой, скрытой опасности, которую невозможно увидеть. Я должен признаться, что нахожу таковых опаснее всего и также познал тяжкие страдания, поведшись на их заверения в честности. Уважение, которое я всегда испытывал к самому прекрасному дару, ниспосланному Богом или полученному человеком, заставляло меня легко обманываться его подобием.

[…] Если каждый человек, который не может вовремя выплатить обещанный долг, должен быть поэтому назван лгуном и бесчестным человеком, то пусть тот, кто без греха, бросит камень[20], потому что никто другой не должен делать этого.

Действительно, есть разница между случайностью и обычным течением жизни; то есть, если говорить коротко, есть разница между тем, кто оправдывает нарушение своего слова слишком большим количеством обстоятельств, и тем, кто – лишь немногими; если это будет преступление, то совершающий его однажды не более честен, чем совершающий то же преступление сорок раз; если же это не преступление, тот, что делает это сорок раз, так же честен, как тот, кто делает это единожды.

БИБЛИОГРАФИЯ/REFERENCES

Высокова В.В., Дергачева А.А. Размышления Даниэля Дефо о «жизни и удивительных приключениях Робинзона Крузо» // Imagines mundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. No 10. Сер. Альбионика. Вып. 5. Екатеринбург, 2019. С. 10–31.

[19] «Праведная жизнь кротка – доброе имя вечно» (Екк. 7, 1).

[20] «Когда же продолжали спрашивать Его, Он, восклонившись, сказал им: кто из вас без греха, первый брось на нее камень» (Иоан. 8:7).

[Vysokova V.V., Dergacheva A.A. Razmyshleniya Danielya Defo o «zhizni i udivitel'nykh priklyucheniyakh Robinzona Kruzo» // Imagines mundi: al'manakh issledovaniĭ vseobshcheĭ istorii XVI–XX vv. No 10. Ser. Al'bionika. Vyp. 5. Ekaterinburg, 2019. S. 10–31].

Дробницкий О.Г. Моральная философия. Избранные труды. М.: Гардарики, 2002. [Drobnitskii O.G. Moral'naya filosofiya. Izbrannye trudy. M.: Gardariki, 2002].

Эдкинд А.М. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России». М.: Новое литературное обозрение, 2013. [Edkind A.M. Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskii opyt Rossii». M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013].

Chomsky N. Distorted Morality: America's War on Terror? Chomsky. Delivered at Harvard University, February 2002. URL: http://www.chomsky.info/talks/200202--02.htm

Derrida J. The Beast and the Sovereign. Vol. II. Translator Geoffrey Bennington. University of Chicago Press. 2011.

Furbank P.N., Owens W.R. A Critical Bibliography of Daniel Defoe. London; Brookfield, Vt.: Pickering & Chatto, 1998.

Novak M. Imaginary Voyages in Serious Reflections and A Vision of the Angelick World. URL: https://english.illinoisstate.edu/digitaldefoe/features/novak13.pdf

Writings on Travel, Discovery and History by Daniel Defoe. v. 7. L.; Brookfield, Vt.: Pickering & Chatto, 2001.

Serious reflections during the life and surprising adventures of Robinson Crusoe: with his Vision of the angelick world. Written by himself. London: Printed for W. Taylor. 1720.

***Высокова Вероника Витальевна**, доктор исторических наук, профессор, кафедра новой и новейшей истории, Уральский федеральный университет, vysokokva@mail.ru*

***Дергачева Анна Алексеевна,** магистр истории; newnuta@gmail.com*

Daniel Defoe's Serious Reflections upon "The Life and Strange Suprizing Adventures of Robinson Crusoe"

The authors present the results of research of the third part of D. Defoe's novel about Robinson Crusoe, which was published in 1720. «Serious Reflections of Robinson Crusoe» have not yet been translated into Russian, while only all parts of the novel taken together give a complete picture of the author's intention. This work is a publication of the translation of the second chapter of this work by D. Defoe «Essay upon Honesty». Defoe's reasoning is shown in the context of changes in the English cultural code of transitional era, the author of the article comes to the conclusion about the conflict of two ethical canons – Christian and bourgeois morality. The uniqueness of the text is determined by the fact that it is permeated with biblical wisdom and reflects the transformation of the Defoe's nonconformist moral and ethical values.

***Keywords**:* Britain, D. Defoe, Enlightenment, Robinson Crusoe, «transitional era», Puritan morality

***Veronika Vysokova,** Dr. hab. (History), Professor of the Modern and Contemporary History Department Ural Federal University; vyssokova@mail.ru*

***Anna Dergacheva,** MA (History), independent researcher; newnuta@gmail.com*

А.В. Стогова

«ОПУБЛИКОВАТЬ НАШ ПОЗОР РАДИ НАСТАВЛЕНИЯ НАЦИИ» *ХАРАКТЕР АНГЛИИ* ДЖОНА ИВЛИНА в интеллектуальном контексте второй половины XVII века

В центре внимания автора история, связанная с публичным обсуждением сочинения Джона Ивлина «Характер Англии», опубликованного анонимно в 1659 г. Этот текст, написанный на стыке разных жанров, давал возможность для различных прочтений. В статье рассматриваются его интерпретации – от сатирического пасквиля, связанного с жанром характеров, до травелога, представляющего новую модель описания нации и культуры,– и определявшие их контексты. Это позволяет уточнить особенности формирования национального дискурса в рамках культуры Просвещения.
Ключевые слова: *Англия, нация, характер, сатира, травелог, Ивлин, Фелтем, Сорбьер, Спрат, Лондонское королевское общество*

XVII столетие справедливо считается временем, когда в фокусе внимания оказывается понятие нации и начинается постепенная выработка английского, а затем, после Унии 1707 г., и британского национального дискурса. Франц Визельхубер отмечал, что после разобщенности периода гражданских войн и революции Англия пыталась нащупать путь, который помог бы вернуть единство, и с этими попытками связано формирование и развитие национальной идентичности. Не случайно в недавнем трехтомном издании Кембриджского университета «Британская литература раннего Нового времени в развитии», посвященном английской литературе с середины XVI в. по 1714 год в ее связи с политической историей, том, отражающий период второй половины XVII – начала XVIII века носит название «Возникающая нация»[1].

Действительно, в период Протектората и особенно Реставрации появляется большой комплекс текстов, так или иначе затрагивающий вопрос о специфике английской нации (как и других, особенно европейских наций), что способствует постепенной выработке устойчивых значений и моделей описания. Поскольку речь идет о периоде, когда еще очень важны жанровые границы и нормы, определяющие содержание, структуру и язык текстов, и, в то же время, социальные границы, формирующие как авторские, так и читательские стратегии, изучение этого проблемного поля ведется, как правило, с опорой на отдельные комплексы документов, которые, невзирая на стремление к междисциплинарности, по-прежнему зачастую рассматриваются в контексте их жанровой природы. Описания путешествий изучают одни исследователи, сатиру – другие, а политические трактаты третьи. В этом плане две упомянутые выше работы, при всех различиях между статьей и многотом-

[1] Emergent Nation 2019. Первый том о второй половине XVI в. – «Собирание сил» (Gathering Force 2019), второй – о первой половине XVII в. «Политический хаос» (Political Turmoil 2019).

ным проектом коллектива авторов, отражают общий исследовательский подход. В «Британской литературе раннего Нового времени в развитии» все три тома подчинены единой структуре, связанной с выделением отдельных сфер, в которых происходят наиболее значимые изменения (общие, идеологические, культурные и пространственные/локальные), посему неудивительно, что их рассмотрение тяготеет к различению типов и жанров сочинений (эпическая поэзия, сатира, религиозные памфлеты, литература о путешествиях, научные трактаты и т.п.), в рамках которых ведется изучение того или иного аспекта. Аналогичным образом Визельхубер, рассуждая о том, что в период Реставрации происходит складывание двух основных моделей национальной идентичности (Англии как либеральной, открытой демократии и как страны, чьи основные особенности определяются протестантизмом), исходит из круга вопросов и моделей описаний, свойственных одному типу источников – религиозно-политическим памфлетам, в которых национальная идентичность связывалась с вопросом о католиках и диссентерах[2].

Справедливость такого рассмотрения очевидна, однако при этом не учитывается еще один аспект, который является особенно важным для переходной эпохи, предшествующей существованию устойчивых национальных дискурсов, когда усиливающееся внимание к вопросам нации, национальной специфики и характера способствует постоянному вовлечению уже существующих текстов в новые дискуссии, нередко преодолевающие жанровые границы, и тем самым приводит к формированию новых дискурсов. Иными словами, один и тот же текст может по-новому прочитываться, переводиться в рамках нового проблемного поля и нового набора других высказываний. Это перепрочтение было особенно актуально для второй половины XVII века в связи с тем, что сохраняла свою значимость литературная барочная традиция совмещения нескольких форм и жанров текста в одном произведении, облегчавшая смещение акцентов и включение в разные дискуссионные поля.

Прекрасным примером такого рода культурных переводов в контексте формирования национального дискурса представляет собой история прочтения сочинения под названием «Характер Англии, каким он недавно был представлен в письме французскому дворянину», анонимно опубликованного в 1659 г. Его автором был Джон Ивлин, известный сегодня в первую очередь как автор дневника и один из основателей Лондонского королевского общества. Ему принадлежат также несколько трудов по самым разным темам – от скульптуры до садоводства и моды. Ивлин был весьма влиятельной фигурой периода Реставрации, особенно хорошо известной среди библиофилов и ученых-натуралистов, а также при дворе. Экземпляры своих книг, включая и «Характер Англии», он дарил друзьям и влиятельным лицам. Судя по записи в его дневнике, в число тех, кому он преподнес «Характер Англии», входили и

[2] Wieselhuber 2001: 131.

королевские особы[3]. Несмотря на то, что при жизни автора это сочинение переиздавалось как анонимное, авторство Ивлина после реставрации монархии в определенных кругах было хорошо известно и в значительной мере это поддерживало интерес к тексту.

«Характер Англии» представляет собой откровенно критическое, даже саркастическое и в то же время назидательное описание нравов английского общества периода Протектората, которое автор расценивает как общество, в котором нарушена существовавшая прежде социальная иерархия, а политическая идея свободы в повседневной жизни воплощается во вседозволенности и фамильярности. Удивительным образом, несмотря на то, что Ивлин является очень известным и популярным среди историков и литературоведов автором, «Характер Англии» до сих пор остается малоизученным. Между тем, в силу своего содержания и структуры, а также благодаря случайным обстоятельствам, вовлекшим текст в публичную полемику, «Характер Англии» оказался связан с целым рядом текстов, очень разных как по проблематике, так и по потенциальной аудитории. Эти публичные связи между текстами позволяют увидеть, как «Характер Англии» читался по второй половине XVII века, в какие контексты встраивался и какие реакции вызывал. Характеристика английского общества, представленная в тексте, была неразрывно связана с французским культурным влиянием. Ивлин подчеркивает это в названии своей работы, выбирая в качестве критически настроенного обозревателя английского общества именно француза и тем самым апеллируя к публичному образу Франции в английской культуре того времени. Выбор был неслучаен: тот факт, что недостатки в образе жизни и поведении англичан в годы Протектората обнаруживает подданный Короля-Солнца, подчеркивает политическую составляющую критики.

Ивлин был убежденным роялистом (поначалу он даже принимал участие в гражданской войне на стороне Карла I), и стремление после Реставрации заявить при дворе о своем авторстве книги, свидетельствует о том, что он рассматривал свое сочинение как про-роялистское политическое высказывание. То, что это высказывание сделано от лица француза – представителя самой мощной монархической державы, в которой, к тому же Карл II провел годы своего изгнания, придавало ему весомость. Как и сам король, Ивлин был явным франкофилом, «Характер Англии» – одно из трех опубликованных сочинений, в которых его опыт и знание французской культуры стали интеллектуальной рамкой для оценки современного английского общества и состояния культуры. Все они были написаны под влиянием пребывания в течение нескольких лет в добровольной ссылке в Париже при дворе Карла II[4].

Первым по возвращении Ивлина на родину в 1652 г. был опубликован трактат «Состояние Франции»[5], в котором дан детальный разбор

[3] Evelyn 2006: 378 (21.01.1661).
[4] См.: Стогова 2017. До этого Ивлин также посещал Францию.
[5] [Evelyn] 1652.

структуры и характеристик власти и общества современного французского государства. Его основной идеей было то, что порядок и процветание есть результат сильной монархической власти и особой культуры взаимодействия в обществе – любезности и галантности французов. Последним, в 1661 г., вышел небольшой памфлет под названием «Fumifugium, или затруднения, связанные с воздухом и дымом Лондона вместе со скромными предложениями по их развеиванию»[6], в котором Париж предстает образцом упорядоченного и хорошо обустроенного властью города. С этой оптикой и связан морализаторский, назидательный пафос «Характера Англии»: образ недостатков английской нации эпохи Протектората сформирован взглядом благовоспитанного и цивилизованного француза. Этот прием позволяет связать благовоспитанность с социальным миром и стабильностью власти. Дурные манеры англичан, проявляющиеся в неуважении к другим, высокомерии и, напротив, фамильярности, склонности к низменным занятиям, попрании возвышенного и величественного[7], которые никому так не очевидны как французу, представлены в тексте как одна из естественных причин социальных беспорядков, наравне с «равенством» и «популярным либертинизмом»[8].

В обращении к читателю обосновывается польза от знакомства с нелицеприятным мнением «француза»: «Репутация нашей страны имела для меня настолько большое значение, что моим первым побуждением было воспрепятствовать публичному обнародованию нашего позора, поскольку это можно было бы счесть актом величайшей бесчеловечности. Но после более беспристрастных размышлений я соблазнился идеей дать ему [этому тексту] возможность заговорить по-английски и предоставить свободу не упрекать, но наставлять нашу нацию…». И хотя французам также свойственно немалое число недостатков, критиковать их будет гораздо сподручнее, «если мы сначала исправимся сами»[9].

Назидательность связана не только с критикой режима Протектората, идея исправления, обозначенная Ивлином, подразумевает обращенность в будущее. Учитывая, что текст был издан в 1659 г., когда восстановление монархии уже виделось как вполне реализуемый проект, а

[6] [Evelyn J.] 1661.

[7] К примеру, пресвитериане как типично британский персонаж, описывается следующим образом: «Министр не носит облачения, подчеркивающего его значимость и величественность, но вышагивает в подштанниках. И когда он снимает мантию (а я видел, что некоторые так и делают), то больше походит на громилу, чем на святого отца. Они называют это *прилагать усилия* (taking pains) и для тех, кто их слушает, это воистину так. Но тем самым они нынче сами подталкивают каждого наглого кустаришку на то, чтобы занять их место, оскорбить и начать проповедовать самим. И, отвергнув всяческую благопристойность, подвергают и самих себя, и свое дело узурпации, обнищанию и насмешке. Вы можете вообразить себе, какие манеры и потрясающие суждения могут быть у людей, у которых нет ни Катехизиса, ни должных образом отправляемых таинств. Вера в Англии заключается в том, чтобы молиться и смирно сидеть по воскресеньям». Здесь и далее cit. ex: Evelyn 1825: 153.

[8] Ibid.: 150.

[9] Ibid.: 147.

также стремление распространить свой текст при дворе после того, как Карл II взошел на трон, вполне резонно предположить, что критика, представленная Ивлином, была адресована будущим власть имущим даже в большей степени, чем соратникам Кромвеля и его сына. Французское государство и общество виделось автору той моделью, на которую следует равняться, чтобы избежать повторения событий середины века. Об этом свидетельствует и то, что его критика затрагивает и предшествующий революции период. Он отмечает как отсутствие в общении англичан галантности и любезности, цель которых делать общество друг друга приятным и тем самым избегать конфликтов, так и культуры смешанного общения. Женщины и мужчины после трапезы развлекаются отдельно друг от друга, лорды не желают знаться с джентльменами, вместо возвышенной и приятной беседы[10] они предаются пьянству, сплетням и прочим недостойным развлечениям, и «они уже весьма чувствительно наказаны за это в Англии»[11]. Эти рассуждения представляют Францию с ее салонной и придворной культурой, основанных на общении достойных людей разных рангов и полов в рамках любезной беседы, своеобразной моделью социальной гармонии, которую английскому монарху, возвращающемуся из Франции, не стоит забывать.

Для того чтобы текст читался соответствующим образом, Ивлин связывает его с жанром «характеров», появившемся в английской культуре в последней трети XVI в. Он восходит к этическим характерам Теофраста и приобрел популярность после издания их латинского перевода в 1592 г. Но еще более значительную роль сыграла публикация уже на английском языке в 1608 г. «Характеров пороков и добродетелей» Джозефа Холла[12], которые опираясь на Теофраста (6 из 11 характеров напрямую заимствованы из текста греческого автора), существенно от него отличаются. В силу этого сочинение Холла считается очень важным для становления английской традиции жанра. Как отмечал Эдвард Болдуин, именно благодаря тому, что Холл не стремился подражать Теофрасту, а существенно изменил набор персонажей и манеру их представления, жанр характеров обрел в Англии свою специфику и претерпел в течение XVII в. существенные изменения[13]. В частности, именно благодаря Холлу жанр характеров в Англии оказывается тесно связан с витиеватой традицией эвфуизма, а также благодаря ему появляются специфически

[10] Неумение ее вести портит даже приятные формы времяпрепровождения, например, «такое невинное и в то же время пикантное и приятное развлечение, которое во Франции зовется подтруниванием». Англичане не соблюдают правила и нормы благопристойности, а посему «спустя короткое время они скатились к взаимным оскорблениям, так что пришлось приложить немало усилий для восстановления мира. И, как я слышал, это удалось только на следующий день после одной ссоры и одной дуэли». – Ibid.: 164-165.

[11] Ibid.: 163.

[12] Hall 1608.

[13] Последнюю фазу развития жанра Болдуин связывал с творчеством Аддисона и Стила, затем описание характеров становится уделом романистов. – Baldwin 1904: 80, 83.

английские типажи, которые впоследствии и выйдут на первый план. На протяжении первой половины века жанр все больше обретает национальную окраску и представляет национальные характеры, но по мере приближения к середине столетия он все в большей степени начинает отражать религиозные и политические разногласия.

В период Революции изображение отдельных социальных типажей становится востребованным инструментом политической сатиры и агитации, в первую очередь в рамках противопоставления монархической и республиканской, а также католической, англиканской и пуританской моделей общества и государства, сближаясь с жанром памфлетов. Благодаря этому тексты в рамках жанра характеров становятся еще более разнообразными, многие из них разительно отличаются от сочинений как Теофраста, так и Холла по стилю, содержанию и основной аудитории, превращаясь в пасквили, единственной целью которых является дискредитация оппонента. В центре внимания оказываются наиболее значимые в контексте событий 1640-х гг. типажи: иезуит и пуританин, тиран, истинный парламентарий, «кавалер» или верноподданный[14]. Они свидетельствуют не только о том, что жанр обретает черты политической сатиры, но и о том, что благодаря этому он оказывается неразрывно связан с таким достаточно новым понятием или культурным конструктом как нация, в контексте которого (в числе прочих контекстов) осмыслялись политические события середины XVII в. Неудивительно, что в таком контексте объектом внимания становятся не только отдельные представители, типичные для нации, но и нация в целом.

В 1648 г. появляется первый текст в этом жанре, в котором объектом критики оказывается характер нации с присущими ей нравами и обычаями. Это «Краткий характер Нидерландов» публициста и эссеиста Оуэна Фелтема[15]. Фелтем создал модель текста, которая, в силу того, что внимание было обращено на объект малознакомый читателю (в отличие от привычных английских характеров), подчеркивала, что написанная сатира является результатом личных наблюдений автора и его сопоставлений с Англией и англичанами, тем более что язвительные замечания (Фелтем описывает Голландию как «задницу мира», страну, расположенную столь низко, что ее жителям ближе всего добираться до ада[16]) сопровождались и отдельными похвалами: «Их дома, особенно городские – это самое прекрасное, что можно созерцать в этой стране. По внешнему виду и стоимости они намного превосходят английские, хотя им и недостает величественности»[17]. Фелтем акцентирует внима-

[14] Приведены названия лишь некоторых характеров, изданных в это время: The Jesuits Character 1642; Annotations upon the late Protestation [1642]; The Character of a Puritan 1643; The King no Tyrant 1643; The Right Character of a True Subject [1643]; A Character of an Antimalignant, or right Parliamentier, 1645; The Character of a Cavaliere 1647.

[15] Текст был написан на несколько лет раньше и ходил в рукописях, а издание 1648 г. было пиратским, авторизованная версия вышла в 1652 г. – Robertson 1943: 385.

[16] [Feltham] 1652: 3, 5.

[17] Ibid.: 19.

ние на том, что все наблюдения есть результат «трехнедельного изучения Нидерландов, в особенности Голландии»[18], позиционируя себя как стороннего наблюдателя. При этом, скорее всего, текст был воспринят в политическом ключе. Издание 1648 г. было пиратским и, вероятно, малотиражным[19]. Следующие два издания вышли в 1652 г., когда началась первая из англо-голландских войн.

Ивлин, как и Фелтем, предлагает посмотреть на английские характеры с точки зрения жителя другой страны и увидеть за отдельными моделями поведения, которые выделяли авторы других подобных текстов, черты, свойственные нации в целом. В тексте Ивлина очень хорошо заметен этот сдвиг фокуса. С одной стороны, он пытается очертить основные национальные особенности английского общества, которые, представляет неразрывно связанными (в глазах «француза») с политическими потрясениями («поистине это народ, склонный к переменам как никакой другой в мире»[20]), а также социальными изменениями. Большая часть суждений самого Ивлина о нации и национальном характере имеет очевидный политический подтекст. Его критика связана с поведением третьего сословия[21], с политическим и культурным доминированием которого он и ассоциирует Английскую революцию. С другой стороны, в тексте по-прежнему видны отдельные типажи – хозяева гостиниц, дворяне, пресвитериане и диссентеры и т.д. Особое внимание уделено женщинам, в первую очередь дворянкам. Любопытным образом политические и социальные проблемы, которые находятся в центре внимания, оказываются проблемами гендерными, а женщины предстают значимыми членами общества. Ивлин совершенно неслучайно, стремясь продемонстрировать значимость любезного обхождения, уделяет много внимания дамам. К середине века во французской литературе идея о роли женского общества в облагораживании нравов мужчин становится общим местом. В Англии второй половины XVII в., как отмечал К. Томас, подобные идеи распространяются благодаря влиянию Франции, «салонная культура которой со всей очевидностью продемонстрировала, что мужчина не может стать вполне цивилизованным, если он непривычен к общению с противоположном полом в смешанном обществе»[22]. Ивлин был одним из первых авторов, поднявших эту тему еще до того, как Карл II стал способствовать французскому влиянию при дворе.

О том, что текст Ивлина был прочитан в первую очередь в рамках английской традиции «характеров» свидетельствует появление, после выхода в свет его сочинения, сразу нескольких подобных текстов. В те-

[18] Ibid.: 1.

[19] Д. Робертсон, специально занимавшийся этим вопросом, не сумел разыскать ни одного экземпляра. – Robertson 1943: 385.

[20] [Feltham] 1651: 1.

[21] Напр., «грубость англичан» проявляется в оскорбительных выкриках портовых мальчишек. (Evelyn 1825: 149-150). Описанную Ивлином сцену впоследствии заимствовал Самюэль Сорбьер, о котором пойдет речь ниже. См. также: Стогова 2020.

[22] Thomas 2018. P. 49.

чение года после публикации «Характера Англии» в типографии Крука там же были изданы «Характер Испании» и «Характер Италии»[23], построенные на схожем принципе. В конкурирующем издательстве в том же 1659 г. вышел текст иного рода, хотя и с похожим названием – конволют, состоящий из «Характера Франции» и памфлета «Кастрированный галл, или ответ на недавний клеветнический памфлет под названием "Характер Англии"», написанных одним автором[24].

Оба текста характеризуют сочинение Ивлина как пасквиль и злостную сатиру. Анонимный автор «Характера Франции», заявляет, обращаясь к «беспристрастному читателю», что «господин недавно приехал из Франции, чтобы обоссать (*to cast the urine*) английскую нацию»[25]. Сама манера изложения показывает, что текст Ивлина был интерпретирован как низкая сатира, цель которой – разоблачение и высмеивание оппонента, в духе политических памфлетных «характеров» 1640-х, и вызвал соответствующую реакцию. Однако потребность в двойном ответе весьма показательна. «Характер Франции» более четко выдерживает жанровые нормы таких памфлетов – нация в нем представлена как единый типаж если не врага, то оппонента, воплощающего в себе всевозможные пороки. Здесь появляется цельный характер нации, определяемой через единый, устойчивый набор черт (основной характеристикой французов оказывается их распущенность). Не случайно автор начинает свои рассуждения с описания климата, с влиянием которого еще в Античности связывались культурные особенности того или иного народа.

Если Ивлин интерпретировал «Характер Нидерландов» Фелтема и написал свое собственное сочинение как политическое высказывание, то автор «Характера Франции» прочитывает жанр в памфлетном и сатирическом ключе. В его тексте нет никаких политических аллюзий[26], все возражения по существу вынесены в другой текст, полемического характера, непосредственно следующий за «Характером» и имеющий красноречивое название «Кастрированный галл».

Этот текст написан в форме письма (еще одной жанровой формы, которую использовал Ивлин), в котором последовательно разбираются отдельные суждения из «Характера Англии». Что интересно, этот памфлет, уже откровенно политический, представлен как письмо, обращенное к дамам, хотя автор очень быстро сбивается, адресуя свои возраже-

[23] The Character of Spain 1660; The Character of Italy 1660.

[24] A Character of France 1659. О том, что оба текста, скорее всего, написаны одним человеком, свидетельствуют последние строки «Характера Франции», отсылающие к дополняющему некоторые его положения «ответу».

[25] A Character of France // A Character of France 1659. N.P. Несмотря на низкий стиль и грубую лексику, текст в то же время свидетельствует об образованности автора: он использует латынь и греческий, цитирует Бодена, Рабле и Сервантеса.

[26] За исключением упоминания в обращении к читателю о скорой публикации книги под названием «Достойные люди Англии» – «кратких жизнеописаний наиболее прославленных личностей трех наций от Константина Великого до смерти покойного Протектора Оливера Кромвеля». – Ibid. N.P.

ния непосредственно Ивлину. Здесь на первый план выходит противопоставление свободной, а вместе с тем трудолюбивой и рассудительной Англии тиранической Франции, погрязшей в пороке. Моралистический аспект здесь четко увязывается с формой правления, французы предстают «нацией, которая скована цепями, чтобы она не могла подойти к государю настолько близко, чтобы потребовать у него ответа», тогда как Англия является «свободным государством, где никто не закован в кандалы привилегий»[27]. Одним из проявлений этой деспотической французской власти является борьба с разнообразием, сказывающаяся на самых разных аспектах жизни от архитектуры[28] до гендерных моделей поведения. Смешанная компания мужчин и женщин, которую Ивлин преподносит как основу любезного общения и социального мира, здесь видится знаком отсутствия различий «между мужскими и женскими светскими интересами»[29]. Французы оказываются нацией, которая кастрирована властью, лишена своей силы, феминизирована, т.е. поставлена в зависимое, подневольное положение и лишена способности совершать действительно важные/мужские дела. Эта потребность в двух разных ответах демонстрирует сложность в восприятии текста Ивлина, который не укладывается в привычные шаблоны, поскольку за его язвительными критическими оценками стоит не просто осуждение или насмешка, а сопоставление разных типов общества и власти.

После этой публикации Ивлин переиздает свой «Характер», дополняя его «оправдательным письмом», которое также адресовано женщине. Он подчеркивает, что грубость и вульгарность, с какой автор «Характера Франции» и особенно «Кастрированного галла», обращенного к «леди», отвечает на выдержанный в ироничном, но все-таки не грубом (ведь его пишет «француз») тоне «Характер Англии», лучше всяких аргументов свидетельствует о той самой нецивилизованности англичан, которую он сам и стремился отметить[30]. Ивлин оспаривает саму трактовку своего текста как оскорбительного пасквиля, еще раз подчеркивая, что основной целью, с которой он выступил с публичным обсуждением характера английской нации, является не насмешка и оскорбление, а желание обратить внимание на имеющиеся недостатки (и соответственно дать возможность их исправить). Он обращает против своего критика его же собственные слова: «Таким образом, мочу выпустили (*the urinall is cast*) в лицо врачу, и тот стал врагом, кто говорит нам правду»[31]. Эта

[27] Gallus Castratus // A Character of France 1659: 9, 8.

[28] Разнообразные фасады деревянных домов Лондона «заявляют о свободе наших подданных… не обязанных строить дома в соответствии с волей государя». Тогда как каменные роскошные сооружения Парижа свидетельствуют об «абсолютной тирании ваших королей, воздвигающих дворцы потом и кровью порабощенного крестьянства», а стремление подчинить город единому стилю расценивается как «принуждение к единообразию». Ibid.: 12, 13.

[29] Ibid.: 29.

[30] Evelyn 1825: 144.

[31] Ibid. P. 145.

специфика намерения, с которым высказывается критика, оказывается (не без участия самого Ивлина) в центре внимания и в следующей дискуссии, в которую был втянут «Характер Англии».

В 1664 г. во Франции было опубликовано «Описание путешествия в Англию, в котором затрагиваются вопросы состояния наук и религии, а также другие любопытные предметы», написанное Самюэлем Сорбьером вскоре после его трехмесячного визита в Англию. Почти сразу же после выхода книги автор был обвинен в оскорблении английской нации и приговорен к ссылке, а сама «дерзкая и безрассудная сатира» подлежала уничтожению[32]. Текст Сорбьера, написанный уже в жанре травелога, а не характеров, также был прочитан как пасквиль. Его автор действительно высказал немало нелицеприятных наблюдений об англичанах в целом и о конкретных людях (официальное обвинение в оскорблении английской нации преимущественно было связано с критикой премьер-министра лорда Кларендона). Сорбьер апеллирует к тексту Ивлина, обосновывая свой собственный критический взгляд: «Надо отдать им должное (с чего я и хочу начать), они [англичане] сами не осудили бы откровенность, с какой я говорю, если бы я писал на их языке. Они находят удовольствие в том, чтобы слушать правду. Они даже опубликовали в Лондоне несколько раз свой характер – книгу, в которой их соотечественник не стесняется говорить о том, что следовало бы исправить»[33]. Казалось бы, Сорбьер повторяет именно то, что Ивлин стремился донести до читателей буквально несколько лет назад, однако ни текст Сорбьера, ни его отсылка к «Характеру Англии» (и даже прямые заимствования)[34] не нашли понимания у аудитории, включая самого Ивлина.

От лица Лондонского королевского общества, которое принимало Сорбьера в 1663 г., его историограф и капеллан герцога Бэкингема Томас Спрат опубликовал в 1665 г. гневный отклик под названием «Замечания касательно путешествия в Англию господина де Сорбьера». Известно, что Ивлин принимал участие в его подготовке. Сохранилось одно из его писем к Спрату, в котором он предоставляет коллеге всю доступную информацию о Сорбьере, позволяющую его дискредитировать, и обвиняет француза в «злобных обвинениях» и «унижении нации»[35], то есть предъявляет ему те же претензии, какие были ранее высказаны в отношении его собственного сочинения. Об аргументах можно судить по сочинению Спрата, который, явно не без учета интересов коллеги по Лондонскому королевскому обществу, а может быть и под непосредственным влиянием Ивлина, вставляет в свои «Замечания» рассуждения о любви англичан публично критиковать самих себя: «Он [Сорбьер] говорит об этом так, словно это было нечто, утвержденное актом Парламен-

[32] Arrest du Conseil d'Estat 1664. P. 4.
[33] Sorbière 1980. P. 11.
[34] См. прим. № 22.
[35] Evelyn J. Epistle CCXX to Mr. Sprat Chaplaine to the Duke of Buckingame, 31.10.1664 // Evelyn 2014. Vol. I. P. 341.

та и авторитетом всего государства. На самом же деле, сэр, как вы можете помнить, это был небольшой памфлет, вышедший под названием "Характер Англии", около шести лет назад, но он преподносился как перевод с французского[36]. Хорошо, давайте предположим, что его написал англичанин, который не хотел быть опознанным. Имеет ли господин де Сорбьер основания делать из этого вывод, что вся английская нация часто публично описывает свой характер?»[37].

Любопытно, что публичная сатира Ивлина представлена здесь как нуждающаяся в еще одном оправдании, поскольку она опять вписывается в категорию пасквилей (будучи публично обозначена как образец для текста, который официально заклеймен в качестве такового). Спрат предоставляет это оправдание: «Первый из них был опубликован во времена тирании последнего узурпатора. И хотя он был очень суров по отношению к англичанам во многих вещах, по большей части это было сказано с добрыми намерениями, ради улучшения печального положения тех лет и многих дурных обычаев, которые установились во время гражданских войн. И теперь, сэр, я прошу вас обратить внимание на то, через какой пример он оправдывает себя самого. Ибо первая сатира на нашу нацию пишется во времена распущенности и смятения, но теперь он [Сорбьер] дополняет ее еще худшей, в то время как мы добились мира и процветания. Очевидным образом он считает достаточным оправданием того, что он пишет против нравов англичан, то, что сами англичане говорили то же самое, когда они были под властью Оливера и Ричарда»[38].

Спрат существенно корректирует публичный образ текста Ивлина, во-первых, благодаря тому, что противопоставляет его сочинению француза, которое оценивает как низкопробную сатиру. Основанием для этого служит в первую очередь цель высказывания – принесение пользы, – которая в «Характере Англии» не просто декларируется, как это делает Сорбьер, но проявляется в самих рассуждениях. Не менее значимым оказывается и контекст, в котором делается высказывание: одно дело высмеивать дурные порядки, предполагая возможности улучшения, другое дело – ради самого осмеяния. Противопоставляя «Характер Англии» и «Описание путешествия» как два сатирических текста, Спрат вводит сравнение с еще одним сочинением, которое позволяет оценить эту оппозицию: «[Сорбьер] позволяет себе такую вольность только потому, что Охвостье позволило Мильтону написать злобную книгу против светлой памяти покойного короля»[39]. Речь идет о памфлете «Иконоборец» (Eikonoklastes), написанном как ответ на роялистский бест-сел-

[36] То, что Сорбьер, не знавший английского языка, был знаком с содержанием «Характера Англии» и с тем, что он не был написан французом, позволяет предположить, что Ивлин (или кто-то из его близкого окружения) сам познакомил его с содержанием текста.
[37] Sprat 1665: 51-52.
[38] Ibid.: 57-58. Оливеру Кромвелю как Лорду-Протектору наследовал его сын Ричард.
[39] Ibid.: 59.

лер «Образ короля» (Eikon Basilike), в котором Карл I был представлен невинномучеником. Памфлет Мильтона был опубликован в октябре 1649 г., то есть уже после казни короля, и потому бессмысленная сатира представляется Спрату особенно кощунственной. Но если Мильтон высмеивает власть, которой уже не существует, и соответственно, его критика не может принести пользы, то Сорбьер нападает на общество, которое уже изменилось к лучшему. Во-вторых, само публичное обсуждение «Характера Англии» в контексте сочинения Сорбьера, включает его в традицию травелогов, благо одной из жанровых рамок, в которые Ивлин вписывает свои рассуждения, является рассказ о путешествии. Перемещение из Франции, в которой «красота беседы затмевает лилии и розы всех оттенков», в Англию, встречающую путешественника криками «Французская собака!»[40], наглядно выражает идею текста. Благодаря Сорбьеру, чье сочинение построено схожим образом как письмо, в котором дается отчет о путешествии в соседнюю страну, сочинение Ивлина оказывается втянуто в обсуждение того, каким образом путешественник может и должен представлять свои наблюдения. Поскольку Спрат выступает от лица Лондонского королевского общества, критикуя заметки путешественника, его рассуждения считывались частью аудитории (во всяком случае, самим Ивлином и его коллегами) в контексте деятельности Общества по выработке норм описания чужой культуры.

Одним из основных аргументов Спрата было то, что наблюдения Сорбьера крайне поверхностны, не дают понимания английской культуры и посему не представляют ценности: «Человек, который взялся за критику и исправление манер, за продвижение новшеств, который говорит не больше не меньше, как о соперничестве с музами, не нашел ничего достойного упоминания о своем путешествии от Парижа до Кале, кроме музыки и танцев поляков»[41]. Такому подходу он противопоставляет вдумчивые наблюдения Ивлина, который обращает внимание не на то, что первым делом бросается в глаза, и описывает свои наблюдения не для развлечения читателя или ради унижения англичан, но стремится сделать из увиденного выводы, которые могут служить общему благу.

Как показывают исследования, в Англии второй половины XVII – XVIII в. под влиянием эмпиризма происходила постепенная «переинтерпретация любопытства как интеллектуальной страсти в зрительное вожделение», и ключевую роль в этом сыграла деятельность Лондонского королевского общества[42]. Как отметила Барбара Бенедикт, «в период Реставрации материальные, письменные и социальные проявления любопытства бросали вызов современным границам знания и определениям очевидности и ценности: что может и должно оставаться тайным, кто может или должен интересоваться (и чем), кто является любознательным и какое любопытство допустимо или способствует организации

[40] Evelyn 1825: 149.
[41] Sprat 1665: 27-28.
[42] Benedict 2001: 25.

моральной и политической власти в обществе»[43]. Для Спрата образ англичан, нарисованный Сорбьером и призванный развлечь читателя, связан с предосудительной поверхностностью и бесполезностью взгляда в отношении вопросов крайне серьезных. В широком контексте эти изменения в восприятии любопытства связаны с формированием традиции изучения культуры, а в более узком, непосредственно связанном с деятельностью Лондонского королевского общества (главным образом через журнал «Философские транзакции»), – с тем, как чужие культуры должны описываться путешественниками. На первый план выходит понимание культуры, а не просто ее описание, и, соответственно, «Характер Англии» прочитывается как отражающий исследовательскую, философскую позицию наблюдателя-путешественника. Такое прочтение выстраивает связь и с другим текстом самого Ивлина – «Состояние Франции». Этот трактат о современном состоянии общества и власти во Франции был написан им как результат его наблюдений в рамках одного из путешествий. Форма трактата как раз подчеркивает важность осмысления и систематизации полученного опыта, а не просто его изложения. Во введении к этому тексту, Ивлин сформулировал и свои представления о том, в чем должна выражаться позиция наблюдателя у молодого человека, отправляющегося в «Большое путешествие»: «Он должен путешествовать разумно и, подобно философу, старательно (на протяжении всего своего паломничества) обращать внимание на те вещи, которые могут наилучшим образом послужить к пользе и достатку его собственной страны по его возвращении»[44].

Любопытно, что Спрат не апеллирует к жанру характеров, хотя и замечает, что Сорбьер стремится описать именно характер английской нации. В его рассуждениях характер нации предстает значимым объектом серьезного изучения, а не просто назидательного или критического высказывания. Он вменяет в вину Сорбьеру то, что тот пытается понять «характер гения и пороков нашей нации, конституцию, развращенность церкви, слабость правления, педантство наших ученых и варварство нашего языка за трехмесячный срок»[45].

Это новое отношение историки связывают не только с научным знанием, но и с формированием просветительского дискурса о культуре. Исследователи любят отмечать, что Вольтер в «Английских письмах» противопоставляет свои описания именно тем, что были даны Сорбьером (их он тоже оценивает как сатиру невежественного и недалекого человека, не удосужившегося выучить английский язык и проведшего в стране очень мало времени). Как пишет Ира Уэйд, Вольтер при этом не замечает, «что его предшественник обнаружил такой способ разделения объекта [изучения], который позволяет проанализировать все важ-

[43] Ibid.: 28.
[44] Cit. ex: [Evelyn J.] The State of France as it Stood in the IXth Yeer of this Present Monarch Lewis XIIII // Evelyn 1825: 43.
[45] Sprat 1665: 48-49.

нейшие составляющие цивилизации»[46]. Учитывая, что позиция Вольтера очень сходна с суждениями Спрата, можно сделать вывод, что просветительский дискурс нации и культуры в значительной мере формируется через противопоставление тому типу описания нации, которое рассматривалось как сатирическое и сформировалось под влиянием памфлетных «характеров» 1640-х – начала 1660 гг. «Характер Англии» играет в этой истории непростую роль: способствуя распространению этой сатирической модели, он изначально ее же и подрывал. Будучи на первых порах воспринят как пасквиль, он вскоре оказывается образцом новой модели описания нации, которую мы сейчас ассоциируем с культурой Просвещения. Свидетельством этому может служить то, что «Характер Англии» в 1700 г. (т.е. еще при жизни Ивлина) переиздается еще раз, но под совершенно иным названием, лишенным любых намеков на сатиру и характеры-памфлеты: «Путешествие в Англию. С некоторыми суждениями, касательно обычаев и традиций этой нации»[47].

БИБЛИОГРАФИЯ/REFERENCES

Стогова А.В. Как сконструировать добровольное изгнание в Париж? Джон Ивлин и Английская революция // Новое литературное обозрение. № 4 (147). 2017. С. 154-167. [Stogova A.V. Kak skonstruirovat' dobrovol'noe izgnanie v Parizh? Dzhon Ivlin i Anglijskaja revoljucija // Novoe literaturnoe obozrenie. № 4 (147). 2017. S. 154-167]

Стогова А.В. О грибах, комарах и французов: Лондонское королевское общество и политика ошибок // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории / Под ред. О.И. Тогоевой и И.Н. Данилевского. Вып. 15. М., 2020. С. 94-110. [Stogova A.V. O gribah, komarah i francuzov: Londonskoe korolevskoe obshhestvo i politika oshibok // Kazus. Individual'noe i unikal'noe v istorii / Pod red. O.I. Togoevoj i I.N. Danilevskogo. V. 15. M., 2020. S. 94-110]

A Character of an Antimalignant, or right Parliamentier, expressing plainly his opinion concerning King and Parliament. London: F. N. for Robert Bostock, 1645.

A Character of France. To which is added, Gallus Castratus; or, an answer to a late slanderous pamphlet, called The Character of England. L., 1659.

Arrest du Conseil d’Estat rendu contre un livre intitulé “Relation d’un voyage en Angleterre” composé par le sieur de Sorbière, au désavantage de la nation anglaise et du roy de Danemark. P., 1664.

Baldwin E.Ch. The Relation of the Seventeenth Century Character to the Periodical Essay // PMLA (Publ. of the Modern Language Association of America). 1904. Vol. 19. No. 1. P. 75-114.

Benedict B. Curiosity: A Cultural History of Early Modern Inquiry. Chicago: University of Chicago Press, 2001.

Emergent Nation: Early Modern British Literature in Transition, 1660–1714 / Ed. by Elizabeth Sauer. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.

[Evelyn J.] A Journey to England with some account of the Manners and Customs of that Nation. Written a the Command of a Nobleman in France. London: A. Baldwin, 1700.

[Evelyn J.] Fumifugium, or, The inconveniencie of the aer and smoak of London dissipated together with some remedies humbly proposed by J.E. esq. to His Sacred Majestie, and to the Parliament now assembled is a pamphlet. London: by W. Goldbid for Gabriel Bedel, 1661.

Evelyn J. Miscellaneous Writings. London: Henry Colburn, 1825.

Evelyn J. The Diary of John Evelyn. London: Everyman’s Library, 2006.

Evelyn J. The Letterbook of John Evelyn / ed. by Douglas D.C. Chambers and David Galbraith. Toronto, Buffalo, London: University of Toronto Press, 2014. Vol. I-II.

[Evelyn J.] The State of France, as it stood in the IXth yeer of this present Monarch, Lewis XIIII. Written to a Friend by J. E. London: M. M. G. Bedell & T. Collins, 1652.

[46] Wade 1971: 200.

[47] [Evelyn] 1700.

[Feltham O.] A brief Character of the Low-Countries under the States. Being three weeks observation of the vices and vertues of the inhabitants. London: for Henry Seile, 1652.
Gathering Force: Early Modern British Literature in Transition, 1557–1623 / Edited by Kristen Poole and Lauren Shohet. Cambridge: Cambridge University Press, 2019
Hall J. Characters of virtues and vices. London: by Melch. Bradwood for. Eleazar Edgar and Samuel Marham, 1608
Political Turmoil: Early Modern British Literature in Transition, 1623–1660 / Edited by Stephen B. Dobranski. Cambridge: Cambridge University Press, 2019
Robertson J. Felltham's Character of the Low Countries // Modern Language Notes. 1943. Vol. 58, No. 5. Pp. 385-388.
Sorbière S. Relation d'un voyage en Angleterre: où sont touchées plusieurs choses, qui regardent l'estat des sciences, & de la religion, & autres matières curieuses. Saint-Etienne, 1980.
Sprat Th. Observations on Monsieur de Sorbier's Voyage into England written to Dr. Wren, professor of astronomy in Oxford. L., 1665.
The Character of a Cavaliere with his brother Seperatist; both striving which shall bee most active in dividing the two nations, now so happily, by the blessing of God, united. L., 1647.
The Character of a Puritan [in verse] and his gallimaufrey with the Antichristian clergie; prepared with D. Bridges sauce for the present time to feed on. [London], 1643
The Character of Italy, or, The Italian Anatomiz'd, by an English Chyrurgion. L., 1660
The Character of Spain: Or, An Epitome of Their Virtues and Vices. L., 1660
The Jesuits Character; or, a description of the wonderfull birth, wicked life, and wretched death of a Jesuite, etc. London, 1642; Annotations upon the late Protestation; or, a true character of an affectionate minde to king and parliament. [Signed, T. L.] [London], [1642]
The King no Tyrant: or, the Character of them both. Being the true mirrour of a Commonwealth, etc. London : For Laurence Chapman, 1643
The Right Character of a True Subject; profitably declaring how every man in this time of danger ought to square all his actions, that he may neither be taxed of disobedience to the maiesty of the King, nor want of duty to the wisome [sic] of the parliament. [London], [1643]
Thomas K. In Pursuit of Civility. Manners and Civilization in Early Modern England. New Haven, London: Yale University Press,2018.
Wade I.O. Intellectual Origins of the French Enlightenment. Princeton: University Press, 1971.
Wieselhuber F. Models of National Identity in Restoration Pamphlets // Writing the Early Modern English Nation: The Transformation of National Identity in Sixteenth- and Seventeenth-century England / ed. by H. Grabes. Rodopi, 2001. P. 131 (131-148)

Анна Вячеславовна Стогова *кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела историко-теоретических исследований, Институт всеобщей истории РАН; доцент кафедры истории и теории культуры факультета культурологии РГГУ; genderhistory@gmail.com*

"To publish our shame for the instruction of the nation" *A Character of England* by John Evelyn in the intellectual context of the second half of the 17th century

The focus of this study is on a story related to the public discussion of John Evelyn's work *A Character of England*, published anonymously in 1659. This text, written at the intersection of several genres, provided an opportunity for different readings. The article deals with different interpretations of Evelyn's text, from a satirical libel associated with the genre of characters to a travelogue that represents a new model of description of nation and culture, and the contexts that defined them. This makes it possible to clarify the peculiarities of the formation of national discourse within the framework of the culture of the Enlightenment.

Keywords: England, nation, character, satire, travelogue, Evelyn, Feltham, Sorbière, Sprat, London Royal Society

Anna Stogova*, PhD in History, Senior Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; assistant professor, Department of History and Theory of Culture, Russian State University for the Humanities; genderhistory@gmail.com*

С. А. Белобородов

РУССКИЕ “СЛУЖБЫ” Н.Г. СПАФАРИЯ-МИЛЕСКУ[1]

Имя Н.Г. Спафария-Милеску (ок. 1636–1707), талантливого дипломата, администратора, ученого, переводчика и компилятора, автора более тридцати литературных трудов, тесно связано с историей и культурой России. Несмотря на обилие научных и научно-популярных работ, посвященных этому незаурядному человеку, в его биографии все еще немало «белых пятен». На некоторые вопросы, связанные с жизнью Спафария в России, и его «службами» на благо Русского государства мы попытаемся дать ответ в статье. На примере уральского и западносибирского регионов показано, насколько сочинения и переводы, которые создал Спафарий, были популярны в России в XVII–XIX вв. и кто был читателем его произведений в разные периоды.
Ключевые слова: *Н.Г. Спафарий-Милеску, Посольский приказ, переводные сочинения, Урал, Западная Сибирь, распространение рукописных книг, старообрядцы.*

Николай Гаврилович Милеску родился в с. Милешты Васлуйского округа в семье молдавского боярина, имевшего греческие «корни»[2]. Первоначальное образование он получил в Ясской славяно-греко-латинской академии, продолжил обучение в Константинополе в «высшей школе» патриарха, где кроме изучения греческого, турецкого и арабского языков слушал лекции по истории, философии, литературе и богословию. Заканчивал учиться он в Италии, где занимался естественными науками, математикой, латинским и итальянским языками, вероятно, в Падуанском университете. Вернувшись на родину, Н. Милеску быстро сумел достичь высокого положения при дворе молдавского господаря. Его выдающиеся для того времени познания в науках, владение многими иностранными языками помогли ему сначала занять должность грэмэтика (секретаря), затем – советника, логофета (руководителя государственной канцелярии) и, наконец, спатария (командующего наемным войском). Вместе с господарем Григорием I Гикой Милеску-Спафарий участвовал в 1655 г. в походе на север Молдавии. Во время стоянки у Нямецкого монастыря, он осмотрел богатейшую библиотеку обители, где обнаружил документы XV века (переписку византийского императора Иоанна Палеолога с господарем Александром Добрым) и единственный список «Сказания» о чудотворной богородичной иконе, хранившейся в монастыре[3].

Наибольшего влияния Спафарий достиг при господаре Стефанице Лупу (1659–1661), у которого он был не только личным секретарем, но и главным советником. Однако его участие в одной из многочисленных

[1] Статья подготовлена в рамках выполнения госзадания Министерства науки и образования по теме «Региональная идентичность России: компаративные историко-филологические исследования» № FEUZ-2020-0056.
[2] Сведения о жизни Н.Г. Спафария до его приезда в Россию приводятся по: Picot 1883: 1–30; Сырку 1889: I–VI; Арсеньев 1895: 349–360; 1900: 2–6; Яцимирский 1910: I–VIII.
[3] Чудотворная Нямецкая икона Божией Матери в 1401 г. была пожертвована Иоанном Палеологом Ясскому митрополиту Иосифу.

придворных интриг привело к тому, что он утратил все свои должности и был подвергнут унизительному наказанию – ему «урезали» нос.

Спафарий бежал в Константинополь, где стал политическим резидентом валашского господаря Григория Гики. Здесь он впервые проявил себя на литературном поприще, осуществив первый в истории перевод на румынский язык Библии (издана в Бухаресте в 1688 г.). Когда Гика был свергнут с престола, Спафарий был вынужден покинуть Османскую империю. В 1664–1669 гг. он побывал с дипломатическими поручениями в Берлине, Штеттине, Стокгольме, Париже. В Швеции, по просьбе французского дипломата де Помпона[4], Спафарий написал, пожалуй, свое первое научное сочинение «Руководство, или сияющая Западу восточная звезда» (1667), посвященное вопросу о времени преосуществления Святых Даров и точке зрения на это сторонников греческой православной Церкви[5]. За время скитаний по Европе, Спафарий обзавелся знакомыми в разных странах и приобрел огромный опыт в международной политике. Вернувшись в Молдавию он оказался замешан в очередном заговоре против господаря Ильяша Александра (1666–1668), который приказал его схватить, но он вновь бежал – в Валахию, затем в Константинополь, где покровительство ему оказал выдающийся деятель конца XVII в. Иерусалимский патриарх Досифей – старинный знакомый Спафария. Досифей и верховный драгоман (главный переводчик) Высокой Порты грек Никусий Панагиот посоветовали ему ехать в Россию. Они же дали рекомендательные письма. В марте 1671 г. Спафарий выехал из Адрианополя через Венгрию и Польшу «на Русь» и 3 июня того же года прибыл в Москву.

Русское правительство в это время остро нуждалось в специалистах по «восточному вопросу», однако московские власти далеко не сразу стали безоговорочно доверять Спафарию. Хотя его компетентность, вероятно, была отмечена на самом высоком уровне. Дело в том, что по приезде в Москву Спафарий сообщил весьма ценную информацию о том, что из Польши направляется чрезвычайное посольство, цель которого – заключение союза против турок. Получив эти известия, руководитель Посольского приказа А.С. Матвеев располагал достаточным временем для всесторонней подготовки к переговорам и, как следствие, ему удалось избежать невыгодного на тот момент союза[6].

Лишь 14 декабря 1671 г. «по указу великого государя велено быть в Посольском приказе еллинского, и греческого, и латинского, и волоского языков в переводчиках волошенину Миколаю Спотариусу»[7]. Следует

[4] Маркиз Симон Арно де Помпон (1618–1699), дипломат, министр Людовика XIV.

[5] Это эссе было издано в 1669 г. в Париже приложением к произведению известных янсенистов Антуана Арно и Пьера Николь «Вечность веры католической церкви относительно евхаристии» (Яцимирский 1910: VI). Янсенизм – религиозное движение в католической церкви XVII–XVIII вв., осужденное со временем как ересь. Подчеркивало испорченную природу человека вследствие первородного греха, а следовательно – предопределение. Свободе выбора янсенисты не придавали решающего значения.

[6] Арсеньев 1900: 9.

[7] РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. Д. 12. Л. 56.

признать, что хотя формально должность Спафария предполагала, что ему следовало «всякие государственные дела переводить», фактически главным занятием переводчика с конца 1671 г. и, по крайней мере, до начала 1674 г. стала работа по созданию цикла переводных произведений, предназначенных непосредственно для царя и, в меньшей степени, для библиотеки Посольского приказа. За это время было «построено» более десятка книг. Среди них – «Титулярник», «Хрисмологион», «Книга о девяти музах и семи свободных художествах, «Книга о сивиллах», «Арифмологион», «Василиологион», «Родословие великих московских князей и монархов» Лаврентия Хурелича, «Описание церкви св. Софии в Константинополе», «Книга иероглифийская»[8].

Как Спафарию, который первое время пребывания в Московии плохо говорил по-русски, а писать на русском начал только в 1675 г., удалось за два с половиной года осуществить перевод более десятка произведений, среди которых есть и весьма объемные? Ответ достаточно прост: вместе с переводчиком трудилась группа помощников. Мы не будем говорить о писцах, золотописцах и художниках, создававших итоговые («подносные») экземпляры, об этом в свое время подробно писал И.М. Кудрявцев. Акцентируем внимание на другом аспекте – как технически осуществлялась работа над переводами?

Известно, что вместе со Спафарием над созданием книг трудился подьячий П.В. Долгово. Его роль в творческом процессе освещалась весьма скупо: «он, вероятно, помогал в подборе материала»[9]. На самом деле работу по книжной «программе» инициировал А.С. Матвеев. Он (вероятно, при участии Спафария) отбирал книги для перевода. Долгово необходим был для другого: он адаптировал устный пересказ Спафария (с греческого или латинского) на «московский диалект». В «команде» были и другие подьячие; они, скорее всего, писали черновой текст. Об этом свидетельствует документ о награждении за книжную «службу»: «183-го [1674] октября в 10 день по указу великого государя боярин А.С. Матвеев, слушав сей выписки, приказал переводчику и **подьячим** (выделено нами – *С.Б.*) за их работу дать великого государя жалование…»[10].

Необходимо упомянуть еще об одной особой «службе» Спафария. Исследователи неоднократно отмечали, что между переводчиком и его начальником А.С. Матвеевым сложились не только хорошие служебные, но и доверительные личные отношения. Не случайно Матвеев выбрал именно Спафария в качестве преподавателя для своего малолетнего сына Андрея, учить того «по гречески и по латине, литерам малой части»[11]. На первый взгляд может показаться, что это занятие носило частный характер, но если принять во внимание то, что А.А. Матвеев (1666–1728) стал одним из самых известных российских дипломатов первой четверти

[8] Хронологию создания см: Михайловский 1895: 8–10, Кудрявцев 1963: 180–210.
[9] Михайловский 1895: 7
[10] Там же: 10.
[11] Арсеньев 1900: 7.

XVIII в. (с 1699 по 1715 гг. – постоянный представитель Петра I в Европе), то «услуга», оказанная Спафарием боярину Матвееву, приобретает совершенно иное значение.

Не совсем обычная «служба», которую пришлось исполнить Спафарию в конце 1671 или начале 1672 г., хотя и связана с переводческой деятельностью, имела определенную специфику. Московские власти решили, наконец, узнать, что написано на табличке, украшающей фасад Спасской башни Кремля, а так как надпись была на латинском языке, то к этому делу привлекли Спафария[12]. Сложность миссии заключалась в том, что табличка находилась над высокими воротами, чуть ниже иконы Спаса Смоленского (высота 3-этажного дома). Скорее всего, по приставной лестнице или по «лесам», для снятия копии к надписи поднимался кто-либо из молодых сотрудников Посольского приказа, хотя вовсе не исключено, что в виду особой важности задания, это проделал сам Спафарий.

Работа над книжными переводами закончилась после того, как Спафарий получил новое, чрезвычайно ответственное назначение – возглавить посольство в Китайскую империю. В марте 1675 г. он в сопровождении свиты отправился в дорогу протяженностью почти 10 тысяч верст. Путь до столицы Китая занял больше года, лишь в мае 1676 г. посольство прибыло в Пекин. После вручения царских грамот, Спафарий удостоился приема у императора и… все. Фактически, китайские дипломаты отказались вести какие-либо переговоры с московским посольством. В политическом плане миссия Спафария не увенчалась успехом. Зато впечатляют научные результаты поездки. По сути, это была первая серьезная экспедиция в состав которой входили специалисты во многих отраслях знаний. Вернувшись в Москву в январе 1678 г., Спафарий представил в Посольский приказ не один статейный список, как обычно, а сразу три книги[13] и атлас с путевыми чертежами[14]. Еще одной «службой», о которой почему-то почти не вспоминают отечественные историки, стало выполнение Спафарием особого поручения царя. С помощью сопровождавших его греческих ювелиров Спиридона Остафьева и Ивана Юрьева, посланник приобрел в Пекине большой «водоктанский лал» – уникальный драгоценный камень (красную шпинель). Позже этот камень украсил коронационную корону Петра II, а в 1762 г. – Большую императорскую корону, которой с того времени венчались на царство все российские монархи[15].

В конце 1670-х гг. обстановка при дворе уже не благоприятствовала Спафарию: умер царь Алексей Михайлович, покровитель переводчика А.С. Матвеев находился в ссылке, да и на самого Спафария поступил донос о злоупотреблениях, допущенных им во время путешествия. Поэтому он не только не получил награды за «китайскую службу», длившуюся два года и 10 месяцев, но и попал под следствие. Несмотря на то,

[12] Белоброва 1987: 53
[13] Лебедев 1949: 132–164.
[14] Полевой 1976: 217.
[15] РГАДА. Ф. 1254. Оп. 1. Д. 531. Л. 188.

что Спафарию удалось оправдаться по всем пунктам обвинения[16], полной реабилитации пришлось ждать более четырех лет.

Хотя весь 1678 г. Спафарий и работал в Посольском приказе, формально не был зачислен в переводчики. Впервые в этой должности он упоминается 24 апреля 1679 г. в числе других сотрудников приказа, бывших на аудиенции у царя[17]. Некоторые положительные изменения в отношении к Спафарию со стороны царского двора можно связать с тем, что с конца 1678 и в начале 1679 гг. русское правительство стремилось добиться скорейшего заключения мира с Турцией. Посредником в русско-турецких переговорах выразил желание быть молдавский господарь. К этому делу и был привлечен опытный дипломат Спафарий. Когда же политические акценты в этом вопросе переместились с Молдавии прямо на Константинополь, переводчик перестает быть ключевой фигурой переговоров и вновь отстраняется от дипломатической деятельности.

В марте 1680 г. Спафарий был удален из Москвы – его отправляют воеводой в мордовский город Темников (500 верст к юго-востоку от столицы). Некоторые исследователи неоправданно считают, что это было повышением по службе, наградой[18]. На самом деле ситуация была полностью противоположной. Это назначение сродни «повышению» боярина А.С. Матвеева воеводой в Верхотурье. Хотя, справедливости ради, отметим, что опала Спафария, конечно же, не была столь суровой.

От «темниковского» периода жизни и деятельности Спафария сохранилось довольно много документов, которые почти не использовались исследователями. Среди них – переписка воеводы с Казанским приказом и администрациями соседних городов. Больше всего грамот из столицы и отписок Спафария касается вопросов крещения в православие татар и мордвы, и получения новокрещенными льгот. Значительный комплекс составляют грамоты, характеризующие административно-хозяйственную работу воеводы: выдача жалования, «доправка» доимочных денег, межевание земель, борьба с моровым поветрием и т.п.[19]

Неизвестно как долго продолжалась бы опала, если бы Спафарий не проявил себя во время стрелецкого бунта 1682 года. Вместе с другими сотрудниками Посольского приказа он находился в Троице-Сергиевом монастыре, где собиралось дворянское ополчение для «утишения» восстания. После подавления сопротивления восставших стрельцов, он вместе со всем двором переехал в столицу, а 13 октября 1682 г. был восстановлен в должности переводчика. Вскоре «за службу, что был он в Троецком монастыре, за государями в походы» было приказано придать к его жалованию поместного 50 четь, денег 5 рублей[20]. Чуть позже Спафарий, наконец-то получает награды за китайскую «посылку»[21].

[16] Зубарев 1827: 181.
[17] РГАДА. Ф 138. Оп.2. Д.19. Л.287.
[18] Еремия 1985: 28–29; Беляков 2017: 133.
[19] Подробнее см.: Белобородов 1997: 15–16.
[20] РГАДА Ф.159. Оп.2. 4.1. Д.2646. Л.93.
[21] Там же. Л.95–96.

В 1680–1690-е гг. Спафарий принимает участие в переговорах и ведет активную переписку с дипломатами из Австрии, Швеции, Франции, Польши, Венеции, Греции, Армении, Молдавии. Он – один из ведущих специалистов по турецкому и китайскому вопросам. Не случайно, посланный в 1681 г. для утверждения договора с Турцией дьяк П.Б. Возницын, рассказывая визирю о Сибири и Китае, должен был «помнить статейный список Николая Спафария»[22]. А в 1695 г. Петр I взял с собой Спафария в Азовский поход, в качестве переводчика и, отчасти, советника.

В эти же годы Спафарий много работает над переводами книг. В 1685 г. во главе группы переводчиков он трудится над созданием «Описания Абиссинского государства», в 1697 г. переводит с румынского «Книги Симеона Фессалоникийского», в 1700 г. вместе с братьями Лихудами переводит для царя толкования различных лечебных и химических составов. В 1701 г. ему была поручена еще одна довольно деликатная работа – перевод дневника секретаря австрийского посольства в Москве И.Г. Корба, который собрал множество слухов, анекдотов и сплетен о царе и его ближайшем окружении, о нравах и обычаях русских[23].

Не оставался Спафарий в стороне от событий общественной жизни внутри страны. Так, например, 15 марта 1685 г. он побывал на богословском споре о времени преосуществления Святых даров между братьями Лихудами и А.Х. Белобоцким. Этот вопрос оживленно обсуждался самыми учеными мужами Московского государства. Диспут вызвал столь большой интерес, что проводился в Кремле перед царями Федором и Иваном Алексеевичами, и наиболее высокопоставленными придворными. Уже поэтому присутствие на мероприятии Спафария свидетельствует о его высочайшем статусе ученого и администратора.

В 1694 г. Спафарий принял самое деятельное участие в развитии высшего образования в России. Он редактировал греческие и латинские азбуки для славяно-греко-латинской академии. Тогда же он ходатайствовал перед начальством о присылке с православного востока на московский Печатный двор справщиков, «понеже труд над книгами великий»[24].

Столь же деятельно работает Спафарий и в начале XVIII века. Он встречает и провожает многочисленные посольства, неоднократно выезжает из Москвы по государственным делам в Воронеж, Серпухов, Смоленск. А во время отлучек из столицы руководителя Посольского приказа Ф.А. Головина, именно Спафарий фактически руководит деятельностью внешнеполитического ведомства Русского государства. В конце жизни Спафарий серьезно хворал. Скончался он осенью 1707 г.[25]

Произведения, появившиеся благодаря стараниям Спафария и ставшие частью русской книжности, позволяют говорить о нем не только как о талантливом дипломате (каких в отечественной истории конца XVII –

[22] Арсеньев 1900: 23.
[23] Белобородов 1997: 23–24.
[24] Кедров 1876: 13.
[25] Белобородов 1997: 25.

начала XVIII в. было немало), но и как о человеке, внесшем заметный вклад в развитие науки и культуры России. Хотя в свое время замечательный ученый О.А. Белоброва отметила «довольно ограниченное распространение созданных Спафарием книг»[26], сегодня можно утверждать, что наиболее популярные произведения Спафария в XVII–XX вв. бытовали в Русском государстве во многих списках и повсеместно: от Прибалтики до Дальнего Востока, от Северного Поморья до Астраханской губернии. Даже простое перечисление всех выявленных нами фактов заняло бы слишком много места, поэтому ограничимся здесь двумя смежными регионами – Уралом и Западной Сибирью.

В «Книге корень великих государей царей и великих князей российских…» («Титулярник») были собраны различные формулы обращений русских и иностранных правителей, используемые в дипломатической практике, а также сведения о родословии русских царей и история учреждения патриаршества. «Титулярник» стал и первым отечественным гербовником, так как в нем было изображено много русских и иноземных территориальных эмблем. Первоначально было «построено» три роскошно оформленных экземпляра. В 1678 г., после возвращения Спафария из Китая, им был поднесен царю Федору Алексеевичу еще один иллюминированный список[27]. Очевидно создавались копии книги и позднее.

«Титулярник», датируемый концом XVII в. (без иллюстраций), был обнаружен в 1978 г. в с. Таватуй близ Свердловска археографами Уральского университета[28]. Из рассказов местных жителей известно, что одним из последних владельцев рукописи был наставник старообрядческой общины Варсонофий Макаров, переехавший в Таватуй из Тюмени в конце XIX в. На книге сохранилась запись о том, что в первой половине XIX в. она принадлежала «тюменскому мещанину Михаилу Тоболову [Шоболову?]». Удалось прочесть еще одну запись: «из библиотеки архимандрита Феодосия». Вероятно, речь идет о Феодосии, который в 1777–1781 гг. был игуменом Тюменского Свято-Троицкого монастыря. По почерку рукописи установили переписчика: им оказался М.Г. Романов, служивший в 1670–1680-е гг. подьячим в Тобольске, в 1690–1695 гг. подьячим «с приписью» в Тюмени (позже – в Якутске, а в начале XVIII в. – дьяком в Тобольске). Текст «Титулярника» вошел в состав, по крайней мере, двух сборников («Романовский» и «Чоглоковский» сборники)[29], переписанных М.Г. Романовым в Западной Сибири в конце XVII века. В середине XVIII в. список «Титулярника» находился в библиотеке Тобольского Знаменского монастыря, но в 1779 г. был отослан в Синод по указу о приискании «касающихся до российской истории летописцев, примечания достойных и к изданию в печать годных»[30].

[26] Белоброва 1978: 130.
[27] РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. Д. 19. Л. 231.
[28] Древлехранилище УрФУ. Невьянское (VI) собр. 1р/17.
[29] ОР РГБ. Ф. 711 (Гранков). Пост. 86/3–1975; ОР РГБ. Музейное собр. № 7564.
[30] Ромодановская 1965: 238.

В 1887 г. в Пермских губернских ведомостях было опубликовано описание части библиотеки краеведа и библиофила В.В. Голубцова (его имение в с. Александровском находилось в Красноуфимском уезде); в каталоге упоминается список «Титулярника»[31]. Неизвестно, когда и откуда он попал в состав этой книжной коллекции. Дело в том, что в середине XIX в. собрание пополнилось книгами из библиотеки графов Завадовских. Сам же Голубцов «не щадил никаких средств на пополнение своей библиотеки, имел постоянные сношения с известнейшими книгопродавческими фирмами в России, со столичными и местными букинистами и со всеми лицами в губернии, которые интересуются книжным делом»[32]. После революции это собрание перестало существовать как единое целое, но шанс отыскать следы утраченного «Титулярника» еще есть.

«Хрисмологион», еще одна книга, созданная при участии Спафария, получила, пожалуй, самое широкое распространение среди всех его переводов. По новейшим данным, это перевод греческого манускрипта с текстом «Пророчеств Льва Мудрого», составленным венецианским астрономом и математиком Франческо Барощци (1537–1604). Вошедшие в состав кодекса тексты включают хроники, комментированные известия о событиях, связанных с военной экспансией Османской Порты, а также тексты эсхатологических пророчеств – видения пророка Даниила, «Откровение» Псевдо-Мефодия Патарского и «Пророчества Льва Мудрого», с их истолкованиями[33]. Спафарий, очевидно, лишь дополнил книгу предисловием с посвящением Алексею Михайловичу, введением, в котором дано определение монархии, и эпилогом. Книга быстро вышла за пределы царского двора и много раз переписывалась в XVII–XIX вв. Сегодня известно около 50 ее копий. Довольно широко они представлены и в урало-сибирской книжно-рукописной традиции. В НИОР БРАН хранится «Хрисмологион» начала XVIII в., на нем есть запись: «Сия книга Василъя Архиповича Иванова. 1841 года сентября 5 дни»[34]. В коллекцию она попала в 1940 г. с Дальнего Востока и о предшествующей ее «судьбе» ничего не известно. Можно лишь предполагать, что ей немало пришлось «путешествовать» по Сибири вместе со старообрядцами. О рукописи, содержащей «Хрисмологион» Спафария и находящейся в областном музее в Тюмени, упоминал Н.Н. Покровский[35]. Как выяснилось, в Тюменском музее есть, как минимум, еще одна копия «Хрисмологиона»[36]. Специалистам давно известно, что «Хрисмологион» активно использовали старообрядцы[37]. Фрагменты из него встречаются в эсхатологических сборниках и в виде

[31] Среди его особенностей отмечены иллюстрации, охарактеризованные, как «великолепные памятники гравировального искусства» (Дмитриев 1887: 135). Очевидно, составитель описания ошибся, приняв живописные миниатюры за раскрашенные гравюры.
[32] Там же: 131.
[33] Ченцова 2014: 69–82.
[34] НИОР БРАН. Ф. 43 (Собр. Тагильского скита). Д. 11. Л. I.
[35] Покровский 1975: 146. Речь идет о рукописи с инв. № 8068.
[36] НБ ТОМК. Инв. № 5040/173.
[37] Гурьянова 2016: 120–138.

отдельных выписок, и в составе законченных произведений старообрядческих авторов. Например, старообрядец поморского согласия Иван Алексеев включил фрагменты из «Хрисмологиона» в свою «Книгу о случаях последнего времени. Титин потрясает вельми. 666 число», созданную около 1752 г. В конце 1780-х – начале 1790-х гг. «Титин» был переработан и дополнен основателем страннического согласия старцем Евфимием. В Древлехранилище ЛАИ УрФУ хранится около десятка рукописей, содержащих как первый, так и второй варианты. Только в Курганском собрании полных списков три[38].

В 1789–1791 гг. анонимный старообрядческий писатель-поморец создал фундаментальный труд «Ответы древнего благочестия любителей на вопросы придерживающихся новодогматствующего иерейства» (известный, как «Щит веры»). В пятой части этого произведения автор, рассказывая о пророчестве Даниила о звере-антихристе, несколько раз цитирует «Хрисмологион». Сочинение стало популярным не только у поморцев, но и у представителей других старообрядческих согласий и широко распространялось в России, в т.ч. на Урале и в Западной Сибири.

В 1988 г. в одной из деревень Ялуторовского района Тюменской области уральские археографы нашли сборник конца XVII в. полностью составленный из переводов Спафария. Кроме «Хрисмологиона», в него вошли «Василиологион», «Книга о девяти мусах и седми свободных художествах», «Описание церкви святой Софии», Перевод с речи С. Венцлавского[39]. По составу список близок к «Голицинскому сборнику», созданному между 1675 и 1689 гг.[40]. Различие – в том, что у последнего сочинения («Книги иероглифийской») в нашем кодексе выписан только заголовок. Время появления рукописи в Зауралье установить сложно. Известно, что на рубеже XIX–XX вв. она принадлежала наставнику поморской старообрядческой общины Е.А. Сидорову, собравшему большую библиотеку, неоднократно бывавшему в Москве и Нижнем Новгороде. Примечательно, что часть книг досталась Сидорову «в наследство» от упомянутого ранее книжника В.И. Макарова, долгое время жившего в Тюмени[41].

Сочинение о девяти музах и семи художествах бытовало в Сибири не только в составе сборников переводов Спафария. Так, в РГБ хранится исторический сборник начала XVIII в., куда это сочинение входит отдельной главой. На нижней крышке переплета сохранилась запись переписчика: «Писал Иван Дедишин 1708 году в Сибири»[42]. Скорее всего, «путь» сборника в Москву был не самым простым. По инвентарным номерам можно предположить, что он сменил не менее четырех владельцев.

[38] Древлехранилище ЛАИ УрФУ. Курганское (V) собр. 36р/689, 85р/1174, 257р/5095. Кстати, первый из упомянутых сборников принадлежал в конце XIX в. уральскому старообрядцу Порфирию Решетникову – основателю консервативного толка в часовенном согласии («порфирьевщины»).

[39] Древлехранилище ЛАИ УрФУ. Тюменское (XII) собр. 183р/4392.

[40] Белоброва 1978: 132.

[41] Белобородов 2003: 254–256.

[42] ОР РГБ. Ф. 247. Д. 26.

В Зауралье также «имели хождение» сочинения Спафария, составленные во время китайской экспедиции. Речь идет о списках «Описания первыя части вселенныя, именуемой Асии…» («Описание Китая»). Как и подавляющее большинство произведений Спафария, это было не оригинальное сочинение, а добросовестный пересказ работы иезуита Мартино Мартини «Новый атлас Китая», изданной в Амстердаме в 1655 г., но Спафарий значительно дополнил этот труд, привлекая рассказы русских казаков о дорогах через Сибирь, информацию от живших в Китае католических миссионеров, а также частично основываясь на собственных впечатлениях[43]. В результате, по содержанию и научному уровню сочинение Спафария превзошло почти все, написанное ранее о Китае. Если же говорить о России, то этот труд, несомненно, был уникальным. Книга стала активно переписывалась в конце XVII – первой половине XVIII вв. Довольно скоро списки «Описания Китая» появились на Урале и в Сибири.

Текст «Описания Китая» занимает большую часть сборника, составленного в первой половине XVIII в. О бытовании этой рукописи в Сибири свидетельствует владельческая запись: «Василия Михеева сына Небольсина, егда писал едучи к Тобольску по станам»[44]. Очевидно сборник был создан в Москве и служил хозяину не только занимательным «чтивом», но и справочником, и даже записной книжкой. Сведения о В.М. Небольсине еще предстоит разыскать. Пока известно лишь то, что его отец Михей Иванович Небольсин в 1718 г. служил комиссаром московской Земской канцелярии[45].

В Далматовском Успенском монастыре, расположенном на Исети в 180-ти верстах к юго-востоку от Екатеринбурга, «Описание Китая» находилось уже в 1760-е гг., хотя сам список был создан чуть раньше. Переписчиком большей части рукописи был монах Венедикт Шурский, оставивший на ней свой автограф. В монастыре она оказалась в келейной библиотеке архимандрита Иакинфа (Кашперова), возглавлявшего обитель в 1762–1777 г., а до этого служившего в Тобольске. В 1770-е Иакинф подарил «Описание» графу П.Ф. Апраксину, который проживал в монастыре «под началом [т.е. в заключении], за увезение фрейлины графини Разумовской, и за бракосочетание на ней при живой жене». Позже книга оказалась в Казани, а в XIX в. – в Риге, откуда в 1892 г. поступила в петербургскую Императорскую публичную библиотеку[46].

Еще одно произведение Спафария – перевод «Книги архиепископа Симеона Фессалоникийского на ереси…», осуществленный в 1697 г., также хорошо было известно читателям Урала и Сибири. В этом сочинении объяснялась символика и смысл совершаемых в храме таинств и других священнодействий. В ней также подробно рассматривались разные стороны церковной жизни, правила поведения верующих в церкви

[43] Казанин 1971: 111.
[44] РГАДА. Ф. 181. Д. 223.
[45] Кабанов 2016: 97.
[46] Белобородов 2001: 16–21.

и при совершении богослужений, давались ответы на многие насущные вопросы, касающиеся священнослужения.

Отмеченные проблемы серьезно волновали старообрядцев, что объясняет особую популярность книги в этой среде. В БРАН в собрании Тагильского скита хранится несколько списков этого сочинения. Рукопись «Книги Симеона…», написанная в Москве в 1700 г., в настоящее время находится в Тобольском архиве[47]. О переводе этой книги Спафарием говорится в конце текста: «Переведеся же на славеноросийский диалект царственного Посольского приказа толкователем Николаем Спафарием». Такой же «выход» у «Книги Симеона…» из Государственного архива Свердловской области, где она находится в сборнике вместе с «Синтагмой» Матфея Властаря и Зонарем[48]. Этот сборник был вкладом в Свято-Троицкую старообрядческую церковь в Екатеринбурге, сделанным архиепископом белокриницкой иерархии Савватием в1889 г. Савватий (Левшин, 1824–1898) был уроженцем Черноисточинского завода (близ Нижнего Тагила). С 1862 по 1882 г. он возглавлял старообрядческую Тобольскую и всея Сибири епархию, после чего стал старообрядческим архиепископом Московским. Однако Савватий не прерывал связей с «малой родиной» и часто бывал на Урале.

Следует отметить, что, как и в случае с «Хрисмологионом», выписки из «Книги Симеона Фесаллоникийского» часто встречаются в старообрядческих сборниках. Такие сборники в значительном количестве есть в хранилищах редких книг в Екатеринбурге, Тюмени, Тобольске.

Приведенные данные не исчерпывают всех фактов бытования сочинений и переводов Спафария на Урале и в Западной Сибири. Однако с уверенностью позволяют говорить еще о двух регионах значительного распространения его книг (наряду с Московским и Северорусским). Произведения Спафария попадали в Сибирь в разное время и разными путями. Основная часть оказалась за Уралом в конце XVII – первой половине XVIII в., а с последней четверти XVIII и на протяжении всего XIX в. важную роль в распространении сочинений Спафария сыграли старообрядцы. Благодаря этому на Урале и в Западной Сибири оказались представлены многие литературные труды Н.Г. Спафария.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Арсеньев Ю.В. Н. Спафарий и его время. I. Молдавский период // Русский архив. 1895. № 7. С. 349–360 [Arsen'ev Yu.V. N. Spafarij i ego vremya. I. Moldavskij period // Russkij arhiv. 1895. № 7. S. 349–360].

Арсеньев Ю.В. Новые данные о службе Н. Спафария в России (1671–1708). М., 1900. 63 с. [Arsen'ev Yu.V. Novye dannye o sluzhbe N. Spafariya v Rossii (1671–1708). M., 1900. 63 s.].

Белобородов С.А. Деятельность Н.Г. Спафария-Милеску в России (1678–1707 гг.) // Ежегодник Научно-исследовательского института русской культуры УрГУ. 1995–1996. Екатеринбург, 1997. С. 14–27 [Beloborodov S.A. Deyatel'nost' N.G. Spafariya-Milesku v Rossii (1678–1707 gg.) // Ezhegodnik Nauchno-issledovatel'skogo instituta russkoj kul'tury UrGU. 1995–1996. Ekaterinburg, 1997. S. 14–27].

[47] Дергачева-Скоп, Ромодановская 1975: 138.

[48] ГАСО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 12.

Белобородов С.А. История о том, как генерал-поручик «заболел животом», или о чем рассказала рукопись из библиотеки архимандрита Иакинфа // Книжная старина Урала. Екатеринбург, 2001. С. 16–21. [Beloborodov S.A. Istoriya o tom, kak general-poruchik «zabolel zhivotom», ili o chem rasskazala rukopis' iz biblioteki arhimandrita Iakinfa // Knizhnaya starina Urala. Ekaterinburg, 2001. S. 16–21.].

Белобородов С.А. Поморцы и старопоморцы Ялуторовского уезда Тобольской губернии в XIX – начале XX вв. // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург: изд-во УрГУ, 2003. [Вып. 5]. С. 246–260. [Beloborodov S.A. Pomorcy i staropomorcy YAlutorovskogo uezda Tobol'skoj gubernii v XIX – nachale XX vv. // Ural'skij sbornik. Istoriya. Kul'tura. Religiya. Ekaterinburg: izd-vo UrGU, 2003. [Vyp. 5]. S. 246–260.].

Белоброва О.А. О прижизненных сборниках сочинений и переводов Н. Спафария // Материалы и сообщения по фондам ОР и РК БАН СССР. Л.: Наука, 1978. С. 129–137. [Belobrova O.A. O prizhiznennyh sbornikah sochinenij i perevodov N. Spafariya // Materialy i soobshcheniya po fondam OR i RK BAN SSSR. L.: Nauka, 1978. S. 129–137.].

Белоброва О.А. Латинская надпись на Фроловских Спасских воротах Московского Кремля и ее судьба в древнерусской письменности // Гос. музеи московского кремля. Материалы и исследования. Новые атрибуции. М.: «Искусство», 1987. Вып. V. С. 51–57. [Belobrova O.A. Latinskaya nadpis' na Frolovskih Spasskih vorotah Moskovskogo Kremlya i ee sud'ba v drevnerusskoj pis'mennosti // Gos. muzei moskovskogo kremlya. Materialy i issledovaniya. Novye atribucii. M.: «Iskusstvo», 1987. Vyp. V. S. 51–57.].

Беляков А.В. Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг. СПб.: Нестор-История, 2017. 368 с., ил. [Belyakov A.V. Sluzhashchie Posol'skogo prikaza 1645–1682 gg. SPb.: Nestor-Istoriya, 2017. 368 s., il.].

Голубев И.Ф. Встреча Симеона Полоцкого, Епифания Славинецкого и Паисия Лигарида с Николаем Спафарием и их беседа // ТОДРЛ. Л.: Наука 1971. Т. XXVI. С. 294–301. [Golubev I.F. Vstrecha Simeona Polockogo, Epifaniya Slavineckogo i Paisiya Ligarida s Nikolaem Spafariem i ih beseda // TODRL. L.: Nauka, 1971. T. XXVI. S. 294–301.].

Гурьянова Н.С. Эсхатологическое учение старообрядцев и «Хрисмологион» Николая Спафария // Археографические и источниковедческие аспекты в изучении истории России. Новосибирск: Изд. СО РАН, 2016. С. 120–138 [Gur'yanova N.S. Eskhatologicheskoe uchenie staroobryadcev i «Hrismologion» Nikolaya Spafariya // Arheograficheskie i istochnikovedcheskie aspekty v izuchenii istorii Rossii. Novosibirsk: Izd. SO RAN, 2016. S. 120–138.].

Дергачева-Скоп Е.И., Ромодановская Е.К. Собрание рукописных книг Гос. архива Тюменской области в Тобольске // Археография и источниковедение Сибири. Новосибирск: Наука, 1975. С. 64–143. [Dergacheva-Skop E.I., Romodanovskaya E.K. Sobranie rukopisnyh knig Gos. arhiva Tyumenskoj oblasti v Tobol'ske // Arheografiya i istochnikovedenie Sibiri. Novosibirsk: Nauka, 1975. S. 64–143.]

Дмитриев А.А. Библиотека В.В. Голубцова в Красноуфимском уезде Пермской губернии // Пермские губернские ведомости. 1887. № 33. С. 131; № 34. С. 135. [Dmitriev A.A. Biblioteka V.V. Golubcova v Krasnoufimskom uezde Permskoj gubernii // Permskie gubernskie vedomosti. 1887. № 33. S. 131; № 34. S. 135.].

Еремия И.А. Н.Г. Милеску-Спафарий в России // Кодры. Кишинев, 1985. № 12. С. 125–131 [Eremiya I.A. N.G. Milesku-Spafarij v Rossii // Kodry. Kishinev, 1985. № 12. S. 125–131].

Зубарев Д. О посольстве в Китай Н. Спафария с дворянами, подьячими, гречанами и иноземцами // Вестник Европы. М.: в университет. тип., 1827. № 23–24. С. 161–195. [Zubarev D. O posol'stve v Kitaj N. Spafariya s dvoryanami, pod'yachimi, grechanami i inozemcami // Vestnik Evropy. M.: v universitet. tip., 1827. № 23–24. S. 161–195.].

Кабанов А.Ю. Заметки о дворянском роде Пивовых // Археографический ежегодник за 2012 г. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. С. 76–98. [Kabanov A.YU. Zametki o dvoryanskom rode Pivovyh // Arheograficheskij ezhegodnik za 2012 g. M.: Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke, 2016. S. 76–98.].

Казанин М.И. Спафарий и Мартини // Народы Азии и Африки. 1971. № 6. С. 106–112. [Kazanin M.I. Spafarij i Martini // Narody Azii i Afriki. 1971. № 6. S. 106–112.].

Кедров Н.Н. Спафарий и его «Арифмология» // ЖМНП. СПб.: тип. Н.С. Балашева, 1876. Ч. CLXXXIII. С. 1–31. [Kedrov N.N. Spafarij i ego «Arifmologiya» // ZHMNP. SPb.: tip. N.S. Balasheva, 1876. CH. CLXXXIII. S. 1–31.].

Кудрявцев И.М. «Издательская» деятельность Посольского приказа: (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII в.) // Книга. Исследования и материалы.

Москва: Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1963. Сборник 8. С. 179–244. [Kudryavcev I.M. «Izdatel'skaya» deyatel'nost' Posol'skogo prikaza: (K istorii russkoj rukopisnoj knigi vo vtoroj polovine XVII v.) // Kniga. Issledovaniya i materialy. Moskva: Izd-vo Vsesoyuz. kn. palaty, 1963. Sbornik 8. S. 179–244.].

Лебедев Д.М. География в России в XVII в. (допетровской эпохи): Очерки по истории географических знаний. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1949. 236 с. [Lebedev D.M. Geografiya v Rossii v XVII v. (dopetrovskoj epohi): Ocherki po istorii geograficheskih znanij. M.-L.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1949. 236 s.].

Михайловский И.Н. Очерк жизни и службы Н. Спафария в России. Киев: тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1895. [2], 40 с. [Mihajlovskij I.N. Ocherk zhizni i sluzhby N. Spafariya v Rossii. Kiev: tip. G.T. Korchak-Novickogo, 1895. [2], 40 s.].

Покровский Н.Н. Рукописи и старопечатные книги Тюменского областного музея // Археография и источниковедение Сибири. Новосибирск: Наука, 1975. С. 144–149. [Pokrovskij N.N. Rukopisi i staropechatnye knigi Tyumenskogo oblastnogo muzeya // Arheografiya i istochnikovedenie Sibiri. Novosibirsk: Nauka, 1975. S. 144–149.].

Полевой Б.П. Сибирская картография XVII в. и проблема Большого чертежа // Страны и народы востока. Вып. XVIII. М.: Наука, 1976. С. 213–227. [Polevoj B.P. Sibirskaya kartografiya XVII v. i problema Bol'shogo chertezha // Strany i narody vostoka. Vyp. XVIII. M.: Nauka, 1976. S. 213–227.].

Ромодановская Е.К. О круге чтения сибиряков в XVII–XVIII вв. в связи с проблемой изучения областных культур // Исследования по языку и фольклору. Новосибирск: Наука, 1965. Вып. 1. С. 223–254. [Romodanovskaya E.K. O kruge chteniya sibiryakov v XVII–XVIII vv. v svyazi s problemoj izucheniya oblastnyh kul'tur // Issledovaniya po yazyku i fol'kloru. Novosibirsk: Nauka, 1965. Vyp. 1. S. 223–254.].

Сырку П.А. Николай Спафарий до приезда в Россию [СПб.]: тип. Акад. наук, [1889]. XIV с. [Syrku P.A. Nikolaj Spafarij do priezda v Rossiyu [SPb.]: tip. Akad. nauk, [1889]. XIV s.]

Ченцова В.Г. Паисий Лигарид, Николай Спафарий и Франческо Барощи: эсхатологические идеи при дворе царя Алексея Михайловича // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М.: Индрик, 2014. № 1 (55). С. 69–82. [Chencova V.G. Paisij Ligarid, Nikolaj Spafarij i Franchesko Barocci: eskhatologicheskie idei pri dvore carya Alekseya Mihajlovicha // Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. M.: Indrik, 2014. № 1 (55). S. 69–82.].

Яцимирский А.И. Очерк жизни Н.Г. Спафария // Спафарий Н. Описание первыя части вселенныя, именуемой Асии... Казань: типо-лит. ун-та, 1910. [2], LVI, 271 с. [Yacimirskij A.I. Ocherk zhizni N.G. Spafariya // Spafarij N. Opisanie pervyya chasti vselennyya, imenuemoj Asii... Kazan': tipo-lit. un-ta, 1910. [2], LVI, 271 s.].

Picot É. Notice biographique et bibliographique sur Nicolas Spatar Milescu. Paris: Ernest Leroux, 1883. 60 p.

***Белобородов Сергей Анатольевич**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Лаборатория археографических исследований, Уральский федеральный университет; s.a.beloborod@yandex.ru*

N.G. Spafary-Milescu and his Russian «services»

The name of N.G. Spafary-Milescu (c. 1636-1707), a talented diplomat, administrator, scholar, translator and compiler, author of more than thirty literary works, is closely connected with the history and culture of Russia. Despite the abundance of scholarly and popular works dedicated to this extraordinary man, there are still many "blank spots" in his biography. We will try to answer some questions related to Spafary's life in Russia and his “services” for the benefit of the Russian state. Using the example of the Ural and West Siberian regions, it is shown how popular the works and translations created by Spafari were in Russia in the 17– 19th cc. and who was the reader of his works in different periods.

Keywords: N.G. Spafary-Milescu, the Embassy of the order, conversion works, the Urals, Western Siberia, the spread of handwritten books, the old believers.

***Sergey Beloborodov**, Ph.D. in History, senior research fellow, Laboratory of archaeographic research, Ural Federal University; s.a.beloborod@yandex.ru*

Л.С. Соболева

ГИМН СЕМЕЙНОЙ ЛЮБВИ И ГАРМОНИИ В РУКОПИСНОМ СБОРНИКЕ ПРОПОВЕДЕЙ КОНЦА XVII ВЕКА[1]

Рукописная книга проповедей «Статир» была создана в конце XVII в. анонимным автором и впервые описана А.Х. Востоковым в 1842 г. Местом создания является Орел-городок на Каме – центр владений Строгановых в это время. Автор – протопоп церкви Акафиста Богородицы. В конце рукописи после проповедей на церковные праздники находится проповедь, обращенная к новобрачным. Автор раскрывает в проповеди понятие таинства брака и внушает правила семейного общения, которые должны способствовать укреплению семейной гармонии. Используя диалоговую форму изложения, проповедник стремится к активной коммуникации с паствой. Проповедь пронизывают идеи гуманистического характера, автор убеждает отказаться от наказаний, высоко оценивает понимание, милосердие любви как основы семейного уклада. Текст проповеди публикуется впервые.

Ключевые слова: *«Статир», проповедь, мораль XVII в., семейные отношения, брак*

Актуализация проповеди в XVII «бунташном» веке на территории Российского государства охватывала не только столичные круги богословов, но и становилась творческим делом периферийных священников. Разнородных факторов, вызвавших взлет проповеднического искусства, было несколько. Важнейшие среди них: общепризнанное влияние западной образованности, пришедшее вместе с деятелями украинского православия в русскую, прежде всего столичную культуру, и, в свою очередь, транслировавшее представления о церковном красноречии, разработанное в католической и протестантской конфессиях. Стимулом стала необходимость в оживлении воздействия проповедников на паству, установка на формирование внутренне единой и осознаваемой системы аксиологических воззрений, жизненного целеполагания, что при всем сохранении представления о роли Спасения, конкретизировало моральные устои в практике поступка и порядке обыденной жизни. Достаточно важным в связи с этим становится расширение аудитории, внимающей проповеднику, когда доминантно важным становится привлечение в орбиту Слова не только богословски образованной читающей публики, но и тех слоев, которые как в силу направленности своих занятий, так и уровня образованности не имели намерения и возможности отдавать свое время на чтение соответствующих письменных текстов.

Усиление конфликтности в социуме, которое выявилось в XVII в. на нескольких уровнях (имущественное расслоение, религиозные разногласия, разнонаправленные векторы культурного развития, осознание личного бесправия как драмы и т.д.) приводило к необходимости более

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00186 «”Культура Духа” vs “Культура Разума”: Интеллектуалы и Власть в Британии и России в эпоху Перемен (XVII–XVIII вв.)».

сложного механизма идеологического воздействия. Проповедь брала на себя функции не только поучения и увещевания, но в обличительном и патетическом дискурсе формировалась модель поведения, имевшая целью обретение возможной стабильности. В известной мере, проповедь становится «камерой обскура», привлекая внимание современника к тем проблемам, конфликтность которых усиливалась в поле времени. Из этого следовала особая роль устной проповеди, что позволяло быстро реагировать на возникающие интересы, учитывать местную специфику и зримо видеть, насколько продуктивно воздействие пастырского слова.

Учение о проповеди – многожанровом феномене средневековой словесности сложилось в раннем христианстве, и в XVII веке претерпело существенные модификации, говорящие о нацеленности авторов на творческое осмысление христианской сферы[2]. История и функциональная динамика проповеднического направления требуют более основательного осмысления. По причинам, в первую очередь, идеологического характера дореволюционные исследования проповеднического искусства не получили должного продолжения в советское время, возврат к этой задаче сегодня требует публикации текстов произведений, недостаточно известных и учтенных в описании литературного процесса.

Важность проповеди как точки приложения сил и раскрытия творческого потенциала одаренных мастеров слова в большей степени выявлена в связи с украинской школой проповеди конца XVI – XVII в., представленной именами Кирилла Транквиллиона, Иоанникия Галятовского, Лазаря Барановича, Стефана Яворского, Петра Могилы и др.[3] На русской почве отмечено искусство слова Симеона Полоцкого и Дмитрия Ростовского, получивших опыт западного проповедничества, а также исконно национальных авторов – протопопа Аввакума Петрова, Игнатия Римского-Корсакова, Феофана Прокоповича и др.[4] Гораздо менее заметны оказались те школы и творческие деятели, которые были не на виду в кругах столичной образованной элиты, а вели свою многотрудную жизнь в провинциальных храмах, отвечая служебным и христианским образовательным задачам. Именно к таким принадлежит интересующий нас рукописный сборник проповедей конца XVII в. «Статир», дошедший в единственном экземпляре[5]. Рукопись была создана аноним-

[2] Краткую историю изменений проповеднического направления в древнерусской литературе см.: Левшун 2009: 194–268, 461–479, 699–712, 801–808, 881–890 (библиография вопроса).

[3] Крекотень 1987: 364–365. Зубов 2001.

[4] Подробно о нравственном богословии Симеона Полоцкого см.: Корзо 2011; Киселева 2011. Обобщение художественной специфики эпохи представлено в работах Д.С. Лихачева, А.М. Панченко, Л.И. Сазоновой, Е.К. Ромодановской, Л.А. Софроновой, А.Н. Робинсона, А.С. Демина, О.А. Державиной и др.

[5] РГБ. Собр. Румянцева № 411. Сборник слов и поучений «Статир». XVII в. (третья четверть). 815 лл. размер: 30,7 на 19,8, п/у одного почерка, размер шрифта: 10 строк – 8,9 см, присутствует авторская нумерация листов. Содержание: 1–17 (1 счета) – Вступление и оглавление, 1–517 (2 счета) 111 поучений Триодного цикла (от Пасхи, до страстной субботы), 1–279 (3 счета). Содержание: (лл. 1–17, I сч.), первый раздел

ным автором, ни разу не упомянувшим свое имя в текстах 156 проповедей[6]. О месте написания рукописи свидетельствует полустертая запись (основной почерк): «Начася лѣта 6191 го(да) м(еся)ца апріллія в 8 д(е)нь написася же 192 го(да) августа в 20(е)нь при державѣ б(о)гоизбранных ц(а)рей и правовѣрныех г(о)с(у)д(а)рей двою братовъ Іоанѡ Аксіевичѣ и Петрѣ Аксіевичѣ в отчинѣ имянитаго ч(е)л(ове)ка Григорія Димитріевича Строгонова на Орлѣ городкѣ на ус(тье) Яйве-рѣки» (л. 9 об. I сч.)[7]. Сборник включает проповеди различного характера, соответствующие ритуальному времени и отвечающие потребностям паствы, в то же время, сама тональность проповедей и цель произнесения также не единообразны: от Слов похвальных, соответствующих типу праздника, разъясняющих смысл основных догматов христианского вероучения, до обличительного пафоса при формировании морального постулата и моделирования житейского поведения у слушателей или читателей[8].

В соответствие с христианским типом праздников памятник словесности состоит из двух частей, принцип соединения был представлен еще в переводном Евангелии Учительном[9], кроме того автор многократно учитывал опыт украинского проповедника конца XVI – первой половины XVII в. Кирилла Транквиллиона и Симеона Полоцкого, на проповеди которого («Обед душевный» (М., 1681) и «Вечеря душевная» (М., 1683)) автор ссылается на протяжении всей рукописи. В рамках поставленной задачи актуально рассмотрение проповедей, связанных не с христианским календарем, а с текстами «на случай», обусловленных религиозно-житейскими потребностями и последованиями на Таинства[10]. В отличие от молитвословий проповедей на такие праздники было не-

включает в себя (лл. 1–517, 2 сч.); вторая часть содержит 45 слов преимущественно посвященные праздникам минейного цикла (лл. 1–279, 3 сч.). Три Слова – «общие» похвалы мученикам, преподобным и преподобным женам и мученицам (лл. 219–242, 3 сч.); четыре проповеди – «на случай» (лл. 242–265, 275–279, 3 сч.). Завершается рукопись силлабическими виршами «в них Богу благодарение и на завистников дерзнавение» и молитвой «по совершении книги сея» (л. 272 об., 3 сч.).

[6] Записи на форзацных листах, где могла быть информация об авторстве, утрачены при позднейшем бытовании рукописи. Листы относятся ко второй половине XVIII в. (л. 1 – бумага с литерами ЯМСЯ, близко Uchastkina 1962. № 34 – 1785 г.; л. 812 – герб Ярославля (медведь с секирой в гербе), близко Uchastkina 1962. № 25 – 1760-64 г.). Переплет поновлен, XIX в., на обороте верхней крышке экслибрис «Герб Румянцева» с надписью «Графа Румянцева 411».

[7] РГБ. Собр. Румянцева № 411. Л. 9 об. I сч. Далее указываем листы рукописи в скобках при цитате. «Проповедь к новобрачным» относится к 3 счету, что также опускается при указании листов. Среди нескольких проповедей из Статира, опубликованных И.К. Яхонтов в переводе на русский язык его времени этого поучения нет (Яхонтов 1858). Научные публикации двух проповедей из сборника см.: Сгибнева 2011; Нестерова 2020.

[8] Общую характеристику содержания Статира см.: Соболева 2012: 158–172.

[9] Изданий Московского печатного двора XVII в. насчитывается 8. См.: Зернова 1968; Якшин 2011: 96–105.

[10] Чинопоследования Таинств и других священнодействий вместе с молитвословиями входят в богослужебную книгу Требник – одну из самых востребованных в церковном обиходе.

много и в сборнике «Статир» их четыре (на погребение, строительство церкви, к новобрачным и обличение на «ленивых в церковь приходити»). Поучение, обращенное к новобрачным, присутствует в Учительном Евангелии Кирилла Транквиллиона[11], к которому, как видно из текста, обращался автор сборника. Поучение Кирилла Транквиллиона организовано в традиционной манере, когда спасительная суть брака (в первой части) сопоставляется с опасностью прелюбодеяния (во второй)[12]. Симеон Полоцкий в сборнике проповедей «Вечеря душевная» представил несколько поучений на Погребение, но не привел на Венчание, возможно, потому что его похвальное слово, обращенное к царице Наталье Кирилловне после венчания, стало частью более ранней рукописи «Книга привествы на господскыя и на иныя праздники и иныя речи разныя»[13].

Тема брака, выявление половой субординации и брачных ролей существенны для жизнеописания человека и его самоидентификации. Утверждение особенности женского начала в браке и в социуме – важнейшая тема письменности в преддверии Нового времени[14]. К теме брака неоднократно обращается литература в XVI–XVII вв., и в отличие от средневековой христианской трактовки брака как условии спасения души и избавления от греховных желаний, брак начинает рассматриваться в контексте жизненного пути и реализации человеком своего предназначения. Появляется понимание брака и семьи как связующего института государственного устройства и человеческой судьбы. Такова «Повесть о Петре и Февронии муромских», созданная в 1540-х гг. Ермолаем-Еразмом. В ее многогранную семантику входит ясное представление об интеллектуальном и духовном равенстве женщины своему высокородному мужу, ее роли как гармонизирующего начала не только в семье, но и в политическом устройстве Муромской земли[15]. Столь же знаменательно для времени внимание к «Домострою» идеологов эпохи, в первую очередь Сильвестра, священника Кремлевского Благовещенского собора, вписавшего семью в государственное домостроительство Московской Руси[16]. Следующий, XVII век ознаменовал существенность семейно-бытового уклада и взаимоотношений в структуре общества. В ряде произведений разных жанров (повестей, драм, вирш, басен) утверждалась важность брачного союза и рассматривались конфликтные ситуации, разрушающие таинство брака. В контекст широкой темы вписывались проблемы важной функции женщины в семье (Повесть об Иулиания

[11] Кирилл Транквиллион 1619. Ч. 2. Л. 166–170 «Поучение на шлюбѣ, внегда обручается мужъ къ женѣ».

[12] Обращение автора к Учительному Евангелию может свидетельствовать как о его самостоятельности, так и удаленности от столичных споров, во время которых сочинения Транквиллиона подвергались осуждению в конце XVII в. (Маслов 1984: 185–187).

[13] ГИМ. Синод. собр., № 229. Протасьева 1970. С. 113, № 1004.

[14] Пушкарева 1989.

[15] Дмитриева 1988.

[16] Буланин, Колесов 1989.

Лазаревская) или – более широко – в государстве (драмы об Есфири, Юдифи), вплоть до женщины, хитроумно устраивающей свою жизнь (Повесть о Карпе Сутулове, Повесть о Флоре Скобееве) и т. п.

Проповедь в рукописном сборнике «Статир» начинается на л. 252 (авторская нумерация 3-го счета), предыдущее поучение заканчивается на л. 249 об., т.е. в начале произведения утрачено два листа текста, и это единственная существенная утрата в объемной рукописи. Подробный заголовок воспроизводится в авторском «Оглавление книги сея вторыя части, скораго ради взыскания хотящимъ читати ю» (л. 268). В нем, по сути, прописан план Поучения, убеждающий читателя в важности и многогранности поднятой темы: «Слово 43. К новобрачнымъ, о еже не призывати на бракъ обаялниковъ и скомраховъ, и о честных мужей // и женъ и о тайне супружества, и не украшатися женамъ, и о бесѣде жениховѣ к невѣсте, и неипоимати богатѣйшу себе, и невѣсте не называйти своимъ принеселное вѣно, и не укоряти мужа о нищетѣ, и о зачатии челевеческомъ, и чего ради попусти Богъ браку быти, и не искати мужу красну жену, но разумную и богобоящуюся. Лист 250» (лл. 270 об.–271). Поучение организовано как беседа автора-проповедника с женихом и невестой, при этом автор дает внутри поучения слово брачующимся, составляя план «жениховой беседы», затем заставляя говорить новобрачную, а также вставляет претензии «злой жены», требующей от мужа исполнения своих желаний. Фактически перед слушателем разыгрываются сцены внутрисемейного общения, где у каждого своя роль[17]. По проницательному замечанию Ю.М. Лотмана, сценическая организация и «включение зрителя в систему коллективного сознания, подразумевающего взгляд на *другого* как на партнера в коммуникации, субъект, а не вещь, делает театр школой общественной морали»[18], расширяя эту мысль на публикуемый материал, можно понять цель сложной композиции Поучения. Включение моментов драматического характера позволяет активизировать слушателя, сделать его соучастником церковного действа, а проповеди усилить морализаторское воздействие[19].

Догматической основой теории христианского брака является Святое Писание, сюжеты, связанные с творением человека (Быт. 1, 27–28; 2, 22–24)[20]. К признанию мужа главой, а жены «тѣлом», автор добавляет субординацию отношений учителя и ученика. Обоснование сути брака как таинства в Послании апостола Павла к Ефесеям (Еф. 5, 25–27), пе-

[17] Драматизация, присущая церковной службе, в конце XVII в. была передана искусству «школьной драмы», тема брака как части сюжета и символа божественного благословения присутствует в «Повести о тверском отроче монастыре», о роли женщины в политике повествует пьеса «Артаксерксово действо».

[18] Лотман 2002: 428.

[19] Драматизация изложения как один из любимых приемов при построении проповедей отмечается в творчестве Кирилла Транквиллиона. – Маслов 1984: 94.

[20] Литература, посвященная теории христианского брака и его пониманию в Библии достаточно объемна. Подробное изложение теории см.: Макарий (Булгаков) 1883. Раздел 27. Обзор литературы см.: Троицкий 2001: 6–27.

решедшее в Кормчую, где брак сопоставляется со взаимоотношениями Христа и церкви, эмоционально с добавлением образных определений задействуется автором «Статира». Автор постоянно использует звательный падеж, в расчете на интерактивный диалог: «О пречесстный женише! Миро есть женитва. Блюдися, да не привлечеши злосмрадныя тины. Тайна бо есть и образъ великия вещи: по божественному апостолу во Христа и Церковь» (л. 252).

Автору важно уточнить и распространить идею таинства брака, которое до́лжно совершать в «многое молчание и многая тишина», главное таинство – соединение плотского и духовного во имя рождения детей: «Се паки любве тайна, аще два не будутъ едино, не содѣловаютъ многихъ, а егда единъ, тогда нѣсть единого, но полъединого и явлено: яко единъ дѣтей не раждаетъ. Видѣл ли еси женитвы тайну: жена бо и мужъ не суть два, но единъ ч(е)л(о)в(е)къ» (л. 252).

Автор, настаивая на непременном присутствии церкви в брачном обряде, напоминает о повседневной заботе родителей, которые радуются женитьбе, и не жалеют для этого своего «имения», не в силах «чадъ своихъ безбрачныхъ зрѣти» (л. 252 об.). Традиционное в обсуждении брака утверждение о безусловной ценности девства автором не поднимается, в отличие, например, от вышеупомянутой проповеди в Учительном Евангелии Кирилла Транквиллиона.

Большой пассаж касается дружеской и любовной атмосферы в семье. В отличие от Домостроя, где признается необходимость наказания жены мужем во имя спасения ее души[21], автор Статира решительно и неоднократно указывает на невозможность близких отношений, основанных на страхе: «Не запрещениемъ, ниже досадами, ниже страхомъ, ниже инымъ нѣкоимъ сицевымъ, но люблениемъ, но дружествомъ... А жития обшницу и дѣтей м(а)т(е)рь, всякаго веселия основание, страхомъ и прещениемъ связовати? Каково бо супружество, егда жена трепещетъ пре(д) мужемъ. Какую же и самъ той мужъ восприиметъ сладость, якоже с рабынею живый ж женою, а не, яко свободною»[22]. Этот чрезвычайно важный момент характеризует эмоциональное состояние времени и утверждение в проповеди нового типа отношений: супруги ищут радость, веселие, «сладость» в семейном быту на основании добрых и любовных чувств. Автор подчеркивает необходимость хвалить жену и даже, когда она в неправедном гневе, смягчать ее нрав улыбкой, что поможет добиться послушания и, главное, верности. Проповедник убеждает новобрачных, что брак обязывает к постоянной заботе друг о друге и поведению, которое облагородит отношения и убережет от из-

[21] Ср. с «Домостроем»: «...ино достоитъ мужу жена своя наказывати, и ползовати страхомъ наедине и, понаказавъ, и пожаловати, и примолвити, и любовию наказвати, и разсужати...» (Домострой 1985. С. 120)

[22] В тексте нет цитирования «Слова о законе и благодати», где Иларион вслед за апостолом Павлом развивал идею отличия брака по любви от брака по закону, но авторская аллюзия вполне вычитывается.

мены: «Сице возможеши ея осклабити, ярость и печаль погасити. Нѣсть сии глаголи ласкания, но многаго разума и исправления. Сими словесы сотворишию рабыню, нежели сребромъ купленую. И никогда же просто не зови ея, но с ласкосердиемъ, с честию со многою любовию. Чти ю, да не востребуетъ от иныхъ чести, да не востребуетъ от иныхъ славы. Паче всѣхъ предлагай ю, и доброты и разума похваляй» (л. 257 об.).

Проповедник подробно обосновывает, как выбирать жену, достойную любви. И это знаменательный момент, учитывая, что в средневековой традиции выбор невесты зависел более от материальных и статусных причин[23]. Не утверждая отсутствие личных симпатий, считается, что они не были на первом месте при заключении брака. В Поучении автор утверждает ценность чувств для гармонии семейной жизни. В основе – уважение к духовному миру супругов. Не пренебрегая внешней красотой невесты, в проповеди указывается на более важные качества: «честность, кротость, целомудрие». Обостряя ситуацию, автор предлагает добрым обращением с женой возвышать ее в глазах окружающих, даже если «безобразна, аще ли и худа, аще будетъ юродива или хулница, но имѣй ея якоже за красную, якож за возлюбленую, якоже за чюдную». Не меняя представлений о субординации внутри семьи, исходя из понимания соподчинения как основы миропорядка, автор призывает мужа к готовности: «Аще и душу свою дати за ню подобаетъ. Аще что и бѣды терпѣти, и пострадати, не отрецыся» (л. 252 об.). А жена должна жить «в твоемъ послушании и к родителемъ в покорении»[24].

Обращаясь к популярным рассуждениям о злых женах, представленных в древнерусской книжности многочисленными вариантами, автор ставит задачу – обличить женское злонравие[25], но при этом позиция автора не в отказе от брака, а в правильном выборе жены, чтобы основой было не ее богатство или красота, а общность интересов и устремлений: «не богатства подобаетъ искати, но обшницу жития: да поемлютъ во устроение дѣтотворения. Вносящая же пѣнязи невѣста и госпожа, вмѣсто жены бываетъ или негли звѣрь вмѣсто жены» (л. 253).

В обличительном ключе проповедник рассматривает «украшательство» жены как лица, так и тела. По его глубоко укоренившемуся мнению, это искажает образ, дарованный Богом («Ты ли создание Б(о)жие хощеши справити»), и является проявлением тщеславия, что оценивается как безусловный грех. Но автор наставляет мужа не строго запрещать носить украшения, «висящая на шияхъ и на скранияхъ, и на выи облежащая», а убедить жену: «яко едина еси от безумныхъ» (л. 255). С еще большей страстью автор обличает косметические процедуры, заимствуя

[23] Пушкарева 1989.

[24] Призыв восходит к беседе Иоанн Златоуста «В том состоит крепость жизни всех нас, чтобы жена была единодушна с мужем; этим поддерживается все в мире. Как при потрясении основания ниспровергается все здание, так и при супружеских раздорах разрушается вся наша жизнь…» [Иоанн Златоуст 1897, с. 381].

[25] Титова 1992.

риторику из Учительного Евангелия Кирилла Транквиллиона, автор редактирует советы в соответствие с русским бытом:

Учительное Евангелие	**Статир**
А нынѣ жены некотории точию при зерцалѣ сѣдять и брови помузкуютъ водками, пижмами смаруются. Но сего творити не подобаетъ честной жене хр(и)*с*тиянской, еже убо украшати себе свѣтлыми ризами и помазоватися вонями. Се дѣло блудныхъ женъ и дияволе ухищрение на прел(е)сть д(у)шъ юношескихъ, не утвер-женыхъ страхомъ б(о)жиим... (л. 169 об., 2 сч.)	...жены нѣкия точию при зерцалахъ сѣдятъ и брови подмазуютъ п(р)обками черными, и лица натирающъ бѣлиломъ. Но сего творити не подобаетъ ч(ес)тной женѣ хр(и)*с*тиянской. Се бо дѣло блудныхъ женъ и дияволе ухищрение на прелесть д(у)шъ юношескихъ и не утвержденныхъ страхомъ б(о)жиимъ (л. 253 об. -254)

Не приемлет проповедник обычая исполнять во время свадьбы громких и «скверных» песен и «плясаний». В этом он един с автором Учительного Евангелия, следующего увещеванию Иоанна Златоуста (Беседы о браке 1, 2). несколько раз последовательно противопоставляя свадебному разгулу разумное общение. Авторитетом церкви автор вводит правило умной беседы жениха с невестой, которая должна, по его настоянию, предшествовать плотским отношениям: «Но и еще ти скажу, аще хощеши уцеломудрити невѣсту, срамное убо не разрѣшай скоро, еже похотнии творятъ мужие, но изводи на многое время» (л. 254 об.)[26]. В беседе жених объясняет, что добродетельная душа невесты или «общницы» ему дороже богатства и знатности рода, и трогательно признается в любви: «Сего ради тебе возлюбихъ и люблю, и паче моея предлагаю души». Выражение личных любовных переживаний станет основой лирической поэзии Нового времени, в необычном для этой цели жанре – церковном поучении – появляются любовные мотивы, клятвы верности, готовность пройти все испытания. Таинство брака, смысл которого автор доносит до своей паствы, одухотворяет земные правила сожительства в семье; житейские столкновения преодолеваются высокой оценкой брачных отношений.

Обращаясь к мужу, автор не забывает увещевать богатую жену, приходящую со своим «вѣном» в семью. Он «моделирует» не только «женихову беседу», но и приводит слова жены, требующей от мужа заработка в «странничестве», упрекая, что тот «туне живеши». Но предохраняя жену от неблагочестивых помыслов и желаний, автор не обходит замечаниями мужа, предлагая тому «паче в дому пребывай ея ради, нежели на торжищи, и паче всѣхъ друговъ предпочитай. И аще бл(а)го сотворитъ что, хвали и чудися. Аще ли что безмѣстно (случается), яко и на юныхъ наказуй» (л. 259). Бытовые разговоры, входя в текст Поуче-

[26] В постановлении карфагенского Собора (398 г.) находим указание новобрачным «...приняв благословение, да пребывает в ту ночь, из уважения к этому благословению, в девстве» (Цит. по: Макарий (Булгаков), параграф 234. прим. 1495)

ния, позволяют отзеркалить взаимоотношения супругов, войти внутрь семейного пространства, заставив участников посмотреть на себя извне.

В заключительной части проповеди, представив перед слушателем благочестивые и неблагочестивые типы поведения, автор выступает как просветитель, раскрывая важную тайну деторождения. Будучи парафразой из проповеди новобрачным Кирилла Транквиллиона, рассуждение о скрытом от глаз соединении двух начал – женского и мужского – опирается на Палею толковую, служившую памятником пытливой средневековой мысли, своеобразно соединявшей легендарные вымыслы с природными наблюдениями и обобщающими символическими смыслами[27]. В тексте объясняется соединение материального тела и души, свершающееся в утробе матери: «И вложи Богъ въ естество тѣлесное мужу и женѣ похоть движения к рождению. От похоти и сѣмени мужеска начинаются тѣла: кости и жилы, от женской похоти: кровь и тѣло составляется… Душа же невидимая от невидимаго Бога невидимого силою его творится – из небытия в бытие вѣчное. И невидимо вливается в зачатии тѣла в матернихъ ложеснахъ» (л. 258 об.). В Учительном Евангелии объяснение гораздо пространнее, автор «Статира» берет из него небольшую часть, оставив обещание поговорить об этом подробнее «во свое время» при желании паствы. Проповедь берет на себя объяснительную функцию, посвящая новобрачных в природную суть брачной связи.

Завершая проповедь, автор возвращается к новобрачным, прославляет «честный санъ сожительства», «усердно желая» им «всех благъ».

Обобщая, отметим высокое значение жанра проповеди для понимания сложных процессов развития морали и культуры повседневности в конце XVII в. В этом семантическом ключе жанр проповеди занимает исключительное положение. Вводимый в научный оборот текст интересен топографией своего появления, Орел-городок – это русская провинция в Прикамье, имеющая впечатляющий культурный потенциал вследствие деятельности землевладельцев из рода Строгановых. В Проповеди новобрачным автор убеждает паству в необходимости гуманных и доброжелательных отношений в семье, основанных на свободном выборе брачующихся и взаимной любви. Идею таинства и нерасторжимости брака он соединяет с примерами понимания и поиском коммуникации в брачном союзе, что поддерживается социумом и родом. На первый взгляд в небольшом фрагменте церковного события воплощаются новые установки времени, меняющие жесткую средневековую иерархию в семье на поиск правил «сожительства» на основе душевной близости.

***

[27] Палея 2002. С. 57, 60, 91, 93. Ср.: «От мужа сътуденое искипѣние сѣменьное примѣшается противу соущии крови женьстѣй,смѣшиющимъся оубо оутрьнимъ всѣмъ и чювьственымъ вкупе, аки сливающимся другъ друзѣ телеснымъ смѣшеньемъ.И съсядеться от студенаго мужскаго сѣмени...и от кости въ костяну и жилаву претворяется силоу. От жены же совокоупление противу въздаеться кровь тепла естьствомъ сущи...» (С. 120)

Текст воспроизводится современным гражданским шрифтом. Вышедшие из употребления буквы славянского алфавита заменены современными: и десятеричное – и, омега – о, дограф оу – у, кси – кс, пси – пс, йотированное а и юс малый – я, фита – ф, йотированное е – е, ипсилон – и или в, юс большой – у, й пишется в соответствии с современным пониманием текста. Сохранены ѣ, ъ и ь, если они использованы автором рукописи. Титла раскрываются, пропущенные графемы вносятся в текст в круглых скобках. Выносные буквы вносятся в строку, но передаются курсивом. Пунктуация ориентирована на современные правила. Все исправления и дополнения указываются системой сносок. Редакторские исправления передаются через квадратные скобки и также отмечаются в сносках. Все указания на цитаты даются публикатором в круглых скобках курсивом.

[Поучение к новобрачным]

(л. 252) ...го чина исходитъ, а к другому же восходитъ.

О преч(е)*с*тный женише! Миро есть женитва. Блюдися, да не привлечеши злосмрадныя тины. Тайна бо есть и образъ великия вещи: по б(о)ж(ес)твенному ап(о)ст(о)лу во Хр(и)*с*та и ц(е)рк(о)вь. Ц(е)ркве образъ есть и Христо*в (Еф. 5, 25–27; Откр. 21, 9)*.

Да не будутъ бестудныя, плясалницы, ниже д(е)вы, ниже жены. Во еллинскихъ тайнахъ суть плясания, в наших же – молчание и благоукрашение, стыдѣние и устроение.

Но тайна великая *(Еф. 5, 31–32)*: два сходятся воедино. Сего ради, да не внидетъ плясания, ни кимвалы, но многое молчание, многая тишина. Да не ведеши молву и смущаеши сущихъ, и посрамляеши д(у)шу, и молвиши: «Се паки любве тайна, аще два не будутъ едино, не содѣловаютъ многихъ. А егда единъ, тогда нѣсть единого, но полъединого и явлено: яко единъ дѣтей не раждаетъ». Видѣл ли еси женитвы тайну. Жена бо и мужъ не суть два, но единъ ч(е)л(о)в(е)къ и будут два одною плотью, так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает *(Быт. 2, 24; Мф. 19, 6; Мк. 10, 8)*.

Понеже и самъ Г(о)*с(*по)дь рекъ: «Мужа и жену сотворилъ я(з) есть. Овъ убо глава, ов же тѣло, мужъ убо учителевъ чинъ содержитъ, жена же ученическъ. Овъ убо началника чинъ содержитъ, ова яже начинаемыя. Сего ради оставитъ ч(е)л(о)в(е)къ о(т)ца своего и м(а)т(е)рь и прилепится к женѣ своей» *(Быт. 2, 22–24)*.

Но и о(т)цевѣ такожде радуются дщери и с(ы)ну женящимся, аки к своему уду спѣшимся[28] тѣлеси. И толикое иждивение // (*л. 252 об.)* бываетъ, и имѣнии умаление не жалѣютъ, но обаче не терпятъ чадъ своихъ безбрачныхъ зрѣти *(1 Кор. 7, 38)*.

И ты, брате, люби свою жену по завещанию ап(о)*с*т(о)лскому, якоже Хр(ис)тосъ возлюби Ц(е)рк(о)вь. И промышляй и ты о ней, якоже Хр(ис)тосъ о Ц(е)ркви. Аще и д(у)шу свою дати за ню подобаетъ, аще что и бѣды терпѣти, и пострадати, не о*т*рецыся *(Еф. 5, 20; Иоанн 1, 14)*.

Ибо и Хр(ис)тосъ Самъ Себе предавъ за Ц(е)рковь, да очиститъ ю и ос(вя)титъ. Тако и ты, имѣй жену свою в повиновении многимъ промышлениемъ, не запрещениемъ, ниже досадами, ниже страхомъ, ниже инымъ нѣкоимъ сицевымъ, но любление, но дружествомъ. [Но и слугу страхом связати никто же возможетъ][29] А жития обшницу и дѣтей м(а)т(е)рь всякаго веселия основание страхомъ и прещениемъ связовати? Каково бо супружество, егда жена трепещетъ пре*д* мужемъ? Какую же и самъ той мужъ восприимет сладость, якоже с рабынею живый ж женою, а не яко свободною.

И ты, брате, аще и постраждеши, что ся ради, да не уничижиши ея. Аще ли же будетъ и нечиста, и порокъ имяше, аще ли и безобразна, аще ли и худа, аще будетъ

[28] Испр. автором, изначально: спѣшамся.
[29] Заключено в скобки автором.

юродива или хулница, но имѣй ея якоже за красную, яко(ж) за возлюбленую, якоже за чюдную.

Не ищи о*т* жены, яже не суть ея. Но аще и нище// (*л. 253)*тна есть, но честна должна быти, но да иметь нрав вмѣсто богатства. Да и прочиимъ всѣмъ, гл(агол)ю: не ищите, о*т* богатства пояти в бракъ жену. Зане безмѣрное богатство[30] гордость родитъ женѣ. Тѣм же не богатства подобаетъ искати, но обшницу жития: да поемлютъ во устроение дѣтотворения. Вносящая же пѣнязи невѣста, и госпожа, вмѣсто жены бываетъ или негли звѣрь вмѣсто жены.

Ничто же срамнѣйшее мужа, хотящаго богатѣти женинымъ вѣномъ. Аще тебѣ жена бестуднѣ начнетъ богатствомъ поношати. Ничто *ж* студнѣе о сея ярости, ничто же безчестнѣйшее, ничто же лютѣйшее, ничто же несладостнѣйшее, ничто *ж* вреднѣйшее[31]. Но аще ти жена оглаголница будетъ, ты самъ сей вредъ поялъ еси, зане богатѣйшия искалъ еси. Но виждъ, яко вся[32] о*т* В(ла)*д*(ы)ки имяше Ц(е)рк(о)вь, о*т* Него славна бысть. Тако и ты, не ищи жены богатѣишия, ниже о*т*вращайся жены безобразия ради: б(о)жие создание есть. Не оной досаждаеши, но сотворшему ея.

Такожде да не похвалиши ю бл(а)гообразия ради: похотныхъ есть д(у)шъ похвала, а целом(у)*д*рой ненависть. Но д(у)шевную ищи доброту, жениха ц(е)рковнаго подражай. Внѣшняя же доброта величения и кичения многаго исполнена суть, и в безобразие вметаетъ, и зазрѣтися многажды *(л. 253 об.)* творитъ. А аще приидетъ на ню недугъ, то вся красота ея погибнетъ.

Но ищи о*т* жены бл(а)горазумие, смиреном(у)*д*рие, кротость – сия бо суть красота женѣ. Но мнози с красными пожившe, бѣдне скончашася, колицы же не з благообразными[33], со многою сладостию и последнюю старость достигоша.

Сице бо Павлу рекшу: «Ибо тайна сия велика есть». Аз же г(лаго)лю: Во Хр(ис)та и Ц(е)рк(о)вь: воистинну в о, воистинну тайна есть, и великая тайна, яко прозябшаго родившa(го), воспитавшаго, болѣвшую, страдавшую оставль, а никогда же явльшейся, ниже обше что имущей, к сей прилѣпляется и паче всѣхъ тую предпочитаетъ.

Ты же, брате, егда введешъ невѣсту свою, о*т* того часа научай ю страху Б(о)жию, цел(о)м(уд)рию, кротости, яко да поживетъ ч(е)*с*тно в твоемъ послушании и к родителемъ в покорении. Во*з*браняй о*т* излишняго рачения, тлѣннаго имѣния. И да не будетъ облагатися в златая украшения, висящая на шияхъ и на скранияхъ, и на выи облежащая. Но аще ли жена твоя истязуетъ сихъ, тогда рцы ей, яко едина еси о*т* безумныхъ.

Не буди в дому твоемъ, якоже не наказаннии жены нѣкия, точию при зерцалахъ сѣдятъ и брови подмазуютъ п(р)обками черными, и лица // *(л. 254)* натираютъ бѣлиломъ. Но сего творити не подобаетъ ч(е)*с*тной женѣ хр(и)*с*тиянской, се бо дѣло блудныхъ женъ, и дияволе ухищрение на прелесть д(у)шъ юношескихъ, и не утвержденныхъ страхомъ б(о)жиимъ *(Ср.: 1 Пет. 3. 1, 3–6)*.

Но самъ со многою честию украшай домъ: цел(о)м(у)*д*рием дышутъ паче, нежели инымъ нѣкиимъ бл(а)гоуханием.

Не собирай у сусѣдъ многихъ, оже ж[а]д[ен]ъ[34], и сосудовъ златыхъ. Двое бо о*т* того доброе будетъ, и трое. Первое, да не болѣзнуетъ невѣста после чертога о*т*слылаемымъ ризамъ и сосудамъ златымъ. Второе, да не печалуе*т*[35] женихъ о хранении собранного чюжаго имѣния. Третие, да о*т* сихъ покажетъ свое целом(у)*д*рие.

Не попускайте же на браце твоемъ быти ниже плясания, ниже нечистымъ пѣснемъ. И вѣмъ, яко мнози посмѣеваются мнѣ, сицевая законополагаю, но обаче

[30] Испр., в ркп. слово вписано над строкой.
[31] Испр., в ркп.: вреднѣйшсе.
[32] В ркп. вставка на правом поле.
[33] Испр.: в ркп: брагообразными.
[34] Испр., в ркп.: ждъ.
[35] Вставлено автором на правом поле.

повинитеся мнѣ времени сему минувшу, и тогда, простерши бесѣду, скажу вамъ доволно, и тогда увѣсте, и смѣхъ убо растечется, и посмѣетеся н(ы)н(е)шнему обычаю вашему. И увѣсте, яко воистинну дѣтей несмысленныхъ и мужей упивающихся обычаи ваши, а я же наказую целом(у)*д*рия и любом(у)*д*рия, и вышняго гражданъства суть.

Но н(ы)нѣ едино гл(аго)лю: О*т*ымите о*т* брака, всякия пѣсни скверныя, сатанинския, собрания нечистыхъ юношъ, и бестудныхъ женъ, ласкателницъ, *(л. 254 об.)* иже домы ваши потворяютъ. Тогда возможеши уцелом(у)*д*рити невѣсту. И она абие помыслитъ: «Оле, каковъ есть мужъ, любом(у)*д*р(е)цъ есть, ничтоже вменяетъ нынѣшнее житие, поистинне на чадотворение и дѣтопитание введе мя в домъ свой, и на домоисправление».

Но и еще ти скажу, аще хощеши уцелом(у)*д*рити невѣсту, срамное убо не разрѣшай скоро, еже похотнии творятъ мужие, но изводи на многое время.

Женихова бесѣда[36].

Но со многою бл(а)г(о)датию бесѣдуй к невѣсте: «Мы убо, о отроковице, житию тя обшницу прияхомъ и введохомъ в ч(е)*с*тнѣйши*х* и нужнѣйшихъ намъ приобшающуюся, сирѣчь в чадотворении и дому предстателствѣ.

Како же к намъ покажеши любовь? Яко многия ми лѣть бяше взяти и богатѣйшия, и рода свѣтлаго не изволихъ, но тебе и твое вожжелѣхъ житие, честность, кротость, целом(у)*д*рие, а яко внегда можахъ богатую посягнути, и обилную не приях почто, но непросто, ниже туне, но наказанъ быхъ а*з* добрѣ, яко богатьство никоеже имѣние есть, но вещъ[37] удобь пренебрегома, и в разбойницехъ сущая, и блудныхъ женахъ, и гробокопателехъ.

Тѣм же оставихъ сия, приидохъ к твоея д(у)ши добродѣтели, ю же паче всякаго пре(д)почитаю зла// *(л. 255)*та. Разумна бо и свободная, отроковице юная, и бл(а)гоговѣнию прилежащи, всей вселеннѣй противо ми достойная. Сего ради тебе возлюбихъ и люблю, и паче моея предлагаю д(у)ши. Ничтоже бо есть настоящее житие. И молюся, и прошу, и вся творю, еже намъ тако сподобися, настоящее житие жити, еже возмощи и тамо в будущемъ вѣце со многимъ дерзновениемъ другъ со другомъ быти *(Мф. 22, 23-30)*.

Время убо сие кратко есть и привременно: аще же сподобимся бл(а)гоугодивши Б(о)гу, тако о*т* жития сего преставитися, пр(и)*с*но, и со Хр(и)*с*томъ, и другъ со другомъ будемъ, со множайшею сладостию.

Сего ради паче всѣхъ твою любовь пре*д*лагаю. Аще и вся погубити, требѣ буде(тъ) аще и нищетнѣйшу быти, аще и бѣды послѣдния прияти, аще и чтоли буди пострадати, мнѣ вся стерпима и удобна, донели же убо яже к тебе добрѣми належати, и дѣти ми любезны тогда будутъ, донелиже бл(а)гоприятна к намъ устроена будеши».

Тако и ты, невѣсто, повинуйся мужеви твоему, якоже Г(оспо)ду, по ап(ос)т(о)льскому словеси: зане мужъ глава жены, якоже Хр(и)*с*то(с) глава ц(е)ркве *(Еф. 5. 22–23)*. И пребывай с нимъ в единомыслии, и являй к нему зѣлную любовь, зане оставитъ ч(е)л(о)в(е)къ о(т)ца своего и м(а)т(е)рь и прилѣпится к женѣ своей *(Еф. 5, 31)*. Зриши ли, ни о(т)ца – рече, – ни матере, ни сына, ни брата, ни друга, // *(л. 255 об.)* якоже люблениe жены. Аще ли в единомыслии и в послушании мужа своего пребудеши, то домъ свой добрѣ утроиши и бл(а)годарованныя чада в страсѣ воспитаете, и рабы бл(а)гочинствуютъ, и соседи наслаждаются бл(а)говония, и друзи и сродницы о бл(а)гочестивномъ сожителствѣ вашемъ возрадуются.

Нѣкто о*т* премудрыхъ рекъ: “Жены добры бл(а)женъ есть мужъ и число дней его сугубо. Жена добля веселитъ мужа свое(го) и лѣта его исполнитъ міромъ *(Сир. 26, 2)*. Жена добра часть бл(а)га, в части боящихся Г(о)*с*(по)да дана будетъ. Бл(а)годать женска возве[се]литъ мужа, деяние г(о)*с*(по)дне жена молчалива, и

[36] Заголовок написан автором на левом поле.
[37] Испр., в ркп.: вешь.

нѣсть искупа наказанной д(у)ши. Бл(а)г(о)*д(*а)ть на бл(а)годати жена стыдлива, и нѣсть достойна всякая мѣра удержанныя д(у)шы. Якоже с(о)лнце свѣтитъ на н(е)б(е)*с*ной высотѣ, а доброта жены добрыя в дому ея» *(Сир. 26, 20–21).*

Но той же б(о)ж(ес)твенный ап(ос)т(о)лъ гл(аго)летъ: “Жена да боится мужа своего” *(Еф. 5. 33)*. Ничтоже сего супружества лучшее: егда жена мужа своего боящися, любитъ, любящи же, боится, аки главы, и любит*ъ*, аки удъ.

Сего ради Б(о)гъ единую покори, а другаго выщши положи, да миръ будетъ. Рекъ по изгнании Адамовѣ из рая: “И ты, жено, в болѣзни родиши чада, а обращение твое к мужеви твоему, и той да обладаетъ тобою» *(Быт. 3, 16)*. А идѣже равночестие, // *(л. 256)* ту мира никогда не бываетъ. Сего ради покажи и боязнь к мужеви твоему, еже[38] не п[о]преки гл(агола)ти, еже не противо востати, еже не желати первенства *(1 Тим. 2, 11–12).*

Ниже да гл(аголе)ши к мужу своему: “Не мужественнѣ и боязниве, лѣности исполненнѣ, и слабости, и сна многаго”. Ниже да завиствуеши инымъ: «Онъ сица «смиренъ, и в странничества о*т*ходя, и многое богат[ст]во сотвори: и жена златыми облачится: и на супрузѣхъ бѣлыхъ мсковъ исходитъ, и множество рабовъ предиходящихъ, и рабынь предстоящихъ. Ты же во изумлении боишися и туне живеши».

Сего никакоже не мози гл(агола)ти: тѣло бо есть, да не укаряеши главу. Но сия помысли, яко и о*т* многаго богат(ст)ва, колики бѣды приимаютъ. Но взирай на таковыя жены, иже ничтоже о*т* мужей своих прияша, но и своя изнуриша. Но аще любителнѣ к мужеви будешъ прилѣжати, то дражае злата и камения честнѣйши.

О жено! Аще и множайшее имѣние внесешъ в домъ мужа твоего, не мози гл(агола)ти бестуднаго гл(а)г(о)ла: еже ничтоже изнурихъ твоего, своими облагаюся. И что будетъ сего гл(а)г(о)ла бесчестнѣе, тѣло к тому не имаши свое, а имѣния ли своя имаши. И тому нѣсть двоя плоть послѣ брака, но бысть во[е]дину[39], а имѣние ли двое. Оле имѣния рачения: единъ ч(е)л(о)в(е)къ, едино животно – обои быстѣ, и еще ли гл(аголе)ши: «Моя», проклятый сей // *(л. 256 об.)* гл(а)г(о)лъ и скверный о*т* диявола введеся. Вся намъ обшая сотворилъ есть Б(о)гъ, нѣсть мощно рещи: «Мой свѣтъ, мое с(о)лнце, моя вода». Вся та обша, а имѣния не сут(ь) ли обша.

Но ты мужу противу жены злорѣчия о*т*вещай, аще речетъ: «“Моя”, рцы ей: “Кая гл(аголе)ши твоя, а*з* не вѣм, ничтоже имамъ азъ особное. Како же гл(аголе)ши “моя”, и поистиннѣ твоя. Но и дѣти, яже ми даде Б(о)гъ, твои, и азъ твой». Понеже ея дѣтский разумъ.

Сице возможеши ея осклабити, ярость и печаль погасити. Нѣсть сии гл(аго)ли ласкания, но многаго разума и исправления. Сими словесы сотворишию рабыню, нежели сребромъ купленую.

И никогда же просто не зови ея, но с ласкосердиемъ[40], с честию со многою любовию. Чти ю, да не востребуетъ о*т* иныхъ[41] чести, да не востребуетъ о*т* иныхъ славы. Паче всѣхъ пре(д)лагай ю, и доброты и разума похваляй. И научай ю страху Б(о)жию, и вся, якоже о*т* источника истекутъ, и безчисленныхъ бл(а)гъ домъ твой будетъ наполненъ. Аще нетлѣнныхъ ищете, то и сия найдутъ, ищите бо, рече, прежде ц(а)р(с)твия Б(о)жия, и сия вся приложатся вамъ.

Но тебѣ еще, невѣсто, наединѣ гл(агол)ю. Блюдися излишняго украшения ри*з* шелковыхъ, о*т* облегания злата и о*т* натирания лица, си ибо еллинстии обычаи и бѣсовская ловитва[42]. // *(л. 257)*

Понеже украшения ризная тѣло и д(у)шу снѣдаютъ. И гордости наполняется, и печалми содержится, и безчисленными страстми кажется. Почто грѣховными пле-

[38] Надписано автором над строкой.
[39] Испр., в ркп.: водину.
[40] Испр., в ркп.: ласкосерзиемъ.
[41] Доб. автором на левом поле.
[42] Испр., в ркп.: лоливитва.

ницы связуешися, аще ли ты златомъ одеваешися, а инъ погибаетъ. Облецыся во Хр(и)*с*та, а не в злато: идѣже многое злато о*т* неправды, тамо Хр(и)*с*тосъ не пребываетъ. И ты облецыся в Ц(а)ря всяческихъ, аще бы кто тебѣ диадиму ц(а)р(с)ку далъ, то бы прияла паче всякаго злата.

Азъ тебѣ не ц(а)р(с)ку утварь даю, но в самого Хр(ис)та облещися молю. Аще вопросишъ, како облещися во Хр(ис)та, во Хр(ис)та убо кр(е)*с*титеся - во Хр(и)*с*та облекостеся *(Кол. 3, 14)*.

Слыши Павла гл(агол)юща: «Плоти угодия не твори в похоти» *(Рим. 13, 14),* сице облецыся во Хр(и)*с*та. Аще во Хр(и)*с*та облечешся, и бѣсове тебе убоятся, и ч(ело)в(е)цы устыдятся, аще ли въ злато облечешся, то ч(е)л(о)в(е)цы тебѣ посмѣются, а бѣсове возвеселятся.

Хощеши ли явитися добра и бл(а)голѣпна, доволна буди, какову тя Б(о)гъ сотворилъ. Почто в златая одѣваешися и лице натираеши, о безумная жено! Ты ли создание Б(о)жие хощеши справити. Но токмо Б(о)га прогнѣваеши, а себе безчествуеши. Хощеши ли явитися, бл(а)голѣпотная? Облецыся в м(и)л(о)*с*тню, облецыся в ч(е)л(о)в(е)колюбие, облецыся в целом(у)*д*рие, в смирение *(Рим. 13, 14)*. Вся сия злата честнѣйши сия красную и бл(а)голѣпотную творятъ, сия не образную бл(а)гообразну *(л. 257 об.)* содѣваютъ. Егда кто увидитъ и красную жену злую, не можетъ похвалити, целом(у)*д*рую же, кто не похвалитъ.

Егда велми украсишися, о жено, тогда нагия студнѣйши бываеши! Понеже овлекла еси украшение Б(о)жие, егда Ева бывши нага, тогда славою Б(о)жиею одѣяна, но егда одѣяся в ризу грѣха, тогда бяше студная. Многоценныя бо ризы приличны ругателница*м*, лицемѣрницамъ, кущунницамъ. Женѣ же вѣрней иныя ризы даны о*т* Б(о)га. Рцы ми: «Аще бы кто тебѣ ц(а)рьскую далъ бы ризу, а ты же бы верху ея рубища облекла, не были была мучена. Ты же облекшися во образъ н(е)б(е)*с*наго анг(е)лскаго Ц(а)ря *(Кол. 3, 14)*, а окрестъ землею облагаешися и Хр(и)*с*тову образу ругаешися».

И велико зло украсы любления, зазора явления, изнурения безвременныя, хуления, лихоимания. «Почто украшаешися», - рцы ми. Да угодиши мужеви, то ему угаждай добрымъ нравомъ. А еже украшаешися, то инымъ угаждаеши, то бо дѣло блудническое есть. Да она добротою тѣлесною привлечетъ рачителей, а ты образъ целом(у)*д*рия всѣмъ зрящимъ на тебе буди, тогда во всѣхъ будеши похвална.

Но и еще ти, мужу, азъ позавѣщаю. Покажи к женѣ своей сожитие на мнозѣ, и паче в дому пребывай ея ради, не// *(л. 258)*жели на торжищи, и паче всѣхъ друговъ предпочитай. И аще бл(а)го сотворитъ что, хвали и чудися, аще ли что безмѣстно случается[43], яко и на юныхъ наказуй.

И м(о)л(и)твы да будутъ вамъ общия: кождо в ц(е)рк(о)вь да приходитъ, и гл(аго)лемы*х* и чтемыхъ тамо, мужъ жену да истязуетъ в дому честь[44] и она мужа.

Аще нищета кая содержитъ, приводи на среду с(вя)тыя мужи Павла, Петра, иже всѣхъ паче царей и богатых бл(а)гоискусни быша, такожде в гладѣ и жаждѣ пребываху. Аще ли тако пребудете, иноковъ не менши будете. Аще обращеши с(вя)т(о)го нищаго, могущаго вхождениемъ ногъ внести бл(а)го-словение Б(о)жие в домъ твой[45], того призови. В того бо образѣ Хр(и)*с*тосъ Б(о)гъ внидетъ и весь домъ твой бл(а)гословитъ, и воду во вино претворитъ *(Ин. 2, 1–11)*

Не подобает же любимицы и сие молчанию предати: чесо ради сотвори Б(о)гъ видимаго мира, сирѣчь ч(е)л(о)в(е)к(о)въ. Абие изначала сотвори Б(о)гъ десять чинов а(н)г(е)лскихъ, единъ же о*т* нихъ старѣйшина, нарицаемый денница, ему же врученъ бысть десятый чинъ, и онъ, видя свѣтлость данную ему от Б(о)га, вознесеся в гордыню. Сего ради Б(о)гъ сверже его о*т* высоты небесныя в про*п*асть адскую и

[43] Доб. автором на правом поле.
[44] Испр., в ркп.: часть.
[45] Надписано автором над строкой.

от света[46] - во тму кромѣшную. И по о*т*падении денницы, хотя Б(о)гъ наполнити оное мѣсто, о*т*куду выпали лютыи ангелове гордыи, сотвори Б(о)гъ мужа и жену. И вложи *(л. 258 об.)* Б(о)гъ въ естество тѣлесное мужу и женѣ похоть движения к рождению *(2 Мак 7, 11)*. О*т* похоти и сѣмени мужеска начинаются тѣла: кости и жилы, о*т* женской похоти: кровь и тѣло составляется, [якоже любом(у)*д*рецы рѣша][47]. Д(у)ша же невидимая: о*т* невидимаго Б(о)га, невидимого силою его творится – из небытия в бытие вѣчное. И невидимо вливается в зачатии тѣла в матернихъ ложеснахъ. А не родится о*т* д(у)ши м(а)т(е)рней и о*т*ч(е)*с*кой иная д(у)ша. Не можетъ бо д(у)ша д(у)шу родити, д(у)х д(у)ха[48], ниже анг(е)лъ анг(е)ла.

И о семъ бл(а)годатию Б(о)жию доволну имамъ бесѣду простреги во свое время, аще восхощете, любими мои, пространнѣе слышати.

И н(ы)нѣ на предлежащее возвратимся. Ты же н(ы)нѣ радуйся, пр(е)ч(е)*с*тный женише, и з бл(а)годарованною невѣстою восприимши бл(а)гословениемъ Б(о)жиимъ, ч(е)*с*тный санъ сожителства с миромъ возвратитася в домъ свой. И родителя ваю, созвавши сосѣди и сродницы, срящутъ вы радующеся, зрящи чадъ своихъ в корунѣ ц(а)р*с*кой.

И тако с вами и во васъ будетъ Хр(и)*ст*(о)съ Б(о)гъ Ц(а)рь мира, ибо Б(о)гъ любовь есть, и пребываяй в любви в Б(о)зѣ пребываетъ, и Б(о)гъ в немъ *(1 Ин. 4, 7–8)*. А пребываяи в васъ дасть вам[49] мирное сожитие, бл(а)годен-ственное пребывание, обилное себе самѣхъ и домочадецъ препитание, даруетъ бл(а)гословение свое с(вя)тое на // *(л. 259)* вся труды ваша, на села же и поля, на домы и скоты ваша, еже всѣмъ умножение и долгопре[бы]вание[50] имѣти. Над всѣми же сими дастъ вамъ плодъ чрева вашего, яко лѣторасли масличныя, соглядати окрестъ трапезы вашея и узрѣти сыны сыновъ вашихъ.

Их же всѣхъ бл(а)гъ и прочихъ т(?) точныхъ[51], азъ вамъ усердно желая, заключаю слово мое, г(лаго)ля: «Буди на васъ бл(а)г(о)*с*(ло)вение Г(о)*с*(по)дне, всегда, н(ы)не и пр(и)*с*но и вовѣки вѣковъ».

РГБ, собр. Румянцева № 411. Л. 252–259

БИБЛИОГРАФИЯ/REFERENCES

Буланин Д.М., Колесов В.В. Сильвестр // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.) Ч. 2 (Л–Я). Л.: Наука, 1989. С. 323–333. [Bulanin D.M., Kolesov V.V. Sil'vestr // Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi. Vyp. 2 (vtoraya polovina XIV–XVI v.) Ch. 2 (L–Ya). L.: Nauka, 1989. S. 323–333].

Востоков А.Х. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского Музеума. СПб., 1842. С. 629–633. № 411 [Vostokov A. Kh. Opisaniye russkikh i slavyanskikh rukopisey Rumyantsevskogo Muzeuma. SPb., 1842. S. 629–633. № 411].

Дмитриева Р.П. Ермолай-Еразм (Прегрешный) // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV-XVI в.) Ч. 1 (А-К). Л.: Наука, 1988. С. 220–225. [Dmitrieva R.P. Ermolaj-Erazm (Pregreshnyj) // Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi. Vyp. 2 (vtoraya polovina XIV-XVI v.) Ch. 1 (A-K). L.: Nauka, 1988. S. 220–225].

Домострой. Подг. текста, перевод и комм. В.В. Колесова // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI в. М.: Художественная литература, 1985. С. 70–173, 580–586 [Domostroj. Podg. teksta, perevod i komm. V.V. Kolesova // Pamyatniki literatury Drevnej Rusi. Seredina XVI v. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1985. S. 70–173, 580–586].

Зернова А.С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках. М.: 1968. 151 с. [Zernova A.S. Knigi kirillovskoy pechati, izdannye v Moskve v XVI–XVII vekakh . M.: 1968. 151 p.].

[46] Доб. автором на правом поле.
[47] Заключено в скобки автором.
[48] Доб. автором на левом поле.
[49] Надписано автором над строкой.
[50] Испр., в ркп.: долгопревание.
[51] Возможно автор имел ввиду в данном контексте «тучных» (плодородных, сильных).

Зубов В.П. Русские проповедники: Очерки по истории русской проповеди. М. : Эдиториал, 2001. 232 с. [Zubov V.P. Russkie propovedniki: Ocherki po istorii russkoj propovedi. M. : Editorial, 2001. 232 p.].

Иоанн Златоуст. Беседы о браке [Ioann Zlatoust. Besedy o brake] // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/besedy_o_brake/.

Кирилл Транквиллион-Ставровецкий. Евангелие учительное. Рохманово, 1619. 551 л. [Kirill Trankvillion-Stavrovetsky. Yevangeliye Uchitelnoye. Rokhmanovo, 1619. 551 l.]

Киселева М.С. Интеллектуальный выбор России второй половины XVII – начала XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учености. 471 с. [Kiseleva M.S. Intellektualny vybor Rossii vtoroy poloviny XVII – nachala XVIII veka: ot drevnerusskoy knizhnosti k evropeyskoy uchenosti. M., 2011. 471 p.]

Корзо М.А. Нравственное богословие Симеона Полоцкого: освоение католической традиции московскими книжниками второй половины XVII века. М.: ИФ РАН, 2011. 155 с.

Крекотень В.И. Украинская литература // История всемирной литературы: в 9 т. Т. 4. М. : Наука, 1987. С. 687. [Krekoten' V.I. Ukrainskaya literatura // Istoriya vsemirnoj literatury: v 9 t. T. 4. M. : Nauka, 1987. C. 687].

Левшун Л.В. О слове преображенном и слове преображающем: теоретико-аналитический очерк истории восточнославянского книжного слова XI–XVII веков. Минск: Белорусская Православная Церковь, 2009. 896 с. [Levshun L.V. O slove preobrazhennom i slove preobrazhayushchem : teoretiko-analiticheskij ocherk istorii vostochnoslavyanskogo knizhnogo slova XI–XVII vekov. Minsk: Belorusskaya Pravoslavnaya Cerkov', 2009. 896 p.]

Лотман Ю.М. Семиотика сцены // Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб. : Гуманитарное агентство «Академический проект», 2002. С. 401–431. [Lotman Yu.M. Semiotika sceny // Lotman Yu. M. Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva. SPb. : Gumanitarnoe agentstvo «Akademicheskij proekt», 2002. S. 401–431].

Макарий (Булгаков), митр. Православно-догматическое богословие: В 2 т. Изд. 4. СПб. : Тип. Р.Голике. Т. 2. 1883. 674 с. [Makarij (Bulgakov), mitr. Pravoslavno-dogmaticheskoe bogoslovie : V 2 t. Izd. 4. SPb. : Tip. R.Golike. T. 2. 1883. 674 p.]

Маслов С.И. Кирилл Транквиллион-Ставровецкий и его литературная деятельность. Киев: Наукова думка, 1984. 245 с. [Maslov S.I. Kirill Trankvillion-Stavroveckij i ego literaturnaya deyatel'nost'. Kiev: Naukova dumka, 1984. 245 p.]

Нестерова А. Бытийная и антропологическая семантика слова в поучениях конца XVII века // Quaestio Rossica. Т. 8. 2020. No 1. С. 36–55 [Nesterova A. The Existential and Anthropological Semantics of the Wo r d in Late 17 th -Century Sermons // Quaestio Rossica. Vol. 8. 2020. No 1. P. 36–55].

Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А.В. Горского и К.И. Невоструева) / Сост. Т.Н. Протасьева; Глав. архивное упр. при Совете Министров СССР. Археограф. комис. при АН СССР. Гос. ист. музей. М. : [б. и.], 1970. IX, 211, XXV с. [Opisanie rukopisej Sinodal'nogo sobraniya (ne voshedshih v opisanie A.V. Gorskogo i K.I. Nevostrueva) / Sost. T.N. Protas'eva; Glav. arhivnoe upr. pri Sovete Ministrov SSSR. Arheograf. komis. pri AN SSSR. Gos. ist. muzej. M. : [b. i.], 1970. IX, 211, XXV p.]

Палея толковая. М.: Согласие, 2002. 647 с. [Paleya tolkovaya. M.: Soglasie, 2002. 647 p.].

Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси. М.: Мысль, 1989. 286 с. [Pushkareva N.L. Zhenshchiny Drevnej Rusi. M.: Mysl', 1989. 286 p.]

Сгибнева Н.Ф. «Яко не просто нищета спасает и богатство погубляет…»: о богатстве и нищете в сборнике проповедей конца XVII в. Статир // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2011. №2 (90). С. 223–237. [Sgibneva N.F. «Yako ne prosto nishcheta spasayet i bogatstvo pogublyaet»: o bogatstve i nishchete v sbornike propovedey kontsa XVII v. «Statir» // Izv. Ural. feder. un-ta. Ser. 2, Gumanitar. nauki. 2011. T. 90, № 2. S. 223–237]

Симеон Полоцкий. Вечеря душевная. М., 1683. 716 л. [Simeon Polotsky. Vecherya dushevnaya. M., 1683. 716 l.]

Симеон Полоцкий. Обед душевный. М., 1681. 711 л. [Simeon Polotsky. Obed dushevny. M., 1681. 711 l.]

Соболева Л.С. Литературные памятники Строгановского региона (XVII–XVIII вв.) «Статир» // История литературы Урала. Конец XIV–XVIII в. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 158–172. [Soboleva L.S. Literaturnye pamyatniki Stroganovskogo regiona (XVII–XVIII vv.) «Statir» // Istoriya literatury Urala. Konec XIV–XVIII v. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2012. S. 158–172]

Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе: в 12 т. Т. 3. СПб.: Санкт-Петербургская духовная академия, 1897. 962 с. [Tvoreniya svyatogo otca nashego Ioanna Zlatousta, arhiepiskopa Konstantinopol'skogo, v russkom perevode: v 12 t. T. 3. SPb.: Sankt-Peterburgskaya duhovnaya akademiya, 1897. 962 p.]

Титова Л.В. Беседа отца с сыном о женской злобе // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.) Ч. 1 (А-З). СПб.: Дмитрий Буланин. 1992. С. 137–139. [Titova L.V. Beseda otca s synom o zhenskoj zlobe // Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi. Vyp. 3 (XVII v.) Ch. 1 (A-Z). SPb.: Dmitrij Bulanin. 1992. S. 137–139]

Троицкий С.В. Христианская философия брака. Клин: Фонд «Христианская жизнь», 2001. 222 с. [Troickij S.V. Hristianskaya filosofiya braka. Klin : Fond «Hristianskaya zhizn'», 2001. 222 p.]

Якшин И.В. Источники и структура поучений «Евангелия Учительного» Патриарший гомилиарий // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История. Филология. 2011. Т. 10. Вып. 8: Филология. С. 96–105. [Yakshin I.V. Istochniki i struktura poucheny «Evangeliya Uchitelnogo» Patriarshy gomiliary // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya. Filologiya. 2011. T. 10. Vyp. 8: Filologiya. S. 96–105].

Яхонтов И.К. Русский проповедник XVII столетия // Духовная беседа. 1858. № 40. С. 26–38; № 44. С. 141–149. [Yakhontov I. Russky propovednik XVII stoletiya // Dukhovnaya beseda. 1858. № 40. P. 26–38; № 44. S. 141–149]

Uchastkina Z.V. A history of Russian hand paper-mills and their watermarks. Monumenta hartae paperaceae historiam illustranta. Vol. IX. Hilversum, 1962. 133 p.

***Соболева Лариса Степановна**, доктор филологических наук, профессор, кафедра русской и зарубежной литературы, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина; l.s.soboleva@mail.ru*

Hymn of domestic love and harmony in the handwritten collection of sermons at the end of the XVII century

The manuscript book of sermons «Statir» was written in the late 17th century by an anonymous author and was first described by A. Vostokov in 1842. The place of creation is the Oriel (Eagle) City on the Kama, the center of the Stroganov estate at that time. The author is a protopope of the Church of the Akathistos of the Mother of God. At the end of the manuscript after sermons on church holidays is a sermon addressed to the newlyweds. The author reveals the concept of the sacrament of marriage in the sermon and inspires the rules of family communication, which should strengthen family harmony. Using a dialog form of presentation, the preacher strives for active communication with the flock, the sermon permeates the ideas of humanistic nature, the author preaches to give up punishment, appreciates understanding and mercy and love as the basis of the family way. The text of the sermon is published for the first time.

***Keywords**:* «Statir», sermon, morality of 17th century, family relations, marriage, Russia

***Larisa S. Soboleva,** Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia; l.s.soboleva@mail.ru*

О.Ю. Солодянкина

УРОКИ ЖИЗНИ В МЕМУАРНОЙ ПРОЗЕ КНЯЗЯ И.М. ДОЛГОРУКОВА

В статье анализируются мемуарные произведения князя И.М. Долгорукова (1764–1823), написанные для потомков и содержащие семейный нарратив о былом величии Долгоруких и несправедливых гонениях на них, приведших к постепенному оскудению семьи. Реконструируются составные части долгоруковской идентичности, образ жизни членов семьи в контексте «долгого» восемнадцатого века. Охарактеризована система личных связей и отношений Долгорукова, обозначены основные категории «значимых других». Автор приходит к выводу, что честолюбие и гордость были характерными чертами Долгоруковых, а в стиле их жизни переплелись элементы старины и веяния европейского Просвещения.

Ключевые слова: *Долгорукие / Долгоруковы, И.М. Долгоруков, семейный нарратив, социальные связи, образ жизни, идентичность, «долгий» восемнадцатый век*

«Долгий» восемнадцатый век (от воцарения Петра I до кончины Александра I) имеет почти столь же долгую традицию изучения, однако мы по-прежнему мало знаем о ценностных ориентирах, жизненных стратегиях и повседневных практиках представителей разных слоев премодерного российского общества: на российском материале антропологически ориентированных исторических работ написано крайне мало[1]. Даже жизнь высшего сословия изучена в недостаточной степени. Как «вписались» в долгий восемнадцатый век старые аристократические семьи? Как осознавали и осмысляли свой упадок представители «старой знати», не выдержавшие конкуренции со знатью «новой»? Что происходило с их сознанием, самосознанием, идентичностью? Как менялись их практики поведения? Что входило в modus vivendi человека «долгого» восемнадцатого века, какие черты были пришедшими из «старой» эпохи, а какие появились как результат европейского влияния, дискурса Просвещения? Мы постараемся найти ответы на эти вопросы в мемуарной прозе князя Ивана Михайловича Долгорукова (1764–1823).

Князья Долгорукие (как писалась фамилия тогда) или Долгоруковы[2] (как пишется их фамилия теперь) – старинный аристократический род, Рюриковичи, ведущие свое происхождение от князей Черниговских. Первым Долгоруким был суровый и крайне мстительный праправнук Михаила Всеволодовича Черниговского, князь Иван Андреевич, живший в XV в. и прозванный «“Долгоруким” за уменье так или иначе достигать своих врагов, где бы они ни скрывались»[3]. Род был многочисленным, в нем выделились разные ветви, и в XVIII в. наиболее извест-

[1] См., напр.: Кошелева 2004; Зорин 2016.

[2] Во избежание проблем с написанием фамилии, всех старших представителей рода, вплоть до князя И.А. Долгорукого, я буду писать как Долгоруких, а его потомков, начиная с М.И. Долгорукова – как Долгоруковых.

[3] Долгорукий 1905: 493.

ной (и по возвышению, и по последующей катастрофе) стала ветвь, идущая от окольничего Ф.Ф. Долгорукого (ок. 1610–1664) к его сыновьям боярину Якову Федоровичу (1639–1720), славившемуся неподкупностью и бескомпромиссностью, воеводам Луке Федоровичу (ок. 1645–1710) и Борису Федоровичу (ок. 1653–1702), дипломату Григорию Федоровичу (1657–1723) Долгоруким. Максимального возвышения Долгорукие добились при Петре II, когда в состав Верховного тайного совета вошли двоюродные братья князья Алексей Григорьевич (ок. 1681–1734) и Василий Лукич (1672–1739) Долгорукие; князь Иван Алексеевич (1708–1739) стал любимым другом, фаворитом императора, а княжна Екатерина Алексеевна (1712–1747) обручилась с ним, получив титул «Ее высочество государыня-невеста». Однако недолгое возвышение Долгоруких с воцарением Анны Иоанновны закончилось катастрофически – опалой, ссылками, а затем и казнями. Как писал И.М. Долгоруков, «Императрица Анна не терпела каждого из наших; Бирон гнал все наше племя»[4]. Князь Алексей Григорьевич скончался в 1734 г. в ссылке в Березове, а его сын Иван, в прошлом фаворит императора Петра II, после пыток был подвергнут мучительной казни (8 ноября 1739 г.) вместе с дядьями Иваном и Сергеем и двоюродным дядей Василием Лукичем Долгорукими по обвинению в государственной измене. Младшим сыновьям А.Г. Долгорукого Николаю (1713–1790), Алексею (1716–1792), Александру (1718–1782) после пыток 28 октября 1740 г. урезали языки и отправили в новую ссылку. У И.А. Долгорукого остались вдова, княгиня Наталья Борисовна (1714–1771), урожденная графиня Шереметева, и двое сыновей, Михаил (1731–1794) и Дмитрий (1737–1769). Долгорукие были прощены императрицей Елизаветой Петровной, часть конфискованного имущества им возвращена, но от страшного удара потомки И.А. Долгорукого уже оправиться не смогли. Началось стремительное оскудение и постепенное угасание семьи. Представитель следующего поколения князь М.И. Долгоруков был женат дважды и оставил трех дочерей и сына Ивана (1764–1823); его сын князь И.М. Долгоруков, также дважды женатый, произвел на свет десять детей, из которых до взрослого возраста дожили четыре сына и три дочери, но на этом мужская линия потомков И.А. и Н.Б. Долгоруких завершилась.

Итак, жизнь пяти поколений семьи Долгоруковых, начиная с А.Г. Долгорукого и заканчивая детьми И.М. Долгорукова, в большей или меньшей степени протекала в рамках «долгого» XVIII века, и, к счастью для исследователей, рефлексия, в т.ч. письменная, была характерной чертой многих представителей этой семьи. Памятные записки оставила Н.Б. Долгорукая, безыскусно описавшая свою раннюю юность, счастливую влюбленность и полную страданий замужнюю жизнь, совпавшую с опалой Долгоруких. Вырастив сыновей и дождавшись женитьбы старшего из них, она ушла в монастырь в Киеве, но каждые три года семья сына навещала ее. Маленьким мальчиком впервые увидел

[4] О кн. Н.Б. Долгорукой 1867: 59.

свою бабку внук Иван, и ранние детские впечатления, смешавшись с текстом ее записок, сформировали образ великомученицы, передаваемый в семье из поколения в поколение. Именно И.М. Долгоруков передал текст записок Н.Б. Долгорукой для публикации, и в 1810 г. они вышли в журнале «Друг юношества». Рукопись продолжала храниться в семье младшего сына И.М. Долгорукова, сенатора Д.И. Долгорукова, и в 1867 г. была опубликована П.И. Бартеневым в «Русском архиве»[5]. Памятный семейный нарратив продолжал задавать рамку существования уже семьям правнуков многострадальной княгини; неслучайно в Предисловии к запискам Н.Б. Долгорукой Бартенев упомянул богатый запас «семейных рассказов и преданий, свято сохраненных через целое столетие и доселе передаваемых со всею живостью как бы вчерашнего дня»[6]. В семье также хранились письма Н.Б. Долгорукой 1750-х–1770-х гг.[7]

Склонностью к литературной деятельности отличались и три правнука Н.Б. Долгорукой, сыновья И.М. Долгорукова: Павел (1787–1845), Александр (1793–1868), Дмитрий (1797–1867). Сюжеты и названия многих их стихотворений были навеяны отцовскими произведениями, при этом исследователи отмечают несомненный талант Дмитрия на фоне весьма посредственных текстов Александра. Павел Долгоруков вел дневник[8], в котором описывались быт и нравы провинциального чиновничества (он служил при генерале И.Н. Инзове как раз в те годы, когда А.С. Пушкин был отправлен в ссылку на юг России).

Однако наиболее значимые мемуарные тексты оставил князь Иван Михайлович Долгоруков, известный литератор, стихотворец, драматург, описывавший жизнь своих предков и свою собственную. Невзирая на неточности в деталях (порой случайные, но часто намеренные), мемуары И.М. Долгорукова ценны своей рефлексией и возможностью реконструкции на их основе образа жизни аристократа переходной эпохи. К мемориальным можно отнести два текста И.М. Долгорукова: классические мемуары «Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни…»[9] и оригинальный по форме второй текст «Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни»[10]. Оба текста при всей разнице форматов были ориентированы на членов семьи, которые должны были, по мнению автора, усваивать моральные уроки, осознавать исключительность своего происхождения от доблестных предков и затем выстраивать свой особый, долгоруковский способ бытования в этом мире. Если «Повесть…» писалась на протяжении многих лет (1788–1822 гг.), отдельные ее части пересматривались, даже уничтожались, какие-то события записывались сразу, а иные – по прошествии множества лет, то текст «Капища…» со-

[5] Памятные записки 1867.
[6] Б[артенев] П. 1867: 3.
[7] Письма 1867.
[8] Долгоруков 1951.
[9] Долгоруков 2004–2005.
[10] Долгоруков 1997.

здавался как своего рода «игры разума»: заболевший И.М. Долгоруков был прикован к креслу и попробовал найти рациональный выход из гнетущего состояния духа. Память услужливо подсказала ему текст французского писателя Ретифа де ла Бретонна[11], представлявший собой лексикон связей и отношений отдельного человека. Долгоруков воспринял этот текст как вызов: совместив идею значимых людей и памятных событий с календарем, Долгоруков составил список из 366 своих знакомых, в календаре выделил те дни, которые были связаны с людьми из его списка, а оставшихся людей «разместил» по дням года по жребию. Процесс написания словарных статей для календаря занял целый год, и о болезни думать почти не приходилось. Интеллектуальные штудии обеспечили своего рода возврат хронологической и географической подвижности прикованному к креслу Долгорукову: память перемещала его из года в год, от младенчества к зрелости и обратно, из одного места учебы или службы – в другое. Люди, которых он описывал Долгоруков в «Капище…», были интересны ему не своей биографией, а той ролью, которую они сыграли в его, Долгорукова, жизни; в центре всех описываемых связей и отношений был именно он, автор. Получился текст о «значимых других», написанный в эпоху, когда ничего не знали о теориях развития личности и принципах межличностного взаимодействия.

Долгоруков рассчитывал лично успеть воспользоваться этим произведением и сделать его востребованным у своих потомков. Он планировал ежедневно заглядывать в календарь и еще раз освежать в памяти образ человека, который был «приписан» к этому дню в «Капище…». Должна была получиться многоступенчатая мемориализация: Долгоруков вспоминал человека, когда составлял список имен для словаря, вспоминал, когда формировал сетку текста по дням года, вспоминал, когда писал сам текст и вспоминал, когда обращался к написанному ранее тексту в нужный день года. Для его потомков текст должен был служить тем самым чужим опытом, из которого полагается извлекать уроки, поэтому автор не стеснялся, старался писать откровенно, чтобы его заблуждения и ошибки пошли на пользу детям, а потом и внукам. Главный же моральный урок, который, по мнению автора, они должны были извлечь из произведения предка, – мысль о том, как все непрочно в этом мире, как неустойчиво положение служащего человека.

Главное занятие И.М. Долгорукова как дворянина – служба. Для первых двух поколений Долгоруких «служба» состояла в близости к трону; только максимальное приближение к нему могло удовлетворить их тщеславие. Представитель третьего поколения М.И. Долгоруков, появившийся на свет в березовской ссылке, мечтал о возвращении высокого положения своего рода и сделал все возможное, чтобы его сын оказался при дворе, и поначалу князь Иван Михайлович, казалось, оправдывал ожидания. Однако в конечном итоге карьера князя И.М. Долгорукова не

[11]Это был 16-томный автобиографический роман «Monsieur Nicolas, ou le Cœur humain dévoilé», опубликованный в 1794–97 гг.

задалась: с военной службы он уволился сам в 1790 г. в чине бригадира, а пребывание в должностях пензенского вице-губернатора (1791–1796), а затем владимирского губернатора (1802–1812) каждый раз заканчивалось теми или иными обвинениями, скандалами и увольнением.

Огромную роль в формировании идентичности И.М. Долгорукова и его потомков играли семейные предания о роли Долгоруких в истории страны. Этот семейный нарратив, противопоставляемый официальным оценкам тогдашних (как и нынешних) историков[12], включал в себя представления о князе И.А. Долгоруком, фаворите Петра II, как о человеке, казненном за свои убеждения, «ревнителе отечественной свободы»[13]. С детства И.М. Долгорукову напоминали о трагической судьбе деда: вдова казненного, схимонахиня Нектария, при редких встречах с малюткой-внуком в Киеве сквозь слезы восклицала: «Ванюша, друг мой! чье ты имя носишь?», поскольку «несчастный супруг ее беспрестанно жил в ее помышлении»[14]. Став взрослым и направляясь по делам службы из Москвы в Петербург, И.М. Долгоруков считал своим долгом, если только позволяло время, обязательно заехать в Новгород и поклониться могиле казненного деда[15]; этот же ритуал он постарался привить своим детям. Частью памятного семейного нарратива были представления об исключительно благородном и благоразумном поведении И.А. Долгорукого в историях с обручением Петра II с Екатериной Долгорукой (потомки считали, что князь Иван был против этого брака), завещанием Петра II (с негодованием опровергались сообщения, что И.А. Долгорукий выступил за возведение на престол невесты скончавшегося императора); настоящей злодейкой в семейном предании выступала «властолюбивая сестра»[16] княжна Екатерина, во время ссылки инспирировавшая новое расследование дела Долгоруких, закончившееся мучительной казнью князя И.А. Долгорукого в 1739 г. в Новгороде[17]. Никто из близких родственников не был при этом событии, но И.М. Долгоруков спустя годы зафиксировал семейную память: «Палач отделил голову его; она покатилась прежде, нежели уста его успели произнести последние слова кающегося пророка. Умер вельможа с духом твердым, с мужеством веры»[18]. На таких пафосных словах воспитывались новые поколения, которым с детства внушались представления о несправедливости рока (что оправдывало многие собственные слабости и неумение жить в новых реалиях) и стремление к возвраще-

[12] Долгоруков 2004: 9.
[13] Долгоруков 2004: 9.
[14] Долгоруков 2004: 27.
[15] Долгоруков 2004: 659.
[16] Долгоруков 2004: 11.
[17] Новое расследование началось из-за излишней болтливости младшего из братьев Долгоруких, Александра, который, осознав последствия, попытался покончить жизнь самоубийством, распоров себе живот. Однако живот зашили, а самого князя Александра, чтобы отличить его от других Долгоруковых, москвичи впоследствии называли «князь с по́роным брюхом». – См. Примечания 1867: 51.
[18] Долгоруков 2004: 11.

нию былого могущества этой ветви рода Долгоруких. Особые надежды князья М.И. и И.М. Долгоруковы возлагали на великого князя Павла Петровича, полагая, «что Павел, вступя на престол некогда, возвратит дому нашему прежний блеск его и силу»[19].

Судя по всему, похожий травмирующий нарратив о былой славе и падении рода существовал и у потомков казненного вместе с И.А. Долгоруким выдающегося дипломата, князя С.Г. Долгорукого. А.М. Фадеев (1789/90–1867), женившийся на его правнучке, вспоминал, что, по семейным преданиям, «до конфискации у них было двести тысяч душ крестьян»[20], а родственники жены Фадеева, урожденной княжны Долгорукой, любили рассказы «о прежнем, добром, старом времени, о событиях и превратностях их жизни, о их семейных преданиях, о людях с историческим значением, близко им известных»[21]. Даже следы оскудения были похожими. О бедности И.М. Долгорукова в последние годы его жизни Фадеев написал так: «поехал я к нашему родственнику и другу, князю Ивану Михайловичу Долгорукому, некогда известному поэту, и едва отыскал его ветхий дом, почти за городом. Недостаток средств проглядывал во всем: комнаты убраны бедно, люди одеты плохо, а самого князя застал в поношенном, стареньком тулупчике»[22]. А так он описал дом в Знаменском, пензенском имении потомков С.Г. Долгорукого: «Во всем было какое-то смешение родовой гордости и простоты, остатков прежнего величия и богатства и недостатка обыкновеннейших предметов для удобства жизни. Огромнейший деревянный дом о сорока комнатах с некоторыми признаками прежней роскоши и боярства»[23].

Другой составляющей идентичности Долгоруковых были представления о значимости фактора родства. Родственные связи были априорно заданы человеку, их надлежало поддерживать на должном уровне, они были константой уравнения жизни, в отличие от переменных случайных связей. Главной опорой человека должны были выступать его ближайшие родственники мужского пола. Для И.М. Долгорукова абсолютным авторитетом был его отец, князь Михаил Иванович (он родился во время пребывания родителей в ссылке в Березове и не получил должного образования): он сам определял линию воспитания и образования (включая набор изучаемых предметов и подбор гувернеров), по совету И.И. Шувалова отдал сына на учебу в Московский университет (Долгоруков посещал лекции вместе со своим гувернером и вечером прорабатывал с ним прослушанный материал). Мечтая о дипломатической карьере для сына[24], М.И. Долгоруков обдумывал вариант отправки его для начала службы за границу (благодаря дяде, барону А.Н. Строганову, малолетний И.М. Долгоруков в 1775 г. получил от польского короля па-

[19] Долгоруков 2004: 122.
[20] Воспоминания 1897: 34.
[21] Воспоминания 1897: 39.
[22] Воспоминания 1897: 74.
[23] Воспоминания 1897: 38–39.
[24] Долгоруков 2004: 29.

тент на полковничий чин[25]). Все важные решения, касающиеся как собственной карьеры, так и сына, князь Михаил принимал, посовещавшись со знающими, имеющими вес в обществе людьми: о возвращении на службу – с И.И. Бецким, о возможном отъезде своего сына за границу – с Н.И. Паниным, о месте учебы – с И.И. Шуваловым, о начале службы в Москве – с В.М. Долгоруким-Крымским. Отец духовно и нравственно направлял сына: «Мы беседовали о разных нравственных предметах, он открывал мои наклонности, направлял путь моего сердца и разума, и для меня провождение времени с ним обратилось в наилучшую школу. Мы часто читывали вместе и рассуждали о содержании книг, между нами происходили иногда споры, и посредством их очищались мои идеи»[26].

Единственное, что не смог обеспечить отец, это передачу долгоруковских богатств сыну. В 1790 г. Долгоруков констатировал: «Дом наш уже не тот был богатый и роскошный, в котором я родился и воспитанье получил. Именье родителей моих, обремененное долгами, едва могло доходами своими удовлетворять потребностям нашего многолюдного семейства. Нужда часто была ощущаема каждым из нас»[27].

Итак, отец был образцом во всем. От других родственников ожидались помощь и поддержка. Долгоруков откровенно писал: «Какая польза насчитывать сотни дядей, теток, и двоюродных, и троюродных, когда никто из них не окажет тебе участия ни в болезни, ни в печали, ни в тесном обстоятельстве жизни?»[28] Среди его родственников на «высоте» задач оказались родной дядя барон А.Н. Строганов (1740–1789), помогавший и словом, и делом (прежде всего, деньгами) юному и безалаберному, влюбчивому и чрезмерно эмоциональному И.М. Долгорукову, дядя С.М. Ржевский (1732–1782), «человек самого острого и приятного ума»[29], (зять) муж сестры В.Л. Селецкий (1765–1831), решивший наследственные денежные вопросы в пользу Долгорукова и его дочерей[30]. Не совсем соответствовал ожиданиям петербургский богач, двоюродный дядя граф А.С. Строганов (1733–1811): «он мог иногда оказывать нам услуги гораздо существеннее… но мы стыдились их домогаться, а он никогда не догадывался быть кстати полезен»[31].

Злодеем в кругу ближайших родственников считался граф П.Б. Шереметев (1713–1788), не выделивший, по мнению Долгоруковых, должного имущества из наследства отца Наталье Борисовне, вернувшейся из ссылки. Долгоруков писал, что П.Б. Шереметев «лишил мать отца моего, а его сестру родную, всякого достояния законного, отняв у дома нашего до четырех тысяч душ»[32], и в целом не перечесть, «скольких зол

[25] Долгоруков 2004: 33.
[26] Долгоруков 2004: 84–85.
[27] Долгоруков 2004: 234.
[28] Долгоруков 2004: 196.
[29] Долгоруков 1997: 46.
[30] Долгоруков 1997: 44.
[31] Долгоруков 1997: 21.
[32] Долгоруков 1997: 178–179.

дому нашему он был виною». «Богатый Лазарь» – вот основной образ сиятельного графа, употребляемый в семье Долгоруковых[33]. Даже схимонахиня Нектария не могла удержаться, чтобы не съязвить в адрес единокровного брата, давая такие инструкции сыну и невестке в одном из писем: «Когда вы будете у него обедать, заверни мне в бумажку от крупиц, падающих от трапезы богатой, да и я буду участница его благ. На том свете на оправдание ему, да поможет ему в день судный, что и я странница питалась от дому его»[34]. Негативным было отношение и к его сыну, графу Н.П. Шереметеву. Долгоруков писал: «я, кроме чувств отвращения и презрения, ничего к нему не питал во всю жизнь его»[35].

Остальные знакомые образовывали сложную иерархическую систему. Привилегированное место занимали Долгоруковы: «Имея честь принадлежать сему знаменитому роду, столь прославленному в летописях нашего государства, весьма естественно, что я, от рожденья моего доныне, ни с кем не был так часто в различных отношениях, как с членами оного и однофамильцами своими. Все они, более или менее, были со мной в связи, или по родству, или по приязни, или, по крайней мере, по короткому знакомству»[36]. Часть Долгоруковых входила в особую категорию «благодетелей». Это были богатые люди, занимавшие важное положение в обществе, с полезными связями и знакомствами. С ними нужно было поддерживать постоянные отношения, поздравлять со всеми праздниками, оказывать всевозможные мелкие услуги, приглашать в крестные своим детям, благодарить за любые знаки внимания, а взамен ожидать помощи в сложных ситуациях, рекомендаций для продвижения по службе, патронирования. Все эти неписаные правила поведения нелегко давались потомкам казненного И.А. Долгорукого, честолюбивым и не желающим просить того, что им и так должны были предоставить по праву фамилии. Иван Михайлович считал, что его отец, честно служа, не получил ни высоких чинов, ни наград, поскольку был «слишком горд, ждал всего от одних своих достоинств и никогда не хотел слоняться в сенях больших господ, и оттого был брошен»[37]. Так вел себя и сам И.М. Долгоруков, считавший ниже своего достоинства толпиться в приемной у какого-нибудь придворного.

Благодетели могли быть истинными и мнимыми. Последние разбрасывались обещаниями, делали вид, что помогли, но на практике никаких благодеяний не оказывали. Истинным благодетелем на страницах мемуаров Долгорукова выступает князь В.М. Долгорукий-Крымский (1722–1782), «из редкого числа тех столповых бояр, коими славится доныне век Петра I и его предшественников»[38]. Именно под началом этого московского главнокомандующего И.М. Долгоруков в 16-тилетнем воз-

[33] Долгоруков 2004: 189.
[34] Письма 1867: 54.
[35] Долгоруков 1997: 179.
[36] Долгоруков 1997: 30.
[37] Долгоруков 2004: 88.
[38] Долгоруков 2004: 53.

расте поступил на службу. «Жаркое принимал участие» во всех обстоятельствах жизни Долгорукова князь В.С. Долгоруков (1717–1803), дипломат, многолетний посол в Пруссии, долгие годы проживший в Москве на покое, «посвятя себя одним связям родства и дружбы»[39]. Благодетелем был и князь Ю.В. Долгоруков (1740–1830), в прошлом московский военный губернатор. Отношения с ним были омрачены денежными потерями при продаже имения, но решив более не смешивать личные контакты с денежным интересом, Иван Михайлович смог на всю оставшуюся жизнь сохранить доброжелательство старого вельможи и его покровительство сыну Александру. Бесспорно, благодетелем был и граф (впоследствии князь) В.П. Кочубей (1768–1834), министр внутренних дел. Долгорукову импонировала холодноватая, исключительно профессиональная манера ведения дел Кочубеем, но особо значимой была для него оценка его трудов со стороны министра. Законченным типом придворного, чьи благодеяния доставались тяжелой ценой для самолюбия Долгорукова, был князь А.Б. Куракин (1759–1829): «Всякий знак его внимания, даже самого благодетельного, был тяжел, потому что он покупался не столько подвигами, званию свойственными, как разными низкими угождениями, кои так противны всякому благородному сердцу»[40]. Яркий пример мнимого благодетеля – граф (впоследствии светлейший князь) Н.И. Салтыков (1736–1816), воспитатель великих князей: «он не только не сделал мне никакого существенного добра во всю жизнь свою, но даже и простыми средствами не воспользовался, от него единственно зависевшими, показать мне истинное в судьбе моей участие»[41].

В целом, представленная картина была традиционной, но Долгоруков, любитель французской литературы, не зря много и с интересом читал кумиров Века Просвещения, так что он был готов видеть и принять персонажей совершенно нового типа. Необычен его отзыв о Сперанском, неожиданно употребление слова «гений»: «Михайла Михайлович, человек с превосходными дарованиями, выродок, можно сказать, в своей сфере. Хотя отношения мои с ним были весьма случайные и непостоянны, но приятно вспомнить и самые кратчайшие минуты, в кои мы сближаемся с гением. Я осмелюсь назвать его таким по высоким его талантам и чрезвычайной судьбе его»[42]. Особой ценности отзыву Долгорукова придает то, что он писался после отставки и опалы Сперанского.

Удивительно откровенно описал Долгоруков свои любовные приключения: он считал, что и этот опыт может быть полезен его детям. С юности он «влюблялся поминутно и во всех»[43], женился по большой любви, но это не помешало ему влюбляться снова и снова. Правда, побочной семьи, в отличие от собственного отца, Долгоруков не завел. По

[39] Долгоруков 1997: 147.
[40] Долгоруков 1997: 255.
[41] Долгоруков 1997: 239.
[42] Долгоруков 1997: 99.
[43] Долгоруков 2004: 31.

мере того, как взрослели его собственные дети, Долгоруков снова и снова задумывался над вопросами брака и пришел к мысли, что брак является не только духовным таинством, но и гражданским актом, политическим действием, поскольку влияет на общественный порядок. Он предлагал, чтобы браки заключали люди близкого социального положения, строго с дозволения правительства. Подобная мера могла бы предупредить «кучу беспорядочных супружеств, ни на чем рассудительном не основанных»[44]. Очевидно, что князь, современник Французской революции, размышлял о том, как сохранить существующий социальный порядок, как не нарушить установившуюся социальную иерархию.

Многократно рассуждая о патриотизме как важнейшем завете предков, Долгоруков в то же время продекларировал начала терпимости: «Я люблю и не люблю по воле сердца, а не по предрассудку, и никогда не постыжусь сказать, что я гораздо охотнее разделю время с умным и ученым французом, хоть пленным или свободным, нежели с пьяным помещиком, не знающим грамоте, потому только, что он русский, а не иноземец. Что мне до цвета волос и до наречия? Добрый человек везде мой земляк»[45].

Усвоили ли дети И.М. Долгорукова уроки своего отца, зафиксированные в его мемуарной прозе? Во многом – бесспорно, да. Неслучайно в семьях доживших до 1860–1870-х гг. Д.И. Долгорукова и В.И. Новиковой как семейные реликвии хранились бумаги предков, сохранялись устные предания и была жива родовая спесь. Характерно описание порядков в семье В.И. Новиковой (дочери И.М. Долгорукова), оставленное однокашником по московскому императорскому лицею цесаревича Николая ее внука, Александра Новикова (1861–1913). Вряд ли все детали верны, но семейный дух впечатляет: «Я точно сейчас вижу Сашу Новикова, приходившего к нам в лицей (он был экстерном) не иначе как в сопровожденьи строгого гувернера-француза, муштровавшего его чуть не по-солдатски[46]. Это был скромный, на славу благонамеренный мальчик, свято соблюдавший все традиции старого барства и незыблемого консерватизма, эпохи Фамусова, крепко державшегося на семи московских холмах. Новиков по рождению принадлежал к родовитой аристократии, будучи внуком[47] князя Ивана Михайловича Долгорукого, бывшего нашим послом в Персии[48] <…> А.И. жил и воспитывался в доме бабушки, представлявшей собою …пережиток беспросветного крепостничества и безграничного барского самодурства…»[49]. По описанию видно, что дух дома В.И. Новиковой был истинно долгоруковским.

[44] Долгоруков 2005: 428.
[45] Долгоруков 2005: 20.
[46] Эта фраза живо напоминает описание, как веком раньше в сопровождении гувернера Совере ходил на лекции в Московский университет князь Иван Михайлович – См.: Долгоруков 2004: 38.
[47] На самом еле - правнуком.
[48] Послом в Персии был князь Д.И. Долгоруков, двоюродный дед мальчика.
[49] С.У. 1915: 847–848.

Иван Михайлович не смог реализовать мечты отца о дипломатической карьере, но дипломатами стали его сыновья Дмитрий Долгоруков (посол в Персии), рано умерший Михаил-Рафаил (старший секретарь русской миссии в Италии), внук Евгений Новиков (был послом в Греции, затем Австро-Венгрии и впоследствии в Османской империи). В дипломатической деятельности Е.П. Новикова отразились лучшие черты служения Отечеству, которыми так всегда гордились Долгоруковы: «Безукоризненно, абсолютно честный, он всегда шёл прямыми путями к намеченной цели, и вилять и приспособляться было не в его привычках. Обладая хорошим состоянием, он не нуждался в службе как в средстве к существованию и если служил, то исключительно для того, чтобы принести пользу отечеству, которое безгранично любил всеми силами своей возвышенной души»[50]. Напоминающий страстностью натуры, горячностью и пылкостью своего деда, Е.П. Новиков «приучил себя, хотя и с большим трудом, сдерживаться, когда это было необходимо для дела, но в обыкновенной, частной жизни не знал удержа и иногда бывал даже слишком резок». Но в отличие от сноба И.М. Долгорукова, слишком гордого, вечно помнящего о семейной травме, связанной с казнью деда, Е.П. Новиков обладал более привлекательными чертами: «Добрый, справедливый, всегда всем доступный, он был горячо любим своими подчиненными. <…> Он был последним из могикан когда-то славных русских национальных дипломатов того времени»[51].

Итак, то, что не получилось у Долгорукова, удалось Новикову. Быть Долгоруковым оказалось непросто. Почему? Важной причиной стало несоответствие возлагаемых на И.М. Долгорукова ожиданий (и со стороны общества, и со стороны ближайших родственников) и реальных интересов, устремлений самого князя. У него были две страсти, которым он желал посвятить свою жизнь, – театр и женщины, а от него, как от князя, требовали служения и исполнения должностных обязанностей. Еще угнетала бедность. Долгоруков (как и его отец) не был приучен вести хозяйство рационально и не умел отказывать себе и своим близким в привычных удовольствиях: «сам я был мот по склонности и без всякого понятия о домостроительстве, так что не умел придумывать никакого расчета экономического»[52]. В течение многих лет семья вела образ жизни, соответствующий представлениям о том, как должны жить Долгоруковы, а не тому, какими средствами они реально располагали. В итоге наступило оскудение, долги увеличивались, и все попытки решить финансовые проблемы приводили только к еще большим осложнениям. А ведь бедность всегда страшила Долгорукова. Еще не испытав настоящих трудностей, он записал: «Правда, что бедность не порок. Все философы это проповедуют, но, ах, как ужасно чувство ее!»[53].

[50] Арбузов 1914: 801.
[51] Арбузов 1914: 802.
[52] Долгоруков 2004: 203.
[53] Долгоруков 2004: 167.

Сыграли свою роль травмирующие предания о былом могуществе рода, попытки вернуть утраченное, культивированная зависть к Шереметевым, неподкрепляемые ничем амбиции. Постепенно у Долгорукова сформировался крайне пессимистический взгляд на устройство российского общества, условия жизни, характер населения[54]. В пятидесятилетнем возрасте «разные обдумывал я планы, хотел продать все свое бедное имение, заплатить долги, с остатком небольших денег выехать в чужие краи, бросить и забыть навек родину и там, в новом где-либо отечестве, выучась пахать, прокармливать собственными трудами себя и семейство»[55]. Конечно, эти планы (навеянные сочинениями просветителей) были абсолютно нереалистичными.

Начав жить в блестящий век Екатерины II, Долгоруков, с надеждой встретивший воцарение Павла, к «малому двору» которого когда-то были близки он и его жена, глубоко разочаровался в этом императоре (поскольку получил неожиданную отставку с вице-губернаторского поста). Еще большим разочарованием стал для него Александр I, которого он помнил прелестным юным мальчиком времен собственной петербургской молодости, а теперь тот превратился в человека, с предубеждением относившегося к результатам губернаторской деятельности Долгорукова: «Государю был я противен, а он мне»[56]. Вся степень политического разочарования проглядывает во фразе Долгорукова, которую бы точно не одобрили его предки-патриоты XVII века: «Кончу печальную о сем повесть искренним желанием не быть никогда слугою государства такого, каково российское было в наше время»[57].

Обращение к заветам предков также было причиной неуспеха Долгорукова. Вместо того, чтобы смотреть вперед, он все время оглядывался назад, вспоминал «старину», как время, когда Долгоруковы были богаты и успешны. Долгоруков получил мощную «прививку» европейской культуры – и от гувернеров, и во время учебы в Московском университете, и в «свете», и благодаря прочитанным книгам, однако система ценностей, жизненных связей и отношений, ожиданий, неписанных правил поведения оставалась старорусской. В итоге он был вынужден существовать сразу в двух временных пластах, не соответствуя полностью требованиям ни одного из них. О подобном явлении «полихронного существования» писал Е.В. Дуков: «Жёсткий прессинг верховной власти расщепил культуру высших сословий – не случайно иностранцы подчёркивали, что в столицах в богатых домах живут по-русски, а публичная и церемониальная жизни устроены на западный образец. Одновременное существование в нововременных европейских и архаичных национальных стилях жизни стало нормой для этого социального слоя»[58]. Подоб-

[54] Долгоруков 2005: 366.
[55] Долгоруков 2005: 357.
[56] Долгоруков 2005: 439.
[57] Долгоруков 2005: 475.
[58] Дуков 2000: 497-498.

ный неудачный опыт полихронного существования как раз и закреплен в мемуарных текстах князя И.М. Долгорукова.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Арбузов Н. К. Из воспоминаний о Царь-граде. Евгений Петрович Новиков – наш посол в Константинополе. (1880–1882 гг.) // Исторический вестник. 1914. Т. CXXXVIII. № 12. С. 801–837 [Arbuzov N. K. Iz vospominanii o Car'-grade. Evgenii Petrovich Novikov – nash posol v Konstantinopole. (1880–1882 gg.) // Istoricheskii vestnik. 1914. T. CXXXVIII. № 12. S. 801–837].

Б[артенев] П. [Предисловие] // Памятные записки княгини Натальи Борисовны Долгоруковой // Русский архив. 1867. Вып.1. Стлб. 3. [B[artenev] P. [Predislovie] // Pamyatnye zapiski knyagini Natal'i Borisovny Dolgorukovoi // Russkii arhiv. 1867. Vyp.1. Stlb. 3.]

Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева. 1790–1867 гг. В 2-х ч.. Одесса: тип. Южно-Рус. О-ва печ. дела, 1897. Ч. 1. 232 с. [Vospominaniya Andreya Mihailovicha Fadeeva. 1790–1867 gg. V 2-x ch. Odessa: tip. YUzhno-Rus. O-va pech. dela, 1897. Ch. 1. 232 s.]

Долгорукий, Иван Андреевич // Русский биографический словарь А.А. Половцова. Т. 6: Дабелов – Дядьковский. СПб: тип. Тов-ва «Общественная польза», 1905. С. 493. [Dolgorukii, Ivan Andreevich // Russkii biograficheskii slovar' A.A. Polovcova. T. 6: Dabelov – Dyad'kovskii. SPb: tip. Tovarishchestva «Obshchestvennaya pol'za», 1905. S. 493.]

Долгоруков И.М. Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни / издание подготовил В.И. Коровин. М.: Наука, 1997. 390 с. [Dolgorukov I.M. Kapishche moego serdca, ili Slovar' vsekh tekh lic, s koimi ya byl v raznyh otnosheniyah v techenie moei zhizni / izdanie podgotovil V.I. Korovin. M.: Nauka, 1997. 390 s.]

Долгоруков И.М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году от рождения моего. В книгу сию включены будут все достопамятные происшествия, случившиеся уже со мною до сего года и впредь имеющие случиться. Здесь же впишутся копии с примечательнейших бумаг, кои будут иметь личную со мною связь и к собственной истории моей уважительное отношение / подгот. Н.В. Кузнецова, М.О. Мельцин. Т. 1. СПб.: Наука, 2004. 816 с.; Т. 2. СПб.: Наука, 2005. 726 с. [Dolgorukov I.M. Povest' o rozhdenii moem, proiskhozhdenii i vsei zhizni, pisannaya mnoi samim i nachataya v Moskve 1788-go goda v avguste mesyace, na 25-om godu ot rozhdeniya moego. V knigu siyu vklyucheny budut vse dostopamyatnye proisshestviya, sluchivshiesya uzhe so mnoyu do sego goda i vpred' imeyushchie sluchit'sya. Zdes' zhe vpishutsya kopii s primechatel'neishih bumag, koi budut imet' lichnuyu so mnoyu svyaz' i k sobstvennoi istorii moei uvazhitel'noe otnoshenie / podgot. N.V. Kuznecova, M.O. Mel'cin. T. 1. SPb.: Nauka, 2004. 816 s.; T. 2. SPb.: Nauka, 2005. 726 s.]

Долгоруков П. И. 35-й год моей жизни или два дни ведра на 363 ненастья. Кишинев, 1822 // Звенья: сборник материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX в. / под ред. Влад. Бонч-Бруевича. Т. 9. М.: Государственное издательство культурно-просветительной литературы, 1951. С. 21–154. [Dolgorukov P. I. 35-i god moei zhizni ili dva dni vedra na 363 nenast'ya. Kishinev, 1822 // Zven'ya: sbornik materialov i dokumentov po istorii literatury, iskusstva i obshchestvennoi mysli XIX v. / pod red. Vlad. Bonch-Bruevicha. T. 9. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo kul'turno-prosvetitel'noi literatury, 1951. S. 21–154.]

Дуков Е.В. Полихрония российских развлечений XIX века // Развлекательная культура России XVIII – XIX вв. Очерки истории и теории. / Ред.-сост. Е.В. Дуков. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 495–520. [Dukov E.V. Polihroniya rossijskih razvlechenij XIX veka // Razvlekatel'naya kul'tura Rossii XVIII – XIX vv. Ocherki istorii i teorii. / Red.-sost. E.V. Dukov. SPb.: Dmitrij Bulanin, 2000. S. 495–520.]

Зорин А.Л. Появление героя: из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX вв. М., НЛО, 2016. 568 с. [Zorin A.L. Poyavlenie geroya: iz istorii russkoi emocional'noi kul'tury konca XVIII – nachala XIX vv. M., NLO, 2016. 568 s.]

Кошелева О.Е. Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М.: О.Г.И., 2004. 486 с. [Kosheleva O.E. Lyudi Sankt-Peterburgskogo ostrova Petrovskogo vremeni. M.: O.G.I., 2004. 486 s.]

Кузнецова Н.В., Мельцин М.О. Преображение реальности в «Повести...» кн. И. М. Долгорукова // Долгоруков И.М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году от рождения моего. В книгу сию включены будут все достопамятные происшествия, случившиеся уже со мною до сего года и впредь имеющие случиться. Здесь же впишутся копии с примечательнейших бумаг, кои будут иметь личную со мною связь и к собственной истории моей уважительное отношение / подгот. Н.В. Кузнецова, М.О. Мельцин. Т. 2. СПб.: Наука, 2005. С. 491–513 [Kuznecova N.V., Mel"cin M.O. Preobrazhenie real'nosti v «Povesti... » kn. I. M. Dolgorukova // Dolgorukov I.M. Povest' o rozhdenii moem, proiskhozhdenii i vsei zhizni, pisannaya mnoi samim i nachataya v Moskve 1788-go goda v avguste mesyace, na 25-om godu ot rozhdeniya moego. V knigu siyu vklyucheny budut vse dostopamyatnye proisshestviya, sluchivshiesya uzhe so mnoyu do sego goda i vpred' imeyushchie sluchit'sya. Zdes' zhe vpishutsya kopii s primechatel'neishih bumag, koi budut imet' lichnuyu so mnoyu svyaz' i k sobstvennoi istorii moei uvazhitel'noe otnoshenie / podgot. N.V. Kuznecova, M.O. Mel'cin. T. 2. SPb.: Nauka, 2005. S. 491–513].

О кн. Н.Б. Долгорукой. Из рукописных Путевых Записок внука ея, князя Ивана Михайловича Долгорукаго 1810 года // Русский архив. 1867. Вып.1. Стлб. 59–64. [O kn. N.B. Dolgorukoi. Iz rukopisnyh Putevyh Zapisok vnuka eya, knyazya Ivana Mihailovicha Dolgorukago 1810 goda // Russkii arhiv. 1867. Vyp.1. Stlb. 59–64].

Памятные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой // Русский архив. 1867. Вып.1. Стлб.4–50 [Pamyatnye zapiski knyagini Natal'i Borisovny Dolgorukoi // Russkii arhiv. 1867. Vyp.1. Stlb.4–50].

Письма кн. Н.Б. Долгорукой // Русский архив. 1867. Вып.1. Стлб. 52–59. [Pis'ma kn. N.B. Dolgorukoi // Russkii arhiv. 1867. Vyp.1. Stlb. 52–59].

Примечания к Памятным запискам княгини Натальи Борисовны Долгорукой // Русский архив. 1867. Вып.1. Стлб. 50–52 [Primechaniya k Pamyatnym zapiskam knyagini Natal'i Borisovny Dolgorukoi // Russkii arhiv. 1867. Vyp.1. Stlb. 50–52].

С.У. Мозаика (Из старых записных книжек) // Исторический вестник. 1915. Т. CXLI. Сентябрь. С. 841–850 [S.U. Mozaika (Iz staryh zapisnyh knizhek) // Istoricheskii vestnik. 1915. T. CXLI. Sentyabr'. S. 841–850].

Солодянкина Ольга Юрьевна, *доктор исторических наук, профессор, кафедра истории и философии, Череповецкий государственный университет; olga_solodiankin@mail.ru*

Life lessons in the memoirs of Prince I.M. Dolgorukov traces of the “immanent art”

The article analyzes the memoirs of Prince I.M. Dolgorukov (1764–1823), created with the expectation of his descendants and containing a family narrative about the former greatness of the Dolgoruky and unjust persecution of them, which led to the gradual impoverishment of the family. The author reconstructs the constituent parts of Dolgorukov’s identity, the way of life of family members in the context of the "long" 18th century. The system of personal connections and relationships of Dolgorukov is described, the main categories of "significant others" are indicated. The author comes to the conclusion that ambition and pride were characteristic features of the Dolgorukovs, and elements of antiquity and the evolution of the European Enlightenment were intertwined in the style of their life.

Keywords: the Dolgorukovs, Prince I.M. Dolgorukov, family narrative, social connections and relationships, lifestyle, identity, polychronous existence, the "long" eighteenth century

Olga Solodyankina, *Dr. Sc. (History), Professor, Cherepovets State University; olga_solodiankin@mail.ru*

А.С. Степанова

АНТИЧНЫЙ КОНЦЕПТ οἰκεῖωσις КАК ПАРАДИГМА ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ (ОТ ЦИЦЕРОНА К Я. КОМЕНСКОМУ)[1]

В статье рассматривается вопрос об истории формирования у Цицерона нового представления о понятии «забота» не только как самосохранения, но и долга (забота о других). Исходя при определении пределов блага из концепта ойкейосис, имевшего исторически двоякий смысл: самосохранение и природное родство, Цицерон обозначил истоки и вектор творческой деятельности человека, и ее пределы. Преодолевая скептический образ мысли, Цицерон создавал новый синтез: теорию, выразившуюся в трех векторах: социально-этическом, историческом и образовательном. Идеи Цицерона оказали воздействие на ориентированный на принцип природосообразности эвристический проект дидактики мыслителя XVII века Я.А. Коменского.

Ключевые слова: *гуманитарное знание, дидактика, забота о себе, самосохранение, сродство, Антиох Аскалонский, Коменский, Секст Эмпирик, Цицерон*

Безусловный научный интерес представляют те формы мысли, которые имеют тенденцию возобновляться в истории. К таковым принадлежит скептицизм, взгляд на который в историческом измерении и более широком, чем просто историко-философском, контексте позволяет не только уточнить общий вектор развития скептической мысли, но и разъяснить ее своеобразие. Между тем, взгляды исследователей противоречивы и сводятся к спорам о ценности тех или иных сторон философского учения (главным образом, эпистемологии и этики), оказывавшегося актуальным в разные эпохи, и, кроме того, касаются в узком смысле либо античной формы скептицизма, либо специфики скептической мысли Нового времени[2].

Вместе с тем, уже сама противоречивость суждений исследователей требует внимательного прочтения совокупного текста: Античности и Нового времени, но особенно актуально обращение к истокам, к представителям античной скептической традиции на предмет выявления тех акцентов в их рассуждениях и концептов, которые оказываются в сфере притяжения не одной лишь только эпистемологии, но, выходят за ее рамки, иллюстрируя открытость данной системы мысли, выявляют ее творческий потенциал. Элементы скепсиса содержали многие античные учения, и они не были идентичны. Так скепсис Сократа сочетал в себе

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00349/19 «Скептическая традиция в античном платонизме» и научного проекта № 19-013-00940/19 «Эвристический потенциал философско-образовательного проекта Я. А. Коменского».

[2] Annas, Barnes 1985:1 (сравнительный анализ античного и современного скептицизма); Long 1986 P.75-106 (анализ скептицизма в контексте истории античной философии); Striker 1996: 183-195 (об эпистемологии и этике античных скептиков).

два момента: эпистемологический с его тезисом «я знаю, что ничего не знаю» и антрополого-этический, выразившейся в двух постулатах: «познай самого себя» и «заботы о себе». Второй обращен против софистов, которые не в состоянии, по мнению Сократа, научить добродетели, именно потому, что они не способны научить «заботе о себе». Явным образом антропологическое содержание здесь дополняется дидактическим, но главное: исследователями убедительно показано, что за скепсисом Сократа по отношению к софистам скрывался скепсис более существенный, направленный против традиционной системы образования,[3] что у Платона выразилось в форме пайдейи.

Поскольку тему «заботы» впоследствии разовьет Цицерон, разрабатывавший также и образовательную стратегию, то небезынтересно исследовать архитектонику его мысли. Так, Цицерон заявлял: «Я ничего не буду утверждать, а обо всем только допытываться, по большей части выражая сомнения и не доверяя самому себе» (Циц. О див. II 3.8, пер. М.И. Рижского). Такова позиция мыслителя, и тем большую ценность обретают его теоретические положения. Цицерон, как известно, четко противопоставит личное и общественное. Исследователи объясняют такое противопоставление наличием в учении Цицерона антитезы «заботы о себе» и «заботы о государстве», причем «забота о себе рассматривается Цицероном как одна из обязанностей, которая вменяется всем людям»[4]. Вместе с тем, нельзя не заметить, что в трактате «О пределах блага и зла» акцентируется внимание на заботе в двояком смысле: как о самосохранении (заботе о себе) и как о долге (заботе о других). Таким образом, в концепции Цицерона эти два момента предстают в синтетическом единстве, и эта немаловажная деталь требует особого рассмотрения. Возникает вопрос о корнях вышеуказанных представлений Цицерона, который, как известно, демонстрировал синтез разных учений. Примечательно, что он устойчиво следовал традиции Новой Академии и в области эпистемологии был единомышленником скептиков.

Во фрагменте текста Секста Эмпирика читаем:

> Для воспринимающих субстратов необходимы связывание (σύνεσις) и память, как например, для человека, растения и сродственных им (ἐοικότων), ведь человек есть синтез (σύνθεσις) цвета, величины, фигуры и некоторых других качеств (Sext. Emp. Adv. dogm.1 346)[5].

Фрагмент интересен вот в каком отношении. Мотив сродства вполне согласуется с устойчивыми представлениями стоиков об οἰκείωσις, поскольку их мысль вышла за пределы понимания οἰκείωσις только как

[3] См.: Пичугина, Волкова 2018: 58.

[4] Там же: 58.

[5] В данном случае для перевода термина σύνεσις, везде в тексте Секстом Эмпириком используемого в значении «понимание», более подходит «связывание»; в эллинистически-римский период термин σύνεσις устойчиво употреблялся в значении нравственного сознания, совести, по крайней мере у комедиографа Менандра и историка Полибия // Дворецкий 1958 с.1569.

природного инстинкта самосохранения[6]. К парадигме родства стоики прибегают и по свидетельству Галена при разъяснении целостного подхода к человеку при лечении душевных и телесных недугов, используя принцип аналогии, возможно применявшийся у врачей-эмпириков: «установление с помощью сравнения родства поможет также раскрыть и обоюдную связь, и подобное лечение», – свидетельствует источник[7]. Таким образом, текст скептиков, в котором рефреном звучит выражение «по природе», транслирует идею связывания, природного родства всего сущего. Тем самым раскрывается амбивалентность смысла термина οἰκείωσις: идея любви к себе, выражающаяся в форме самосохранения дополняется идеей сродства с другими существами, содержит ростки понимания «любви к другим». В трактате Цицерона «О пределах блага и зла» транслируется мысль представителя «эклектического» скептицизма Антиоха Аскалонского об οἰκείωσις, трактуемом им со ссылкой на стоиков (и согласно широко принятой интерпретации) как инстинкт самосохранения (se ut conservet), как связанное с аффектом (affectum) побуждение, которое дано человеку природой (appetitus a na-tura datur) (Cic. De fin. V 9. 24). Вместе с тем и здесь как в οἰκείωσις звучат обертоны идеи родства, так как это некий общий импульс, свойст-венный «по природе» каждому существу, включая растения.

Именно у Цицерона мы обнаруживаем второй аспект учения об οἰκείωσις – убеждения в существовании глубокой внутренней связи, дружественности всех существ, пребывающих в мире. Данный мысленный конструкт, имеющий стоические корни, наиболее органичным образом вписался в концепцию Цицерона. Так, Цицерон в духе идеи природосообразности упоминает о вырабатываемых природой в человеке некоторых как бы врожденных свойствах: hominis natura generata sit, ut habeat quiddam ingenitum (Cic. De fin. V 23.66). Поэтому мотив «заботы о себе», согласующийся с принципом οἰκείωσις и знакомый еще классическому периоду, трансформируется в «заботу о других»: «люди дороги друг другу», замечает мыслитель (Циц. О пред. V 13.37, пер. Н.А. Федорова). Аналогом οἰκείωσις здесь служит термин studium (склонность, привязанность). Более того, у Цицерона эта мысль о сродстве сущих выразилась (видимо, не без влияния стоиков) в представлении о связи между людьми, соединенными ею в некое подобие сообщества: «coniunctio inter homines hominum et quasi quaedam societas» (Cic. De fin. V 23.64). Поэтому справедливо замечание о том, что «Цицерон является теоретиком и историком философии именно как “науки человеческих дел”»[8] и этот гуманитарный принцип более важен, чем его скепсис в отношении прогресса истории философии! В самом деле, для Цицерона практическая ценность философии, рассмотренной им в историческом измерении, заключена в признании ее антропологического и этического содержания.

[6] Степанова 2012: 302.
[7] Nestle 1923: 51.
[8] Звиревич 2016: 134.

Хотя Цицерон и утверждал, что «всякое живое существо любит самого себя» и «у всех остальных живых существ и у человека… природа общая», эта мысль дополняется другой: «природное и высшее, которое мы ищем, различно для каждого рода живых существ…», поэтому «цель аналогична, но не одна и та же», отсюда вывод: «жить, следуя человеческой природе» (Циц. О пред. V 9.26, пер. Н.А. Федорова). Эта, по выражению Цицерона, «вторая природа» включает подлинные добродетели, искры которой видны уже в ребенке: мужество, справедливость и подобные им. Но помимо природных первоначал – «первоначальных побуждений души» (primusque appetitus animi) (De fin.V 15.41) существует, «выявляющаяся значительно позднее, как бы вторая природа» (quasi alteram quandam naturam) (V 25.74), или secundum naturam (V 14.40) собственно человеческая, благодаря которой человек сам начинает стремиться (progredi) к благу (V 15 41). При этом *стремление* Цицерон понимал, как *совершенствование*. Так возникает, говорит Цицерон, понимание того, что «"забота о подобающем" есть вмененная человеку обязанность, осознание значимости которой происходит в ученом досуге»[9]. Наступает момент, когда «мы начинаем мыслить и понимать, что мы собой представляем». Более того, он связывает это понимание с «состоянием духа», позволяющим «блюсти общечеловеческое сообщество» (Циц. О пред. V 15.41 V 15.41; V 23.65, пер. Н.А. Федорова). Поэтому не только сам человек, но и его созидательная деятельность, которую он обозначит как «cultura» подпадает под понятие второй природы.

Главное же, что отмечает Цицерон, это появление в человеке исторического сознания – факт, который он сам и открывает! Его слова «мы хотим быть единым человеческим сообществом» и упоминание о максимальной общности рода человеческого (maxime communitas cum hominum genere) (Cic. De fin. II.46. 140), и в стоическом духе, и вполне созвучны идее «всеобщей истории» Полибия. Отмечает он и такую черту человеческих предпочтений, как «наслаждение историей» (voluptas historiae), причем эта любовь к истории абсолютно альтруистична, лишена всякой выгоды (Cic. De fin. V 19.52). Таким образом, Цицерон отмечает не только чувство гражданственности в человеке, но и чувство истории, которую в отличие от выдуманных сюжетов пьес называет термином «подлинная история» (historia vera). Проводя различие между мифами (fabulae) и историей, Цицерон подчеркивал истинность свидетельств последней: «verum etiam historiae refertae sunt» (Cic. De fin. V 22.64). Чувством истории наполнено следующее его высказывание «Ложные вымыслы время уничтожает» (Циц. О прир. богов II 2.5, пер. М.И. Рижского). Только истинному историку может принадлежать фраза: «если же случается что-либо, кажущееся (videatur) правдоподобным (verisimile), «душа наполняется подлинно человеческим наслаждением» (humanissima completur animus voluptate)» (Cic. Acad. II 41. 127, пер. Н.А. Федорова). Причудливые трансформации скептической мысли во времени (от

[9] Пичугина, Волкова 2018: 7.

скептического платонизма к эклектическому платонизму) объективно вели к постижению смысла истории как таковой: «В сложные отношения между мифологической реальностью и реальной реальностью со временем вмешалась не терпящая вымысла история, и не последнюю роль в осмыслении этого вмешательства сыграл Цицерон»[10]. Совсем уже не в духе все отрицающей или воздерживающейся от суждений скептической Академии с целью доказательства он прибегает к помощи примеров из истории, призывая тем самым уважать традицию и вообще призывает получать сведения из источников (ex fontibus) (Cic. De nat. deor III 4. 9; De div. II 22.48; Acad. I 1.2.8). Цицерона интересует динамика знания и его постижения в истории, отсюда столь подробное описание путешествий Платона, преодолевавшего скепсис Сократа. Важно, что чувство гражданственности, да и саму парадигму общественной жизни он рассматривает в проекции истории! Именно здесь можно видеть тот поворотный пункт античной мысли, который ознаменован пониманием человека не только как существа природного, но социального, культурного и вообще субъекта истории. Такой ракурс рассмотрения человека объясняет и интерес Цицерона к философии в ее историческом измерении. Этой теме Цицерон не случайно посвящает еще ряд фрагментов, также демонстрирующих историческое видение, как, например:

> Как для животных, так и для растений существует нечто соответствующее природе и нечто чуждое ей и что существует некая сила, заботящаяся об их росте и питании, и такой силой является наука и искусство земледельцев, которая окапывает, подрезает, подвязывает, ставит подпорки, чтобы лозы могли идти туда, куда влечет их природа, так что сами они, если бы могли говорить, признали бы, что именно так следует обращаться с ними и ухаживать за ними. Но сейчас, если будем говорить о лозе, та сила, что заботится о ней, находится вне ее, ибо в ней самой она слишком мала, чтобы она могла ощущать себя в наилучшем положении, если не применять никакой обработки (Циц. О пред. V 14.40).

Данный фрагмент разъясняет еще один важный вектор эволюции концепции Цицерона – образовательный, неожиданным образом получивший отклик в дидактическом проекте мыслителя и педагога XVII в. Яна Амоса Коменского, скепсис которого сближает его с античными предшественниками, поскольку ему «было присуще сомнение в правильности выбранного им метода»[11]. В своей «Великой Дидактике» Коменский ссылался именно на Цицерона, наиболее почитаемого им наряду с Сенекой автора. Так, мы обнаруживаем знакомый образ стоического концепта порыва (ὁρμή), свойственного человеку от природы и содержательно связанного со вторым значением принципа οἰκείωσις.

> Это, – пишет Коменский, имея в виду творческий порыв человека, – устремленность к своей цели не против воли, не с сопротивлением, а с охотой и с наслаждением под напором самой природы, и семена образования имеют тот же источник. Как это ясно, когда семя, посаженное в землю, внизу пускает маленькие корни, а выше дает ростки, из которых впоследствии, по врожденной силе, развиваются ветви и сучья; последние покрываются листьями, украшаются цветами

[10] Пичугина, Волкова 2019: 32.
[11] Марчукова 2018: 22.

и плодами. Следовательно, нет необходимости что-либо привносить человеку извне, но необходимо развивать, выяснять то, что он имеет заложенным в себе самом, в зародыше, указывая значение всего существующего (Ком. Дидакт.5.1)[12].

Следующий фрагмент уточняет позицию Коменского – и самого Цицерона: «Цицерон, например, говорит так: „Нашим духовным силам врождены семена добродетелей; если этим семенам дать развиться, то сама природа привела бы нас к счастливой жизни"». Создается впечатление, что данное высказывание противоречит вышеприведенному. Поэтому не случайно, усомнившись в абсолютной правоте мнения Цицерона о самодостаточности природного начала, Коменский продолжал:

Чтобы человек стал человеком он должен получить образование», отметив при этом ценность убеждения цитируемого им Платона: «Человек есть существо самое кроткое и самое божественное, если он будет укрощен настоящим воспитанием; если же его не воспитывать или давать ему ложное воспитание, то он будет самым диким животным из всех, кого производит земля» (Ком. Дидакт.6.6.).

Третий фрагмент подтверждает факт рецепции Коменским значимых для него идей Цицерона с использованием тех же примеров (виноградная лоза):

Из сказанного следует, что человек и дерево в этом отношении сходны. Ведь, плодоносное дерево (яблоня, груша, смоковница, виноградная лоза) хотя и может произрастать предоставленное самому себе, но как дикое растение принесет и дикий плод; для того же, чтобы оно дало вкусные и сладкие плоды, необходимо, чтобы искусный садовник его посадил, поливал, подчищал. Хотя человек, как и всякое существо, сам приобретает свой образ, все же, без предварительной прививки черенков мудрости, нравственности и благочестия, он не может стать существом разумным, мудрым, нравственным и благочестивым. (Ком. Дидакт. 7.1)[13]

Следовательно, ряд фрагментов, в которых Цицерон обсуждал тему сродства человека и других сущих, свидетельствует о сомнениях античного мыслителя, с одной стороны следовавшего традиции οἰκείωσις, а с другой, высказывавшего новаторские идеи исключительности человека как творческого и общественного существа. Так и Коменский, по существу транслирующий в контексте развиваемого им принципа природосообразности ту же идею οἰκείωσις в той форме, в которой она представлена у Цицерона, называл безусловную приверженность ей преувеличением, поскольку преследовал цель отстаивания приоритета человеческого начала и дидактических принципов, предполагающих активную роль педагога. Что касается Цицерона, то и он сквозь сомнение преодолевал этот древний принцип, тоже следуя идее приоритетной роли сферы образования как исключительно человеческой. Не случайно он настаивал на феномене расширения предмета заботы лозы по мере приобретения ею новых качеств, подчеркивая, по аналогии с человеком, что природа стремится ко все более полному выражению своих задатков и расширению пределов (extremum) блага (Cic. De fin. V 14.40). Так принцип сомнения в проекции веков обнаружил действенный потенциал, будучи подпитан историческим сознанием, в то же время в преодолении

[12] Коменский 1939: 89.
[13] Там же: 103, 104-105.

скепсиса рождалась новая теория, актуализированная в трех векторах: социально-этическом, историческом и образовательном.

Семантическое единство концептов σύνεσις и οἰκείωσις оказалось востребованным в мировоззренческом плане и встроенным в новую парадигму. Мысленный конструкт, родившийся из сочетания двух свойств концепта οἰκείωσις: самосохранения и сродства, открывал новые горизонты осмысления места человека в мире, понимания его как творческого, исторического, коммуникативного существа, склонного к моральному выбору. Так компоненты природный, нравственный и социальный организуются в синтетическое единство.

Пример Цицерона обнаруживает не столько эклектизм, сколько эвристически ценный синтез предшествующей и современной ему рационалистической мысли, что лишний раз доказывает нелинейный характер античного мировоззрения: «ведь история античной мысли представляет собой множество линий, далеко не всегда совпадающих по направлению»[14]. Можно представить процесс движения мысли как «вписывание в новую систему координат»[15], что разъясняет событие рецепции Коменским идей Цицерона, соотносимых с οἰκείωσις и реализацию их творческого потенциала в его новом образовательном проекте. Тем более, что идеи Коменского о природных задатках образования имели продолжение в европейской и отечественной истории мысли.

В то же время раскрытие истинных механизмов функционирования научной и философской мысли во времени требует внимательного прочтения системы концептов, выстраивание которой в историческом процессе демонстрирует, порой, неожиданные сочетания, и не всегда базируется на рациональных принципах. Во всяком случае, возникающий в истории мысли новый угол зрения – это всегда ответ на вызовы современности, в результате которых оказываются проявленными феномены ранее не очевидные вследствие их невостребованности до определенного момента. Актуальными же становятся те формы мысли, которые являются системообразующими, и они не просто вписываются в систему, а именно формируют новую. Так античная пайдейя, как система взглядов древнегреческих мыслителей, у Цицерона преобразуется в систематическое, более рационально выстраиваемое учение, сориентированное на новую гуманитарную парадигму, а у Я. Коменского обретает характерный для эпохи раннего Нового времени вид построенной на основе поиска нового метода гуманитарного знания науки – дидактики.

Источники

Коменский, Ян Амос. Великая дидактика / Ред. А.А. Красновский. М. УчПедГиз, 1939. 321с.

Цицерон, Марк Туллий. О дивинации; О природе богов // Цицерон. Философские трактаты. Пер. М.И. Рижского М.: Наука, 1985.

Цицерон. О пределах блага и зла // Цицерон. О пределах блага и зла. Парадоксы стоиков. Пер. Н.А. Федорова. М.: РГГУ, 2000. С. 41-242.

Цицерон. Учение академиков / Пер. Н.А. Федорова. М.: «Индрик», 2004. 320 с.

[14] Хазина 2009: 179.

[15] Артемьева 2003: 15.

Cicero M.Tullius. De Finibus Bonorum et Malorum / Th. Schiche (ed). Leipzig: Teubner, 1915. The Latin Library. URL: https://www.thelatinlibrary.com/cicero/fin1.shtml
Sextus Empiricus. Adversus dogmaticos // Sextus Empiricus. Opera / Hermannus Mutschmann (ed). Vol. 1-2. Lipsiae: B.G. Teubner, 1984. 267 p.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Артемьева Т.В. История философии как философия // Философский век. Альманах. Вып. 24. История философии как философия. СПб.: Центр истории идей. 2003. Ч. 1. С. 11-22 [Artem'eva T.V. Istoriya filosofii kak filosofiya // Filosofskij vek. Al'manah. Vyp. 24. Istoriya filosofii kak filosofiya. SPb.: Centr istorii idej. 2003. CH. 1. C. 11-22].
Дворецкий И.Х. Словарь древнегреческого языка / Ред. С.И. Соболевский. М.: ГИИНС, 1958. 1960 с. [Dvoreckij I.H. Slovar' drevnegrecheskogo yazyka / Red. S.I. Sobolevskij. M.: GIINS, 1958. 1960 s.]
Звиревич В.Т. Цицерон. СПб.: Наука, 2016. 253 с. [Zvirevich V.T. Ciceron. SPb.: Nauka, 2016. 253 s.]
Марчукова, С.М. «Физика» Я.А. Коменского – белое пятно современной комениологии // Проблемы современного образования, № 4. 2018. С. 22-36 [Marchukova, S.M. «Fizika» YA.A. Komenskogo – beloe pyatno sovremennoj komeniologii // Problemy sovremennogo obrazovaniya, № 4. 2018. S. 22-36 (URL: http://www.pmedu.ru)]
Пичугина В.К., Волкова Я.А. Марк Туллий Цицерон и современное ему образование: краснеет ли бумага у гуманитария? М.: Русское слово, 2018. 214 с. [Pichugina V.K., Volkova YA.A. Mark Tullij Ciceron i sovremennoe emu obrazovanie: krasneet li bumaga u gumanitariya? M.: Russkoe slovo, 2018. 214 s.]
Степанова А.С. Философия Стои как феномен эллинистическо-римской культуры. СПб.: Петрополис, 2012. 398 с. [Stepanova A.S. Filosofiya Stoi kak fenomen ellinisticheskо-rimskoj kul'tury. SPb.: Petropolis, 2012. 398 s.]
Хазина А.В. “Ratio” как основа “Religio” в философской концепции стоика Посидония // Диалог со временем. 2009. Вып. 28. С. 176-186 [Hazina A.V. “Ratio” kak osnova “Religio” v filosofskoj koncepcii stoika Posidoniya // Dialog so vremenem. 2009/28. C. 176-186].
Annas J., Barnes J. The modes of skepticism. Ancient texts and modern interpretations. Cambridge, L.: C.U.P., 1985. 203 c.
Nestle W. Die Nachsokratiker in auswehlubersetzt und herausgegeben. Jena, 1923. 393 c.
Striker G. Ataraxia: happiness as tranquility // Striker G. Essays on Hellenistic epistemology and ethics. Cambridge etc.: C.U.P., 1996.

***Степанова Анна Сергеевна**, доктор философских наук, доцент, профессор, кафедра философской антропологии и истории философии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена; A-Step@mail.ru*

The antique concept of οἰκεῖωσις as a paradigm of humanitarian knowledge from Cicero to Comenius)

The article is devoted to the issue becoming a humanitarian project Cicero. Analysis of its relationship to the concept of "care" has shown that the roots of his dual understanding lead to the concept of οἰκείωσις (self-preservation and affinity). Overcoming skeptical thinking, Cicero created a new theory that focuses on the historical and educational sphere of human activity. His ideas have had a direct impact on the thinker of the 17th century Comenius. Antique paideia as views of ancient Greek thinkers, Cicero converted into systematic teaching of homebound new humanitarian paradigm and Comenius acquires a characteristic of the era of the New Time views of image science didactics.

***Keywords**:* affinity, didactics, humanitarian science, self-preservation, taking care of yourself, Antiochus of Ascalon, Cicero, Comenius, Sextus Empiricus

***Anna Stepanova,** Doctor of Philosophy, Assistant professor, Professor of the Herzen State Pedagogical University of Russia; A-Step@mail.ru*

М.А. Ведешкин

РИТОР ИСОКАСИЙ: ПОРТРЕТ ПОЗДНЕАНТИЧНОГО УЧИТЕЛЯ И ПОЛИТИКА[1]

В статье проводится реконструкция биографии позднеримского интеллектуала, учителя и политика Исокасия. Анализируется деятельность Исокасия на посту муниципального ритора Антиохии, его роль в местной и общеимперской политике; особое внимание уделяется его возможному участию в избрании епископа Домна. Рассматривается государственная карьера софиста и обстоятельство его опалы. Делается вывод, что вменявшееся в вину Исокасию «эллинство» было поводом, но не причиной для его отставки. Кроме того, на основании данных о его участии в религиозных обрядах освещается одна из малоизученных форм языческого богопочитания, практиковавшаяся в условиях запрета на отправления традиционных обрядов.
***Ключевые слова*:** *поздняя античность, поздняя Римская империя, ранняя Византия, история Церкви, образование, язычество, образовательное пространство*

Ритор Исокасий был одним из самых заметных представителей восточноримской интеллектуальной элиты V в. Сведения о его деятельности встречаются в источниках V–VI вв.: с ним вел переписку епископ Феодорит Кирский[2]; о нем упоминалось в сирийских актах II Эфесского собора[3], история его чудесного исцеления была включена в составленный в середине V в. сборник чудес Св. Феклы[4]; наконец, в VI в. антиохийский летописец Иоанн Малала передал рассказ о конце его карьеры в своей «Хронографии»[5]. При этом вниманием исследователей Исокасий избалован не был – литература о нем ограничивается лаконичными заметками в PLRE II, PGRSRE и просопографическом приложении к труду Р.А. Кастера[6]. Настоящая статья призвана заполнить эту историографическую лакуну и осветить жизнь учителя красноречия и царедворца в интеллектуальном и религиозно-политическом контексте его эпохи.

[1] Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 18-78-10001 «Образовательное пространство и антропопрактики античного и современного города».
[2] О письмах Феодорита, см. Глубоковский 1890: II 473–490; Schor 2015; Wagner 1948.
[3] См. Глубоковский 1890: I 161, прим. 8; Millar 2011.
[4] Исходя из свидетельства патриарха Фотия (Phot. Bibl. 168), авторство сборника традиционно приписывалось участнику христологических споров середины V века Василию Селевкийскому (напр. PG. 85. Col. 462). Эта идентификация неверна. Один из сюжетов сборника посвящен конфликту автора с упомянутым Василием, который на время отлучил агиографа от служения (MT. 12). Поскольку Василий никак не мог отлучить сам себя, создателем «Miracula» он не являлся. Подробнее см. Dagron 1978: 13–19; Johnson 2006.
[5] К рассказу Малалы о счастливом избавлении Исокасия многократно обращались византийские хронисты последующих столетий: VII в.: Chron. Pasch. 476; Iohn. Nik. LXXXVIII.7–11; IX в.: Theoph. Chron. 5960; Leo Gramm. 115.5–12; X в.: Sym. Met. 99.10; XI в.: Cedr. Chron. I.612.21 – 613.7 (ed. Bekker); XII в.: Const. Mann. Brev. 2865 – 92 (ed. Bekker); Zon. XIV.1.19–11. Через славянский перевод «Хронографии» этот анекдот попал и в древнерусские летописи (Истрин 1994: 316).
[6] Martindale 1980: 633–634 (Isocasius); Laniado 1995: 123; Janiszewski, Stebnicka, Szabat 2014: 184–185; Kaster 1988: 301–302. В ряде трудов Исокасий упомянут мимоходом.

Родиной Исокасия были Эги Киликийские (Malal. XIV.38) – город, стоявший на пути из Анатолии в Сирию (Theodos. Sit. terr. sanct. 86 (ed. J. Gildemeister)), здесь находилась якорная стоянка, обслуживавшая суда, проплывавшие южным побережьем Малой Азии (Strab. XIV.5.18). Удобное расположение сделало Эги важным экономическим центром, на ежегодную сорокадневную ярмарку сюда приезжали купцы со всей империи (Theodos. Op. cit. 85; Theod. Ep. 70). Главной достопримечательностью Эг был знаменитый оракул Асклепия[7], одно из самых почитаемых святилищ покровителя врачевания[8]. Культовый центр пережил расцвет в III в.[9] и, несмотря на попытки первых христианских императоров закрыть «капище»[10], продолжал привлекать паломников в течение всего IV в.[11] Зависимость местных элит и торгово-ремесленного населения от функционирования святилища[12] способствовала длительному сохранению язычест-ва среди жителей Эг, продолжавших почитать своего бога-покровителя[13] и после запрета на отправление древнего культа[14]. К числу религиозных консерваторов принадлежала и семья Исокасия. Данные о социальном статусе его родителей не сохранились, но судя по тому, что им хватило средств дать сыну достойное образование, семья была, по меньшей мере, зажиточной, не ниже куриального звания[15]. О времени рождения Исокасия можно судить лишь по косвенным данным – вероятно, ок. 400 г.[16]

---

[7] В. Либшутц полагал, что именно популярность местного культа способствовала появлению в городе ярмарки (Liebeschuetz 1972: 77, n. 1).

[8] См. Ser. Sammon, Lib. Medic. proem. l. 5; Jul. C. Gal. 200b.

[9] Можно предположить, что упрочению популярности святилища способствовало издание Флавием Филостратом «Жизни Аполлония Тианского», в котором Эги назывались местом, где прошла юность полулегендарного чудотворца (Philost. V. Apoll. I.7–12).

[10] Судя по данным христианских авторов храм был полностью или частично уничтожен при Константине I (Euseb. V. Const. III.56; Soz. II.5). Впрочем, Либаний возлагал ответственность за разрушение святилища на Констанция II (Lib. Or. XXX.38–39). В пользу этой версии свидетельствуют найденная в Эпидавре надпись (355 г.), в которой упоминается жрец эгинского храма Асклепия Мнасей (IG IV^2 438). Культовый комплекс Асклепия был восстановлен императором Юлианом (Lib. Ep. B147 (F695); Zon. XIII.12), а к концу IV в., снова разрушен. О святилище Асклепия в Эгах, см.: Robert 1973; Cameron, Hall 1999: 303–304; Csepregi 2015: 53–54; Renberg 2016: 209, n. 226.

[11] Согласно данным Либания в IV в. оракул регулярно посещался представителями восточноримской знати. См. подробнее Renberg 2016: 695–706.

[12] Ср. Ведешкин 2018a: 172–173; 218.

[13] О тайном почитании Асклепия в V в., см. Theod. Graec. Affect. Cur. VIII.20–23.

[14] Об антиязыческом законодательстве IV – V вв. см. Ведешкин 2016.

[15] К примеру, отец Августина – куриал средней руки из Тагасты Патрикий был вынужден откладывать деньги, чтобы отправить сына учиться в сравнительно близкий Карфаген (Aug. Conf. II.3.5). При этом, скопленных им средств, судя по всему, не хватило – отправиться в столицу Африки Августину помог его богатый сосед (Aug. C. Acad. II.2). О высокой стоимости образования упоминал и Иоанн Златоуст. См. Iohan. Chrys. De Sacer. I.5.

[16] В своем послании к киликийцу Феодорит упоминал, что софист сносился с «блистательнейшим Еврикианом» (παρὰ τοῦ λαμπροτάτου Εὐρικιανοῦ) (Theod. Ep. 214(XXXIV)). Из другого письма епископа известно, что «светлейший трибун Еврикиан» (clarissimus tribunus Euricianus) находился в Сирии в 433 – 436 гг. (Theod. Ep. 253) (он пытался прими-

Малала называл Исокасия «очень ученым человеком» (σφόδρα λογικός – loc. cit.), о чем свидетельствует и его карьера – должность муниципального ритора Антиохии, тем более пост квестора священного дворца мог заполучить лишь человек рафинированной культуры. Видимо, Исокасий прошел стандартный куррикулум позднеантичного аристократа[17]. Обучение мальчика из благородной семьи начиналось с занятий с педагогом или посещения буквенной школы. После этого приходила пора лекций грамматика, который учил чтению, письму и нормам правильного «аттического» произношения, отличавшего человека пайдейи от черни. Тогда же сыновья местной элиты приобретали первые навыки составления и произнесения речей. В 12–13 лет они приступали к занятиям в риторической школе родного города или одного из крупных образовательных центров империи. Одаренный юноша из Эг, расположенных в нескольких днях пути от Антиохии[18], скорее всего, отправился изучать риторику в столицу Востока, где «давно укоренилось и достигло процветания дело красноречия» (Lib. Or. XI.192)[19].

Дальнейшая карьера Исокасия дает дополнительные аргументы в пользу того, что его студенческие годы прошли на берегах Оронта. Как уже отмечалось, впоследствии Исокасий занял пост городского ритора Антиохии. Кандидатов на эту должность утверждала курия[20]. Малоправдоподобно, что антиохийская знать могла одобрить выдвижение никому неизвестного чужестранца. По-видимому, среди друзей Исокасия были влиятельные представители местной аристократии, которые поддержали его кандидатуру. Эти знакомства могли завязаться в период

рить архиепископа Иоанна Антиохийского с сирийскими клириками, недовольными принятием Согласительного исповедания 433 г.). Характер исполняемого поручения, звание и титул Еврикиана свидетельствуют о том, что он был членом коллегии императорских секретарей-нотариев. К концу IV в. коллегия разрослась до нескольких сотен человек, большая часть из них воспринимала свою должность как синекуру и не появлялась в стенах дворца. О notarii sacri palatii, см. Jones 1986: 572–575. Впрочем, Еврикиан наверняка не относился к числу tribunes vacantes, в противном случае ему едва ли доверили столь важное поручение. Следовательно, он почти постоянно находился при дворе и не имел возможности надолго задерживаться в Сирии. Таким образом, общение чиновника с Исокасием пришлось на время, когда трибун занимался делами Антиохийской церкви. Сношения киликийца с нотарием, как и содержащаяся в письме Феодорита форма обращения к учителю красноречия («твое величие» (τὸ μέγεθος τὸ σόν. – Theod. Ep. 214(XXXIV)) свидетельствуют, что к этому моменту Исокасий был важной фигурой и, по-видимому, уже занимал пост муниципального ритора Антиохии. Столь важную кафедру никак не мог получить начинающий преподаватель, к тому же без местного origo. Следовательно, в начале 30-х гг. Исокасий уже был зрелым, профессионально состоявшимся педагогом, что и дает приблизительную дату его рождения ок. 400 г.

[17] О классической образовательной системе в Поздней Античности, см. Watts, 2012: 468–471. Ссылки на литературу и источники, см. там же.

[18] Согласно итинерарию Феодосия Эги находились в 120 милях от Антиохии (Theodos. Sit. terr. sanct. 86 (ed. J. Gildemeister)). Ср. Lib. Ep. F1483.4.

[19] Об обучении детей киликийской знати в Антиохии. См. Lib. Or. 62.27; Petit 1957: 114. О поездках позднеантичных школяров в крупные образовательные центры, см. Watts 2004.

[20] Ср. Lib. Or. I.35; CTh. XIII.3.5. Вмешательство друзей Либания в антиохийской курии помогло софисту занять пост городского ритора в 354 г. См. Bradbury 2003: 7.

ученичества. С точки зрения носителей позднеантичной образовательной традиции, юноши должны были обрести в школе новый дом, в наставнике второго отца[21], а в соучениках новых братьев. Зачастую между «братьями» завязывались крепкие связи, сохранявшиеся на всю жизнь[22]. Если гипотеза об обучении Исокасия в Антиохии верна, то ко времени его вступления в борьбу за пост главного ритора многие из его школьных товарищей-антиохийцев уже должны были войти в состав курии и имели возможность помочь другу получить желанную должность.

Малала именовал киликийца «философом» (loc. cit.) из чего можно сделать вывод, что после завершения курса риторики тот некоторое время изучал философию. Основываясь на свидетельстве хрониста, некоторые исследователи заявляли (впрочем, без какой-либо внятной аргументации), что впоследствии открытая Исокасием школа специализировалась на преподавании «любомудрия»[23]. Однако современные Исокасию авторы Феодорит Кирский и составитель «Miracula», неоднократно называвшие Исокасия учителем красноречия, ни разу не упоминали о том, что ритор интересовался вопросами философии или преподавал соответствующий курс. Вероятно, сообщение Малалы не следует воспринимать буквально – в «Хронографии» термин «φιλόσοφος» применялся не только по отношению к «профессиональным» философам, но и для характеристики вообще любого мудрого человека[24].

Окончив обучение, Исокасий посвятил себя преподаванию. Согласно автору сборника чудес первомученицы Феклы, он вернулся в Эги и открыл грамматическую школу, а затем перешел на новую ступень учительской карьеры и начал преподавать риторику (MT. 39)[25]. К этому этапу его педагогической карьеры относится анекдот, переданный составителем «Miracula». По сообщению агиографа, страдая от болезни, Исокасий решил заночевать в расположенной неподалеку от Эг христианской церкви. Во сне к ритору, якобы явилась мученица и подсказала лекарство от его недуга. Комментируя чудесное исцеление, автор с недоумением отмечал, что, несмотря на помощь святой девы, киликиец остался язычником (MT 39)[26]. Маловероятно, что история визита идо-

[21] В своих посланиях к язычнице Гипатии епископ Синезий обращался к ней: «мать, сестра и наставница» (Syn. Ep. 134(16)); Либаний называл учеников своими «детьми» (см. напр. Lib. Or. 62.27; Ep, N170); философ Плутарх Афинский именовал Прокла своим «ребенком», хотя между ними не было кровного родства (Marin. V. Procl. 12), а сам Прокл впоследствии величал своего учителя Сириана «своим родителем», а наставника Сириана Плутарха – «своим дедом» (Marin. V. Procl. 29). Ср. Procl. In Parm. 1058.22. См. подробнее: Cribiore 2007: 140–141; Kaster 1988: 67–69; Petit 1957: 35–36; Watts 2012: 472.

[22] См. например Bradbury 2014: 223–224.

[23] Siniossoglou 2008: 41. Ср. Laniado 1995: 123.

[24] Jeffreys 2017: 65. Ср. Kaster 1988: 295.

[25] Такие «повышения» не были редкостью. – Kaster 1988: 246; 247; 315). Автор «Miracula», очевидно осуждавший Исокасия за его неверие, язвительно замечал, что, прекратив быть грамматиком, тот так и не стал настоящим софистом: ‘Ὁ μὲν γὰρ Ἰσοκάσιος καὶ ἀπὸ γραμματιστοῦ σοφιστὴς γεγονώς, καὶ τὸ μὲν ἀπολέσας, τὸ δὲ οὐ κτησάμενος’ – MT.39.

[26] Ср. Malal. loc. cit. (= Chron. Pasch. 467).

лопоклонника в христианский храм является плодом воображения автора сборника – он был современником Исокасия, жил в соседнем городе и уверял, что слышал об этом от достоверного информатора (ibid.).

Устроенный ритором сеанс сомнотерапии подозрительно напоминал языческий обряд инкубации, практиковавшийся в эгинском святилище Асклепия по крайней мере с I в.н.э.[27] По данным Зонары**,** в середине IV в. колонны, некогда подпиравшие своды эгинского асклепейона, были использованы христианами для украшения одной из городских церквей (Zon. XIII.12(63)). В том случае, если Зонара говорил о храме Феклы, посещение ритором церкви приобретает новый смысл. Язычники той эпохи полагали, что сила древних богов продолжала жить в руинах их поруганных святилищ[28]. Если, ритор разделял эти убеждения, то он, по-видимому, верил в то, что целительная сила божественного лекаря сохранилась в выломанных из его храма колоннах. Таким образом, мы имеем все основания полагать, что Исокасий пришел в церковь не в поисках уединения, как считал автор «Miracula», а в надежде получить помощь бога. Суровые антиязыческие эдикты христианских августов конца IV – начала V в., поставившие вне закона все языческие ритуалы, не позволяли ему открыто огласить мотивы своего посещения христианского святилища. Приписывая свое спасение мученице, киликиец отводил от себя подозрения в отправлении запрещенного ритуала[29].

Ок. 430 г. Исокасий перебрался в Антиохию[30]. Очевидно, карьера в столице Сирии представлялась ему более заманчивой, чем преподавание в провинциальных Эгах. Основной источник по антиохийскому периоду его жизни – письма Феодорита Кирского. Ритор был одним из постоянных корреспондентов епископа. Большая часть посланий – рекомендательные письма юношам, которых он пытался пристроить в школу учителя красноречия. Его эпистолярное наследие сохранило имена лишь двух молодых людей, которых он препоручил заботам киликийца (Феодот и Филипп) (Theod. Ep. 204(XXIV); 220(XL)), но, видимо, юношей, попавших в училище Исокасия стараниями епископа было существенно больше (Theod. Ep. 203(XXIII). Феодорита, известного своими пламенными обличениями «эллинства»[31], едва ли смущал тот факт, что реко-

[27] См. Philost. V. Apoll. I.7–12; о ритуальной инкубации в эгинском Асклепионе в IV в. см. Euseb. V. Const. III.56; Soz. II.5. Подробнее о ритуальной инкубации, см. Renberg 2016.

[28] Ср. Marc. Diac. V. Porph. 76; John. Ruf. V. Petr. Iber. 99(R72); Shenout. De Iudic. fol. XLI (ed. Behlmer tr. 247).

[29] Известны и другие примеры подобной религиозной мимикрии. Так, в VI в. идолопоклонники, жившие в Константинополе, приходили в храм Космы и Дамиана, где возносили мольбы божественным врачевателям Кастору и Поллуксу (MCD 9, ed. Deubner), культ которых, по сообщению Гесихия Милетского, существовал в древнем Византии. (Hesych. Patr. Const. 15(13)). Ср. Procop. BP. I.25.10; Iohan. Eph. HE. III.29.

[30] Джонс считал, что его школа располагалась в Константинополе, что противоречит данным Малалы о том, что софист был эгинцем, но жил в Антиохии (Jones, 2014: 86).

[31] Перу Феодорита принадлежит последняя в своем роде классическая христианская апология «Curatio affectionum Hellenarum». – Глубоковский 1890: II 202–242; Liebeschuetz 2015: 389–407; Siniossoglou, 2008: 34–40; Ulrich, 2009: библиография: 113, n. 3.

мендуемый им преподаватель и сам был «эллином» – епископ не мог не знать, что многие выдающиеся христиане, в т.ч. и его собственный «духовный отец» Феодор Мопсуэстийский, были учениками язычников[32]. Как многие образованные христиане, Феодорит ставил профессиональные и личные качества учителя выше его вероисповедания. Свидетельством отношения епископа к ритору является высокая оценка, которую он дал Исокасию и его школе: «Воспитывающихся у вас юношей вы не только учите греческому языку и упражняете в аттическом красноречии, но удостаиваете и всякой другой заботливости, имея попечение о красоте нравов и предуготовляя их к тому, чтобы они устремляли жизнь к добродетели. Сверх сего, вы сподобляете их и иной рачительности, удаляя их от того, что соблазняет к несправедливости, споспешествуя тому, что может приносить пользу, и – кратко сказать – исполняя отеческие заботы, ибо таковы свойства тех, которые у вас прививают такую рассудительную мудрость человеческим душам» (Theod. Ep. 220(XL)).

По мере того, как скамьи школы Исокасия заполнялись новыми учениками, ритор богател. О достатке Исокасия в этот период свидетельствовал Малала, именовавший киликийца антиохийским ктитором (κτήτωρ), т.е. крупным собственником (loc. cit.)[33]. Судя по всему, софист жил на широкую ногу. Из сообщения его друга-епископа следует, что для украшения своей усадьбы он выписывал лучших краснодеревщиков Сирии (Theod. Ep. 214(XXXIV)). Педагогическая деятельность принесла Исокасию и политический капитал. Выпускники престижных риторических школ часто занимали высокие посты в имперской администрации[34]. Связи, которые формировались между учениками и их наставником, обычно не прерывались и после окончания школы[35]. Учителя старались устроить дела воспитанников, которые, в свою очередь, не отказывали в услугах своим школьным «отцам»[36]. Как отмечала А.А. Чекалова: «представители свободных профессий, благодаря сложной сети дружеских связей окутали невидимыми нитями сложную бюрократическую машину ранней Византии и в известном смысле поставили ее под свой контроль»[37]. По сути, влияние учителя на местные и общеимперские дела укреплялось по мере карьерного роста его выпускников.

О политическом весе Исокасия свидетельствует послание Феодорита, в котором он просит ритора походатайствовать за некого Феокла, вовлеченного в судебную тяжбу в Константинополе. С точки зрения

[32] О Феодоре Мопсуестийском и других учениках Либания, ставших епископами, см. Urbano 2013: 51–53. Многие епископы отправляли христианскую молодежь в школы своих языческих наставников. См. напр. Bas. Ep. 326(335); 327(337); 328(339); Greg. Naz. Ep. 130; 203(238); Greg. Niss. Ep. 14.

[33] Ср. «насильникъ… и здатель» в славянском переводе Малалы (Истрин 1994: 316).

[34] См. напр. Lib. Or. LXII.54–66; Bradbury 2014: 229.

[35] Cribiore, 2007: 104–107.

[36] О действиях предшественника Исокасия Либания по устройству карьеры своих воспитанников, см. Bradbury 2014: 230–231; Cabouret 2014: 153.

[37] Чекалова 2010: 142.

епископа, рекомендательного письма от Исократа было достаточно для победы его протеже (Theod. Ep. 228 (XLVIII)). Феодорит сам имел связи с представителями высшего чиновничества, военной знати и даже членами императорской фамилии. Епископ неоднократно обращался к ним с разными просьбами и, по всей видимости, часто добивался желаемого[38]. Тот факт, что для защиты интересов своего протеже он был вынужден обращаться за помощью к ритору, свидетельствует о связях Исократа в администрации префекта Константинополя или при дворе.

О влиянии ритора на антиохийские дела свидетельствуют и акты II Эфесского собора. Среди обвинений, выдвинутых на этом судилище против возглавляемой Феодоритом «партии», сохранился донос на антиохийского епископа Домна. Ему вменяли в вину то, что свою кафедру он, якобы получил без каноничного рукоположения, едва ли не исключительно благодаря «язычнику Исократу» (C. Eph. II Syr. 314 (ed. et trad. S.G.F. Perry)). Этот рассказ, конечно же, может быть наветом сторонников Диоскора Александрийского на их оппонентов по христологическому спору. Впрочем, участие идолопоклонника в выборах митрополита Сирии не столь абсурдно, как может показаться на первый взгляд.

В середине 30-х Антиохия смогла достичь хрупкого мира с Египтом и предотвратить полномасштабный раскол Сирийской Церкви[39] благодаря дипломатическим и богословским талантам друга Исократа Феодорита. После смерти его соратника Иоанна I Антиохийского кафедра столицы Востока могла оказаться как в руках ненавистников Нестория, так и перейти под контроль непримиримых противников христологии Кирилла Александрийского. Таким образом, Феодорит был заинтересован в том, чтобы новым епископом антиохийским стал человек, который будет сохранять status quo. Им стал неискушенный в политических вопросах племянник Иоанна Домн[40], который, как, вероятно, надеялся кирский архиерей, будет прислушиваться к советам опытного соратника дяди. С учетом того, что от результатов выборов зависело положение Феодорита и достигнутый им церковно-политический компромисс, епископ вполне мог мобилизовать свои связи, чтобы обеспечить нужный ему результат выборов. По-видимому, Феодорит считал, что его друг сможет повлиять на настроения местной знати: в IV–V вв. в избрании архиереев участвовали не только клирики, но и члены городской курии[41], многие из которых были однокашниками и учениками Исократа. В 441 г. Домн был утвержден на антиохийской кафедре. Очевидно, представители городской аристократии выступили в поддержку человека, указанного их школьным «братом» и «отцом». В лице Домна Феодорит нашел послушного проводника своей религиозно-политической линии – архиепископ антиохийский удовольствовался ролью номинально-

[38] Wagner 1948: 127–129; Millar 2006: 146–148; Schor 2011: 173–174; Schor 2015: 161–162.
[39] См. Глубоковский 1890: I 107–157; Schor 2011: 91–109.
[40] О родстве Иоанна и Домна, см. Cyr. Scyth. V. Euthym. 26; 27; 32.
[41] Jones 1986: 918; Norton 2007: 43; 44; 53.

го лидера Сирийской Церкви и во всем следовал указаниям старшего товарища[42]. После того как кафедру столицы Востока занял человек, вероятно, обязанный своим продвижением Исокасию, и без того немалое влияние ритора должно было стать еще заметнее[43].

Вместе с тем, вступив в церковно-политическую борьбу, язычник невольно связал свою судьбу с одной из «партий» восточноримского клира. В августе 449 г. на II Эфесском соборе богословские взгляды Феодорита были объявлены ересью, а многие из его сторонников, в т.ч. и Домн, оказались лишены кафедр. Можно предположить, что именно это событие вынудило Исокасия сменить паллий софиста на чиновничью тогу. Церковную власть в городе захватили опиравшиеся на фанатичное монашество ставленники Диоскора Александрийского[44]. В этих обстоятельствах стороннику проигравшей партии, к тому же язычнику, оставаться в Антиохии было небезопасно. Очевидно, прибегнув к помощи одного из своих влиятельных друзей ритор заполучил официальную должность, тем самым выведя себя из-под удара. Язычество Исокасия едва ли могло помешать его государственной карьере. Несмотря на изданный в 416 г. закон, воспрещавший идолопоклонникам занимать военные и чиновничьи должности (CTh. XVI.10.21), «эллины» продолжали заполнять видные посты в армии и гражданской администрации Восточной империи на протяжении всего V и начала VI в.[45] По сути, указы, воспрещавшие язычникам отправлять государственные должности, имели декларативный характер и не применялись на практике.

На государственной службе образованность и опыт бывшего ритора были высоко оценены. Из замечания Малалы известно, что «он с честью исполнял многие начальственные должности» (‘ὅστις διήνυσεν ἀρχὰς πολλὰς μετὰ δόξης’). При Льве I (457–474) он уже занимал один из важнейших придворных постов – quaestor sacri palatii[46]. В число обязанностей квестора входила разработка новых законов, а также стилистиче-

[42] Взаимоотношения главы Церкви Востока и скромного епископа провинциальных Кир рельефно обрисовал антиохийский пресвитер Кириак: «Домн отказался от всякого собственного мнения; ибо вследствие своей дружбы, к Феодориту, епископу города Кира, он любил жить с ним все время… неумеренными похвалами, поддерживал и укреплял его в нечестии. В церковных угодьях он даже выстроил для него дом и позволил ему жить там, как в своем городе. Он всегда называл его отцом, а в его отсутствие восхвалял его, как благословенного» (C. Eph. II Syr. (ed. et trad. S.G.F. Perry). 288–290).

[43] Можно согласиться с Либшутцем, отмечавшим, что Исокасий занял в антиохийском обществе то же положение, что и Либаний веком ранее Liebeschuetz 2015: 357.

[44] Одним из виднейших сирийских сподвижников Диоскора был аскет Барсаума, возглавлявший банду монахов, терроризировавших язычников, иудеев и «еретиков» Сирии и Палестины в первой половине V в. См. Gaddis 2005: 188–189; 246–247; 288; 298–299; Sivan 2008: 133; Stemberger 1999: 309–313; Ward 2008: 248–251.

[45] До 467 г..: Martindale 1980: 121 (Apollonius 3); 299 (Claudianus 3, см. Theod. Ep. 99); 371 (Domitius 1); 491 (Florus 1); 691–692 (Lucius 1–2); 798 (Olympiodorus 1) 1055 (Taurianus); 1186 (Uranius 2); 1188 (Ulpianus 2, см. Theod. Ep. 22);1199–1200 (Zenon 6); dub.: 336–338 (Cyrus 7, см. Cameron 1982; Van Der Horst, 2012); в конце V в. – начале VI в. см. ниже.

[46] Из сообщения Малалы следует, что Исокасий занимал пост квестора в период префектуры Пусея, то есть в 465 – 467 гг. См. Martindale 1980: 930 (Pusaeus).

ское оформление императорских указов и ответов на поданные августу прошения (отсюда неофициальное название должности – «уста царя» (Anth. Palat. XVI.48)). Он также был членом императорской консистории и одним из двух председателей сенатского суда, разбиравшего дела высшего чиновничества[47]. Далеко не всегда занимавшие этот пост сановники имели специальное юридическое образование и глубокое знание законодательства. Нередко квесторами становились известные риторы и литераторы, способные придать языку императорского указа изысканность и величавость[48]. По-видимому, именно опыт составления текстов и красноречие позволили Исокасию занять эту высокую должность.

Падение Исокасия было еще более стремительным, чем карьерный взлет. По сообщению Малалы[49], в 467 г. квестор был обвинен в «эллинстве», смещен с должности, арестован и сослан в Халкидон, где его дело должен был разбирать суд наместника Вифинии (loc. cit.). В V в. известно несколько случаев отставки чиновников по обвинению в язычестве. Так, ок. 441 г. был лишен постов и сослан заподозренный в «эллинстве» префект Кир (Malal. XIV.16). При императоре Зеноне государственную службу был вынужден покинуть наместник одной из восточных провинций Севериан (Dam. V. Isid. 108) и казнен обвиненный в язычестве силенциарий и патрикий Пелагий (Zon. XIV.2). Но вплоть до второй четверти VI в. обвинения в язычестве никогда не были единственным поводом для опалы. Кир был отправлен в отставку вскоре после ссылки его покровительницы августы Евдокии[50], Севериан был замешан в заговоре сыновей магистра Аспара (Dam. V. Isid. 115A), Пелагий осмелился на слишком смелую критику августа (Cedr. Chron. I.621 (ed. Bekker)) и подозревался в стремлении занять престол (Malal. XV.16; Chron. Pasch. 490; Iohn. Nik. LXXXVIII.93; 94; Theoph. Chron. 5982–3). Иными словами, обвинения в идолопоклонстве обычно являлись «ширмой» для прикрытия истинных причин отставки впавшего в немилость чиновника.

Некоторые дополнительные обстоятельства ссылки Исокасия представлены в «Пасхальной хронике», которая, в целом повторяя рассказ Малалы, сообщает, что опала Исокасия была связана с вспыхнувшим в столице бунтом (Chron. Pasch. 467). Никаких подробностей этого возмущения летописец не сообщил, однако можно предположить, что причины этого мятежа крылись в недовольстве политикой Льва. В 460-е годы империя переживала острый социально-политический кризис, вызванный борьбой придворных группировок, репрессиями против провинциальной знати и многочисленными выступлениями низов, недо-

[47] Об этой должности, см. Harries 1988; Harries 2001: 42–47; Honoré 1998: 11–23.

[48] Например, знаменитые риторы и поэты Децим Магн Авзоний (Jones, Martindale, Morris 1971: 140–141 (Ausonius 7)) и Памprепий (Martindale 1980: 825–828 (Pamprepius)).

[49] Точная дата приводится в «Пасхальной хронике» (Chron. Pasch. 467).

[50] О придворной интриге против Кира и его покровительницы Евдокии, см. Cameron 2015: 56–64; Constantelos 1971: 458–461; Holum 1982: 190–193. Оригинальное объяснение обстоятельств отставки Кира (но опять же вне всякой связи с его предполагаемым язычеством) см. в Александрова 2018: 164–171; 223–225.

вольных фискальной и религиозной политикой правительства[51]. Не исключено, что бунтовщики требовали отставки квестора, считая его виновником издания очередного непопулярного закона. В пользу этой гипотезы свидетельствует славянский перевод Малалы, сохранивший более раннюю редакцию «Хронографии», по данным которой квестор был «wбаженъ», то есть, оговорен[52]. Поскольку Исокасий не скрывал своего язычества, суть оговора никак не могла заключаться в приписывании ему «неправильного» вероисповедания. Очевидно, квестора обвиняли и в иных преступлениях, но поскольку никаких твердых доказательств его вины не было, обвиняющая сторона выпячивала его язычество, стремясь настроить против него преимущественно христианское население Константинополя. По-видимому, старому эллину была определена участь «козла отпущения», призванного ответить за грехи правящей верхушки.

От наказания Исокасия спасло вмешательство его единоверца Иакова, занимавшего пост старшего дворцового архиатра[53]. Врач смог убедить императора Льва, что дело бывшего квестора, должен рассматривать не суд вифинийского наместника, а сенат Нового Рима. Благодаря заступничеству царского лекаря, Исокасию было позволено возвратиться в столицу и предстать перед еще недавно возглавляемой им коллегией. Судебное заседание проводилось в банях Зевксиппа. С обвиняемого сорвали одежды, ему связали руки, после чего обнаженный старик предстал перед префектом Пусеем, сенаторами и простыми горожанами, пришедшими поглазеть на унижение бывшего сановника. Последовавший разговор между судьей и подсудимым передал Малала: «“Видишь, Исокасий, во что ты себя вверг?” Исокасий ответил: “Вижу и не тревожусь. Я человек, я не избег превратностей человеческой судьбы. Но ты суди меня, как некогда судил со мною”» (‘ὁρᾷς σαυτόν, Ἰσοκάσιε, ἐν ποίῳ σχήματι καθέστηκας;’ ἀποκριθεὶς ὁ Ἰσοκάσιος εἶπεν·‘ὁρῶ καὶ οὐ ξενίζομαι· ἄνθρωπος γὰρ ὢν ἀνθρωπίναις περιέπεσα συμφοραῖς. ἀλλὰ δίκῃ καθαρᾷ δίκασον ἐπ’ ἐμοί, ὡς ἐδίκαζες σὺν ἐμοί’ – Malal. XIV.38).

Композиция короткой речи Исокасия демонстрирует, что язычник не забыл о годах, посвященных красноречию. Собравшуюся поглазеть на его унижение чернь он покорил, выказав должное смирение. Более культурная часть присутствующих должна была заметить цитату из Менандра– одного из самых любимых писателей восточноримского общества[54]. Обращаясь к бывшим товарищам по сенату, квестор заметил, что и они могут по прихоти судьбы оказаться на его месте. Наконец, призывая Пусея судить его, как судил он сам, Исокасий напоминал о своей долгой, очевидно, беспорочной службе и справедливом суде. Всего несколькими словами ритор сумел завоевать симпатии зрителей. Не дожи-

[51] См. Козлов 1983: 32–33.

[52] Истрин, 1994: 316.

[53] О Иакове, см. Martindale 1980: 582–583 (Iacobus 3). О влиянии лейб-медиков на политику позднеримских августов, см. Ведешкин 2018b: 304–305; Baldwin 1984.

[54] В переводе Теренция: «homo sum, humani nihil a me alienum puto». Ср. Ps. Dio. 13.4 (FHG IV. 198). См. Gleye 1896. Об отношении к Менандру в IV – VI вв, см. Bassett 2008.

даясь вынесения приговора, константинопольцы вырвали его из рук стражи и отвели в расположенную по соседству Великую Церковь, которая, как и прочие христианские храмы, имела статус убежища[55]. Отбивая подсудимого, жители столицы кричали славословие августу (Malal. Loc. Cit.) – очевидно вступившиеся за язычника жители столицы пытались придать своим действиям видимость законности и представить освобождение бывшего квестора как проявление императорской милости[56]. Он был спасен и укрыт под защитой церковных стен.

Вместе с тем его положение Исокасия было, по меньшей мере, шатким. Для того, чтобы добиться императорского прощения киликиец изъявил желание принять христианство. По-видимому, бывший квестор понимал, что крещение поможет ему укрепить мимолетные симпатии толпы, противиться которой август едва ли осмелится[57]. Если подобные мысли действительно посещали Исокасия, его расчет оправдался. Не желая идти наперекор жителям столицы, Лев простил бывшего чиновника и позволил ему вернуться на родину (Malal. Loc. cit.). Запись о ссылке бывшего квестора является последним известием о киликийце.

Вскоре после окончания процесса Исокасия, император подтвердил запрет на занятие государственных должностей религиозными диссидентами (CJ. I.4.15.). Видимо, он стремился показать подданным свою решимость продолжить борьбу с просочившимися в государственный аппарат язычниками. Впрочем, о новом законе забыли едва ли не быстрее, чем об эдикте 416 г. Западный соправитель Льва I Анфимий, как и ближайшие преемники на константинопольском троне, продолжили сквозь пальцы смотреть на язычников при дворе и в администрации[58]. Правительству вновь не хватило политической воли на принятие решительных мер по борьбе с идолопоклонниками.

***

[55] См. Ducloux 1994. Статус убежища, по-видимому, распространялся и на лиц, не принадлежавших к христианскому сообществу. Ср. с известием Сократа о том, что после поражения узурпатора Максима поддержавший его язычник Симмах искал убежища в церкви (Soc. V.14) и с рассказом Августина, сообщавшего, что после казни узурпатора Евгения поддержавшие его сенаторы-язычники укрылись в церкви (Aug. De Civ. V.26).

[56] Пожалуй, следует согласиться с тем, что публичность процесса сыграла на руку Исокасию, которому удалось создать себе образ «мученика». См.: Козлов 1983: 34.

[57] Комментируя крещение Исокасия П. Браун назвал его язычество «козырем», сбросив который тот смог относительно благополучно разрешить ситуацию (Brown 1992: 133). Некоторые исследователи утверждали, что Исокасий был крещен насильно (Kaster 1988: 302; MacMullen 1997: 23). Эта гипотеза не подтверждается источниками. Насколько известно римские власти не прибегали к насильственному обращению вплоть до эпохи Юстиниана I. Крещение было довольно распространенной стратегией попавших в беду язычников: о крещении сенаторов-язычников, замешанных в узурпации Евгения, см. Aug. De Civ. V.26; Prud. C. Symm. I. 544–547; Ведешкин 2018а: 145–146; обвиненного в пропаганде язычества ритора Гораполлона, см. Dam. V. Isid. 120; Kosinski 2010: 157–158, n. 67; преподавателя права Леонтия, см. Zach. V. Sev. 74; Dam. V. Isid. 40; Ведешкин 2019: 357.

[58] О язычниках при дворе Анфимия, см. Ведешкин 2019: 359; в администрации Восточной империи конца V – начале VI в., см. Martindale 1980: 825-827 (Pamprepius); 881-882 (Phocas 5); 1005-1006 (Severus 19); 1206 (Zosimus 5); dub.: 857-858 (Pelagius 2).

По отдельности, описанные выше эпизоды биографии Исокасия не уникальны. Равно как и многие другие представители восточноримской знати V в. Исокасий сохранил верность традиционным культам. Подобно прочим знаменитым позднеантичным преподавателям он имел большой общественный вес и активно влиял на местную и даже общеимперскую политику. Государственная карьера Исокасия является еще одним свидетельством того, что в V в. образованность оставалась мощным социальным лифтом, позволявшим заполучить видные должность, даже не имея специальных навыков и умений. Наконец, пример Исокасия служит дополнительным аргументом в пользу гипотезы о том, что в V в. язычники продолжали принимать деятельное участие в общественно-политической жизни империи. Вместе с тем Исокасий является едва ли не единственной известной нам личностью V в. биография которого вобрала в себя все вышеперечисленные эпизоды. В этом отношении его жизнь можно назвать одной из самых ярких страниц эпохи.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Александрова Т.Л. Византийская императрица Афинаида-Евдокия: жизнь и творчество в контексте эпохи правления императора Феодосия II (401–450). СПб.: Алетейя, 2018. 415 с. [Aleksandrova T.L. Vizantijskaya imperatrica Afinaida-Evdokiya: zhizn' i tvorchestvo v kontekste epohi pravleniya imperatora Feodosiya II (401–450). Spb.: Aletejya, 2018. 415 s.].

Ведешкин М.А. Правовой статус язычников и языческих культов в Римской империи IV - VI вв.: законодательство и практика // Император Юлиан. Полное собрание творений. СПб.: Квадривиум, 2016. С. 749–791. [Vedeshkin M.A. Pravovoj status yazychnikov i yazycheskih kul'tov v Rimskoj imperii IV -VI vv.: zakonodatel'stvo i praktika // Imperator Yulian. Polnoe sobranie tvorenij. Spb.: Kvadrivium, 2016. S. 749–791].

Ведешкин М.А. Языческая оппозиция христианизации Римской империи IV – VI вв. СПб.: Алетейя, 2018a. 357 с.[Vedeshkin M.A. Yazycheskaya oppoziciya hristianizacii Rimskoj imperii IV – VI vv. Spb.: Aletejya, 2018a. 357 s.].

Ведешкин М.А. Социально-правовой статус врача в поздней Римской империи // История медицины. 2018b. 5.4. С. 301–307. [Vedeshkin M.A. Social'no-pravovoj status vracha v pozdnej Rimskoj imperii // Istoriya mediciny. 2018b. 5.4. S. 301–307].

Ведешкин М.А. «Учителя-душегубы»: образование и апостасия в поздней Римской империи // Диалог со временем. 2019. 66. С. 348–363 [Vedeshkin M.A. «Uchitelya-dusheguby»: obrazovanie i apostasiya v pozdnej Rimskoj imperii // Dialog so vremenem. 2019. 66: 348–363].

Глубоковский Н. Н. Блаженный Феодорит, епископ Киррский, его жизнь и литературная деятельность. Т. I–II. М.: Университетская типография, 1890 [Glubokovskij N. N. Blazhennyj Feodorit, episkop Kirrskij, ego zhizn' i literaturnaya deyatel'nost'. T. I -II. M.: Universitetskaya tipografiya, 1890].

Истрин В.М. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе / под ред. М.И. Чернышева. М.: Джон Уайли энд Санз, 1994. 473 с. [Istrin V.M. Hronika Ioanna Malaly v slavyanskom perevode / pod red. M.I. Chernysheva. M.: Dzhon Uajli end Sanz, 1994. 473 s.].

Козлов А.С. Основные направления политической оппозиции правительству Византии и её социальная база в середине 70-х гг. V в. // АДСВ. 1983. 20. С. 24–37 [Kozlov A.S. Osnovnye napravleniya politicheskoj oppozicii pravitel'stvu Vizantii i eyo social'naya baza v seredine 70-h gg. V v. // ADSV. 1983. 20. S. 24–37].

Чекалова А.А. Константинополь в VI веке. Восстание Ника. Спб: Алетейя, 1997. 339 с. [Chekalova A.A. Konstantinopol' v VI veke. Vosstanie Nika. Spb: Aletejya, 1997. 339 s.].

Чекалова А.А. Сенат и сенаторская аристократия Константинополя. IV - первая половина VII века. М.: Наука, 2010. 342 с. [Chekalova A.A. Senat i senatorskaya aristokratiya Konstantinopolya. IV – pervaya polovina VII veka. M.: Nauka, 2010. 342 c.].

Baldwin B. Beyond the House Call: Doctors in Early Byzantine History and Politics // Dumbarton Oaks Papers. 1984. 38. P. 15–19.

Bassett S.E. The Late Antique Image of Menander // Greek, Roman, and Byzantine Studies. 2008. 48.2. C. 201–225.
Bradbury S. Selected Letters of Libanius: From the Age of Constantius and Julian. Glasgow: Liverpool University Press, 2003. 256 p.
Bradbury S. Libanius' networks // Libanius: A Critical Introduction / ed. L. Van Hoof. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 220–240.
Brown P. Power and Persuasion in Late Antiquity: Towards a Christian Empire. Madison, Wis: University of Wisconsin Press, 1992. 192 p.
Cabouret B. Libanius' Letters // Libanius: A Critical Introduction / ed. L. Van Hoof. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 144–159.
Cameron Al. The empress and the poet: paganism and politics at the court of Theodosius II // Later Greek Literature Yale Classical Studies. / ed. J.J. Winkler, G. Williams. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1982. P. 217–286.
Cameron Al. Wandering Poets and Other Essays on Late Greek Literature and Philosophy. Oxford; New York: Oxford University Press, 2015. 376 p.
Cameron Av., Hall S. Eusebius. Life of Constantine: Oxford University Press, USA, 1999. 395 p.
Constantelos D.J. Kyros Panopolites, Rebuilder of Constantinople // GRBS. 1971. 12. P. 451–464.
Cribiore R. The school of Libanius in late antique Antioch. Princeton: U.P., 2007. 374 p.
Csepregi I. Christian Transformation of Pagan Cult Places: The Case of Aegae, Cilicia. // Continuity and destruction in the Greek East: the transformation of monumental space from the Hellenistic period to Late Antiquity / ed. S. Chandrasekaran, A. Kouremenos. Oxford, United Kingdom: British Archaeological Reports Ltd, 2015. P. 49–57.
Dagron G. Vie et miracles de sainte Thècle. Bruxelles: Société des Bollandistes, 1978. 456 p.
Ducloux A. Ad ecclesiam confugere: Naissance du droit d'asile dans les églises. P.: De Boccard, 1994. 320 p.
Gaddis M. There is no crime for those who have Christ: religious violence in the Christian Roman Empire. Berkeley: University of California Press, 2005. 396 p.
Gleye C.E. Ein Menandervers bei Malalas. // Byzantinische Zeitschrift. 1896. 5. P. 336.
Greatrex G. The Nika Riot: A Reappraisal // The Journal of Hellenic Studies. 1997. 117. P. 60–86.
Harries J. The Roman Imperial Quaestor from Constantine to Theodosius II // JRS. 1988. 78. P. 148–172.
Harries J. Law and Empire in Late Antiquity. Cambridge: C.U.P., 2001. 250 p.
Holum K. Theodosian empresses: women and imperial dominion in late antiquity. Berkeley: University of California Press, 1982. 258 p.
Honoré T. Law in the crisis of empire, 379-455 AD: the Theodosian dynasty and its quaestors with a palingenesia of laws of the dynasty. Oxford: Oxford University Press, 1998. 348 p.
Jeffreys E. Malalas' world view // Studies in John Malalas / ed. E. Jeffreys, B. Croke, R. Scott. Leiden; Boston, MA: Brill, 2017. P. 55–66.
Johnson S.F. The Life and Miracles of Thekla: A Literary Study. Washington, DC: Cambridge, Mass: Harvard University Press, 2006. 320 p.
Jones A.H.M. The Later Roman Empire, 284-602: A Social, Economic, and Administrative Survey. Vol. I–II. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1986.
Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J. The Prosopography of the Later Roman Empire. Volume I. A.D. 260–395. Cambridge: Cambridge University Press, 1971. 1176 p.
Jones C.P. Between Pagan and Christian. Cambridge: Harvard University Press, 2014. 207 p.
Janiszewski P., Stebnicka K., Szabat E. Prosopography of Greek Rhetors and Sophists of the Roman Empire. New York: Oxford University Press, 2014. 480 p.
Kaster R.A. Guardians of Language: The Grammarian and Society in Late Antiquity. Berkeley: University of California Press, 1988. 560 p.
Kosinski R. The Emperor Zeno: Religion and Politics. Cracow: Historia Iagellonica, 2010. 289 p.
Laniado A. Some Addenda to the «Prosopography of the Later Roman Empire» (Vol. II: 395-527) // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. 1995. 44. 1. P. 121–128.
Liebeschuetz. Antioch: City and Imperial Administration in the Later Roman Empire. Oxford: Oxford University Press, 1972. 314 p.
Liebeschuetz J.H.W.F. East and West in Late Antiquity: Invasion, Settlement, Ethnogenesis and Conflicts of Religion. Leiden: Brill, 2015. 507 p.
MacMullen R. Christianity and paganism in the fourth to eighth centuries. New Haven: Yale University Press, 1997. 282 p.

Martindale J.R. The Prosopography of the Later Roman Empire. Volume II. A.D. 395-527. Cambridge: University press, 1980. 1342 p.
Millar F. A Greek Roman Empire: power and belief under Theodosius II (408-450). Berkeley: University of California Press, 2006. 279 p.
Millar F. The Syriac Acts of the Second Council of Ephesus (449) // Chalcedon in Context / ed. R. Price, M. Whitby. Liverpool: Liverpool University Press, 2011. P. 45–69.
Norton P. Episcopal Elections 250-600: Hierarchy and Popular Will in Late Antiquity. Oxford; New York: Oxford University Press, 2007. 288 p.
Petit P. Les étudiants de Libanius. Paris: Nouvelles éditions latines, 1957. 210 p.
Renberg G.H. Where dreams may come: incubation sanctuaries in the Greco-Roman world. Leiden; Boston: Brill, 2016. 519 p.
Robert L. De Cilicie à Messine et à Plymouth, avec deux inscriptions grecques errantes // Journal des Savants. 3. 1973. P. 161–211.
Schor A.M. Theodoret's People: Social Networks and Religious Conflict in Late Roman Syria. Berkeley: University of California Press, 2011. Вып. First edition. 360 p.
Schor A.M. The letters of Theodoret of Cyrrhus: personal collections, multi-author archives and historical interpretation // Collecting Early Christian Letters / ed. B. Neil, P. Allen. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 154–172.
Siniossoglou N. Plato and Theodoret: The Christian Appropriation of Platonic Philosophy and the Hellenic Intellectual Resistance. Cambridge, UK; N.Y.: C.U.P., 2008. 280 p.
Sivan H. Palestine in late antiquity. Oxford; New York: Oxford University Press, 2008. 429 p.
Stemberger G. Jews and Christians in the Holy Land: Palestine in the Fourth Century. Edinburgh: T.& T.Clark Ltd, 1999. 320 p.
Ulrich J. The reception of Greek Christian apologetics in Theodoretus' Graecarum affectionum curatio // Continuity and Discontinuity in Early Christian Apologetics / ed. J. Ulrich, A.-C. Jacobsen, M. Kahlos. Frankfurt am Main; New York: Peter Lang GmbH, Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2009. P. 113–130.
Urbano A.P. The Philosophical Life: Biography and the Crafting of Intellectual Identity in Late Antiquity. Washington, D.C: The Catholic University of America Press, 2013. 376 p.
Van Der Horst P.W. Cyrus: A Forgotten Poet // Greece & Rome. 2012. T. 59. 2. P. 193–201.
Wagner M.M. A Chapter in Byzantine Epistolography the Letters of Theodoret of Cyrus // Dumbarton Oaks Papers. 1948. T. 4. P. 119–181.
Watts E. Student Travel to Intellectual Centers: What Was the Attraction? // Travel, Communication and Geography in Late Antiquity: Sacred and Profane / ed. L. Ellis, F. Kindler. Oxford; New York: Routledge, 2004. P. 13–24.
Watts E. Education: Speaking, Thinking, and Socializing // The Oxford Handbook of Late Antiquity: Oxford University Press, 2012. P. 467–486.

Ведешкин Михаил Александрович, *кандидат исторических наук, ст.н.с., Институт всеобщей истории РАН; доцент, ИОН РАНХиГС; Balatar@mail.ru*

Isocasius the Rhetor: Late Antique Teacher and Statesman

The article discusses the biography of the late Roman pagan rhetor and statesman Isocasius. It analyzes his activities at the post of municipal rhetor of Antioch, his role in local and imperial politics. Particular attention is paid to Isocasius' possible participation of in the election of bishop Domnus. The final part of the article examines the state career of the sophist and the circumstance of his fall. The conclusion is made that the charges of "Hellenism" brought upon Isocasius were not the real reason of his resignation. The information of his «strange» participation in Christian rites, highlights one of the poorly studied forms of pagan worship, practiced after the ban of traditional rites.
Keywords: Late Antiquity, Late Roman Empire, Early Byzantium, Church History, Education, Paganism, Educational Space.

Mikhail Vedeshkin, *Ph.D. in History, senior research fellow of the Institute of World History, Russian Academy of Sciences; associate professor of the School of Public Policy – RANEPA; Balatar@mail.ru*

Е.В. Калмыкова

ДЖОН УИКЛИФ — ПЕРВЫЙ АНГЛИЙСКИЙ «ПАЦИФИСТ»

Статья посвящена воззрениям известного английского богослова Джона Уиклифа на войну и насилие в христианском обществе, сформулированные им в трактатах разных периодов. На фоне планомерно разрабатываемой средневековыми теологами и правоведами концепции справедливой войны, отдельные призывы еретиков и маргиналов к полному отказу от кровопролития носили декларационный характер и были далеки от того, что можно назвать «пацифистской доктриной». Именно Уиклифа можно считать первым средневековым теологом-пацифистом. Сопоставление широкого круга сочинений Уиклифа позволяет вычленить наиболее важные, часто повторявшиеся и детально разобранные положения его пацифисткой теории.
Ключевые слова: *Уиклиф, пацифизм, справедливая война, насилие, право, власть*

Вслед за Амвросием Медиоланским и Августином Блаженным справедливая война (bellum justum) стала рассматриваться Церковью в качестве приемлемого для христиан способа восстановления порядка в мире[1]. Впрочем, на фоне планомерно и основательно разрабатываемой теологами и правоведами концепции справедливой войны пусть и изредка, но все же раздавались голоса христиан, осуждавших любые формы физического насилия и кровопролития. Чаще других с подобными высказываниями выступали представители еретических или близких к ним полумаргинальных религиозных групп – вальденсов, катаров, бегардов, гумилиатов, лоллардов[2]. Эти высказывания носили, как правило, декларационный характер и концептуально были далеки от того, что можно назвать «пацифистской доктриной».

Среди средневековых английских богословов и проповедников невозможно найти человека более одержимого пацифисткой идеей, чем Джон Уиклиф (1320/24–1384). Фигура Уиклифа занимает особое место в истории английской Церкви. Авторитетный богослов, доктор теологии, профессор Оксфордского университета, популярный проповедник, он был осужден судом прелатов как еретик (это судебное решение было подтверждено папской буллой), однако не утратил после этого покровительства двора. Он был духовным лидером для многих христиан. Критика, с которой Уиклиф выступал в адрес папской курии, осуждение им поборов в пользу святого престола, а также одобрение секуляризации церковных владений вызывали симпатию у Джона Гонта – дяди короля и главы королевского совета при малолетнем Ричарде II, а также у маршала Англии Генри Перси. Оба лорда открыто защищали Уиклифа перед английскими прелатами, которые неоднократно пытались добиться сначала его осуждения как еретика, а затем ограничить его влияние на

[1] Russell 1975: 12–40.

[2] The Summa contra haereticos 1958: 242–243; Haines 1981: 369–376; Billet 1983: 129–146; Johnson 1987: 73–75, 95–109; Barber 2000: 78, 93.

умы современников[3]. И что в этой ситуации самое интересное – Джон Гонт был одним из самых активных сторонников военных действий не только во Франции и Фландрии, но также в Испании и Шотландии.

В статье будут рассмотрены воззрения Уиклифа на войну и насилие в христианском обществе, сформулированные им в трактатах разных периодов (как до церковного отлучения, так и после него), и сделана попытка ответить на следующие вопросы: насколько идеи этого средневекового английского богослова соответствовали теории справедливой войны, могли ли они отвечать чаяниям правителей Англии.

***

Подобно ранним отцам Церкви, Тертуллиану и Оригену, Уиклиф воспринимал эру Нового Завета как эпоху принципиально отличную от языческих времен, а слова Христа о смирении, страдании, милосердии и братской любви ко всем людям, в т.ч. к врагам своим, – в качестве основных предписаний нового закона, следовать которому обязаны все христиане. Не менее важным для Уиклифа было традиционное для христианства противопоставление духовного и плотского. По его мнению, основной закон природы, т.е. божественный закон, заключался не в самосохранении, точнее, не в спасении физического тела, но в спасении собственной души и души «братьев своих во Христе». Христианин, для которого душа представляет большую ценность, чем тело, не должен причинять вред ближнему, ибо любое насилие, тем более убийство – грех: лучше кротко переносить страдание, чем причинить насилие даже при самообороне[4]. Христианин должен ценить не только собственную душу, но и душу своего врага выше плоти и богатства:

> Поскольку Закон [Христа]… нигде не учит нападать, кажется, что [нападение] вовсе не подходит для христиан. Ибо каждый христианин должен любить другого христианина больше собственной жизни, поскольку они должны любить дух больше плоти..., следовательно, при выборе или при необходимости, он должен скорее потерять свою жизнь, чем причинить моральный вред душе брата своего; но каждый человек должен ценить свою собственную жизнь бесконечно сильнее, чем земные богатства, поэтому он должен ценить моральное благо в душе каждого ближнего своего бесконечно больше, чем мирское богатство[5].

Одной из важнейших христианских идей для Уиклифа является представление о связи между милосердием и страданием. Страдания и мученическая смерть Христа – жертвы, принесенные им ради человечества, – и есть квинтэссенция милосердия. Для людей Средневековья по-

[3] Hudson, Kenny 2010.

[4] Wyclif. Tractatus de civili dominio. Vol. II: 235: «homini melius humiliter paciendo benefacere inimico quam vindicando propriam iniuriam repugnare».

[5] Ibid. Vol. II: 250–251: «Sedcum lex per se sufficiens nusquam precipit invader, videtur quod hoc non condecet christianos. Debet enim omnis chistianus plus diligere quemlibet christianum quoad spiritum quam vitam propriam carnalem… et per consequens, posita adopcione vel necessitate, debet pocius perdere vitam propriam quam bonum moris in spiritu fratris sui, sed omnis homo debet infinitum plus diligere vitam propriam quam civiles divicias, ergo infinitum plus debet diligere bonus moris in spirit cuiuscunque proximi quam civiles divicias».

читание Христа, следование за Ним предполагало добровольное обязательное перенесение физических страданий. В качестве наиболее известного и показательного примера можно привести флагелланство, движение бичующихся, которое, возникнув около 1259 г. в Перудже, получило во время эпидемии чумы – Черной Смерти – столь широкое распространение, что в 1349 г. папа Климент VI запретил его. А уж примеров медитаций или просто размышлений о Страстях Христовых, составленных святыми и прославленными богословами, невозможно и перечислить. Полностью разделяя это мнение, Уиклиф утверждал, что одной из целей Страстей Христовых было «преподнесение человечеству примера страдания ради справедливости (persecucionem propter iusticiam)»[6].

Поскольку стремление каждого христианина – следовать примеру Христа, Уиклиф заключал, что праведник должен сам стремиться претерпевать страдания[7]. Не раз говоря, что христианину следует скорее бежать от гонителей, чем оказывать им сопротивление, в трактате «О светской власти» Уиклиф пришел к еще более радикальным умозаключениям о пользе страдания не только для мученика, но и для мучителя:

> Я получаю отдаленный ореол [святости – *Е.К.*] благодаря страданию моего тела, смягчая гнев своего врага, обрекающий его душу на погибель. Отдавая жизнь за него [врага – *Е.К.*], я делаю его своим другом, что приносит пользу нам обоим и для всей Церкви благодаря этому славному мученичеству. Ибо нет большего основания для мученичества, чем защита закона Христа, и нет для паломника лучшего применения закона Христа, чем испытать несправедливость ради Христа[8].

Мысль о том, что жертва искупает не только свои грехи, но и грехи мучителя, уничтожая своею смертью причину ненависти и примиряя противников, кажется весьма оригинальной.

Спустя несколько лет, в трактате «О Церкви» Уиклиф продолжил разрабатывать идею двойной пользы от страдания. Отталкиваясь от положения о том, что чей-то персональный грех может причинить вред другим людям (как грехопадение Адама обрекло человечество на страдания), Уиклиф сформулировал симметричный тезис: индивид может искупить чужие грехи. Здесь на первый план выходит пример самого Христа, искупившего грехи человечества:

> Может так случиться, что человек обрекает [на страдание] другого, как следует из казуса с прародителями… кажется, что один человек также может спасти другого. Подобно тому, как естественным образом рука выставляется вперед, чтобы защитить голову, но еще больше это проявляется в мистическом теле Христа, где узы [между членами] сильнее: кажется, что один член может взять на себя бремя по избавлению другого…[9]

[6] Ibid. Vol. II: 208.

[7] Wyclif. Tractatus de ecclesia: 135; Select English works… Vol. III: 137–138.

[8] Wyclif. Tractatus de civili dominio. Vol. II: 273: «Nam ego acquirerem ex paciencia corpori meo repositam aureolam, mitigarem iram hostis ubi occisa anima dampnaretur, et sic ponendo animam meam pro ipso, quem ut sic facerem amicum, proficerem utrique nostrum et toti ecclesie per gloriosum martirium. Non est enim prestancior causa martirii quam defensio legis Christi, nec lex Christi viatori est pertinencior, quam pro Christo pati iniurias».

[9] Wyclif. Tractatus de ecclesia: 557: «Item, contingit unum condempnare alterum, ut pater de primis parentibus… videtur quod contingit unum satisfacere pro alio. Sic enim

Уиклиф указывает: если христианин добровольно примет смерть от руки врага, не оказывая сопротивления насилию, это самопожертвование приведет не только к искуплению грехов убитого, но также и грехов убийцы. Богослов выделяет три вида искупления: искупление собственных грехов, помощь в искуплении чужих грехов и полное искупление грехов другого человека[10]. Принесение себя в жертву через несопротивление насилию соответствует не только принципу любви к своим врагам и возможности в подражание Христу искупить свои и чужие грехи, но и мученичеству – наивысшей форме благочестивой жизни. Еще Августин заметил, что апостолы и мученики «были убиты без сопротивления, чтобы научить тому, что лучшей победой является претерпевание смерти ради истиной веры»[11]. И в этом Уиклиф был согласен с отцом Церкви, утверждая, что истинный христианин должен принимать насильственную смерть без физического сопротивления[12]. «Верующему человеку не следует… сжиматься от страха смерти, поскольку Христос и его апостолы стяжали ее»[13]. Служа Богу и защищая божественный закон, христианин не должен бояться физической смерти или утраты земных богатств, ему нужно страшиться смерти духовной[14].

Негативное отношение к кровопролитию было свойственно и другим богословам. Можно сказать, что Уиклиф лишь всецело принимал заповедь о любви к ближнему, примирив через смиренное принятие насилия жертву и убийцу. Иное дело – провозглашенная законным правителем справедливая война. Именно в воззрениях оксфордского богослова на войну следует искать принципиальное отличие от одобренных официальной Церковью положений. При первом обращении к тексту одного из важнейших его трактатов «О светской власти» (ок. 1377) может создаться впечатление, что он полностью разделял устойчивое для сочинений этого жанра представление о монаршем долге, утверждая, что король обязан выступить на защиту государства (patria), если тому грозило нападение врагов[15]. В трактате «О долге короля» (ок. 1379), написанном, возможно, для Ричарда II, он также признавал защиту подданных одной из ключевых обязанностей монарха[16]. Рассуждая о том, какие войны следует вести правителю, Уиклиф особо выделял войну «ради дела Церкви против неверных и во славу Божию»[17]. Впрочем, не менее важным было право монарха на подчинение силой непокорных

brachium naturaliter se exponit pro capite; multo magis in corpore Christi mistico, ubi est ligatum forcius, videtur quod unum membrum debet satisfaciendo supportare pondus alterius iuxta…»; Wyclif. Sermones. Vol. I: 283. Sermon 42.

[10] Wyclif. Tractatus de ecclesia: 558.

[11] Augustinus Hipponensis. Contra Faustum, XX, 76 / P.L. T. 42. Col. 449: «…isti non resistendo interfecti sunt, ut potiorem esse docerent victoriam pro fide veritatis occidi».

[12] Wyclif. De perfection statuum // Polemical works in Latin. Vol. II: 466–467.

[13] Wyclif. Sermons. Vol. II: 279–280. Sermon 38.

[14] Wyclif. Tractatus de mandatis divinis: 89–90; Sermons. Vol. II: 290. Sermon 40.

[15] Wyclif. Tractatus de civili dominio. Vol. II: 260.

[16] Wyclif. Tractatus de officio regis: 58.

[17] Ibid: 248: «...in causa ecclesie contra infidels in intencione honorificandi Cristum…».

служителей Церкви[18]. Высказывание о применении силы по отношению к мятежным церковнослужителям следует трактовать в духе протореформаторских рассуждений Уиклифа о верховенстве власти государя над всеми подданными, независимо от их статуса.

В высказываниях Уиклифа о праве государя на поддержание мира и порядка в своем королевстве при помощи оружия существуют очевидные противоречия. С одной стороны, профессор теологии традиционно признавал долг монарха защищать вверенных ему Богом землю и людей, живущих на ней, предполагая, впрочем, что войска должны использоваться исключительно с целью обороны. С другой стороны, в его сочинениях можно усмотреть и полное отрицание вероятности справедливой войны. В трактате «О долге короля» он советовал монарху демонстрировать соседям не воинственность, а милосердие и уж в любом случае «не стараться завоевать два королевства» (non debet duo regni appetere conquirendo), ибо ведение войны противоречит закону природы, Священному Писанию и человеческому разуму[19]. Согласно Уиклифу, если бы войны были допустимым для христиан способом разрешения конфликтов, тогда бы это было очевидным из текста Нового Завета, но там говорится обратное, следовательно, война никак не подходит христианам[20]. Цитируя Григория Великого, Уиклиф напоминал, что ветхозаветные войны не следует воспринимать в качестве предтечей войн Нового Завета, которым следует быть исключительно духовными[21].

В своих трактатах Уиклиф часто обращался к рассуждениям о человеческих законах. По его мнению, и светскому праву, и каноническому следует следовать только в той степени, в какой их постановления соответствуют Священному Писанию. Только следуя божественному закону, люди смогут жить «в мире с Богом»[22]. «Поскольку закон Бога проще, самодостаточнее и чище», следовать нужно только ему и только с ним соотносить человеческие установления. И священники, и миряне должны подчиняться светскому законодательству (leges civiles secularium principum). Если же оно, или даже папские постановления, противоречат Писанию, таким законам не стоит следовать[23].

Отсутствие в Новом Завете упоминаний о войнах и отказ Христа от сопротивления насилию были для Уиклифа поводом проповедовать полный запрет военных действий. Только сам Господь может приказать начать войну, ни один человек не обладает такой властью: «Не разрешается вести войну без достаточного на то права, но ни у одного человека нет на это права, оно есть только у Христа, который и является главой Церкви. Поскольку Христос утвердил в своем законе не войны, но мир,

[18] Ibid: 104
[19] Ibid: 262.
[20] Wyclif. Tractatus de civili dominio. Vol. II: 233, 250.
[21] Ibid: 247–248; Wyclif. Tractatus de officio regis: 270; Gratianus. Decretum. C. 23, q.1 c. 1.
[22] Wyclif. Tractatus de mandatis divinis: 21-22; Wyclif. Tractatus de civili dominio. Vol. I: 157; vol. II: 153.
[23] Wyclif. Tractatus de officio regis: 190-191.

следовательно, право вести законную войну должно быть изъято до получения тайного Откровения»[24]. В эпоху Ветхого Завета войны, которые вел народ Израиля, могли считаться справедливыми, поскольку они велись по приказу Бога. Получив указание от Бога защитить подданных от врагов (подобно ветхозаветным царям), государь не может его игнорировать, но без этого «тайного Откровения» ни один правитель не должен начинать войну. В трактате «О долге короля» Уиклиф весьма критически отзывался о многократно провозглашаемом в Англии справедливом характере англо-французской войны: «Кто, я спрашиваю, из тех, кто ведут сейчас войну, получил Откровение или непосредственный приказ от Господа, неужели Бог приказал им так жестоко мстить за Свое оскорбление? Очевидно, что война запрещена, если она не ведется непосредственно с этой целью»[25]. Право возмездия принадлежит лишь Богу: Божественное Откровение, Священное Писание, божественный закон не позволяют вести войну или убивать ближнего для защиты мирского блага[26].

> Поскольку католику непозволительно сомневаться в том, что он должен подчиняться приказам Господа, и под страхом обвинения в смертном грехе он лично или помощи других людей не должен преследовать своего брата иначе, чем с братской любовью… Но на войне невозможно служить этой любви, поэтому на войне невозможно не грешить, следовательно, католику непозволительно участвовать в войне[27].

Согласно учению о справедливой войне, конечной целью любой войны является мир, а война – лишь средство восстановления нарушенного в мире порядка, но, по мнению Уиклифа, война не может считаться единственным или наилучшим способом достижения мира[28].

Противореча Августину, Грациану, Фоме Аквинскому, большинству других авторитетных средневековых теологов и правоведов, внесших лепту в разработку учения о справедливой войне[29], Уиклиф полагал, что человеку следует во всем руководствоваться терпением и смирением. Для него нет достойных причин для объявления войны – возмездие за нанесенную обиду, возвращение отнятого имущества на деле оказываются злобой и корыстью. «Уберите напыщенную алчность и жажду зем-

[24] Wyclif. Tractatus de civili dominio. Vol. II: 243: «ex secunda nota non licet sic bellare nisi ex auctoritate sufficienti, sed nulla sufficit nisi auctoritas Christi qui est caput ecclesie. Cum ergo Christus in lege non auctorisat ad bella huiusmodi sed ad pacem, relinquitur quod ad bellum licitum aliunde per revelacionem abditam aucto riset».

[25] Wyclif. Tractatus de officio regis: 263: «Quis, rogo, modernus gwerrans habet revelacionem vel preceptum domini quod deus instituit eum ad tam acriter dei iniuriam vindicandum? Et constat, nisi principaliter fecerit ea intencione, est gwerra illicita».

[26] Wyclif. Tractatus de officio regis: 262–263; Tractatus de civili dominio. Vol. I: 107.

[27] Wyclif. Tractatus de civili dominio. Vol. II: 236-237: «Item, non licet catholicum dubitare, quin debet sub pena peccati mortalis servare mandata Domini numquam persequendo fratrem per se vel per alium, nisi propter caritatem fraternam, diligendo ipsum plus quam omne bonum fortune pro quo prosequitur. Sed in bellis inpossibile est hoc servare, ergo in bellis non peccare et per consequens non licet catholico sic bellare».

[28] Wyclif. Tractatus de civili dominio. Vol. II. P. 243.

[29] Brundage 1995: 670–692; Cole 1999: 57–80; Hartigan 1966: 195–204; Keen 1993: 63–81; Russell 1975; Tooke 1965.

ных почестей и богатств, и искусство войны тоже исчезнет»[30]. Отказ от стяжательства, искоренение греха жадности уничтожит причину многих войн[31]. Именно жадность и жажда власти, противоречащие наставлениям Христа, оказываются основными причинами большинства конфликтов, как частных, так и публичных[32]. По Уиклифу, главная причина войны во Франции – дурные советы воинственных клириков и жаждавших грабежей лордов[33]. А между тем священники должны убеждать мирян «отказываться или, по крайней мере, меньше стремиться к мирскому богатству» и, следовательно, искать «мира и согласия со своими иностранными противниками»[34]. Войну во Франции он называл «грехом [английского] королевства», осуждая тех, кто пропагандировал этот конфликт[35].

Вернувшись в Англию после исполнения дипломатической миссии в Брюгге летом 1374 г., Уиклиф описал разоренные земли, опустошенные бандами мародеров из Великой компании[36]. Размышляя о природе военных трофеев, обычно столь гордо перечисляемых английскими хронистами[37], он писал: «тот, кто незаконно берет чужое добро против воли или ведения хозяина, повинен в краже или воровстве»[38]. Человеческая любовь к мирским вещам – корень большей части зла, в т.ч. причина войн[39]. Как правило, оправдывая войны их справедливым характером, средневековые авторы ссылались на стремление государей восстановить попранные права и законы. Но Уиклиф весьма скептически отзывался о характере последних. Все человеческие законы «опутаны грехом» (peccatum permixtum)[40]. Он сожалел, что человеческие законы для людей оказываются важнее божественных[41]. При этом под божественным законом (lex evangelica, lex Christi) он подразумевал записанные в Евангелиях слова и поступки Христа, а не положения канонического права, которое он также относил к человеческому закону[42].

В проповеди 1378 г. Уиклиф отметил, что «очень немногие (или скорее никто) из христианских воинов, воюющих с другими христианами, делают это исключительно ради Бога или блага Церкви (ob honorem Dei et utilitatem ecclesie)», обычно они руководствуются жаждой наживы

[30] Wyclif. Tractatus de officio regis: 271.
[31] Wyclif. Sermones. Vol. IV: 215–217. Sermon 25.
[32] Wyclif. Tractatus de civili dominio. Vol. II: 243–244.
[33] Wyclif. Tractatus de mandatis divinis: 411; Tractatus de civili dominio. Vol. II: 267–268.
[34] Wyclif. Tractatus de officio regis: 276.
[35] Wyclif. Tractatus de ecclesia: 427: «Si clerus Anglie magis timet amissionem dotacionis regit quam peccatum regni invadendo regnum Francie, non video quin philargiria sit seductus».
[36] Wyclif. Tractatus de civili dominio. Vol. IV: 412.
[37] Калмыкова 2010: 201–217; Она же 2008: 9–16.
[38] Wyclif. Tractatus de civili dominio. Vol. I: 34: «Nam eo ipso quod quis iniuste, invite vel ignorante domino, capit bona aliena, furtum committit vel latrocinium…».
[39] Ibid. Vol. II: 259.
[40] Wyclif. Tractatus de mandatis: 88.
[41] Ibid: 343; Wyclif. Tractatus de civili dominio. Vol. II: 178–179.
[42] Wyclif. Tractatus, cum veritate sacrae scripturae. Vol. II: 129–130.

или славы (lucrum temporalium vel honorem)[43]. Не менее решительно осуждает Уиклиф и месть в качестве причины для войны: справедливый человек, руководствующийся законом милосердия (lex caritatis), должен всегда предпочесть личные страдания мести, потому что невозможно руководствоваться милосердием и искать мщения[44].

Одним из важнейших условий для признания войны справедливой христианские теологи и правоведы (вслед за римскими юристами) полагали провозглашение войны носителем законной власти. «Основатели» христианской теории справедливой войны – Амвросий Медиоланский и Августин – полагали, что христианские воины должны были воевать даже по приказу Юлиана Отступника, а также любого неправедного, но законного правителя: «если праведный человек служит воином под началом безбожного правителя, он должен верно сражаться под его началом для сохранения мира в государстве. Так должно быть независимо от того, соответствуют ли приказы божественным заповедям или нет»[45]. Включение этих пассажей в Декрет Грациана[46] свидетельствует о том, насколько отсутствие сомнений относительно законности приказов легитимного правителя было важно для политической мысли эпохи Средневековья. В XII в. епископ Шартра Петр из Целлы прямо высказывался в пользу того, что праведность войны не определяется праведностью военного предводителя[47]. В следующем столетии английский схоласт-францисканец Александр Гэльский соглашался с тем, что христиане могут законно вести войну за государя-святотатца при условии, если причина этой войны справедлива[48].

Это необходимое условие особым образом осмыслялось Уиклифом. Для него неправедный государь, забывший о милосердии и сострадании, лишался божественной благодати и, следовательно, не мог претендовать на статус законного государя[49]. Даже если причина войны была справедливой, по мнению Уиклифа, личные грехи государя или отсутствие добродетелей не позволяли ему объявлять войну, которая считалась бы справедливой[50]. Вероятными же признаками того, что деяния правителя совершались по божественной благодати, были следующие: повиновение Богу, любовь к врагам и прощение причиненного

[43] Wyclif. Sermones. Vol. IV: 355. Sermon 42:
[44] Ibid: 34–35. Sermon 4.
[45] Augustine. Contra Faustum. XX, 75 // P. L. T. 42. Col. 448: «Cum ergo vir justus, si forte sub rege homine etiam sacrilego militet, recte poscit illo jubente bellare civicae pacis ordinem servans; cui quod jubetur, vel non esse contra Dei praeceptum certum est, vel utrum sit, certum non est…»; Gratianus. Decretum. C. 23, q.1. c. 4.
[46] Gracianus. Decretum. C. 11, q.3 c. 94, C. 15, q.6, c. 4-5.
[47] Baldwin 1970. Vol. I: 209–213.
[48] Alexander of Hales 1948. Vol. IV, § 467.
[49] Wyclif. Tractatus de civil dominio Vol. I: 1–3, 5, 8, 13, 25, 212. Вполне возможно, что на воззрения Уиклифа оказали влияние тираноборческие идеи из «Поликратика» Иоанна Солсберийского. О значении этого трактата для политической истории Англии см: Калмыкова 2008: 320–339.
[50] Wyclif. Tractatus de civil dominio Vol. I: 24.

ими зла, следование божественному закону милосердия и любви[51]. Наделенный божественной благодатью правитель эпохи Нового Завета никак не мог призывать к войне. Смерти невинных людей ради «ничтожной цели» – смертный грех, и повинный в нем правитель без сомнения терял право на власть. Более того, отдавая приказ к началу войны, правитель не только грешил сам, но и вовлекал в грех своих воинов[52].

По сути, в плане признания войны справедливой для Уиклифа существовал неразрешимый парадокс: справедливую войну мог провозгласить только справедливый, наделенный божественной благодатью государь, но такой правитель не мог объявлять войну и должен был прощать обидчиков, чтобы сохранять ту самую божественную благодать и статус справедливого государя. Правители, ведущие войны, не могли считаться справедливыми и наделенными божественной благодатью. Для Уиклифа христианский долг подданного подчиняться своему государю не означал участие в военных действиях. Подчинение тирану и смиренное перенесение всех исходящих от него несправедливостей касались только индивидуальных, а не общественных отношений, точнее, ограничивались рамками государственного миропорядка[53].

Идея христианской братской любви к ближнему, в т.ч. к врагу, была определяющей для Уиклифа, он осуждал любую форму насилия, включая подавление государем мятежей подданных или казни осужденных преступников, полагая, что в деле наказания за совершенные грехи и злодеяния следует полностью положиться на неизбежность божественного правосудия[54]. Вероятность судебной ошибки, которая может привести к казни невиновного, была для него ужасной, он полагал, что лучше допустить крушение всей системы правосудия или даже всего мира, чем разрешить казнь невиновного[55]. Для него насилие даже с целью самообороны – неправедные действия для христианина[56]. Возражения потенциальных оппонентов он опровергал следующим образом:

> Против этого можно убедительно возразить, что отказ от борьбы за жизнь противоречит закону природы об отражении силы силой, поскольку такова суть всех тел, живых и неживых, даже элементы естественно сопротивляются своему разрушению… С другой стороны, известно, что неодушевленные предметы не оказывают сопротивление для своей же собственной пользы, также следует поступать и человеку: не нашей волей, не нашими словами, не нашими поступками должны мы давать отпор своему собрату, но отражать нападение терпением и благодеяниями, опровергая силу тела силой духа[57].

---

[51] Ibid. Vol. IV: 525–527; Vol. I: 413.
[52] Wyclif. Tractatus de officio regis: 273.
[53] Wyclif. Tractatus de civili dominio. Vol. I: 198–203; Wyclif. Tractatus de officio regis: 7–8, 21; Wyclif. Sermones. Vol. II: 239. Sermon 32. Cox 2014: 80. Об отношение Уиклифа к тирании см: Daly 1962: 123; Lahey 2003: 192–194.
[54] Wyclif. Tractatus de officio regis: 262–263, 267–268; Wyclif. Tractatus de civili dominio. Vol. I: 288; Vol. II: 250; Vol. IV: 595.
[55] Wyclif. Tractatus de mandatis divinis: 343; Tractatus de civili dominio. Vol. II: 209–210.
[56] Wyclif. Tractatus de civili dominio. Vol. I: 104.
[57] «…vim corporalem vi spirituali repellere». Ibid. Vol. II: 274–275.

Несопротивление насилию приносит пользу для души, что несопоставимо более ценно, чем польза для тела. В конце трактата «О долге короля» Уиклиф прямо называет любую войну незаконной, поскольку она противоречит трем законам – закону природы, закону человеческого разума и закону Священного Писания[58]. Это продуманное заключение и следует считать определяющим для пацифистской доктрины Уиклифа.

Итак, милосердие оказывается одной из ключевых христианских добродетелей: «без милосердия невозможно угодить Богу»[59]. Чрезвычайно важным в контексте неприятия Уиклифом любой войны и любого насилия является невозможность для воинов сохранить душевную чистоту: нельзя воевать и убивать врагов, не испытывая к ним ненависти, но напротив, любя их братской любовью: «На войне невозможно руководствоваться [братской] любовью, поэтому на войне невозможно не грешить, соответственно, для католика непозволительно участвовать в войне»[60]. Уиклиф не проводил различие между частным конфликтом и провозглашенной правителем войной – противопоставления важного и принципиального для всех богословов, в том числе для отцов Церкви.

Отношение Джона Уиклифа к войне базируется на несколько иной, чем у его не отлученных от Церкви современников трактовке одной из важнейших христианских заповедей: «Возлюби врага своего». Если для большинства прелатов любовь к врагу предполагала, в первую очередь, борьбу с его грехами и заблуждениями, то, согласно Уиклифу, эта любовь зиждилась на смирении и терпимости. Особое место в рассуждениях Уиклифа о войне занимают мысли о роли и участии духовенства в военных конфликтах. Протест Уиклифа против участия духовенства в насилии любого рода был совершенно категоричным во всех трудах. Рассуждая о физической силе и нравственной возможности для духовенства оказывать сопротивление насилию, Уиклиф провел параллель с целибатом, когда давшие обет целомудрия аллегорически уподобляли себя кастратам: служитель Церкви должен воздерживаться от любого насилия, подобно отказу от плотских удовольствий[61]. Самым лучшим способом сопротивления нападающему Уиклиф считал бегство, но если оно было невозможно или приостановлено, тогда следовало попытаться вразумить и успокоить противника, а если и это не получилось, то смиренно принять смерть. Менее достойным было оказание физического сопротивления, например, повалив атакующего на землю и сдерживая его. Наконец, на последнем месте стояло причинение вреда сопернику ранением, но не убийством. Важно было не только не запятнать свои руки кровью, но и не допустить гибель души ближнего своего: христианину

[58] Wyclif. Tractatus de officio regis: 262: «Unde contra gwerrantes in cristianitate procedam tripliciter; primo per viam legis nature, secondo per viam legis scripture, et tercio per viam racionis humane».
[59] Wyclif. Tractatus de civili dominio. Vol. I: 156: «sine caritate inpossibile est placer Deo».
[60] Ibid. Vol. II: 236–237: «Sed in bellis inpossible est hoc servare, ergo in bellis inpossibile est non peccare et per consequens non livet catholico sic bellare».
[61] Wyclif. Sermones. Vol. III: 103. Sermon 13.

«следует любить душу своего врага больше собственного тела»[62]. Воинственные, но при этом праведные священники Ветхого Завета не могут быть примерами подражания для христианских священников. Уиклиф напоминал священникам, как Христос попрекал апостола Петра за попытку физически заступиться за него[63]. «Со времени смерти Христа ни священники, ни епископы не должны сами физически сражаться…»[64].

Более того, священники должны не только уклоняться от личного участия в насилии, но и избегать подстрекательства к военным действиям: «может быть достойным для императора или светского сеньора желание помочь нашему папе [Урбану VI] мечом против Роберта [Женевского – антипапы Климента VII], но будет более благочестиво для обеих сторон, если это будет без подстрекательства со стороны папы (non ad procuracionem pape), но только как жест светской руки» (Ibid.). Ни один священник не должен призывать к военным действиях или одобрять их, напротив, долг духовенства – удерживать воинов от кровопролития[65]. Молитвы об успехе воинства, о победе в сражении также недопустимы. В трактатах «О семи смертных грехах» и «О прелатах» Уиклиф переходит от обличения лицемерия высшего духовенства, наделенного огромной властью и живущего в роскоши, и призыва к мирянам вести жизнь в бедности и смирении к осуждению участия духовенства в пропаганде военных действий. Прелаты и священники, в обязанность которых входит проповедь всеобщей любви, призывают к войне, обещая избавление от грехов в обмен за совершаемые убийства. Вместо того, чтобы удерживать мирян от пути греха, священники, призывающие к войне, сами толкают паству, вверенную их заботам, нарушению заповедей[66]. Уиклиф отказывался верить в то, что священники, твердящие в своих проповедях о якобы справедливой войне, ставят целью достижение мира. «Если бы они действительно стремились к миру, они охотно и с радостью отдали бы все свое мирское богатство и всю свою плоть и кровь и саму жизнь для достижения мира и милосердия среди христиан»[67].

Крестовый поход епископа Нориджского 1383 г. против еретиков вдохновил Уиклифа на развитие антивоенной линии в своих трудах. В начале 1383 г. он изложил свои возражения против похода во Фландрию в письме Уильяму Кутернею, архиепископу Кентерберийскому, одному из самых активных сторонников готовящейся военной кампании[68], а чуть позже на эту тему Уиклифом был написан трактат «О крестовом

[62] Wyclif. Tractatus de civili dominio. Vol. II: 272–273.
[63] Wyclif. Tractatus de officio regis: 122–123.
[64] Ibid: 122: «nec sacerdotes nec episcopi post mortem Cristi pugnarent corporaliter in persona propria».
[65] Ibid: 69, 78; Wyclif. Tractatus de civili dominio. Vol. II: 254.
[66] Wyclif. Of prelates: 73, 90–91; также см.: Barnie 1974: 123-124; Lowe 1997: 114–118.
[67] Wyclif. Of prelates: 91: «for ȝif þei weren trewe procuratouris of pees, þei schulden gladly & ioiefully coste alle here worldly lordshipis & here flesch & blood & bodily lif to make pees & charite amongis cristene men…»
[68] Wyclif. Epistola missa archiepiscopo Cantuariensi // Wyclif. Opera minora: 4.

походе»[69]. Рассуждая о том, что касалось пропаганды крестового похода епископом Нориджским, Уиклиф заявлял, что священники, которые проповедуют этот поход, являются предателями божественного закона[70]. Каждый, кто утверждал, что убийство христиан законно, был повинен в величайшей ереси[71]. По мнению Уиклифа, именно раздоры между христианами имеют следствием то, что не все еще язычники и иудеи обратились в христианскую веру.

Что касается войны с нехристианами, то по этому поводу Уиклиф высказался вполне конкретно: «Я не отрицаю, что допустимо воевать против неверных, но, руководствуясь душевным страхом на войне, человек должен быть чрезвычайно осторожным»[72]. В трактате «О крестовом походе» Уиклиф прямо обличал папу, который вместо того, чтобы следовать дорогой Христа, руководствуясь смирением, бедностью и любовью, жаждал богатства и мирской славы. Но хуже всего дело обстояло с индульгенцией, отпущением грехов и мученичеством. Уиклиф искренне сожалел, что люди присоединяются к крестовым походам с корыстными целями, полагая при этом, что совершают богоугодное дело[73]. Это важно в контексте представления Уиклифа об индульгенции. По его мнению, ни папа, ни кто другой не может отпускать грехи[74].

Решительно осуждая даже косвенное участие людей Церкви в военных конфликтах, Уиклиф нередко основывал свои аргументы на противопоставлении духовенства и мирян. Это позволяет предположить, что в определенных ситуациях Уиклиф готов был признать за мирянами право на самозащиту и защиту родины (patria) от нападения врагов[75]. Именно в этом таится еще одно противоречие в стройной, доведенной до логического абсолюта, пацифистской концепции Уиклифа.

Выделяя церковнослужителей в особую категорию, для которой недопустима любая форма насилия, Уиклиф автоматически допускал возможность мирян участвовать в войнах[76]. Между тем, при отсутствии этого противопоставления, на первый план выходит общий для всех христиан удел – «страдать и подчиняться».

---

[69] Wyclif. Polemical works in Latin. Vol. II: 579–632.

[70] Wyclif. Sermones. Vol. IV: 39. Sermon 4; P. 117–118. Sermon 14; P. 122. Sermon 15; Wyclif. De perfection statuum // Polemical works in Latin. Vol. II: 459.

[71] Wyclif. Sermons. Vol. IV: 117–118. Sermon 14; P. 39. Sermon 4; P. 122. Sermon 15; Wyclif. De perfection statum // Wyclif. Polemical works in Latin. Vol. II: 459.

[72] Wyclif. Sermones. Vol. IV: 354. Sermon 42: «Non nego tamen quin licet pugnare contra infideles sed summe cavendum est in bellis de spirituali periculo».

[73] Wyclif. Cruciata // Wyclif. Polemical works in Latin. Vol. II: 590, 595, 600.

[74] Wyclif. Trialogus: 357–358.

[75] Wyclif. Tractatus de civili dominio. Vol. II: 272.

[76] P. Кокс считает, что противоречия в высказываниях Уиклифа можно объяснить изменением внешнеполитической ситуации после 1374 г., когда громкие успехи английских войск на континенте отошли в прошлое, а угроза со стороны франко-кастильского союза возрастала. В этот период категорическое неприятие любых войн между христианами и, в частности, англо-французской войны сменилось признанием права мирян оказывать сопротивление вражескому вторжению. См: Cox 2014: 154.

«В этом кажется причина того, что ответный грех не подходит для христиан, несмотря на то, что мирянам [законом – *Е.К.*] позволено оказывать сопротивление вражескому насилию. Ибо подобно тому, как змеям и диким животным естественно сражаться при нападении врагов, так же кажется, что и против зла военная служба может быть достойной и похвальной». Однако правильнее будет помнить об учении Христа о спасении, милосердии и братской любви. «Но это учение, согласно которому апостолы презирали смерть телесную, опасаясь смерти духовной, уничтожено Князем мира и еще больше священниками. Ибо они даже при незначительной угрозе осмеливаются подстрекать к войне, а не к [следованию] божественному закону, который они не только хотят принизить, но и различными способами нападают на эту истину, клевеща против нее»[77].

Отсюда видно, что свою идею несопротивления насилию Уиклиф распространял не только на духовенство, но и на всех христиан.

И современники, и исследователи как правило отмечали влияние трудов и проповедей Уиклифа на английских лоллардов, именуемых нередко уиклифитами, видя в них его последователей. В контексте изучения заявленной темы приходится признать, что лолларды были куда меньше оксфордского богослова озабочены проблемой отказа от войны и насилия. В проповедях лоллардов фактически нет специальных обращений к этой проблеме. Однако на уровне декларации основных человеческих законов можно усмотреть полное принятие пацифистского учения Уиклифа. Один из ранних лидеров этого движения, получившего поддержку во всех слоях английского общества, Николас Херефордский заявлял: «Иисус Христос, наш предводитель в борьбе, учил нас закону терпения и сражениям не во плоти, а в духе». В 1390 г. суды Линкольнского и Херефордского епископов вынесли обвинение другому предводителю лоллардов, Уильяму Свиндерби. Заручившись мнением двух профессоров из Кембриджа, епископы признали еретическим полное отрицание любой войны, проповедуемое Свиндерби, на том основании, что согласно учениям Августина и Фомы Аквинского: «Вести войну по справедливой причине против христиан или неверных – свято и разрешено, иное мнение является ложным»[78]. Теологи утверждали, что пацифистские идеи лоллардов являются ложными по нескольким причинам:

Во-первых, в этом случае ни один христианский государь не смог бы защищать свои земли от завоевателей и мятежников, и король Англии не смог бы защищать свое королевство от французов, шотландцев или кого-либо другого. Во-вторых, святые отцы одобряли справедливые войны, позволяя христианам в них участвовать с целью защиты справедливости, католической Церкви и веры. Сражавшимся во имя этой цели святые, признанные Церковью, отпускали грехи. Сам Господь оправдывал подобные справедливые войны, часто повелевая избранным сражаться, как явствует из Ветхого Завета. Поэтому это признается в качестве истины и католической доктрины, противное же ей, как было сказано выше, является ошибкой[79].

В том же 1390 г. в суде епископа Херефордского свою позицию попробовал отстоять Уолтер Брут, взгляды которого имели много обще-

[77] Wyclif. Tractatus de officio regis: 267, 268, 273-274.
[78] Registrum Johannis Trefnant 1914: 238–270, 369–370.
[79] Ibid: 377.

го с воззрениями Свиндерби. Для Брута любая война (неважно, против кого она направлена – против христиан или против неверных) противоречит духу Евангелия, поскольку «Христос, царь мира и спаситель человечества, пришедший спасти, а не осудить, даруя уверовавшему закон милосердия, учил нас уважению, а не злости, не ненавидеть наших врагов, не отвечать злом на зло, но противостоять злу»[80]. Вынесенный судьями приговор гласил: «Утверждение, что христиане не могут свободно и решительно защищать себя в случае физического нападения на них неверных или любого другого насилия… направлено против благости мира, против законопорядка и против разума»[81].

Расхождение между идеализмом лоллардов и ортодоксальными догмами наиболее ярко проявилось в «Двенадцати заключениях», представленных лоллардами для обсуждения в парламенте в 1395 г. Согласно десятому заключению, посвященному проблеме отношения к войне и свидетельствующему о близости учений лоллардов и Уиклифа, Новый Завет, принесенный в мир Христом, запрещает любое пролитие человеческой крови: каждый, убивший на войне, совершил смертный грех, нарушая волю Бога; ни один монарх или представитель духовенства (в т.ч. папа) не может провозглашать войну (тем более называть ее справедливой или священной), призывая людей к убийствам; ни одна война не может вестись без особого откровения[82]. Таким образом, очевидно, что вслед за Уиклифом лолларды считали, что лишь «особое божественное откровение» должно было служить непременным условием для признания войны справедливой и разрешенной.

Проповедники из числа лоллардов, по-видимому, не смогли развить или переосмыслить пацифистские идеи Уиклифа, но лишь повторяли в качестве декларационной максимы запрет на любую войну и кровопролитие. Между тем, пацифистская концепция Уиклифа является оригинальным учением. И хотя среди его многочисленных трактатов и проповедей нет специальной работы, посвященной войне, эта тема занимала важное место в его размышлениях о мироустройстве и праведном образе жизни. Вероятно, некоторые противоречия во взглядах Уиклифа на войну объясняются смещением акцента на иные темы. Например, выделяя духовенство в особую категорию, членам которой категорически нельзя было не только принимать непосредственное участие в войнах, но даже призывать к ним, тем более обещать материальное вознаграждение или отпущение грехов, Уиклиф как бы делал соответствующие разрешение для мирян. Лишь сопоставление широкого круга его сочинений позволяет вычленить наиболее важные, часто повторявшиеся, детально разобранные положения о необходимости полного отказа от войн. Для Уиклифа любая война, как и любое насилие (независимо от

[80] Ibid: 309-316.
[81] Ibid. 378; Allmand 1973: 20–21; 1971: 175–176.
[82] Selection from English Wycliffite Writing 1978: 27–28; Nuttall 1958: 23–24; Lowe 1997: 120.

характера и причины) является отступлением от указанного Христом пути смирения, страдания и братской любви. Даже самооборона, месть или борьба за попранные права не могут служить оправданием для военных действий. Призывающие к якобы справедливой войне прелаты и светские правители должны были помнить о том, что они совершают грех и толкают других людей на путь греха. Грешный же правитель лишается божественной благодати и превращается в тирана.

Несмотря на столь радикальную пацифистскую доктрину, Уиклиф до конца своих дней пользовался защитой и покровительством английского королевского двора. Совершенно очевидно, что Джон Гонт, проявляя большой интерес к сочинениям Уиклифа, не разделял мнение богослова по вопросу ведения войн. А вот молодой король Ричард мог оказаться куда более восприимчивым к идеям примирения со своими противниками, отказа от братоубийственной войны и стяжательства второго королевства. Выйдя из-под опеки воинственного дяди, Ричард II неоднократно предпринимал попытки заключить мир с Францией, ища компромиссы и идя на серьезные уступки противнику. Миролюбивая политика Ричарда вызывала серьезное раздражение у английских лордов и прелатов и, в конечном итоге, стоила ему короны и жизни[83]. Гипотеза о влиянии Уиклифа на мировоззрение короля Ричарда II основана лишь на косвенных сведениях. Невозможно обоснованно заявлять об этом, отталкиваясь лишь от знания о том, что члены королевской семьи (мать короля – Джоанна Кентская, жена – Анна Богемская) читали труды Уиклифа и даже пользовались его переводом Священного Писания. Но полностью игнорировать эту возможную связь тоже не следует.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Кадмыкова Е.В. Что сулила англичанам война за французскую корону? // Французский ежегодник – 2008. М., 2008. С 5-23. [Kalmykova E.V. Chto sulila anglichanam vojna za francuzskuju koronu? // Francuzskij ezhegodnik. 2008. Moskva, 2008. S. 5–23.].

Калмыкова Е.В. Низложение государя: мятеж или вассальный долг подданых? // Власть, общество, индивид в средневековой Европе / ред. Н.А. Хачатурян. М., 2008. С. 319-353 [Kalmykova E.V. Nizlozhenie gosudarja: mjatezh ili vassal'nyj dolg poddannyh // Vlast', obschestvo, individ v srednevekovoj Evrope / red. N.A. Khatchaturian. M., 2008. S. 319–353].

Калмыкова. Е. В. Образы войны. М., 2010. [Kalmykova E.V. Obrazy vojny. Moskva, 2010.].

Alexander of Hales. Summa universis theologiae / Ed. B. Klumper and the Quarracchi Fathers. Rome: Collegii S. Bonaventurae, 1948. Vol. IV.

Allmand C.T. Society at war. The Experience of England and France during the Hundred Years War. Edinburgh, 1973.

Allmand C.T. The War and the non-combatant // The Hundred Years War / Ed. K. Fowler. London, 1971. P. 163–183.

Augustinus Hipponensis. Contra Faustum Manichaeum // Patrologia Latina / Ed. J.-P. Migne. Paris, 1865. T. 42.

Baldwin J.W. Masters, princes, and merchants: the social views of Peter the Chanter and his circle. Princeton, 1970. Vol. I.

Barber M. The Cathars: dualist heretics in Languedoc in the high Middle Ages. Harlow, 2000.

Barnie J. War in the Medieval English Society. Social values and the Hundred Years' War 1337–1399. Ithaca (New York), 1974.

Billet P. Medieval Waldensian abhorrence of killing pre-c. 1400 // The Church and war / Ed. J. Sheils. Studies in Church History. Vol. 20. Oxford, 1983. P. 129–146.

[83] Калмыкова 2010: 360–384.

Brundage J.A. The Hierarchy of violence in twelfth- and thirteenth-century canonists // International History Review. XVII (1995). P. 670–692.
Cole D. Thomas Aquinas on virtuous warfare // Journal of Religious Ethics. 27 (1999). P. 57–80.
Cox R. John Wyclif on war and peace. Woodbridge, 2014.
Daly L.J. Polytical theory of John Wyclif. Chicago, 1962.
Johnson J.T. Quest for peace: three moral traditions in Western cultural history. Princeton, 1987.
Gratianus. Decretum // Corpus Juris Canonici: edition Lipsiensis secunda post Aemilii Ludouici Richteri / Ed. A. Friedberg. Pars I. Leipzig, 1879.
Haines K. Attitudes and impediments to pacifism in medieval Europe // Journal of Medieval History. 7 (1981). P. 369–388.
Hartigan R.S. Saint Augustine on war and killing: the problem of the innocent // Journal of the History of Ideas. 27 (1966). P. 195–204.
Hudson A., Kenny A. Wyclif, John (d. 1384) // Oxford Dictionary of National Biography. URL: https://ezproxyprd.bodleian.ox.ac.uk:4563/10.1093/ref:odnb/30122
Keen M. The laws of war in the late Middle Ages. Aldershot, 1993.
Lahey S.E. Philosothy and politics in the thought of John Wyclif. Cambridge, 2003.
Lowe B. Imagining Peace. History of Early English pacifist ideas, 1340–1560. Pennsylvania, 1997.
Nuttall G.F. Christian pacifism in history. Oxford, 1958.
Registrum Johannis Trefnant, episcopi Herefordensis, A.D. 1389–1404. Hereford, 1914.
Russell F.H. The Just war in the Middle Ages. Cambridge, 1975.
Selection from English Wycliffite Writing / Ed. A. Hudson. Cambridge, 1978.
The Summa contra haereticos, ascribed to Praepositinus of Cremona / Ed. J.N. Garvin and J.A. Corbett. Notre Dame (Ind.), 1958.
Tooke J.D. The Just war in Aquinas and Grotius. London, 1965.
Wyclif J. De perfection statuum // Polemical works in Latin / Ed. R. Buddensieg. L., 1883. Vol. II.
Wyclif J. Of prelates // The English Works of Wyclif hitherto unprinted / F.D. Matthew. L., 1880.
Wyclif J. Opera minora / Ed. J. Loserth. London, 1913.
Wyclif J. Polemical works in Latin / Ed. R. Buddensieg. London, 1883. Vol. II.
Wyclif J. Select English works of John Wyclif / Ed. T. Arnold. Oxford, 1869- 1871. 3 vols.
Wyclif J. Sermones. / Ed. J. Loserth. London, 1886–1889. 4 vols.
Wyclif J. Tractatus, cum veritate sacrae scripturae / Ed. R. Buddensieg. L., 1905–1907. 3 vols.
Wyclif J. Tractatus de civili dominio / Ed. R.L. Poole and J. Loserth. L., 1885–1904. 4 vols.
Wyclif J. Tractatus de ecclesia / Ed. J. Loserth. London, 1886.
Wyclif J. Tractatus de mandatis divinis accredit tractatus De statu innocencie / Ed. J. Loserth and F.D. Matthew. London, 1922.
Wyclif J. Tractatus de officio regis / Ed. A.W. Pollard and C. Sayle. London, 1886.
Wyclif J. Trialogus / Ed. and trans. S. Lahey. Cambridge, 2013.
Wyclif J. Trialogus, cum supplement Trialogi / Ed. G. Lechler. Oxford, 1869.

***Калмыкова Елена Викторовна**, кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории Средних веков, МГУ им. М.В. Ломоносова; ekalm@mail.ru*

John Wycliffe – the First English 'Pacifist'

This article examines John Wycliffe's views on war and violence in Christian society, which he formulated in treatises of different periods, both before and after his excommunication. Against the background of the theory of just war systematically developed by medieval theologians and jurists, heretics and marginals' occasional calls for the complete refusal of bloodshed had rhetorical character and were far away from what one may call 'the doctrine of pacifism'. It is Wycliffe who can be considered the first medieval pacifist-theologian. A comparative analysis of a broad range of Wycliffe's writings allows us to single out the most important, frequently-used and elaborate arguments of his pacifist theory.

Key words: Wycliffe, pacifism, just war, violence, theologians, law, power

***Elena Kalmykova,** PhD (History), assistant professor, Department of History of the Middle Ages, Moscow State University; ekalm@mail.ru*

Л.П. Репина, Н.А. Селунская

"ОБЩИЕ ВОПРОСЫ" И "ЧАСТНЫЕ ОТВЕТЫ" НЕПРОЧИТАННЫЕ СТРАНИЦЫ ДЖОВАННИ ЛЕВИ

Статья посвящена научному творчеству выдающегося итальянского интеллектуала, одного из создателей идеи микроистории Джованни Леви, его представлениям как о самом концепте микроистории, так и об общих вопросах исторического познания: о понимании природы и предметного поля исторической науки, ее актуальных эпистемологических и методологических проблем. Микроистория не может рассматриваться как академическая школа с мэтрами во главе и адептами, проповедующими их постулаты, это процесс работы креативных практикующих историков. Микроистория родилась как неформальное сообщество и практика, призванная снять междисциплинарные границы. Наблюдатели пытаются классифицировать микроисторию и расположить ее в определенной нише, что в немалой мере перечеркивает усилия самих "микроисториков" по преодолению барьеров специализаций, а также жесткого противопоставления микро- и макроподходов. Авторы, впрочем, посвящают эту работу не анализу микроистории в общем и целом, но оставшимся, как представляется, непрочитанными страницам работ «живого классика», историка Джованни Леви.
Ключевые слова: *Джованни Леви, микроистория, теория истории, историческая истина, сложность прошлого, целостность и фрагментарность*

В мировой историографии наблюдается беспрецедентный рост научных публикаций, и все же приходится признать, что сегодня в сообществе историков не происходит постоянного нового притока идей и разнообразия апробируемых подходов, дискуссии в лучшем случае повторяются циклично, либо наблюдается и реверсивное изменение, когда дискурс упрощается, уже достигнутые конвенциальные договоренности и схемы снова требуется вводить в оборот. Ряд важных вопросов узкопрофессионального и общего характера не обсуждаются десятилетиями, но повторяются одни и те же мемы и цитаты, а авторы смелых идей, как будто бы получивших полное признание, остаются знакомыми незнакомцами, обладающими солидным символическим капиталом, но совершенно не раскрывшимися ни для узкого круга коллег-специалистов, ни, тем более, для более широкого круга читателей-дилетантов. Сами их идеи цитируются часто и обильно, но односторонне, дискуссии по поводу этих идей опускаются до трюизмов, вместо того, чтобы стимулировать дальнейшее развитие и усложнение дискурса исторической мысли, либо хотя бы следить, как меняются, как разнообразят свой научный обиход сами родоначальники метода, получившего признание.

Цель данной статьи – не в том, чтобы еще раз рассказать о микроистории, дать ей очередное определение, или же очертить ее место в историографии. Поскольку с самого начала развития практики микроистории, этот термин употреблялся его создателями во множественном числе и предполагал большую свободу авторских позиций и точек зрения, была бы странной попытка ограничить жесткими рамками опреде-

лений уже развившуюся на протяжении нескольких десятилетий и ставшую еще более разнообразной практику “микроисторий”. Даже в юбилейный год, когда задумывалась эта статья, намерением соавторов было не высказать восхищение прошлыми заслугами признанных “микроисториков”, но показать, что многие и явно важные, т.е. артикулируемые на протяжении ряда лет, идеи Дж. Леви не находят ни достаточного внимания и полного понимания, ни продолжения в историографии.

В эпоху электронного копирования и механической репликации, известность сама по себе не является настоящей ценностью, частые упоминания не свидетельствуют о принятии и раскрытии смысла символического наследия “микроисториков”, формальные цитирования не позволяют даже издали следить, как меняются, как разнообразят свой научный обиход родоначальники метода, получившего признание, они остаются поверхностно знакомыми почти всем, но в деталях неизвестными даже для титулованных специалистов. Таким незнакомцем стал и выдающийся историк, итальянский интеллектуал и гражданин мира Джованни Леви, человек, умеющий и отвечать на вопросы, и задавать их. «Прекрасным незнакомцем» остается и сам так называемый тренд микроистории, который Дж. Леви осмысливал с рядом своих коллег на протяжении нескольких десятков лет в стремительно меняющемся мире, от которого «микроисторики», даже медиевисты и исследователи раннего Нового времени никогда не пытались отгородиться.

Что такое история? Ответ на этот сакраментальный вопрос – важнейший маркер в конструкции автопортрета историка, его профессиональной идентичности. В интервью 2005 г.[1] Дж. Леви дал на него развернутый ответ, в котором внимание привлекают три момента: 1) «Вопрос довольно трудный. Во всяком случае, могу сказать, *что такое история сегодня*». В этом ответе, несомненно, ключевое слово «сегодня» недвусмысленно сигнализирует об историчности самого понятия *истории.* 2) «Думаю, что это наука, которая занимается истиной. Наука, которая прекрасно осознаёт, что всякая истина всегда будет частичной, неполной… я прежде всего обращаю внимание на то, что история – это наука о частичной истине, о *частичной человеческой истине* (здесь и далее курсив наш. – *Л.Р., Н.С.*)». Неразрывная связь с понятием «истина», но, с одной стороны, именно с тем, как историческая истина понимается в *исторической науке о человеке* сегодня, а с другой стороны, с акцентом на специфический характер исторической истины, отчетливо выраженный в ее непреодолимой *неполноте.* 3) И в продолжение предшествовавшей мысли, третье, пожалуй, самое важное: для Леви, истина, которой занимается историческая наука, – это «истина о человеке», «истина о поведении людей в своей ежедневной, повседневной жизни»[2].

[1] Фрагменты нематериального наследства Джованни Леви. 2009. Беседа Джованни Леви с Норберто Зунига состоялась в г. Мехико 22 октября 2005 г. (интервью было впервые опубликовано в журнале «Contrahistorias. La otra mirada de Clio» в 2008 г.).
[2] Там же: 385.

Историческая наука, согласно оценке, данной Дж. Леви в этом интервью, «в настоящее время» (т.е. в середине 2000-х) находится в тяжелой ситуации «по двум главным причинам». Первая причина такого положения виделась Леви в отставании истории «от сегодняшних дискуссий и достижений других наук о человеке», и это – после того как историческая наука добилась больших успехов на протяжении XIX в. и до 1950–1960-х гг., став «основополагающим фундаментом для современных наций». И вторая причина: историческая наука «страдает от столкновения с идеями неолиберализма». Этот тезис Дж. Леви счел необходимым обосновать: «Неолиберальное Государство оправдывает своё существование за счёт забвения всякой связи с прошлым. Установление неолиберального порядка ведет к разрыву с историей. И поэтому бóльшая часть исторической информации, которая сегодня передаётся через средства массовой информации, эпистемологически расходится с историей реальной, с историей как наукой»[3].

Актуальность и сложность: обобщать вопросы, а не ответы

«История – это наука медленного и тщательного конструирования, она *обязывает понимать всю сложность прошлого*, тогда как средства массовой информации предлагают всего лишь быстроту, простоту, упрощенные слоганы, и это упраздняет историю и исторический здравый смысл…»[4] Пожалуй, эти довольно лаконичные рассуждения по «общим вопросам», относящиеся в данном случае, прежде всего, к вопросу о различии подходов к истории, соответственно, исторической науки и средств массовой информации, во многом предвосхитили нынешние многочисленные и, как правило, весьма пространные, толкования особенностей и перспектив разных версий публичной истории в ее «обреченной на успех» конкуренции с историей профессиональной, или академической. Стоит подчеркнуть два важнейших для современного массового сознания и исключительно точно обозначенных Леви преимущества «истории для всех» в ее обращении с «исторической информацией», а именно: *упрощенность*/*"простота"* (против *сложности* научного подхода) и *ускоренность*/*"быстрота"* (против медлительности и тщательности конструирования научной картины прошлого). Эти две пары противоположных качеств, дающих «фору» публичной истории в массовой аудитории, никак не отменяют смысл и значение обязанности научной истории «понимать всю сложность прошлого» в исполнении как мировоззренческой, так и комплекса социальных функций.

Согласно Дж. Леви, «история стала корпоративной», столкнувшись с «атакующим релятивизмом», она «запуталась в вопросах методологических построений», утратила свою прежнюю роль «науки наук среди гуманитарных дисциплин» и «находится в поисках новой роли»[5]. При этом «количество книг по истории чрезмерно; огромная масса работ,

[3] Там же. 386.
[4] Там же.
[5] Интевью с Джованни Леви [2009]: 413.

авторы которых *стремятся изучить уже знакомую проблему*». Однако главный недостаток современной историографии Леви видит в несколько иной плоскости, и его обеспокоенность сложившейся ситуацией напрямую связана с принципами отстаиваемой и реализуемой им методологии, которая, с позиций высшей математики, – если использовать язык самой точной из наук, – противостоит упрощенному пониманию Большой истории как арифметической суммы частных случаев: «Берётся случай в одном городке или селении, затем – то же самое еще в каком-то районе поблизости и т.д. Это скучно, и мне абсолютно неинтересно читать об одном и том же в массе подобных случаев». Что же смогли противопоставить этому практики микроистории? Леви находит емкий тезис. «История должна иметь в своей основе *всеобщие вопросы*, ответы на частности мне безразличны. *Проблема находится в постановке общих для многих ситуаций вопросов, но на которые эти различные ситуации дают специфические ответы…*»[6].

Допустим на минуту, что общим выражением микроистории являются сама манера изложения исторического материала, стилистические особенности и предпочтения и серийность исследований, к чему как бы располагает проект серии, колонки публикаций «Микроистории». Тогда стало бы возможным считать, что микроанализ – это не методология и не идеология, но чисто техническая методика построения исследования и представления материала, система приемов, которую можно было бы описать, например, в терминах работы фотохудожника: «выбрать ракурс», «навести на резкость», «подретушировать» и «высветить или затемнить задний план». Может быть, стоит учесть, что в интересах сторонников микроистории было не объявлять общую практику работы методологией, поскольку это убивает весьма живучий и даже неистребимый принцип «свободомыслия», который в свое время вызвал успех публикаций авторов колонки «Микроистория»?

С другой стороны, различные методологические новации, несомненно, присутствуют в работах и Дж. Леви, и К. Гинзбурга. При всем том множество находок, сильных теоретических ходов не дает оснований для объединения этих увлекательных и полезных трудов в единую платформу, пригодную для внесения в существующие классификации. Продолжая эту мысль, можно сослаться и на недавнюю публикацию материалов дискуссии о микроистории, которая начинается сходным тезисом: дискутанты предлагают обратиться в первую очередь «к систематической работе микроисториков, проводившейся в рамках серии “Microstorie”». Опубликованные в данной серии работы, действительно, «не слишком известны» за пределами италоязычного ареала гуманитарного знания, хотя в свое время широко обсуждались в Италии даже на уровне публицистики, рассчитанной на самую широкую аудиторию. Присоединяясь к самой идее, поспорим с заключительной частью высказывания: работы серии «Микроистории» «дают отличное представление о том,

[6] Фрагменты нематериального наследства Джованни Леви: 388-389.

как метод становится исследовательским алгоритмом»[7]. По зрелым размышлениям, мы видим, с точностью наоборот, что исследовательский алгоритм как бы стал методом, по крайней мере, стал провозглашаться методом «со стороны», с точки зрения экспертов в области историографии и истории науки. *Если у "микроисториков" и есть единая особенность, то это скорее, манера ставить вопросы, а не давать ответы.*

Проблема природы исторического знания и «частной» исторической истины была затронута Джованни Леви и в другом, более позднем интервью, уже с уточняющим замечанием о том, что именно эта проблема – самая важная в работе "микроисторика". В разных текстах Леви многократно возвращается к ключевому для него понятию сложности, постоянно заостряя свою мысль. Оценивая изменения, которые произошли в микроистории в течение четверти века после выхода в свет его знаменитой, переведенной на множество языков книги[8], он возводит концепт сложности на уровень общей теории истории. Изучив исследования этого периода, он убедился в том, что сложность – реальная проблема исторического познания: «Я усвоил мысль, которую, думаю, историку было бы полезно держать в голове все время. Историки не должны обобщать свои ответы. Настоящее определение истории состоит в том, что это наука, которая *обобщает вопросы*, то есть задает такие вопросы, которые, имея общее значение, имплицируют при этом бесконечное количество возможных ответов на локальном, местном уровне. <…> именно связь между общим и локальным – это то, что я усвоил из истории и из исследований моих учеников, друзей и коллег[9].

Таким образом была сформулирована мысль, которая, как представляется, может претендовать на статус кредо не только микроистории, но «истории как таковой»: это дисциплина, которая ставит вопросы, имеющие *общее* значение, однако признает, что на них могут быть даны бесчисленные *частные* ответы.

> «Всегда подчёркиваю, что самое главное – это знать, что один можно разделить на два, как говаривал председатель Мао. Таким образом, я определяю *сложность*, как *способ избегать упрощений, простоты и однозначности выводов,* которые могут иметь демагогический эффект и которые дают совсем не точный анализ реальности. <…> Я считаю необходимым изучать реальность во всей ее сложности, рассматривать ее всесторонне, во всех ее аспектах, вместо того, чтобы её упрощать, как поступают историки в большинстве случаев. <…> *Моя идея сложности, на самом деле, скорее – критика упрощенчества*»[10].

С помощью микроисторического анализа решается главная проблема – проблема раскрытия сложной и некогерентной природы прошлого. В логике продуктивного парадокса эта сложность прошлого как целостности (как общей виртуальной картины движения Истории в профессиональном сознании историка) может быть обнаружена и проявле-

[7] Микроистория и проблема доказательства… 2019.
[8] Levi 1985(a).
[9] Microistoria… 2011; Рус. пер.: Интевью с Джованни Леви [2009]: 412.
[10] Фрагменты нематериального наследства Джованни Леви: 390-391.

на как постоянно обновляемая мозаика в многообразии реальных частных «осколков», разномасштабных фрагментов этого неуловимого целого – только «на уровне земли» (*au ras du sol*), если использовать известную метафору Жака Ревеля[11].

Историзм и историческая истина. Нарратив и аналитика

Способы актуализации исторического исследования и артикулирования текста и контекста, которые показательны для творчества "микроисториков" и особенно для трудов Дж. Леви, вызывают особый интерес. С одной стороны, истина исторична, меняются даже вопросы и ответы об основах ремесла, историческая критика и пересмотр арсенала наших знаний необходимы. Однако, с другой стороны, исторический релятивизм и исторический критицизм не равнозначны. Так, думается, считали и считают те, кто начинал работу в исследовательском поле микроистории, при всей очевидности и неизбежности искажений в отражениях и интерпретации исторических событий.

Никак нельзя сказать, что микроистория дистанцировалась от аналитического направления. Появление термина «микроанализ» показывает аналитическую компоненту микроистории. Изначальное во множественном числе употребление слова «микроистория» указывало на вариативность и множественность способов работы историков. При этом, изобразительность, наглядность, нарративность – не враги аналитической истории. Определенный всплеск интереса к аналитической истории пришелся как раз на период особой популярности микроистории[12].

В тех книгах, которые стали образцами микроисторического нарратива, аналитическая конструкция угадывается в качестве строительных лесов, которые по окончании работы, выполнив свою роль, были сняты. Именно произведения, представленные читателям в виде высвободившегося из-под этих «лесов» нарратива (как, например, повествование о Миноккьо или об инквизиторе по имени Кьеза (Церковь), принесли широкую известность, даже славу микроисторическому подходу. Стремление сблизить позиции автора-исследователя и читателя и построить диалог между ними, использование рассказа как формы интерпретации – все эти черты кажутся не менее важными в авторской позиции «микроисториков», при всем стилистическом и тематическом разнообразии работ тех или иных авторов, причисляемых к этому направлению. Именно произведения, представленные читателям в виде нарратива, высвободившегося из-под строительных «лесов» отсылок и перекрестных сносок, как, например, повествование о Миноккьо принесли широкую известность, даже славу микроисторическому подходу.

Новое обращение к нарративному началу исторического исследования произошло в момент, когда, судя по всему, кропотливым архивным исследованиям «казусов» не хватало именно «изобразительности»

[11] Revel 1989.
[12] Kocka 1980.

рассказа, чтобы привлечь читателя. Известный историк-византинист И. Шевченко писал в 1969 г., что в текущий период исследователи прошлого делятся как бы на две команды. Одни пишут для пяти сотен коллег и публики, другие для пяти коллег и собственной персоны, причем первые занимаются глобальными вопросами и протяженными временными отрезками от 20 лет до тысячелетия и излагают материал в форме красочного нарратива. Другие посвящают свой труд одному малоизвестному событию и шлифуют не фразы, а выписки и примечания[13]. Простая справедливость требовала, чтобы микроанализ взял реванш.

Совпадение и несовпадение перспективы микроистории и нарративной интерпретации, проблема ограниченности выборки исторических свидетельств, фигурирующих в микроистории – вот что можно обсуждать исследователям, но не подлежит сомнению то, что оптика микроистории подвижна, а позиция ее приверженца гибка и не требует жесткого противопоставления ряду других подходов и исследовательских интересов. Ум и силы Леви-исследователя на протяжении ряда лет занимал очень широкий круг вопросов, именно широта горизонтов, недогматическое, а свободное формулирование вопросов и задач – сильная стороной и его собственной работы, и преимущество микроистории. Джованни Леви (как и Карло Гинзбург, более известный своими идеями относительно интерпретации фрагментов и следов истории[14], который, однако, не забывал ссылаться на идеи друга и коллеги) писал, что история строится на фрагментах и следах, но требует некоторой генерализации – *обобщения вопросов*, как бы уходящих по ту сторону частной ситуации и события. История остается учительницей жизни – magistra vitae – именно потому, что ее предмет не частное локальное знание, а то, что важно для всех людей при всем их разнообразии и несхожести[15].

В концепции Дж. Леви важную роль играет его понимание *политики* и *политического* в истории. Показателен ответ на заданный ему вопрос о том, почему он стал историком:

> «Сейчас я историк по совершенно другим причинам, чем тогда, когда я им только собирался стать. Вначале я считал (как и многие из моих друзей), что история необходима для понимания современного социального мира. Сегодня я продолжаю думать так же. Но, начиная подготовку как историки, мы были очень сильно связаны с конкретной политической практикой. Мы думали, что история полезна как для понимания общества, так и для его трансформации. Сегодня я думаю несколько иначе. Кроме того, я глубоко разочарован, потому что наша профессия оказалась подвержена склерозу, она деполитизирована, утратила свои политические начала, основы. Говоря о политике, я имею в виду не демагогическое применение и упрощенное прочтение этого термина. Политика, я думаю, способна преобразовывать мир, стремясь убеждать людей, *объяснять им, что наш мир очень сложен*. Я пытаюсь пояснить это, так как очень часто *политическое понимание истории превращается в банальное упрощение*. <…> Я считаю, *что политика в истории – это борьба за более сложные объяснения*; но повто-

[13] Sevcenko 1969: 332.
[14] Гинзбург 2004: 310.
[15] См.: Levi 2009: 52, n. 7.

ряю, сегодня историки сильно отстали в плане методологии, в своих вопросах, и, к тому же, они подвергаются агрессивному натиску со стороны средств массовой информации. Сегодня историку труднее заставить себя слушать, чем тридцать лет назад, когда я начинал свою работу»[16].

Джованни Леви и круг его друзей-коллег всегда осознанно находились в публичном пространстве, творили на пересечении полей истории и политики. Выступления по актуальным темам современной истории, ре-актуализация исторического наследия как проблема, привлечение внимания общественности к тем или иным историческим практикам – все эти важные задачи выполнялись Дж. Леви постоянно.

Взгляд из России. Дважды двадцать лет спустя

Леви писал в одной из своих недавних работ[17], перевод которой на русский язык был осуществлен в год его юбилея: «“Восьмидесятые годы XX столетия стали переломным моментом в мировой истории… открыли новый исторический цикл… В какой-то степени новый мир оказался более глобален, в какой-то – более фрагментарен и многообразен. В чем-то он стал более целостным: отдельные события и определенные схемы развития общества повлияли на всех и вся без исключения»[18]. Леви как историк попытался разобраться, почему в историописании данные процессы привели «к беспорядочным изменениям в практиках и перспективах исследований». Кризис в особенности затронул именно методологию исторической науки и отчасти протекал здесь иначе, чем в других гуманитарных дисциплинах. В 1980-е гг. микроистория стремилась сделать основной акцент на разнообразии и сложности событий прошлого, в это же время глобальная история «двигалась по пути археологии связей, обмена и взаимовлияний на мировом уровне». Практика микроисторий сблизилась с антропологией и литературой, но «на социологические классификации смотрела с подозрением»[19].

В настоящее время на знаменах адептов микроистории начертаны весьма противоречивые девизы. Нельзя не отметить несходства «итальянской», «немецкой», «французской» и «американской» трактовки микроистории. Есть ли место в этом ряду русскоязычной практике и теории микроистории? Что объединяет сейчас эти национальные школы? Принадлежат ли общему течению микроистории такие разнородные исследовательские манеры, как дискурс автора красочного нарратива или создателя базы данных, коль скоро, и тот, и другой декларируют свою принадлежность к микроистории? Можно остановить этот поток вопросов именно вопросом-ориентиром для дальнейшего размышления, без однозначного ответа, но с определенной направленностью.

Стоит сказать, что микроистория в ее первоначальном виде – как научная практика аутсайдеров-бунтарей, противостоящая основному

[16] Фрагменты нематериального наследства Джованни Леви: 386.
[17] Levi 2018.
[18] Леви 2019: 359.
[19] Там же: 360.

историографическому тренду – чем-то напоминала вольные братства нищенствующих религиозных мирян, которые желали отличаться от традиционных религиозных структур и практик: ордена классического западного монашества и объединения воинов Креста имели свои преимущества, но строгую дисциплину, а меньшие братья имели свободу в духе. Но постепенно и миноритy стали регламентироваться строгими уставами, которые все усложнялись. Постигла ли "микроисториков" такая же участь и утрата былой свободы? Микроистория, как и любая изначально маргинальная практика, вошедшая в моду, была обречена исчезнуть (в смысле чудесного превращения в свою противоположность), именно получив академическое признание и распространение после многочисленных дискуссий в «научных кругах»[20]. Отрадно, что существуют попытки сохранить микроисторию как практику network[21], сняв узость италоязычной среды, разрабатывая интернациональную коммуникативную площадку, но эта счастливая возможность не может сравниться по степени интенсивности работы с былой плодотворной практикой Quaderni storici и Microstorie.

Любое явление в историографии можно оценивать и с точки зрения интеллектуальных традиций или возможности восприятия какой-либо национальной исторической школой с ее собственными традициями и критериями. Есть удачные и неудачные примеры подобного подхода к микроистории; так, довольно интересным и полезным представляется «взгляд из Испании» на микроисторию[22], который продемонстрирован, что показательно, историком, занимающимся, в частности, биографическими исследованиями[23]. В английской версии восприятия микроистории играл роль несколько вольный, со смещением смыслового акцента, либо вовсе беллетризованный перевод названий ключевых понятий и работ зачинателей практики микроисторий Гинзбурга и Леви[24]. В принципиально важном плане англоязычная литература отражает взаимодействие и отторжение перспектив микроистории, исследований казуса и методики плотного описания.

Видимо, уместно задуматься и о российской специфике рецепции микроистории в контексте развития гуманитарного знания. Существует ли практика "микроисториков" в нашей стране? Кажется, можно говорить о русском тренде микроисторических исследований с 1990-х гг., когда отечественные исследователи, прежде всего медиевисты, заинтересовались микроисторией и как практикой работы, и как объектом рефлексии. Термин «микроистория» стал частым гостем на страницах научных журналов и сборников. Однако можно заметить, что восприятие микроистории в России тех лет было хоть и позитивным, но довольно

[20] Селунская 2004.
[21] Microhistory Network. URL: http://www.microhistory.eu/index.php/2017/02/06/links/
[22] Amelang 1995.
[23] Nine Questions for James S. Amelang. URL: https://journals.openedition.org/edl/888
[24] Например, «Inherited power» вместо итальянского «Eredità immateriale».

расплывчатым. Примечательно также, что в некоторых научных периодических изданиях уже с конца 1980-х, например, в альманахе «Одиссей», были одновременно, в одних и тех же выпусках, представлены манифесты "микроисториков", сторонников тренда культурной антропологии и других направлений социально-гуманитарного знания. Вероятно, и по этой причине в умах российских читателей этих публикаций произошло некое смешение принципиально далеких позиций.

В начале нынешнего века казалось, что, быть может, это и к лучшему, если на отечественной почве еще долго не будет общепринятого взгляда по поводу того, что представляет из себя микроистория. Тогда оставался шанс развития микроистории в качестве научной и даже общественной практики, в первом приближении – как публичной истории, вызывавшей энтузиазм и историков, и читателей. Новый пик интереса к микроистории произошел в 2000-е, особенно около 2004 г., который был юбилейным для мэтров Леви и Гинзбурга. В это время издавались новые переводы на русский язык (например, программной статьи Леви о «гирцизме»[25]) и аналитические публикации[26], готовились летние университеты и семинары по теме микроисторического анализа. Теперь же, хотя частотность употребления термина «микроистория» на русском языке все повышается (судя по данным поисковиков, публикациям КиберЛенинки и др.), тем не менее, исследовательская активность приверженцев микроистории. со встречами, дискуссиями, особыми журнальными коммуникативными площадками, скорее, падает. К новому юбилею отцов-основателей микроистории академическое сообщество не создало новой повестки обсуждения микроисторической перспективы.

Можно ли в таком случае говорить о развитии собственного тренда микроистории в России? Сложившаяся историческая ситуация ни одной чертой не напоминает идейный климат Европы 1970–1980-х гг. Если мы согласимся с идеей Леви об историчности истины и актуальности исторических практик, то нам придется ответить, что это вряд ли было бы оправдано историческим моментом. Как оценить сходство историографических посылок в среде левых европейских интеллектуалов прошлого века и современных интеллектуалов-россиян – при полном отсутствии общих идеологем, терминологического и понятийного аппарата?

Описание развития историографической мысли также может оформиться в виде рассказа – интерпретации, в которой могут быть за-

[25] Леви 2004. Эта работа ценна, в частности, тем, что автор дает оригинальную интерпретацию связи текста и контекста, которая стала, увы, одной из пропущенных читательским вниманием страниц: «Текстуализация является, следовательно, процессом, в котором неписаное поведение, высказывания, верования, устная традиция или ритуал, извлеченные из непосредственной дискурсивной и практической ситуации, образуют единство, и единство потенциально значимое. И это важнейшее предварительное условие интерпретации, потому что текст, таким образом, приобретает более или менее устойчивую связь с тем контекстом, в рамках которого может быть расшифрован множественный смысл, имплицитно содержащийся в буквальном значении».

[26] Копосов 2000; Селунская 2004.

ложены такие отличительные черты, которые легко разглядеть со стороны, что способно привлечь читателя и помочь ему самостоятельно сложить мозаику из отдельных ярких фрагментов идей. Нельзя утверждать, что это лучший способ подачи материала, но отказ от него ставит в заведомо проигрышное положение попытки донести до читателя важные результаты исследования. На полках книжных магазинов Италии до сих пор стоят книги Карло Гинзбурга, но не современные исследования сеньориального мира. Кропотливые исследования итальянских медиевистов по ряду основополагающих вопросов истории средневековья и начала Нового времени не имели столь счастливой судьбы, как «Нематериальное наследие» или «Следы и приметы». С другой стороны, такая сильная практика как микроистория стала в глазах сторонних наблюдателей дидактикой, превратилось в монолитное историографическое направление, а, точнее, ряд цитат и клише, который легко передать по цепочке выступлений и лекций, отсылок и сносок.

Естественное свойство человека – превращать в связный рассказ или историю горсть разрозненных фактов и свидетельств, выстраивать ряд взаимосвязей, которые могли обуславливать происходившее (не важно, отдавали ли себе в них отчет действующие лица). Но нарратив – это и сам материал, и способ его интерпретации. И одним из главных критериев определения микроисторического исследования именно и является манера использования нарратива как инструмента исследования. Амбивалентность понимания нарративного начала давала микроистории уникальный шанс – сохранить свою независимость от жестких и тотальных теоретических конструкций и, в то же время, обрести объединяющий и самобытный принцип развития. Однако данный принцип не стал интеллектуальной собственностью приверженцев микроистории. Его подняли на щит другие историки, включившие в заголовки своих книг словосочетание «новый нарратив» или использовавшие сам принцип нарративной интерпретации.

Интересно, что в России само развитие микроисторического подхода происходило в основном под знаком отрицания аналитической компоненты истории, бывшей отличительной чертой советской школы историографии (со всеми оговорками и ограничениями, налагаемыми идеологическим контролем). Интересующиеся микроисторическим трендом российские читатели и анализирующие его специалисты одновременно предпочитают две крайности, диаметрально противоположные позиции – от отрицания теории нарратива, до прослеживаемого на другом полюсе требования отказаться от собственно исторического исследования и перейти к иному уровню теоретизирования, к языку некой метаистории[27]. Естественно, при таком распределении сил микроистория как научная практика в России имела ограниченные перспективы.

[27] Н.Е. Копосов дал в свое время яркий пример второй, кстати говоря, более редкой, позиции. См.: Копосов 2000.

Анализируя развитие микроистории, нельзя сказать, что последние годы или даже юбилейный год привели к большей определенности или сложности представлений о данной практике. Напротив, упрощения и невнимательность к особенностям выстроенной исследователями микроисторической перспективы остались прежними, но ушли те полемические и аналитические рассуждения, которые звучали в конце 1980-х – начале 2000-х гг. на школах и летних университетах с привлечением известных специалистов, а также на страницах «Казуса».

Что же все-таки остается на поверхности обсуждения микроистории сейчас, например, в публикации материалов круглого стола по мотивам единственной проведенной дискуссии юбилейного года? Небольшой ряд уже известных утверждений: 1) «За определением "микроистория" скрывается весьма широкое и разнообразное поле исследований». Да, но в чем специфика этого поля, этой перспективы? 2.) «Существуют две основные разновидности метода — социальная и культурная микроистории»[28]. Это, думается, не самый очевидный тезис, для всякого, кто взял на себя труд ознакомиться, как минимум, с разнообразием творчества Джованни Леви. Автор популярной и бесконечно цитируемой книги «Нематериальное наследство», включаемой во все возможные курсы по истории культуры, много работал и работает именно как историк социального, препарируя изменения в структуре семьи, экономические сдвиги и т.д. (сам этот необыкновенно успешный, но мало кем прочитанный труд наполнен и анализом социально-демографического фактора, и интерпретациями символического начала). Кажется, напротив, историк постоянно отрицает противопоставление социального и культурного: и на уровне собственной практики, и на уровне историографическом (т.е. саму теоретическую обоснованность и продуктивность подобного разделения). Другое дело, что, работая над исследованием социального мира, Леви ясно понимал как проблему то, насколько историки в 1960–1980-х гг., когда начиналась его научная деятельность, были зациклены на методах и моделях других социальных наук[29]. Воспринимая такое положение вещей как вызов, Джованни Леви и сделал первые шаги на почве микроистории.

Экспериментальный метод. Для чего историку микроскоп?

Эксперимент, экспериментальный метод – эти термины, занимающие особое место в словаре Дж. Леви, выражают характерную черту его исследовательской практики и видение истории как науки. Даже в самом лаконичном и цитируемом определении микроистории, данном Леви: «*Микроистория – это не разглядывание мелочей, а рассмотрение в подробностях»,* в оптической «упаковке» имплицитно присутствует важнейший принцип его экспериментального метода. С помощью намеренного ограничения контекста и изменения фокуса исследования в ана-

[28] Микроистория и проблема доказательства… 2019.

[29] Levi 2009: 41. "La mia impressione è che ci siamo legati, fra 1960 e 1980, special-mente noi, storici sociali, a modelli di altre scienze sociali che non erano le più utili…"

лизе локальных и индивидуальных «мелочей» обнаруживаются «скрытые несоответствия». История микромира усложняется, картина подвижной и открытой социальной целостности наполняется противоречивыми смыслами, неоднозначными опытами, конкретным жизненным содержанием («подробностями») со всей «непоследовательностью и несогласованностью ее нормативных систем», оставляющей «зазоры» и «лазейки» для относительной свободы индивидуального выбора. Таким образом, микроистория «не намерена жертвовать познанием индивидуального ради обобщения: более того, в центре ее интересов – поступки личностей или единичные события. Но она также *не склонна отринуть всякую абстракцию*: *малозаметные признаки или отдельные казусы могут содействовать выявлению более общих феноменов*»[30].

Этот интерес к индивидуальному стимулировал и внимание к биографическому жанру, вернее – к его обновлению. И в самоопределении «новой биографической», или «персональной» истории, в которой наиболее остро и наглядно предстала ключевая проблема соотношения/совместимости микро- и макроанализа, значительная роль принадлежит как конкретным «микроисследованиям» Дж. Леви, так и его известной программной статье, в которой была предложена типология исторических биографий[31]. Если историческая антропология оставляла за кадром проблему самоидентификации личности, личного интереса, целеполагания, индивидуального рационального выбора и инициативы, то в конечном счете ответ на вопрос, каким именно образом унаследованные культурные традиции, обычаи, представления определяли поведение людей в специфических исторических обстоятельствах (а, следовательно, сам ход событий и их последствия) потребовал выхода на уровень анализа индивидуальной деятельности. В результате поворота интереса историков от "человека типичного" или "среднего" к конкретному индивиду историческая биография получила свое "второе рождение"; в одной из ее новых, наиболее продвинутых моделей последовательно выявляется активная роль действующих лиц истории и тот – специфичный для каждого социума – способ, которым исторический индивид – в заданных и не полностью контролируемых им обстоятельствах – "творит историю", даже если результаты этой деятельности не всегда и не во всем соответствуют его намерениям[32].

Дж. Леви сформулировал и круг важнейших нерешенных вопросов, в который включил проблемы соотношения между нормой и реальной практикой и между различающимися нормами внутри данной социальной системы, между группой и составляющими ее индивидами, между детерминацией и свободой, а также вопрос о типе рациональности героя биографии. Особое внимание было уделено выяснению реального диапазона свободы выбора, которым могли располагать действу-

[30] См.: Леви 1996: 181-182, 184.
[31] Levi 1989.
[32] Подробно об этом см.: Репина 1999; 2001; 2011: 287-324.

ющие лица истории в конкретном нормативном пространстве, используя его неполную структурированность, внутреннюю противоречивость и возможность неоднозначного истолкования правил и, тем самым, реализуя свою индивидуальную избирательную рациональность[33] «в разъемах социальных границ». Таким образом, в этом осознанном выборе из объективно заданных возможностей проявляется относительная самостоятельность личности. Именно биографический подход и сетевой анализ межличностных коммуникаций позволил Дж. Леви в его «Нематериальном наследстве» показать широкий спектр и пределы возможностей, которыми располагает индивид в рамках «театра» его действий – данного социально-исторического контекста с характерной подвижной комбинацией условий и ресурсов. На «перекрестке» двух познавательных стратегий такого исследования находится динамика внутреннего мира и перипетии личной судьбы индивида в их соотнесении с изменениями в конфигурации его социальных взаимосвязей.

Отождествление микроистории с малым размером ее объекта – всего лишь распространенное заблуждение. На самом деле микроистория – это история крупного плана, как остроумно заметил Джон Брюер, «малой здесь является только метафорическая дистанция между субъектом и объектом исследования, возникающая при близком наблюдении»[34]. Или, как подчеркивает Филиппо де Виво, «строго говоря, поскольку существует обратная пропорция между размером объекта и масштабом карты, используемой для его представления, микроистория – это история в большом, а не в малом масштабе[35]. Нельзя не согласиться с Сигурдуром Магнуссоном: «микроистория очень разнообразна, поэтому рассуждать о ней как о едином и целостном направлении было бы ошибочно»[36]. Разнообразие подходов исследователей, идентифицирующих себя с микроисторией, отмечали практически все аналитики этого историографического феномена, но, пожалуй, самая яркая и точная констатация принадлежит Л.М. Баткину: «Вавилонское смешение исследовательских установок, объединяемых этим термином, а на деле коренным образом *разноплановых*, оправдано лишь по одному, хотя и важному признаку “фокусного расстояния”»[37].

Впрочем, об этом «догадался» и сам Леви еще в 1991 г., подчеркивая центральную роль эксперимента в самоидентификации микроистории: «Микроистория – это историографическая практика, и ее теоретические истоки разнообразны и в некотором смысле эклектичны… в мик-

[33] Обращая внимание коллег на проблему человеческой рациональности, Дж. Леви рассматривает этот вопрос на примере современной экономической теории, учитывающей разнообразие и изменчивость человеческого поведения («варьирующиеся отношения между экономикой и психологией»), что подразумевает «анализ решений, взаимодействий, влияний, переговоров, стратегий и т.д.». – Леви 2019: 371-372.
[34] Brewer 2010.
[35] Vivo 2010: 387.
[36] Магнуссон 2017. С. 309. См. также: Magnússon, Szijártó. 2013.
[37] Баткин 2000. С. 87.

роистории не существует ортодоксии, как не может ее быть в чисто экспериментальных исследованиях»[38].

При всех заметных расхождениях концептуальных предпочтений и презентационных стилей, в микроисторическом сообществе, в котором вообще не существует никакой ортодоксии, Джованни Леви, с его «сциентистской» позицией, критикой «гирцизма»[39] и приверженностью «вышедшей из моды» социальной антропологии, можно было бы назвать самым явным и значимым диссидентом. Тем не менее, отмечая и высоко оценивая значение пусть «крайне малого числа общих элементов», так или иначе проявляющихся в неисчерпаемом разнообразии конкретных микроисследований[40], Леви указал на сходство перечисленных «общих элементов» со списком Жака Ревеля, очерк которого о микроистории он назвал «наиболее удачной интерпретацией этого экспериментального направления»[41]. Можно вспомнить о том, что Ж. Ревель определял микроисторию как стремление изучать социальное не как объект, обладающий некими свойствами, а как комплекс подвижных связей между конфигурациями, находящимися в постоянном процессе взаимной адаптации[42]. Ревель в то же время подчеркивал, что «этот методологический подход имеет свои границы, поскольку в конечном счете задача состоит в том, чтобы выяснить правила устройства и функционирования социального целого», т.е. "микроисторики" возводят сужение поля исследования «в эпистемологический принцип, ибо способы социального соединения (или разъединения) стремятся реконструировать через индивидуальное поведение»[43]. Сравнив выводы Ревеля с исследовательской стратегией и более поздними рассуждениями Леви об «общих вопросах» и «частных ответах», можно констатировать их методологическую близость. Ведь наиболее значимыми видятся Леви разделяемые некоторым кругом единомышленников теоретико-эпистемологические позиции, сущностными характеристиками которых он считает открытость исследовательской лаборатории, постановку фундаментальных общих вопросов в тщательном анализе отдельного казуса (как "исключительного", так и "обычного"), понимание сложности и противоречивости прошлого, его принципиальной неопределенности и, соответственно, возможности и правомерности различных интерпретаций[44].

Свое понимание микроистории, которая «отталкивается от образа истории как науки, задающей общие вопросы, но приходящей к "частным" ответам» (т.е. в русле тех же принципиальных теоретических установок), Леви развивает в недавних публикациях уже в интеллектуальном контексте, обновленном «возрождением» и широким распростране-

[38] Леви 1996: 167.
[39] Levi 1985(b).
[40] Леви 1996: 167.
[41] Там же: 185.
[42] Revel 1989. См. также: Ревель 1996.
[43] Ревель 1996: 115.
[44] См., напр.: Levi 2012.

нием макроисторических подходов, а потому определение становится более развернутым. В центре внимания остаются общезначимые вопросы, которые, благодаря обстоятельному анализу конкретной ситуации «под микроскопом», «дают возможность получить широкую гамму разнообразных ответов». Задача микроистории – «обнаружить и поставить вопрос, релевантный для множества контекстов, который, тем не менее, позволил бы сформулировать и утвердить несколько различных решений одной проблемы». Речь идет о постановке «общей проблемы, порождающей различные формы, "*которые можно истолковать, если мы согласимся, что перед нами совокупный результат определенного набора предпочтений и решений, сделанных людьми в процессе непосредственного взаимодействия друг с другом*"», о формах, отражающих «"*ограничения и стимулы, на основании которых люди совершают свои поступки*"»[45]. Здесь знаменательна сами эти ссылки на работы выдающегося социального антрополога Фредрика Барта[46].

В формулировке Дж. Леви главная задача как историка, так и антрополога – «проанализировать каждую из этих отдельных форм в ее динамике и сложном устройстве», не отказываясь «ни от общего, ни от особенного»[47]. «Необычное», с точки зрения сложившихся в историографии конвенций, воспринимается Леви не как банальное «исключение», а как вновь и вновь обнаруживаемое проявление многоликой целостности, требующее рефлексивной перестройки ее образа в историческом сознании. И это напрямую связано с идиосинкразией Леви к дихотомическому мышлению, он отвергает любые упрощенные биполярные классификации по типу или/или – микро/макро, детерминация/свобода, индивидуальное/коллективное, нормальное/исключительное, локальное/глобальное и т.п., подчеркивая их сугубо инструментальный характер[48].

Принципиально избегая не имеющего, по его мнению, никакого смысла, противопоставления глобального и локального, коллективного и индивидуального, микроистории и истории глобальной, Дж. Леви в то же время подчеркивает, что последние «не только ставят перед собой несхожие задачи, но и предполагают различные перспективы в том, что касается функций истории как науки». Он видит в современной глобальной истории прежде всего «самокритику европоцентризма», но также «стремление показать, что мир всегда был взаимосвязан и всегда отличался богатством отношений», а это важная общая (подчеркнем – социально востребованная) задача исторической науки[49]. Именно поэтому Леви считает наиболее позитивным направлением глобальной истории то, «которое делает акцент на сложных отношениях между связанными

[45] Леви 2019: С. 360.
[46] Barth 1981: 36.
[47] Леви 2019: 360.
[48] Этот пафос *соединения несовместимого* был полноценно проявлен Леви в его интерпретации новомодного историографического концепта «глобальная микроистория», подробный анализ которой авторы собираются предложить в отдельной статье.
[49] Леви 2019: 361-362.

друг с другом ситуациями, изменяющимися в процессе асимметричного смещения и подвергающимися структурной интеграции и трансформации на глобальном уровне. Этот мир в какой-то степени непредсказуем, мобилен, текуч. Он постоянно меняется, но взаимосвязи в нем не исчезают». Цель такой глобальной истории – «показать, как творится история – сложным образом, через взаимные влияния, позитивные или негативные отношения, в которых отсутствует центр, который мы могли бы изолировать и считать его единственным и определяющим источником действия…». Таким образом, в методологическом плане задачи «глобальной истории связей» (*connected history*) и микроистории, по меньшей мере, не противоречат друг другу.

Впрочем, по мнению Леви, дело вообще не в географических параметрах: «То, что описываемое пространство – весь мир, еще не делает историю глобальной». Дело – в самом подходе, поэтому он прагматично отдает предпочтение тотальной истории в духе Фернана Броделя, поскольку она «дает возможность помыслить глобальность исторических факторов, которые мы изучаем, т.е. обнаружить максимальное количество компонентов в сети взаимодействий, как можно точнее истолковать сам факт разрыва отдельных фрагментов этой сети и увидеть ее изменение во времени»[50]. «Если мы не будем сводить микроисторию к локальной истории, изолированной от контекста, то окажется очевидным, что *каждый исторический факт, каждая ситуация существует в пространстве всего человечества*»[51].

Леви считает необходимым различать ценность разных типов нововведений: появление новых исследовательских полей и рождение «подлинных методологических новаций», новых методов исследования. Главная ценность микроистории в том, что, помещая в фокус внимания ограниченное пространство, отдельный сюжет или событие, она использует этот тип анализа в качестве инструмента, который «позволяет обнаружить значимые характеристики, недоступные поверхностному отстраненному осмотру и неуловимые при интерпретации больших общностей… Вероятно то, что термин "микроистория" со временем стал использоваться иначе, было неизбежно: акцент ставился на вещах малого размера, на локальных явлениях, или же научная проблема связывалась с любым изменением масштаба… Однако в этом случае *утрачивался инновативный аспект метода*…»[52]. Это верно, и, хотя сегодня можно уверенно констатировать, что прививка микроисторией оказалась чрезвычайно полезной в самых разных областях исторической науки, тем не менее, нельзя не почувствовать в этой фразе сожаление о том, что осталось непонятым, и отчасти, возможно, справедливый упрек.

***

[50] Там же: 363-364.
[51] Там же. С. 367.
[52] Там же. С. 361.

Джованни Леви и интеллектуалы его круга, вопреки расхожим мнениям, никогда не провозглашали полного противопоставления микроистории и т.н. «большой истории». Особенно важна для работающих в этом направлении историков была идея историчности самой основы изучения истории, меняющийся облик исторической науки и моменты ре-актуализации, а также историческая сложность, проблемы взаимосвязей. Еще один важный тезис – подчеркивание ценности самих вопросов в противовес поискам «окончательных» ответов: историчность, изменчивость, фрагментарность, сложность требуют постоянной новой мобилизации историко-теоретической мысли. Добавим к этому: концентрация внимания на оптимально «обозримом» частном объекте, его максимально интенсивный анализ (изучение «под микроскопом») дает историку возможность открыть неизведанные пласты прошлого. Причем это – вовсе не побочный, случайный результат, а следствие последовательной реализации теоретической модели, опирающейся на постановку «общих», иными словами, общезначимых вопросов.

Такой подход не закрывает перспективу подвижного целого, он – в определенном смысле – *дополняет и наполняет* его, позволяя идентифицировать не обнаруживаемые на макроуровне тенденции и таким образом преодолевая односторонность и усредненность макроисторического анализа. Нет сомнения, идея дополнительности, как и принцип неопределенности, эпистемологически и методологически близки Джованни Леви, они органично встроены в самый фундамент его концепции сложности мира прошлого и настоящего, а также контекстуальной обусловленности и ограниченной рациональности действующих в этом мире и связанных сетью коммуникаций индивидов и групп. Дело также и в постановке общих вопросов, а не в суммировании общих ответов. Микроистория ставит такие вопросы, но эти страницы работ Дж. Леви и трудов серии Микроистории остаются практически непрочитанными.

Размышления о творческих достижениях, описания состояния микроистории в настоящем и предсказания о ее будущем можно вести до бесконечности. Но предмет нашей статьи – не микроистория в целом и не ее судьба, а место и функция микроисторической перспективы в более широкой эпистемологической и исторической концепции Джованни Леви, которая, несомненно, заслуживает более развернутого анализа.

БИБЛИОГРАФИЯ/REFERENCES

Amelang J. Microhistory and its Discontents: The View from Spain // Carlos Barros (ed.). Historia a Debate (Santiago de Compostela, 1995). Vol. II. P. 307-312.

Barth F. Models of Social Organization in Process and Form in Social Life // Process and Form in Social Life. Selected Essays of Fredrik Barth. L.; Boston, 1981. Vol. 1.

Brewer J. Microhistory and the Histories of Everyday Life // Cultural and Social History. 2010. Vol. VII, No. 1. P. 87-109.

Kocka J. Theory and Social History: Recent Developments in Western Germany // Social Research. 1980. V. 47. № 3. P. 426–457.

Levi, Giovanni. L'eredità immateriale. Carriera di un esorcista nel Piemonte del Seicento. Torino. Einaudi, 1985(a). 202 p.

Levi G. I pericoli del geertizsmo // Quaderni storici. 1985(b). Vol. 58. P. 269-277.
Levi G. I tempi della storia // The Historical Review / La Revue Historique Institut de Recherches Néohelléniques. 2009. Vol. VI. P. 41-52.
Levi G. Les usages de la biographie // Annales E.S.C. 1989. A. 44. No. 6. P. 1325-1336.
Levi G. Microhistoria e Historia Global // Historia Critica. 2018. No. 69. P. 21-35.
Levi G. Microhistory and Recovery of Complexity // Historical Knowledge: In Quest of Theory, Method and Evidence / Ed. by Susanna Fellman and Marjatta Rahikainen. Cambridge: Cambridge Scholars, 2012. P. 121–132.
Magnússon, Sigurður Gylfi, István M. Szijártó. What is Microhistory?: Theory and Practice. New York: Routledge, 2013. 184 p.
Microistoria: A venticinque anni da L’Eredità immateriale di Giovanni Levi / A cura di P. Lanaro. Milano: Franco Angeli Edizioni, 2011. P. 169-186.
Revel J. L’histoire au ras du sol // Levi G. Le pouvoir au village. Histoire d'un exorciste dans le Piémont au XVIIe siècle. Paris: Gallimard, 1989.
Vivo, Filippo de. Prospect or Refuge? Microhistory, History on the Large Scale // Cultural and Social History. 2010. Vol. 7. No. 3. P. 387-397.
Баткин Л.М. Заметки о современном историческом разуме // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории – 2000 / Под ред. Ю.Л. Бессмертного и М.А. Бойцова. М.: РГГУ, 2000. С. 62-96 [Batkin L.M. Zametki o sovremennom istoricheskom razume // Kazus: Individual'noe i unikal'noe v istorii – 2000 / Pod red. YU.L. Bessmertnogo i M.A. Bojcova. M.: RGGU, 2000. C. 62-96].
Гинзбург К. Мифы-эмблемы-приметы: Морфология и история. Сб. статей / пер. с ит. и послесл. С.Л. Козлова. М.: Новое издательство, 2004. 348 с. [Ginzburg K. Mify-emblemy-primety: Morfologiya i istoriya. Sb. statej / per. s it. i poslesl. C.L. Kozlova. M.: Novoe izdatel'stvo, 2004. 348 s.]
Интевью с Джованни Леви [2009] // Терехова Н.Т. Итальянская микроистория: Двадцать пять лет спустя // Одиссей. Человек в истории. 2013. М.: Наука, 2014. С. 405-415 [Intev'yu s Dzhovanni Levi [2009] // Terekhova N.T. Ital'yanskaya mikroistoriya: Dva-dcat' pyat' let spustya // Odissej. CHelovek v istorii. 2013. M.: Nauka, 2014. S. 405-415].
Копосов Н.Е. О невозможности микроистории // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. 2000 / Под ред. Ю.Л. Бессмертного и М.А. Бойцова. М.: РГГУ, 2000. С. 33-51 [Koposov N.E. O nevozmozhnosti mikroistorii // Kazus: Individual'noe i unikal'noe v istorii. 2000 / Pod red. YU.L. Bessmertnogo i M.A. Bojcova. M.: RGGU, 2000. C. 33-51].
Леви Дж. К вопросу о микроистории // Современные методы преподавания новейшей истории. М.: ИВИ РАН, 1996. С. 167-190 [Levi Dzh. K voprosu o mikroistorii // Sovremennye metody prepodavaniya novejshej istorii. M.: IVI RAN, 1996. C. 167-190].
Леви Дж. Микроистория и глобальная история // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории – 2019. Вып. 14 / Под ред. О.И. Тогоевой и И.Н. Данилевского. М.: «Индрик», 2019. С. 359-374 [Levi Dzh. Mikroistoriya i global'naya istoriya // Kazus: Individual'noe i unikal'noe v istorii – 2019. Vyp. 14 / Pod red. O.I. Togoevoj i I.N. Danilevskogo. M.: «Indrik», 2019. C. 359-374].
Леви Дж. Опасности гирцизма / пер. с итал. Е. Балаховской // НЛО. 2004. № 6 (70)/ [Levi Dzh. Opasnosti girczizma / per. s ital. E. Balahovskoj // NLO. 2004. № 6 (70). URL: https://magazines.gorky.media/nlo/2004/6/opasnosti-girczizma.html].
Магнуссон С.Г. Войти в одну реку дважды // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории – 2017. Вып. 12 / Под ред. О.И. Тогоевой и И.Н. Данилевского. М.: «Индрик», 2017. С. 308-322 [Magnusson S.G. Vojti v odnu reku dvazhdy // Kazus: Individual'noe i unikal'noe v istorii – 2017. Vyp. 12 / Pod red. O.I. Togoevoj i I.N. Danilevskogo. M.: «Indrik», 2017. S. 308-322].
Микроистория и проблема доказательства в гуманитарных науках. URL: https://www. nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/160_nlo_6_2019/article/21779 [Mikroistoriya i problema dokazatel'stva v gumanitarnyh naukah. URL: https://www.nlobooks.ru/ magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/160_nlo_6_2019/article/21779].
Ревель Ж. Микроисторический анализ и конструирование социального // Одиссей. Человек в истории. 1996. М.: «Coda», 1996. С. 110-127 [Revel' ZH. Mikroistoricheskij analiz i konstruirovanie social'nogo // Odissej. CHelovek v istorii. 1996. M.: «Coda», 1996. S. 110-127].
Репина Л.П. Персональная история: биография как средство исторического познания // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории – 1999 / Под ред. Ю.Л. Бессмертного

и М.А. Бойцова. М.: РГГУ, 1999. С. 76–100 [Repina L.P. Personal'naya istoriya: biografiya kak sredstvo istoricheskogo poznaniya // Kazus. Individual'noe i unikal'noe v istorii – 1999 / Pod red. YU.L. Bessmertnogo i M.A. Bojcova. M.: RGGU, 1999. S. 76–100].

Репина Л.П. Историческая биография и «новая биографическая история» // Диалог со временем. 2001. Вып. 5. С. 5–12 [Repina L.P. Istoricheskaya biografiya i «novaya biograficheskaya istoriya» // Dialog so vremenem. 2001. Vyp. 5. S. 5–12].

Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: «Кругъ», 2011. 560 с. [Repina L.P. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: social'nye teorii i istoriograficheskaya praktika. M.: Krug", 2011. 560 s.

Селунская Н.А. В поисках утраченной микроистории // Диалог со временем. 2004. Вып. 12. С. 70-84 [Selunskaya N.A. V poiskah utrachennoj mikroistorii // Dialog so vremenem. 2004. Vyp. 12. S. 70-84].

Фрагменты нематериального наследства Джованни Леви // Диалог со временем. 2009. Вып. 27. С. 385-391 [Fragmenty nematerial'nogo nasledstva Dzhovanni Levi // Dialog so vremenem. 2009. Vyp. 27. S. 385-391].

Репина Лорина Петровна, *член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Отдел историко-теоретических исследований, Институт всеобщей истории РАН; lorinarepina@yandex.ru*

Селунская Надежда Андреевна, *кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Отдел историко-теоретических исследований, Институт всеобщей истории РАН; liquidmodernity@gmail.com*

“General questions” and “private answers” unread pages of Giovanni Levi

The article is devoted to the work of an outstanding Italian intellectual, one of the creators of the idea of microhistory Giovanni Levi, his ideas about the concept of microhistory and general issues of historical knowledge: understanding the nature and subject field of historical science, its actual epistemological and methodological problems. We should not consider microhistory an academic school with masters at the head and adepts preaching their postulates; it is a process of creative practicing historians' work. Microhistory was born as an informal community and practice designed to break down disciplinary boundaries. Observers try to classify microhistory and place it in a certain niche, which in no small measure negates the efforts of the “microhistories” themselves to overcome the barriers of specialization, as well as the rigid opposition of micro- and macro-approaches. The authors, however, devote this work not to the analysis of microhistory in general, but to the remaining, as it seems, unread pages of the works of the “living classic”, the historian Giovanni Levi.

Keywords: Giovanni Levi, microhistory, theory of history, historical truth, complexity of the past, integrity and fragmentation

Lorina Repina, *Associate Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sc. (History), Professor, Chief Researcher, Institute of World History, RAS; lorinarepina@yandex.ru*

Nadezhda Selounskaya, *PhD in History, Senior research fellow, Centre for Intellectual History, Institute of World History (RAS); liquidmodernity@gmail.com*

А.С. Усачев

СОБЫТИЯ ПРОШЛОГО ГЛАЗАМИ РУССКИХ ПИСЦОВ XVI ВЕКА

В работе рассматриваются особенности исторического сознания русских писцов XVI в., проживавших в различных регионах страны. Как правило, речь шла о сравнительно низких по статусу светских и духовных лицах. Анализируются введенные в научный оборот автором статьи записи исторического содержания, которые выполняли переписчики книг, завершая над ними работу. Установлено, что чаще всего фиксировались события недавнего прошлого, влиявшие на жизнь локального сообщества, к которому принадлежали писцы: природные катаклизмы, пожары, голод, боевые действия в непосредственной близости от мест работы переписчиков и т.д.
Ключевые слова: *историческое сознание, историография, книжная культура, летописание, записи на книгах, локальная история, XVI век.*

Смещение внимания исследователей с макроисторических явлений к микроистории относится к числу наиболее заметных тенденций последних десятилетий. Этот историографический поворот связан с работами представителей британской и итальянской школ «новой локальной истории»[1]. Следуя в русле намеченных ими подходов, мы рассмотрим некоторые особенности исторического сознания жителей ряда регионов России эпохи Средневековья и раннего Нового времени.

Обращаясь к изучению историописания в России этой поры, исследователи традиционно обращают свой взор на крупные литературные памятники – Русский Хронограф редакции 1512 г., Никоновскую и Воскресенскую летописи, Летописец начала царства, Степенную книгу, Лицевой летописный свод, сочинения Филофея, Ивана IV и др. Итоги изучения подобных произведений, повествующих о прошлом, позволяют составить представление о том, как те или иные реалии воспринимали сравнительно немногочисленные представители интеллектуальной элиты. Очевидно, что эти сочинения не дадут возможности взглянуть за пределы узкого круга книжных центров, как правило, расположенных либо в крупных городах, либо неподалеку от них. В связи с этим встает вопрос: как происходила фиксация рассказов о событиях прошлого вдали от этих центров и от вершины социальной иерархии?

В поисках ответа наши предшественники обращались к памятникам местного летописания. Оно велось в Новгороде, Пскове и некоторых крупных городах. Отдельные краткие летописцы составлялись в монастырях, как правило, крупных – Кирилло-Белозерском, Троице-Сергиевом, Иосифо-Волоколамском, Соловецком и др. К числу таких памятников можно отнести повести и сказания об основании ряда обителей

[1] Подробнее об эвристическом потенциале, основных направлениях и перспективах в изучении локальной истории см.: Репина 2011: 163–196.

(Валаамского, Спасо-Каменного, Псково-Печерского и прочих монастырей) и местночтимых святынях. Известны подборки летописных известий, составляемые по инициативе отдельных лиц или представителей некоторых боярских родов (Мстиславских, Шуйских и др.). Хотя памятники местного летописания (за исключением, возможно, новгородского) изучены хуже общерусских летописей, соответствующие произведения в целом известны. Мы обратимся к записям исторического содержания, представленным в текстах датированных выходных записей (послесловий, колофонов) к русским манускриптам XVI в.

Наряду с информацией о писцах, заказчиках и обстоятельствах создания кодекса колофоны повествуют и о событиях прошлого, как правило, недавнего. Сразу оговорим, что к известиям исторического характера мы относим представленные в выходной записи сведения, которые непосредственного отношения к созданию рукописей, биографиям писцов и заказчиков не имеют. «Литературную» часть записи (как правило, речь идет о традиционных для памятников древнерусской литературы самоуничижительных характеристиках писцов), и сведения о вкладе книг мы здесь рассматривать не будем. Хотя записей исторического содержания немного, они представляют немалый интерес. В отличие от записей более раннего времени колофоны XVI в., за редким исключением, специально еще не изучались[2]. Это было связано с тем, что публикация текстов датированных выходных записей на книгах 1500–1600 гг., рассыпанных по 44 архивам, библиотекам и музеям, расположенным в более чем 20 городах, была предпринята лишь в 2018 г.[3]

Значение записей на книгах для изучения исторического сознания в России раннего Нового времени определяется рядом их особенностей. Во-первых, в большинстве случаев информация в них уникальна. Во-вторых, происхождение рассматриваемых книг и, соответственно, записей, как правило, не связано с представителями церковно-политической элиты. В-третьих, речь идет о разных регионах страны, подчас весьма удаленных от столицы, от многих из которых не сохранилось местных летописей. В-четвертых, в отличие от большинства памятников летописания (как общерусского, так и местного) имена и социальный статус авторов записей, как правило, известны. В-пятых, в силу своего неофициального характера такие записи не несут на себе печать цензуры.

Ниже мы представим итоги анализа выявленных нами случаев фиксации рассказов о тех или иных событиях в текстах записей на книгах. Рассматривая эти казусы, особое внимание мы уделим возможным мотивам, которыми руководствовались писцы, делая соответствующие ремарки. Стремясь составить более полное представление об особенностях их мировосприятия, мы также рассмотрим и иные версии тех же событий, которые представлены в других источниках.

[2] О возможных путях историографического анализа записей на книгах XI–XIV вв. см.: Столярова 1997: 3–79; Гимон 2012: 309–310.

[3] Усачев 2018. Т. 2: 324а (ссылки на записи приводятся в скобках в основном тексте).

Присоединение Пскова

Васюк попов сын Гаврилов Кылдашев в 1510 г. переписал Кормчую (№ 49). Ее колофон содержит пассаж по содержанию близкий к летописной записи: «И того лета князь великы Пьсков взял за себя и казну Домантову взял». Сведения о присоединении Пскова к Русскому государству в январе 1510 г. содержат разные источники. Однако автор записи добавляет рассказ о том, что Василий III «казну Домантову взял».

Точной даты окончания работ над рукописью ее выходная запись не содержит. В ней лишь упоминается 7018 г. от Сотворения мира (1509/10 г.). Учитывая упоминание присоединения Пскова, окончание работ датируется временем не ранее января 1510 г. Как видим, сообщение об исключительно важном для политической истории событии в текст записи попало в ближайшие месяцы или даже недели после того, как оно состоялось. Где и благодаря чему рассказ был зафиксирован?

Уточнить возможное место работы Васюка позволяет запись другой его книги – Кормчей 1511/12 г. (№ 56). Она переписывалась «у великово чюдотворца Николы на Лале», т.е. в Никольском Лальском посаде. В XVII в. административно он находился на территории Сольвычегодского уезда. Как видим, известие о событиях, имевших место на северо-западной окраине России, спустя очень короткое время не только дошло, но и было зафиксировано в одном из самых отдаленных уголков Северо-Востока, находящемся примерно в 1100 км от Пскова. Что могло связывать эти два региона? В XV–XVI вв. псковскими наместниками великого князя, как правило, являлись потомки ростовских и ярославских князей[4]. Речь шла о служилых князьях, располагавших владениями на Северо-Востоке, на территории бывшего Ростовского княжества, из которого позднее выделилось Ярославское. В тот период оба псковских наместника – кн. П.В. Великий Шестунов и кн. С.Ф. Курбский[5] – являлись потомками ярославских князей. Конечно, принимая во внимание, по-видимому, не слишком высокий статус писца (точно он неизвестен), трудно предполагать, что Курбские, Шестуновы или иные потомки ростовских или ярославских князей могли быть непосредственными информаторами Васюка Кылдашева. Однако их связь с Северо-Востоком, скорее всего, способствовала распространению на этой территории новостей с мест их службы, например, слугами князей.

Скорее всего, с очевидцами присоединения Пскова было связано упоминание о конфискации великим князем «казны Домантовой». Эту деталь в прочих источниках нам обнаружить не удалось. Они лишь сообщают о вывозе в Москву символа политической независимости Псковской республики – вечевого колокола. Вероятно, наряду с ним «казна» самого известного псковского князя также служила одним из атрибутов самостоятельности Пскова, которой он лишился в 1510 г.

[4] Кистерев 1997: 345–379; Городилин 2015: 68–86.
[5] Пашкова 2000: 153.

Поход русских войск на Югру

С именем Васюка Кылдашева было связано происхождение еще одной книги. 31 декабря 1517 г. он закончил работу над списком Псалтири (№ 100) на территории погоста Лена, расположенного на р. Лена, являющейся притоком Вычегды. Среди прочего выходная запись сообщает: «Того же лета ходили воеводы великого князя в Югру князь Иосиф Тимофеевич Оболенски да князь Ондреи Федорович Пестриков вои…» (окончание записи не сохранилось). Описание этого похода отсутствует в иных известных источниках. Упоминаемые в записи воеводы великого князя могут быть идентифицированы со служилыми людьми княжеского происхождения конца XV – первой половины XVI в.

Среди весьма многочисленных представителей рода князей Оболенских обращает на себя внимание фигура кн. Иосифа Тимофеевича Оболенского-Тростенского. Его служебную карьеру источники фиксируют под 1519–1555 гг.[6] Кн. Андрей Федорович, судя по всему, являлся сыном потомка стародубских князей Федора Пестрого. Его назначения относятся к периоду между 1495 и 1519 гг.[7] О том, где находились оба воеводы в 1517 г., известные нам источники не сообщают.

Имеющиеся данные не противоречат возможности похода (вероятно, далеко не самого крупного) воевод великого князя в 1517 г. Сообщение о походе (возможно, ответном) русских войск вполне естественно для жителя территории, прилегающей к р. Вычегде, которая неоднократно подвергалась нападениям обитателей Югры.

Присоединение Смоленска и поход русских войск на Брясловль

Большой интерес для изучения тематических приоритетов жителя Псковской земли представляют отсутствующие в других источниках подробности присоединения Смоленска к Русскому государству, на которые он посчитал нужным обратить внимание читателя. Выходная запись Сборника слов Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского (№ 80), законченного 1 ноября 1514 г., содержит следующее известие: «Того же лета взял князь великии Смоленск литовъскои град да и наместники свои посажал – князя Василиа Шуискаго и князя Семиона». Если сведения о взятии Смоленска, а также о его первом наместнике отразились в ряде источников, то информация о втором упомянутом в записи лице уникальна. О ком именно могла идти речь?

Манускрипт переписывался в стенах псковского Спасо-Елизарова монастыря. Учитывая, что писец, дьяк этой обители Василий, счел необходимым упомянуть второго наместника Смоленска «князя Семиона», можно думать, что речь шла о служилом человеке княжеского происхождения, который к 1514 г. был хорошо известен жителю Псковской земли, как-то с ней был связан. Известно лишь одно такое лицо – кн. Семен Федорович Курбский[8]. Он фигурирует в источниках со времени

[6] Власьев 1907: 321–322; Зимин 1988: 66.
[7] Зимин 1988: 42, 62.
[8] О нем см.: Зимин 1988: 91; Кобрин 1995: 29; Кистерев 1997: 347–348.

не позднее 1495 г. В близкий к написанию Сборника период он был наместником Пскова (1510/11–1514/15 гг.)[9] и неоднократно участвовал в походах на Литву. Вероятно, к 1514 г. имевший немалый военный и административный опыт кн. С.Ф. Курбский и был назначен вторым наместником Смоленска. Упоминание его в тексте записи кодекса 1514 г. указывает на то, что псковичи интересовались судьбой своих наместников. Это могло быть связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, судя по Псковской I летописи, С.Ф. Курбский в этом городе оставил о себе добрую память. Этот источник сообщает, что присланные великим князем наместники Петр Шестунов и Семен Курбский «начаша… добры быти до псковичь»[10]. Во-вторых, интерес к карьере этого лица мог иметь и вполне практический характер. Известно, что в то время наместников порой назначали в один и тот же город после некоторого перерыва. Например, также понравившегося псковичам кн. Петра Шестунова Василий III, вероятно, стремясь снискать симпатии жителей недавно присоединенного города, прислал во Псков в 1510 г. во второй раз[11].

Рассказом о присоединении Смоленска историографический потенциал выходной записи Сборника слов Григория Богослова 1514 г. (№ 80) не исчерпывается. Она содержит еще одно известие: «Тоя же зимы ходили под Брячслово Ондреи Васильевич да Михаила Григорьевич Мисурь». Речь идет об одном из многочисленных эпизодов очередной русско-литовской войны первой трети XVI в. Летопись сообщает о предпринятом по поручению Василия III походе «силы новгородской и псковской» на Брячсловль. Начавшийся 28 января 1515 г. поход возглавили псковский наместник А.В. Сабуров и псковский дьяк М.Г. Мунехин Мисюрь[12]. Судя по всему, в стенах находящейся неподалеку от Пскова обители чутко следили за политической обстановкой, которая в конечном счете могла отразиться и на судьбе монастыря.

Обращает на себя внимание дата похода русских войск на Брячсловль – он начался 28 января 1515 г., т.е. после 1 ноября 1514 г., к которому выходная запись относит завершение работ над книгой. Учитывая, что смена почерка или цвета чернил в выходной записи не фиксируется, ее следует датировать по наиболее позднему известию (не ранее 28 января 1515 г. Трудно сомневаться в том, что запись была выполнена несколько месяцев спустя после даты окончания работ над рукописью (после 1 ноября 1514 г.). Таким образом, между окончанием работы над Сборником 1514 г. и написанием текста послесловия к нему прошло не менее 3 месяцев. На возможность существования промежутка времени между окончанием работ над манускриптом и написанием колофона указывает и приводимая ниже выходная запись манускрипта 1517 г.

[9] Пашкова 2000: 153.
[10] ПСРЛ. Т. 5. 2003: 97.
[11] Там же.
[12] Там же: 98.

Ремонт псковского Крома и поход Литвы под Опочку

Выходная запись переписанного в 1517 г. во Пскове кодекса, содержащего список Хронографической палеи (№ 103), содержит два известия: «Того же лета на Крому прасло стени поставил отть Снетового костра до персеи фразин. Да тои же осени Литва присла под Опочку сем[тября] 20». Аналогичные рассказы есть и в летописных источниках. Представленная в них версия гораздо пространнее. Псковская I летопись сообщает, что 40 сажен стены «паде… от святыа Троица до костра Снетового над Рыбным торгом, а паде в великии пост». Далее летопись указывает на то, что работы по ремонту стены возглавил «Фрязин Иван», а их стоимость составила достаточно крупную сумму – 700 руб.[13] Сообщение о приходе литовского войска под Опочку также отразилось в памятниках летописания. Как и в случае с рассказом о ремонте Крома, в них оно читается в более пространном виде: в летописи приведены имена русских и литовских воевод, описан состав литовской рати, а также ход боевых действий[14]. Как видим, известия в целом совпадают, но версия, отразившаяся в тексте выходной записи, несколько короче.

Даты нападения на Опочку литовских войск и окончания работы над рукописью совпадают. Оба события в записи отнесены к 20 сентября 1517 г. Летописные источники приход войск Великого княжества Литовского под Опочку также датируют этим числом. Однако фиксация рассказа о данном событии во Пскове в этот день практически исключена: расстояние от Пскова до Опочки составляет более 120 км. Конечно, теоретически нельзя исключить того, что гонец, неоднократно меняя лошадей, глубокой ночью мог прискакать во Псков и сообщить о приходе врага, а писец, узнав об этом событии, также ночью сразу же выполнить выходную запись. Однако представляется более вероятным иной вариант развития событий, при котором переписчик действительно закончил работу над основным текстом рукописи 20 сентября 1517 г., а выходную запись выполнил несколько позднее, возможно, через несколько дней, недель или даже месяцев. Для понимания мотивов, побудивших переписчика, псковского священника Константина, зафиксировать описываемые события, обратим внимание на то, что церковь Сошествия св. Духа, в которой он служил, находилась в восточной части Домантовой стены псковского Крома[15]. Ремонт городских укреплений имел непосредственное отношение к судьбе автора колофона. Во-первых, церковь св. Духа располагалась поблизости от места проведения ремонтных работ[16]. Во-вторых, судя по всему, Константин принимал в них активное участие. Косвенно на это указывает Псковская I летопись, сообщая, что «камень возиша священники»[17]. Скорее всего, одним

[13] Там же.
[14] Там же: 99.
[15] О ней подробнее см.: Лабутина 2011: 281.
[16] Там же: 52–53, рис. 6.
[17] ПСРЛ. Т. 5. 2003: 98.

из них был Константин. Если это так, то фиксация рассказа о ремонте стены носит автобиографический характер: писец отметил значимое для локального сообщества событие, которое при этом касалось и его лично.

Пожар в крупном городе

Основную часть текста выходной записи Псалтири 1517/18 г. (№ 102) представляет фрагмент летописного характера: «Лета 7019 месяца июня 4 день погорел монастырь Богоявленьскои и семьсот дворов и осьмнатцать церквеи на память иже в святых отца нашего Митрофана». Работу над кодексом осуществил игумен, вероятно, упоминаемого в записи Богоявленского монастыря Иона. Как видим, работавший в 1517/18 г. писец посчитал необходимым сообщить о событиях, имевших место ранее, 4 июня 1511 г. Это могло быть связано с тем, что их последствия он ощущал и 6–7 лет спустя. Скорее всего, этого времени оказалось недостаточно для полного восстановления монастыря. Учитывая, что Псалтирь переписал непосредственно игумен, возглавлявший монастырь в это время, – явление нечастое в русской книжной культуре того периода, – видимо, восстановление пострадавшего от пожара репертуара книг монастырской библиотеки было еще далеко от завершения. Вероятно, в исключительно трудное для обители время настоятель, имевший опыт проведения книгописных работ, взялся за перо, не только переписав книгу, но и сообщив читателю о предшествующем этому событии. Для города и монастыря оно носило далеко не рядовой характер.

Определяя возможное место фиксации данного рассказа, отметим его уникальный характер. Прочие известные нам источники его не упоминают. В силу этого определить, о каком именно монастыре шла речь, нам не удалось. Очевидно лишь, что обитель, судя по числу сгоревших дворов и церквей, находилась в очень крупном городе или неподалеку он него. К числу городов, число дворов в которых в XVI в. могло превышать 700 дворов и в которых фиксируются богоявленские монастыри, принадлежали два – Кострома и Рязань[18]. В костромском и рязанском богоявленских монастырях в близкий период источники фиксируют игуменов с именем Иона (в первом под 1500 г., во втором – под 1514 г.)[19]. Ввиду отсутствия прочих данных, которые позволили бы локализовать обитель, отдать предпочтение какому-либо из этих городов в настоящий момент не представляется возможным.

Возведение церкви в Пятницком монастыре в Бродех

Запись имеющего псковское происхождение Октоиха (№ 256), переписка которого была закончена в мае 1536 г., повествует о строительстве церкви в одном из местных монастырей: «А святому Богоявлению церковь каменную делали в Бродех».

Вл.В. Седов, проанализировав содержание колофона, показал, что речь идет о псковском женском монастыре Параскевы Пятницы в Бро-

[18] Поскольку настоятели ростовского Богоявленского Авраамиева монастыря были не игуменами, а архимандритами, в записи речь не может идти об этой обители.
[19] Строев 1877: стб. 429, 854.

дех. По его мнению, Богоявленская церковь находилась в новой части псковского посада. Судя по всему, речь идет о построенной в 1444 г. деревянной церкви, которую в 1536 г. (точной датой мы не располагаем) перестроили из камня. В связи со строительством нового здания церкви понадобилось обновить и ее библиотеку. С этим, вероятно, и была связана переписка Октоиха[20]. Работу над ним осуществил монастырский дьяк Кузьма. В роли заказчицы выступила инокиня Феодора. Очевидно, что рассказ о строительстве церкви в монастыре представлял интерес как для насельницы этой обители, так и для служащего в ней писца.

Итоги анализа данной записи побуждают обратить внимание на, как правило, ускользающий от внимания ученых гендерный аспект как в историописании, так и в книжной культуре России XVI в. в целом. Несмотря на то, что заказчицей этой и некоторых других известных нам рукописей[21] являлась женщина, в роли писца Октоиха, как и всех прочих известных датированных манускриптов, выступил мужчина. Хотя факт грамотности в рассматриваемый период более или менее значительного числа женщин сомнений не вызывает, зафиксируем, что среди 477 известных нам писцов этого столетия женщины не фиксируются[22].

Смена игуменов в Соловецком монастыре

Колофон соловецкой Псалтири 1545 г. (№ 323) (окончание работы над ней относится к сентябрю) приводит интересные факты из истории поморской обители: «Игумен Филипп Колычев игуменство оставил, а Алексеи Юренев на игуменьство. Братии же тогда бе числом 136».

Запись содержит два известия – о смене игуменов и о численности соловецких иноков. Они находят аналогии в других источниках.

Филипп (Колычев) возглавил соловецкую обитель после Алексея (Юренева). Спустя какое-то время Алексей вернулся к руководству монастырем. Аналогичное известие представлено в составленном существенно позднее тексте Жития Филиппа, которое, без привязки к датам, сообщает, что Филипп, некоторое время побыв игуменом, ушел в уединение, а обитель по просьбе иноков вновь возглавил Алексей[23]. Подтверждает информацию о чередовании игуменов в обители и запись соловецкого Служебника первой половины XVI в. Она сообщает, что «Алексей с Филиппом игуменство держали переменяяся»[24].

Немалый интерес вызывает редкое для эпохи Средневековья упоминание числа иноков. Согласно данной записи, в 1545 г. в соловецкой обители их было 136. Составленный в 1553 г. другой источник – «Устав о монастырском платье» – приводит иную цифру – 107 иноков[25]. Вероятно, за 8 лет число соловецких иноков существенно сократилось. Это

[20] Седов 2016: 169–172.
[21] Усачев. Т. 2. 2018.
[22] Об этом, например, см.: Halperin 2019: 162.
[23] Лобакова 2006: 174, 211.
[24] Цит. по: Описи Соловецкого монастыря 2003: 10, прим. 24.
[25] Лобакова 2001: 324.

могло быть связано с почтенным возрастом значительной их части. Общеизвестно, что в период Средневековья постриг, как правило, принимали уже в достаточно зрелом возрасте.

Рассматривая мотивы, которыми руководствовался писец (его имя и статус неизвестны), фиксируя приведенную выше информацию, обратим внимание на фигуру первого владельца, а, возможно, и заказчика книги. Выходная запись сообщает, что она принадлежала «священноиноку Ионе Соловецкому». Из текста Описи имущества Соловецкого монастыря 1597 г. узнаем, что речь шла об Ионе (Шамине) – наставнике Филиппа (Колычева)[26]. Очевидно, что он проявлял интерес не только к событиям в его обители, но и к судьбе своего воспитанника, которому спустя два десятилетия будет суждено возглавить Русскую церковь.

Землетрясение в Поморье

Большой интерес для изучения тематических приоритетов жителя Поморья представляет запись Нечая Поряднина (его статус точно неизвестен; возможно, он являлся слугой Соловецкого монастыря). Она помещена после текста выходной записи в Сборнике сочинений, посвященных Зосиме и Савватию Соловецким (№ 371). Работа над манускриптом была закончена 23 декабря 1550 г. Колофон повествует о землетрясении: «В лето 7 тысяч 50 осмаго, августа в 4, на первом часу дни, бысть трясение земли на море окиане в трех погостах: в Керете, да в Ковде, да в Кандалакше – и до Умбы-реки, верств на триста подле море, а в гору – неведомо бысть, далече ли. Были на реках жемчюжники от моря за 60 верст и оне скажут: в тот день и в то время и у них земля тряслася же, и лесы и горы высокыа, с часъ времени»[27].

Как отметил О.В. Панченко, сходный рассказ читается в Соловецком летописце конца XVI в. Исследователь предположил, что запись Сборника 1550 г. послужила источником составителя Летописца[28]. Для изучения особенностей фиксации рассказов о событиях представителями локального сообщества обратим внимание на два обстоятельства. Во-первых, в Летописце текст читается в записи не за 1550 г., а за 1542 г. Во-вторых, в нем он представлен в сокращенном виде. Летописец повествует: «В лето 7050-го. Августа в 4 день, в первом часу дни, бысть трясение в земли великое в трех погостех в Керети и в Ковде, и в Кандалакши и до Умъбы, верст на триста и больши, и горы и лисы тряслися»[29].

Как видим, речь идет не только о более краткой версии (фрагмент записи Сборника 1550 г. со слов «…были на реках» и до конца рассказа в Летописце отсутствует).

Версии источников несколько различаются. Помимо отдельных орфографических разночтений есть и более заметные отличия:

[26] Описи Соловецкого монастыря 2003: 158, 222.
[27] Цит. по: Панченко 2014: 274.
[28] Там же.
[29] Корецкий 1981: 235.

Запись Сборника 1550 г.	Соловецкий летописец
…трясение земли на море окиане…	…трясение в земли великое…
…версть на триста подле море…	…верст на триста и больши…
…а в гору – неведомо бысть, далече ли…	…и горы и лисы тряслися…

Сказанное побуждает думать, что **непосредственное** влияние записи на Летописец неочевидно, хотя полностью и не исключено. Помимо приведенных выше текстологических аргументов приведем и соображения логического порядка. Трудно представить, что в поисках необходимой информации составитель Летописца пересматривал записи нескольких сотен книг в библиотеке Соловецкого монастыря[30]. Скорее всего, он воспользовался подборкой известий, которая была составлена ранее.

Скорее всего, рассказ был зафиксирован писцом Сборника 1550 г. и составителем подборки известий летописного характера независимо друг от друга. Нетрудно заметить типологическое сходство между описанием землетрясения в Поморье и повествованием о ремонте псковского Крома в 1517 г., отразившимся как в записи писца, так и в Псковской I летописи. В первом случае колофон дает более пространную версию нежели летопись, во втором случае – наоборот. Таким образом, в рамках одного локального сообщества могли сосуществовать две версии событий, происхождение которых могло быть связано с разными лицами.

Венчание на царство и брак Ивана IV

Завершая выходную запись, переписчик Сборника сочинений Петра Дамаскина 1547 г. (№ 335) отмечает следующее: «Буди же сие ведомо, яко в Рускои земли сеи первыи царь поставлен бысть после крещениа Господа нашего Иисуса Христа и браку причтася».

Точное место переписки книги, имя и статус ее писца неизвестны. Судя по упоминанию архиепископа Феодосия, речь шла о территории весьма значительной Новгородской епархии. В данный период она охватывала весь Северо-Запад, а также Поморье. Запись интересна тем, что, заканчивая работу над книгой 14 августа 1547 г. явно на значительном удалении от столицы и Центра страны, писец счел необходимым обратить внимание на изменение статуса – как политического, так и семейного – русского государя. Царский титул Иван IV принял 16 января, а заключил брак с Анастасией Романовной 3 февраля 1547 г.

Для более полного представления о региональных особенностях восприятия изменений в политической сфере обратим внимание на исключительно любопытный факт: далеко не все писцы вскоре после венчания русского государя на царство стали именовать его царским титулом. Известно, что переписчики по меньшей мере 14-ти датированных рукописных книг, следуя длительной традиции, по крайней мере, до 1597 г. русского самодержца именовали великокняжеским титулом (без царского)[31]. Запись Сборника 1547 г. показывает наличие и противопо-

[30] В конце XVI в., времени составления Летописца, согласно Описи имущества Соловецкого монастыря 1597 г. (с. 256), его библиотека насчитывала не менее 478 книг.
[31] Подробнее см.: Усачев 2016: 45–56; 2018. Т. 2.

ложной тенденции. Почти сразу после 16 января 1547 г., по крайней мере, некоторые писцы, работавшие на значительном удалении от Центра, не только упоминали государя с царским титулом, но и считали нужным сообщить читателям о его венчании на царство.

Возраст Ивана IV

Типологически близка к предыдущей запись переписчика Апостола 1557/58 г. (№ 443). Среди прочего он отметил: «А в те поры государь был православныи царь лет трицати без двою». В роли писца выступил инок вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря Иов. Он работал по поручению игумена Николо-Коряжемского монастыря Вассиана, учеником которого он был до перехода в прилуцкую обитель. Трудно объяснить интерес инока не самого близкого к столице монастыря к возрасту государя. Можно лишь констатировать, что иноки обители, расположенной на Северо-Востоке страны (примерно в 400 км от столицы), точно знали возраст государя, родившегося 25 августа 1530 г.

Пожар в Николо-Коряжемском монастыре и природные аномалии в его округе

Наши представления о критериях отбора заслуживающих фиксации событий недавнего прошлого расширяют итоги анализа записи Торжественника 1547/48 г. (№ 344). Его писец немалое внимание уделил событиям, происходившим в округе Николо-Коряжемского монастыря, в котором осуществлялась работа над кодексом: «А тогды же пришло Божие посещение во обители у Николы, чюдотворца, на Корежме. Храм згорел от молнии канун Николина дни Вешнего Никола, чюдотворец». «А тогды же была осень долга. Вычегда река не стала до Рожества Христова за две недели». Имя и статус писца неизвестны. Из текста записи мы лишь узнаем, что он был достаточно молод – ему было 19 лет. Он мог являться слугой или послушником монастыря. Очевидно, что переписчик описал события, очевидцем которых он, по-видимому, был. Нетрудно заметить, что он счел необходимым зафиксировать те события, которые, с одной стороны, являлись уникальными (или во всяком случае достаточно редкими), с другой, оказывали влияние на жизнь того локального сообщества, к которому он принадлежал.

Основание казанского Спасо-Преображенского монастыря

Об истории создания монастыря, а, по сути, состоящего из иноков и иных близких к обители лиц микромира, к которому принадлежал писец, повествует запись Церковного устава (№ 428). Начатая в Николо-Песношском монастыре в 1553/54 г. работа над ним была закончена в 1555/56 г. в недавно основанном казанском Спасо-Преображенском монастыре. Писец Никифор (возможно, слуга этой обители) сообщил уникальные сведения о ее начале: «А в Казани бысть тогда царя государя великого князя боярин и воевода, и наместник князь Петр Иванович Шуискои. И при том почет бысть монастырь строити кельи и ограда, и всякое строение монастырское архимандритом Варсунофием яже о Хри-

сте з братиею. А братии с ним пришло с Песноши: келарь Тихон, крылошанин, Федорит, казначеи, крылошанин, Иев Долматов, крылошанин, а постриженики песношские, да Симан Неронов, андрониковскои постриженик, крылошанин, да Андроник, подкеларник, да Селивестр служебник Яхонтова, а постриженики песношские же».

Как видим, писец привел сведения не только об основании монастыря, но и об именах и происхождении его первых насельников, т.е. о лицах, с которыми он, судя по всему, непосредственно взаимодействовал. Преобладание среди них иноков Николо-Песношского монастыря было связано с происхождением ее заказчика. До перехода в Казань постриженик московского Спасо-Андроникова монастыря Варсонофий являлся игуменом Николо-Песношского монастыря (1544–1555), в стенах которого было положено начало работе над Церковным уставом.

Природные аномалии на территории Вологодской епархии

Типологически близкий текст к записи переписчика из Николо-Коряжемского монастыря содержит послесловие к списку Измарагда 1557/58 г. (№ 447): «И того лета была зима теплая и стало тепло за две недели до Рождества Христова, а стояло тепла того два месяца».

Точное место работы над книгой, а также имя и статус писца неизвестны. В роли ее первого владельца выступил священник Ильинской церкви (ее местонахождение не установлено) Иван Никифоров сын попов. Вероятно, он и являлся ее заказчиком. Судя по упоминанию в тексте колофона имени вологодского владыки Киприана, речь шла о территории соответствующей епархии. Очевидно, что писец зафиксировал природные аномалии, которые оказывали влияние на его жизнь и жизнь его сообщества в целом.

Голод и пожар в Твери

На исключительно важные и даже трагические для своего микромира события обратил внимание читателя переписчик списка 1560/61 г. Евангелия-апракос (№ 476): «Того лита злая была меженина посли сухменаго лета. Стояла меженина двенатцать лет, а сего лета всих злие была. Многие люди вышли в Новъ[го]род. Того лета выгорила Тверь на Николь день на Вешнеи».

В роли писца выступил священник Пятницкой церкви Иаков. Скорее всего, она находилась в Твери или ее ближайшей округе. Известные нам источники о неурожае, голоде и пожаре в Твери в данный период не сообщают. Однако есть косвенные данные, побуждающие с доверием отнестись к рассказу тверского священника. Летописная запись, вероятно, выполненная жителем Москвы, под 1560/61 г. сообщает: «Того же году за умножение грех наших был глад велик в Можайске да на Волоке **и в иных во многих городех** [выделено нами. – *А.У.*]; много множество разыдеся людей из Можайска и из Волока на Рязань и в Мещеру и в Понизовые города, в Нижний Новгород»[32].

[32] ПСРЛ. Т. 13. 2000: 332.

Исходя из текста записи Евангелия, можно полагать, что голод охватил и Тверь, из которой народ уходил не в относительно далекие от нее Рязань, Мещеру и Нижний Новгород, а в находящийся существенно ближе Великий Новгород. Колофон манускрипта 1560/61 г. также сообщает о том, что эпоха неурожая в округе Твери началась существенно ранее – примерно с 1548/49 г. – достигнув своего пика к моменту переписки книги (т.е. к 1560/61 г.).

Запись священника Иакова побуждает расширить основанное на приведенной выше летописной записи представление о географии и хронологии неурожая и голода, охватившего Центр страны во второй половине XVI века. В частности, послесловие переписчика заставляет с вниманием отнестись к высказанному в историографии мнению о том, что первые проявления хозяйственного кризиса, пик которого пришелся на 1570-е гг., стоит относить уже к 1550-м гг.[33]

Рассматривая мотивы писца, побудившие его поведать читателю о соответствующих фактах, отметим огромное дестабилизирующее влияние 12-летнего голода на локальные сообщества.

***

Характеризуя выявленные нами случаи записи рассказов о событиях недавнего прошлого авторами колофонов, зафиксируем следующее.

1. Происхождение рассмотренных записей было связано с различными регионами страны: Северо-Востоком, Северо-Западом, Центром, Средним Поволжьем и Поморьем. Речь шла о монастырях (Спасо-Прилуцком, Соловецком, Николо-Коряжемском, Спасо-Елизаровом), городах (Псков и, вероятно, Тверь), а также более мелких населенных пунктах (Никольский Лальский посад, погост Лена). Как видим, стремление поведать читателю о значимых для писцов событиях отличало жителей разных, подчас весьма удаленных от столицы, районов.

2. Фиксация рассмотренных фактов была связана с лицами различного социального статуса. Среди них мы находим иноков (монах Спасо-Прилуцкого монастыря Иов, игумен неустановленного Богоявленского монастыря Иона), представителей белого духовенства (псковский священник Константин, вероятно, тверской священник Иаков, дьяк Спасо-Елизарова монастыря Василий, дьяк псковского Пятницкого монастыря Кузьма), а также светских лиц, статус которых точно не определен (вычегжанин Васюк Кылдашев, возможно, монастырские слуги Никифор и Нечай Поряднин, а также неизвестный по имени писец из Николо-Коряжемского монастыря). Речь идет о 10-ти писцах из 477 (т.е. ок. 2% от общего числа), имена и статус которых сообщают известные нам датированные записи XVI в.[34] Нетрудно заметить, что желание поведать о недавних событиях на страницах манускриптов характеризовало представителей, как правило, не слишком высоких по своему статусу групп

[33] Об этом см.: Зимин 1962: 11–20; Каштанов 1963: 96–117.

[34] Подробнее о персональном и социальном составе писцов русских датированных книг XVI в. см.: Усачев 2018. Т. 1.: 200–325.

населения, причем так же очевидно, что это стремление отличало весьма ограниченный круг писцов.

3. В большинстве случаев информация, представленная в записях, уникальна. Это обусловлено тем, что сравнительно немногочисленные и еще требующие своего выявления и изучения памятники местного летописания XVI в. «покрывают» далеко не все регионы и периоды. Однако в тех случаях, когда мы располагаем иными источниками, повествующими о тех же событиях, сведения записей в целом им соответствуют (ремонт псковского Крома, голод в Твери, поход литовских войск на Опочку и др.). Таким образом, говорить о «литературном» происхождении рассмотренных рассказов не приходится. Речь шла о фиксации реальных фактов, которые представлялись значимыми для писцов и, вероятно, для локальных сообществ, к которым они принадлежали.

4. Вопрос о связи рассматриваемых записей с памятниками местного летописания сложен. Конечно, в ряде случаев составители летописцев могли привлекать записи манускриптов из доступных им книгохранилищ. Однако, как показывают итоги проведенного сравнения текстов записи священника Константина и Псковской I летописи о ремонте Крома и походе литовских войск под Опочку, по крайней мере, в ряде случаев речь шла о независимой записи рассказов авторами колофонов и летописцами. Вероятно, одни и те же факты фиксировались параллельно. Этим и было обусловлено сосуществование различных версий одних и тех же событий. Отмечаемая нами сомнительность связи текстов большинства записей с летописцами могла обуславливаться статусом писцов и местами их работы. Их положение, как правило, было не слишком высоким, а близость к центрам летописания (даже местного) – далеко не очевидной.

5. Судя по всему, в подавляющем большинстве случаев послесловия выполнялись вскоре после описываемых событий (вероятно, в течение ближайших недель или месяцев). В тех случаях, когда событие отстоит на несколько лет от даты его фиксации, очевидно, что писец наблюдает его последствия, а также ощущает их влияние в период работы над книгой. Так, к моменту переписки Псалтири 1517/18 г. последствия пожара 1511 г. в Богоявленском монастыре, по всей видимости, в полной мере еще не были устранены. Работавший в 1560/61 г. в Твери или ее округе писец повествует о неурожае и голоде, который начался на двенадцать лет ранее окончания переписки Евангелия. Как нетрудно заметить, писцов почти исключительно занимали события новейшей истории, которые были по тем или иным причинам значимыми для их микромира. Далеким от узкого круга интеллектуалов Московского царства переписчикам было чуждо стремление взглянуть на историю своего региона и тем более страны в целом.

6. Основная часть рассмотренных выше рассказов посвящена событиям местной истории. Записи повествуют о ремонте городской сте-

ны, смене игумена в обители, погодных аномалиях, пожарах, неурожае, голоде, военных действиях, протекавших в непосредственной близости от мест переписки книг. Некоторые записи, правда, повествуют и о событиях общерусского характера. Инок Спасо-Прилуцкого монастыря счел необходимым отметить возраст русского государя. Другой писец, работавший на территории Новгородской епархии, обратил внимание на главный факт церковной и политической истории середины XVI в. – венчание Ивана IV на царство. Внимательно следивший за судьбой бывшего псковского наместника С.Ф. Курбского писец псковской обители повествует о его участии в присоединении Смоленска. Любопытным примером сочетания интереса к событиям местного и общерусского характера являются записи вычегжанина Васюка Кылдашева. Он отмечал как факты, непосредственно связанные с территорией, на которой он проживал (поход русских войск на Югру), так и те, которые имели место на далеком от нее Северо-Западе страны (присоединение Пскова к Русскому государству). Однако, если говорить в целом, то можно констатировать, что интерес писцов к прошлому носил «утилитарный» характер – как правило, они фиксировали лишь ту информацию, которая так или иначе влияла на жизнь их микромира.

7. В некоторых случаях текст колофона выполнялся спустя какое-то время после окончания работ над основным текстом манускрипта. Как показывает запись о походе русских воевод на Брясловль, этот период мог составлять три месяца. Это в свою очередь побуждает задаться вопросом о мотивах, которыми руководствовался переписчик, сообщая о переписке книги спустя несколько дней, недель или даже месяцев после окончания работы. Имеющихся в нашем распоряжении данных недостаточно для ответа на этот вопрос. Можно лишь полагать, что под влиянием каких-то событий спустя несколько недель или месяцев после окончания работы над тем или иным манускриптом писцы вновь брались за перо, сообщая читателю не только о его переписке, но и о событиях, которые они считали значимыми для своего сообщества.

Как видим, относительно немногочисленная часть известных нам писцов считала необходимым фиксировать не только факты переписки той или иной книги, но и краткие рассказы о явлениях, вызвавших их интерес. Чаще всего речь шла о событиях, непосредственно связанных с тем населенным пунктом, в котором книжник жил и работал. Несмотря на то, что по своему объему и хронологической глубине анализируемые нами записи несопоставимы с памятниками летописания, сам факт их наличия показывает, что фиксация рассказов о прошлом не ограничивалась более или менее крупными книгописными центрами, при которых велось летописание. Интерес к событиям недавнего прошлого проявляли как насельники монастырей, так и жители городов и прочих населенных пунктов, расположенных в различных регионах страны.

Источники

Описи Соловецкого монастыря XVI века: комментированное издание / сост. З.В. Дмитриева, Е.В. Крушельницкая, М.В. Мильчик. СПб., 2003. 356 с.

ПСРЛ. Т. 5, вып. 1. М.: Языки русской культуры, 2003. 146 с.

ПСРЛ. Т. 13. М.: Языки русской культуры, 2000. 532 с.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Власьев Г.А. Потомство Рюрика: материалы для составления родословий. Т. 1, ч. 3. СПб.: Тв-о Р. Голике и А. Вильборг, 1907. VIII, 667 с., 8 л. табл. [Vlas'ev G.A. Potomstvo Riurika: materialy dlia sostavleniia rodoslovii. T. 1, ch. 3. SPb., 1907. VIII, 667 s., 8 l. tabl.].

Гимон Т.В. Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси. Сравнительное исследование. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2012. 696 с. [Gimon T.V. Istoriopisanie rannesrednevekovoi Anglii i Drevnei Rusi. Sravnitel'noe issledovanie. M., 2012. 696 s.].

Городилин С.В. К вопросу о брачных связях псковской элиты в первой трети XV в. // Археология и история Пскова и Псковской земли. М.; Псков; СПб.: Нестор-История, 2015. Вып. 30. 68–86. [Gorodilin S.V. K voprosu o brachnykh sviaziakh pskovskoi elity v pervoi treti XV v. // Arkheologiia i istoriia Pskova i Pskovskoi zemli. M.; Pskov; SPb.: Nestor-Istoriia, 2015. Vyp. 30. 68–86].

Зимин А.А. «Хозяйственный кризис» 60–70 годов XVI в. и русское крестьянство // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. Сб. 5. М.: Наука, 1962. 11–20 [Zimin A.A. «Khoziaistvennyi krizis» 60–70 godov XVI v. i russkoe krest'ianstvo // Materialy po istorii sel'skogo khoziaistva i krest'ianstva SSSR. Sb. 5. M.: Nauka, 1962. 11–20].

Зимин А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. М.: Наука, 1988. 348 с. [Zimin A.A. Formirovanie boiarskoi aristokratii v Rossii vo vtoroi polovine XV – pervoi treti XVI v. M.: Nauka, 1988. 348 s.].

Каштанов С.М. К изучению опричнины Ивана Грозного // История СССР. 1963. № 2. 96–117 [Kashtanov S.M. K izucheniiu oprichniny Ivana Groznogo // Istoriia SSSR. 1963. № 2. 96–117].

Кистерев С.Н. Князья Ярославские и Псков в первой половине XVI в. // У источника. Сб. ст. в честь чл.-корр. РАН С.М. Каштанова. Вып. 1, ч. 2. М.: Сигнал, 1997. 345–379. [Kisterev S.N. Kniaz'ia Iaroslavskie i Pskov v pervoi polovine XVI v. // U istochnika. Sb. st. v chest' chl.-korr. RAN S.M. Kashtanova. Vyp. 1, ch. 2. M.: Signal, 1997. 345–379].

Кобрин В.Б. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVI вв. М.: РГГУ, 1995. 238 с. [Kobrin V.B. Materialy genealogii kniazhesko-boiarskoi aristokratii XV–XVI vv. M.: RGGU, 1995. 238 s.].

Корецкий В.И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980 г. М.: Наука, 1981. 223–243.[Koretskii V.I. Solovetskii letopisets kontsa XVI v. // Letopisi i khroniki. 1980 g. M.: Nauka, 1981. 223–243].

Лабутина И.К. Историческая топография Пскова в XIV–XV веках. М.: Наука, 2011. 342 с. [Labutina I.K. Istoricheskaia topografiia Pskova v XIV–XV vekah. M.: Nauka, 2011. 342 s.].

Лобакова И.А. «Устав о монастырском платье» 1553 г. – один из неучтенных источников по истории Соловецкого монастыря времен игуменства Филиппа (Колычова) // Книжные центры Древней Руси. Соловецкий монастырь. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 320–341. [Lobakova I.A. «Ustav o monastyrskom plat'e» 1553 g. – odin iz neuchtennykh istochnikov po istorii Solovetskogo monastyria vremen igumenstva Filippa (Kolychova) // Knizhnye tsentry Drevnei Rusi. Solovetskii monastyr'. SPb, 2001. 320–341].

Лобакова И.А. Житие митрополита Филиппа: исследование и тексты. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 306 с. [Lobakova I.A. Zhitie mitropolita Filippa: issledovanie i teksty. SPb.: Dmitrii Bulanin, 2006. 306 s.].

Панченко О.В. Памятники летописания Соловецкого монастыря. Ст. 1. Соловецкие летописцы XVI в. // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. Т. 63. 262–277 [Panchenko O.V. Pamiatniki letopisaniia Solovetskogo monastyria. Stat'ia 1. Solovetskie letopistsy XVI v. // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury Instituta russkoi literatury RAN. SPb., 2014. T. 63. 262–277].

Пашкова Т.И. Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века: наместники и волостели. М.: Древлехранилище, 2000. 214 с. [Pashkova T.I. Mestnoe upravlenie v Russkom gosudarstve pervoi poloviny XVI veka: namestniki i volosteli. M.: Drevlekhranilishche, 2000. 214 s.].

Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Круг, 2011. 560 с. [Repina L.P. Istoricheskaia nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsial'nye teorii i istoriograficheskaia praktika. M.: Krug, 2011. 560 s.].

Седов В.В. Летописная запись 1536 г. в псковском Октоихе: сообщение о строительстве каменной церкви Богоявления в Бродах // Археология и история Пскова и Псковской земли. М.: ИА РАН, 2016. Вып. 31. 169–172 [Sedov V.V. Letopisnaia zapis' 1536 g. v pskovskom Oktoikhe: soobshchenie o stroitel'stve kamennoi tserkvi Bogoiavleniia v Brodakh // Arkheologiia i istoriia Pskova i Pskovskoi zemli. M., 2016. 31. 169–172].

Столярова Л.В. Записи исторического содержания XI–XIV веков на древнерусских пергаменных кодексах // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 1995 г. М.: Наука, 1997. 3–79. [Stoliarova L.V. Zapisi istoricheskogo soderzhaniia XI–XIV vekov na drevnerusskikh pergamennykh kodeksakh // Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy: Materialy i issledovaniia. 1995 g. M.: Nauka, 1997. 3–79].

Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1877. X с., 1064, 68 стб. [Stroev P.M. Spiski ierarkhov i nastoiatelei monastyrei rossiiskoi tserkvi. SPb.: Tip. V.S. Balasheva, 1877. X s., 1064, 68 stb.].

Усачев А.С. Упоминания титула русского митрополита и государя в неофициальных источниках XVI в. (на материале выходных записей на книгах) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. №3(65). С. 45–56. [Usachev A.S. Upominaniia titula russkogo mitropolita i gosudaria v neofitsial'nykh istochnikakh XVI v. (na materiale vykhodnykh zapisei na knigakh) // Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki. 2016. №3(65). 45–56].

Усачев А.С. Книгописание в России XVI века: по материалам датированных выходных записей. Т. 1. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2018. 472 с. [Usachev A.S. Knigopisanie v Rossii XVI veka: po materialam datirovannykh vykhodnykh zapisei. T. 1. M.; SPb.: Al'ians-Arkheo, 2018. 472 s.].

Усачев А.С. Книгописание в России XVI века: по материалам датированных выходных записей. Т. 2. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2018. 528 с. [Usachev A.S. Knigopisanie v Rossii XVI veka: po materialam datirovannykh vykhodnykh zapisei. T. 2. M.; SPb.: Al'ians-Arkheo, 2018. 528 s.].

Halperin Ch.J. «Do Not Curse Me for My Copying Errors»: Sixteenth-Century Russian Manuscript Books // Russian History. 2019. Vol. 46, Issue 2–3. 152–166.

***Усачев Андрей Сергеевич**, доктор исторических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений МИД РФ, Российской государственный гуманитарный университет; asuuas1@mail.ru*

The past events in the eyes of the Russian scribes of the 16th century

The article deals with the peculiarities of the historical consciousness of the Russian scribes from different regions of the country. As a rule, they were laymen and clerics of the low social status. The author analyses the colophons published in 2018 and focuses on those which contain historical information. It finds out that the events of the recent past which could influence the life of a local community (as a rule, the scribes belonged to these) were usually recorded by the scribes. Among the described events were natural disasters, fires, famine, combat actions in close proximity to the work places of the scribes.

***Keywords:** historical consciousness, historiography, the book culture, chronicles, colophons, local history, 16th century.*

***Andrei Usachev,** Dr. Sc. (History), Professor, Moscow State Institute of International Relations, Russian State University for the Humanities; asuuas1@mail.ru*

Т.И. Юсупова, Т.В. Чумакова

«КАК НАМ БЫТЬ С ЭТИМ МУЗЕЕМ?» МУЗЕЙ ИСТОРИИ РЕЛИГИИ В СОВЕТСКОМ АКАДЕМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ 1930-х гг.[1]

Рассматривается казус из истории Музея истории религии АН СССР (МИР), связанный с попытками руководства Академии наук вывести его из академической структуры. Созданный в 1932 г. МИР постоянно подвергался критике за, якобы, недостаточный, уровень научных исследований. Причиной являлась специфика деятельности музея – превалирование, по мнению руководства Академии, экспозиционно-выставочной и просветительской работы над исследовательской. Публикуемая стенограмма заседания Президиума Академии наук (август 1937 г.) иллюстрирует создавшуюся конфликтную ситуацию между МИР и руководством Академии наук, дополняет историю МИР новыми сведениями о его деятельности, отражает сложность обретения им своего места в системе академической науки, а также те проблемы, которые возникали перед научным сообществом в эпоху Большого террора.

Ключевые слова: *Музей истории религии, Академия наук СССР, В.Г. Богораз, интеллектуальная история, внутриакадемические отношения*

За последнее десятилетие вышло несколько работ российских и западных исследователей, в которых уделяется большое внимание Музею истории религии АН СССР (МИР), как его истории, так и вопросам взаимодействия науки и идеологии[2]. Однако многие аспекты деятельности музея еще остаются не до конца изученными.

Инициатором создания и первым директором Музея был известный российский религиовед, этнограф и антрополог В.Г. Богораз (1865–1936). Музей должен был изучать «историю религии и методику антирелигиозной борьбы» и для распространения новых знаний создавать «системы экспозиций, тесно связанных вместе и имеющих высокую квалификацию, научную и художественную»[3]. Он был открыт в 1932 г. как самостоятельное академическое научно-исследовательское учреждение в здании одного из знаковых архитектурных ансамблей Ленинграда – Казанском соборе, памятнике архитектуры начала XIX века.

С первых дней основания в музее широко развернулась экспозиционная работа, которая строилась на результатах одновременно проводимых глубоких исследовательских изысканий. Такой подход соответствовал традициям академических музеев, в которых, как отмечал академик А.С. Ферсман в 1929 г., научная работа не просто сочеталось с просветительской и выставочной деятельностью, но и «само выставочно-музейное дело» являлось одним из методов научной работы.

[1] Публикация подготовлена в рамках проекта РНФ № 16-18-10083 «Изучение религии в социокультурном контексте эпохи: история религиоведения и интеллектуальная история России XIX — первой половины XX в.»

[2] Шахнович, Чумакова 2014; 2016; Luehrmann 2015; Smolkin 2018.

[3] Шахнович, Чумакова 2014: 170.

Формирование научной программы МИР проходило при непосредственном участии и руководстве Богораза. В одном из писем он отмечал, что музей «взял линию на преодоление поверхностно-агитационного показа религии»[4]. Однако несмотря на успехи в исследовательской деятельности отношение к МИР в академической среде было весьма критическим из-за его экспозиционно-просветительской работы, которая несколько выпадала из «общего плана академической деятельности». В начале 1930-х гг. в Академии еще присутствовала приверженность «чистой науке», стремление к исключительно фундаментальным исследованиям, еще не до конца подавленное все усиливающимся государственным регулированием, встраиванием ее деятельности в практические задачи социалистического строительства[5].

Впервые вопрос о выводе МИР из структуры Академии наук возник весной 1934 г. и был связан с решением правительства о ее переводе в Москву. Президиум Академии признал нецелесообразным переезд музея, расположенного в историческом здании, и принял решение обратиться в Ленинградский Совет о передаче МИР в его ведение. Богораз был категорически не согласен с такой постановкой вопроса. Он полагал, что отделение музея от Академии может привести к прекращению его деятельности, поскольку Ленсовет не мог взять на себя ни научное руководство музеем, ни его финансирование. Содержание Казанского собора требовало очень больших средств, которых у Ленсовета не было. Богораз предпринял ряд шагов, чтобы сохранить МИР как академическое учреждение, каким музей и задумывался. Он обратился к одному из членов инициативной группы по созданию МИР, заместителю председателя Верховного суда СССР П.А. Красикову (1870–1939) с просьбой посодействовать сохранению его в составе Академии наук и написал письмо заведующему музейным отделом Наркомпроса Ф.Я. Кону, обратив его внимание на то, что «научное руководство такого большого центра как Академия наук совершенно необходимо» для успешного развития еще очень молодого исследовательского учреждения[6]. Богораз отстоял МИР от передачи в оперативное управление Ленсовета, но ему не удалось оградить его от попыток вывести из структуры Академии.

Одним из противников МИР выступил непременный секретарь Академии наук акад. В.П. Волгин. Свое мнение он, в частности, аргументировал тем, что МИР дублирует проблемы, изучаемые «в общеисторических учреждениях Академии наук»[7]. В итоге Постановлением СНК СССР от 25 сентября 1934 г. МИР вывели из структуры Академии и перевели в подчинение Комитета по заведыванию учеными и учебными учреждениями (Ученый комитет) ВЦИК СССР. Такое решение, по крайней мере, гарантировало финансирование Музея из центрального

[4] Шахнович, Чумакова 2014: 173.
[5] Подробно об этом процессе см. Наука и кризисы 2003; Graham 1981.
[6] Там же: 169, 171.
[7] Там же: 212.

бюджета. Но вскоре, на заседании ВЦИК 17 ноября 1934 г. его все же решили передать в ведение Ленсовета. Богораз попытался еще раз доказать непродуманность такого перевода: он провел переговоры с Леноблисполкомом и направил в Отдел культуры и пропаганды ЦК ВКП (б) (Культпроп) телеграмму, в которой предупредил о неопределенности финансирования МИР в случае передачи в Ленсовет. Принятое директивное решение реализовано не было: МИР остался в составе Академии. Однако в июне 1936 г. новый непременный секретарь акад. Н.П. Горбунов обратился к наркому просвещения А.С. Бубнову с просьбой взять МИР в ведение Наркомпроса. Аргументы были прежними: музей не может развернуть серьезную научно-исследовательскую работу из-за недостатка в Академии специалистов в области истории религии[8].

По-видимому, положительного ответа не последовало, и в сентябре 1936 г., уже после смерти Богораза (10 мая 1936 г.) на Президиуме Академии наук в очередной раз был поставлен вопрос о судьбе МИР. Существование его как самостоятельной научно-исследовательской организации было признано нецелесообразным и решено присоединить МИР к Институту антропологии, археологии и этнографии АН СССР на правах секции. Временное исполнение обязанностей директора музея было возложено приказом по институту на М.Ф. Потапова (административно-хозяйственного работника). Но и это решение не стало долгосрочным. Критическое отношение к деятельности МИР у руководства Академии не изменилось. Основной упрек по-прежнему состоял в якобы отсутствии научно-исследовательской работы академического уровня. Президиум в феврале 1937 г. вновь поставил вопрос о нецелесообразности нахождения МИР в Академии наук, и 31 марта было принято решение созвать особое совещание во главе с главным партийным авторитетом по «церковному вопросу», одним из руководителей государственной антирелигиозной политики Е.М. Ярославским, которому было предложено возглавить Музей. Но Е.М. Ярославский, как сказано в стенограмме, «категорически отказался»[9]. Тогда сотрудники Музея сами включились в борьбу за его сохранение и продолжение деятельности как научно-исследовательского учреждения. В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН сохранился черновик письма партийной организации МИР Е.М. Ярославскому и П.А. Красикову и в Ленинградский горком ВКП (б) с просьбой оказать помощь и «положить конец недооценке работы Музея» и его политической важности[10]. Местком МИР направил письмо в Ленинградский отдел Союза работников науки и высшей школы, откуда его переправили в ВЦСПС, а Центральный совет, в свою очередь, обратился в Президиум Академии наук. В связи с этим запросом на Президиуме в августе 1937 г. еще раз прошло обсуждение деятельности Музея, ее соответствия академическим требованиям.

[8] Там же: 174–175, 212.
[9] Стенограмма заседания // Архив РАН. Ф. 1. Оп. 3а–1937. Д. 9. Л. 142.
[10] Шахнович, Чумакова 2014: 211.

На заседании фактически рассматривались два вопроса: научно-исследовательская деятельность МИР и состояние Казанского собора. Причем, у Ленинградских директивных органов особую озабоченность вызывал именно Казанский собор, которому требовался серьезный ремонт, что они и отметили в своем обращении в Президиум. Членов Академии больше волновала научная деятельность Музея. Основной докладчик академик-востоковед И.А. Орбели подробно проанализировал экспозицию Музея, высказал ряд острых критических замечаний по ее концепции, содержанию и оформлению. По его мнению, исправить неблагополучную ситуацию с научной работой в МИР возможно только при условии присоединения его к Институту философии, поскольку «не может быть никакого изучения религии вне рамок философии»[11]. Противники перевода (в их числе академик С.И. Вавилов) предлагали решить проблему кардинально: вывести МИР из Академии наук и передать в Ленсовет. Их главным аргументом были серьезные финансо-вые проблемы содержания Казанского собора, где располагался Музей.

После продолжительной дискуссии Президиум Академии наук постановил для принятия решения о судьбе Музея создать две комиссии: по техническому состоянию Музея и по его научно-исследовательской работе. Результаты работы комиссий были рассмотрены на заседании Президиума 11 декабря 1937 г. Несмотря на серьезные претензии, прозвучавшие на августовском заседании, резолюция по докладу комиссии имела в целом позитивный характер, было отмечено, что «несмотря на ряд неблагоприятных условий, в которых Музею пришлось вести свою работу, он добился известных достижений», главным образом «в области массовой культурно-просветительской деятельности». Принимая во внимание, что МИР должен развивать свою деятельность «на более широкой научно-исследовательской базе» Президиум постановил: 1) Выделить МИР в самостоятельное научное учреждение непосредственно при Отделении общественных наук; 2) согласовать работу музея с другими учреждениями, где разрабатываются схожие проблемы (Институт философии, Центральный антирелигиозный музей и др.); 3) укрепить научные кадры музея; 4) просить Редакционно-издательский совет выделить Музею определенный «листаж» для публикации его трудов); увеличить Музею в 1938 г. финансирование; 6) представить на утверждение Президиума кандидатуры на должность руководителей Музея[12].

Казалось бы, это постановление разрешило все вопросы. Однако 16 июля 1940 г. Президиум принял решение создать Ленинградский сектор истории религии и атеизма Института философии АН СССР, куда передать научно-исследовательский сектор МИР «в целях объединения научно-исследовательской работы в области истории религии и атеизма»[13]. При этом новый сектор должен был располагаться в Музее,

[11] Стенограмма заседания // Архив РАН. Ф. 1. Оп. 3а–1937. Д. 9. Л. 131.
[12] Шахнович, Чумакова 2014: 215-216.
[13] Там же: 264.

но работать по плану Института, а его финансирование осуществляться по смете Музея! Но МИР остался самостоятельным учреждением при Отделении истории и философии АН СССР.

Начавшаяся Великая Отечественная война остановила дальнейшее обсуждение ведомственной принадлежности МИР. В годы войны музей продолжал работать, и особое внимание было уделено могиле М.И. Кутузова, ставшего важным элементом в системе новой сталинской политики культурной памяти. Сталинская идеология советского патриотизма, отринувшая недавние идеалы пролетарского интернационализма, нуждалась в архаике, необходимой для конструирования политического мифа[14]. Фельдмаршал Кутузов, как адмирал Ушаков и князь Александр Невский были включены в дискурс советского патриотизма, став знаковыми фигурами, символизирующими победы русского воинства. Попытки передать музей городу или другим институциям не прекращались и после войны, но благодаря тому, что после войны его возглавил советский государственный деятель и исследователь миноритарных религиозных групп В.Д. Бонч-Бруевич (1873–1955), внесший большой вклад в формирование коллекций музея, в том числе библиотечных (благодаря его усилиям МИР получил значительную часть библиотеки Императорского православного палестинского общества) создание научно-исследовательского архива, важнейшей частью которого сейчас является коллекция документов Бонч-Бруевича, музей оставался в составе Академии наук, и только в 1962 г. был передан в ведение Министерства культуры, повторив судьбу мемориальных музеев А.С. Пушкина, которые почти до середины 1950-х гг. также были академическими.

Критическое отношение к МИР как к научно-исследовательскому учреждению в 1930-х гг. отражало исторически сложившуюся в академической среде недооценку просветительского направления музейной работы, в то время как сочетать просветительскую, выставочно-экспозиционную и научно-исследовательскую работу было непросто, особенно если для этого не было ни достаточного числа сотрудников, ни финансирования. Трудности усиливали также политико-идеологические условия того периода: борьба с религией была одним из главных инструментов советской идеологии и деятельность МИР находилась под пристальным вниманием партийных органов. Музею приходилось прикладывать большие усилия, чтобы, занимаясь изучением религии, максимально избегать упреков в пропаганде религии. Сложности в деятельности МИР усиливались также проблемами содержания Казанского собора.

Негативное отношение к создателю МИР В.Г. Богоразу, которое ощущается в тексте документа, было скорее всего связано с тем, что он стал «нежелательной фигурой», и правила общественно-политического дискурса того времени требовали демонстрации «нелояльности» по отношению к нему. В 1935 г. были арестованы сотрудники МИРа по делу «троцкистско-зиновьевского» блока (Н.М. Маторин и др.), но «идеоло-

[14] Yekelchyk 2002.

гическая репутация» Богораза и до этого была достаточно сомнительной: Бывший народоволец, один из основателей партии народных социалистов (энесов), в состав которой вошли либеральные народники, свое скептическое отношение к большевикам не скрывал и после их прихода к власти. В статье, опубликованной под псевдонимом Тан в газете «Петроградское эхо» 3 января 1918 г. он писал «Большевизм – это религиозная форма социализма, доступная широким массам – в виде посильной уступки тем, кто с утра и до вечера вопит о всеобщем хулиганстве и всеобщей развращенности огромного российского народа. Для грамотной России социализм – это политико-экономическая доктрина. Для безграмотной России социализм – это религия, это большевизм», и уточняет: «Хорошая вещь – большевизм, а вот большевики подгуляли»[15]. Неизвестно как сложилась бы жизнь Богораза, если бы он не скончался в 1936 г. Скорее всего ему было бы не избежать репрессий.

В 1935 г. к юбилею Богораза должен был выйти сборник статей, но он был остановлен. В 1937 г. вышел сборник его памяти. Во вступительной статье «В.Г. Богораз – этнограф и фольклорист» Д.К. Зеленин, говоря о заслугах Богораза в деле изучения культуры северных народов, отмечал, что он так и не овладел марксистским подходом[16]. Подобные обвинения неоднократно звучали и при его жизни, в 1930-е гг. он не раз писал, что стремится освоить этот метод. Работать несмотря на обвинения в «неправильной» методологии Богораз мог благодаря тому, что он воспринимался как практик, организатор системы советского североведения, включавшего организацию экспедиций и создание системы образовательных учреждений для представителей коренных народов Севера. Как отмечает Е. Лярская: «Ленинградское североведение в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. придумало форму существования, которая могла устроить советскую власть, – форму практически ориентированных научных и образовательных программ и учреждений. Это помогало науке выживать до тех пор, пока идеология окончательно не вытеснила все проявления живой науки – и пока был жив Богораз»[17]. Уже после его смерти возникли “дела”, связанные напрямую или косвенно с теми институциями, которые были созданы им, и в частности “дело Института народов Севера”, которое привело к разгрому советского североведения. Народники также оказались «вне закона», поскольку в «Кратком курсе» они были обозначены как едва ли не главные враги большевизма: «Марксистская социал-демократическая рабочая партия в России создавалась в борьбе в первую очередь с народничеством, с его ошибочными и вредными для дела революции взглядами»[18]. В 1937 г. вышел чукотско-русский словарь, подготовленный В.Г. Богоразом, а в 1939 г. – второй том перевода его монографии «Чукчи». Затем имя Богораза почти

[15] Шахнович 2018: 448, 450.
[16] Памяти Богораза 1937: XIII.
[17] Лярская 2016: 172.
[18] История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков). 1938: 25.

исчезло из текста научных и научно-популярных работ, его изредка упоминали в связи с Музеем истории религии. Лишь в 1958 г. «Детгиз» издал сборник «Северные рассказы», а через год вышла научно-популярная книга Б.И. Карташева о Богоразе «По стране оленных людей».

Публикуемая стенограмма заседания Президиума помогает понять сложившееся в Академии наук отношение к Музею истории религии, показывает предлагаемые Президиумом варианты решения его проблем, отражает имевшую место межинститутскую конкуренцию в проведении религиоведческих исследований, а также характер принятия решений в академическом пространстве в рассматриваемый период.

Стенограмма заседания Президиума Академии наук СССР[19]
О Музее истории религии

Акад[емик] И.А. Орбели[20]**:** – Вопрос, о котором я должен доложить, возник вследствие обращения Ленинградского областного отдела Союза работников науки и высшей школы к секретарю ВЦСПС[21] тов. Швернику[22], а тов. Шверник переслал это обращение в Президиум Академии наук.

Областной отдел Союза обращает внимание на недопустимое с его точки зрения положение Музея истории религии Академии наук, расположенного в Казанском соборе в Ленинграде. Причем в самой записке тов. Рыбакова предусмотрен целый ряд пунктов, которые, по мнению тов. Рыбакова, заслуживают большого внимания.

Прежде чем перейти к существу дела я должен доложить, что беседовал по телефону с тов. Рыбаковым довольно обстоятельно и после этой беседы я считаю, что при обсуждении вопроса о положении Музея истории религии должен быть приглашен представитель Ленинградского областного Союза тов. Рыбаков, ибо он этому моменту придает очень большое значение. Может быть Президиум сочтет правильным учесть желание тов. Рыбакова с тем, что мой сегодняшний доклад будет считаться предварительным, а при уточнении выводов в одном из следующих заседаний должен быть приглашен представитель Областного отдела Союза.

Должен сказать, что вся информация, которой оперирует тов. Рыбаков, как видно из текста его записки, основана на сведениях, которые были доставлены Областному отделу Союза месткомом Музея.

При том тов. Рыбаков мне сказал, что целую шестидневку он лично занимался этим вопросом и пришел к печальным выводам. Некоторые пункты его записки действительно вызывают исключительно большую тревогу. В частности, такую тревогу вызывает тот раздел записки Рыбакова, где указывается на недопустимое состояние Казанского собора, построенного Воронихиным. Этот собор, как говорит записка, уже 40 лет не ремонтируется, причем не ремонтируется не только фасад, но и крыша собора[23].

Что касается фасада, то это неверно. Я, как ленинградский старожил, живущий в Ленинграде в течение 33 лет, знаю, что фасад Казанского собора ремонтировался,

[19] Стенограммы заседаний Президиума Академии наук СССР, 25 июля 1937 – 25 сентября 1937 г. // Архив РАН. Ф. 1. Оп. 3а–1937. Д. 9. Л. 127–149. Точную дату заседания выявить не удалось. По косвенным данным 5 или 15 августа 1937 г.

[20] Иосиф Абгарович Орбели (1887–1961) – востоковед, академик АН СССР (1935), в 1934–1951 директор Эрмитажа; в 1942–1946 вице-президент Академии наук.

[21] ВЦСПС – Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов, руководил деятельностью всех профсоюзных организаций СССР с 1918 по 1990 г.

[22] Николай Михайлович Шверник (1888–1970) – советский государственный деятель; в 1930–1944 гг. и в 1953–1956 гг. председатель / первый секретарь ВЦСПС СССР.

[23] Ремонт внутренних помещений, кровли и фасадов собора начался сразу после передачи здания в ведение АН СССР и шел постоянно. Руководство музея регулярно обращалось к руководству АН с просьбой увеличить финансирование ремонтных работ.

так что все-таки 40-летнего стажа тут нет. Но что касается до крыши, то, по моим сведениям, там есть течка и на это мы должны обратить самое серьезное внимание, необходимо, чтобы то ни стало немедленно отремонтировать крышу. Вообще нельзя так относиться к такому высокоценному художественному и историческому памятнику, каким является Казанский собор.

Казанский собор является памятником войны 1812 года. Это не случайно построенная красивая церковь, а церковь, построенная одним из гениальнейших русских художников-архитекторов, церковь, которая имеет определенный замысел и этот замысел надо сказать вполне удался. Кстати, в этом соборе находится могила Кутузова, воспетая Пушкиным[24]. Надо сказать, что эта могила несколько лет тому назад была вскрыта, причем вскрыта без соблюдения надлежащих формальностей. Работниками музея ночью были вынуты останки тела Кутузова, снят мундир, ордена[25]. Это безусловно произошло не без участия покойного Богораза, это его заслуга[26]. Он, по-видимому, собирался [*неразборчиво*] в этом гробу Кутузова. Во всяком случае, в некоторой части его желание исполнилось – отпевание было в Казанском соборе и я в нем участвовал[27].

Должен сказать, что, по непроверенным сведениям, в подвалах музея, или в других подсобных помещениях, хранятся реликвии, которые хранились раньше в Казанском соборе, – замечательное собрание знамен, которые, кстати, тоже воспеты Пушкиным. Это недопустимо[28]. Поскольку это здание в ведении Академии наук, на это должно быть обращено внимание. По-видимому, местком к этой стороне дела не привлек внимание Областного совета профессиональных союзов. Поскольку значение войны 1812 г. далеко выходит за пределы XIX века, на это следует обратить внимание.

У тов. Рыбакова сложилось необоснованное впечатление, что в Академии наук у целого ряда ответственных лиц отрицательное отношение к идее музея истории религии, что эта идея в загоне. Он приводит выписки из мнений, высказанных Горбуновым[29], Волгиным[30] и Дебориным[31]. В самих записках Волгина и Горбунова я не

[24] Гробница М.И. Кутузова была воспета в 1831 г. в стихотворении А.С. Пушкина:

Перед гробницею святой
Стою с поникшею главой…
Все спит кругом; одни лампады
Во мраке храма золотят
Столпов гранитные громады
И их знамен нависший ряд….

(*А.С. Пушкин.* Собрание сочинений в 10 т. М., 1956–1962. Т. 2. М., 1956. С. 337).

[25] Здесь и далее пересказываются слухи, ходившие в Ленинграде с 1930-х гг. На самом деле никакие предметы из могилы полководца не были изъяты. Процесс вскрытия склепа и саркофага был скрупулезно зафиксирован на фотографиях.

[26] Вскрытие могилы М.И. Кутузова было проведено 4 сентября 1933 г. по указанию первого секретаря Ленинградского обкома ВКП (б) С.М. Кирова. Вскрытие произвела комиссия в составе директора МИР В.Г. Богораза, ученого секретаря музея В.Л. Баканова, заведующего фондами музея К.Ф. Воронцова в присутствии представителя от ОГПУ (его подпись на документе неразборчива). См.: Акт о вскрытии могилы М.И. Кутузова // ЦГАЛИ СПб. Фонд Р-195. Опись 1-1. Дело 1. Л.1.

[27] Речь идет о гражданской панихиде В.Г. Богораза, проходившей в МИР АН СССР.

[28] Знамена в 1913 г. были переданы из собора в Артиллерийский музей, позже оказались в эвакуации в Ярославле, где в результате пожара большая часть коллекции была утрачена, оставшиеся знамена попали в коллекцию Эрмитажа. В Казанском соборе сохранялось всего пять французских штандартов.

[29] Николай Петрович Горбунов (1892–1938) – советский государственный деятель, академик АН СССР (1935); в 1935–1937 – непременный секретарь Академии наук.

[30] Вячеслав Петрович Волгин (1879–1962) – советский историк, академик АН СССР (1930), 1930–1935 непременный секретарь, 1942–1953 вице-президент АН СССР.

[31] Абрам Моисеевич Деборин (1881–1963) – советский философ-марксист, академик АН СССР (1929), один из основателей Института философии АН СССР (в 1929–1936 находился в составе Коммунистической академии).

усмотрел признаков того, чтобы эту идею загнали. При устном выступлении Деборина я лично присутствовал, и у меня не сложилось впечатление, чтобы Деборин был знаменосцем борьбы с антирелигиозным движением.

Волгин формулирует свою мысль так: *(читает)* [32]. Речь шла о том, чтобы передать музей в другую систему. Горбунов обратился к Наркому просвещения с предложением взять музей в ведение НКПоса. Он пишет: *(читает)***.** Наконец, Деборин формулировал свою мысль так: поскольку музей не ведет научно-исследовательской работы, его надлежит передать в ведение Ленсовета, в качестве агитационного музея. Деборин, высказываясь в Отделении общественных наук[33], героически отстаивал идею Музея истории религии и атеизма, но выражал сомнение в том, чтобы Академия наук в настоящее время имела возможность надлежащим образом поставить научно-исследовательскую работу, без чего нахождение музея в Академии наук недопустимо.

Музей истории религии находится в ведении Института антропологии, археологии и этнографии[34]. Может быть потому, что он находится при этом институте, может быть потому, что он организовывался Богоразом, может быть потому, что фактически его строили люди, имеющие мало отношения к атеизму (его строил Александров, который оформлял выставку для Геологического конгресса, он малый антирелигиозник, он артист, специалист по выставкам, выставочный артист, таким был старик Каврайский, молодой – Александров[35]), он получился таким, что не может оставаться в системе Академии наук. Получился не музей, а выставка истории религии и атеизма, где никакой научно-исследовательской работы нет. Я с удивлением узнал, что Институт философии никакого касательства к этому музею не имеет. Если говорить о Музее истории религии и атеизма, то это дело в первую очередь Института философии, поскольку не может быть никакого изучения религии вне рамок философии. Но музей не заинтересован в переходе к Институту философии.

Может быть нахождением Музея в ведении Института антропологии, археологии и этнографии объясняет то, что в музее представлены только «экзотические» религии. В музее истории религии и атеизма отсутствует католицизм, его не было. В связи с этим, там, где показывается православие, никаким способом не отмечена уния в Брест-Литовске. Абсолютно не отмечено. Ничего нет того, что касается Ордена меченосцев, ничего нет также и о крещении Руси, очевидно выпало это в связи с теми указаниями, которые в свое время давались. Получается так, что Русь не крестилась, а сразу стала православной.

Затем об «экзотических» религиях. В этом разделе, например, уделено большое внимание анимизму[36], но анимизм дан независимо от того, где, когда, в среде какого народа сделаны соответствующие наблюдения по анимизму. Таким образом, мы здесь имеем дело даже не с социологизмом[37] в том смысле как это слово произносится с упреком, а такую схему, которая абсолютно никому не нужна, п[отому] ч[то] анимизм вне времени, вне пространства, вне среды никому ничего не говорит.

---

[32] Видимо, речь идет о ходатайстве непременного секретаря Академии наук академика В.П. Волгина в ВЦИК СССР от 5 сентября 1934 г. о передаче МИР из системы АН СССР, в котором пишет «Соответствующие научные проблемы ставятся в общеисторических учреждениях Академии наук и дублировать работу Академия не считает необходимым, тем более, что количество научных работников по истории религии в высшей степени ограничено». (Цит. по: Шахнович, Чумакова 2014: 212).

[33] А.М. Деборин в 1937 г. возглавлял Отделение общественных наук АН СССР.

[34] Президиум АН СССР 20 сентября 1936 г. принял постановили о слиянии МИР с Институтом антропологии и этнографии АН СССР на правах секции института.

[35] Речь идет о художниках, занимавшихся оформлением постоянных и временных экспозиций Академии наук. Точно установить их биографии не удалось.

[36] Анимизм – это ранняя форма религиозных верований, изучением которой занимался В.Г. Богораз, создавший оригинальную концепцию анимизма. См. подробнее

[37] Социологизм – философско-социологическая концепция, зародившаяся в конце XIX в., утверждающая первостепенное и исключительное значение социальной реальности и социологических методов в объяснении бытия человека и его среды.

Уделено большое внимание античным религиям, но опять-таки здесь все дано в такой форме, которая заставляет сказать, что такой музей не имеет права на существование не только в системе Академии наук, но и в системе какого-либо другого научного учреждения. Можно привести целый ряд вопиющих примеров. Например, неизвестно, почему Менандр назван отцом комедии, когда всем прекрасно известно, что отцом комедии является Аристофан[38]. Менандр – почтенный муж, историческое лицо, но в такой трактовке его давать нельзя. Другое дело, если бы дали Аристофана, его комедии «Лягушки» и «Облачко», где вы имеете идею борьбы с божеством. Но Менандр тут абсолютно не при чем.

Затем есть статуя (копия одной из 9-ти мадонн), при чем сделана надпись – «Молящаяся женщина». Почему? Единственно, может быть, потому, что одна рука под покрывалом приподнята, можно сделать предположение, что она крестится. Никаких других оснований, чтобы назвать ее молящейся женщиной нет.

Религия Рима. Эпоха раздела империи – тут показаны вещи, относящиеся ко второму и более отдаленным векам до нашей эры. По-видимому, несерьезно относятся к этому делу работники музея. То же относится и к Греции – показываются вещи, относящиеся к пятому веку до нашей эры.

Что касается религии Востока, то как будто бы этим религиям уделяется большое внимание. Но опять-таки то, что делается выходит за рамки не только научной грамотности, но вообще самой элементарной грамотности. Больше того, есть прямо антисоветские вещи. Вот, например, показывается ислам в царской России и ислам в СССР. Ислам в СССР показан таким образом: дана большая картина, на которой изображен чрезвычайно симпатичный цветущий узбек или таджик, несущий два пышных снопа, явно только что сжатых, и под этим надпись: «Большевистский урожай». Какое же впечатление получается? Ясно, что, не вдаваясь в рассуждения, можно сделать вывод, что это результат ислама, больше ничего придумать нельзя.

Что касается этикеток, которые даны к северным народам, то они совершенно изумительны. Я, к сожалению, не захватил выдержки и поэтому точно цитировать не берусь, но существо таково: при царе, оказывается, распространялись определенные амулетики и иконки среди народов Севера. Показаны эти иконки, «распространяемые» среди народов Севера. Но «распространяемые» – причастие настоящего времени, выходит, что СССР занимается распространением иконок. Это неграмотность в русском языке, неприятная неграмотность.

Вещи, которые показывают, что люди не умеют смотреть наверх. Во всяком православном храме купол поддерживается 4 столбами, апостольскими столбами. Они называются апостольскими не только потому, что на них изображены апостолы. Эти 4 апостола подчеркивают славу божью. На этих 4 столбах изображены евангелисты. В музее на этих апостольских столбах висят медальоны, портреты Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Такие медальоны уместны во всяком музее, в частности в антирелигиозном, но не на апостольских столбах, тем более, что над этими столбами парит бог Саваоф.

Научно-исследовательская работа протекает по плану, относительно которого в группе истории отмечено, что ряд тем выходит за пределы тех тем, которые могут вестись в музее истории религии и атеизма. Например, тема о движении ремесленников в Италии в XIII веке. Она, по-видимому, введена по признаку того, что значительная часть участников этого движения – сектанты. Но неудобно по этому признаку относить эту тему к истории религии, это тема института истории.

Состав музея – мальчики. О качестве его можно судить по продукции. Точнее результаты может выявить комиссия, которую надо будет направить для обследования музея.

---

[38] Менандр (342–291 до н.э.) и Аристофан (444 – между 387 и 380 гг. до н.э.) – древнегреческие комедиографы. Менандр считается основателем новой аттической комедии, в то время как Аристофан – древней. Нам сейчас сложно восстановить этикетаж, но упреки сотрудников музея в малограмотности сомнительны, поскольку античные экспозиции тех лет создавались при участии Б.Л. Богаевского и Е.Г. Кагарова.

Вообще или нужно строить музей или признать, что мы не в силах такой музей построить, который был бы основан на научной работе, и передать музей в ведение Ленинградского совета, чтобы он использовал его, как агитационный музей. Вообще идея устройства антирелигиозного музей в Казанском соборе – ответственная идея. Памятник искусства, который всегда выражает определенную идею. Воронихин гениальный русский художник, произведения его относятся к числу памятников высокого искусства. Несомненно, идея, выраженная Воронихиным, выражена гениальным мастером, поэтому построить антирелигиозный музей в Казанском соборе надо так, чтобы не [*пропуск нескольких слов*] Казанский собор. На копиях и слепках этого сделать нельзя. Принцип использования экзотических памятников весьма своеобразный в музее. Там имеется буддийский рай из коллекции Ухтомского[39], очень ярко раскрашенный. Оказалось, что работники музея озаботились о том, чтобы погасить блеск, чтобы не соблазнять посетителей, но на посетителей куда более соблазнительно действует это невежество, которое проявлено. Рядом ничтожество и величие Саваофа, парящего над столбами апостольскими.

Этим музеем должен заняться Институт философии. Дайте его не маленькой группе истории религии; пусть в этой группе, которая будет работать над музеем, будут не только молодые люди – я за то, чтобы работали молодые люди, но пусть в эту группу войдут столпы философской мысли, пусть они примут участие, иначе такой музей истории религии и атеизма, который, якобы, направлен для борьбы с религией, будет носить чрезвычайно мизерный характер, не соответствующий достоинству Академии наук.

Теперь относительно того, что с ним делать? Я думаю, что было бы правильнее всего поручить ак[адемику] Струве[40], который является одним из известных и убежденных борцов на антирелигиозном фронте и является одновременно директором Института [антропологии, археологии и] этнографии, совместно с комиссией, которая будет составлена Президиумом или образована им самим, прежде всего устранить всю безграмотность. Ведь совершенно недопустимо иметь в музее такой материал потрясающей безграмотности. Ведь каждый семинарист (если таковые у нас еще есть), каждый попик (а такие у нас еще есть) прекрасно знают о Менандре, каждый окончивший духовную семинарию поймет, какая безграмотность в музее и это нам приносит большой вред. Таким образом, первая задача, которую мы должны поставить перед комиссией – это ликвидировать безграмотность в музее.

Что касается вопроса о том, надо ли этот музей оставить в системе Академии наук (в этом случае в системе Института философии) или же его надо передать Ленинградскому Совету, то это другой вопрос. Этот вопрос тоже надо будет решить, но первой задачей должно быть выправить все эти грубейшие ошибки, которые там имеются и оградить себя от того, чтобы через полгода эти ошибки не были повторены. Мы должны помнить, что сейчас борьба на антирелигиозном фронте очень существенно меняется, сейчас после принятия Сталинской конституции, нам нужны совсем иные методы работы, а не те методы, которыми работал Богораз.

Я еще раз подчеркиваю, что в системе Академии этот музей может находиться только при Институте философии, ибо только Институт философии может обеспечить правильную постановку Музея Истории религии.

В заключение я хотел остановиться еще на одном моменте. В письме Рыбакова один вопрос внушает мне большую тревогу. Он говорит, что за последнее время по сведениям, которые у него имеются, некоторые работники музея, в частности те лица, которым не приходится особенно доверять, эти лица занимаются усиленно чтением лекций в военных частях. Был случай, когда пришлось дать отрицательный отзыв о лице, который желал ехать на Дальний Восток, причем до этого он очень

[39] Эспер Эсперович Ухтомский, князь (1861–1921) – русский дипломат, ориенталист, публицист, коллекционер; один из приближённых Николая II.

[40] Василий Васильевич Струве (1889–1965) – советский востоковед-марксист, египтолог и ассириолог, академик АН СССР (1935); с 5 августа 1937 по 28 мая 1938 г. директор Института востоковедения АН СССР (вр. исп. об.).

долгое время пробыл в Белорусском военном округе и Кронштадтской крепости (**Донцов:**[41] – прочитал там 4 тыс. лекций[42]). Получается так, что он только и делает, что лекции читает, даже отдохнуть некогда. И вот он читал такие лекции в Белоруссии и Кронштадте, а теперь хочет перенести свою полезную деятельность на Дальний Восток. Мне кажется, что об этом нужно очень сильно подумать.

Донцов: – Вопрос о состоянии музея и о его передаче стоял уже неоднократно. Если глядеть с точки зрения тов. Рыбакова, то целый ряд работников Академии наук должны быть признаны вредителями, в том числе и я. Если исходить из его точки зрения, то это мы должны признать. Я был одним из поборников передачи музея в Ленсовет и по следующим основаниям. Я считал, что если бы музей вел научно-исследовательскую работу, то в течение 5–6 лет он несомненно должен был бы дать какую-то самостоятельную, общепризнанную творческую продукцию, а он этого не дал.

Работа выражается в издании одной брошюрки. Издание исключительно сомнительного характера, она нигде не рекомендована, наоборот, **она опорочена.**

Была идея передать музей Институту этнографии, чтобы в Ленинграде можно было бы руководить работой, О[тделение] о[бщественных] н[аук] не могло следить за работой. Попытка эта не увенчалась успехом. Нет сил, которые были способны вести научно-исследовательскую работу по антирелигиозным вопросам. Все, что собрано, это люди, которые в лучшем случае способны на экспозицию, которую так красочно изложил Иосиф Абгарович. Эта экспозиция имеет значение для города, чтобы вести антирелигиозную пропаганду. Определяет ли экспозиция научно-исследовательскую работу? Никак. А люди способны на научно-исследовательскую работу на основе экспозиции.

Позволю себе сказать несколько слов о тезисе И.А. [Орбели] относительно того, что музей должен быть в Институте философии. Я на это смотрю отрицательно и вот почему. Институт философии имеет группу антирелигиозников, в которой собрано все лучшее, что есть в Москве, но работа на основе экспозиции музея невозможна. Все соображения И.А. [Орбели] правильны, но с предложением о том, чтобы передать музей Институту философии ничего не получится. Институт философии не будет ставить научно-исследовательской работы на основе экспозиции. Мне кажется, что для того, чтобы усилить антирелигиозную пропаганду нужно передать музей в организацию, которая этим могла бы специально заниматься. Перебросить людей отсюда мы не сможем. Такая попытка была сделана. В течение полугода Президиум, бывший непременный секретарь, тов. Кржижановский[43], ставили вопрос о том, чтобы тов. Ярославский[44] считался руководителем музея, но тов. Ярославский категорически отказался, ничего не получилось из этого дела. А те работники, которые имеются в институте, не отвечают требованиям научных сотрудников.

В отношении второй группы вопросов, относительно состояния музея. Состояние таково, что дальше терпеть этого нельзя. Нужна очень крупная сумма, не менее миллиона рублей, чтобы коренным образом переделать электропроводку. Эта проводка – источник для пожаров. Вся проводка сделана по крыше, в таком виде, который не разрешается органами надзора. Крыша нужна новая, стропила прогнили, И.А. [Орбели] об этом говорил. Нужно преобразовать фасад, все в основаниях колонн сыплется.

Мне кажется, что пора Президиуму поставить над этим вопросом точку. Дальше вести так работу мы не можем, так как, если мы оставим здание, как оно есть, мы

[41] Донцов – неустановленное лицо.

[42] *Так в тексте. Эти цифры не находят подтверждения в архивных источниках.*

[43] Глеб Максимилианович Кржижановский (1872–1959) – советский государственный и партийный деятель, ученый-энергетик, академик (1929); в 1929–1939 вице-президент АН СССР.

[44] Емельян Михайлович Ярославский (1878–1943) – советский партийный деятель, идеолог и руководитель антирелигиозной политики в СССР, председатель Союза воинствующих безбожников и Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП / ВКП (б); академик АН СССР (1939).

будем слышать песни не только со стороны Областного союза, но и от правительственных организаций. Такие представления пойдут в ВЦСПС, а ВЦСПС войдет в правительство.

Нужно будет принять решение о передаче и поставить перед председателем Ленсовета и перед руководителем Ленинградской партийной организации вопрос о том, чтобы этот музей передать в ведение Ленсовета. Иначе ничего не получится.

Акад[емик] Губкин[45]: – Самый важный вопрос – это теперешнее состояние Казанского собора. Мы за это отвечаем. Этот вопрос, по-моему, следует поставить независимо от того, передать или не передать музей. Это самый серьезный вопрос, это памятник большой исторической эпохи и притом памятник действительно неиспользованный. И, по-моему, независимо от того – передаем мы этот музей или не предаем, мы должны самым категорическим образом поставить вопрос и при том не откладывая в долгий ящик, поставить вопрос о состоянии музея. Надо чтобы Академия наук изыскала средства и отпустила бы эти средства для ремонта такого памятника как Казанский собор, это ведь памятник определенной исторической эпохи, созданный талантливейшим русским художником Воронихиным. Тут правильно Иосиф Абгарович сказал, что вопрос о том – передаем мы этот музей или оставляем у себя, это вопрос другой. Сейчас нам нужно создать комиссию, которая обследовала бы детально этот музей и представила свои предложения на рассмотрение Президиума. Тогда мы сможем вновь поставить этот вопрос, причем вызовем на это заседание Рыбакова. Но повторяю, это надо сделать в очень срочном порядке.

Ак[адемик] Брицке[46]: – Не находите ли вы, что об этом нужно довести до сведения правительства.

Ак[адемик] Губкин: – Безусловно, в этом отношении Академия наук должна проявить инициативу. Музей необходимо обследовать как с научной стороны, так и с технической. И когда комиссия даст свое заключение, мы тогда сообщим правительству.

Ак[адемик] С.И. Вавилов[47]: – Я хотел обратить внимание на следующее обстоятельство. Мне кажется, что в связи с предстоящим переездом всех Институтов Академии наук в Москву, все равно Академии придется отказаться от этого музея. И поэтому правильно бы начать подыскание другого хозяина. Конечно, можно хлопотать у Совнаркома об отпуске специальных средств для того, чтобы оказать помощь Ленсовету. Конечно, это большое затруднение для Ленсовета и необходимо будет материальную помощь оказать, если мы музей будем передавать. Но, по-моему, надо исходить из того, что этот Казанский собор должен все равно отойти от Академии наук.

Ак[адемик] Губкин: – Я думаю, что пока мы предрешать этот вопрос не будем до заключения комиссии, которую мы создадим для обследования этого музея.

Донцов: – Я считаю, что надо будет привлечь к работам комиссии представителя строительного управления Ленсовета, чтобы смета была составлена технически грамотно.

Ак[адемик] Брицке: – Было бы очень полезно привлечь ак[адемика] Щусева[48]. (Ак[адемик] Губкин: – Его нет, он в отпуске). Тогда кого-нибудь из других крупных архитекторов-художников. Мне кажется, что тут необходимо участие не только техников, но и архитекторов-художников, иначе можно сделать так, что потом мы бу-

---

[45] Иван Михайлович Губкин (1871–1937) – ученый-геолог, организатор советской нефтяной геологии; академик АН СССР (1929), вице-президент АН СССР (1936), председатель Азербайджанского филиала Академии наук СССР (1936–1939).

[46] Эргард Викторович Брицке (1877–1953) – ученый-химик и металлург, академик АН СССР (1932); 29 декабря 1936 – 28 февраля 1939 г. – вице-президент АН СССР.

[47] Сергей Иванович Вавилов (1891–1951) – физик, основатель научной школы физической оптики в СССР, академик (1932), президент АН СССР (1945–1951); в 1935–1938 член Президиума АН СССР.

[48] Алексей Викторович Щусев (1873–1949) – архитектор, академик архитектуры (1910), академик АН СССР (1943). Среди его работ Казанский вокзал, Мавзолей В.И. Ленина, здание Центрального телеграфа на Тверской в Москве, гостиница «Москва» и многие др.

дем очень горько расплачиваться. У нас есть такие случаи. Вот на Мраморном дворце была бронзовая крыша. Какие-то «техники» узнали, что бронза это дефицитный металл, что можно обойтись без бронзовой крыши, сняли ее и заменили железной крышей, как будто бы все сделали как полагается. Но результаты получились очень печальные: каждый год мы вынуждены ремонтировать эту крышу, а бронза оказалась такая, которую можно использовать для промышленных целей только после очень сложных манипуляций над ней. Таким образом, это себя не оправдало. А нам нужно обеспечить себя от повторения подобных ошибок. У нас есть крупные архитектора, которых можно привлечь в комиссию.

Шахновский[49]**:** – Я буду говорить только по одной части вопроса, в отношении здания Казанского собора. Я согласен с И.М. [Губкиным], что независимо от того, в чьих руках будет музей, вопрос о сохранении здания должен быть поставлен. Плохо, если поставим его не мы, а кто-то другой, мы фактически хозяева этого здания. Об этом здании нужно поставить вопрос. Мало того, что разрушается здание, имеющее большое историческое значение и интерес, это здание, находящееся в центре Ленинграда. Оно в таком состоянии, что Академии наук стыдно за него. До этого сигнала мы имели ряд сигналов, и сами наблюдали в каком состоянии находится это здание. Почему вопрос до сих пор не продвинут? Всех ассигнований, которые мы ежегодно имеем на ремонт, если по-настоящему ставить вопрос, на Казанский собор не хватит. Я был в Казанском соборе, лазил на крышу. Это огромный объем, тут нужно говорить о миллионных ассигнованиях. В обычные рамки наших ассигнований на капитальный ремонт эти работы не уложатся. Нужно поставить перед правительством вопрос, может быть мы виноваты, что мы раньше этого не сделали, но лучше поздно, чем никогда, нужно это сделать сейчас. Надо Ленинградскому хозяйственному управлению израсходовать деньги на приглашение специалистов, чтобы не отремонтировать Казанский собор так, чтобы он стал походить на Исаакиевский, а чтобы он остался Казанским собором, чтобы они составили счеты, направили бы их нам, а Президиум направил бы их правительству. Я не думаю, чтобы вопрос мог оказаться таким легким, что мы в этом году сумеем привести в порядок Казанский собор. Хорошо, если вопрос пройдет в этом году в Академии. По-видимому, придется выделить неотложные работы, поправить то, что грозит ценным экспонатам, отремонтировать проводку, которая грозит пожаром. То решение, которое принято сегодня в отношении ремонта, даст возможность бросить что-нибудь на экстренный ремонт. Поручить надо Ленинградскому хозяйственному управлению.

Ак[адемик] Борисяк[50]**:** – Указав, кого они должны пригласить.

Шахновский: – Может быть Иосиф Абгарович порекомендует.

Ак[адемик] Орбели: – Возглавить должен или Щуко[51] или Ильин[52].

Тов. Донцов: – Я позволю себе внести одно предложение. Я уверен, что собор входит в план реконструкции Ленинграда и это мы должны учесть. Поэтому, при составлении сметы на ремонт собора и особенно на реконструкцию фасада, нужно обязательно участие плановика из Ленинградского Совета, чтобы у нас не получилось разрыва. Поэтому нужно предложить комиссии привлечь к участию в работах комиссии представителей Управления Ленинграда.

Ак[адемик] Брицке: – Я считаю, что, так как нам говорят, что этот исторический памятник разрушается, и поскольку музей находится в ведении Академии наук, наша обязанность позаботиться о том, чтобы в срочном порядке отремонтировать

[49] Б.А. Шахновский – заместитель Управляющего делами АН СССР.

[50] Алексей Алексеевич Борисяк (1872–1944) – палеонтолог и геолог, академик АН СССР (1929); основатель и первый директор Палеонтологического института.

[51] Владимир Алексеевич Щуко (1878–1939) – академик архитектуры (1911); в советское время один из проектировщиков нового здания Библиотеки им. Ленина и нереализованного проекта Дворца Советов в Москве; один из создателей «сталинской архитектуры» – архитектурного направления в СССР.

[52] Лев Александрович Ильин (1879–1942) – архитектор, градостроитель; основная профессиональная деятельность прошла в Петербурге – Ленинграде.

этот собор. Конечно, к участию в работах комиссии надо привлечь как представителей Ленинградского Совета, так и авторитетных товарищей, архитекторов-художников, о чем я уже говорил. Надо чтобы такого рода техническая комиссия осмотрела собор, выявила его состояние и составила смету на необходимый капитальный ремонт с целью сохранения этого памятника, причем это надо сделать в самом срочном порядке. (С места: – *К 1-му октября*).

Таким образом, я считаю, что должны быть 2 комиссии – одна техническая комиссия, о которой я только что сказал, и вторая комиссия – музейная, научная комиссия. Эту комиссию надо просить возглавить ак[адемика] В.В. Струве. Надо поручить ему, как директору института, составить такую авторитетную комиссию из научных работников и обследовать Казанский собор, этот музей, с научной точки зрения и доложить свое заключение Президиуму.

Донцов: – Может быть сейчас уже довести об этом до сведения Ленсовета?

Ак[адемик] Орбели: – Я думаю, что пока это будет преждевременно. Я в своем докладе привел очень незначительную часть тех вопиющих безобразий, которые обнаружены при 3-х часовом осмотре музея. Надо будет чтобы В.В. [Струве] действительно возглавил эту работу с тем, чтобы мы в возможно короткий срок получили заключение такой авторитетной научной комиссии. Тогда мы опять вернемся на заседании Президиума к этому вопросу, позовем Рыбакова и окончательно решим вопрос, как нам быть с этим музеем. Думаю что к 1 октября и эта комиссия сможет закончить свои работы.

Ак[адемик] Губкин: – Если нет возражений против такого предложения, пока с этим вопросом можем покончить.

Архив Российской Академии наук. Ф. 1. Оп. 3а–1937. Д. 9. Л. 127–149.

Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга. Ф. Р-195. Оп. 1-1. Д. 1. Л.1.

БИБЛИОГРАФИЯ/REFERENCES

История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков): Краткий курс. М., Госполитиздат. 1938 [Istoriya Vsesoyuznoj Kommunisticheskoj Partii (bol'shevikov) : Kratkij kurs. M., Gospolitizdat. 1938].

Лярская Е. «Ткань Пенелопы»: «проект Богораза» во второй половине 1920-х – 1930-х гг. // Антропологический форум. 2016. № 29. С. 142-186 [Liarskaya E. «Tkan Penelopy»: «proekt Bogoraza» vo vtoroy polovine 1920-kh – 1930-kh gg. //Antropologicheskij forum, 2016, № 29. S. 142-86]

Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки / ред.-сост. Э.И. Колчинский. СПб.: Дм. Буланин, 2003 [Nauka i krizisy. Istoriko-sravnitel'nye ocherki / red.-sost. EH.I. Kolchinskij. SPb.: Dm. Bulanin, 2003].

Памяти В.Г. Богораза (1865–1936): Сборник статей / Отв. ред. акад. И.И. Мещанинов. М.-Л., Изд-во Акад. наук СССР, 1937 [Pamyati V.G. Bogoraza (1865–1936): Sbornik statej / Otv. red. akad. I.I. Meshhaninov. M.-L., Izd. Akad. nauk SSSR, 1937].

Шахнович М.М. В.Г. Богораз о религии и большевизме // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2018. № 3. С. 441–453 [Shakhnovich M.M. V.G. Bogoraz o religii i bol'shevizme // Vestnik SPbGU. Filosofiya i konfliktologiya . 2018. № 3. S. 441–453].

Шахнович М.М. Е.Г. Кагаров и музей истории религии Академии наук СССР // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2017. № 4. С. 571–581 [Shakhnovich M.M. E.G. Kagarov i muzej istorii religii Akademii nauk SSSR // Vestnik SPbGU. Filosofiya i konfliktologiya. 2017. № 4. S. 571–581].

Шахнович М.М., Чумакова Т.В. Идеология и наука: Изучение религии в эпоху культурной революции в СССР. СПб.: Наука, 2016 [Shahnovich, M.M., Chumakova, T.V. Ideologija i nauka: Izuchenie religii v jepohu kul'turnoj revoljucii v SSSR. SPb.: Nauka, 2016].

Шахнович М.М., Чумакова Т.В. Музей истории религии Академии Наук СССР и российское религиоведение (1932–1961). СПб.: Наука, 2014. 458 с. [Shahnovich, M.M., Chumakova, T.V. Muzej istorii religii Akademii Nauk SSSR i rossijskoe religiovedenie (1932–1961) Nauka, Saint-Petersburg, 2014].

Graham L. Science in Russia and the Soviet Union: A Short History. Cambridge: C.U.P., 1981.

Luehrmann S. Religion in Secular Archives: Soviet Atheism and Historical Knowledge. Oxford: Oxford University Press, 2015.
Smolkin V. A sacred space is never empty: a history of Soviet atheism. Princeton, U.P., 2018.
Yekelchyk S. Stalinist Patriotism as Imperial Discourse: Reconciling the Ukrainian and Russian "Heroic Pasts," 1939–1945// Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. № 3(1), 2002. P. 51-80.

Юсупова Татьяна Ивановна, *доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, СПбФ Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург: ti-yusupova@mail.ru*

Чумакова Татьяна Витаутасовна, *доктор философских наук, профессор, кафедра философии религии и религиоведения, Санкт-Петербургский государственный университет; t.chumakova@spbu.ru*

"What Should We Do with This Museum": The Museum for the History of Religion in the Soviet Academic Space of 1930-s

The article is centered at a case from the work of the Museum for the History of Religion of the Academy of Sciences of the U.S.S.R., when the top managers of the Academy tried to put it out of the academic system. Founded in 1932, the Museum was regularly under criticism for not good enough research work. The reason was the very specific fot the Museum – on the point of view of the Academy's top managers, the work of the Museum was connected more with the exhibition and educative activity, than the research one. The stenographic report of a meeting of the Presidium of the Academy of Sciences from August 1937, which is published in the attachment, illustrates the conflict between the Museum and the top management of the Academy; it provides additional information on the history of the Museum and its activity, it reflects some complications of the process of the shaping of the Museum and searches for its place in the system of the Academy, as well as other problems – those which the research community faced at the epoch of the Great Terror.

Keywords*:* Museum for the History of Religion, Academy of Sciences of the USSR, V.G. Bogoraz, intellectual history, relations inside the Academy of Sciences

Tatiana I. Yusupova*, Dr. Sc. (History), Senior Researcher of Institute for the History of Science and Technology, St. Petersburg Branch, Russian Academy of Sciences; Russian Federation: ti-yusupova@mail.ru*

Tatiana V. Chumakova*, Doctor of Philosophy, Professor, Saint Petersburg State University, Russian Federation: t.chumakova@spbu.ru*

М.Ц. Арзаканян

ФОРМИРОВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ФРАНЦИИ НА ОСНОВЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ

Истоки формирования французской политической системы уходят своими корнями в эпоху Средних веков и раннего Нового времени. На протяжении столетий французские короли вели борьбу за образование единого государства путем присоединения новых земель к своему домену. Его складывание завершилось в конце XV в. В процессе укрепления государства создавались и его властные структуры. В статье показано, как французские исторические традиции и складывающиеся на их основе национальная историческая память и историческое наследие повлияли на формирование и изменение политической системы современной Франции.

Ключевые слова: *Франция, историческая память, политическая система, власть*

В XVII в. французское государство вступило в эпоху расцвета. Утвердившийся в стране политический режим стал называться абсолютной монархией. Король считался государем по «божественному праву», единственным носителем суверенитета (верховной власти). Тем не менее, существовал Королевский совет – по существу, кабинет министров, которых назначал сам монарх. При Людовике XIII и малолетнем Людовике XIV два кардинала – Ришелье и Мазарини возглавляли Королевский совет, выполняя таким образом функции первого министра. Именно пара – король и его «премьер» являли собой исполнительную власть и принимали все важные решения по вопросам внутренней и внешней политики. После смерти в 1661 г. кардинала Мазарини Людовик XIV заявил, что отныне он будет править единолично, выдвинув знаменитую формулу «Государство – это я». Однако кабинет министров в виде Королевского совета продолжал существовать. Его главой был Жан-Батист Кольбер, официально именовавшийся с 1665 по 1683 г. генеральным контролером финансов. Режим абсолютной монархии стал отличительной чертой и главной политической традицией страны.

Большие изменения в сложившийся порядок вещей принес XVIII век. Огромное влияние на изменения в политических взглядах французов оказали сочинения известных философов-просветителей Монтескье, Вольтера, Дидро, Даламбера, Руссо и др., выступавших с осуждением режима абсолютной монархии. Эти мыслители пропагандировали идеи разума, прогресса, свободы и равенства, принципы справедливого общественного устройства, писали о разделении властей (на исполнительную и законодательную), конституции, парламенте, демократии и республике. Французские ученые-физиократы выдвигали лозунги свободы предпринимательства и торговли[1]. Такие идеи с одобрением воспринимались передовыми представителями всех трех сословий и даже некоторыми людьми из властных структур.

[1] См.: Карп 2013: 100-103; Плавинская 2013: 210-217.

В последние годы правления Людовика XVI начался период затяжного кризиса. Он был одновременно экономическим из-за спада производства и внутриполитическим, заключающимся в неудачах, которые терпели «министры» страны при попытках проведения административной и налоговой реформ и обуздания постоянно растущего внутреннего долга и дефицита бюджета[2]. В ситуации нараставшего в обществе напряжения король решил созвать не собиравшиеся с 1614 г. Генеральные штаты. На их заседания 5 мая 1789 г. прибыли делегаты трех сословий Франции, причем самое многочисленное, третье сословие получило двойное представительство. 17 июня Генеральные штаты объявили себя Национальным, а 9 июля Учредительным собранием, так, по сути, впервые был созван общефранцузский парламент. Депутаты заявили, что отныне государственный суверенитет принадлежит всей нации, а не королю. 14 июля парижане штурмом взяли королевскую тюрьму Бастилию – символ монархической власти. С этого события началась Французская революция 1789–1799 гг. (в советской историографии она по праву именовалась «Великой»). Во время штурма тюрьмы его участники украсили себя кокардой, соединившей красный и синий цвета герба Парижа с белым цветом королевского знамени. Такой триколор превратился в эмблему революции, а впоследствии в один из символов республики.

В процессе революции произошла настоящая смена вех в сознании французов о том, как должна дальше жить и развиваться Франция и при каком режиме ей надлежит двигаться вперед. Революционные события буквально смели старые стереотипы, уничтожили вековые традиции, и на их руинах стали формироваться совершенно новые, постепенно, порой болезненно, утверждавшиеся в национальной исторической памяти. В августе 1789 г. Учредительным собранием была принята знаменитая «Декларация прав человека и гражданина»,[3] объявившая высшим источником власти не короля, а нацию, а всех людей свободными и равными в правах. 14 июля 1790 г. на праздновании первой годовщины взятия Бастилии, на знаменах национальных гвардейцев был записан девиз «Свобода, равенство, братство». Так в традицию вошла знаменитая триада, которая впоследствии стала главным словесным символом Франции. Принятие декларации заложило основы демократического устройства страны. В Учредительном собрании депутаты стали рассаживаться согласно своим политическим убеждениям. Более умеренные (главным образом монархисты) сели справа, а те, которые ратовали за продолжение революции – слева. В середине находились колеблющиеся – «болото». К этому событию восходит ставшее традиционным во Франции деление политических течений на правых, левых и центристов.

Конституция 1791 года, принятая в сентябре, установила во Франции режим конституционной монархии. Основным принципом государ-

[2] Histoire de France 2003: 308-315.
[3] См.: Конституции и законодательные акты буржуазных государств 1957: 250-252.

ственного устройства впервые стало разделение властей. Исполнительная власть оставалась в руках короля, законодательная – принадлежала Законодательному собранию. Его избирали все «активные» граждане – мужчины, достигшие 25-ти лет и платившие прямые налоги. Не имеющие права голоса назывались «пассивными» гражданами.

После бегства Людовика XVI из Парижа в июне 1791 г. его репутация сильно пошатнулась. В результате восстания в августе 1792 г. монархия была свергнута. В следующем году Людовика XVI судили и обезглавили. В 1792 г. Франция вступает в период продолжительных войн. Французская армия сражается с монархическими государствами Европы, отстаивая дело революции. В апреле военный инженер Клод Руже де Лиль сочинил «Марсельезу», ставшую сначала самой популярной боевой песней, а впоследствии и гимном Франции.

После падения монархии прошли выборы в Национальный конвент. Было введено равное избирательное право для всех мужчин, достигших 21-го года (кроме домашней прислуги). В сентябре 1792 г. декретом Конвента во Франции была установлена Первая республика. Конституция 1793 г., одобренная в июне на референдуме (плебисците) отдавала законодательную власть в стране однопалатному парламенту – Законодательному корпусу. Правда, выборы в него так и не были проведены, и Конвент продолжал свою работу. Теперь в нем заседали республиканцы всех мастей. Умеренные – жирондисты, более левые – монтаньяры (они сидели в Конвенте на самых высоких скамьях –на «горе»), еще левее в политическом спектре – эбертисты (сторонники Ж. Эбера). На принятие решений пытались влиять представители крайне радикального движения «бешеных», возглавляемые Жаком Ру. Конвент объявил всех крестьян Франции свободными собственниками земли и утвердил революционный календарь, вводивший новые летоисчисление и названия месяцев. Первым годом республики стал 1792 г., а первым месяцем – сентябрь, в который ввели республиканскую форму правления. После утверждения Конституции 1793 г. фактически во Франции была установлена диктатура монтаньяров (именуемая также якобинской), развернувшая политику революционного террора. Диктатуру монтаньяров свергли 27 июля (9 термидора) 1794 г. представители более умеренных политических кругов, считавших что революция зашла слишком далеко.

Термидорианцы вынесли на референдум Конституцию 1795 г., согласно которой парламент – Законодательный корпус был двухпалатным и состоял из Совета старейшин и Совета пятисот. Выборы теперь стали двухступенчатыми. Исполнительная власть была отдана в руки Директории из пяти человек. В стране оживились непримиримые монархисты (роялисты) и монархисты-конституционалисты. Несколько раз Франция оказывалась на грани контрреволюционного мятежа[4].

Окрыленный славой крупных военных побед над монархическими государствами Европы, Наполеон Бонапарт решил, что ему незачем це-

[4] См. Бовыкин 2016.

ремониться с Первой республикой и при поддержке некоторых членов Директории 9 ноября (18 брюмера) 1799 г. совершил государственный переворот. На этом закончила свое существование грандиозная по своим масштабам Французская революция конца XVIII в., а вместе с ней и ее главное политическое детище – республиканский режим.

Эпоха первой революции во Франции имела огромное значение для развития ее социально-политической системы. Революция уничтожила Старый порядок (так уже в XIX в. историки стали называть абсолютную монархию) с его пережитками феодализма, ликвидировала деление жителей Франции на три сословия. Революция воплотила в жизнь такие понятия как национальный суверенитет, отделение церкви от государства, демократия, республика, конституция, парламент, разделение властей, правые и левые, власть и оппозиция, плебисцит (референдум), избирательное право. Они глубоко «врезались» в коллективную память всех поколений очевидцев пережитого страной потрясения. Но прошло еще три четверти века, прежде чем Франция сделала их незыблемой частью своих исторических традиций. Формально республика с ее революционными атрибутами (летоисчислением, названиям месяцев) продолжала существовать до 1804 г., но введенная Наполеоном Конституция 1799 г. фактически ее упразднила: исполнительная власть во Франции отдавалась в руки трех консулов сроком на 10 лет. Первым из них стал Бонапарт, два остальных не принимали политических решений. Законодательная власть была разделена на Государственный совет, Сенат, или Сенатус-консульт (оба названия заимствованы из истории Древнего Рима), Трибунат и Законодательный корпус, которые не играли важной роли в управлении страной. Начал свою историю режим, получивший название Консульства, а по существу – диктатура Наполеона.

Конституция 1802 г. сделала Бонапарта пожизненным консулом, а Конституция 1804 г. объявила его императором всех французов. В декабре он короновался в Соборе Парижской богоматери под именем Наполеона I. Хотя и в 1802, и в 1804 гг. Бонапарт провел плебисциты (референдумы). В 1802 г. французов спрашивали, хотят ли они, чтобы консул правил пожизненно, а в 1804 г. – хотят ли они, чтобы пожизненный консул стал императором. Оба раза подавляющим большинством французы ответили «да». Как и при выборах в законодательные палаты, волеизъявление было косвенным. В окончательном голосовании приняло участие только 3,5 млн чел. Фактически в страну безболезненно вернулась монархическая форма правления. При этом память о революции, демократии и республике никуда не исчезла. В восприятии современников и в памяти последующих поколений годы «Великой французской революции запечатлелись как целая историческая эпоха, на протяжении которой происходили грандиозные события, перевернувшие весь мир»[5].

[5] Смирнов 2017: 47.

После «Ста дней» и окончательного отречения Наполеона произошла Реставрация Бурбонов. Король Людовик XVIII проявил политическую мудрость. Он понимал, что вернуть страну после бурных событий и смены режимов к Старому порядку уже невозможно. Еще до Венского конгресса он октроировал (даровал) французам Конституционную хартию 1814 г., закрепившую основные гражданские свободы – личности, печати, слова, совести, равенства всех перед законом. Согласно хартии, исполнительная власть принадлежала королю, а законодательная – двум ветвям парламента, Палате пэров и Палате депутатов. В первую Людовик XVIII назначал родовитых дворян дореволюционной Франции. Вторая выбиралась на основе высокого возрастного и имущественного ценза. Государственным флагом вновь стало белое знамя Бурбонов, исполнять «Марсельезу» запретили. Вместо нее в качестве гимна играть и петь, как и во времена Старого порядка, стали «Te Deum». Итак, Франция вернулась к режиму конституционной монархии, установленному на первом этапе революции (его часто называли Цензовой монархией).

Слева к правительству находилась либеральная оппозиция, выступавшая за соблюдение принципов Конституционной хартии, а самой активной правой политической группировкой страны стали ультрароялисты, которые требовали восстановления монархии Старого порядка. После кончины Людовика XVIII в 1824 г. на престол взошел его младший брат Карл X, лидер ультрароялистов. Его авторитарная реакционная политика вызвал большое недовольство. В конце июля 1830 г. в результате восстания против правительственных войск в Париже трон Карла X был опрокинут. В историю Франции эти события вошли как «Три славных дня» или Революция 1830 года, носившая характер политического переворота. Либеральная оппозиция предложила трон герцогу Луи-Филиппу Орлеанскому, представителю младшей ветви Бурбонов.

Луи-Филипп не стал издавать новый основной закон страны. Он ограничился тем, что внес поправки в Конституционную хартию 1814 г. (иногда она называется Конституционной хартией 1830 г.). Монарх именовался теперь «королем французов», а из хартии изъяли положение о том, что он «дарует» ее своим подданным. Король теперь был лишь главой исполнительной власти: он, как и в период Реставрации, назначал министров, но не мог отменять или приостанавливать законы, принятые парламентом, утратив право законодательной инициативы. Палата пэров стала избираться. В качестве государственного флага был возвращен сине-бело-красный триколор. Луи-Филипп в одной из своих речей, пусть и единственный раз вспомнил о «великой национальной победе 14 июля 1789 г.»[6], главном событии страны конца XVIII в.

В первой половине XIX века историческая память о великой революции и огромных изменениях, которые она принесла в общественно-политическую жизнь страны, стала базироваться уже не только на устных воспоминаниях, передаваемых от старших поколений к младшим.

[6] См. Смирнов, Посконин 1991: 43.

Начали издаваться многочисленные воспоминания о революции и книги историков, в которых были представлены порой диаметрально противоположные, суждения о пережитых страной событиях. Но начало изучения прошлого Франции было положено. Основы французской научной историографии заложили Адольф Тьер, Франсуа Гизо, Огюстен Тьерри, Жюль Мишле, Алексис де Токвиль, Альфонс де Ламартин.

Режим, установленный Луи-Филиппом, быстро окрестили Парламентской монархией. Поначалу правительство пошло по пути реформ, но вскоре они были свернуты. Такая ситуация привела к образованию оппозиции. Справа к власти находились монархисты-легитимисты (сторонники основной ветви Бурбонов) и бонапартисты. Слева сформировалось движение республиканцев, разделившихся на умеренных и радикалов. Во Франции распространялись социалистические и даже коммунистические идеи. Клод Анри де Сен-Симон, Шарль Фурье, Этьен Кабе, Пьер Жозеф Прудон, Луи Блан, Луи Огюст Бланки в своих трудах выступали за коренное переустройство общества. Одна из главных политических идей Французской революции конца XVIII в. – республиканская форма правления – все прочнее обосновывалась в умах французов.

После затяжного экономического кризиса 1846-1847 гг. во Франции произошла новая революция. В результате попыток разгона мощной стихийной манифестации столица в январе 1848 г. покрылась баррикадами. Луи-Филипп отрекся от престола, парижане ворвались в парламент и буквально заставили депутатов провозгласить создание республики. Вскоре было образовано Временное правительство, состоящее из умеренных республиканцев, более левых, социальных республиканцев (радикалов) и даже социалиста Луи Блана и рабочего Александра Альбера. В апреле 1848 г. прошли выборы в Учредительное собрание. Во Франции ввели всеобщее избирательное право. В голосовании могли участвовать все мужчины, достигшие 21 года. Большая часть депутатов нового собрания – 500 человек – представляла умеренных республиканцев, 300 человек называли себя консерваторами (по существу это были монархисты всех мастей). В мае парламент подтвердил создание во Франции Второй республики и образовал Исполнительную комиссию из 5-ти человек, призванную руководить правительством. Новый кабинет был более консервативным, чем предыдущий. Социальных республиканцев в нем почти не было, не говоря уже о социалистах. Такое положение вещей вызвало недовольство радикально настроенной части населения. В мае 1848 г. 150 тысяч парижан вышли на улицы с требованием создания нового демократического правительства. Исполнительная комиссия жестко расправилась с манифестантами. В июне прошли дополнительные выборы в Учредительное собрание. Их результаты свидетельствовали о размежевании политических сил. Наряду с социалистами, в первую очередь Прудоном, в собрание прошли и монархисты – орлеанист Адольф Тьер, глава бонапартистов принц Луи-Наполеон Бонапарт, племянник Наполеона I. После этого в Париже вспыхнуло нас-

тоящее восстание. В столице вновь начали строить баррикады. Комиссия ушла в отставку, передав власть военному министру генералу Кавеньяку, который сразу с помощью армии подавил мятеж.

Уже в спокойной обстановке в ноябре Учредительное собрание утвердило Конституцию 1848 г. С одной стороны, главные постулаты нового основного закона страны полностью базировались на политических идеях Французской революции конца XVIII в. – демократии (провозглашении незыблемости триады «Свобода, равенство, братство») и установлении республиканского режима. Франция объявлялась республикой. Законодательная власть закреплялась за однопалатным парламентом – Законодательным собранием. Эта политическая данность уже вошла для страны в традицию. С другой стороны, в конституции была прописана совершенно новая, нетрадиционная для Франции статья. Она гласила, что во главе исполнительной власти стоит президент. Ее внесли в конституцию по предложению Алексиса де Токвиля, который побывал в Америке, изучил демократический режим США и написал о нем пространный труд[7]. Именно из американской конституции и была позаимствована должность президента. Согласно новой французской конституции, он избирался на основе всеобщего избирательного права сроком на 4 года. Выборы президента состоялись в декабре 1848 г. На них неожиданно одержал победу Луи-Наполеон, набравший три четверти голосов избирателей. К принцу быстро примкнули монархисты всех мастей, создавшие «партию порядка». На выборах в Законодательное собрание в мае 1849 г. она получила 500 мест, умеренные республиканцы – только 70, а социалисты, объединившиеся в блок «новая гора», – 180.

Против Луи-Наполеона и образованного под его руководством правительства пытались, правда, безуспешно, выступать лишь социалисты. Кабинет же и Законодательное собрание шли по пути сворачивания достижений революции. Луи-Наполеон не скрывал своих авторитарных амбиций и 2 декабря 1851 г. совершил государственный переворот. Законодательное собрание было распущено, а лидеры оппозиции арестованы. Как и его знаменитый дядя, Луи-Наполеон решил получить одобрение своим действиям через плебисцит, назначенный на конец декабря, и добился успеха: 75% избирателей сказали ему «да». В январе новая Конституция 1852 г. расширила срок президентства до 10 лет. Но амбициозному главе государства и этого показалось мало, он опять провел плебисцит, на котором перед французами уже ставился вопрос о том, желают ли они установления в стране режима империи. И вновь подавляющее большинство избирателей ответило положительно. 2 декабря 1852 г. Бонапарт был объявлен императором под именем Наполеона III. Вторая республика уступила место Второй империи.

Итак, после поражения Революции 1848 г. в политическом развитии Франции опять начался откат назад: вновь возобладали монархические традиции. Тем не менее, прошедшая революция напомнила о демо-

[7] Tocqueville 1835-1840.

кратии (прежде всего, о всеобщем избирательном праве) и республике, а также четко разделила граждан на правых (монархистов) и левых (не только республиканцев, но и социалистов). В национальных политических традициях утвердилась идея проведения плебисцита (референдума), а также новое название главы государства (президента).

Наполеон III не стал создавать новый основной закон страны. Конституция 1852 г. и так наделяла его огромными полномочиями. Она закрепляла за главой государства прерогативы исполнительной и законодательной властей. Император единолично осуществлял внутреннюю и внешнюю политику страны, был главой армии и подписывал законы, назначал и смещал министров Государственного совета (правительства). В верхнюю палату парламента Сенат (Сенатус-консульт) Наполеон III вводил пожизненно людей по своему усмотрению. Нижняя палата – Законодательный корпус – избиралась всеобщим голосованием. Однако выдвигались только т.н. «официальные кандидаты», преданные режиму. Заседания Законодательного корпуса были ограничены лишь тремя месяцами в году, при этом депутаты лишались какой-либо инициативы. Установленный Луи-Наполеоном режим вплоть до 1860 г. именовался авторитарной империей. В 1860-е гг. правительство провело ряд социально-экономических реформ, которые привели к улучшению жизни французов, главным образом малоимущих слоев. Поэтому Францию называют уже либеральной империей. Еще большие изменения произошли в политической жизни страны в самом конце 1860-х. Обе палаты – Сенат и Законодательный корпус – получили все прерогативы законодательной власти. Депутаты и сенаторы стали обсуждать и вотировать законопроекты и государственный бюджет. Впервые в XIX в. был провозглашен принцип ответственности правительства перед палатами. Франция становится парламентской империей. Послабления режима и его явное движение в демократическом направлении привели к возрождению в стране оппозиции. Оживились монархисты – легитимисты и орлеанисты. Либеральную оппозицию возглавил орлеанист, политик и историк Тьер. На политической арене вновь появились республиканцы, на выборах в Законодательный корпус в 1863 и 1869 гг. они смогли провести своих депутатов. Среди них оказались политики нового поколения – Леон Гамбетта, Жюль Ферри, Жюль Фавр. Гамбетта разработал ряд радикальных требований, получивших название Бельвильской программы. Он выступал за самое широкое применение всеобщего избирательного права, свободу личности, прессы, собраний и ассоциаций, отделение церкви от государства, всеобщее обязательное бесплатное начальное образование. Опять заговорили о себе социалисты, идеи Прудона и Бланки оказывали влияние на умы лиц наемного труда.

Вторая империя пала в результате поражения в развязанной Наполеоном III Франко-прусской войне. Французская армия терпела одно поражение за другим и в завершение, окруженная неприятелем под городом Седан, во главе с императором сдалась на милость победителю.

2 сентября 1870 г. была подписана капитуляция. В ответ на такие события парижане, прибывшие в столичную Ратушу, провозгласили создание республики. Так свершалась Революция 4 сентября 1870 г.

Несмотря на то, что республиканский режим был провозглашен молниеносно, его становление, т.е. создание новых властных структур шло долго и мучительно. На пути этого процесса непреодолимой преградой вставали неудачные попытки продолжить войну, переговоры о мире с канцлером Отто фон Бисмарком и, наконец, новая Революция 18 марта 1871 г., которая привела к Парижской коммуне. В результате выборов в Национальное собрание, проведенных в условиях оккупации страны, новый парламент, состоявший в основном из консерваторов, избрал орлеаниста Тьера «главой исполнительной власти»[8]. В конце мая 1871 г. «глава исполнительной власти» буквально разгромил и потопил в крови Парижскую коммуну. По условиям подписанного в начале мая мирного договора с Пруссией, страна лишалась всего Эльзаса, большой части Лотарингии и должна была выплачивать огромную денежную контрибуцию. При таких печальных обстоятельствах во Франции устанавливался новый режим. Его положение еще долгое время оставалось шатким. Страна балансировала между республикой и монархией. Верх одерживали приверженцы то одной, то другой исторической традиции[9].

До 1873 г. у власти оставался кабинет Тьера. Согласно решению Национального собрания (по существу, монархического), с августа 1871 г. он именовался «президент республики». Этот государственный ранг уже становился для Франции традиционным. Легитимисты и орлеанисты лелеяли надежду на восстановление монархии, но не могли договориться между собой. Они затягивали разработку новой конституции, на чем настаивал Тьер, склонявшийся к республиканскому режиму. В марте 1873 г. собрание провело выборы президента. С незначительным перевесом Тьера опередил монархист маршал Патрис Мак-Магон. Он возглавил правительство «нравственного порядка». Под этим словосочетанием подразумевалось возвращение к «традиционным институтам»[10].

Тем временем укрепившие свои позиции республиканцы настаивали на разработке новой конституции. Бурные дебаты между монархистами и республиканцами всех направлений, а также «центристами», продолжались много месяцев. В результате с февраля по ноябрь 1875 г. Национальное собрание утвердило три конституционных закона: о президенте республики, Палате депутатов и Сенате. Они вошли в историю Франции под названием Конституции 1875 года. По новой конституции главой исполнительной власти становился президент республики. Законодательная власть принадлежала двухпалатному парламенту. Нижняя палата – Палата депутатов – избиралась на всеобщих выборах сроком на четыре года, верхняя – Сенат – специальными коллегиями выборщиков

[8] Подробно об этом см.: Арзаканян 2016: 210-228.
[9] См.: Lejeune 2007.
[10] Garrigues, Lacombrade 2009: 74-75.

на девять лет с переизбранием трети ее состава каждые три года (не считая нескольких десятков пожизненных сенаторов). Право голоса имели мужчины не моложе 21 года (кроме военнослужащих). На конгрессе – совместном заседании двух палат – избирался президент республики сроком на семь лет, и принимались поправки к конституции. За Палатой депутатов закреплялось право голосования по кандидатуре председателя совета министров. Депутаты могли простым большинством, как утвердить его на посту премьера, так и освободить от этой должности.

Во второй половине 1870-х гг. республиканцы еще более упрочили свои позиции. Они имели большинство мест и в Палате депутатов, и в Сенате. В 1879 г. президентом республики был избран республиканец Жюль Греви. Он дал понять, что не станет претендовать на главенство исполнительной власти над законодательной[11]. Таким образом, один человек (наподобие монарха) никогда не будет принимать важнейших политических решений. Для Франции монархическая практика окончательно ушла в историю и осталась лишь в коллективной памяти французов и ностальгических воспоминаниях некоторых из них. Центром политической жизни страны стала Палата депутатов. Во Франции окончательно сложился республиканский режим парламентского типа. Впервые со времен революции XVIII в. установили основные символы республики. Главным национальным праздником был провозглашен день взятия Бастилии 14 июля, а государственным гимном – «Марсельеза».

Важнейшей вехой в политической истории современной Франции стало начало XX в., когда образовались политические партии страны и сложилась классическая французская многопартийная система, просуществовавшая много десятилетий. Демократический альянс основали в 1901 г. республиканцы разных оттенков. В 1903 г. умеренные республиканцы провозгласили создание Республиканской федерации. Эти две партии находились на правом фланге политического спектра. В 1901 г. возникла Республиканская партия радикалов и радикал-социалистов, объединившая левые силы, приверженные идеалам демократической республики. В начале XX в. самый левый фланг французской партийно-политической системы представляла Социалистическая партия, образованная в 1905 г. и официально носившая название Французская секция рабочего интернационала (СФИО). Радикалы и социалисты первоначально считались левыми. Наконец, уже после Первой мировой войны, в 1920 г. левые социалисты, присоединившиеся к III Коммунистическому Интернационалу (Коминтерну), объявили о создании Французской коммунистической партии (ФКП)[12]. После образования ФКП радикалов все чаще стали называть партией центра, тяготеющей в зависимости от политических вопросов, актуальных в какой-либо момент, то к правому, то к левому лагерю. В общем и целом, вместе с формированием партийно-

[11] Albertini 2000: 77.
[12] Подробно о французских политических партиях см.: Арзаканян 2003.

политической системы страны окончательно сложилась политическая традиция деления партий на правых, левых и центристов.

Третья республика просуществовала во Франции 65 лет. Ее политическая система отличалась нестабильностью. С 1871 по 1940 г. у руля правления страной сменилось 105 (!) кабинетов министров. Такая ситуация затрудняла принятие важных государственных решений и свидетельствовала о слабости власти, соединявшей как исполнительные, так и законодательные функции. Будущий выдающийся политический и государственный деятель Франции генерал де Голль так писал о функционировании кабинета министров страны в 1930-е гг.: «Во главе министерских кабинетов я видел, несомненно, достойных, а порою и исключительно талантливых людей. Но особенности самого политического режима сковывали их возможности и приводили к напрасной трате сил»[13].

Вторая мировая война обернулась для Франции катастрофой. Центральными фигурами французской политики военного времени стали два военных – маршал Филипп Петен и генерал Шарль де Голль[14]. 22 июня 1940 г. Петен подписал франко-германское перемирие. Две трети страны, включая Париж, были оккупированы, а ее южная часть («свободная зона») и колонии контролировались профашистским правительством Петена, обосновавшимся в Виши. В июле в неоккупированной зоне маршал опубликовал «конституционные акты», фактически отменяющие Конституцию 1875 г. Посты президента республики и председателя совета министров упразднялись, заседания парламента прекращались, политические партии распускались. Вся полнота исполнительной и законодательной власти передавалась Петену, объявленному «главой государства». Не приняв перемирия, Де Голль основал в Лондоне организацию «Свободная Франция» (с середины 1942 г. – «Сражающаяся Франция»). Он прямо обвинил Петена в том, что тот отдал отчизну врагу, и утверждал: «Настанет день, когда наше вновь выкованное и отточенное оружие соединится с оружием наших союзников. И мы вернемся с триумфом на родную землю. Мы воссоздадим Францию».[15]

Де Голль был человеком правых политических взглядов. Его отец даже называл себя «тоскующим монархистом». Но во время войны генерал был вынужден сотрудничать с левыми силами. Именно коммунисты и социалисты составляли костяк движения Сопротивления, развернувшегося на территории оккупированной Франции. Де Голль стремился подчинить его своей власти, поэтому представлял себя приверженцем французской республиканской демократической традиции. Уже в мае 1942 г. генерал уверенно заявил, что «демократия – это правительство народа, избранное народом, а национальный суверенитет – это народ, осуществляющий суверенитет без каких-либо ограничений»[16]. В июне

[13] Голль 1957: 33.
[14] Подробнее о де Голле и Петене см.: Арзаканян 2017.
[15] Gaulle 1970: 9-10.
[16] Gaulle 1970: 194.

он добавил, что после освобождения «французы изберут национальную ассамблею, которая сама решит судьбы нашей страны»[17]. В июне 1943 г. де Голль, сначала совместно со ставленником американцев генералом Жиро, а с осени того же года единолично встал во главе созданного на территории Алжира Французского комитета национального освобождения (ФКНО), прообраза будущего французского правительства. 3 ноября 1943 г. на первом заседании собранной в Алжире ассамблеи генерал торжественно объявил, что «созыв Консультативной ассамблеи знаменует собой выдающийся этап, значение которого очевидно для всех»[18]. Но де Голль всегда был де Голлем. Поэтому в своей пространной речи он в осторожной форме решился высказать и собственное мнение о том, что будущее французское государство (конечно республика!) должно быть сильным: Франция «хочет, чтобы люди, которым она поручит управление страной, обладали возможностью делать это достаточно последовательно и энергично, подчиняя всех граждан внутри страны высшему авторитету государства и проводя за ее пределами достойную Франции политику»[19]. В июне 1944 г. в момент высадки во Франции союзных армий ФКНО объявил себя Временным правительством Французской республики, возглавляемым де Голлем. В августе того же года оно переехало в Париж, а вслед за ним и Временная консультативная ассамблея. В стране возродились политические партии, левые (ФКП и СФИО), радикалы. На месте прекративших свое существование правых Республиканской федерации и Демократического альянса возникла правоцентристская партия Народно-республиканское движение (МРП). В Учредительном собрании Франции, избранном осенью 1945 г., доминировали левые силы. Социалисты и коммунисты входили также в состав Временного правительства. Де Голль был единодушно переизбран собранием его главой. При этом левые министры сразу стали оспаривать решения генерала. Поэтому в начале 1946 года де Голль добровольно покинул свой пост. Он высказался о своем уходе предельно ясно: «Моя миссия окончена, потому что вновь возродился режим преобладания политических партий. Я его отвергаю»[20]. Де Голль стал частным лицом. Правда, пока Учредительное собрание занималось разработкой новой конституции страны, он решил представить стране собственное видение дальнейшего политического развития Франции. В своей исторической речи в городке Байё 16 июня 1946 г. генерал подчеркнул, что центральной фигурой французской политики должен стать сильный, независимый от партий президент республики.[21] Однако, «левая» послевоенная

[17] Ibid: 205-206.
[18] Голль 1960: 651.
[19] Там же: 650.
[20] Gaulle 1959: 280. Вскоре генерал написал сыну: «Ты, конечно, поймешь основные причины, заставившие меня решить дать развиваться установившейся политической практике уже без меня. Нельзя быть одновременно человеком, испытанным бурей, и человеком низких политических комбинаций». – Gaulle 1984: 190.
[21] Gaulle 1970 (2):10.

Франция не приняла такой «правый» проект де Голля. Многим казалось, что генерал стремиться сломать демократические республиканские традиции. В Учредительном собрании его идеи поддержали лишь представители МРП. Собрание же разработало новую конституцию, очень похожую на Конституцию 1875 г. Французы незначительным большинством утвердили ее на референдуме в октябре 1946 года.

Конституция 1946 г. провозглашала Францию «независимой, светской, демократической и социальной Республикой». Как и предыдущая конституция, она устанавливала республику парламентского типа правления. Взяло свое давно устоявшаяся традиция, зафиксированная в коллективной памяти. Глава исполнительной власти, президент республики, избираемый парламентом сроком на семь лет, как и в период Третьей республики, не обладал широкими полномочиями. Парламент Франции (законодательная власть), по Конституции 1946 г., делился на две палаты – Национальное собрание и Совет республики (Сенат). Национальному собранию (нижняя палата парламента), избираемому всеобщим голосованием сроком на пять лет, принадлежало исключительное право принимать законы. Помимо этого, собрание осуществляло контроль за деятельностью правительства. Верхняя палата – Совет республики – имел право лишь высказывать свое мнение по вопросам законодательства. Он избирался косвенным голосованием сроком на шесть лет с обновлением наполовину каждые три года. Новая конституция провозглашала все демократические права, записанные в знаменитой Декларации прав человека и гражданина 1789 г. К ним добавлялись также социальные права: на труд, отдых, социальное обеспечение, образование. Торжественно декларировались равенство мужчин и женщин, право трудящихся на участие в руководстве предприятиями, право на забастовку в рамках законов. Основные статьи Конституции 1946 г. вобрали в себя главные принципы и лозунги всех французских революций, поэтому сама она считается самой демократической в истории Франции.

Конституция вступила в силу и положила начало Четвертой республике. На первых же парламентских выборах стало ясно, что вместе с республикой парламентского типа возродилась и классическая французская многопартийная система и, как ее следствие, министерская нестабильность. За 12 лет существования Четвертой республики в стране сменилось 24 правительства. Тем не менее, возрождение республиканской исторической традиции в политическом управлении Франции было воспринято ее гражданами с энтузиазмом. Ведь именно такая республика «отложилась» в коллективной памяти французов не одного поколения, и они считали ее совершенно естественной.

Ситуация изменилась коренным образом в конце 1950-х гг., когда Четвертая республика вступила в полосу политических кризисов. Самый серьезный был связан с колониальной войной в Алжире. 13 мая 1958 года в алжирской столице ультраколониалисты развязали антипра-

вительственный мятеж[22]. Его поддержало командование французских войск в Алжире. Перед лицом мятежа правительство оказалось бессильно. Этим и решил воспользоваться де Голль. Уже 15 мая он заявил, что «готов взять на себя власть Республики»[23]. В правящих кругах быстро росло убеждение, что это лучший выход из создавшейся ситуации. Уже 29 мая президент республики Рене Коти направил послание двум палатам парламента, в котором заявлял, что он «решил обратить свой взгляд к генералу де Голлю, самому знаменитому из всех французов» и предложить ему «сформировать правительство общественного спасения, которое смогло бы осуществить глубокие преобразования наших институтов»[24]. 1 июня 1958 г. генерал прибыл в Национальное собрание и выступил с краткой декларацией. Он просил предоставить его правительству чрезвычайные полномочия сроком на полгода, чтобы разработать новую конституцию и вынести ее на всеобщий референдум. Кандидатура де Голля на пост главы кабинета была утверждена, после чего обе палаты распущены. Так закончила свое существование Четвертая республика. Историки давали ей впоследствии грустные эпитеты – «нелюбимая», «падчерица», или даже «бедолага», «горемыка»[25].

Возглавляемое де Голлем правительство свою основную задачу видело в разработке новой конституции. 28 сентября на всеобщем референдуме французы большинством почти в 80% голосов одобрили ее текст. Главное отличие Конституции 1958 г. от предыдущей заключалось в значительном расширении прерогатив исполнительной власти (президента и правительства) за счет законодательной (парламента). Теперь во Франции республика парламентского типа правления превращалась в республику президентского типа. Таким образом де Голль «внес поправку» к существующей уже без малого 80 лет республиканской политической традиции своей страны. Он как бы поменял основных политических игроков Франции местами.

Согласно Конституции 1958 г. президент обладает правом назначать премьер-министра и по его предложению отдельных министров, возвращать принятые парламентом законопроекты на новое обсуждение, передавать на всеобщий референдум по предложению правительства или обеих палат любой законопроект, касающийся организации государственной власти или одобрения международных соглашений, способных затронуть деятельность государственных институтов. Президент может распускать (после консультации с премьер-министром и председателями палат) Национальное собрание и назначать новые выборы, вводить в стране чрезвычайное положение[26]. Система выборов президента республики, согласно новой конституции, изменилась, но

[22] Подробно об этом см.: Арзаканян 1983.
[23] Gaulle 1970 (3): 3.
[24] L'Année politique 1959: 539-540.
[25] См., например: Barsalou 1964.
[26] Constitution de la V-e République 1959: 22.

осталась косвенной, многоступенчатой. Главу государства должна была избирать сроком на 7 лет широкая коллегия выборщиков (нотаблей). В нее входило более 80 тыс. чел.[27]. Законодательная власть во Франции по Конституции 1958 года принадлежит, как и прежде, двухпалатному парламенту – Национальному собранию и Сенату.

После того как новая конституция вошла в силу, по-иному начала функционировать и французская политическая система. В декабре 1958 года де Голль был избран президентом республики подавляющим большинством выборщиков. Премьер-министром он назначил Мишеля Дебре. Президент сразу сказал ему: «Я не намерен вдаваться в детали правительственной деятельности. Я ограничусь тем, что определю основные направления»[28]. Так сложилась еще одна новая политическая практика. Президент страны занимается главным образом внешней и оборонной политикой, а назначенный им премьер-министр – внутренней.

В партийно-политической системе Франции тоже произошли изменения. Поначалу в стране продолжала действовать многопартийность. Но теперь большинством мандатов в Национальном собрании располагала голлистская партия Союз за новую республику (ЮНР). Депутаты ЮНР представили свою партию как «единственную всецело преданную идеям и личности генерала де Голля»[29]. Постепенно лидеры политических партий (как правых, так и левых) стали проявлять недовольство полностью освободившейся от их влияния политикой президента республики. Де Голль же продолжал укреплять свою власть. В 1962 г. он вынес на всеобщий референдум поправку в конституцию, утверждавшую выборы президента республики всеобщим голосованием. Французы ее одобрили. На выборах в Национальное собрание в ноябре 1962 г. партия ЮНР получила почти половину мест и удерживала такие позиции многие годы. В результате французская традиционная многопартийность постепенно превратилась в биполярную систему (сосредоточение всех политических сил страны вокруг правого и левого полюсов).

В общественно-политических кругах страны поначалу достаточно болезненно реагировали на изменившуюся политическую практику. Де Голля обвиняли в монархических устремлениях и диктаторских замыслах. Тон в антиголлистской кампании задавали коммунисты. Они заявляли, что генерал основал во Франции новый режим – «личной власти». Лидер ФКП Жак Дюкло одну из своих книг, посвященных сложившейся новой политической ситуации в стране прямо назвал «От Наполеона III до де Голля».[30] Недалеко от ФКП ушли и социалисты. Глава СФИО Ги Молле, который 1 июня 1958 г. поддержал де Голля и даже вошел в состав его правительства, сказал в одном из интервью: «Дело идет от голлизма к фашизму, от республиканца, который хочет что-то изменить,

[27] Крутоголов 1980: 87-89.
[28] Цит. по: De Gaulle et ses premiers-ministres 1990: 24.
[29] L'Etablissement de la Cinquième République 1959: 17.
[30] Duclos 1964.

к признанному фашисту»[31]. Большие опасения успехи ЮНР поначалу вызывали и у журналистов и политологов правого толка. Известный ученый Морис Дюверже писал, что ЮНР нельзя отнести к партиям центра, если считать центром место объединения умеренных левого и правого лагерей, и в то же время можно, если учесть, что голосовавшие за нее ранее поддерживали самые разные партии. Однако это вызывает тревогу, потому что все авторитарные движения собирали голоса справа и слева: буланжизм 1888–1889 гг. и современные фашистские движения»[32]. А некоторые журналисты прямо обвинили де Голля в возрождении французской монархической традиции. Об этом красноречиво свидетельствуют сами названия их книг. Альфред Фабр-Люс озаглавил одно из своих изданий «Венчание государя на царство»,[33] а Юбер Бёв-Мери – «Одинадцать лет царствования»[34].

Между тем ход времени все расставил на свои места. К новой политической практике стали привыкать в политических кругах и сами французы. И левые, и правые политики перестали говорить, что Конституция 1958 г. – камзол, который де Голль скроил под самого себя. И левые, и правые выдвигали свои кандидатуры на каждых президентских выборах, т.е. тоже стремились «примерить» этот наряд. С 1958 г. во Франции у власти стоит уже восьмой президент. Сначала были правые: де Голль (1959–1969), потом голлист Жорж Помпиду (1969–1974). Его сменил правоцентрист Валери Жискар д'Эстен (1974–1981). Наконец, в 1981 г. к власти пришел социалист Франсуа Миттеран (1981–1995), неистовый оппонент генерала. На рубеже XX–XXI вв. опять правили правые: Жак Ширак (1995–2007) и Николя Саркози (2007–2012), потом опять социалист – Франсуа Олланд (2012–2017). Сегодняшний президент Франции Эммануэль Макрон позиционирует себя как центриста.

Итак, Пятая республика, президентского типа правления, продолжает существовать уже более 60-ти лет. Главные принципы Конституции 1958 года и действующая на ее основе политическая система страны остаются незыблемыми. Они давно стали исторической политической традицией Франции и прочно и основательно обосновались в коллективной памяти французов.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Арзаканян М.Ц. Последние дни Четвертой республики // Новая и новейшая история. 1983. №№ 5, 6. [Arzakanyan M.C. Poslednie dni CHetvertoj respubliki // Novaya i novejshaya istoriya. 1983. №№ 5,6].

Арзаканян М.Ц. Политическая история Франции XX века. М., 2003. [Arzakanyan M.C. Politicheskaya istoriya Francii XX veka. M., 2003.].

Арзаканян М.Ц. Становление Третьей республики во Франции // Диалог со временем. 2016. Вып. 56. С. 210-228. [Arzakanyan M.C. Stanovlenie Tret'ej respubliki vo Francii // Dialog so vremenem. 2016. Vyp. 56. S. 210-228].

[31] Le Monde. 5.XII.1958.
[32] Le Monde. 4.XII.1958.
[33] Fabre-Luce 1964.
[34] Beuve-Mery 1974.

Арзаканян М.Ц. Де Голль. М., 2017. [Arzakanyan M.C. De Goll'. M., 2017.].
Бовыкин Д.Ю. Король без королевства. Людовик XVIII и французские роялисты в 1794–1799 гг. М., 2016. [Bovykin D.YU. Korol' bez korolevstva. Lyudovik XVIII i francuzskie royalisty v 1794–1799 gg. M., 2016.].
Голль Ш. де. Военные мемуары. Призыв. 1940–1942. М., 1957. [Goll' SH. de. Voennye memuary. Prizyv. 1940–1942. M., 1957].
Голль Ш. де. Военные мемуары. Единство. 1942–1944. М., 1960. [Goll' SH. de. Voennye memuary. Edinstvo. 1942–1944. M., 1960.].
Декларация прав человека и гражданина – Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVII–XIX вв. М., 1957. [Deklaraciya prav cheloveka i grazhdanina – Konstitucii i zakonodatel'nye akty burzhuaznyh gosudarstv XVII–XIX vv. M., 1957.].
Карп С.Я. Что такое Просвещение? // Всемирная история. Т. 4. Мир в XVIII веке. М., 2013. [Karp S.YA. CHto takoe Prosveshchenie? // Vsemirnaya istoriya. T. 4. Mir v XVIII veke. M., 2013].
Крутоголов М.А. Президент Французской республики. М., 1980 [Krutogolov M.A. Prezident Francuzskoj respubliki. M., 1980].
Плавинская Н.Ю. Систематизация знаний. «Энциклопедия» Дидро и Даламбера // Всемирная история. Т. 4. Мир в XVIII веке. М., 2013 [Plavinskaya N.YU. Sistematizaciya znanij. «Enciklopediya» Didro i Dalambera // Vsemirnaya istoriya. T. 4. Mir v XVIII veke. M., 2013].
Смирнов В.П. Образы Франции. История, люди, традиции. М., 2017. [Smirnov V.P. Obrazy Francii. Istoriya, lyudi, tradicii. M., 2017].
Смирнов В.П., Посконин В.С. Традиции Великой французской революции в идейно-политической жизни Франции. 1789–1989. М., 1991 [Smirnov V.P., Poskonin V.S. Tradicii Velikoj francuzskoj revolyucii v idejno-politicheskoj zhizni Francii. 1789–1989. M., 1991].
Albertini P. La France du XIX siècle (1815-1914). P., 2000.
Barsalou J. La Mal-Aimée. L'Histoire de la IV-e République. P., 1964.
Beuve-Mery H. Onze ans de règne. P., 1974.
Constitution de la V-e République // L'Année politique 1958.
De Gaulle et ses premiers-ministres. P., 1990.
Duclos J. De Napoléon III à de Gaulle. P., 1964.
L'Etablissement de la Cinquième République. P., 1959.
Fabre-Luce A. Le couronnement du Prince. P., 1964.
Garrigues G., Lacombrade Ph. La France au XIX-e siècle. P., 2009.
Gaulle Ch. De. Discours et messages. Pendant la guerre. P., 1970 (1).
Gaulle Ch. De. Discours et messages. Dans l'attente. P., 1970 (2).
Gaulle Ch. De. Discours et messages. Avec le Renouveau. P., 1970 (3).
Gaulle Ch. De. Mémoires de guerre. Le Salut. 1944-1946. P., 1959.
Gaulle Ch. De. Lettres, notes et carnets. Mai 1945 – Juin 1951. P., 1984.
Lejeune D. La France des débuts de la III-e République. P., 2007.
Tocqueville A. de. De la démocratie en Amérique. P., 1835–1840.

***Арзаканян Марина Цолаковна**, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; arzakanian@mail.ru*

The formation of the political system of modern France on the basis on national historical traditions

The origins of the formation of the French political system are rooted in the Middle Ages and early modern times. For centuries, French kings have been fighting for the formation of a single state by joining new lands to their domain. Its foundation was completed at the end of the 15th century. In the process of strengthening the state, its power structures were also created. The article shows how the French historical traditions and the national historical memory and historical heritage formed on their basis influenced the formation and change of the political system of modern France.

***Keywords**:* France, historical memory, political system, power

***Marina Arzakanyan,** Dr. Sc (History), Professor, Chief researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences: arzakanian@mail.ru*

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

А.Ю. Маркелов

РИМСКИЙ СЕНАТ В RES GESTAE АВГУСТА[1]

"Res Gestae Divi Augusti" – перечень деяний первого римского императора, составленный им самим. Несмотря на то, что этот уникальный источник находится в поле зрения антиковедов уже не одно столетие, не было уделено специального внимания репрезентации римского сената в данном произведении. Сенат в нем выступает как политический орган, принимающий участие в управлении *res publica*, поручающий дела принцепсу. Однако в основном курия присуждает Августу различного рода почести за его деятельность. Император же предстает не только как выразитель желаний сената, но как его глава и устроитель.

Ключевые слова: *Римский сенат, Август, Цезарь Август, Res gestae divi Augusti*

Первый римский император – Цезарь Август – был не только образованным, но и творческим человеком[2], и как все представители династии Юлиев-Клавдиев, имел склонность к литературному труду[3]: его перу принадлежали прозаические («Возражения Бруту о Катоне», «Поощрение к философии», «Автобиография», «Биография Друза») и поэтические произведения («Эпиграммы», поэма «Сицилия», трагедия «Аякс» и др.: Suet. Aug. 85). Как государственный деятель он составлял документы, вел частную переписку. По оценкам исследователей, письма частного характера и работы, написанные «по долгу службы», исчислялись пятизначным числом[4]. Однако труды Августа, за небольшим исключением, дошли до нас лишь во фрагментах или известны по названиям[5].

Судьба сохранила одно из важнейших сочинений принцепса – Res Gestae Divi Augusti, перечень деяний первого императора, который, по распоряжению автора[6], после его смерти был выгравирован на бронзовых таблицах и размещен при входе в его мавзолей в Риме (Suet. Aug. 101.4; Cass Dio. LVI.33.1[7]). С момента открытия памятника в середине

[1] Работа написана в рамках проекта «Карамзинские стипендии – 2019» (Фонд Михаила Прохорова; РАНХиГС при Президенте Российской Федерации).

[2] См. подробнее: Межерицкий 2014; 2016. 246–266; Galinsky 2012: 10–14.

[3] О литературных занятиях Тиберия – Suet. Tib.70, Калигулы – Suet. Cal. 53, Клавдия – Suet. Claud. 41–42, Нерона – Suet. Nero. 52.

[4] Bringmann, Wiegandt 2008: 21–22. В целом о первом императоре как писателе: Gagé 1982. О поэтических сочинениях: Baldwin 2002. Автобиографии императора посвящена монография, содержащая публикацию фрагментов сочинения: The Lost Memoirs. 2009. Общая характеристику произведений принцепса: Wardle 2014: 483–486.

[5] Последнее издание работ Августа содержит 310 текстов (Augustus 2008). Предшествующее содержало 294 (Imperatoris 1969).

[6] Согласно предположению Дж. Шайда текст был составлен секретарями Августа под его руководством (Scheid 2007: XXVII-XXVIII). Все же, это предположение.

[7] Дион ошибочно считает, что Август повелел разместить их при входе в его храм (Swan 2004: 316).

XVI в.[8] изучение «королевы латинских надписей» происходит в критических изданиях, сопровождаемых комментарием, монографиях и статьях, посвященных отдельным аспектам текста[9]. Однако вопрос о репрезентации сената в «Деяниях божественного Августа» специально не рассматривался, лишь отмечалось, что сенат упоминается Августом в Res gestae. Крупный отечественный антиковед Н.А. Машкин связывал частые упоминания сената с тем, что со времени правления Августа сенат якобы становится высшим учреждением римского государства[10].

Отдельные высказывания по данной проблеме делались в зарубежной историографии. Э. Рэмэйдж отметил, что сенат упоминается на всем протяжении текста. Документ оставляет впечатление, что курия наряду с народным собранием как институты управления функционируют и находятся в хорошем состоянии[11]. Согласно Э. Кули, сенат и народное собрание представлены в тексте как инициаторы важных мероприятий или в качестве институтов, выражающих поддержку Августу. Император представляет себя как подчиненного сената, агента, выполняющего желания курии[12]. Обращение к выбранному сюжету позволит лучше понять взгляды основателя принципата на сенат – орган власти, членом которого он был и с которым наиболее часто взаимодействовал.

Оригинал документа не сохранился, до нас дошли три копии[13]: одна из них – в Анкире (Галатия), другая – в Антиохии Писидийской, третья – в Аполлонии Писидийской. В Анкире «Деяния» выгравированы на стене храма Рима и Августа на латинском языке, а также имеют греческую версию текста. Из Антиохии мы имеем латинскую копию текста, выгравированную, вероятно, на воротах, ведущих в храм Августа. Из Аполлонии происходит греческая версия текста, которая была размещена на базе группы статуй[14].

Вопрос о времени написания «Деяний» дискуссионен[15]. Ряд исследователей считает, что Август написал их в несколько этапов[16], другие –

[8] Об открытии памятника и первых изданиях, в т.ч. критических: Ridley 2003: 3–24.
[9] Списки публикаций текста и комментариев к нему см.: Ramage 1987: 121–125.
[10] «В “Res gestae” Август часто ссылается на сенат. Различные почести, по словам Августа, были определены ему постановлением сената и народа или сената римского народа. Выражение “senatus populusque Romanus” встречается реже, чем просто “senatus”, и столь частые упоминания сената не случайны. Сенат является со времен Августа высшим учреждением государства. Если до этого времени сенат в идее своей был учреждением совещательным при магистратах, то теперь он превращается в высшее законодательное и судебное учреждение римского государства» (Машкин 1949: 402).
[11] Ramage 1987: 112.
[12] Cooley 2009: 39.
[13] Публикация текста в провинциях, очевидно, не планировалась (Cooley 2009: 18–21).
[14] Подробнее о них см.: Cooley 2009: 6–18; Scheid 2007: XI-XXI. Возможно, сохранился маленький фрагмент из Сард на греческом языке в переводе отличном от галатских копий. – Thonemann 2012: 282–288.
[15] Подробное изложение точек зрения см.: Scheid 2007: XXII-XXVI.
[16] Mommsen 1906: 257; Kornemann 1933. Sp. 217-233; Gagé 1935: 16–23; Brunt, Moore 1967: 6; Mellor 2002: 180.

в конце правления[17] или даже в последние месяцы жизни[18]. В. Эк указывает, что текст был написан в месяцы перед смертью или, что вероятнее, только отредактирован в этот период[19]. Аргументы тех, кто считает, что текст был написан в последние месяцы жизни Августа, представляются нам убедительными. Жанр памятника определяется по-разному[20]. Т. Моммзен считал его отчетом о государственных делах[21]. «Деяния» сравнивали с речами и надгробными надписями[22], элогиями в честь консуляров и триумфаторов[23]. Э. Рэмэйдж полагает, что это описание новой формы правления[24]. Р.Т. Ридли считает, что он ближе всего к т.н. *res gestae*, хотя имеет ряд особенностей по сравнению с произведениями, относимыми к данному жанру[25]. По мнению Я.Ю. Межерицкого, «Деяния», восходят к элогию, но ни по объему, ни по содержанию не сводятся к обыч-ной надгробной надписи[26]. В любом случае памятник был направлен на прославление принцепсом самого себя, рассчитан на потомков и предназначался в первую очередь для римлян[27].

Обратимся к интересующему нас вопросу.

Всего сенат упоминается в тексте «Деяний» 14 раз (1.2; 5.1; 6.1; 6.2; 8.1; 8.2; 11.1; 12.2; 14.1; 25.3; 34.1; 34.2; 35.1)[28]. Для описания данного института власти Август использует в основном слово *senatus*, дважды пишет о *senatores*, один раз говорит об *ordo*, единожды прибегает к местоимению. В ряде случаев о нем говорится в связке с иными группами римского общества: шесть раз сенат упомянут с римским народом[29], один раз вместе с всаднического ордо и римским народом[30]. Помимо сената в памятнике также 13 раз говорится о декретах сената, из которых один раз вместе с постановлением народного собрания[31]. Кроме того, один раз упоминается принцепс сената – лицо, занимавшее первое

[17] Volkmann Sp. 1420.
[18] Weber 1936: 1. Anm 6, 105; Ramage 1987: 135; Cooley 2009: 42–43.
[19] Eck 2016: 24.
[20] Обзор дискуссии см.: Scheid 2007: XLIII-LIII.
[21] Mommsen 1906: 251–252.
[22] Brunt, Moore 1967: 3.
[23] Gagé 1935: 29–31.
[24] Ramage 1987: 113.
[25] Ridley 2011: 275.
[26] Межерицкий 2016: 521.
[27] Ridley 2011: 267.
[28] Сенат упоминается в приложении к «Деяниям» – в перечне новых и отреставрированных императором построек, средств, потраченных на различные общественные нужды. Нами не учитывается это упоминание, так как приложение составлено уже после смерти Августа (Mellor 2002: 180). См. об аппендиксе: Wolters 1988: 197-206.
[29] Четырежды в конструкции senatus populusque Romanus (6.1; 14.1; 34.1;34.2), дважды говорится о сенате и народе (5.1: et a popilo et a senatu; 8.1: populi et senatus).
[30] 35.1: senatus et equester ordo populusque Romanus.
[31] 1.2: senatus decretis; 4.1,34.2: senatus consulto; 4.2,9.1,14.1: decrevit senatus; 10.1: senatus consulto; 12.2: senatus…censuit…decrevit; 13: senatus censuit; 12.1: senatus auctoritate; 20.4: auctoritate senatus; 35.1: ex s.c; 22.2: s.c. et lege. Согласно Э. Коули – 11 раз (Cooley 2009: 39). Однако она пропустила упоминание постановления сената в 20.4 и 22.2.

место в сенаторском списке (7.2). Дважды называется здание римского сената (19.1; 35.1).

Сенат упоминается первый раз почти в самом начале «Деяний», во втором предложении первой главы, где Август рассказывает о том, как он стал сенатором в 43 г. до н.э. Повествование выстроено так, что создается впечатление, будто Октавиан попал в *consilium publicum* в награду за свои действия (на самом деле сенат лишь узаконил незаконные действия будущего императора[32]). Так как документ был направлен на глорификацию принцепсом самого себя, то не удивительно, что в подавляющем большинстве случаев упоминаются те или иные действия сената в отношении Августа. В значительной мере это описания различного рода почестей, дарованных императору или членам его семьи в качестве знака почтения к императору (9.1; 10.1; 11; 12.1;12.2;14.1; 34.2; 35.1).

В ряде случаев сенат выступает в роли органа власти, по желанию которого действует Август. Император пишет: «То, что тогда через меня сенат желал совершить, выполнил, пользуясь трибунской властью» (6.2). Сенат также, наряду с народом, выступают в роли тех, по чьему велению принцепс увеличил число патрициев (8.1). Согласно постановлению сената, император восстановил 82 храма в Риме (20.4).

Из всех упоминаний сената только в одном он действует не по отношению к императору. В 13-й главе говорится об истории закрытий храма Януса, действия, совершавшегося по решению сената, когда на всей территории империи римского народа устанавливался мир. За всю историю римлян вплоть до правления первого римского императора это случалось дважды. Однако, как сообщает Август, за время, когда он был первым гражданином, сенат трижды приказывал запереть двери (13).

В «Деяниях» сенат не только награждает, приказывает, желает что-либо выполнить с помощью Августа, но иногда выступает как объект действий принцепса. В восьмой главе император лаконично сообщает: «Я трижды пересматривал список сената», в 19-й он говорит о строительстве им здания сената (19.1). В некоторых случаях он не принимает почести, должности от сената (5.1; 6.1).

Таким образом, в «Деяниях» сенат предстает в качестве политического органа, принимающего участие в управлении res publica. Иногда он даже поручает дела принцепсу. В основном же курия присуждает Августу почести за его деятельность. Император выступает не только как выразитель желаний сената, но как его глава и устроитель сената.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Augustus: Schriften, reden und Aussprüche / Hrsg., übers., Komm. von K. Bringmann, D. Wiegandt. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. 2008. 336 S.

Baldwin B. Augustus the Poet // Hommages a Carl Deroux / ed. by P. Defosse. Brussels: Latomus, 2002. P. 40–47.

Brunt P., Moore J.M. Res Gestae Divi Augusti. The Achievements of the Divine Augustus, with introduction and commentary. Oxford: O.U.P., 1967. 90 p.

[32] Cooley 2009: 112.

Cooley A. Res Gestae Divi Augusti: text, translation, and commentary. Cambridge, 2009. 336 p.
Eck W. Res gestae – Die Königin der Inschriften // Der Erste. Augustus und der Beginn einer neuen Epoche / J. Baltrusch, Chr. Wendt, Darmstadt: Philipp von Zabern, 2016. S. 17–30.
Gagé J. Res gestae divi Augusti: ex monumentis Ancyrano et Antiocheno latinis, Ancyrano et Apolloniensi graecis. Paris: Les Belles Lettres, 1935. Vol. 1. 211 p.
Gagé J. Auguste écrivain // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt: Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neuen Forschung / H. Temporini, W. Haase. Berlin, 1972. P. 611–623.
Galinsky K. Augustus: Introduction to the life of an Emperor. Austin: Un-ty of Texas, 2012. 226 p.
Gordon A.E. Notes on the Res Gestae of Augustus // California Studies in Classical Antiquity. 1968. Vol. 1. P. 125–138.
Imperatoris Caesaris Augusti operum fragmenta / ed. E. Malcovati. Torino: In aedibus Io. Bapt. Paraviae, 1969. 202 p.
Kornemann E. Monumentum Ancyranum // RE. Hbd. 31. 1933. Sp. 217–223.
The lost memoirs of Augustus and the development of Roman autobiography / ed. by Ch. Smith, A. Powell. Swansea: The Classical Press of Wales, 2009. 227 p.
Mellor R. The Roman Historians. L.; N.Y.: Routledge, 2002. 212 p.
Mommsen Th. Der Rechenschaftsbericht des Augustus // Mommsen Th. Gesammelte Schriften. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1906. Bd. 4. S. 247–258.
Ramage E.S. The nature and purpose of Augustus' "Res gestae". Stuttgart: F. Steiner, 1987. 168 p.
Ridley R.T. The emperor's retrospect: Augustus' "Res gestae" in epigraphy, historiography and commentary. Leuven; Dudley, 2003. 251 p.
Ridley R.T. Augustus: the Emperor writes his own account // Political autobiographies and memoirs in antiquity / ed. G. Marasco. Leiden, Boston: Brill, 2011. P. 267–314.
Scheid J. Res Gestae Divi Augusti. Paris: Les Belles Lettres, 2007. 126 p.
Swan P.M. The Augustan succession: an historical commentary on Cassius Dio's Roman History books 55-56 (9 B.C.–A.D. 14). Oxford: O.U.P., 2004. 428 p.
Thonemann P. A Copy of Augustus' Res Gestae at Sardis // Historia. Bd. 61. 2012. P. 282–288.
Volkmann H. Monumentum Ancyranum // Der Kleine Pauly 1969. Bd. 3. Sp. 1419–1420.
Wardle D. Suetonius. Life of Augustus. Oxford: O.U.P., 2014. 603 p.
Weber W. Princeps. Studien zur Geschichte des Augustus. Stuttgart: Kohlhammer, 1936. 505 p.
Wolters R. Zum Anhang der Res Gestae divi Augusti // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1988. Bd. 75. 197–206.
Машкин Н.А. Принципат Августа. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР. 1949. 686 с. [Mashkin N.A. Principat Avgusta. M.-L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. 1949. 686 s.]
Межерицкий Я.Ю. Другой Август. // Всеобщая история: современные исследования. Вып. 23. Брянск. 2014. С. 20–41 [Mezherickij Ya.Yu. Drugoj Avgust // Vseobshchaya istoriya: sovremennye issledovaniya. Vyp. 23. Bryansk. 2014. S. 20–41].
Межерицкий Я.Ю. "Восстановленная республика" императора Августа. М.: Университет Дмитрия Пожарского. 2016. 992 с. [Mezherickij Ya.Yu. "Vosstanovlennaya respublika" imperatora Avgusta. M.: Universitet Dmitriya Pozharskogo. 2016. 992 s.].

Андрей Юрьевич Маркелов, стажер-исследователь, Лаборатория античной культуры, РАНХиГС при Президенте Российской Федерации; *aquila856@yandex.ru*

The Roman Senate in Augustus's Res Gestae

"Res Gestae Divi Augusti" is a list of the deed of the first Roman emperor, compiled by him. This unique source has been studying by classical scholars in the course of several centuries. Nevertheless, as far as we know, the representation of the Roman Senate in this text has never been a subject of a special study. The Senate represented in the source as a political institution participating in the management of the *res publica*, entrusting affairs to the princeps. However, mainly the curia conferred various kinds of honors on Augustus for his activities. The Emperor is represented not only as the mouthpiece of the Senate's wishes, but as the head and the organizer of the Senate.

Key words: Roman Senate, Augustus, Caesar Augustus, Res gestae divi Augusti

Andrei Markelov, research assistant, Center for Classical Studies, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; *aquila856@yandex.ru*

М.М. Горелов

ОБРАЗОВАНИЕ В БРИТАНИИ НА РУБЕЖЕ ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ И РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Возникновение и развитие ранней государственности у народов Британских островов в эпоху Великого переселения народов сопровождалось процессами христианизации и складыванием новой, средневековой культуры. Переход от архаического общества к более развитой стадии повлёк за собой потребность в образованных кадрах, необходимых для функционирования церкви и государственного аппарата. Образовательные институты общества постепенно теряли прежний, традиционный характер. Языческое жречество, ранее являвшееся хранителем знаний и обычаев, уступает место христианскому клиру. Монастыри становятся центрами образования и книжности. Важное место занимала рецепция античных знаний и наследия.
Ключевые слова: *христианизация, монастырь, церковь, литература, образование*

Великое переселение народов, оборвавшее политическое бытие Западной Римской империи, привело не только к возникновению новых молодых государств, созданных варварскими племенами на обломках империи, но и к глубоким процессам культурного синтеза, в конечном счёте ставшего истоком формирования новой, средневековой культуры.

Британия была дальней окраиной империи, сотрясавшейся от восстаний коренного населения и набегов тех племён, которые остались за пределами римской зоны влияния (пиктов и скоттов). Романизация Британии носила довольно поверхностный характер, однако городское население и кельтская элита перенимали римские обычаи, язык и, вероятно, традиции учёности. В пользу этого говорит факт существования уже в более позднее время высокообразованных интеллектуалов, воспитанных в римских традициях, как, например, Гильдас, оставивший развёрнутое описание англосаксонского нашествия и гибели кельто-римской Британии[1]. После ухода римских легионов Британия довольно быстро вернулась к архаическому укладу. Хранителем римского наследия была образованная романо-бриттская верхушка в городах, а города постепенно приходили в упадок. Возникший вакуум власти повлёк за собой эскалацию межплеменных конфликтов и аграризацию экономики, а такие реалии мало способствовали развитию образования и учёности. В этом плане, массовая миграция англосаксов с континента, повлекшая за собой завоевание пришельцами большей части Британии на протяжении последующих полутора веков, принесла мало что нового[2].

Новой движущей силой для возрождения культуры и образования стали два института: христианство с присущей ему церковной организацией и государственная власть, постепенно эволюционировавшая из примитивных военно-родовых структур в более стабильные и разветвлённые по мере оседания мигрировавших племён на новых землях.

[1] См.: Горелов 2009: 222-224.
[2] Подробнее см.: Глебов 1998.

Архаические общества, мало затронутые романизацией, веками сохраняли социальную структуру, обусловленную реалиями жизни, а вся совокупность знаний о мире представляла собой интегральный комплекс, объединявший практические навыки и технологии, обычаи и правовые традиции племён, религиозные и космогонические представления, моральные нормы, искусство, историческую память, тесно переплетавшуюся с мифологией. Все эти сведения, с точки зрения древнего человека, представляли собой цельную «мудрость» и относительно легко умещались в рамки описанного комплекса, из которого лишь некоторые части, необходимые большинству членов социума в повседневной жизни, усваивались в процессе семейно-трудового воспитания, а минимальный багаж гуманитарных знаний приобретался из народных преданий, песен и поэм сказителей. Остальное отдавалось в ведение жреческой прослойки, занимавшей, по сути, ту же социальную нишу, какую сегодня занимают работники умственного труда (с той разницей, что статус жречества был сакрализованным). Но если в развитых обществах Античности бытовала письменность, позволявшая фиксировать знания, то на Британских островах ситуация была иной. У кельтов жреческая прослойка друидов и примыкавших к ним сказителей (филидов) практиковала устное обучение, поскольку знания носили сакральный оттенок, и их передача воспринималась как таинство[3], в архаической ментальности не существовало чёткого разделения знаний на религиозные и секулярные. Друиды не оставили письменных памятников, и известно об их деятельности в основном из отрывочных сведений греко-римских учёных и военачальников. Вероятно, островные кельты не имели сколько-нибудь развитой письменности вплоть до прихода христианства, поскольку даже эпические сказания и поэмы были записаны существенно позже времени их создания. Некоторым племенам было известно примитивное огамическое письмо в виде насечек на камне, но оно употреблялось в основном в ритуальных целях, в т.ч. для надгробных надписей, а не для передачи информации[4]. Англосаксы, как и другие германские племена, знали руническую письменность, но вплоть до складывания на территории покорённой Британии стабильных государств они использовали руны преимущественно для кратких памятных надписей на камне или дереве. Устные же памятники англосаксонской литературы, такие как «Беовульф», были записаны уже в христианский период[5].

Приход христианства качественно изменил описанную картину. Поскольку распространение христианства по далёким окраинам Римской империи совпало по времени с процессом распада самой империи, сложилась парадоксальная ситуация: христианские церковные структу-

[3] Бондаренко 2007: 261-264. Шкунаев 1991.
[4] Широкова 2000: 121-126.
[5] Подробнее см.: Мельникова 1987. Религиозные верования и обычаи как англосаксов, так и кельтов, относительно хорошо известны, но отнюдь не проливают свет на вопрос о состоянии образования у этих народов. См.: Глебов 1998: 65-68.

ры оказались единственной стабильной системой, которая пережила бурные потрясения Великого переселения народов и стала не только важным элементом складывающейся ранней государственности у варварских народов, но и своего рода культурным мостом из Античности в Средневековье, по которому осуществлялась трансляция античных знаний и культурного наследия в христианской оболочке. Христианизация Британских островов имела ряд особенностей. Во-первых, христианство проникало туда разными путями, хотя и имевшими общие истоки. Романизированная часть Британии обрела новую религию как часть Римской империи, в которой христианство получило статус государственной религии ещё в IV в. Поэтому церковные структуры были перенесены туда в готовом виде, по общеимперским образцам. Север Британии и Ирландия, сохранившие независимость от Рима, христианизировались значительно медленнее, в основном благодаря деятельности выходцев из римской Британии, каким-либо образом попадавших туда – иммигрантов, беглецов, военнопленных, миссионеров, странников и т.д. Так, креститель Ирландии св. Патрик был захвачен ирландскими пиратами, т.е. попал туда чисто случайно[6]. Церковная жизнь в Ирландии, Шотландии и на других кельтских окраинах во многом напоминала быт раннехристианских общин, центрами христианства здесь стали монастыри, которые основывались подвижниками и группами их последователей. Не города как епископские резиденции, а монастыри во главе с аббатами имели здесь главный авторитет[7]. Эти глубинные различия и обусловили непохожесть кельтской церкви на римскую. Дело не столько в том, что, например, ирландские христиане имели контакты с ближневосточным христианским наследием, из-за чего некоторые исследователи подчёркивают самобытность кельтской церкви[8]. Уровень развития социума, его крайняя бедность и архаичность предопределили такие особые черты кельтской церкви, как суровый аскетизм, культ странствующего проповедника-миссионера, отсутствие централизма. Именно это определяло своеобразие кельтского христианства, а не смешение с ним дохристианских традиций[9], поскольку такое смешение имело место практически в любом христианизируемом регионе и не является чем-то особенным.

Важнейшей вехой в христианизации англосаксов была миссия св. Августина, направленная папой Григорием Великим в 597 г. в королевство Кент и заложившая основы будущей английской церкви с центром в Кентербери, являющимся таковым и поныне. Последователи Августина постепенно продвигались из Кента всё дальше вглубь страны, тогда как на севере англосаксы познавали новую веру в основном благодаря деятельности кельто-ирландских миссионеров, оплотом которых были островные монастыри Айона (основан св. Колумбой в 563 г.), и Линдис-

[6] Шкунаев 1991.
[7] Бондаренко 2007: 301-304, 313-314. Глебов 1998: 72, 74.
[8] Бондаренко 2007: 295-296.
[9] Бондаренко 2007: 281, 285.

фарн (основан св. Айданом в 635 г.). После гибели в битве последнего короля-язычника Пенды Мерсийского (655), контролировавшего центр страны, два потока христианизации не могли не встретиться. Помимо мелких обрядовых разногласий, основным камнем преткновения между кельтской и римской церквами в Англии стал вопрос о правильном вычислении даты Пасхи, производившемся по разным методикам. Для урегулирования этой проблемы был созван собор в Уитби (664), на севере страны, где представители римской церкви во главе со св. Уилфредом, архиепископом Йоркским, одержали победу в дискуссии с кельтскими оппонентами, возглавляемыми св. Кутбертом.Упорядочивание английской церковной организации и приведение её к римским образцам было связано с деятельностью папского ставленника Теодора (грекоязычного клирика из Тарсы в Малой Азии) и его сподвижника Адриана (латиноязычного уроженца Африки), они основали монастырскую школу в Кентербери, старейшую в англосаксонской Англии[10].

Для функционирования королевских канцелярий, налоговой системы, судебных органов требовались образованные кадры. В условиях традиционного общества такие кадры было способно поставлять только духовное сословие, обладавшее необходимым ресурсом для устроения школ и сохранения традиций учёности, привнесённых с континента. Именно поэтому в «золотой век» христианства в Англии (2-я пол. VII – 1-я треть VIII в.) происходит масштабное основание и расцвет монастырей и школ при них. Крупнейшими центрами христианской учёности были как старые, так и новые монастыри – Ярроу, Хексхем, Уитби, Рипон, Мелроуз, Питерборо, Кроуленд, Или. При монастырях основывались школы для клириков, библиотеки, скриптории. Характерной чертой английских служителей церкви было постоянное поддержание связей с Римом и регулярные поездки и паломничества на континент, в т.ч. с целью обучения в европейских монастырях. Из этих поездок привозились книги, оседавшие в монастырских библиотеках и служившие монахам для занятий. Благодаря такой практике, церковь в Англии, в то время рассматривавшейся как далёкая периферия римско-католического мира, стала местом расцвета христианской учёности и культуры[11].

С этим расцветом связаны имена выдающихся интеллектуалов и писателей: св. Альдхельм (640–709), Беда Достопочтенный (672 или 673–735), Алкуин (735–804). Их наследие имело огромное культурное значение; так, Альдхельм успешно осуществил синтез англосаксонских и римско-католических литературных традиций; перу Беды принадлежало первое всеобъемлющее произведение по истории Англии и англосаксов («Церковная история англов», 731 г.), что ставит его в один ряд с такими историками варварских королевств Европы той эпохи, как Григорий Турский или Павел Диакон. Наконец, Алкуин известен своей блестящей карьерой при дворе Карла Великого, как один из главных вдох-

[10] Lapidge 1986: 45.
[11] Зверева 2008: 72, 75, 77, 128.

новителей Каролингского Возрождения. Во времена Альдхельма и Беды создавался первый корпус англосаксонской церковной литературы – жития, богословские трактаты и др.

О духовном образовании того времени можно судить по биографии Беды Достопочтенного и его переписке с церковными интеллектуалами[12]. Монастырь Ярроу (основан в 682 г.), в котором жил и работал Беда, стал крупнейшим центром христианской учёности на севере Англии. Благодаря своему географическому расположению – на границе англосаксонских государств и кельтско-пиктской периферии – монастырь был точкой синтеза римско-католической и кельтской церковных традиций. Он располагал богатейшей библиотекой, собранной в результате постоянных контактов как аббатов, так и рядовых монахов с центрами духовной жизни в Европе и на Британских островах. Также обычным явлением был обмен манускриптами между монастырями[13].

Основу монастырской образовательной программы составляло систематичное чтение и осмысление библейских текстов, агиографии, а также писаний отцов церкви, прояснявших и толковавших различные аспекты Священного Писания. Специфика этих текстов предполагала подключение к учебному процессу целого комплекса вспомогательных дисциплин, необходимых для адекватного изучения столь обширного базиса, прежде всего, изучение языков, на которых писалась Библия – латыни, греческого, древнееврейского. В Англии, как и в других северных странах, ситуация осложнялась тем, что для местного населения латынь была чуждым языком, в отличие от романоязычной части Европы. Кроме того, необходимы были познания в математике и астрономии, прежде всего – чтобы правильно исчислять Пасху, этот ключевой момент христианской обрядности.

Наконец, весьма важным оставался вопрос о приемлемости греко-римского языческого наследия для христианской учёности; поскольку христианство пришло к англосаксам и другим варварским народам через своего рода историческую призму в лице Римской империи, то для него было неизбежным преломление в ней, впитывание культурного наследия Античности. В этой связи, вре-мя от времени случались расхождения между духовными авторитетами по поводу полезности и применимости этого наследия. Одни, как Григорий Великий, негативно относились к языческой учёности, другие, как Альдхельм, наоборот, считали её использование целесообразным, более того – любили и ценили античную поэзию, охотно цитировали греческих и римских авторов, использовали их литературные приёмы. В целом, можно говорить о том, что в англосаксонских монастырях победила тенденция к одобрению полезности греко-римского наследия[14]. Поэтому в крупных монастырях, таких как Кентербери или Ярроу, изучались типично «языче-

[12] Зверева 2008: 81.
[13] Зверева 2008: 75.
[14] Зверева 2008: 84-86.

ские» дисциплины – риторика, метрика, стихосложение, музыка (в основном в рамках церковного пения), а также римское право и фрагменты трудов античных мыслителей, сохранившиеся в основном уже в христианской интерпретации[15]. Точных списков изучаемой литературы не сохранилось, можно лишь отчасти реконструировать их по гораздо более поздним упоминаниям[16].

Говоря об организации учебного процесса в монастырских школах, следует иметь в виду следующие особенности. Во-первых, в описываемую эпоху не существовало стандартизации учебных программ, поэтому данный аспект зависел, как правило, от инициатив самого учебного заведения. Жизнь монахов в основном регламентировалась бенедиктинским уставом, отводившим определённое количество времени на отправление религиозных ритуалов, учёбу, хозяйственную деятельность. Так, например, молитвы и богослужения могли иметь место до семи раз в сутки. Физический труд также занимал не менее двух часов в день, и это было не инструментом аскезы, а практической необходимостью, поскольку жизнь всего общества определялась господством натурального хозяйства, основанного на ручном труде. Поэтому не только простые монахи, но даже люди в чине настоятеля были вынуждены заниматься, фактически, крестьянской работой – в полях, на мельницах, пасеках, строительстве и ремонте, рыбной ловле и т.д.[17] Таким образом, на учёные занятия оставалось не так уж много времени. Во-вторых, отсутствовали и привычные нам классно-урочная система (сформировавшаяся только в Новое время), и возрастное разделение учащихся. Поскольку большинство новичков поступало в монастырь одинаково неграмотным, разделение шло не по возрасту, а по уровням подготовки; очевидно, что для базового овладения навыками чтения священных текстов новоприбывшим следовало для начала хотя бы выучить латынь – основной язык западной церкви, а для работы в скриптории – научиться писать. После освоения этих навыков монаху открывалось более широкое поле интеллектуальной деятельности – чтение трудов святых отцов, размышления и комментарии к ним, самостоятельная работа в библиотеке. Важным элементом учебного процесса было чтение вслух, которое проводил учитель для аудитории; эта традиция пришла из античного мира и сохранялась на протяжении всего Средневековья, тогда как индивидуальное чтение, не озвучиваемое на публику, было как раз не столь давним открытием. Это было обусловлено тем, что мир как Античности, так и Средневековья был мало индивидуализирован и основывался по большей части на коллективистских началах, ограничивавших пространство для личной рефлексии над прочитанным. Чтение имело прежде всего дидактическую и морализаторскую ценность. Количественный состав учебных групп также не регламентировался и мог быть различным.

[15] Зверева 2008: 107. Lapidge 1986: 52.
[16] Lapidge 1986: 62.
[17] Зверева 2008: 72-74.

Учащиеся могли также брать дополнительные индивидуальные занятия с наставником по той или иной дисциплине.

В-третьих, образование мыслилось не как самоценный опыт, необходимый для практического применения в мирской жизни, а как подсобный инструмент, позволяющий лучше понимать и толковать Священное Писание, в котором уже изначально была заложена вся основа мироустройства, вечная и непогрешимая. Поэтому все изучаемые дисциплины вращались вокруг этой главной цели, ради её обслуживания. Что касается практического применения полученных навыков – поле для их применения было не так велико, учитывая примитивный, аграрный уклад жизни традиционного общества. Конечно, мало-помалу шёл процесс развития институтов государственной власти, однако аппарат и делопроизводство в небольших королевствах варваров были довольно невелики. Поскольку управление и сбор налогов осуществлялись в основном военными методами, власть была построена на системе личных связей, а суд и право опирались на традиционные обычаи, государству вполне хватало небольшой прослойки образованных клириков, умеющих записывать законы, вести анналы и фиксировать королевские указы. В образованности остального населения попросту не было объективной потребности. Поэтому главной задачей монастырского образования виделась подготовка священников, более-менее способных правильно вести богослужение в церквах; остальные эффекты образования рассматривались как подсобные, ситуативные. Более того, образование само по себе не являлось обязательным для обитателей монастырей и было относительно добровольным выбором.

В-четвёртых, в эпоху рукописных книг и общего упадка образования в Европе не было никаких стандартов и системы обеспечения учащихся соответствующей литературой. Наличие учебных пособий зависело, как правило, от богатства монастырской библиотеки; книги, как указывалось выше, добывались с большими трудностями, в ходе дальних странствий и непосредственного обмена между обителями. Отчасти этот недостаток восполнялся тем, что сами монахи, получив образование, составляли различные учебные пособия, руководствуясь личными предпочтениями относительно их характера, стиля и целесообразности для аудитории. Так, Беда Достопочтенный являлся автором многочисленных пособий, написанных для школы в Ярроу: «Об орфографии», «О метрическом искусстве», «Об искусстве счёта», «О фигурах и тропах Священного Писания», «Об исчислении времени» и др. Кроме того, Беда перевёл Евангелие от Иоанна на древнеанглийский язык для облегчения понимания учащимися-англосаксами этого важнейшего для христиан памятника[18]. Базовый курс латыни обычно осваивался с помощью широко распространённой «Грамматики» Элия Доната (IV в.)[19], а затем можно было постепенно переходить к чтению трудов отцов церкви –

[18] Зверева 2008: 89.
[19] Зверева 2008: 94.

Амвросия Медиоланского, Блаженного Августина, и др., а также житий святых. Что касается собственно Библии, наиболее востребованным и общепринятым на католическом Западе был её латинский перевод – Вульгата, выполненный св. Иеронимом на рубеже IV–V вв. В отдельных монастырях могли встречаться и греческие переводы библейских текстов, но, по-видимому, довольно фрагментарно[20]. Что же касается текстов грекоязычных христианских авторов, а также античных языческих писателей и поэтов, они были доступны английской аудитории в основном в отрывочных переводах и цитатах через латинскую христианскую литературу. Церковь не одобряла увлечения греко-римской античной книжностью ввиду её нехристианского характера и даже расценивала это как ересь. Поэтому из неё бралось только то, что приносило утилитарную пользу при изучении вспомогательных предметов (языка и т.д.) В остальном, англосаксонским клирикам были в редких случаях фрагментарно известны отдельные античные авторы – например, Вергилий, Овидий; но их наследие использовалось во многом как подсобный инструмент для изучения правил стихосложения, а не ради эстетического удовольствия. Аналогичным образом, во времена Беды Достопочтенного могли читать труды, например, Плиния, Макробия, Вегеция, но для этого требовался достаточно высокий уровень грамотности и интеллектуальной подготовки, доступный единицам. Также определённое практическое значение имели работы античных христианских авторов, таких как Исидор Севильский, Дионисий Малый и др., позволявшие правильно толковать различные аспекты Священного Писания, вычислять дату Пасхи, и т.д.[21] В целом, как отмечает, например, современная исследовательница И. Думитреску, создать сколько-нибудь целостную картину образования в англосаксонскую эпоху не представляется на сегодняшний день реальной задачей ввиду отсутствия как достаточного количества источников, так и каких-либо стандартов в учебных программах, списках литературы для чтения и обучения, и тому подобных деталей[22].

Хотя сведения об организации учебного процесса и педагогических приёмах в монастырских школах, дошедшие до нас, относятся в основном к более позднему времени (IX–XI вв.), с известной степенью допущения можно опираться на них и применительно к рассматриваемому здесь периоду, учитывая общий консерватизм и традиционность средневековой системы образования и состояния знаний в целом. Так, например, важной формой построения занятий был диалог между учителем и учеником, а также между самими учениками под надзором учителя. Подобный пример можно найти в дидактических трудах Алкуина, где, в частности, описана беседа учителя и двух учащихся; ученики ведут диалог в форме «вопрос – ответ», а в сложных случаях обращаются с вопросами к наставнику. Диалог как средство постижения истины,

[20] Зверева 2008: 82-83, 87, 99.
[21] Зверева 2008: 85-87.
[22] Dumitrescu 2018: 11.

мудрости, пришёл в средневековую педагогику из античной традиции (Платон и др.) и был удобен тем, что оставлял ученикам место для интерпретаций и оттачивания логики, таким образом, служа способом развития интеллекта. Восприняв эту традицию, сами англосаксонские авторы потом плодотворно сочиняли собственные дидактические диалоги[23].

Другим своеобразным средством преподавания были загадки, в занимательной форме предлагавшие лексико-семантический анализ слов и понятий. Такая форма, по-видимому, была особенно подходящей для учеников, только что вступивших из детского возраста в отроческий и сохраняющих, по сути, детское восприятие. Важность жанра загадок возрастала в силу необходимости упражнений в переводе, поскольку латынь и греческий изначально были чужими для англосаксов языками. Загадки, написанные и озвучивавшиеся в двуязычном виде, способствовали лучшему усвоению учащимися иноязычных терминов, раскрывали различные их значения, скрытые смыслы и оттенки, развивали навыки словесности, таким образом прокладывая путь к дальнейшему освоению книжности[24]. Широко известны, например, загадки св. Альдхельма, ставшие одним из значимых памятников англосаксонской литературы.

***

Таким образом, монастырское образование в англосаксонской Англии даже во времена своего расцвета было достаточно мозаичным, лишённым систематичности. Существуя в условиях крайней бедности интеллектуальных, организационных и материальных ресурсов, необходимых для его обеспечения, оно во многом опиралось на идею личного восхождения к высотам познания, успех которого зависел от самого учащегося. В результате учебного процесса мог сформироваться как полуграмотный сельский священник, более-менее обученный азам проведения церковной службы[25], так и блестящий учёный масштаба Беды и Алкуина, способный самостоятельно писать учебные пособия, богословские трактаты, исторические труды, поэмы, рассуждения об устройстве мира. Как и в дохристианских традиционных обществах, объём знаний оставался столь малым и отрывочным, что образованный представитель клира, как и языческий жрец, мог владеть, по сути, всем комплексом этих знаний, составлявшим единое целое из науки, религии, мифологии и практических навыков. Это обуславливалось уровнем развития общества, пребывавшего у варварских народов Европы в стадии своего исторического отрочества. В связи с этим, можно вспомнить высказывание Григория Великого, в котором он уподоблял учителя музыканту, играющему на арфе; каждая струна символизировала различные страты общества, к которым принадлежали ученики, и, соответственно, игра на этих струнах должна была вестись с учётом разных педагогиче-

[23] Orchard 2018: 164, 166, 171.
[24] Dumitrescu 2018: 4-5.
[25] Глебов 1998: 85.

ских задач, ставившихся в соответствии со статусом и дальнейшим жизненным предназначением учащегося[26].

Конец эпохе расцвета англосаксонской христианской культуры и учёности был положен набегами викингов в конце VIII–IX в. Викинги разорили и сожгли многие монастыри Англии и Ирландии, разграбив их сокровища, уничтожив и разогнав монахов. В условиях постоянной борьбы с нашествиями начался период культурного упадка. Возрождение англосаксонской книжности и образования в конце IX–X в было связано уже с правлением Альфреда Великого и его наследников.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Бондаренко Г.В. Повседневная жизнь древних кельтов. М.: 2007 [Bondarenko G.V. Povsednevnaya zhizn' drevnih kel'tov. M.: 2007].

Глебов А.Г. Англия в раннее средневековье. Воронеж, 1998 [Glebov A.G. Angliya v rannee srednevekov'e. Voronezh, 1998].

Горелов М.М. Представления о конце света (по «Проповеди Волка англам» архиепископа Вульфстана) // Диалог со временем. 2009. Вып. 28. С. 208-223 [Gorelov M.M. Predstavleniya o konce sveta (po «Propovedi Volka anglam» arhiepiskopa Vul'fstana) // Dialog so vremenem. 2009. Vyp. 28. P. 208-223].

Зверева В.В. «Новое солнце на Западе». Беда Достопочтенный и его время. СПб: 2008. [Zvereva V.V. «Novoe solnce na Zapade». Beda Dostopochtennyj i ego vremya. SPb., 2008]

Мельникова Е.А. Меч и лира: англосаксонское общество в истории и эпосе. М., 1987. [Mel'nikova E.A. Mech i lira: anglosaksonskoe obshchestvo v istorii i ehpose. – M.: 1987].

Широкова Н.С. Культура кельтов и нордическая традиция античности. СПб: 2000 [Shirokova N.S. Kul'tura kel'tov i nordicheskaya tradiciya antichnosti. SPb: 2000].

Шкунаев С.В. Герои и хранители ирландских преданий (1991) [Shkunaev C.V. Geroi i hraniteli irlandskih predanij (1991) // URL: http://svr-lit.ru/svr-lit/articles/shkunaev-geroi.htm]

Dumitrescu I. The Experience of Education in Anglo-Saxon Literature. Cambridge: U.P., 2018.

Lapidge M. The School of Theodore and Hadrian // Anglo-Saxon England. Vol. 15. 1986. P. 45-72.

Orchard A. Alcuin's Educational Dispute: The Riddle of Teaching and The Teaching of Riddles // Childhood and Adolescence in Anglo-Saxon Literary Culture / Ed. by S. Irvine & W. Rudolf. University of Toronto Press. Toronto; Buffalo; London: 2018. P. 162-176.

***Горелов Максим Михайлович**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории, Российская Академия наук.*

Education in Britain at the turn of Late Antiquty and early Middle Ages

The emergence and development of early statehood among the peoples of the British Isles in the era of the Great Migration was accompanied by the processes of Christianization and the formation of a new, medieval culture. The transition from an archaic society to a more developed stage entailed the need for educated personnel necessary for the functioning of the church and the state apparatus. The educational institutions of society gradually lost their traditional character. The pagan priesthood, previously the keeper of knowledge and customs, gives way to the Christian clergy. Monasteries become centers of education and literacy. The most important place was occupied by the reception of ancient knowledge through the prism of a new religious understanding.

Keywords: monastery, Venerable Bede, Antiquity, literature, education

***Maxim Gorelov**, PhD, Senior researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, heldenhammer@yandex.ru*

[26] Dumitrescu 2018: 12.

Е.Н. Кириллова

ДОМ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ГОРОДЕ ГЛАЗАМИ ПАРИЖСКОГО РЕМЕСЛЕННИКА XIII ВЕКА

«Книга ремесел» Парижа XIII века позволяет увидеть дома в средневековом городе глазами торговцев и ремесленников, строивших эти дома, живших и работавших в них. Автор анализирует упоминания стен, подвалов, окон и дверей в контексте профессиональной деятельности ремесленников и торговцев и показывает, что место работы мастера (мастерскую, лавку) представлено в парижских уставах как органичная часть дома, не отделенная от жилого пространства.

***Ключевые слова**: средневековый город, «Книга ремесел» Парижа, дома и мастерские, потенциальная мастерская, двери, окна*

Ремесленные и торговые регламенты дают возможность увидеть средневековый город глазами людей, постоянно здесь работавших и живших. Описания реалий городской жизни, особенностей городской среды не были целью регламентов, но неизбежно в них присутствовали, задавая обстановку и основания профессиональной деятельности ремесленников и торговцев, с одной стороны, и давая редкую возможность, с другой, увидеть город с позиции местных мастеров, поскольку иными источниками, позволяющими обнаружить и выявить эту точку зрения, классическое Средневековье почти не располагает.

В этой работе я сосредоточусь на важном для любого города объекте – доме горожанина[1], положив в основу исследования «Книгу ремесел» – составленный в 1260-е гг. по указанию прево Парижа Этьена Буало сборник, который представляет собой первую запись уставов 101, но, точнее, 60 или 70 парижских ремесленных и торговых корпораций[2]. Сведения этого уникального источника, как во всей их полноте, так и в виде фрагментарных или косвенных данных, представляют огромную ценность для истории XIII века и для городской истории.

«Дома» упоминаются во многих регламентах «Книги ремесел». Дом ремесленника или торговца выступает не только местом его жительства, но и местом работы и местом торговли. На терминологическом уровне присущая ремесленной среде интеграция профессиональной жизни в частную выражается в синонимичности «дома» (meson, meison либо ostel, hostel, otieu)[3] и «мастерской» (ouvroir, ouvrouer, ouvroer, ovreoir, ovrouer, ovrooir, ovroer)[4].

[1] О городских домах в целом см.: Гусарова 1999: 158–160; Ястребицкая 2007: 118–119; Бартелеми, Контамин и др. 2015: 561–571.

[2] Подробнее об истории создания, составе и значении «Книги ремесел»: Кириллова 2019а: 52–74.

[3] В уставе сукноделов (L устав «Книги ремесел»): «Каждый ткач в Париже может красить в своем доме во все цвета, кроме вайды» – «Quiconques est Toissarans a Paris, il puet teindre a sa meson de toutes coleurs fors que de gaide» (Le Livre des métiers: 95); у сукновалов (LIII): «Два мастера ремесла или больше не могут быть партнерами

Для более позднего времени XIV–XV вв., типичный дом французского ремесленника описывают как одноэтажный, небольшой по площади, с чердаком. Он выходил на улицу, а не в передний двор, имел узкий фасад – от 5 до 7 метров, глубину от 7 до 10 метров, высоту этажа – 3–3,5 метра[5]. Историки определяют весь дом ремесленника как «потенциальную мастерскую», указывая на сложность формального выделения места работы (в качестве отдельного помещения, его части, «угла») даже для современников, в т.ч. для нотариев, оформлявших найм домов и помещений или условия найма на работу[6].

В регламентах «Книги ремесел» также нет признаков дробного деления внутреннего пространство дома: нет функционального деления, нет оснований видеть в доме женское пространство, противопоставленное мужскому[7], и нет комнат[8]. В тех случаях, когда составители уставов считали необходимым подчеркнуть, что какие-то работы происходят внутри дома, они ограничивались определением «у такого-то». Изготовители ламп (XLV устав «Книги ремесел») могли работать «у какого-либо горожанина для его нужд»[9] либо же в своих мастерских. Изготовитель свечей (LXIV) не должен был посылать ученика в дом горожанина – «chiés bourgois de Paris», если не находился рядом со своим учеником, а оставил бы его там без присмотра. Подмастерья, не доучившиеся этому ремеслу, не имели права работать у горожан и не должны были заниматься изготовлением свечей у мелкого торговца –

в одной мастерской» – «Doi mestre du mestier ne pluseur ne pueent estre compaignon ensamble en un ostel» (Ibid: 109). Имеется в виду запрет работать вместе двум мастерам: каждый из них должен был иметь собственную мастерскую. «Компаньоны» в данном случае – это мастера, а не подмастерья, которые в «Книге ремесел» обычно назывались «vallets». В уставе старьевщиков (LXXVI): «…может в своем доме продавать и покупать хорошие и правильные товары, уплачивая пошлину королю» – «…puet vendre et achater en sa meson bones denrée et loiax, par paiant la droiture au Roy» (Ibid: 164); в уставе сукноделов (L): «в каком бы месте ни продавал, в своем доме, на рынках или в других местах» – «en quel que lieu que il vende, en son hostel, es hales, ou ailleurs» (Ibid: 100). Позднее в значении «лавка» используется термин «boutique», а в значении «мастерская» – «atelier», которых нет в «Книге ремесел» (см. также: Franklin 1906: 105–106). Упомянутые во многих уставах прилавки (estal) находились на рынке, а не в мастерских.

[4] Последний из вариантов написания не был учтен в словаре к изданию «Книги ремесел»: Glossaire-index // Le Livre des métiers: 362. Он встречается дважды, но только в первой редакции устава изготовителей табличек для письма (LXVIII): Le Livre des métiers: 143. XXIV ст.

[5] Бартелеми, Контамин и др. 2015: 526, 562–563.

[6] Chevallier 1982: 151-152; Bernardi 2006: 119–121.

[7] См., например: Дубровский 2007: 145; Бартелеми, Контамин и др. 2015: 556–559.

[8] В регламентах Нового времени «комнатой» (chambre) называли помещение, которое не имело статуса мастерской. О работе подмастерьев в таких комнатах сказано в уставах шорников Реймса 1581 г., столяров Реймса 1684 г., цирюльников всего Французского королевства 1725 г., сапожников и починщиков Реймса 1774 г. (Кириллова 2019а: 513, 515). О комнатах рабочих в XIX–XX вв. см.: Perrot 2009: 257–305.

[9] «…Se ce n'est sus aucuns bourgois pour sa necessité» (Le Livre des métiers: 85).

«chiés regratier a Paris»[10]. В аналогичных ситуациях, когда речь идет о домах мастеров, уставы говорят «у мастеров» (chiez leur mestres) или «вне дома их мастеров» (hors de l'ostel a leur mestres)[11].

В Париже в конце XIII в. было 108 каменщиков, 12 каменотесов, 36 штукатуров и 98 плотников, как свидетельствует «Книга тальи» 1292 г.[12] Однако описания домов и их строительства напрасно будет искать в регламентах плотников или каменщиков «Книги ремесел». Они дают лишь немногим больше информации, чем другие уставы, и, в отличие от регламентов раннего Нового времени, не устанавливают правил безопасного и правильного строительства домов: о наличии фундамента, качестве соединительных швов и строительных растворов, использовании отвеса, обтесывании камней и др.[13] Средневековые уставы не были ни учебниками, ни инструкциями, ни техническими регламентами и никогда не стремились разъяснить все тонкости работы. Дело не только в безусловной ценности профессиональных секретов[14], но и в том, что, составляя уставы, ремесленники не нуждались в подобной информации, поскольку и так все о своем деле знали. Что касается средневековых строителей, то они всякий раз должны были «реализовывать нетиповое задание»[15], впрочем, как и все остальные ремесленники, еще и потому строгая регламентация в этом деле оказывалась невозможной.

Единственное уточнение о том, что «включает» в себя понятие дом (hostel), можно извлечь из устава изготовителей четок из кораллов и раковин (XXVIII): «никто не может брать ученика, если не является хозяином дома, а именно, очага (feu) и места/хозяйства (leu)»[16]. Слово «feu» встречается и в других уставах, но не в качестве характеристики дома горожанина, «очага» или «домохозяйства» как фискальной единицы, а в значении «огонь». Многозначный термин «место» (lieu, leu, liu) присутствует в уставах в разных смыслах: обозначая место жительства (город или другой населенный пункт), место торговли (дом, рынок) или местность в пределах Парижа; часть изделия, должность и даже статус (прево Парижа и др.). В данном же случае составители

[10] Ibid: 133–134.

[11] Как, например, у сукновалов (LIII; Ibid: 110).

[12] Les métiers et corporations de la ville de Paris: 598. Not. (3). Талья – основной прямой налог, которым облагались крестьяне и горожане в средневековой Франции.

[13] Следующий после «Книги ремесел» устав парижских каменщиков датируется только 1782 г. Предписания о строительстве домов, о полах, перекрытиях, подвалах, каминах, лестницах, колодцах и отхожих местах см., например, в первом уставе реймсских каменщиков 1625 г.: Archives législatives de la ville de Reims: 481–483.

[14] См.: Харитонович 1992: 170–171; Кириллова 2019а: 32–33, 314, 406, 410.

[15] Шевеленко 1999: 134. Также: Гордон 2020: 20, 26–27. Строителям XIII–XVI вв., как организации их работы, так и материалам и технике, посвящены многие исследования Ф. Бернарди, преимущественно рассматривавшего строительство соборов, а не рядовых городских зданий. См., например: Bernardi 2014.

[16] «V. Item, que nul ne puisse prendre aprentiz se il ne tient chief d'ostel, c'est a savoir feu et leu» (Le Livre des métiers: 58). Этот пример из «Книги ремесел» приведен также в работе: Бартелеми, Контамин и др. 2015: 520.

устава указывали на то, что мастер, претендовавший на право обучения, должен был достойно принять ученика, за обучение которого ему платили, рассчитывая на весь срок обучения – 12 лет[17], самый длительный из всех названных в уставах: у мастера должен был быть свой дом и свое хозяйство, что свидетельствовало о надежности его положения. Правило из устава изготовителей четок следует помещать в контекст не истории города, а истории обучения ремеслу. Близкие по значению выражения звучат следующим образом: мастер должен содержать ученика «надлежащим образом, как сына порядочного человека» (у изготовителей брэ (XXXIX))[18]; «достойно содержать ученика как сына порядочного человека, одевать и обувать, поить и кормить» (у сукноделов (L))[19].

В «Книге ремесел» не упоминаются крыши домов, хотя названо такое ремесло как кровельщики – «couvreurs de meson» или «recouvreurs de mesons», они есть в уставе плотников (XLVII)[20]. Стены фигурируют в уставах как «стены Парижа» (les murs de Paris)[21] – крепостные стены, возведенные при Филиппе II Августе. Лишь однажды, в уставе булочников (I), сказано о «стене дома» – «mur de la meson»[22], что было связано с описанием (опять же единственным в «Книге ремесел») процедуры вступления в профессиональное сообщество: об эту стену вступавший в корпорацию новичок разбивал горшок с пирожками.

Известны подвалы (celiers), однако они располагались не в домах горожан, а в тавернах (в уставе глашатаев (V))[23]; и в уставе мисочников (XLIX) сказано о королевском подвале[24]. «Grenier» присутствует в текстах не в качестве чердака дома, но как отдельное строение, где хранят товары – склад или амбар: у булочников (I) – амбары на Гревской площади и в других местах, у мерщиков зерна (IV), торговцев фруктами и овощами (X) – наравне с пристанью, таверной, судном. Как отдельная постройка назван также сарай или амбар (grenche, grange) в уставе торговцев сеном (LXXXIX)[25].

В парижских уставах упоминаются двери и окна домов[26], в том числе откидные окна (fenestre), служившие прилавками, а также масте-

[17] Le Livre des métiers: 58–59. IV, XI ст.

[18] Ibid: 75. IV ст. Not. (b). Брэ – верхняя мужская одежда, разновидность штанов; у галлов были длинными, до ступни, к XIII в. стали короче, обычно шились из льняного полотна, но также из шелка, шерсти и кожи. О ремесле: Franklin 1906: 107–108.

[19] Ibid: 94. XIII ст. Подробнее о предписанном отношении к ученикам: Кириллова 2019a: 238–240.

[20] Le Livre des métiers: 86, 88.

[21] У булочников (I), мерщиков жидкостей (VI), торговцев фруктами и овощами (X), продавцов льна (LVII), торговцев сеном (LXXXIX), рыбаков пресных вод (C).

[22] Le Livre des métiers: 5.

[23] Ibid: 22.

[24] Ibid: 92.

[25] Ibid: 197.

[26] В уставах булочников (I), мелких торговцев хлебом и солью (IX), изготовителей пряжек из меди и латуни (XXII), поваров (LXIX), седельщиков (LXXVIII), перчаточников (LXXXVIII).

ра, специализировавшиеся на их изготовлении: наряду с изготовителями сундуков, бочек, а также кровли они названы в уставе плотников (XLVII)[27]. Плотники не должны были делать люки, двери и окна без железных болтов/штырей[28], что должно было обеспечить надежность их крепления. Мастера клялись, что будут изготавливать их только таким образом, уплачивая за нарушение большой штраф в 20 су, 10 из которых шли в королевскую казну и еще 10 су – мастерам ремесла (обычный штраф в 36 парижских ремеслах из 101, одинаковый при любых нарушениях, составлял 5 су).

В доме ремесленника окно и дверь – такое место, рядом с которым он работал, как сказано в уставе изготовителей пряжек из меди и латуни (XXII): «у открытого на улицу окна или приоткрытой двери»[29]. Для более позднего времени, XV–XVI вв., известно, что входная дверь в доме парижанина могла быть открыта целый день, ее подпирали специальной скамеечкой или подпоркой, а хозяева и слуги сидели на порогах своих домов или около них[30]. Эта норма не могла быть общепринятой: кузнецы (XV) могли иметь станок для подковывания лошадей в доме и «вне дома» (hors de son hostel)[31]; для выпечки хлеба, как и для плавки (волочильщики проволоки (XXIV), литейщики (XLI), изготовители ламп (XLV) и др.) нужны были печи[32], и мастера работали рядом с ними.

Торговлю из окна дома-мастерской наравне с торговлей в мастерской уставы не регламентировали. В регулировании нуждалась, однако, потенциальная торговая сделка около такого окна: действия мастера по отношению к заинтересовавшемуся изделиями соседу, мастеру того же ремесла, и рассматривавшему их покупателю. Поварам (LXIX) и седельщикам (LXXVIII) было запрещено звать покупателя, который стоял у прилавка или окна другого мастера, приценяваясь или покупая. Если они все же зазывали покупателя к себе, не дождавшись, пока тот отойдет от соседнего окна, их штрафовали. В аналогичной ситуации кошелечники (LXXVII) запретили мастеру выходить из своей мастерской (son ouvrouer) и показывать собственные товары, прежде чем покупатель уйдет от мастерской, где приценивался[33]. Откидное окно дома составляло одновременно часть пространства мастерской и городского пространства и, будучи открытым, становилось местом перехода из одной системы координат в другую, меняя статус улицы, на которую вы-

[27] Le Livre des métiers: 86.
[28] «III. Huchier ne Huissier ne pevent ne ne doivent faire ne trappe ne huis ne fenestre sans goujons de fust de fer» (Ibid: 87).
[29] «…Convient que il oevre seur rue, a fenestre ouverte ou a huis entr'overt» (Ibid: 50). В рукописях здесь нет пунктуации, что отражает первое издание «Книги ремесел» (Réglements: 59).
[30] Бартелеми, Контамин и др. 2015: 563–564.
[31] Le Livre des métiers: 39.
[32] У булочника могло быть несколько печей, о чем свидетельствует требование заплатить штраф за каждую из них в случае нарушения (Ibid: 9).
[33] Ibid: 167. Подробнее: Кириллова 2019б: 31–32.

ходило. Уставы показывают, что его внешнюю сторону средневековые ремесленники воспринимали как часть пространства мастерской, а покупателя, стоявшего около этого окна – как клиента владельца мастерской, независимо от того, оказывался ли он настоящим или только возможным покупателем. Недовольство от такого изменения общего городского пространства высказывали не горожане, а ремесленники, выступавшие то заинтересованной, то страдавшей стороной. К моменту записи «Книги ремесел» конфликты случались неоднократно: три разных корпорации уже нашли решение и сочли необходимым зафиксировать его письменно.

В уставе каменщиков (XLVIII) были названы арка, лестница и дверь, выходящая на улицу[34] в качестве особых элементов постройки, которые обязательно должны были быть закончены, даже если мастерам приходилось задерживаться с этой работой во внеурочное время, поздно вечером[35]. Издатели XIX в. понимали арку (arche) в уставе каменщиков как арку/пролет моста, указав именно такое значение в словаре к «Книге ремесел»: «arche de pont»[36]. Однако более корректным будет рассматривать это перечисление в контексте безопасности дома горожанина: выделения таких элементов, которые позволяют защитить дом, что подчеркнуто повтором указания «закрыть» (fermer, fermant). Тем более, что правило перекликается с аналогичной нормой из устава плотников (XLVII), которые не должны были оставлять работу, не закончив двери или окна, «чтобы добрые люди могли запереться»[37].

Таким образом, в уставе каменщиков сказано о «дверном проеме, пороге, двери, выходящей на улицу». По сути, речь идет о потребности горожанина защитить свой дом, а городских властей – обеспечить ему возможность такой защиты, для чего и вводился запрет каменщикам и плотникам оставлять такую работу незавершенной. Подобное предписание отражает принципиальное отличие дома в городе от дома вне города: городской дом – закрытый[38]. Эта особенность не нуждалась в Париже XIII в. в объяснениях и воспринималась как норма городской жизни.

Дом закрывался на замок, и в Париже в конце XIII века было 27 слесарей-замочников[39]. Это ремесло всегда находилось под самым при-

[34] «…Если не надо в это время заканчивать арку, или лестницу, или дверь, выходящую на улицу» (Регистры 1957: 350). Перевод Л.И. Киселевой.

[35] «…Se ce n'est a une arche ou a un degré fermer, ou a une huisserie faire fermant, assise seur rue» (Le Livre des métiers: 89). В «Словаре» А. Фюретьера (Furetière 1702. T. 1: 621) первым значением для «degré» указана лестница, и марш лестницы – вторым.

[36] Glossaire-index: 293.

[37] «…Ou que li Huchiers eussent vendu huis ou fenestres pour bonnes gens clorre» (Le Livre des métiers: 87). Продажа (eussent vendu) означает завершение работы над изделием в данном случае.

[38] Исследователи указывают на закрытость городского дома в контексте неоднородности его внутреннего пространства, основываясь преимущественно на трактатах и других сочинениях XIV–XV вв.: Бартелеми, Контамин и др. 2015: 605.

[39] По данным «Книги тальи» 1292 г. (Les métiers et corporations de la ville de Paris: 466).

стальным вниманием опасавшихся криминала городских властей. Парижским замочникам (XVIII) запрещали делать замки без перемычек, при плохом освещении. Как и литейщики (XLI)[40], они не должны были делать ключи в отсутствие замка[41], и речь идет именно о замках для дома и склада, поскольку мастера, работавшие с небольшими замками, входили в другую корпорацию – изготовителей ящиков и замков (XIX).

Регламенты «Книги ремесел» создают своеобразное впечатление о городских домах. Здесь почти нет сведений о домохозяйственной деятельности и такого род домашней работе, которую можно было бы характеризовать как специфически женскую или мужскую – как, впрочем, не видны в источниках и разные сферы ответственности (и разные пространства) хозяев и прислуги. Дома выступают в уставах как профессиональное пространство в системе профессиональной деятельности, как место, где работают и торгуют – в большей степени, чем место, где живут (поскольку упоминаний о повседневной жизни дома здесь почти не представлены). Окна и двери дома ремесленника открывают именно для того, чтобы хорошо был виден ход работа мастера. «Дом» синонимичен «мастерской» и противопоставлен не двору или приусадебному участку, а городской улице. Это пространство закрытое: не только потому, что его специально закрывают (с помощью окон, дверей, замков), но и потому, что оно цельно, не разделено на функциональные зоны (комнаты или углы), даже если логически допустимо предположение о наличии в доме таких мест, которые служили бы для разных видов деятельности, в том числе, для работы приглашенного ремесленника с помощниками.

Источники

Регистры ремесел и торговли города Парижа / Пер. Л.И. Киселевой, под ред. А.Д. Люблинской // Средние века. М., 1957. Вып. X. С. 309–362. М., 1958. Вып. XI. С. 171–221 [Registry remesel i torgovli goroda Parizha / Per. L.I. Kiselevoj, pod red. A.D. Lyublinskoj // Srednie veka. M., 1957. Vyp. X. S. 309–362. M., 1958. Vyp. XI. S. 171–221].

Archives législatives de la ville de Reims / Publ. par P. Varin. P., 1847. Pt. 2. Statuts. Vol. 2.

Le Livre des métiers / Publ. par R. de Lespinasse et Fr. Bonnardot. P., 1879.

Les métiers et corporations de la ville de Paris, XIV–XVIIIe siècles / Publ. par R. de Lespinasse. P., 1892. T. II: Orfèvrerie, sculpture, mercerie, ouvriers en métaux, bâtiment et ameublement.

Réglements sur les arts et métiers de Paris, rédigés au XIIIe siècle et connus sous le nom du Livre des métiers d'Étienne Boileau / Publ. par G.-B. Depping. P., 1837.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Бартелеми Д., Контамин Ф., Дюби Ж., Браунштайн Ф. Проблемы // История частной жизни / Под общ. ред. Ф. Арьеса и Ж. Дюби. М., 2015. Т. 2. Европа от феодализма до Ренессанса. С. 489–752. [Bartelemi D., Kontamin F., Djubi Zh., Braunshtajn F. Problemy // Istorija chastnoj zhizni / Pod obshh. red. F. Ar'esa i Zh. Djubi. M., 2015. T. 2. S. 489–752].

Гордон Дж. Конструкции. Почему они стоят и почему разваливаются. М., 2020 [Gordon Dzh. Konstrukcii. Pochemu oni stojat i pochemu razvalivajutsja. M., 2020].

Гусарова Т.П. Город и ландшафт // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. М., 1999. Т. 1. Феномен средневекового урбанизма. С. 140–161[Gusarova T.P. Gorod i landshaft // Gorod v srednevekovoj civilizacii Zapadnoj Evro-py. M., 1999. T. 1. Fenomen srednevekovogo urbanizma. S. 140–161].

[40] Le Livre des métiers: 79.

[41] Ibid: 44–45.

Дубровский И.В. Дом // Словарь средневековой культуры. 2-е изд. М., 2007. С. 143–148 [Dubrovskij I.V. Dom // Slovar' srednevekovoj kul'tury. 2-e izd. M., 2007. S. 143–148].

Кириллова Е.Н. История ремесла во Франции XIII–XVIII веков: стать мастером. СПб., 2019 (а) [Kirillova E.N. Istorija remesla vo Francii XIII–XVIII vekov: stat' masterom. SPb., 2019 (a)].

Кириллова Е.Н. Ремесленная мастерская в пространстве средневекового города (по «Книге ремесел» Парижа) // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2019 (а). Т. 21. № 4 (193). С. 29–38. DOI 10.15826/izv2.2019.21.4.065 [Kirillova E.N. Remeslennaja masterskaja v prostranstve srednevekovogo goroda (po «Knige remesel» Parizha) // Izv. Ural. feder. un-ta. Ser. 2: Gumanitar. nauki. 2019 (a). T. 21. № 4 (193). S. 29–38. DOI 10.15826/izv2.2019.21.4.065].

Харитонович Д.Э. Ремесло и искусство (Социокультурный образ западноевропейского средневекового ремесленника) // Одиссей. Человек в истории. 1992. М., 1994. С. 160–175 [Haritonovich D.Je. Remeslo i iskusstvo (Sociokul'turnyj obraz zapadnoevropejskogo srednevekovogo remeslennika) // Odissej. Chelovek v istorii. 1992. M., 1994. S. 160–175].

Шевеленко А.Я. Техника городских ремесел // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. М., 1999. Т. 2. Жизнь города и деятельность горожан. С. 124–142 [Shevelenko A.Ja. Tehnika gorodskih remesel // Gorod v srednevekovoj civilizacii Zapadnoj Evropy. M., 1999. T. 2. Zhizn' goroda i dejatel'nost' gorozhan. S. 124–142].

Ястребицкая А.Л. Город // Словарь средневековой культуры. 2-е изд. М., 2007. С. 113–120 [Jastrebickaja A.L. Gorod // Slovar' srednevekovoj kul'tury. 2-e izd. M., 2007. S. 113–120].

Bernardi Ph. Bâtir au Moyen âge: XIIIe – milieu XVIe siècle. P., 2014.

Bernardi Ph. L'Atelier: données provençales sur la place du travail au Moyen Âge // Cadre de vie et manières d'habiter (XIIe – XVIe siècle) / Dir. D. Alexandre-Bidon, F. Piponnier, J.-M. Poisson. Caen, 2006. P. 117–124.

Chevallier B. Les bonnes villes de la France du XIVe au XVIe siècles. P., 1982.

Franklin A. Dictionnaire historique des arts, métiers et professions exercés dans Paris depuis le XIIIe siècle. Paris; Leipzig, 1906.

Furetière A. Dictionnaire universel contenant généralement tous les mots français tant vieux que modernes et les termes de toutes les sciences et des arts. La Haye; Rotterdam, 1702.

Perrot M. Histoire de chambres. P., 2009.

***Кириллова Екатерина Николаевна**, доктор исторических наук, заместитель директора, Институт всеобщей истории РАН, kkirillova@mail.ru*

House in the medieval city through the eyes of a Parisian artisan of the 13th century

The «Book of crafts» of Paris of the XIIIth century allows to see the houses in the Middle Ages city through the eyes of merchants and artisans who built these houses, lived and worked in them. The author analyzes the references to walls, cellars, windows and doors in the context of the professional activities of artisans and merchants, and shows that the place of work of the master (workshop, shop) is presented in the Parisian statutes as a part of the house, not separated from the living space.

***Keywords**:* medieval city, «Book of Crafts» of Paris, houses and workshops, potential workshop, doors, windows

***Ekaterina Kirillova**, Dr. Sc. (History), Deputy Director, Institute of World History of RAS; kkirillova@mail.ru*

Ю.И. Шишкина

«PLAIN LIVING BUT HIGH THINKING» КОНСТРУИРОВАНИЕ ПРОСТРАНСТВА ЖИЗНИ В ПОМЕСТЬЕ УИЛЬЯМА ВОРДСВОРТА В ОЗЕРНОМ КРАЮ

Статья посвящена жизни поэта Уильяма Вордсворта и его семьи в Озерном Краю. Автор изучает устройство загородного имения и повседневные практики поэта: обустройство дома и сада, занятия домочадцев. Выявленный набор практик позволяет сделать вывод, что Вордсворт конструировал свою повседневность, исходя из личных представлений о романтическом образе жизни.

***Ключевые слова**: романтизм, английскость, повседневные практики, загородное поместье, Уильям Вордсворт, Дороти Вордсворт*

XIX век в Англии стал «поворотным моментом», когда и перед жителями, и перед государством появились вопросы: «кто мы?», «куда мы движемся?», «каким образом лучше двигаться?». Вопросы эти затрагивали не только политическое устройство, рабочий вопрос. Будучи зависшими в воздухе, они требовали ответа от всех людей. На них, естественно, каждый отвечал по-разному.

Ответом на насущные вопросы мог стать образ жизни, который практиковался человеком, и то, что человек хотел донести с помощью своего существования и повседневных дел до других, окружавших его. Поскольку XIX век – время расцвета романтизма как идеи и как особенных практик, которые не единожды описывались в поэмах и романах, интересно рассмотреть эпоху через призму конкретной личности.

В статье делается попытка проследить выстраивание повседневных практик английского поэта Уильяма Вордсворта. Он, осознанно или нет, конструировал образ жизни романтического поэта. Поэт жил согласно своему главному принципу: «plain living but high thinking»[1] («Простая жизнь – возвышенное мышление»). Эта антитеза быта (в негативном смысле) и духовной жизни была присуща всем романтикам. Вордсворт разделял сознание на две категории: пространство внутреннего мира человека и пространство внешнего мира – но их невозможно разделить, реальный пейзаж создается по образу и подобию мыслей, а не наоборот[2].

Жизненный путь Вордсворта и, как следствие, система его мировоззрения, достаточно сложны: изначальное принятие Французской революции сменяется ее отрицанием и даже негодованием, а вера в разум и рационализм, а также в достижение с их помощью блага для всего человечества – утрачены. Постепенно отходя от политической жизни и попыток изменить положение дел в Англии, Вордсворт стремился найти простейший и самый верный путь воспитания и жизни – через поэзию[3].

[1]De Quincey 1896: 295.
[2]Халтрин-Халтурина: 213.
[3] Дьяконова 210: 47.

Субъективное восприятие реальности Вордсворт транслировал в повседневных практиках. Таким образом, вокруг личности поэта сформировалось представление о романтическом бытовании, впоследствии ставшем основой для развития представлений об английскости. «Романтическая повседневность» конструировалась Вордсвортами с помощью воспроизведения множества практик, которые стали базой для всей жизни их семьи и дискурса жизни поэтов-романтиков.

Самому Вордсворту постоянно требовалось соответствовать образу, что накладывало отпечаток на его собственную жизнь. По сути, он и в повседневности «находился в образе», а все практики – репрезентация его идентичности, созданной им самим. Помимо поместья, где жил Уильям Вордсворт, до наших дней дошли дневники сестры поэта, Дороти, в которых она скрупулезно описывала жизнь в имении. Дороти Вордсворт не предполагала публиковать свои дневники и письма, однако в конце XIX века, уже после ее кончины, они все же были опубликованы. Кроме того, к Вордсвортам наведывались поэты, писатели их тех, кто стремился увидеть жизнь Вордсвортов воочию. Любопытные воспоминания об образе жизни Вордсворта и его друзей в Озерном крае оставил Томас де Квинси, известный эссеист. Учась в колледже, он прочитал «Лирические баллады», проникся благоговейной любовью к их авторам, и чуть позже вступил в переписку с Вордсвортом. В конце 1807 г. он встретил в Лондоне Кольриджа, который читал лекции в Королевском Институте, и вызвался сопровождать его жену и троих детей в Озерный край[4].

В Великобритании тема загородных поместий изучалась и в социальном, и в экономическом, и в культурном аспектах. Самый известный автор, Марк Жируард, в работе «Жизнь в английском загородном поместье: социальная и архитектурная история» описывает ход эволюции социального значения усадеб, возникновение многих явлений усадебной жизни. Другой ученый, Питер Мандлер, исследует изобретение и переосмысление понятия “stately home”, превращение поместий из символов власти в общедоступные музеи. Заслугой Кристофера Кристи является изучение различных аспектов поместной жизни и политического значения усадеб в георгианскую эпоху. «Домашняя жизнь в Англии» Норы Лофтс посвящена повседневной жизни англичан всех классов, при этом акцент был сделан на исследование социальных отношений.

Сместить фокус лишь с обустройства, меблировки, социальных ролей и функций жителей поместий дает возможность культурная история социального. Р. Шартье в статье «Мир как представление» предлагает обратиться к «конструированию социального бытия посредством культурной практики», выяснить, каким образом субъективные представления, мысли, способности, интенции индивидов реализуются в пространстве возможностей, ограниченном объективными условиями, созданными

[4]Зыкова: 6.

прежними культурными практиками коллективными структурами, испытывая на себе их постоянное воздействие. Поэтому следовало бы обратиться к отношениям людей прошлого согласно их собственным конвенциям, в реальных ситуациях непосредственного общения в самых разных обстоятельствах. Так, реконструировать образ романтического поэта, созданного У. Вордсвортом, возможно, воссоздав его повседневность.

В 1799 г. Уильям Вордсворт и его сестра Дороти прибыли в долину Грасмир Озерного Края. Уильям хотел найти для них постоянный дом. Коттедж Dove был пуст и доступен для аренды, и они поселились там 20 декабря того же года, заплатив 5 фунтов стерлингов в год Джону Бенсону. Дав Коттедж (Dove Cottage, далее – Dove) был домом Уильяма Вордсворта с декабря 1799 г. по май 1808 г., в годы его становления как романтического поэта и совместной работы с коллегами по цеху. Поселившись в Озерном крае, Вордсворты подыскали по соседству дом для друга Уильяма, поэта Сэмюэля Кольриджа, и его семьи, а чуть позже и поэт Роберт Саути с семьей поселился поблизости, в Кесвике, перевезя туда большую библиотеку. Втроем они и составили так называемую Озерную школу в английской поэзии[5].

Трудно проследить раннюю историю Dove: дата его постройки не записана, хотя, вероятно, это было в начале XVII века. Изначальный функционал этого здания тоже неясен, во второй половине XVIII в. оно превратилось в гостиницу под названием «Голубь и оливковая ветвь». История коттеджа упоминается в стихотворении Вордсворта «Возница» («The Waggoner»): в стихотворении лирический герой – извозчик – проходит мимо гостиницы «DOVE and OLIVE-BOUGH», «где при встрече предлагают хороший эль всем, кто посетил долину Грасмир[6].

Поместье – простой каменный дом, облицованный белым известняком (как и многие дома в Озерном краю), со сланцевой крышей – Вордсворт в то время не мог похвастаться большим состоянием. Внешний вид, т.е. фасад дома, должен был говорить сам за себя: кому именно принадлежит поместье, с кем вам предстоит иметь дело. Что «говорил» дом Вордсворта? Войдя в дом через главный вход, вы бы попали в «комнату с духовкой» или, как называл ее Вордсворт, «маленькую гостиную-кухню»[7], – это основное помещение первого этажа. Она была предназначена для ежедневного приема пищи. Рядом с ней – небольшая спальня для Дороти. Отдельная кухня использовалась для приготовления сложных блюд на вечер и при приеме гостей, а четвертая комната была маленькой кладовой для хлеба и масла, использовавшейся в качестве кухонного шкафа для скоропортящихся продуктов. Вордсворт нанял соседку, Молли Фишер, горничной, чтобы та готовила обеды и занималась уборкой. Пройдя через вестибюль, вы бы вошли в большое помещение, которое, по сути, можно было считать основным в коттедже. Это была

[5] Дьяконова 1978: 47.
[6] Wordsworth 1896: 452.
[7] De Quincey 1896: 297.

продолговатая комната, около восьми с половиной футов в высоту и шести в ширину; стены были покрыты темным полированным дубом, украшенным резьбой. Одно окно с расстекловкой почти каждое лето украшали розами, а осенью – жасмином и другими ароматными кустарниками. Но в самой комнате темно: окно, хотя и было довольно велико, не давало много света из-за буйной растительности снаружи[8]. На втором этаже самой большой комнатой был кабинет Вордсворта с видом на луга и озеро; эту комнату Уильям использовал для своей ежедневной работы и иногда как второй салон для закусок и приема гостей. «Это было небольшое помещение семь футов шесть дюймов в высоту, достаточно похожее по размерам на зал внизу. Однако в небольшом пролете была библиотека, возможно, в триста томов, которые, казалось, придавали этой комнате вид кабинета поэта, и, возможно, так оно изредка и бывало. Но гораздо чаще Вордсворт сочинял на воздухе вне дома»[9]. Три других комнаты использовались как спальни, а небольшая комната над кладовой как детская для детей Уильяма и его жены Мэри.

«Мисс Вордсворт и завтрак я нашел в маленькой гостиной. Кофейника не было; зато было бросающееся в глаза отсутствие изысканных блюд; чайник кипел на огне, и все гармонировало с этой непритязательной обстановкой. Я, сын торговца, живший в роскоши (хотя и не показной) с детства, никогда не видел столь скромного *вида*: и противопоставление достоинства человека этой почетной бедности, и смелое признание этого, и полное отсутствие всех усилий, чтобы скрыть истинное положение дел, - все это заставляло меня чувствовать постоянно возрастающее восхищение»[10]. – писал эссеист Де Квинси в своих заметках.

Романтическая простота, вызывающая восхищение де Квинси, – это состояние, которое конструируется Вордсвортом для общества и несет в себе его идеалы. Вроде ничего необычного в этом описании нет: чайник, плита, небольшая гостиная – обстановка простого сельского дома, не претендующая на особое осмысление. Тем не менее, сама фигура Вордсворта, которая осеняла любой предмет этого дома, заставляла наблюдателя видеть все через призму некоего идеального типа романтического существования.

От «простого» дома к «простому» саду: Уильям и Дороти любили проводить время в саду, в их «little Nook of mountain-ground» (маленьком убежище у подножия горы), оформленном в неформальном «диком» состоянии. Судя по всему, это был английский пейзажный парк, только уменьшенный в размерах. Садом занималась Дороти, высаживая многочисленные цветы и кустарники. В своих дневниках она часто упоминает работы по уходу за растениями, что полагалось благовоспитанной леди, находящейся вне города. Сама Дороти черпала вдохновение в этой работе и не раз оставляла восторженные заметки об окружающей природе.

[8] Ibid: 298.
[9] Ibidem.
[10] De Quincey 1896: 299.

Считается, что этими записями нередко пользовался Вордсворт для создания своих поэм. Его сочинение «A Farewell» («Прощание») показывает сад коттеджа в восприятии самого Уильяма: Вордсворт уподобляет сад великолепному храму, «самому прекрасному месту, которое только мог найти человек», сад в его представлении «в наивысшей степени справедлив»[11]. Для большинства читателей очевидна прямая отсылка к райским кущам. Помимо моментальной ассоциации с первозданной красотой природы, читатель, сведущий во взглядах Вордсворта на положение дел в Англии, узнает и его негативное отношение к деятельности вигов, и симпатии к несчастным английским фермерам. По сути своей воспевание сельских пейзажей обозначает активное противостояние городу: город – это зло, дьявольская сущность, а деревня (или усадьба) – пространство Бога[12].

Естественная сценография английского сада утверждала: если человек чувствителен к организации пейзажа, то пейзаж ему отвечает не просто «картиной», но точным подобием его чувствительной организации[13]. Вордсвортское «пространство внутренних психологических пейзажей» в этом случае предстает визуальной практикой романтизма: через свое внутреннее состояние человек создает субъективную реальность вокруг себя, часто путем воспоминаний, воображения, ассоциаций и эмоций. «Я долго прогуливалась среди скал над церковью. Тишина и все непреодолимое уединение долины тронули меня до такой степени, что я чуть не испытала самую глубокую меланхолию. Я заставила себя не поддаваться», – пишет Дороти[14], после одной из своих прогулок в одиночестве недалеко от дома. В этот момент внутреннее ее состояние выражается в увиденном пейзаже: «Когда мы прошли через деревню Уэнсли, мое сердце растаяло от дорогих мне воспоминаний – мост, маленький водопад, крутой холм, церковь. Они являются одними из самых ярких из моих внутренних видений, потому что они были первыми объектами, которые я видела с тех пор, как мы остались наедине друг с другом, и Грасмир стал нашим домом»[15]. В этом пассаже Дороти использует термин «внутреннее видение», которое возникает при взгляде на определенные объекты. Здесь просматриваются визуальные практики, а зрение становится одним из главных инструментов конструирования действительности.

Рукотворные произведения искусства, те же руины или специально высаженные деревья, Дороти воспринимает скорее негативно, ей они кажутся нарушающими идеальный порядок, созданный природой. В ее дневнике читаем: «Тут были причудливые водопады, которыми Природа стремилась сделать красивым то, что исказило искусство, – руины, пещеры. Они здесь тоже были. Несмотря на все это, лощина оставалась

[11] Wordsworth 1896: 581.
[12] Дмитриева: 9.
[13] Там же: 93.
[14] Wordsworth 1897: 516.
[15] Ibid: 518.

романтичной и красивой, хотя везде были посажены неестественные деревья. К счастью, мы не можем создать огромные холмы или обустроить долины в соответствии с нашей фантазией»[16]. Здесь мисс Вордсворт употребляет слово «романтический», хотя сам Уильям начнет использовать это понятие позже[17]. О том, чем была наполнена простая жизнь простого романтика, дотошно и ярко рассказывают дневники сестры.

Как уже отмечалось, Дороти испытывала серьезное влияние брата и его друзей-поэтов, особенно Кольриджа, к которому питала нежные чувства, на свое восприятие мира. Можно выделить обыденные практики, окрашенные необычным описанием, что особенно бросается в глаза при чтении: в повествовании выделяются все те стереотипы, которые определяют англичанина англичанином:

- Почти каждый день начинается с упоминания погоды утром. Утро могло быть «морозным», «светлым», «мягким», «теплым с возможным дождем», «проведенным в ожидании брата» или «проведенным в ожидании Кольриджа»[18] и т.д. Приход и уход солнца отмечались как особо важные моменты дня. Отсюда подчеркнутая, аффектированная «любовь» к восходам (утрам) и закатам (вечерам)[19];
- ожидание почты;
- чтение почты;
- работа по дому и в саду;
- совместное чтение (кстати, читали Вордсворты и Кольридж преимущественно английскую литературу: Чосер, Мильтон. Очень часто читали вслух свои произведения, при необходимости внося коррективы. Дороти была одним из первых слушателей поэзии и брата, и его друга Кольриджа);
- переписывание стихов брата;
- прогулки на природе (как обязательный элемент усадебной культуры), только парк здесь заменяется на долину озер Грасмир и Райдал, по сути, расширяя пространство сада и парка до огромных размеров;
- созерцание природы.

В одной из записей Квинси упоминает чувство смирения – такие эмоции, чуть ли не христианское чувство смирения, вызывает быт Вордсвортов у их гостя: «Это действительно позволяет смириться и обрести жизнь не ради своих телесных наслаждений и применить его щедрость и роскошь к ее наслаждениям интеллектом. Так мог бы жить Мильтон. В течение дня, достаточно дождливого, преобладал тот же стиль скромного гостеприимства»[20].

Дороти свои дни описывала достаточно подробно, чтобы представить их в некоем повторяющемся цикле, где меняются лишь детали: утро

[16] Wordsworth 1897: 518.
[17] Дьяконова: 48.
[18] Wordsworth 1897: 340.
[19] Дмитриева: .232.
[20] De Quincey 1896: 301.

– предобеденные прогулки или работа в саду – работа с текстами брата – вечерние чтения или совместные выходы на природу. Время не движется вперед, словно повторяется, воспроизводя каждый день снова и делая упор на восприятие. Утром может ничего и не произойти; но даже такие нюансы, как изменение освещения в комнате из-за солнца, могут вызвать внутренние размышления и рефлексию. Иногда утренняя погода определяет и день мисс Вордсворт в целом: если утро серо и холодно, значит, днем не случится ничего примечательного, и наоборот: солнечное и радостное утро принесет положительные эмоции.

Исходя из всего вышесказанного, можно выделить основные черты романтического «пасторального» пространства усадьбы. Во-первых, это простота быта, его приближенность к природе. Начиная домом и заканчивая времяпрепровождением в усадьбе, стремление к упрощенному существованию являлось приоритетным. При этом интеллектуальная наполненность такой жизни должна была быть усиленной. Во-вторых, использование эмоциональных реакций на внешние проявления для создания вокруг себя своего идеального мира. В-третьих, следование традициям «английскости». Повседневная жизнь Дороти носит черты правильной жизни леди, которая была и ранее присуща благодетельным дамам по всей Англии. И последнее, по порядку, но не по значению, – трансляция «романтических» символов пасторальной Англии.

Что касается дальнейшей истории этого места: в 1890 г. Стопфорд Брук создал Wordsworth Trust (Благотворительный фонд Вордсворта), заботящийся о сохранении памяти о поэте и его творчестве. В 1891 г. коттедж Dove был выкуплен с целью сохранить место, где Уильям Вордсворт жил почти 10 лет. Сам дом был открыт для посещения уже в 1917 г. Фонд Вордсворта начал собирать коллекцию рукописей, книг и других предметов для размещения в музее почти сразу после его основания, но его коллекция значительно увеличилась в размерах в 1935 г., когда она получила семейные документы Вордсворта по наследству от Гордона Грэма Вордсворта, последнего прямого потомка Уильяма, его внука[21].

Сейчас в коттедже Dove возможно узнать очень многое о жизни и повседневности Вордсвортов. Дом полон рисунков, портретов, оригиналов рукописей, страниц из дневников Дороти. Фонд Вордсворта ведет активную деятельность по развитию комплекса музеев и продвижению наследия британских романтиков по всему миру. В марте 2018 г. правительство Великобритании объявило о том, что Партнерство в области местного предпринимательства Камбрии обеспечило финансирование в целях улучшения экспозиции для посетителей в районе Озерного края, включая Коттедж Dove и Музей Вордсворта в рамках проекта Northern Powerhouse[22].

[21] https://www.gov.uk/government/news/blackpool-bradford-and-lake-district-to-benefit-from-15-million-northern-cultural-regeneration-fund

[22] https://www.gov.uk/government/news/blackpool-bradford-and-lake-district-to-benefit-from-15-million-northern-cultural-regeneration-fund

Идея о пасторальной Англии, зародившись в начале XIX века во многом благодаря английским поэтам-романтикам, прижилась в английском обществе и живет поныне. Простота, единение с природой – необходимые элементы идиллической жизни помогали справляться с достаточно стесненными обстоятельствами быта, придавая существованию высший смысл. Отречься от благ цивилизации ради возвращения к Природе и – в развитие мысли – отречься от роскоши земной жизни ради божественного искусства. Идея довольно схожа с политическими и этическими воззрениями Вордсворта в 1800-е гг.[23] Можно ли считать, что поэту удалось создать идеальный образец романтического существования в повседневности? Возможно, с одной лишь оговоркой – такая жизнь должна была быть связана с именем поэтов Озерного края, а желательно именно с Вордсвортом, иначе должного эффекта не получалось. Без личности самого поэта, без привязки места к его прошлым обитателям привлекательность быстро теряется, а эффектность сводится к нулю.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. 2-е изд. М.: ОГИ, 2008. 528 с. [Dmitrieva E.E., Kupcova O.N. ZHizn' usadebnogo mifa: utrachennyj i obretennyj raj. 2-e izd. M.: OGI, 2008. 528 s.]

Дьяконова Н.Я. Английский романтизм. Проблемы эстетики. М.:Наука, 1978. 210 с. [D'yakonova N.YA. Anglijskij romantizm. Problemy estetiki. M.:Nauka, 1978. 210 s.]

Зыкова Е. Уильям Вордсворт. Избранная лирика / William Wordsworth. Selected Verse. М.: Радуга, 2001 [Zykova E.Uil'yam Vordsvort. Izbrannaya lirika / William Wordsworth. Selected Verse. M.: Raduga, 2001]/

Халтрин-Халтурина Е.В. «Тинтернское аббатство» У. Вордсворта: контекст и композиция // Вестник РГГУ. 2010. С. 213-217. [Haltrin-Halturina E.V. «Tinternskoe abbatstvo» U. Vordsvorta: kontekst i kompoziciya// Vestnik RGGU. 2010. S. 213-217].

De Quincey T. The Collected Writing of Thomas De Quincey. L., 1896.

Government UK // Blackpool, Bradford and Lake District to benefit from £15 million Northern Cultural Regeneration Fund. URL: https://www.gov.uk/government/news/blackpool-bradford-and-lake-district-to-benefit-from-15-million-northern-cultural-regeneration-fund

Wordsworth D. Journals of Dorothy Wordsworth / Ed. by W. Knight, New York, 1897

Wordsworth W. The Poetical Works of William Wordsworth. New York, 1896.

Шишкина Юлия Игоревна, *аспирант, Институт всеобщей истории, Российская академия наук; julia.shishkina@gmail.com*

«Plain living but high thinking»: how William Wordsworth constructed living space in the Lake District country house

The article is focused on the poet William Wordsworth and his family domestic life in Lake District. The author examines the structure of a country house and the poet's daily practices: a home improvement and a gardening and household activities. The revealed range of practices allows to conclude that Wordsworth designed his everyday life based on his personal ideas about romantic lifestyle.

Keywords: romanticism, Englishness, daily practices, country house, William Wordsworth, Dorothy Wordsworth

Shishkina Yulia, *PhD student, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; julia.shishkina@gmail.com*

[23] Дьяконова: 43.

Л.В. Софронова, А.В. Хазина

"ВЕЛИКИЙ ПЕРЕХОД" БРЮСА КЭМПБЕЛЛА МОДЕЛЬ ГЛОБАЛЬНОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

В статье рассматривается книга Брюса М.С. Кэмпбелла «Великий переход: климат, болезни и общество в мире позднего средневековья» (2016), которая представляет собой масштабное исследование кризиса XIV века, когда изменение климата, болезни и трансформация военно-политического баланса изменили средневековый мир. Брюс Кэмпбелл показывает, как эти факторы сочетались в разрушительной череде голода, наводнений, войн и финансовых кризисов. Работа основана на обобщении громадных массивов данных, охватывающих области сельскохозяйственной, географической, экономической, социальной и церковной истории, а также на последних открытиях в области генетики Yersinia pestis, а особенно – на истории климата, и может расцениваться как модель будущих междисциплинарных исследований.

Ключевые слова: *междисциплинарные исследования, средневековье, климат, экономическая, социальная и церковная история, использование энергии, устойчивость, болезнь, ДНК чумной палочки Yersinia pestis, Черная Смерть*

Междисциплинарность является общепризнанной характеристикой состояния современного гуманитарного знания и на протяжении нескольких десятилетий уже сама является предметом методологической рефлексии[1]. Один из ярких примеров междисциплинарных исследований – фундаментальная работа Брюса Кэмпбелла, почетного профессора университета Куинс в Белфасте, одного из наиболее авторитетных специалистов по социальной и экономической истории средних веков[2]. Книга «Великий переход: климат, болезнь и общество в позднем Средневековье» была опубликована в 2016 г.[3] и почти сразу же отмечена академическим сообществом множеством отзывов, а один из крупнейших международных сетевых ресурсов по медиевистике «Исторические исследования средних веков» даже утверждает, что новая работа Кэмпбелла «обещает стать новой Библией в истории окружающей среды»[4].

Обосновывая методологию своего исследования, британский историк пишет о том, что различные аспекты экономического развития европейских стран в XIII–XV вв. неоднократно становились основой для глубокого осмысления в рамках неоклассической экономики, марксистской теории, новой институциональной экономики[5]. Но ни один из этих подходов, по его мнению, не сумел предложить исторически убедитель-

[1] См.: Репина 2011; Междисциплинарные подходы к изучению прошлого… 2005.
[2] Campbell 1980; 2007; 2008; 2009; Campbell, Bartley 2006; Campbell, Galloway, Keene, Murphy 1993. См. также созданную им базу данных по урожайности сельхозкультур: Campbell 2020.
[3] Campbell 2016. Далее страницы книги указываются в основном тексте.
[4] Schousboe 2016.
[5] Подробнее см.: Hatcher, Bailey 2001.

ного описания всей целостности этой хронологически и географически протяженной социально-экологической трансформации средневекового общества (с. 395). Взамен Кэмпбелл предлагает «шестикомпонентую модель динамики социально-экологических систем», ключевыми составляющими которой, встроенными одна в другую, являются: Климат, Экосистемы, Общество, Биология, Люди, Микробы. Впечатляющий массив статистических данных в этих сферах он вводит в единый связный исторический нарратив, посвященный тезису о глубоком влиянии климата на экономику в 1100–1500 гг.

История этих столетий подразделяется автором на несколько периодов. Первый – XI–XII вв. (до 1270 г.) – период роста населения и урожайности в сельском хозяйстве, улучшения животноводства и т.н. «коммерческой революции», когда международная торговля связывала Евразию, северную Африку и Индию. Этот экономический рост определялся благоприятными климатическими условиями: характер атмосферной циркуляции во время Средневековой климатической аномалии (MCA) обеспечил относительно благоприятную погоду для умеренной зоны Европы и муссонной Азии, что заложило экологические предпосылки значительного демографического и экономического подъема, характерного для Европы и Азии в период Высокого Средневековья. В виде многочисленных таблиц и диаграмм он приводит реконструированные данные температурных аномалий в Северном полушарии в период с 500 до 1900 г. в сопоставлении с разнообразной демографической и экономической информацией, касающейся Китая эпохи Сун и европейских стран (с акцентом на Англию). Им оценивается влияние глобальных экологических процессов на процессы исторические (рост городов, бурное развитие международной торговли и т.д.). «Замеряемыми аспектами этого бума, – пишет Кэмпбелл, – являются удвоение, иногда – утроение численности населения, увеличение числа монастырей почти в два с половиной раза, рост ежегодного выпуска рукописей в тринадцать раз, удвоение числа городов с населением не менее десяти тысяч человек и ростом урбанизации как минимум на 50 процентов» с. 133).

Второй период – конец XIII и начало XIV в. – знаменует, по Кэмпбеллу, переход от расцвета к упадку. С цифрами в руках ученый демонстрирует стагнацию всех основных отраслей экономики, демографического развития Англии, Италии, Испании, Фландрии и других стран, а также значительный упадок международной торговли. Массив экономических данных он сопоставляет с данными о резком ухудшении климатических условий: окончанием «средневековой климатической аномалии» (MCA, климатический оптимум) и началом Солнечного Минимума Вулфа (понижение солнечной активности и похолодание). Автор также исследует происхождение, развитие и распространение различных типов панзоотий и эпидемий в Европе данного периода, анализирует новейшие исследования древнейшей ДНК чумной палочки Yersinia pestis и ее (видимо, доказанное) азиатское происхождение из

областей западного Китая (с. 134-266). Но в целом экономика находится пока, по словам Кэмпбелла, в «неустойчивом балансе» с климатом.

Третий период – 1340–1350-е гг. – характеризуется как переломный момент, когда чума, война и изменение климата смещают баланс и возникает уникальная комбинация экономических, социальных и эколого-биологических процессов (прежде всего, циклические вспышки панзоотий и распространение человеческой чумы) – то, что автор характеризует как «идеальный шторм». Этот «шторм» буквально ломает уже ослабевший социально-экологический режим Европы, начиная длительный спад, на ход которого война, изменение климата и болезни продолжали оказывать мощное влияние (с. 329).

Последовавший затем 150-летний период оценивается как время рецессии, когда «подавляющая», по выражению автора, среда привела к демографическому и экономическому упадку мира позднесредневекового латинского христианства. Начинающееся посткризисное восстановление было прервано серией повторных вспышек чумы, и к 1390-м гг. точка невозврата была пройдена. Наступление Солнечного минимума Шпёрера (90-летнего периода низкой солнечной активности примерно с 1460 по 1550 гг.), усилило эти негативные тенденции, которые, в конце концов, достигли дна в третьей четверти XV в. К тому времени температура значительно снизилась, характер атмосферной циркуляции Малого ледникового периода (Little Ice Age, LIA) был устойчиво восходящим, возникла чума и множество иных, не диагностированных заболеваний, численность населения снижалась, золотые запасы иссякали, экономический рост существенно замедлялся, и Западная Европа переживала усиливающуюся торговую изоляцию. Эта европейская «рецессия» стала отправной точкой, с которой в последние годы XV в. начнется следующий этап роста и расцвета, когда наиболее предприимчивые морские народы и регионы Европы вначале переопределятся, а затем продолжат доминировать в мире. Это т.н. «европейский динамизм», когда экономика Старого Света переместилась из Италии в Атлантику и Северное море (с. 355). После 1500 г. Европа достигнет коммерческой гегемонии, которой ей так очевидно недоставало в XIII в. В этом, жизненно важном, отношении Великий Переход был предшественником Великого Различия (или расхождения)» (с. 394)[6].

Фундаментальный труд Б. Кэмпбелла основан на глубоком изучении данных сельскохозяйственной, географической, экономической, социальной, церковной истории, исторической эпидемиологиии, и особенно, на истории климата. Исследователь объединяет в своих научных построениях данные о солнечном излучении, древесных кольцах (свидетельства дендрохронологии), арктических и альпийских ледяных ядрах, о сталагмитах, о слоистых озерных и шельфовых отложениях (варвы–годичные ленточные отложения). Эти данные были собраны в Гренлан-

[6] Имеется в виду кардинальное расхождение между Западной и Азиатской экономическими моделями развития.

дии, Альпах, Пакистане, Аравийском море, пещерах Шотландии, Индии, Южном Китае и т.д. Это – глобальная история Средневековья, в которой прорисованы параллельные и осциллирующие связи между Западной Европой и Китаем эпохи Сун, сезонами паводков на Ниле, муссонами в Юго-Восточной Азии, засухами в Новом Свете и в степях Центральной Азии. И все это увязано с солнечной активностью, влияющей на температурные режимы океана и воздушные потоки Эль-Ниньо и Ла-Нинья. До Б. Кэмпбелла никто из ученых не объединял такие данные в исследовании, адресованном историкам.

Вместе с тем, следует указать на некоторую историографическую избирательность британского историка. Он приводит многочисленные свидетельства в пользу традиционного тезиса о повороте экономики в конце XV в. в сторону Атлантики, где Португалия, Испания, Англия и Нидерланды находились в авангарде. Однако в последние годы итальянские историки, опираясь на новые архивные данные, во многом пересмотрели известные сюжеты истории торговли. Они продемонстрировали впечатляющий рост итальянских городов – и крупных, как Генуя, Милан, Венеция и Неаполь, и небольших, как Верона. Итальянские торговцы открывали в Северной и Восточной Европе и на Ближнем Востоке новые рынки, банки конвертировали прибыль от ремесленного производства в новые экономические инвестиции[7].

Некоторый англоцентризм Б. Кэмпбелла приводит к еще одному противоречию в его построениях. Для иллюстрации «расцвета» Европы в XI–XIII вв. историк обращается к масштабному строительству соборов в европейских городах в этот период. Но говоря об экономической стагнации XV в., он не упоминает о великой перестройке городов эпохи Возрождения. Помимо расширения и реконструкции церковных сооружений, торговый капитал Ренессанса щедро вливался в гражданскую архитектуру, ярким примером чего служил бум строительства городских дворцов. Как показали исследования Дж. Брукера, эта строительная мания полностью преобразила Флоренцию, а Генуя и Милан, несомненно, не уступали ей по числу грандиозных сооружений[8].

Предложенная Б. Кэмпбеллом интерпретация Черной Смерти включает новейшие открытия палеомикробиологов, в 1998 г. исследовавших древнейшую ДНК чумной палочки Yersinia pestis, извлеченную из зубов жертв чумы в Марселе XVI в.[9] Ученый настаивает на том, что крысы и блохи были (по крайней мере, изначально) основными переносчиками инфекции. Некоторому увеличению скорости распространения Черной смерти, могли, по мнению Кэмпбелла, способствовать зараженные птицы, и то, что болезнь затем передавалась от человека человеку блохами или вшами. Но для объяснения скорости распространения болезни он обращается к климатическим данным: плохая погода и ката-

[7] Goldthwaite 2009.
[8] Brucker 1990.
[9] Raoult 1998.

строфически низкие урожаи обусловили масштаб пандемии, что подтверждается с помощью свидетельств дендрохронологии. Однако в исследованиях по исторической эпидемиологии можно обнаруживаем иную точку зрения. Так, по мнению С. Кона, если чума действительно возникала главным образом среди грызунов, эти климатические тенденции не могут служить объяснением распространения болезни. Напротив, как показывают исследования более поздних случаев эпидемии (с 1894 г.), обильные урожаи (а вовсе не недород) тесно коррелируют с ростом распространения грызунов и эпидемическими вспышками: рост урожая зерновых приводил к росту популяций грызунов (и особенно крыс), что приводило к увеличению популяций зараженных блох, и как следствие, случаев чумы среди людей и смертности[10].

Впрочем, сам Кэмпбелл, похоже осознает противоречивость предложенной аргументации и приводит факт, очевидно опровергающий его построения. Если распространение Черной смерти зависело от крыс и насекомых, почему она распространялась в пять раз быстрее, чем очень заразная чума крупного рогатого скота в 1316–1321 гг., которая передавалась аэрозольным способом? Загадка Черной смерти так и остается не разгаданной Кэмпбеллом.

За рамки данной статьи, разумеется, выходит теоретическая дискуссия по поводу моделей, предложенных в книге, их непротиворечивости и объясняющей силы, равно как и анализ иллюстрирующих их примеров (дискуссия эта активно продолжается в медиевистике по сей день[11]). Однако, очевидно, что труд Б. Кэмпбелла следует расценивать как блестящий пример фундаментального междисциплинарного исследования и своеобразный жанровый образец. Это первая и, несомненно, успешная попытка создать модель глобальной средневековой истории.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Междисциплинарные подходы к изучению прошлого: до и после «постмодерна»: материалы научной конференции, 28-29 апреля 2005 г. / Отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2005. 151 с. / Mezhdisciplinarnye podhody k izucheniyu proshlogo: do i posle «postmoderna»: materialy nauchnoj konferencii, 28-29 aprelya 2005 g. / Otv. red. L. P. Repina]. M.: IVI RAN, 2005. 151 s.

Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Круг, 2011. 560 с. / Repina L.P. Istoricheskaya nauka na rubeje XX–XXI vv.: sotsialnyie teorii i istoriograficheskaya praktika. M.: Krug, 2011. 560 s.

Софронова Л.В., Хазина А.В. "Эко-история" и современная медиевистика: новые методологические подходы // Научный диалог. 2019. № 9. С. 456-469 / Sofronova L.V., Hazina A.V. "Eko-istoriya" i sovremennaya medievistika: novye metodologicheskie podhody // Nauchnyj dialog. 2019. № 9. S. 456-469.

Brucker G.A. Florence, the Golden Age, 1138-1737. Berkeley: University of California Press, 1990. 278 p.

Campbell B.M.S. English seigniorial agriculture 1250-1450. Cambridge: C.U.P., 2009. 548 p.

Campbell B. M. S. Population change and the genesis of common fields on a Norfolk manor // The Economic History Review. 1980. Vol. 33 (2). pp. 174–92.

Campbell B.M.S. Land and People in Late Medieval England. Farnham: Ashgate, 2009. 344 p.

[10] Cohn 2013. P. 204.

[11] Подробнее см.: Софронова, Хазина 2019.

Campbell B.M.S. Field Systems and Farming Systems in Late Medieval England. Aldershot: Ashgate, 2008. 332 p.
Campbell B.M.S. The great transition: climate, disease and society in the late-medieval world. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 463 p.
Campbell B.M.S. The medieval antecedents of English agricultural progress. Aldershot: Ashgate, 2007. 350 p
Campbell B.M.S. Three centuries of English crop yields, 1211-1491 [WWW document] URL http://www.cropyields.ac.uk [accessed on 16.01.2020]
Campbell B.M.S., Bartley K. England on the eve of the Black Death: an atlas of lay lordship, land, and wealth, 1300-49. Manchester: Manchester University Press, 2006. 382 p.
Campbell B.M.S., Galloway J.A., Keene D., Murphy M. A medieval capital and its grain supply: agrarian production and distribution in the London region c.1300 // Historical Geography Research Series. XXX. London: Institute of British geographers, 1993. 233 p.
Cohn S.K. The Historians and the Laboratory: the Black Death Disease // The Fifteenth Century. Vol. XII: Society in an Age of Plague / Ed.by L. Clark and C. Rawcliffe. Woodbridge (UK): Boydell Press, 2013. P. 195-212.
Goldthwaite R.A. The Economy of Renaissance Florence. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2009. 649 p.
Hatcher J., Bailey M. Modelling the Middle Ages: the history and theory of England's economic development. Oxford: Oxford University Press, 2001. 254 p.
Raoult D. Detection of 400-year-old Yersinia pestis DNA in human dental pulp: An approach to the diagnosis of ancient septicemia // Proceedings of the National Academy of Sciences of USA. Iss. 95 (21). 1998. P. 12637–12640.
Schousboe K. A review of: Campbell B.M.S. The great transition: climate, disease and society in the late-medieval world. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 463 p.

Софронова Лидия Владимировна, *доктор исторических наук, доцент, кафедра всеобщей истории, классических дисциплин и права, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина; Lidiasof@yandex.ru*

Хазина Анна Васильевна, *кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой всеобщей истории, классических дисциплин и права, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина; Annh1@yandex.ru*

The "Great Transition" of Bruce Campbell the model of the global Middle Ages

The authors review the recent Bruce Campbell's monograph "The great transition: climate, disease and society in the late-medieval world", Cambridge University Press, 2016. This is a major new account of the fourteenth-century crisis when climate change, disease and a transformation of the military and political balance of power reshaped the medieval world. Bruce Campbell reveals how these factors combined in a devastating succession of famines, floods, wars and financial crises. Bruce Campbell's latest book is grounded in prodigious reading from a wide range of disciplines, cutting across fields of agricultural, geographical, economic, social and church history, and into the latest findings in the genetics of Yersinia pestis and especially climate history. The book might be regarded as a model for future interdisciplinary historical research.

Keywords*:* Interdisciplinary research, the Middle Ages, the climate, economic, social and church history, energy use, sustainability, disease, DNA of Yersinia pestis, Black Death

Lydia Sofronova, *Doctor of History, Professor of the Department of General History and Classical Disciplines and Law; Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University; Lidiasof@yandex.ru*

Anna Khazina, *PhD in history, Head of the Department of General History and Classical Disciplines and Law; Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University; Annh1@yandex.ru*

А.Ю. Серегина

РЕФОРМАЦИЯ, РЕФОРМАЦИИ И ИСТОРИЯ РЕЛИГИИ В ЕВРОПЕ XVI–XVII вв.

В статье представлена рецензия на монографию Хэлен Л. Пэриш «Краткая история: Реформация». В книге рассматриваются основные мифы о Реформации, сложившиеся у европейцев к 2017г., празднованию ее 500-летнего юбилея, и подходы современных историков к проблемам изучения истории религии раннего Нового времени.
Ключевые слова: *Реформация, реформации, реформа церкви, история религии, Мартин Лютер, протестанты*

Среди публикаций, подготовленных в связи с юбилеем Реформации, появилась монография, перевод которой на русский язык выпустило в начале 2020 г. издательство КоЛибри (английский оригинал книги вышел в издательстве I.B. Tauris, в серии «Краткая история»)[1]. «Краткая история Реформации» написана известным специалистом по истории религии раннего Нового времени, профессором Редингского университета Хэлен Пэриш. Написанный ею очерк истории Реформации не представляет читателю рассказа о событиях и даже не затрагивает все возможные аспекты темы. Ее книга – это обращение к самым популярным и распространенным мифам о Реформации и протестантах, существующим в европейской культуре. Такой фокус издания не дает полного и исчерпывающего представления о том, как именно сейчас пишется история Реформации, но зато может оказаться увлекательнее для широкой аудитории.

Во Введении Пэриш прослеживает, как менялись представления о том, чем была Реформация, на протяжении XX в. Хронологические рамки Реформации раздвинулись, охватывая теперь вместо первых десятилетий XVI в. большой период с конца XIV по конец XVII в. И если раньше Реформация всегда противопоставлялась Католической Реформе (Контрреформации), то теперь историки склонны не противопоставлять их и тем более не сводить происходившее в католической церкви к реакции на вызов протестантов, а рассматривать как параллельные движения за реформирование церкви и всей христианской жизни, как явления одного порядка. Такой подход объясняется радикальным расширением исследовательского поля, маркируемого термином «Реформация». Если раньше оно относилось к сферам политической истории и истории церкви и догматики, то в XX в. – к социальной истории религии и антропологии. Историков стали в меньшей степени волновать нюансы полемики, и в гораздо большей – способы распространения новых учений, реакции на него верующих в приходах и на городских улицах, а в конечном итоге – тот исторический протестантизм, который возник в результате взаимодействия усилий проповедников, светских элит и реакций на них самих верующих.

[1] Пэриш 2020; Parish 2018.

Монография состоит из шести глав, каждая из них посвящена одному из мифов, связанных с Реформацией и протестантским учением. Открывает ее глава, в которой рассматривается основополагающий миф, дающий истории Реформации точку отсчета – а именно, выступление Лютера в Виттенберге, его знаменитые «95 тезисов», прибитые к двери собора. Х. Пэриш показывает, что при всей символической значимости жеста Лютера, приписанной ему поколениями реформаторов и историков, он не может считаться отправным пунктом Реформации (с. 31-34). Идеи Лютера о спасении и оправдании верой были прочно укоренены в позднесредневековой теологии. Католическое богословие XIV–XV вв. включало в себя целый спектр мнений относительно спасения, в т.ч. и положения, от которых позднее будет отталкиваться Лютер. Таким образом, история реформационного богословия начинается задолго до выступления Лютера (с. 38-40). Более того, Пэриш показывает, что при всей резкости критики злоупотреблений, допущенных при продаже индульгенций, Лютер в «95 тезисах» еще не сформулировал ничего по-настоящему противоречившего католическому учению о спасении. Лишь столкнувшись с сильной оппозицией, вынужденный защищать каждое положение, Лютер в своих произведениях начала 1520-х гг. вышел за рамки приемлемого для католической церкви (с. 47-54), сформулировав положения, которые обычно связывают с его именем – оправдание верой (sola fide) и абсолютный авторитет Писания в вопросах вероучения (sola scriptura).

Вторую главу Пэриш посвящает расхожим представлениям о тесной связи между книгопечатанием и распространением протестантизма. Долгое время было принято считать, что протестанты быстро поняли возможности нового средства коммуникаций и использовали его пропагандистский потенциал. Эта идея, прочно связывающая протестантов с развитием новых технологий, а значит, с прогрессом, господствовала среди ученых до конца XX в., а среди широкой публики – и того дольше. Тем не менее, детальные исследования книжных рынков разных стран опровергли эту связь (с. 57-66). Корреляция между распространением книгопечатания и протестантских идей существует лишь применительно к Германии, где технологии книгопечатания имели самую длинную историю, где существовал большой рынок для книжной продукции, а наличие множества юрисдикций (князей, епископов, городов и т.д.) и легко проницаемых границ между ними резко снижало возможности цензуры и контроля над книготорговлей. В других странах книжный рынок оказывался под прочным контролем властей и способствовал распространению господствовавших религиозных идей (католических или протестантских).

Пэриш задает и другие важные вопросы: в какой мере факт покупки протестантских памфлетов мог свидетельствовать о согласии покупателей с изложенными в них взглядами? Что именно читатели усваивали из текстов, покупка которых могла быть обусловлена их сенсационностью? Сам Лютер и другие реформаторы стали жертвой своего успеха: их тек-

сты бесконтрольно перепечатывались, компилировались и редактировались. Печать далеко не всегда обеспечивала единообразие текста; напротив, она создавала простор для бесконечной его вариативности. В главе рассматривается и вопрос о том, мог ли протестантизм быть религией печатного слова в мире, большинство населения которого не умело читать. Проповедь, обращенная к европейцам, чаще всего оказывалась устной. Правда, Пэриш оговаривает, что о восприятии проповедей известно совсем немного, несмотря на то, что в ее тексте есть ссылки на новейшие исследования, посвященные проповедям и тому, как именно их слушали (с. 72, 80). Такое невнимание досадно, однако оно проистекает из стремления автора показать, что протестантские проповедники использовали и другие способы распространения своих идей. В частности, в главе говорится о пении лютеранских гимнов на немецком языке; здесь популярные и узнаваемые мотивы соединялись со словами, при помощи которых до прихожан доносилось содержание учения Лютера (с. 73-74), другим маркером протестантизма и одновременно важной частью религиозной жизни протестантских общин было пение псалмов (с. 75-76).

Еще одним важным способом пропаганды идей Реформации стало соединение визуальных образов и текста в популярных изображениях, прежде всего, гравюрах. Упомянутые Пэриш гравюры зачастую отражают критику католических ритуалов и практик – мессы, почитания икон и святых мощей, паломничеств и т.п. Этот момент в книге отмечен, но не развит (с. 78), а это важнейшая для понимания сути Реформации деталь: распространение протестантских идей среди прихожан прежде всего означали отрицание католической литургии, ритуалов, т.е. того, что в XVI в. называли словом religio (religion), а главным фокусом проповеди, какие бы формы она ни принимала, оказывалось именно правильное богослужение и молитва, очищенные от суеверий. Литургическому аспекту Реформации, ключевому для современников, в книги уделено недостаточно внимания. Отчасти причиной тому, видимо, стремление обращаться к темам, знакомым студентам и читателям, предлагая их новые трактовки. Для современного европейца мир религиозных практик остается непонятным и уж во всяком случае не тем, с чем можно знакомить начинающих историков на уровне введения в дисциплину.

Долгое время исследователи отождествляли религию с вероучением, невольно рассматривая ее с позиции теолога. Изучение нормативных аспектов религиозных традиций обычно приводило к игнорированию их переживаемых, материальных и телесных аспектов. В результате, история религии (за исключением области антропологических исследований) оставалась «дематериализованной». Лишь в последние пару десятилетий материальность религиозных культур по-настоящему стала объектом изучения[2]. Рост интереса к телесности и материальности религиозных практик привлек внимание и к опосредовавшим их чувственным восприятиям, и к изучению последних в контексте религиозных культур. Эти

[2] Обзор историографии см.: Серегина 2018.

подходы сейчас активно используются в изучении истории религии в Европе раннего Нового времени[3]. Хотя такие исследования и учтены в библиографии книги (с. 257), это обстоятельство не отражено в тексте, сфокусированном на распространении идей и вероучений.

В главе 3 речь идет об отношении протестантов (прежде всего, лютеран) к иконам и изображениям в церквях. Автор прямо противопоставляет визуальное восприятие католической литургии верующими протестантскому богослужению с его фокусом на слове (с. 90). Современные исследования чувственных восприятий в области религиозных практик давно ушли от таких упрощений. Однако для автора оказывается важным подчеркнуть, что Реформацию и протестантов не стоит ассоциировать только с иконоборчеством, скорее, речь идет о переосмыслении роли и места традиционных образов в религиозной культуре. Так, Пэриш приводит данные исследований, посвященных культу Девы Марии среди лютеран Нюрнберга (с. 96-97): сохранение чтимых образов Богородицы при переосмыслении ее как образца добродетели и благочестия. Рассматриваются также протестантские изображения в храмовом пространстве, в частности, полотна Кранаха-старшего (с. 99), представлявшие собой лютеранские интерпретации библейских тем и изображения таинств.

Обращаясь в главе 4 к теме авторитета в протестантских церквях, Пэриш показывает, как провозглашенный Лютером принцип Sola Scriptura отнюдь не разрешил вопроса об авторитете в вопросах веры и о власти в церкви (с. 106-112). Вооруженные новейшими принципами гуманистической критики текста реформаторы не были согласны между собой даже в том, какие книги могут быть включены в библейский канон и что именно можно считать Писанием, поэтому противопоставление ему церковной традиции на практике оказывалось бессмысленным и опасным. Свободные толкования Писания верующими приводили к возникновению течений (с. 113-131), неприемлемых и для реформаторов, прежде всего из-за их крайнего антиклерикализма. Отрицание власти церкви толковать Писание порождало идею ненужности национальной церкви и любых объединений, кроме локальных общин верующих. Таким образом, доведенные до своего логического завершения принципы Лютера неизбежно приводили к появлению радикальных течений, не вписывавшихся в рамки компромисса церковных и светских властей, осознавших, что единообразие в их владениях – залог политического порядка (с. 129).

Глава 5 рассматривает воздействие Реформации на брак и положение женщин, опирается на собственные исследования Пэриш и представляет собой самую интересную часть книги. Обычно считается, что Реформация, устранив целибат клириков и монашескую жизнь, возвысило статус брака и улучшило положение женщины, которых теперь не запирали в стенах монастырей против их воли. Однако Пэриш показала, что в сочинениях Лютера речь идет о браке как о средстве против похоти (она зачастую охватывала и монахов, неспособных выполнить свои обеты), а

[3] Обзор историографии последних десятилетий см.: Серегина 2019.

идеальная семья в его представлении – патриархальна и полностью подчинена руководству главы семейства. В протестантском мире для женщины открывался лишь один путь – быть женой и матерью, и исчезали возможности самореализации другими способами, через женские общины монастырей, где женщины, отказываясь от брака, могли проявить свое религиозное призвание, не говоря уже о литературных и музыкальных талантах, способностях к обучению, организации жизни обители и управлению людьми. Все это перечеркивалось закрытием монастырей. Неудивительно, что монахини не приветствовали роспуск своих обителей, были порой готовы продолжать жизнь в общине, приняв лютеранские вероучение и обряды, или как учительницы в школах для девочек. При этом деятельность женщин, принявших учение Реформации, готовых и способных его распространять, не приветствовалась новыми церковными властями (с. 158-163). Представление о Реформации как очередном шаге к эмансипации женщин не имеет под собой основания.

Глава 6 посвящена отношению протестантов к сверхъестественному, точнее, обращена против до сих пор сохранившего определенное влияние тезиса М. Вебера о «расколдовывании мира»: представлению о том, что критическое отношение протестантов к чудесам и магическим элементам в католической культуре представляло собой поступательный шаг на прогрессивном пути от средневековых суеверий к светскому рационализму нового времени. Пэриш, однако, апеллирует к многочисленным исследованиям, оспорившим этот тезис. Критическое отношение к религиозным обычаям и практикам, объявлявшимся суевериями, было характерно и для католических реформаторов и не может быть объяснено влиянием протестантского учения. Кроме того, новейшие исследования убедительно показали, что Реформация не привела к де-сакрализации пространства в Европе, а переосмыслила ранее существовавшие сакральные пространства и объекты или даже создала новые. Протестанты приспосабливали практики традиционной религии под свои нужды, что проявилось, например, в повествованиях о неопалимых портретах Лютера, чудесным образом сохранившихся при пожаре, вере в духов и привидения, чудеса и знамения, посылаемые божественным провидением и т.д. Пэриш принимает концепцию А. Уолшем[4], которая выдвигала идею циклов де-сакрализации и ре-сакрализации, сопровождавшихся бурными спорами о природе и границах сверхъестественного (с. 191-193).

В Заключении говорится о том, что Реформация, лишившаяся четких очертаний, не может быть сведена к событиям политической или церковной истории. Размывание границ требует переосмысления самого термина; неслучайно современные историки часто отказываются от термина Реформация, подразумевающего связанный единым объяснением ряд событий, заменяя его множественными параллельными реформациями (с. 196-197). Не менее сложными для понимания и аморфными оказываются и другие ключевые понятия, например, протестант или лютеранин.

[4] Walsham 2008: 497-528.

Однако сама невозможность универсального описания Реформации как нельзя лучше проявляет ее наследие, если считать, как говорили сами реформаторы, что их задача – подталкивать ум в новых направлениях.

Русский перевод книги мог бы послужить хорошим введением в историю религии XVI–XVII вв. для студентов и всех читателей, интересующихся темой. Однако низкое качество издания этому не способствует. Переводчица В.М. Феоклистова продемонстрировала незнание терминологии и контекста. На с. 41 читаем: «Чтобы грехи были прощены, христианин должен был испытывать печаль, исповедаться…». Ясно, что речь идет о таинстве покаяния, и фразу feel sorrow следовало перевести как «испытывать раскаяние». Переводчица не знает, что house of religion (или religious house) – это монастырь или конвент (с. 81 и далее), упорно переводит veneration и worship как поклонение (образам, святым и др. – с. 89, 102, 157 и др.), хотя в первом случае это просто неверно, а во втором – неверно по контексту. Оба понятия во всем тексте следует переводить как «почитание» – тонкость, важная для религиозной полемики конфессиональной эпохи. Та же проблема с понятиями godly household (благочестивая семья или благочестивый дом, а не праведное домашнее хозяйство, с. 146), devotional life (благочестие, а не праведная жизнь, с. 173 и др.).

Примеры можно множить, но все они показывают, что перевод мог бы сильно выиграть от качественной работы редактора. Увы, этого не произошло, так как редактор, д.и.н. А.О. Захаров, пропустил серьезные ошибки переводчицы, что и неудивительно, ведь сфера его научных интересов – история раннесредневекового Вьетнама и Явы. Незнание редактором предмета, которому посвящена редактируемая книга, создает порой комичные ситуации. Так, в комментарии на с. 111 он приписывает приводимую в тексте цитату скончавшемуся в 1949 г. американскому проповеднику Питеру Маршаллу (видимо, обнаружив его в Википедии), хотя в действительности речь идет о современном, вполне здравствующем историке, профессоре университета Уорика в Великобритании.

Другие ошибки серьезнее. Так, понятие magisterial reformation передается как «магистральная реформация», и редактор объясняет, что это – обозначение господствующих течений Реформации (с. 117). На самом деле, речь, конечно, идет о «реформации магистратов», т.е. реформации, поддержанной светскими властями того или иного княжества или города, в отличие от «радикальной реформации», такой поддержки не имевшей. Это понятие принципиально важно в главе, посвященной отношениям реформаторов с властями духовными и светскими[5].

У редактора явно возникло неприязненное отношение к тексту, которое вылилось в комментарии. Эта негативная реакция примечательна потому, что отражает один из уровней восприятия текстов, посвященных религиозной истории, у российской публики, и поэтому заслуживает внимания. Изучение истории церкви и религии и, в частности, Реформации в советский период было практически невозможным; в результате знания

[5] Подробный разбор перевода и комментариев к нему см. в: Таубер 2020.

читающей публики прочно законсервировались на уровне исследований XIX в., которые начали переиздавать большими тиражами с 1990-х гг. Тогда же в России впервые появился перевод труда М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма», оценившего протестантскую Реформацию как важную стадию на пути Европы к модернизации. Труд Вебера оказывал влияние на западных историков на протяжении десятилетий, но он появился почти сто лет назад и опирался на выводы немецких историков того времени, со всеми их заблуждениями, погрешностями и конфессиональными предрассудками. За прошедшие сто лет большинство выводов Вебера относительно Реформации и выдающейся роли протестантизма в истории западного мира были оспорены и если не вполне отброшены, то скорректированы и сопровождены огромным числом оговорок[6]. Это было вызвано прорывом в области социальной истории религии и социальной антропологии, пришедшимся на 1960–1980-е гг. Однако бурное развитие социальной истории религии, радикально изменившей подходы к ее изучению, миновало советских историков. В результате российский читатель сохранил знание о Реформации на уровне начала XX в., пропустив все достижения и ожесточенные споры последующих десятилетий.

Текст же Пэриш, хоть и призванный ориентировать в современных подходах к теме, все же написан для читателя из второй половины XX в. и воспринимается в России с недоумением и отторжением. Это ярко проявляется в комментариях А.О. Захарова. Особенно показательны комментарии к заключению (с. 196), где его негодование вызывает отказ современных историков рассматривать события XVI в. как «Реформацию» и замена этого термина на «реформации», т.е. реформы церкви и религиозной культуры, которые могли приводить к доктринальному разрыву с католической церковью, а могли не достигать этой черты. На с. 198 его возмущает мысль о том, что термин «протестант» в XVI в. был не самоописанием, а ярлыком, при помощи которого оскорбляли оппонентов: «Сказать, что протестант, то есть сторонник свободного высказывания взглядов Лютером и/или последователь обновленной церкви – это ярлык, равносильно утверждению, что католик… или мусульманин – тоже ярлыки, между тем как это вполне содержательные термины, описывающие самосознание конкретного носителя веры». Ни один историк религии сейчас не согласится с тем, что: а) эти слова – не ярлыки, и что они б) могут описывать самосознание носителя веры, как не согласились бы с этим испанские солдаты Великой Армады, волею ветров выброшенные к берегам Ирландии. Встретив ирландцев, они не могли поверить, что перед ними – их единоверцы, хотя и те, и другие были католиками, и, следовательно, в их самосознании должно было быть много общего, следуя логике Захарова. Или, точнее, логике немецких ученых протестантов начала XX в., ведь именно их выводы, сделанные задолго до начала изучения массовых источников по истории европейской религии и, несомненно, окрашенные их конфессиональными предрассудками, и воспроизводятся в переводе.

[6] См., например, Eire 2014. P. 132-148.

Приходится с сожалением констатировать, что на уровне популярной истории более чем столетнее отставание отечественной истории религии от западной так и не преодолено.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Eire C.M.N. Incombustible Weber: How the Protestant Reformation Really Disenchanted the World // Faithful Narratives: Historians, Religion, and the Challenge of Objectivity / Ed. by A. Sterk and N. Caputo. NY, 2014. P. 132-148.

Parish, Helen L. A Short History of the Reformation. London: I.B. Tauris, 2018.

Walsham A. The Reformation and the Disenchantment of the World Reassessed // Historical Journal. Vol. 51. 2008. P. 497-528.

Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Он же. Избранные произведения / Под ред. Ю.Н. Давыдова. М., 1990. С. 61-272 [Veber M. Protestantskaya etika i duh kapitalizma // M. Veber. Izbrannye proizvedeniya / Pod red. YU.N. Davydova. M., 1990. S. 61-272].

Пэриш, Хэлен Л. Краткая история. Реформация / Пер. с англ. В. Феоклистовой. Под науч. ред. А.О. Захарова. М.: КоЛибри, 2020. 272 с. [Perish, Khelen L. Kratkaya istoriya. Reformaciya / Per. s angl. V. Feoklistovoj. Pod nauch. red. A.O. Zaxarova. M.: KoLibri, 2020. 272s.]

Серегина А.Ю. Материальная культура английского католического сообщества XVI–XVII вв.: источники и перспективы исследования // ЭНОЖ «История». 2018. Т. 9. Вып. 9 (73) [Seregina A.YU. Material'naya kul'tura anglijskogo katolicheskogo soobshchestva XVI–XVII vv.: istochniki i perspektivy issledovaniya // ENOZH «Istoriya». 2018. T. 9. Vyp. 9 (73)]. URL: https://history.jes.su/s207987840002484-1-1/ (DOI: 10.18254/S0002484-1-1)

Серегина А. Ю. Материальные аспекты религиозной культуры раннего Нового времени и популярная история: обзор выставок, посвященных юбилею Реформации в Британии // Религия. Церковь. Общество: Исследования и публикации по теологии и религии / Под ред. А.Ю. Прилуцкого. СПб., 2019. Вып. 8. С. 412–426 [Seregina A.YU. Material'nye aspekty religioznoj kul'tury rannego Novogo vremeni i populyarnaya istoriya: obzor vystavok, posvyashchennyh yubileyu Reformacii v Britanii // Religiya. Cerkov'. Obshchestvo: Issledovaniya i publikacii po teologii i religii / Red. A.YU. Priluckogo. SPb., 2019. V. 8. S. 412–426]

Таубер В.А. Где живут англиканцы? О русском переводе «Краткой истории Реформации [Tauber V.A. Gde zhivut anglikancy? O russkom perevode «Kratkoj istorii Reformacii] // Vox Medii Aevi. http://voxmediiaevi.com/bibliotheca/reformation_review/

Серегина Анна Юрьевна, *доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, aseregina73@yandex.ru*

The Reformation, reformations, and the history of religion in the 16th – 17th–century Europe

The article presents a review of a monograph by Helen L. Parish [Perish, Khelen L. Kratkaya istoriya. Reformaciya / Per. s angl. V. Feoklistovoj. Pod nauch. red. A.O. Zaxarova. M.: KoLibri, 2020. 272s.; Helen L. Parish. A Short History of the Reformation. London: I.B.Tauris, 2018]. The monograph looks into the most important historical myths about the Reformation that existed in the minds of Europeans by 2017, the year of its 500th anniversary, and compares the stereotypes with contemporary approaches to the same topics by the historians of the early Modern religion.

Keywords: Reformation, reformations, church reform, history of religion, Martin Luther, Protestants

Anna Seregina, *Dr Sc. (History), leading researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; aseregina73@yandex.ru*

Л.П. Репина

СОБЫТИЯ ПРОШЛОГО В ДИСКУССИЯХ НАСТОЯЩЕГО ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА В БРИТАНИИ “ЭПОХИ ПЕРЕМЕН”*

Рубеж XX–XXI вв. был отмечен появлением “мемориальной парадигмы”, в рамках которой образы прошлого выступают как интерпретационные модели, позволяющие индивиду и социальной группе ориентироваться в ситуациях настоящего. В фокусе внимания исследователей оказались вопросы, связанные с соотношением истории, памяти и идентичности, с изучением типов исторического сознания и “исторической политики”. Ставится задача включить в актуальную перспективу «истории памяти» конкретных исследований исторической и политической культуры Нового времени. С этой позиции автор размышляет о новой книге известного российского историка-англоведа Марины Павловны Айзенштат, посвященной роли мифов и знаний о прошлом в политической культуре Британии второй половины XVIII века[1].

Ключевые слова: *Британия, XVIII век, образы прошлого, историческая культура, власть, оппозиция, парламентская полемика, пресса, политическая культура*

Общеизвестно, что почти каждое событие уже мгновение спустя после того, как оно свершилось, может быть истолковано по-разному – с позиции толкователя и в перспективе текущего момента. При этом главную роль играет не столько само событие, сколько представление о нем, его мысленный образ, в который вкладывается важный для общественного сознания смысл. Событию зачастую приписывается значение, которого оно не имело, оно превращается в миф или в символ и именно в таком виде входит в «историю», а точнее – в содержание исторической культуры общества или социальной группы.

Начало разработки проблем исторической культуры в европейской историографии относится к 1980-м гг., когда французским историком Бернаром Гене были намечены оригинальные пути исследования феномена исторической культуры на средневековом материале. Утверждая, что социальная группа, общество, цивилизация определяются прежде всего их памятью, их собственной историей, Гене подчеркивал, что его интересуют не столько историки и их труды, сколько их читатели, а еще больше – историческая культура[2]. В другой концептуализации изучение исторической культуры, с ее несводимыми друг к другу составляющими (политической, когнитивной, эстетической), предполагает анализ всех многообразных форм проявления и использования исторического опыта в жизни общества, всех случаев т.н. «присутствия»

* Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00186 «“Культура Духа” vs “Культура Разума”: Интеллектуалы и Власть в Британии и России в Эпоху перемен»).

[1] Рец. на кн.: Айзенштат М.П. Историческое знание в политической культуре Британии второй половины XVIII века. М., 2019. Автор книги – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

[2] Гене 2002: 19 (русский перевод книги Гене вышел в свет только в начале 2000-х).

прошлого в повседневной жизни[3]. Историческая культура выражается как в текстах, так и в общепринятой форме поведения (включая способ разрешения конфликтов через отсылку к признанному историческому образцу), поскольку представления о прошлом являются «частью ментального и вербального фонда того общества, которое использует их, пуская в обращение среди современников посредством устной речи, письма и других средств коммуникации»[4]. Такое смещение исследовательской перспективы выводит анализ исторической культуры за рамки исторических сочинений, подчеркивая ее коммуникативную природу[5].

В отечественной историографии концепция исторической культуры складывалась в связи с разработкой категории исторического сознания[6], долгое время оставаясь в ее тени, и была выдвинута на первый план относительно недавно, но именно в новейшей российской историографии в центр внимания были поставлены вопросы о путях взаимопроникновения исторического знания и обыденных представлений о прошлом в рамках исторической культуры той или иной эпохи[7]. Тем не менее, приходится констатировать, что и сегодня, при огромном и все возрастающем интересе к исторической памяти в ее связке с проблемой формирования индивидуальных и коллективных идентичностей[8], коммуникативные пространства исторической культуры (в их конкретном воплощении) все еще представляют малоизученную область исследования. В этом плане книга М.П. Айзенштат, ведущего специалиста по политической истории Англии Нового времени[9], приобретает особое значение. Согласимся с автором в том, что «исследование разнообразных и разноплановых проявлений связи исторического знания и политики позволяет не только раздвинуть границы традиционных подходов к анализу британской политической истории, но и существенно расширяет возможности изучения состояния и форм проявления исторического знания в обществе на различных этапах его истории» (с. 6-7).

В соответствии с этим базовым тезисом и принятым определением понятия «политическая культура»[10] выстроена композиция книги, в ко-

[3] Rüsen 1994: 5-7.
[4] Woolf 2003: 9-10.
[5] Woolf 1997: 55-56. Заключительный раздел этой, во многом программной, статьи Д. Вульфа так и называется «От историографии к исторической культуре».
[6] См.: Барг 1987.
[7] Репина 2006.
[8] Об исторической культуре как совокупности различных дискурсивных стратегий и интерпретаций прошлого, придающих историческому знанию инструментальный характер см., напр.: Тишков 2011.
[9] См., прежде всего, фундаментальную монографию: Айзенштат 2009, а также серию статей, из которых особо отметим: Айзенштат 2016; 2019(б).
[10] В обоснованно принятой автором концепции «политическая культура» выступает как «совокупность политических представлений, взглядов, убеждений и идей; моделей поведения, посредством которых осуществлялось вхождение индивидуума в политику и его деятельность в ней», и такой подход объясняется «единством политического сознания, убеждений и ценностей, а также политического действия» (с. 12).

торой от начала до конца (поэтапно, в хронологической последовательности) роль представлений и знаний о прошлом в формировании мировоззрения (на основе прецедентного права), в политической идеологии, парламентской риторике, повседневной жизни, в частном и публичном поведении представителей политической нации рассматривается в конкретных контекстах сложных общеполитических процессов с точной привязкой к динамичному событийному ряду и на уровне всех властных институтов – короны, двора, правительства, парламента с его меняющимися проправительственными и оппозиционными группировками. При этом непосредственная связь политической культуры с историческим опытом, с памятью о социально-политических кризисах, конфликтах и компромиссах не только недавнего, но и отдаленного прошлого, с наибольшей очевидностью представлена непременными апелляциями противоборствующих сторон (как практиков-политиков в парламентских речах и дебатах, корреспонденции и мемуарах, так и интеллектуалов-теоретиков, а точнее идеологов, в публицистике, философских трактатах, литературных произведениях и собственно исторических текстах) к событиям периода «Великого мятежа» и Славной революции, а также к Magna Carta и мифологической «древней конституции». По существу, политизация прошлого происходила в контексте защиты прав парламента, с одной стороны, и прерогатив короны, с другой.

Оценив прошлое как инструмент политической практики и фактор размежевания сил в событиях Славной революции и в противостоянии парламентских «партий» и их перегруппирок в первой половине XVIII столетия, М.П. Айзенштат приходит к выводу, который определяет в целом ее подход к анализу симбиоза истории и политики В этой связи подчеркивается двойственность роли представлений о прошлом в мировоззрении тори и вигов: «С одной стороны, политические взгляды определяли оценку и интерпретацию давних событий; с другой – их интерпретация превращалась в значимый компонент политических принципов и представлений, определяла позиции обеих сторон в политической дискуссии» (с. 65).

В краткой рецензии невозможно равным образом представить все результаты многолетнего исследования, которые нашли отражение в рецензируемой книге, но считаю необходимым привлечь внимание еще к нескольким принципиально важным моментам. Несомненное достоинство исследования М.П. Айзенштат – широчайший круг и разнообразие привлеченных источников; это тексты, давно включенные в научный оборот, но их использование в исследовательской практике, как правило, ограничивалось предметным полем традиционной политической истории или историей идей, а в данном случае они были мобилизованы на решение иных познавательных задач, и их новое прочтение ярко высветило роль представлений англичан о прошлом в их настоящем второй половины XVIII века, способы использования исторических образ-

цов и «уроков прошлого» в общественном поведении, исторической аргументации в законотворческой и политической деятельности, отношение к античной и средневековой истории, а также к не столь отдаленному прошлому – в повседневной жизни.

Сквозь призму поставленных задач с особой тщательностью выполнен анализ парламентских прений в сессиях 1754 (с. 110-124), 1770 (с. 167-175). 1790–1791 гг. (с. 191-206) и др. В целом убедительно показано, как опора законодательного органа на прецедентное право и силу традиций востребовала систематические обращения к прошлому страны в парламентской риторике. При этом с конца 1780-х гг. события в самой Британии и на континенте, определившие содержание политической полемики, стимулировали использование исторических экскурсов (как параллелей, так и противопоставлений) в аргументации ораторов.

Приведу в качестве красноречивого примера анализ обсуждения в Палате общин в 1791 г. петиции с требованием отмены Тест-актов, ограничивавших права жителей Шотландии пресвитерианского вероисповедания. Эти дебаты, помимо всего прочего, вызвали обращение к противоречивой ситуации времени заключения Унии (1707), которая была, естественно, интерпретирована в соответствии с новыми условиями. Лидер вигов Чарльз Фокс, оценил заключение договора об Унии как дело взаимовыгодное, но поспешное, поскольку «сложная обстановка» не позволила в тот исторический момент «провести открытую дискуссию» и выявить все соображения, которые следовало принять во внимание при выработке статей договора. Описывая обстоятельства, которые заставили тогда Лондон поспешить с заключением Унии, Фокс последовательно перечислил нападки на Церковь Шотландии, роль политики Карла I и Якова II, наконец, римских католиков, однако, даже не упомянул о притязаниях Стюартов на шотландский престол и об отказе шотландского парламента утвердить Акт о престолонаследии, который предусматривал восшествие на престол Ганноверской династии. Нельзя отрицать очевидное: «в выступлении Фокса конкретная политическая обстановка и цель оправдания политики вигов обусловили преувеличение одних обстоятельств и умолчание о других, не менее важных» (с. 201-202). Исторические экскурсы в парламентской риторике отличались целесообразностью и прагматизмом, диктовались позицией депутата в поле «партийной» политики.

Показательно, что разбор прений в дебатах сессий 1791 г. продемонстрировал не столько использование фальсификаций, сколько приемы акцентирования полезных примеров и значимых «фактов» или, напротив, сознательных умолчаний о фактах нежелательных. Важным представляется и вывод о том, что разноречивые интерпретации прошлого разделяли не только противоположные политические силы вигов и тори, но приводили также к «внутрипартийным» размежеваниям, как, например, в оценках революционных событий во Франции (с. 206).

Особое место в рецензируемой монографии занимают два небольших по объему раздела «Прошлое в повседневной жизни вигов» (с. 88-102) и «Новации в сообществе историков» (с. 150-158), построенные главным образом на результатах целенаправленного поиска следов «присутствия» прошлого в повседневности настоящего (М.П. Айзенштат пишет о «погружении в историю» благодаря среде обитания и силе традиций[11]), а также прямых и косвенных свидетельств об отношении к истории и ее морально-нравственной функции в переписке графа Честерфилда[12], Уильяма Питта-старшего и политика-публициста Филиппа Френсиса, автора анонимных «Писем Юниуса».

Как родители или опекуны представляли себе место и роль исторических знаний в общем образовании и воспитании детей, а также их значение для будущей успешной карьеры юных отпрысков аристократических семейств? Ответы на эти вопросы автор монографии находит в богатом эпистолярном наследии британских государственных деятелей, известных политиков и выдающихся интеллектуалов эпохи Просвещения. А рассмотрение «под микроскопом» обширной корреспонденции Хораса Уолпола позволяет восстановить его многочисленные контакты с историками и сообществом антикваров, а также пути распространения информации о книжных новинках и журнальных рецензиях в этой сети коммуникаций.

В книге столь же убедительно показана ключевая роль прессы, газет и ежемесячных журналов (вкупе с совершенствованием почтовой службы) в развитии политической культуры британского общества второй половины XVIII века (с. 158-165), и речь идет не только о регулярных публикациях, которые освещали парламентские дебаты по ключевым вопросам и принимаемые по ним решения, но также о рецензиях на исторические сочинения и об устойчивом росте объема публикаций исторических очерков, главным образом биографических эссе («портретов»), выполненных в дидактическо-морализаторском стиле.

Чтение книги стимулирует размышления над более общими проблемами, имеющими значение для углубления наших знаний о разных аспектах и факторах формирования исторической культуры.

Во-первых, возникает вопрос о специфике практик историописания, в которых отобранные “факты” прошлого изображаются в соответствии с господствующей в обществе (или в данной социальной группе) оптикой, на основе интерпретации и репрезентации исторических событий значимых для этого общества в его настоящем[13].

Следует отметить, что представленный в монографии материал и сделанные автором интересные наблюдения дают возможность понять

[11] Имеются в виду как семейные традиции, так и традиции родного графства.

[12] См. об этом также: Лабутина, Ильин 2012.

[13] Данная проблема была недавно подробно исследована как на материале истории Великобритании раннего Нового времени, так и в компаративном ключе. См.: Прошлое для настоящего… 2020.

некоторые пути мифологизации не только отдаленного, незапамятного прошлого, но даже представлений об относительно недавно пережитом травматическом опыте крупных социально-политических трансформаций, вызвавших радикальную смену идейно-ценностных ориентиров социума. В этом плане обращает на себя внимание вывод о том, что «вера в существование в прошлом древней конституции и древних прав народа легла в основу зарождавшейся радикальной мысли и радикального движения, поставивших вопрос о парламентской реформе и возвращении тем самым народу его древних прав» (с. 208).

Во-вторых, в монографии убедительно показаны конкретные ситуации и способы использования исторических мифов в политической практике и риторике, однако, на мой взгляд, в перспективе дальнейших исследований потребуется уточнить довольно расплывчатую формулировку вывода относительно факторов исторического мифостроительства и роли социально-политических размежеваний в этом процессе. Представляется, что это можно сделать, если привлечь в гораздо большем масштабе материал более ранних эпох, прежде всего средневековых исторических сочинений и трудов антиквариев эпохи Возрождения[14], в которых формировались в своей основе образы прошлого, послужившие впоследствии своеобразным «сырьем» для конструирования и идеологической «привязки» политических мифов Нового времени. Думаю, что изучение вопроса о том, как в разных контекстах пространства и времени формируется идеологический конструкт, трактующий события прошлого в интересах властной элиты или соперничающих политических группировок внутри нее, откроет еще немало интересного.

Рецензируемый труд, в котором актуальная проблематика исторической культуры и социальной памяти позиционирована на пересечении предметных полей политической, институциональной, интеллектуальной и социокультурной истории Британии второй половины XVIII столетия, намечает новые пути для дальнейших исследований в этом направлении на материале других стран и эпох.

БИБЛИОГРАФИЯ/REFERENCES

Айзенштат М.П. Историческое знание в политической культуре Британии второй половины XVIII века. М.: ИВИ РАН, 2019 (а). 190 с. [Ajzenshtat M.P. Istoricheskoe znanie v politicheskoj kul'ture Britanii vtoroj poloviny XVIII veka. M.: IVI RAN, 2019 (a). 190 s.]

Айзенштат М.П. Историки Британии в середине XVIII века (по письмам Х. Уолпола) // Диалог со временем. 2016. Вып. 57. С. 107-115 [Ajzenshtat M.P. Istoriki Britanii v seredine XVIII veka (po pis'mam H. Uolpola) // Dialog so vremenem. 2016. Vyp. 57. S. 107-115].

Айзенштат М.П. История в воспитании подрастающего поколения Британии XVIII века // Диалог со временем. 2019(б). Вып. 67. С. 315-322 [Ajzenshtat M.P. Istoriya v vospitanii podrastayushchego pokoleniya Britanii XVIII veka // Dialog so vremenem. 2019(b). Vyp. 67. S. 315-322].

Айзенштат М.П. Власть и общество Британии 1750–1850 гг. М.: ИВИ РАН, 2009. 398 с. [Ajzenshtat M.P. Vlast' i obshchestvo Britanii 1750–1850 gg. M.: IVI RAN, 2009. 398 s.]

Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М.: Мысль, 1987 [Barg M.A. Epohi i idei. Stanovlenie istorizma. M.: Mysl', 1987].

[14] См. об этом, напр.: Прошлое для настоящего… 2020: 217-239.

Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М.: Языки славянской культуры, 2002. 494 с. [Gene B. Istoriya i istoricheskaya kul'tura srednevekovogo Zapada. M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2002. 494 s.]

Лабутина Т.Л., Ильин Д.В. Английское Просвещение. Общественно-политическая и педагогическая мысль. СПб.: Алетейя, 2012. 264 с. [Labutina T.L., Il'in D.V. Anglijskoe Prosveshchenie. Obshchestvenno-politicheskaya i pedagogicheskaya mysl'. SPb.: Aletejya, 2012. 264 s.]

Прошлое для настоящего: история-память и нарративы национальной идентичности: коллективная монография / Авторы: Васильев А.Г., Высокова В.В., Заиченко О.В., Ионов И.Н., Кирчанов М.В., Маловичко С.И., Репина Л.П., Щелчков А.А. / Под общ. ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2020. 464 с. [Proshloe dlya nastoyashchego: istoriya-pamyat' i narrativy nacional'noj identichnosti: kollektivnaya monografiya / Avtory: Vasil'ev A.G., Vysokova V.V., Zaichenko O.V., Ionov I.N., Kirchanov M.V., Malovichko S.I., Repina L.P., SHCHelchkov A.A. / Pod obshch. red. L.P. Repinoj. M.: Akvilon, 2020. 464 s.]

Репина Л.П. Историческая культура как предмет исследования // История и память: историческая культура Европы до начала нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2006. С. 5-18 [Repina L.P. Istoricheskaya kul'tura kak predmet issledovaniya // Istoriya i pamyat': istoricheskaya kul'tura Evropy do nachala novogo vremeni / Pod red. L.P. Repinoj. M.: Krug", 2006. C. 5-18].

Тишков В.А. Историческая культура и идентичность // Уральский исторический вестник. 2011. № 2 (31). С. 4-16 [Tishkov V.A. Istoricheskaya kul'tura i identichnost' // Ural'skij istoricheskij vestnik. 2011. № 2 (31). S. 4-16].

Rüsen, J. Was ist Geschichtskultur? Überlegungen zu einer neuen Art, über Geschichte nachzudenken // Historische Faszination. Geschichtskultur heute / Füßmann K., Grütter H.T., Rüsen J. Köln: Böhlau, 1994. S. 3-26.

Woolf D. The Social Circulation of the Past: English Historical Culture 1500–1730. Oxford: Oxford University Press, 2003. 440 p.

Woolf D. A High Road to the Archives? Rewriting the History of Early Modern English Historical Culture // Storia della Storiografia. 1997. № 32. P. 33-59.

Репина Лорина Петровна, *член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; ведущий научный сотрудник, Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет; lorinarepina@yandex.ru*

Events of the Past in the Discussion of the Present History and Politics in Britain in the “Age of Change”

The turn of the XX–XXI cc. was marked by the emergence of the "memorial paradigm", within which images of the past act as interpretive models that allow an individual and a social group to navigate in situations of the present. The researchers focused on the relationship between memory and identity, historical consciousness and “historical politics”. The task is to include in the actual perspective of the "history of memory" specific studies of the historical and political culture of modern times. From this position, the author reflects on a new book by the well-known Russian historian and English scholar Marina Aizenshtat, dedicated to the role of myths and knowledge about the past in the political culture of Britain in the second half of the 18th century.

Keywords: Britain, XVIII century, images of the past, historical culture, power, opposition, parliamentary polemics, press, political culture

Lorina Repina, *Associate Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sc. (History), Professor, Chief Researcher, Institute of World History, RAS; Leading Researcher, Ural Federal University, Yekaterinburg; lorinarepina@yandex.ru*

О.Е. Пучнина

ИСТОРИК ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ ТРАНСФОРМАЦИЯ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ В XXI ВЕКЕ

В статье поднимается проблема коренных изменений в социально-гуманитарном познании в начале XXI в. Основываясь на материале коллективной монографии «Историки в поисках новых перспектив» (2019), автор обращает внимание на то, что указанные проблемы актуальны и для других смежных дисциплин: рефлексивный поворот, изменение цели и задач социально-гуманитарного знания, трансформация предмета исследования и методологии, последствия информационной революции.

Ключевые слова: *история, социально-гуманитарное знание, рефлексия, методология, публичная история*

Академическое издательство «Аквилон», публикующее книги по гуманитарным дисциплинам, основано в 2013 году и специализируется на издании книг по интеллектуальной истории, античной и средневековой философии и науки, издательство активно развивается, ведет международные проекты, и уже заслужило признание и научный авторитет. В последнее время «Аквилон» делает акцент на издании серий книг, что означает выход на качественно новый научный уровень.

Так, например, интересные и серьезные работы, посвященные культурной памяти общества, проблемам времени и идентичности, вышли под редакцией Л.П. Репиной в серии «Образы истории»[1]. Значительным событием для специалистов в области истории интеллектуальной мысли стали сборники материалов научных конференций, посвященных А.И. Герцену и Н.М. Карамзину, вышедшие в серии «Философия и исторические судьбы России»[2]. С 2018 г. начала издаваться важная для академической среды серия книг под редакцией М.С. Петровой и А.Ф. Яковлевой «Исследования молодых ученых»[3].

В 2019 г. была основана новая серия книг «История истории. Шаг в XXI век», ответственными редакторами выступили З.А. Чеканцева и М.С. Петрова. Первая книга в серии – коллективная монография «Историки в поисках новых перспектив» заслуживает особого внимания. В ней усилиями коллектива известных ученых предпринята попытка дать целостное представление о сущностных чертах изменений, происходящих в исторической науке.

Большая заслуга авторов в том, что через призму развития истории как научной дисциплины им удалось показать направления и специфику трансформации всего социально-гуманитарного знания на современном этапе, четко выделив основные «болезненные» точки роста. В общем виде их можно свести к нескольким большим блокам.

[1] Идеи 2014; Событие 2017; Событие 2018.
[2] Герцен 2013; Карамзин 2016.
[3] Тальская 2018; Болдин 2018.

Рефлексивный поворот

Главный тренд в социально-гуманитарном познании на современном этапе, который отмечают авторы монографии, – это особое понимание значения истории как науки[4]. Сегодня акцент сместился на знание как предмет исторической эволюции, его конструирование обществом, контекстом, субъектом, миром человеческой деятельности и общения (с. 208). Эта новая установка характерна для многих социально-гуманитарных наук – политологии, психологии, социологии и т.д., за последние 30 лет опубликовано большое количество научных работ, посвященных историографической рефлексии. Показательно в этом отношении исследование трансформации получения и представления научного знания, его стратегий и тактик на примере изучения докторских диссертаций по истории в период с 1995 г. по 2015 г. (с. 206-273).

Авторы указывают не только на изменение предметного поля исследований, но и эпистемологических и методологических оснований научной деятельности, самих стандартов научности, что позволяет увидеть общую логику и тенденции развития процесса познания, эволюцию корпоративной культуры и профессиональной рефлексии.

Переопределение цели социально-гуманитарных наук

Новое положение социально-гуманитарного знания в XXI в. вызвано в том числе пересмотром целей и задач науки вообще. Причины этого обнаруживаются в принципиальном изменении режима историчности. Как отмечает З.А. Чеканцева, в современном познании доминирует установка презентизма – абсолютно все социально-гуманитарные науки, и история в том числе, ориентированы на настоящее. Для ученого главной проблемой становится «дезориентированное» настоящее и познание идет ни с точки зрения будущего, ни с точки зрения прошлого, но с точки зрения настоящего, лишенного какого-либо «горизонта ожидания» (с. 11), ввиду невиданного ускорения жизни и технологического прогресса.

К кризису профессиональной идентичности историка в XXI в. привело и общее снижение общественного доверия профессиональному научному знанию (с. 207), а также размывание профессиональных границ из-за неизбежного междисциплинарного диалога.

Проблема инструмента познания

Закономерным следствием переосмысления целей и задач социально-гуманитарного знания является вопрос о методологии и критериях научности. На первый план выходит не только то *что*, но и *как* познается. Научное знание никогда не является зеркальным отражением фактов, а всегда опосредовано условиями «производства» этих знаний.

Л.П. Репина в своей статье задается дискуссионным вопросом – в какой степени ученый «создает» свой предмет? И отвечает – он сам формулирует проблему исследования, выбирает материал и источники,

[4] См., например: Андерсон и др. 2016: 91-127.

подбирает необходимые инструменты. Значит возникает следующий вопрос, который был в свое время удачно сформулирован А.Я. Гуревичем: в какой мере интерпретацию исследователем той или иной научной проблемы определяют конъюнктурные обстоятельства, социально-политические взгляды и психологические свойства ученого, а в какой – тенденции и логика развития самой науки?[5] Ведь ученый всегда задает вопрос из своего настоящего[6].

Авторы приходят к выводу, что существует прямая зависимость между содержанием, научным аппаратом, способами ведения исследования и разделяемым научным сообществом типом рациональности. Сегодня в научном сообществе можно встретить сразу три типа рациональности, представляющими собой, по существу, различные картины мира, которые, соответственно, по-разному объясняют связь между объектом, субъектом и способами познания – классический, неклассический и постнеклассический (с. 267).

При этом в отечественном научном сообществе, к сожалению, осознание запроса на новый тип мышления и научного результата почти не связывается с поиском нового метода. Разные результаты предполагается получать одними «классическими» инструментами, тогда как каждая познавательная установка требует новых методов и новых критериев научности, а значит понимания исторического характера содержания научности, метода, предмета и задач.

Изменение тематики научного исследования

Этот процесс также напрямую связан с изменением функций, целей и средств науки вообще. Почти все авторы монографии отмечают, что за последние 20-30 лет значительно сместились исследовательские интересы отечественных историков. Внимание с традиционных для классического подхода объектов, таких как структуры, системы, общество, борьба, революция, классы, плавно перешло на уровень личности и разнообразных социальных групп. История трансформировалась из объясняющей в понимающую и это стало следствием изменения и усложнения представлений ученых о ключевом объекте исторического изучения – человеческом обществе (с. 182-183). Изменение тематики научного исследования в социально-гуманитарном познании условно можно свести к двум большим блокам.

Антропологический поворот

В центре внимания современных ученых-гуманитариев все больше оказывается «человеческое» измерение социальных, политических, культурных и экономических процессов. Изучение ментальности, символов, образов, ценностей, биографий, повседневного быта, устных источников, так называемая социокультурная история, – все это ради-

[5] Гуревич 1996: 106-109.

[6] Интересный поворот и глубокую проработку этой темы в компаративном ключе см. в коллективной монографии, вышедшей совсем недавно в серии «Образы истории» издательства «Аквилон»: Прошлое для настоящего… 2020.

кально новые направления исследования по сравнению с предшествующим периодом. Распространяется позиция, согласно которой человек становится важнее абстрактного процесса и больших анонимных масс – сословий, классов, народов[7].

Так, очень показательными являются статьи в монографии, призванные наметить новые горизонты и перспективы исследований. Это работа, посвященная запахам в истории и проблемам культурной истории обоняния (с. 318-338) и статья, где объектом изучения являются эмоции как призма постижения истории (с. 339-352).

Мемориальный поворот

Обозначенные выше процессы смещения акцентов научного познания и изменение исследовательской оптики привели к тому, что в конце XX в. новым объектом пристального изучения сразу нескольких гуманитарных наук стала память. Предметом исследования при этом выступает не столько прошлая реальность, сколько образы прошлого в общественном сознании, не историческое событие, а память о прошлом: ее содержание, способы трансляции и социальные функции (с. 274-275). Сюда относятся два больших направления – изучение устной истории и изучение исторической памяти как механизма закрепления, накопления и трансляции информации о прошлом в культуре социума (с. 277-279). При очевидной социальной значимости таких исследований, разнообразны и многочисленные концептуальные проблемы, в частности терминологические и методологические расхождения, дискуссии о содержании концептов. Это показывает неизбежные «болезни роста» нового знания.

Информационная революция

В монографии подробно и разнопланово демонстрируются основные вызовы, возможности и задачи, стоящие перед социально-гуманитарными науками в эпоху информационной революции, которая коренным образом меняет облик профессии историка и ученого-гуманитария вообще (с. 127-158). Отдельное исследование в монографии посвящено вопросу о том, что меняется в деятельности историка, когда он занимается «публичной» историей (выступает на радио, телевидении, блогосфере и т.д.) и каков сегодня в России ее профессиональный статус – составная часть работы историка-профессионала или самостоятельная профессия (с. 383-409).

За рамками нашего рассмотрения осталось большое количество острых тем и вопросов, поднятых авторами монографии. Однако нашей целью было показать, что, несмотря на то, что авторы – профессиональные историки, рефлексировали о состоянии и перспективах развития собственной науки, очень многие сюжеты оказались созвучны и другим дисциплинам. И эта монография, открывающая новую серию книг издательства «Аквилон» как нельзя лучше демонстрирует все воз-

[7] См., например: Сорокопудова 2012: 104-108.

растающую сложность, взаимозависимость и значимость обозначенных проблем для научного социально-гуманитарного знания в XXI в.

БИБЛИОГРАФИЯ/REFERENCES

Александр Иванович Герцен и исторические судьбы России. Материалы Международной научной конференции к 200-летию А.И. Герцена / М.: Канон+, 2013. 391 с. [Aleksandr Ivanovich Gertsen i istoricheskiye sud'by Rossii. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii k 200-letiyu A.I. Gertsena / M .: Kanon +, 2013. 391 s.].

Андерсон К.М., Бойцова О.Ю., Горохов А.А., Зоткин А.А., Козиков И.А., Мартыненко Н.П., Мырикова А.В., Перевезенцев С.В., Прокудин Б.А., Пучнина О.Е., Чанышев А.А., Ширинянц А.А. Актуальные проблемы истории социально-политических учений и политической текстологии: материалы круглого стола // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2016. № 4. С. 91-127 [Anderson K.M., Boytsova O.YU., Gorokhov A.A., Zotkin A.A., Kozikov I.A., Martynenko N.P., Myrikova A.V., Perevezentsev S.V., Prokudin B. .A., Puchnina O.Ye., Chanyshev A.A., Shirinyants A.A. Aktual'nyye problemy istorii sotsial'no-politicheskikh ucheniy i gosudarstvennoy tekstologii: materialy kruglogo stola // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskiye nauki. 2016. № 4. S. 91-127].

Болдин В.А. Панславистские политические концепции: генезис и эволюция. М.: Аквилон, 2018. 375 с. [Boldin V.A. Panslavistskiye politicheskiye kontseptsii: genezis i evolyutsiya. M .: Akvilon, 2018. 375 s. (Issledovaniya molodykh uchenykh)].

Гуревич А.Я. Территория историка / Одиссей. Человек в истории. Ремесло историка на исходе XX века. М.: Наука, 1996 [Gurevich A.YA. Territoriya istorika / Odissey. Chelovek v istorii. Remeslo istorika na iskhode XX veka. M.: Nauka, 1996].

Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое время / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2014. 848 с. (Образы истории) [Idei i lyudi: intellektual'naya kul'tura / Pod. red. L.P. Repinoy. M .: Akvilon, 2014. 848 s. (Obrazy istorii)].

Историки в поисках новых перспектив: коллективная монография / Под общ. ред. З.А. Чеканцевой. М.: Аквилон, 2019. 416 с. [Istoriki v poiskakh novykh perspektiv: kollektivnaya monografiya / Pod obshch. red. Z.A. Chekantsevoy. M.: Akvilon, 2019. 416 s.].

Николай Карамзин и исторические судьбы России: к 250-летию со дня рождения / Общ. ред. и сост. А.А. Кара-Мурзы, В.Л. Шаровой, А.Ф. Яковлевой. М.: Аквилон, 2016. 379 с. [Nikolay Karamzin i istoricheskiye sud'by Rossii: k 250-letiyu so dnya rozhdeniya / Obshch. red. i sost. A.A. Kara-Murzy, V.L. Sharovoy, A.F. Yakovlevoy. M.: Akvilon, 2016. 379 s.].

Прошлое для настоящего: история-память и нарративы национальной идентичности / Под общ. ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2020. 464 с. (Серия: «Образы истории») [Proshloe dlya nastoyashchego: istoriya-pamyat' i narrativy nacional'noj identichnosti / Pod obshch. red. L.P. Repinoj. M.: Akvilon, 2020. 464 s. ("Obrazy istorii")]

Событие в истории, памяти и нарративах идентичности / Под ред. Л. П. Репиной. М.: Аквилон, 2017. 400 с. (Серия: «Образы истории») [Sobytiye v istorii, pamyati i narrativakh identichnosti L. P. Repina. M .: Akvilon, 2017. 400 s. ("Obrazy istorii")].

Событие и время в европейской исторической культуре XVI – начала XX века / Под общ. ред. Л. П. Репиной. М.: Аквилон, 2018. 512 с. (Серия «Образы истории») [Sobytiye i vremya v yevropeyskoy istoricheskoy kul'ture XVI - nachala XX veka / Pod obshch. red. L.P. Repina. M .: Akvilon, 2018. 512 s. (Obrazy istorii)].

Сорокопудова О.Е. В.В. Розанов как политический мыслитель: портрет на фоне эпохи // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2012. № 2. С.104-108 [Sorokopudova O.Ye. V.V. Rozanov kak politicheskiy myslitel': portret na fone epokhi // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskiye nauki. 2012. № 2. S. 104-108].

Тальская О.Д. Россия в Средней Азии: идеология и политика (конец XIX - начало XX века). М.: Аквилон, 2018. 317 с. (Исследования молодых ученых) [Tal'skaya O.D. Rossiya v Sredney Azii: ideologiya i politika (konets XIX – nachalo XX veka). M.: Akvilon, 2018. 317 s. (Issledovaniya molodykh uchenykh)]

***Пучнина Ольга Евгеньевна**, кандидат политических наук, старший научный сотрудник кафедры истории социально политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова; srkpdv@gmail.com*

HISTORIAN IN FRONT OF THE MIRROR: TRANSFORMATION OF HUMANITARIAN KNOWLEDGE IN THE XXI CENTURY

The article raises the problem of fundamental transformative processes in social and humanitarian knowledge at the beginning of the XXI century. Based on the material of the collective monograph "Historians in Search of New Perspectives" (2019), the author draws attention to the fact that these problems are relevant and for other related disciplines: reflexive turn, changing the goals and objectives of social and humanitarian knowledge, the transformation of the subject of research and methodology, the consequences of the information revolution.

Keywords: history, social and humanitarian knowledge, reflection, methodology, public history

Puchnina Olga E.*, PhD in Political science, Senior Researcher, Department of History of Social and Political Doctrines, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; srkpdv@gmail.com*

К.В. Игаева

НЕОЛИБЕРАЛИЗМ И ОБЩЕСТВО ПОТРЕБЛЕНИЯ В ОПТИКЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ И CULTURAL STUDIES

Анализ книги Н. Олсена «Суверенный потребитель: новая интеллектуальная история неолиберализма» в широком контексте исследований общества потребления интересен сам по себе и как проблематизация перспектив развития интеллектуальной истории. Представители cultural studies обсуждают влияние потребительского выбора на развитие экономики и форм политического участия, противопоставляя интересы «суверенного гражданина-потребителя» транснациональным корпорациям. Критическая теория предлагает рассматривать общество потребления как прямое продолжение стратегии извлечения прибыли – уже не из производства, а из сферы развлечений и инфраструктуры. Функцией интеллектуальной истории оказывается не только прояснение исторического контекста этой дискуссии, но указание на концептуальные рамки, которые могут бросить неолиберализму вызов и помочь его преодолеть.
Ключевые слова: *общество потребления, суверенный потребитель, неолиберализм, интеллектуальная история, история понятий, политический выбор*

Проблемы общества потребления и неолиберальной политэкономии широко обсуждаются в гуманитарных и социальных исследованиях[1]. В историографии эта проблематика вызывает пока гораздо меньше интереса. Отчасти это связано с тем, что для классической социально-экономической истории неолиберализм – слишком масштабный объект исследования. Не очень понятны хронологические рамки и спектр политических программ, которые могут быть названы неолиберальными.

В этом контексте актуальной представляется книга Никласа Олсена «Суверенный потребитель: новая интеллектуальная история неолиберализма» (2019). Под «суверенным потребителем» автор понимает не какую-то специфическую самоидентичность, но обобщенный образ, рассматривающий свободный выбор покупателя как главный фактор развития рыночной экономики и политической сферы. Целью исследования становится не просто анализ исторической эволюции неолиберальной доктрины или компаративный анализ различных ее версий (немецкой, американской, скандинавской и т.д.), но выяснение механизмов ее дискурсивной экспансии – подчинения прежде независимых социальной, культурной и политической сфер логике экономической эффективности. Неолиберализм стал сегодня когнитивной парадигмой даже для научных теорий и повседневных практик поведения. В результате все сферы жизни оказываются подчинены новому режиму знания-власти (в смысле М. Фуко): «С этой точки зрения для неолиберализма характерно распространение на все социальные и культурные сферы конкурентного духа, пытающегося превратить нас в “самозанятых” – инвестирующих в самих себя и управляющих собой»[2].

[1] Харви 2007; Хомски 2002; Дардо, Лаваль 2011: 103-117.
[2] Olsen 2019: 5.

Олсен начинает с описания предыстории идеи *суверенного потребителя* – эволюции либеральной политэкономии XVIII – начала XX в., считая, что уже в XIX в. потребитель становится персоной с юридическими и личными правами, способной использовать свою покупательную способность как политический голос, влияющий на изменение социальных отношений. Но в этот период не индивидуальный экономический выбор, а возможность объединяться в разные общественные организации с целью защиты своих прагматических интересов делает *суверенного потребителя* важным лицом политических отношений.

Затем в центре внимания автора оказываются взгляды известнейшего австрийского экономиста Л. фон Мизеса и его британского коллеги У. Хатта, который впервые в 1936 г. ввел понятие «суверенитет потребителя» (consumer sovereignty)[3]. Их идеи сформировались в условиях противопоставления либеральных и «тоталитарных» режимов, критики социализма и поиска экономически устойчивых альтернатив ему. Фигура *суверенного потребителя* в 1930–1940-е гг. выступала в связке не столько со стимулированием покупательной способности населения для преодоления мирового *экономического* кризиса, сколько с идеей *политической* демократии: «С точки зрения капиталистического общества потребление – это демократия, где каждая копейка представляет собой избирательный бюллетень. Это была потребительская демократия»[4]. Впервые масштабную реализацию эти идеи получили в ФРГ после политического раздела Германии, который требовалось поддерживать экономическими мерами. Далее Олсен рассматривает идеи экономического дерегулирования Чикагской школы и их отличия от скандинавской модели выхода из экономического кризиса. Именно в Дании в 1970-е гг. впервые произошел сплав идей государства всеобщего благосостояния и «здоровой рыночной конкуренции». Их начали проводить не М. Тэтчер или Р. Рейган, а датские социал-демократы, полностью отказавшиеся от противопоставления правых и левых – либералов и сторонников государственного вмешательства в экономику. Уже после этого Олсен рассматривает политику неоконсерваторов 1980-х гг. в США и Великобритании. Таким образом, неолиберализм лишь недавно занял доминирующую позицию в сложившейся социально-культурной гегемонии. Автор рассматривает его как новую политэкономию выбора потребителей, целью которой является подчинение публичной сферы эффективности рынка. Однако Олсен объясняет этот процесс экспансией рациональной логики, а не экономическими причинами или распространением новых повседневных практик потребления.

Впрочем, рациональность выбора вызывала у экономистов сомнения гораздо раньше, чем появился неолиберализм. Уже Х. Кирк в своей книге «Теория потребления» отмечал, что потребитель постоянно подвергается политическим манипуляциям, и что многие факторы бессо-

[3] Hutt 1936.
[4] Olsen 2019: 42.

знательно влияют на его выбор, включая социальную среду, культурные нормы, общественные организации и распределение доходов[5]. Исторический контекст формирования идей неолиберализма, несомненно, важен, но не менее продуктивно рассматривается в целом ряде других исследований[6]. Наконец, не очень понятной у Олсена остается трансформация понятий: как именно Тэтчер и Рейган из неоконсерваторов превратились в неолибералов? Кроме того, длительное формирование парадигмы *суверенного потребителя* в XVIII–XX вв. нивелирует специфику современного общества рисков – готовности к малообеспеченным инвестициям ради повышения прибыли[7].

Не менее продуктивным представляется подход Р. Сасателли, которая в своей книге «Общество потребления: история, теория и политика» рассматривает выбор *суверенного потребителя* как микрополитический акт и стремится доказать, что рост потребления не сводится к современной неолиберальной логике. Еще в конце XIX в. рядовые американцы создали Национальную потребительскую лигу, которая организовала протесты и бойкоты крупных предприятий во многих городах США (Бостон, Филадельфия, Чикаго и т.д.). Ее главной целью была социальная справедливость, что вело к публикации «белых списков» производителей, не нарушавших права своих работников. Позднее, в 1960 г. была создана Международная организация потребительских союзов, которая следила за соблюдением прав покупателя на безопасность, информацию, право возврата товара и т.д. Поддержка потребления составляла важную часть «Нового курса» Рузвельта и политики «Новых рубежей» Кеннеди. Все эти моменты позволяют рассматривать потребление как составную часть проекта социального государства.

В конце XX – начале XXI в. неолиберальная глобализация стала поддерживать *гипертрофированное* потребление, что спровоцировало загрязнение окружающей среды, неравенство между потребителями, социальный разрыв между Севером и Югом и т.д. Это привело к политической консолидации локальных потребителей против стандартизации и глобализации, что проявилось в защите семейных пекарен во Франции, изготовления крафтового пива и пабной культуры в Великобритании, «органического земледелия» в Индии и «медленного питания» в Италии. Сторонники «альтернативного» или «этического» потребления не только критикуют транснациональные корпорации, бойкотируют мировые бренды и проводят акции протеста, но и активно практикуют различные формы «политического потребления», к которому относят производство альтернативных продуктов (эко, ремесленные товары и др.)[8]. При этом пропагандируется не полный отказ от потреб-

[5] Kyrk 1923.
[6] Так, например, известные социологи Д. Гудман и М. Коэн выделяют четыре этапа формирования современной модели потребления. Goodman, Cohen 2004.
[7] Бек 2000.
[8] Micheletti 2003.

ления, а его ограничение и относительная «рефлексивность». В этом смысле суверенный потребитель у Р. Сасателли стремится не просто к удовлетворению своих индивидуальных желаний, но к поддержанию локальных сообществ. Одновременно он становится политическим актором, для которого «купить» значит «голосовать», «протестовать», «заявить о себе», «изменить мир», «мобилизоваться для лучшего будущего»[9]. В этом смысле речь идет о новой форме политического участия, которая вытесняет традиционные социальные действия. Трудно сказать, насколько этот тренд сможет противостоять неолиберальной глобализации и существующей модели общества потребления. Кроме того, возможность выбора не решает проблему неравенства потребителей.

Сравнивая эти две работы, посвященные фигуре «суверенного потребителя», можно сказать, что Олсен делает акцент на исторические трансформации дискурса, а Сасателли – на современные локальные практики. Олсен скорее критичен: «Надеюсь, эта книга будет способствовать не только более глубокому пониманию неолиберальной парадигмы, но и формированию аналитической перспективы, а также появлению акторов, которые в итоге сместят неолиберализм и суверенного потребителя»[10]. Сасателли же склонна реабилитировать «рефлексивное потребление», противопоставлять его неолиберальному варианту глобализации. Данная полемика показательна сама по себе, и в плане возможного переноса на проблематику исторической памяти, популярность которой часто рассматривается сегодня как эффект общества потребления. В этом смысле исследования памяти могут реактуализировать элементы национального самосознания[11] – заново вводить их в публичную сферу, но не на макро-политическом уровне, а на уровне локальных культурных практик.

БИБЛИОГРАФИЯ/REFERENCES

Goodman D.J., Gohen M. Consumer Culture: a Reference handbook. Santa Barbara, 2004. 269 p.

Hutt W. H. Economists and the Public: A Study of Competition and Opinion. London: Jonathan Cape, 1936. 377 p.

Kyrk H. A Theory of Consumption. Boston, N.Y.: Houghton Mifflin Company, 1923. 308 p.

Micheletti M. Political Virtue and Shopping. Individuals, Consumerism and Collective Action. L.: Palgrave Macmillan, 2003. 322 p.

Olsen N. The Sovereign Consumer: A New Intellectual History of Neoliberalism. L., Bloomington: Palgrave Macmillan, 2019. 319 p.

Sassatelly R. Consumer Culture: History, Theory and Politics. Los Angeles, L.: Sage, 2007. 249 p.

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с. [Bek U. Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu. M.: Progress-Tradiciya, 2000. 384 s.]

Дардо П., Лаваль К. Неолиберализм и капиталистическая субъективация // Логос. 2011. № 1. С. 103-117. [Dardo P., Laval' K. Neoliberalizm i kapitalisticheskaya sub"ektivaciya // Filosofsko-literaturnyj zhurnal Logos. 2011. № 1. S. 103-117]

Репина Л.П. Историческая память и национальная идентичность: подходы и методы исследования // Диалог со временем. 2016. № 54. С. 9-15. [Repina L.P. Istoricheskaya pamyat' i nacional'naya identichnost': podhody i metody issledovaniya // Dialog so vremenem. 2016. № 54. S. 9-15]

[9] Sassatelly 2007: 188.

[10] Olsen 2019: 265.

[11] Подробнее об этой проблеме см.: Репина 2016: 9-15.

Харви Д. Краткая история неолиберализма. Актуальное прочтение / Пер. с англ. Н.С. Брагиной. М.: Поколение, 2007. 288 с. [Harvi D. Kratkaya istoriya neoliberalizma. Aktual'noe prochtenie. M.: Pokolenie, 2007. 288 s.]

Хомски Н. Прибыль на людях: Неолиберализм и мировой порядок М.: Праксис, 2002. 248 с. [Homski N. Pribyl' na lyudyah: Neoliberalizm i mirovoj poryadok. M.: Praksis, 2002. 248 s.]

***Игаева Ксения Владимировна**, научный сотрудник, Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина (Мининский университет); igaeva.ksenia@yandex.ru*

Intellectual history and cultural studies of neoliberalism and the consumer society

The article is a review of Niklas Olsen's book «Sovereign Consumer: A New Intellectual History of Neoliberalism». Its analysis in the wider context of consumer society research is interesting in itself, and as a problematization of the prospects for the development of intellectual history. Many representatives of contemporary cultural studies discuss the impact of consumer choice on economic development and new forms of political participation, contrasting the interests of a "sovereign consumer-citizen" with transnational corporations. On the other hand, the critical theory proposes to consider the consumer society as a direct continuation of the capitalist strategy of making profit - now not from production, but from the sphere of entertainment and infrastructure. The function of intellectual history is not only clarification of the historical context of this discussion, but also an indication of a conceptual framework that can challenge neoliberalism and change it in the future.

Keywords: consumer society, sovereign consumer, neoliberalism, intellectual history, history of concepts, political choice

***Ksenia Igaeva**, Researcher, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University); igaeva.ksenia@yandex.ru*

CONTENTS

Ideas and Values in an Era of Change

Editorial ……..... 5

Andrei Sokolov
Hobbes and Clarendon: intellectual confrontation…… 7

Anatoly Yakovlev
Locke and State Authority…….. 24

Mikhail Kiselev
Plutarch at the Tsar's Court: Simeon Polotsky's "Commonwealth" and legalism
in Russia on the eve of reforms of Peter the Great Плутарх……..... 36

Dmitry Redin
Charm of "Regularity"
Once again about the "Mental State" of the Peter the Great. Part 1…… 49

Anastasiia Lystsova
The political testament of the epoch
the principles of the public administration in the A.I. Osterman's projects and reports……... 60

Irina Erlihson
John Sheppard and the anatomy of crime in D. Defoe's late journalism..……..... 72

Tatyana Sidorkina
«In the Shadow of a Great Name»: The First Letters of Junius and his «Victim»……... 86

Svetlana Vasilieva
William Eden and the parliamentary debates for Penal reform……... 99

Tatyana Litvinova, Oleg Zhurba
Hetmanate in the views of the Ukrainian intellectual elite
(the second half of the XVIII – the middle of the XIX c.). Part 1…… 112

Yakov Lazarev
«To the great good of Russia»: Project of the first Ukrainian university
in the context of integration of the Ukrainian Cossack elite……..... 127

Liudmyla Posokhova
The art of preaching: teaching practices at the Kiev-Mohyla Academy
and Orthodox colleges in the second half of the 18th century……. 140

Angelina Vacheva
The Publication of the correspondence of V. Jameray-Duval and A. Sokolova
as an example of Catherine the Great propaganda polic..... 155

Alexey Popovich
Dictate of power and the path to individual choice
idea of sacrifice for faith in early modern Russia……..... 168

Anna Seregina
History, numismatics and the construction
of the English Catholic identity in the 17th century……. 181

Matthew Binney
John Milton's *A Brief History of Moscovia* (1682) and Jerome Horsey's *Extracts* (1626)……. 193

Sergey E. Fyodorov, Anastasia A. Palamarchuk
Lord Clarendon and antiquarian historical writing…….... 200

Veronika Vysokova, Anna Dergacheva
Daniel Defoe's Serious Reflections
upon "The Life and Strange Suprizing Adventures of Robinson Crusoe"…….. 210

Anna Stogova
"To publish our shame for the instruction of the nation":
A Character of England by John Evelyn
in the intellectual context of the second half of the 17th century……. 226

Sergey Beloborodov
N.G. Spafary-Milescu and his Russian «services»……..... 241
Larisa S. Soboleva
Hymn of domestic love and harmony
in the handwritten collection of sermons at the end of the XVII century……..... 254
Olga Solodyankina
Life lessons in the memoirs of Prince I.M. Dolgorukov……. 271

Intellectual History Today

Anna Stepanova
The antique concept of οἰκεῖωσις
as a paradigm of humanitarian knowledge from Cicero to Comenius)……..... 285
Mikhail Vedeshkin
Isocasius the Rhetor: Late Antique Teacher and Statesman……..……..... 293
Elena Kalmykova
John Wycliffe – the First English 'Pacifist'……..... 307
Lorina Repina, Nadezhda Selounskaya
"General questions" and "private answers": unread pages of Giovanni Levi…..... 323

Crossroads of Interdisciplinarity

Andrei Usachev
The past events in the eyes of the Russian scribes of the 16th century…….. 343
Tatiana Yusupova, Tatiana Chumakova
"What Should We Do with This Museum"
The Museum for the History of Religion in the Soviet Academic Space of 1930s……. 360
Marina Arzakanyan
The formation of the political system of modern France
on the basis on national historical traditions……..……..... 376

Historical essays

Andrei Markelov
The Roman Senate in Augustus's Res Gestae……..... 393
Maxim Gorelov
Education in Britain at the turn of Late Antiquty and early Middle Ages..... 398
Ekaterina Kirillova
House in the medieval city through the eyes of a Parisian artisan of the 13th century……..... 408
Yulia Shishkina
«Plain living but high thinking»
how William Wordsworth constructed living space in the Lake District country house…… 416

Reading books…

Lydia Sofronova, Anna Khazina
The "Great Transition" of Bruce Campbell the model of the global Middle Ages……. 424
Anna Seregina
The Reformation, reformations, and the history of religion in the 16th – 17th–century Europe…. 430
Lorina Repina.
Events of the Past in the Discussion of the Present
History and Politics in Britain in the Age of Change…… 438
Olga Puchnina
Historian in front of the mirror
transformation of humanitarian knowledge in the XXI century……..... 445
Ksenia Igaeva
Intellectual history and cultural studies of neoliberalism and the consumer society……. 451
CONTENTS……..... 456

СОДЕРЖАНИЕ

Идеи и ценности в эпоху перемен

От Редакции……. 5

А.Б. Соколов
Гоббс и Кларендон: интеллектуальное противостояние……. 7

А.А. Яковлев
Локк и власть…….. 24

М.А. Киселев
Плутарх при дворе царя: «Гражданство» Симеона Полоцкого и легализм
в России накануне Петровских реформ……... 36

Д.А. Редин
Очарование «регулярства»
еще раз о “ментальном государстве” Петра Великого. Часть 1……. 49

А.С. Лысцова
Принципы государственного управления
в проектах и бумагах вице-канцлера А.И. Остермана…… 60

И.М. Эрлихсон
Джон Шеппард и анатомия преступления в поздней публицистике Д. Дефо…..…… 72

Т.С. Сидоркина
«В тени великого имени»: первые письма Юниуса и его «жертвы»……. 86

С.А. Васильева
Уильям Иден в парламентской борьбе за изменение уголовного закона……. 99

О.И. Журба, Т.Ф. Литвинова
Гетманщина в представлениях украинской интеллектуальной элиты
второй половины XVIII – XIX в. Часть 1…… 112

Я.А. Лазарев
«С великою пользою великороссийскою»: проект первого украинского университета
в контексте интеграции украинской казацкой элиты…… 127

Л.Ю. Посохова
Искусство проповедничества: учебные практики в Киево-Могилянской Академии и
православных коллегиумах во второй половине XVIII века…… 140

Ангелина Вачева
Издание переписки В. Жамре-Дюваля с А. Соколовой
как пример пропагандистской политики Екатерины II..... 155

А.И. Попович
Диктат власти и путь к личному выбору
идея жертвы за веру в России раннего нового времени…… 168

А.Ю. Серегина
История, нумизматика и конструирование
английской католической идентичности в XVII веке……... 181

Matthew Binney
John Milton’s *A Brief History of Moscovia* (1682) and Jerome Horsey’s *Extracts* (1626)……. 193

С.Е. Федоров, А.А. Паламарчук
Лорд Кларендон и антикварное историописание……..... 200

В.В. Высокова, А.А. Дергачева
Честность как добродетель в «Серьезных размышлениях» Даниэля Дефо…… 210

А.В. Стогова
«Опубликовать наш позор ради наставления нации»: *Характер Англии* Джона Ивлина
в интеллектуальном контексте второй половины XVII века …….. 226

С.А. Белобородов
Русские “службы” Н.Г. Спафария-Милеску……..... 241

Л.С. Соболева
Гимн семейной любви и гармонии
в рукописном сборнике проповедей конца XVII века……..... 254
О.Ю. Солодянкина
Уроки жизни в мемуарной прозе князя И.М. Долгорукова……..... 271

Интеллектуальная история сегодня

А.С. Степанова
Античный концепт οἰκεῖωσις
как парадигма гуманитарного знания (от Цицерона к Я. Коменскому)……..... 285
М.А. Ведешкин
Ритор Исократ: портрет позднеантичного учителя и политика……..... 293
Е.В. Калмыкова
Джон Уиклиф – первый английский «пацифист»……..... 307
Л.П. Репина, Н.А. Селунская
“Общие вопросы” и “частные ответы”: непрочитанные страницы Джованни Леви…..... 323

Перекрестки интердисциплинарности

А.С. Усачев
События прошлого глазами русских писцов XVI века……..... 343
Т.И. Юсупова, Т.В. Чумакова
“Как нам быть с этим музеем?”:
Музей истории религии в академическом пространстве 1930-х гг……. 360
М.Ц. Арзаканян
Формирование политической системы Франции
на основе национальных исторических традиций……..... 376

Исторические этюды

А.Ю. Маркелов
Римский сенат в «Res Gestae» Августа……..... 393
М.М. Горелов
Образование в Британии на рубеже поздней Античности и раннего Средневековья..... 398
Е.Н. Кириллова
Дом в средневековом городе глазами парижского ремесленника XIII века…….. 408
Ю.И. Шишкина
«Plain living but high thinking»: конструирование пространства жизни
в поместье Уильяма Водсворта в Озерном краю…….. 416

Читая книги…

Л.В. Софронова, А.В. Хазина
“Великий переход” Брюса Кэмпбелла: модель глобального средневековья…….. 424
А.Ю. Серегина
Реформация, реформации и история религии в Европе XVI–XVII вв.……... 430
Л.П. Репина
События прошлого в дискуссиях настоящего
История и политика в Британии «эпохи перемен»……... 438
О.Е. Пучнина
Историк перед зеркалом: трансформация гуманитарного знания в XXI веке……..... 445
К.В. Игаева
Неолиберализм и общество потребления
в оптике интеллектуальной истории и cultural studies…….. 451

CONTENTS……..... 456

Диалог со временем: dialogue.time@yandex.ru

Поиск DOI
http://search.rads-doi.org/index.php/ ; http://www.doi.org/

А.Б. Соколов
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.73.73.034
А.А. Яковлев
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.73.73.035
М.А. Киселев
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.73.73.036
Д.А. Редин
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.73.73.037
А.С. Лысцова
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.73.73.038
И.М. Эрлихсон
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.73.73.039
Т.С. Сидоркина
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.73.73.001
С.А. Васильева
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.73.73.002
О.И. Журба, Т.Ф. Литвинова
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.73.73.003
Я.А. Лазарев
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.73.73.004
Л.Ю. Посохова
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.73.73.005
Ангелина Вачева
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.73.73.006
А.И. Попович
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.73.73.007
А.Ю. Серегина
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.73.73.008
Matthew Binney
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.73.73.009
С.Е. Федоров, А.А. Паламарчук
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.73.73.010
В.В. Высокова, А.А. Дергачева
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.73.73.011
А.В. Стогова
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.73.73.012

С.А. Белобородов
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.73.73.013
Л.С. Соболева
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.73.73.014
О.Ю. Солодянкина
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.73.73.015
А.С. Степанова
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.73.73.016
М.А. Ведешкин
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.73.73.017
Е.В. Калмыкова
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.73.73.018
Л.П. Репина, Н.А. Селунская
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.73.73.019
А.С. Усачев
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.73.73.020
Т.И. Юсупова, Т.В. Чумакова
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.73.73.021
М.Ц. Арзаканян
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.73.73.022
А.Ю. Маркелов
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.73.73.023
М.М. Горелов
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.73.73.024
Е.Н. Кириллова
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.73.73.025
Ю.И. Шишкина
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.73.73.026
Л.В. Софронова, А.В. Хазина
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.73.73.027
А.Ю. Серегина
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.73.73.028
Л.П. Репина
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.73.73.029
О.Е. Пучнина
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.73.73.030
К.В. Игаева
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.73.73.031

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ
73 / 2020

●

Главный редактор
Лорина Петровна РЕПИНА

Адрес редакции
119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32-А, к. 1423
Тел. (495) 938-53-91
Web-страница: http://roii.ru/about
Электронная почта: dialogue.time@yandex.ru

Дизайн обложки *И. Н. Граве*

Формат 60x90 / 16. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 30. Тираж 600. Заказ № 94996.

Отпечатано в типографии Onebook.ru
ООО «Сам Полиграфист»
Москва, Волгоградский пр., дом 42, строение 5.
Электронная почта: info@onebook.ru
Адрес в интернете: www.onebook.ru
Тел.: +7 495 545–37–10

ISSN 2073–7564

Журнал индексируется в Российском индексе научного Цитирования (РИНЦ).
Журнал включен в каталог «Роспечать» (подписной индекс 36030).
Журнал включен в базу данных SCOPUS (с 2016 г.)
Полные электронные версии статей представлены на сайте:
http://roii.ru/publications/dialogue
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия (Свидетельство ПИ № ФС 77-24798 от 29 июня 2006 г.).
Электронная версия — Эл. № ФС 77-53624.